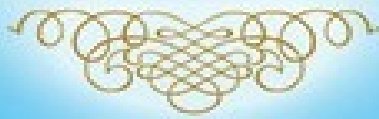

САРА ЛАРК

*Остров
надежды*

Их разделяет океан...

Annotation

Сердцу не прикажешь — Нора, восемнадцатилетняя дочь богатого торговца, полюбила секретаря отца Саймона. Ради него девушка рискнула честью, нарушила волю родителей, погубила репутацию в свете, но жертва оказалась напрасной — возлюбленный умер у нее на руках. Девушка теряет интерес к жизни, и отец убеждает ее выйти замуж за плантатора с Ямайки. Когда-то Нора мечтала побывать там с Саймоном, и девушка соглашается, хотя жених годится ей в отцы. Однако действительность оказалась не похожей на сказку. Нора увидела рабство, жестокость, насилие, познала страх, измену... и страсть. Она оказалась между двух огней — в нее влюбился чернокожий раб Аквази и... сын ее мужа Дуглас. Аквази просит жреца приворожить хозяйку. Пробудит ли он чувство в сердце Норы? Или оно уже принадлежит другому?

- [Сара Ларк](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Грезы](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Остров](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)

- [Колдовство](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
- [Предательство](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
- [Любовь](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
- [Мечь](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)

- [Послесловие](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Сара Ларк
Остров надежды

Предисловие

Сара Ларк — это псевдоним современной немецкой писательницы, о которой известно совсем немного. Родилась в 1958 году, сейчас живет в Испании, много лет проработала гидом, а значит, умеет интересно рассказывать. А что еще, собственно, нужно литератору? Если добавить сюда неумную страсть к островам (первым открытием для Сары Ларк стала Новая Зеландия, которую считают самым красивым местом на земле) и буйную фантазию, то получаются живые, полные приключений романы. Их у Сары Ларк немало, они давно уже нашли своих читателей в Европе, а теперь и мы обрели радостную возможность окунуться в созданный автором красочный мир. На этот раз — пестрый мир Ямайки.

А начинается история в сером, дождливом, грязном Лондоне в 1729 году. Нора Рид, единственная дочь богатого купца, могла бы выбрать себе в спутники жизни любого: она хороша собой, умна и предприимчива. Но сердце ее отдано обедневшему дворянину, чьей единственной перспективой является пожизненная выплата долгов непутевого папаша. Этот неравный союз обречен, однако пока влюбленные счастливы. Они вместе мечтают о Карибских островах, полных света и тепла, и хижина на берегу моря кажется Норе гораздо более желанной, чем роскошный, но холодный особняк в Англии. Лишь бы рядом был ее прекрасный, благородный Саймон.

Но судьба все кроит по-своему. Саймон умирает. Убитая горем Нора на два года запирается в комнате, полностью утратив интерес к реальности. Ее теперешняя жизнь проходит в грезах о том самом острове, где она до сих пор лежит в объятиях любимого, а счастье обещает быть вечным. Окружающие в тревоге: молодая привлекательная женщина будто хоронит себя заживо. Но однажды в дом Ридов постучится Элиас Фортнэм, бывший пират, а ныне успешный плантатор... с Ямайки.

«Остров надежды» — книга для тех, кто любит исторические мелодрамы с приключениями и этническими изюминками. Здесь вы найдете и романтическую любовь, и запретные страсти, и любопытные факты из истории рабовладения.

В тени пышной карибской растительности, изобилующей экзотическими названиями и бесподобными ароматами, черный раб теряет голову от страсти к белой госпоже и прибегает к помощи колдуна-обеа, чтобы добиться взаимности.

В дом отца после учебы в Оксфорде и многолетних странствий возвращается сын Элиаса Дуглас. Их взгляды на ведение хозяйства расходятся: один исходит из того, что рабы — это животные, другой пытается внедрить противоположный подход. Сверкают молнии непонимания.

А где-то там, высоко в горах, ждут своего часа загадочные мароны. Они ненавидят белых господ и презирают черных рабов. Ими правит непобедимая Грэнни Нэнни, о которой ходят легенды. Вот только чего они хотят на самом деле, и чем закончится напряженное противостояние героев с теми, кто невидим?..

Страницы этой необычной книги словно пропитаны запахом каскариллы, и при желании за ними можно увидеть очертания синего дерева и услышать странные тревожные крики тропических птиц. И тогда захочется глотнуть ямайского рома, купить пряного тростникового сахара или послушать Боба Марли.

Грезы

ЛОНДОН

Позднее лето — осень 1729 года

Глава 1

— Что за погода!

Выходя из дома своего отца, Нора Рид содрогнулась и заторопилась к ожидавшей ее карете. Старый кучер улыбнулся, глядя, как в своих шелковых туфлях на высоких каблуках она легко перепрыгивает лужи, чтобы не испачкать наряд. При этом пышное платье с кринолином обнажило ее щиколотки и голени больше, чем позволяли приличия, однако Нора не стеснялась Пепперса. Он уже много лет был на службе ее семьи и знал ее с младенчества, с тех пор, как однажды отвез на крещение.

— И куда же мы поедем?

Кучер, улыбаясь, открыл перед Норой дверцу высокой, покрытой черным лаком кареты. Она была украшена своего рода гербом: искусно вписанными друг в друга инициалами «Т» и «Р». Томас Рид. Так звали отца Нору.

Она быстро забралась в уютное местечко и сразу же сбросила капюшон своего широкого пальто. Этим утром горничная вплела в ее золотисто-каштановые волосы темно-зеленые ленты — они очень шли к открытому спереди пальто изумрудного цвета. Широкой косе, спадающей на спину, дождь, к счастью, не повредил. Нора не имела обыкновения пудрить волосы, как это предписывала мода. Она предпочитала естественный цвет и радовалась, когда Саймон сравнивал ее локоны с жидким янтарем. Молодая женщина мечтательно усмехнулась при мысли о своем любимом. Может быть, ей все-таки надо было заглянуть в контору отца, прежде чем отправляться в гости к леди Вентворт?

— Сначала вниз к Темзе, пожалуйста. — Ее приказ прозвучал довольно робко. — Я хочу к Вентвортам... Вы же знаете этот большой дом в деловом квартале.

Лорд Вентворт предпочел поселиться в том районе, где вдоль Темзы расположились конторы и торговые дома. Контакт с купцами и импортерами сахара для него явно был намного важнее, чем резиденция в одном из более аристократических жилых кварталов.

Пепперс кивнул.

— Не желаете ли вы заехать к отцу? — осведомился он.

Старый слуга достаточно хорошо знал Нору, чтобы уметь читать ее мысли по лицу. За последние недели она довольно часто просила отвезти ее вниз к реке, к конторе Рида, что обращало на себя внимание, особенно

учитывая то, что это был все-таки немалый крюк. И при этом она не очень-то настаивала на том, чтобы увидеть отца, скорее всего, она стремилась увидеть Саймона Гринборо, самого младшего из его секретарей. Пепперс подозревал, что девушка встречается с молодым человеком, когда ходит на прогулки или в гости, но он и не думал вмешиваться. Без сомнения, его хозяину не понравилось бы, если бы Нора обменивалась любезностями с одним из его служащих. Однако Пепперс любил свою юную хозяйку — Нора с детства умела расположить к себе слуг своего отца — и посему благосклонно позволял ей грезить о молодом темноволосом писаре. До сих пор у Норы не было серьезных секретов от отца. Томас Рид практически в одиночку вырастил ее после безвременной смерти матери, и у них были открытые, сердечные взаимоотношения. Пепперс не думал, что Нора станет рисковать ими из-за любовной интрижки.

— Посмотрим, — сказала Нора, и ее худощавое выразительное лицо сделалось похожим на мордашку упрямого мальчишки. — В любом случае не повредит, если мы заглянем туда. Впрочем, давайте просто поедem на прогулку.

Пепперс кивнул, закрыл за ней дверь и уселся на козлы. При этом он недовольно покачал головой. Погода явно оставалась равнодушной к юной любви Норы. Дождь лил как из ведра, и вода потоками неслась по улицам города, увлекая за собой грязь и мусор. Ливень и уличная грязь смешались в зловонную жижу, плескавшуюся под колесами кареты, и нередко в спицы попадали снесенные ураганным ветром доски, сорванные с домов вывески магазинов и даже трупы животных.

Пепперс ехал медленно, чтобы не рисковать и не спровоцировать несчастный случай, а также из уважения к посыльным и прохожим, которые, несмотря на непогоду, передвигались по улицам пешком. Они старались уберечься от брызгавшей во все стороны воды, когда мимо проезжала карета, однако далеко не всегда удавалось увернуться от коварного вонючего душа. Собственно говоря, Пепперсу даже не приходилось придерживать своих лошадей. Они с неохотой двигались вперед, и казалось, им тоже хочется спрятаться от дождя, так же, как и худощавому молодому человеку, очевидно, посыльному, который только что вышел из дверей конторы Томаса Рида. Пепперсу стало жаль бедного малого, но его внимание отвлекла Нора, которая громко постучала в окошко, отделявшее карету от козел.

— Пепперс! Остановитесь же, Пепперс! Это же...

Саймон Гринборо надеялся, что погода станет лучше. Однако,

вынырнув из полумрака конторы на улицу и увидев лошадей, запряженных в закрытые кареты, с которых потоком стекала вода, понял, что ошибался. Саймон попытался поднять воротник своего поношенного пальто как можно выше, чтобы защитить кружева на последней приличной рубашке. Обычно он каждый вечер сам приводил рубашку в порядок, чтобы хоть как-то сохранить ее форму. Однако сейчас он мгновенно промок насквозь, также как и его скудно припудренная прическа. Вода стекала с короткой косички, в которую он собрал свои густые темные волосы. Саймон пожалел, что у него нет головного убора, но пока ему приходилось отказываться от него, потому что парень не знал, что теперь приличествует его новому статусу писаря. Точно не треуголка молодого дворянина, даже если бы состояние его единственной шляпы позволяло показаться в ней на людях. И не пышный парик, который носил его отец и который судебный исполнитель...

Саймон попытался больше не думать об этом. Он закашлялся, когда вода побежала у него по спине. Если ему не удастся немедленно выбраться из-под ливня, то его пальто и брюки до колен полностью вымокнут. Старые туфли с пряжками уже сейчас не выдерживали влаги, на каждом шагу издавая хлюпающие звуки. Саймон попытался идти быстрее. В конце концов, до Темз-стрит было всего несколько кварталов, и, может быть, ему придется подождать ответа на письмо, которое он вызвался отнести. А там дождь, глядишь, прекратится или хотя бы ослабнет.

Саймон увидел появившуюся сзади карету только тогда, когда услышал высокий голос Норы.

— Саймон, ради Бога, что ты здесь делаешь? Ты же можешь простудиться до смерти! Что это моему отцу взбрело в голову заставлять тебя играть роль мальчишка-посыльного?!

Кучер остановил шикарную карету рядом с Саймоном, без сомнения, по указанию Норы. Однако молодая женщина не стала ждать, когда Пепперс слезет с козел, чтобы открыть перед ней дверцу. Вместо этого она резко толкнула дверь изнутри и требовательно хлопнула ладонью по сиденью рядом с собой.

— Садись, Саймон, побыстрее! А то ветер надует дождя на обивку сиденья!

Тот нерешительно заглянул внутрь кареты, да и кучер несколько озадаченно поглядывал на молодого человека, который стоял на краю дороги, мокрый, как уличная кошка. В конце концов, Пепперс взял слово.

— Вашему отцу это определенно не понравилось бы...

— Вашему отцу это определенно не понравилось бы, мисс Рид...

Саймон и кучер произнесли эти слова почти одновременно и смущенно посмотрели друг на друга, однако Нора своим звонким смехом прервала их.

— Ну, будь же благоразумным, Саймон, независимо от того, куда ты направляешься, моему отцу тем более не понравится, если его посыльный придет куда бы то ни было в таком виде, словно только что переплыл Темзу. А Пепперс нас не выдаст, правда, Пепперс?

Нора заговорщицки улыбнулась своему кучеру. Пепперс вздохнул и широко открыл дверцу кареты перед гостем.

— Пожалуйста, мистер... э... милорд... — Все существо Пепперса будто противилось тому, чтобы обращаться к этому несчастному как к дворянину.

Саймон Гринборо пожал плечами.

— Можно и «мистер». Место в палате лордов все равно уже продано, так что теперь все равно, как я буду себя называть — лордом или виконтом.

Это прозвучало горько, и Саймон мысленно укорил себя за то, что открыл слуге свою семейную тайну. Однако тот, наверное, и так слишком многое знал о нем. Нора считала слуг в своем доме в Мэйфере почти членами семьи. Кто знает, что она уже рассказала своим горничным и служанкам?

Саймон вздохнул, залез в карету и сел рядом с Норой. Он снова закашлялся: эта погода отражалась на его легких. Нора посмотрела на молодого человека и с укором, и с сочувствием. Недолго думая, она взяла свой платок и насухо вытерла его волосы. Естественно, на шерсти остались следы пудры. Нора посмотрела на них и покачала головой.

— Зачем ты вечно посыпаешь волосы этой штукой? — возмутилась она. — Что за дурацкая мода! У тебя ведь такие красивые темные волосы, зачем же ты красишь их в белый цвет, как у старика! Слава Богу, что тебе в голову не пришло надевать на голову такой парик...

Саймон улыбнулся. Он не мог позволить себе купить хоть какой-нибудь парик, однако Нора упорно отказывалась замечать его бедность. Так же упорно и последовательно она игнорировала все остальные различия между ее собственным положением и положением Саймона. Ей было все равно, что он дворянин, а она происходит из буржуазной семьи, что его род полностью обеднел, а ее отец принадлежит к числу самых богатых купцов империи. Ей было плевать, живет ли он в замке или служит в конторе ее отца в качестве писаря с низким жалованьем.

Нора Рид любила Саймона Гринборо и не допускала никаких сомнений, что эта любовь когда-нибудь принесет свои плоды. Экипаж

громыхал по мокрой булыжной мостовой Лондона, а она доверчиво прижалась к его плечу.

Саймон же бросил нервный взгляд в направлении кучера, прежде чем улыбнуться, обнять ее и поцеловать. В этот дождливый день Нора, естественно, решила ехать в закрытой карете. Окошко, позволявшее ей разговаривать с Пепперсом, было маленьким, и, кроме того, его забрызгал дождь. Кучер не мог видеть, что происходит внутри. Нора ответила на поцелуй Саймона без всякого стеснения. Она вся сияла, когда оторвалась от него.

— Я так скучала по тебе, — прошептала она и снова прижалась к нему, не обращая внимания на то, что ее одежда: тоже стала влажной, а кружева на платье помялись. — Сколько времени уже прошло?

— Два дня, — сразу же ответил Саймон и нежно погладил ее волосы и виски. Он не мог налюбоваться этими красивыми чертами лица, этой улыбкой юной нежной женщины. Дни разлуки были одинаково мрачными и безутешными, как для нее, так и для него. Нора и ее отец провели выходные дни в деревенском поместье общих друзей, но и там тоже все время шел дождь. Поэтому влюбленные все равно не могли бы тайно встретиться. Вообще, столь неравной паре было очень непросто найти место, где можно хотя бы поговорить друг с другом, не говоря уже об обмене нежностями. Когда погода позволяла, они встречались в парке Святого Джеймса, хотя это было небезопасно. На оживленных улицах их могли увидеть друзья и знакомые Норы, в то время как в уединенных нишах густых зарослей зачастую ожидали темные личности... А теперь вот наступила осень.

— Мы должны обязательно поговорить с отцом, — заявила Нора, у которой в голове, очевидно, бродили такие же мысли. — С прогулками в парке больше ничего не получится: погода становится все хуже и хуже. Отец должен разрешить тебе ухаживать за мной совершенно открыто! Хотя бы потому, что я хочу показать тебя людям. Моего прекрасного лорда...

Она улыбнулась Саймону с видом мальчишки-шалуна, и он, как это часто бывало, совершенно потерялся при виде ее красивого лица и утонул в зеленых глазах, в которых, казалось, мерцал целый калейдоскоп светлых и темных огоньков, когда Нора была взволнована. Он любил ее золотистые волосы, особенно когда она украшала их цветами. Цветами апельсина... Ни Саймон, ни Нора никогда не видели апельсинового дерева, но знали цветы по рисункам и мечтали о том, что однажды вместе будут собирать их.

— Твой отец никогда этого не позволит, — пессимистично заключил Саймон и притянул Нору к себе. Было так чудесно чувствовать ее рядом и

представлять, что это его собственная карета, в которой он везет свою любимую домой, в поместье, освещенное солнцем...

— А куда мы, собственно, едем?

Краткий вопрос Пепперса заставил влюбленных отодвинуться друг от друга, хотя вряд ли тот увидел слишком много. Он повернулся к своим пассажирам лишь вполоборота, да и движение на улицах Лондона, тем более в такое время, отвлекало его внимание.

— На... на Темз-стрит, — ответил Саймон. — К конторе мистера Раундботтома!

Нора весело улыбнулась кучеру и подмигнула Саймону.

— Ах, да мы же практически проезжаем мимо! — обрадовалась она. — Я собиралась к леди Вентворт, чтобы вернуть ей книгу. — Она вытащила из кружевной сумочки маленькую, красиво переплетенную книгу и показала ее любимому.

«Барбадос». Морщинка, которая появлялась на лбу Саймона, когда он был чем-то озабочен, разгладилась.

— Я бы тоже хотел почитать ее.

Нора кивнула.

— Знаю, но я должна отдать ее, потому что завтра Вентворты уезжают на Виргинские острова. У них там плантация, ты же знаешь. Они были здесь лишь для того, чтобы...

Саймон, однако, уже не слушал ее. Он листал книгу.

Зачем Вентворты приезжали в Англию, он мог себе представить. Наверное, они оставили свои карибские владения лишь для того, чтобы купить место в парламенте или закрепить за собой то, которое уже принадлежало их семье. Владельцы плантаций сахарного тростника на Ямайке, Барбадосе и других островах в Карибском море ревниво следили за ценообразованием на их продукты и контролировали запрет на ввоз сахара из других стран. С этой целью они укрепляли свою власть посредством покупки мест в Палате лордов, которые предлагали им обедневшие дворяне, такие, как семейство Саймона. Насколько было известно последнему, место графа Гринборо сейчас занял член семьи Кодрингтонов, которому принадлежала большая часть маленького острова Барбуда в Карибском море.

Однако Нора тоже недолго занимала себя историями о Вентвортах. Она снова заглянула в книгу, которую прочла уже несколько раз.

— Разве это не прекрасно? — прокомментировала она один из рисунков.

Саймон как раз открыл страницу, на которой помимо текста

красовалась иллюстрация, изображавшая побережье Барбадоса. Пальмы, песчаный пляж, который, казалось, сразу переходил в густые джунгли... Нора поспешно нагнулась над рисунком и при этом приблизилась к Саймону настолько, что он почувствовал аромат ее волос. Это была не пудра из талька, а розовая вода.

— А вот тут могла бы стоять наша хижина! — мечтательно протянула она и указала на нечто вроде просеки. — Хижина, укрытая пальмовыми ветвями...

Саймон улыбнулся.

— А вот что касается этого, то тебе однажды придется принимать решение, — усмехнулся он. — Хочется ли тебе жить в хижине бок о бок с туземцами или руководить торговым домом своего отца.

Нора и Саймон сходились во мнении, что Англия вообще и Лондон в частности не являются теми местами, где они хотели бы провести всю свою жизнь. Нора проглотила всю литературу о колониях, которую только могла раздобыть, а Саймон, сидя над письмами, которые писал для ее отца, мечтал о теплых островах. Томас Рид импортировал сахарный тростник, табак и хлопок со всех земель, которые в последние годы присоединила к себе Британская Империя. Он поддерживал оживленные контакты с тамошними плантаторами, и у Норы уже был собственный план для осуществления своих желаний. Ладно, в Англии для нее и Саймона, очевидно, будущего не было. Но если бы они открыли филиал торгового дома Рида в колониях... В настоящее время Барбадос был страной ее мечты. Хотя она готова была жить где угодно, лишь бы там каждый день сияло солнце.

— Ну, вот мы и приехали. Мисс Нора, сэр...

Пепперс остановил карету и собрался открыть дверь для Саймона.

— Дом сорок восемь, Темз-стрит.

У входа гордо сияла золотая табличка, оповещающая всех, что это контора мистера Раундботтома. Саймон с сожалением закрыл книгу и вылез наружу, под дождь.

— Спасибо за то, что доставили меня на место, мисс Рид, — вежливо попрощался он с Норой. — Надеюсь вскоре снова увидеть вас.

— Я полностью разделяю вашу радость, виконт Гринборо, — также вежливо ответила Нора. — Однако, будьте так добры, подождите в конторе, пока не прекратится дождь. Я не хочу, чтобы вы простудились на обратном пути.

Пепперс многозначительно закатил глаза. До сих пор он расценивал влюбленность Норы скорее как нечто забавное, нежели вызывающее

озабоченность, однако если так будет продолжаться дальше, то его маленькая хозяйка может впутаться в историю, которая вряд ли закончится добром. Томас Рид никогда не даст своей дочери согласия обручиться со своим писарем, независимо от того, носил он когда-то дворянский титул или носит его до сих пор.

Саймона тоже мучили подобные мысли, пока он ожидал ответного письма. Дождь стих, однако одежда молодого человека давно промокла, и в коридоре, где мистер Раундботтом приказал ему подождать, гуляли сквозняки и было довольно холодно. Саймон промерз до костей — упорная простуда, которую он подхватил весной в своей маленькой, кишасей насекомыми комнате, снятой в районе Ист-Энд, будет еще долго мучить его. Какое унижение для младшего отпрыска семейства Гринборо! И, естественно, это совсем не приличествует служащему уважаемой конторы.

Томас Рид платил своим писарям не слишком много, но эксплуататором тоже не был. В обычном случае заработка Саймона хватило бы на то, чтобы снять чистую маленькую квартиру, а секретари постарше даже содержали на свое жалованье семью — скромно, но приемлемо. Однако Саймон не тешил себя надеждой, что когда-нибудь ему удастся завести семью. Если не случится чудо, он всю свою жизнь будет работать на то, чтобы оплатить долги, которые накопил его отец, и это невзирая на то, что пришлось продать все ценные вещи, принадлежавшие их семье.

Для матери Саймона, его сестры и для него самого это падение в пропасть нищеты случилось совершенно неожиданно. Разумеется, семья знала, что финансовые дела у лорда Гринборо обстоят не слишком хорошо. Продажа места в парламенте назревала уже давно, причем Саймон про себя пришел к выводу, что данное обстоятельство пойдет Палате лордов на пользу. Его отец, занимая свое место, появлялся там лишь изредка, и то, как поговаривали, уже был не в состоянии следить за дебатами, так же, как дома — за тирадами своей жены, которая не уставала упрекать его в пьянстве и растратах. Джон Питер Гринборо чаще бывал пьян, нежели трезв, однако его семья не имела ни малейшего понятия о том, что он, помимо всего прочего, пытался привести в порядок свои пошатнувшиеся финансы за игорным столом.

Когда он, в конце концов, умер — официально в результате падения с лошади на охоте, но на самом деле по причине того, что был слишком пьян, чтобы ехать на лошади даже шагом, — многочисленные кредиторы тут же заявили о своих претензиях. Леди Гринборо продала место в парламенте и тем самым лишила титула своего сына. Кроме того, она потеряла землю,

рассталась со своими украшениями и фамильным серебром, заложила свой дом, а позже, в конце концов, была вынуждена продать и его. Из жалости Ко-дрингтоны оставили семье Гринборо коттедж на краю деревни, которая до сих пор носила их имя. Но там зарабатывать деньги Саймон не мог. Между тем к долгам отца прибавилась еще и стоимость приданого, которое нужно было собирать для сестры, — слава Богу, хоть и с трудом, но ее удалось выдать замуж более или менее соответственно их сословию. Зато будущее Саймона было разрушено. В самые тяжелые часы он спрашивал себя, должен ли рассматривать любовь Норы, этой красивой и... богатой молодой женщины как счастье или же, наоборот, это серьезное испытание.

Сама Нора Рид была убеждена, что осуществление ее мечты — всего лишь вопрос времени. Но ее надежду на то, что Томас Рид встретит Саймона как дорогого зятя, с распростертыми объятиями, последний не разделял. Наоборот, купец, скорее всего, выгонит его из дому, как охотника за приданым. При этом Саймон был готов упорно работать над осуществлением своей мечты. Он был серьезным молодым человеком, всегда мечтал заполучить хорошую должность в солидной компании на территории какой-нибудь из колоний и старался как можно лучше подготовиться к этому. Саймон не был искусным наездником, охотником или фехтовальщиком — для подобных развлечений дворянского сословия он не проявлял особых талантов, да и любви к ним не питал, не говоря уже о финансовой стороне вопроса. Однако он был умным и высокообразованным. Саймон говорил на нескольких языках, отличался обязательностью, вежливостью и, в отличие от большинства пэров, хорошо обращался с цифрами. Он вполне мог представить себя в роли агента какого-либо торгового дома, например, дома Томаса Рида, где-нибудь за океаном. Саймон был готов работать очень упорно и не боялся никаких трудностей. Лишь бы ему дали шанс! Однако воспримет ли Томас Рид его любовь к Норе правильно? Более вероятно, что он заподозрит Саймона в желании использовать его дочь в качестве трамплина для своей карьеры.

Как бы там ни было, Саймон сильно сомневался в том, что будет правильным открыться Томасу Риду в ближайшее время. В любом случае стоит подождать, пока он сам завоюет внимание Рида и поднимется на более высокую должность. Норе было всего семнадцать лет, и до сих пор ее отец не выказывал желания выдать ее замуж. У Саймона оставалось еще пару лет, в течение которых надо утвердиться настолько, чтобы его можно было рассматривать в качестве зятя купца.

Если бы он только знал, как все это уладить!

Глава 2

— А что еще можно там делать, кроме как сажать сахарный тростник или табак? — осведомилась Нора.

Она сидела в изящном кресле в гостиной леди Вентворт, жеманно держа ручку чайной чашки между большим и указательным пальцами. С тех пор как королева Анна несколько десятилетий назад представила обществу этот горячий напиток, его стали подавать во всех лучших салонах Англии. Как обыкновенно делало большинство дам, Нора щедро сдобрила чай сахаром — к вящему удовольствию хозяйки, которая в каждой чашечке сладкого чая усматривала вклад в укрепление своего благосостояния.

— Однако табак не особенно оправдал себя, — терпеливо ответствовала леди Вентворт.

Многочисленные вопросы молодой дочери купца забавляли ее. Нора Рид, казалось, была исполнена решимости, видя свое будущее только в колониях. Леди Вентворт сожалела, что ее сыновьям было всего лишь восемь и десять лет. Маленькая Рид была бы прекрасной партией, а то, что она не дворянка, леди вряд ли волновало. В конце концов, ее собственный муж тоже купил дворянский титул. Уже давным-давно не нужно было жениться или проходить сложную процедуру посвящения королем в рыцари, чтобы обрести принадлежность к пэрам Англии. При этом последнее было доступно даже сахарным баронам. За соответствующую плату — подарки, поддержку флота или другую благотворительную деятельность в пользу короны — король признавал, насколько старательно там, на другом конце земли, люди заботились о благосостоянии королевства.

— В табачных делах Виргиния и другие колонии в Новом Свете стараются добиться лучшего качества. Однако сахарный тростник нигде не растет так хорошо, как на наших островах. При этом, конечно, возникают и определенные расходы...

Леди Вентворт вовремя спохватилась — ведь перед ней сидит дочь купца. Если она будет восторженно распространяться о том, как легко выращивать сахарный тростник на Ямайке, Барбадосе и Виргинских островах, то отец Норы, вероятно, постарается занижить цены.

— Одни рабы чего стоят!

— Но мы, собственно, не хотели бы держать рабов, — заметила Нора тихо, но вполне откровенно.

Об этом она тоже говорила с Саймоном, и он полностью поддержал ее.
— Это... это не по-христиански.

Леди Вентворт, решительная женщина тридцати с небольшим лет, чья дородная фигура, казалось, вот-вот разорвет корсет и платье, засмеялась.

— Ах, дитя мое, — парировала она, — вы же не имеете ни малейшего понятия об этом. Церковь же, к счастью, преподносит все это совершенно реалистично: если бы Бог не хотел, чтобы черные работали на нас, он бы не создал их. И если вы хотя бы раз побываете по ту сторону океана, мисс Рид, вы это тоже признаете. Климат там не приспособлен для белых людей: слишком жарко, слишком влажно. Никто не может там долго работать. А вот негры — наоборот, для них это нормально. Мы обращаемся с ними хорошо. У них есть еда, мы даем им одежду, они...

Леди Вентворт прервалась на полуслове. Казалось, ей больше нечем продолжить этот небогатый список.

— Священник даже читает им Евангелие! — в конце концов, воскликнула она с триумфальным видом, как будто ради одного этого стоило тяжко трудиться на протяжении целой жизни.

— Пусть даже они не всегда умеют это оценить. Там царят такие ритуалы, деточка, — это ужасно! Когда они заклинают своих старых богов... Без сомнения, Богу угодно, чтобы мы их ограничивали. Но давайте поговорим о более приятных вещах, мисс Рид.

Леди потянулась за пирожным.

— Может быть, у вас уже есть конкретный план выйти за кого-нибудь замуж на наших чудесных островах? И что говорит ваш отец о ваших планах переселиться туда?

На эту тему Нора говорить не хотела и вместо этого еще раз попыталась разузнать об альтернативах.

— А как обстоят дела с купцами на островах? — спросила она. — Скажите, нет ли... хм... Посредников или кого-то подобного, которые...

Леди Вентворт отрицательно махнула рукой.

— Не в таком количестве, которое заслуживало бы упоминания, дитя мое. Пара капитанов занимаются импортом, скорее всего, на свой страх и риск, но обычно мы торгуем с родиной напрямую.

Это, в принципе, не представляло никаких трудностей, поскольку большинство плантаторов имели один или даже несколько домов в Англии. Вентвортам, например, принадлежал не только этот изысканный городской дом, но еще и загородное поместье в Эссексе. В больших семьях практически всегда один из мужчин жил в Англии и мог вести переговоры с купцами. Если картель, конечно, сразу же не добивался договоренностей

о ценах, обязательных для всех.

Нора прикусила губу. Леди была права: торговля сахарным тростником не нуждалась в торговых домах на Ямайке или Барбадосе.

— Естественно, пара купцов имеется, — немного погодя добавила леди Вентворт, — в особенности на больших островах, в городах. Ведь самые важные товары завозят обычно с родины... — Короткими жестами она указала на ценную мебель своего дома, которая определенно ни в чем не уступала мебелировке ее дома на плантации, на картины на стенах и, не в последнюю очередь, на пышное домашнее платье, объемные рюши которого свешивались на подлокотники ее кресла. — Но, естественно, и на островах есть портные, пекари, лавочники... — По выражению лица леди Вентворт было видно, что она весьма невысокого мнения о данном слое населения. — Конечно, их деятельность невозможно сравнить со значительностью такого торгового дома, как дом вашего отца.

Нора подавила вздох. Плохие перспективы для нее и Саймона, в особенности учитывая то, что ее любимый совершенно не годился на роль пекаря, закройщика или хитрого владельца какой-нибудь лавки. Что касается самой Норы, то она вполне могла себе представить, что при необходимости встанет за прилавок и будет болтать с женщинами в Кингстоне или Бриджтауне, показывая им свои товары. Но робкий воспитанный Саймон... Услышав первую по-настоящему сочную сплетню, он тут же смущенно удалится восвояси.

Саймон, запыхавшись, вошел в старую контору Томаса Рида на северном берегу Темзы. Контора сия была довольно мрачной, особенно помещения для писарей и секретарей — маленькие, с едва освещенными письменными столами. В таких условиях пожилым служащим зачастую было весьма непросто разбираться в цифрах. Однако личный кабинет Томаса Рида с удобными креслами для посетителей и клиентов украшали высокие окна, открывающие вид на реку. И в этот день, казалось, Рид тоже кого-то принимал. Когда, стоя в коридоре перед кабинетом, Саймон с трудом стягивал с себя пальто, он услышал раскатистый голос купца и другой голос, не менее громкий, с шотландским акцентом.

— Боже, Рид, только не надо внушать мне моральные сомнения! У нас дела обстоят еще терпимо — на других островах законы намного строже. Датчане разрешают живьем сжигать строптивых негров! Такая жестокость, естественно, не приличествует честным британцам, однако дисциплина быть должна. Тогда на Барбадосе можно выжить даже в качестве раба. — Говоривший засмеялся. — Я это точно знаю. В конце концов, я сам был

одним из них.

Саймон наморщил лоб. Это звучало интересно. О белых рабах на островах он никогда не слышал. А посетителя он уже узнал по гербу, который украшал выставленную в коридор сумку. Ангус Мак-Эрроу — с недавних пор даже лорд Феннилох. Саймон вспомнил, что Томас Рид выступил посредником при покупке им места в парламенте. Теперь, видимо, шотландец, который называл плантацию в Барбадосе своей собственностью, нанес ответный визит. Из сумки торчала пара бутылок самого лучшего темного рома, а по голосам мужчин можно было понять, что еще одну из них они уже открыли.

— Я могу туда зайти? — нервно спросил Саймон одного из старших служащих в бюро. В конце концов, ему нужно было отдать хозяину письмо.

Мужчина великодушно кивнул ему.

— Судя по тону их разговора, не похоже, что они обмениваются какими-то секретами.

Саймон осторожно постучал в дверь, чего, очевидно, не услышали ни его работодатель, ни гость, потому что в это время Рид как раз громогласно расхохотался.

— Вы, Мак-Эрроу? Раб на плантациях сахарного тростника? Среди толпы черных парней? — В голосе его звучало недоверие.

— Я же вам говорю!

Саймон услышал хрустальный звон. Судя по всему, они снова налили себе рома.

— Тогда, конечно, это называлось не так. Тогда чаще говорили о наемных рабочих на плантациях. И среди негров мы тоже не жили. Их завезли позже. Но речь шла об одном и том же: я вкалывал целых пять лет, горбатился на одного из первых плантаторов и, в конце концов, получил за это кусок земли. Тогда многие так делали, пока на острова не завезли множество чернокожих. Поверьте мне, некоторые из сегодняшних сахарных баронов начинали в качестве бедных рабочих. Только большинство в этом никогда не признается, не говоря уже об их потомках. Впрочем, многие из этих белых рабов не доживали до старости. Времена принудительной работы были тяжелыми, а потом приходилось вкалывать и на своих плантациях. Так что, пока рос сахарный тростник, и выросли дети... В общем, для них все закончилось быстро. Они в прямом смысле слова загнали себя работой в гроб. Зато их внуки теперь живут, как короли!

— Это интересно, — сказал Рид. — Я даже не знал. Один момент, извините. Войдите!

Третья попытка Саймона достучаться была, наконец, услышана. Молодой человек робко проскользнул в комнату и поклонился Томасу Риду и Ангусу Мак-Эрроу.

— Милорд... — смущенно начал он.

На широком красном лице Мак-Эрроу засияла улыбка.

— Добрый день, молодой человек! Саймон Грин... Как там вас? Это вы готовили мою вступительную речь при дворе? Правильно? Удачно, очень удачно, молодой человек! Пожалуйста, проходите, присаживайтесь к нам, выпейте с нами глоток, похоже, он вам не помешает. Что вы делали? Занимались плаванием? — И он захохотал над своей собственной шуткой.

Волосы Саймона все еще были влажными, а тщательно выглаженные утром рюши рубашки свисали как попало и представляли собой довольно жалкую картину.

— Вы были у Раундботтома, Саймон, не так ли? — вспомнил мистер Рид о своем поручении. — Но, Боже мой, вы что, по этой погоде бегали туда? Молодой человек, ведь вы же могли нанять карету!

Томас Рид, большой, тяжелый человек, имеющий при этом удивительно тонкие черты лица, окинул своего молодого секретаря сочувствующим и одновременно пренебрежительным взглядом. Порой Саймон казался ему каким-то нежизнеспособным — очень хорошо воспитанный, прекрасный писарь и бухгалтер, это да. Ну а в остальном... С его-то аккуратностью, он что, не мог купить себе новую одежду? А во время дождя нанять карету? Это выглядело так, словно Рид был не в состоянии обеспечить своим людям достойное жалованье!

Саймон потупился под недовольным взглядом зеленых глаз Рида. Они были такими же настороженными, как и глаза его дочери Норы, но скорее испытующими, чем нежными, а морщинок от смеха вокруг них не было вовсе. У Норы, конечно, позже такие морщинки появятся...

Саймон задумчиво улыбнулся, представив себе, как интересно будет наблюдать за ее старением. Когда-нибудь в ее золотистойянтарные волосы прокрадутся белые ниточки, такие же, как в пышном чубе ее отца. А Саймон будет подшучивать над ней, мол, ей теперь не нужно пудрить свои волосы, и, тем не менее, он всегда будет ее любить.

— Что вы так уставились, Саймон? Вы ведь принесли ответное письмо мистера Раундботтома или нет? Чего вы еще ждете?

Томас Рид требовательно протянул руку.

— Выпейте сначала глоточек! — ободряюще сказал Мак-Эрроу и действительно, к ужасу Саймона, протянул ему стакан, наполненный дурманяще пахучей жидкостью янтарного цвета. Ром из Барбадоса — без

сомнения, прекрасного качества.

Однако Саймон не мог, как равный, пить вместе с Томасом Ридом! К тому же в рабочее время. Он помедлил и сначала вытащил письмо купца Раундботтома. Он прятал его во внутреннем кармане пальто, чтобы таким образом уберечь от дождя.

— Ну, сделайте же нам одолжение!

Томас Рид взял письмо и решил его дилемму легким кивком головы в направлении Мак-Эрроу и стакана, который тот протягивал Саймону. Разумеется, писарей не полагалось угощать роскошными напитками, но Томас не хотел сердить шотландца. Саймон сделал маленький глоток и почувствовал, как крепкий сладковатый напиток согрел его горло, а затем приятное тепло распространилось по всему телу. В отличие от обычного рома, этот оказался ароматным, очень мягким и приятным на вкус.

— Пронимает почти как бренди, не так ли? — спросил Мак-Эрроу, ожидая аплодисментов. — С моей плантации. Специальный метод перегонки, мы...

— Вы лучше сначала расскажите о вашем необычном способе приобретения земли, Мак-Эрроу, — перебил его Рид к радости Саймона, который посчитал тему белого рабства намного интереснее вопросов изготовления рома. — Что, и сегодня так тоже делается? Ну, я имею в виду вот это?

— Рабство за плату? — спросил Мак-Эрроу и снова взял в руку свой стакан. — Ну, там особо рассказывать нечего. Чаще всего все происходило очень пристойно, плантаторы ведь были неплохими ребятами. Конечно, они прибирали к рукам все, что могли заполучить. Эти пять лет на плантации были тяжелыми, причем мне еще повезло — через три года завезли первых негров, и мне впоследствии разрешили обучать их и присматривать за ними. Это было намного легче. И с хозяином мне тоже повезло — он уступил мне хороший участок и еще двух рабов, и потом мне удалось продать свой урожай вместе с его сбором. Разумеется, так было только поначалу — сейчас у меня уже больше земли, чем у него или, скорее, у его сыновей. К сожалению, от них мало толку, поэтому сейчас мне самому пришлось купить место в парламенте. Молодые Дрюсы доведут дело жизни своего отца до банкротства...

— И такое существует до сих пор?

У Саймона чуть не вырвался тот же вопрос, который только что задал Рид, но он вовремя прикусил язык. Собственно говоря, ему не полагалось даже присутствовать при такой доверительной беседе торговых партнеров, не говоря уже о том, чтобы участвовать в ней на равных. Однако, когда

Мак-Эрроу заговорил, писарь слушал с таким же интересом, как и Рид.

— Сегодня такого почти нет, — сказал он, — хотя бы потому, что никто уже не заинтересован в том, чтобы возникало все больше и больше плантаций. Если предложение будет слишком большим, то цены упадут. Извините, мистер Рид, но мы, плантаторы, естественно, хотели бы это предотвратить. В отдельных случаях еще бывает слышно о таких наемных рабочих, но тогда хозяева, конечно, ожидают, что человек возьмет на себя обязательство работать как минимум семь лет. Под конец они зачастую просто обманывают рабочих. Нет, нет, все решилось, когда появились негры. Причем мы как раз говорили на эту тему — им у нас не так уж и плохо, они работают не больше, чем мы в свое время.

«Однако они работают всю жизнь, и у них нет никаких гарантий, что, в конце концов, они хоть что-то получают в собственность», — подумал Саймон и прикусил губы. У него был срочный вопрос, рвавшийся наружу, но Рид уже кратко набросал ответное письмо и протянул его помощнику. Явный намек уходить. Письмо надо было подшить и составить соответствующий договор, обещанный в его тексте.

Саймон поблагодарил Мак-Эрроу за ром и покинул помещение, чтобы занять свое место за письменным столом в соседней комнате. Однако он прислушивался к голосам в кабинете Рида и выскользнул в коридор, когда шотландец, наконец, попрощался с хозяином.

— Мистер Мак-Эрроу... э... милорд... Разрешите мне задать вам еще один вопрос?

— Да хоть десять, молодой человек! — Мак-Эрроу снисходительно усмехнулся. — Не стесняйтесь, спрашивайте, времени полно, до завтрашнего дня никаких переговоров у меня нет.

Саймон собрал все свое мужество.

— Если какой-нибудь молодой человек по ту сторону океана... На островах Ямайка, Барбадос... То есть, если там ему захочется чего-то добиться... Скажите, неужели нет никаких надежд?

Мак-Эрроу испытующе посмотрел на юношу, и на лице его снова появилась ухмылка.

— Вы терпеть не можете дождя, так ведь? — понимающе спросил он. — Согласен, мне он тоже уже надоел. Но острова... Да, конечно, вы можете поработать на плантации. Мы больше не берем белых в качестве рабочих, но нам нужны надзиратели. Только вот подходите ли вы для этого? Такой парнишка, как вы... У вас такой вид, будто малейший порыв ветра, может свалить вас с ног.

Саймон покраснел. Он никогда не был физически сильным, но за

последние месяцы действительно заметно похудел. Он ел слишком мало, и упорный кашель тоже отнимал у него силы. Вот если бы он постоянно находился в тепле... Конечно, плантаторы предоставляют своим надзирателям жилище. Деньги, которые он сейчас отдает за кишашую клопами комнату в Ист-Энде, он мог бы тратить на питание.

— Это обманчивое впечатление, милорд, — твердо заявил он, — я могу работать, я...

— По тебе не скажешь, что ты мог бы размахивать плеткой. — Саймон вздрогнул не столько из-за смысла услышанного, сколько от внезапного перехода на «ты». Однако тут же смекнул, что в качестве работника на плантации он не может настаивать на том, чтобы с ним обращались, как с джентльменом.

— С неграми следует обходиться именно так, — невозмутимо продолжал Мак-Эрроу. — А в трудных обстоятельствах тебе, возможно, придется даже повесить кого-то из них. А с этим ты не справишься, малыш!

Шотландец, желая, наверное, несколько смягчить свои слова, дружески похлопал Саймона по плечу, но молодой дворянин удивленно посмотрел на него. Отхлестать плетью? Повесить? Это звучало так, словно речь шла о работе палача!

— Нет, если ты вообще на что-то годишься, так только на работу в управлении. Но такие должности при короне просто так не даются, это место надо покупать или... хорошо знать кого-то, кто знает еще кого-то.

Мак-Эрроу покачал головой, увидев расстроенное лицо Саймона.

— Можешь, конечно, попытаться стать матросом, — в конце концов, сказал он. — Однако там я тоже не вижу особых радостей для тебя. Всем нужны крепкие, сильные парни, а не такие субтильные юноши, как ты. Нет, лучше оставайся здесь, малыш, и корпи над своими счетами. Может быть, сочинишь еще какую-нибудь речь для старого Мак-Эрроу. Та речь была очень удачной, парень. Почти такой, как будто ее писал сам пэр!

С этими словами плантатор взял свою треуголку, однако вовремя опомнился и не стал водружать ее на объемный парик, а в соответствии с обычаем взял шляпу под мышку, прежде чем выйти на улицу под дождь. Карета с его гербом уже ждала у порога. Свежеиспеченный лорд не промокнет.

Глава 3

— Ничего не поделаешь, нам придется все рассказать отцу! — сказала Нора.

Наконец-то снова наступил ясный день, почти что летний, хотя листва на деревьях в парке Святого Джеймса успела окраситься в осенние цвета. Уже вечерело, когда Саймон вышел из конторы, чтобы тайно встретиться со своей возлюбленной, и, надо сказать, похолодало. Смеркалось. Нора слишком поздно узнала в двух дамах, идущих им навстречу по удаленной тропинке парка, своих знакомых. Она едва успела схватить Саймона за руку и утащить за живую изгородь, до того как леди Пэнтвуд и ее подруга успели рассмотреть их.

Нора захихикала, когда те прошли мимо, однако Саймон обеспокоился. В их тайной любви он не усматривал волнующего приключения, в лучшем случае для него это был вызов. С несчастным видом он рассказал подруге о беседе с мистером Мак-Эрроу, приведшей его в угнетенное состояние духа. Ее это не особо удивило. Она добавила к этому то, что узнала от леди Вентворт.

— Этот Мак-Эрроу прав, — поеживаясь, заключила Нора.

Хорошая причина для того, чтобы тесней прижаться к Саймону, который обнял ее, защищая от холода, и наклонился к ней поближе, чтобы поцеловать ее волосы.

— Конечно, ты не можешь бить негров! Этого еще не хватало! Что это за люди, называющие себя лордами, леди и джентльменами! Я не верю, что Бог создал негров для того, чтобы они возделывали сахарный тростник для нас. Тогда он сразу бы послал их на острова, и их не нужно было бы завозить из Африки. На кораблях, как говорит мой отец, им приходится очень плохо. Там негров заковывают в цепи!

Томас Рид не участвовал в торговле рабами, но опосредствованно зарабатывал на эксплуатации чернокожих. В конце концов, он торговал сахаром, табаком и другими колониальными товарами, а без рабов там не обрабатывалась ни одна плантация. Однако покупать и продавать людей, ловить их, загонять в корабельные трюмы, заковывать в цепи, хотя их не судил ни один суд, — Томас Рид считал, что это несовместимо с его христианской верой. И ему было все равно, разделяют люди его мнение или нет.

— Но другой работы там нет, — подавленно сказал Саймон, и Нора

почувствовала, что пора перевести разговор на тему «покаяния» перед отцом.

— Мы должны сказать папе, что любим друг друга. Ты должен открыто попросить моей руки, а затем мы найдем какое-нибудь решение. Я убеждена, что отец что-нибудь придумает. Если я скажу, что хочу поехать в колонии, он поможет мне!

Нора искренне верила не только в эту возможность, но и в то, что ее отец изъявит готовность выполнить любое ее желание. Без сомнения, она была избалованным ребенком. После ранней смерти жены Томас Рид сосредоточил всю свою любовь на дочери.

— Слушай, мы сделаем это прямо завтра! Ты купишь цветов... Они не очень дорогие, можно купить их на Чипсайд, а если у тебя нет денег...

Саймон нежно улыбнулся. Как ни крути, у Норы явно были практические наклонности. Если он не мог позволить себе романтический жест, то она без всяких жалоб спокойно отказывалась от романтики. Она даже была согласна сама нарвать себе цветов для свадебного букета.

Он еще раз прижал ее к себе.

— Любимая, дело не в пучке цветов! Давай подождем еще пару недель, хорошо? Может быть, появится еще какая-нибудь возможность... Этот Мак-Эрроу, например. Если у него возникнет идея остаться в Лондоне и выступить с речью в парламенте, то ему может понадобится личный секретарь. А потом в этом же качестве он мог бы взять меня с собой на Барбадос. Кроме того, через два месяца я, по крайней мере, смогу выплатить этот проклятый кредит за свадьбу Саманты. Боже мой, Нора, я же не могу в этом поношенном костюме появиться на глаза твоему отцу, чтобы просить твоей руки!

Нора засмеялась и поцеловала его.

— Любимый, я же выхожу замуж не за твои сюртук и брюки!

Саймон вздохнул. На это замечание Томас Рид, без сомнения, нашел бы что сказать. Однако Саймону все-таки удалось немного отодвинуть планы Норы на потом. Когда-нибудь должно было, наверное, случиться чудо... Саймон взял девушку за руку и повел ее к небольшому озеру посреди парка, над которым уже клубился туман. Деревья отбрасывали длинные тени.

— Сейчас я возьму для нас лодку и поплыву с тобой к островам, — решил он. — Для этого мне нужен всего лишь один пенни. Мы можем представить себе, что это наш остров в южном море, волны разбиваются о берег...

— А еще мы можем совершенно спокойно целоваться! — засияла

Нора. — Прекрасная идея, любимый. Ты же умеешь грести? Все лорды и виконты умеют управляться с веслами или нет?

Если быть честным, то опыт Саймона в обращении с веслами ограничивался парой достаточно беспомощных попыток управлять самодельным плотом на озере в Гринборо. Он никогда не учился настоящей технике гребли, но теперь, управляя лодкой, старался изо всех сил, и ему удалось не опрокинуть ее. Однако его частый кашель, который невозможно было подавить, поскольку он орудовал веслами, очень беспокоил Нору.

На следующей неделе дела влюбленных, конечно, не стали лучше. Наоборот, позднее лето уступило место неуютной осени, и Саймон промерзал до самых костей в своей влажной нетопленной комнате. Зато в конторе Томаса Рида всегда щедро горел огонь в каминах, что, увы, было обычным делом далеко не везде. Некоторым писарям в больших торговых домах приходилось держать перья в скрюченных, замерзших руках, не снимая перчаток, и при этом они заболевали подагрой. Саймон облегченно вздохнул, когда отослал своей матери последние деньги — остаток долга за приданое Саманты. Но тут же озаботился снова. Дело в том, что почти одновременно ему пришло письмо из Гринборо, в котором его мать радостно сообщала о беременности Саманты. Как она надеялась, до рождения ребенка с помощью дальнейшей поддержки со стороны Саймона ей удастся выкупить фамильный серебряный подсвечник, в котором до сих пор, по традиции, стояли свечи каждого отпрыска семейства Гринборо при крещении.

Таким образом, Саймон снова вынужден был посылать ей деньги, хотя Нора строго упрекнула его за это.

— Но они имеют на это право, это ведь наше фамильное сокровище, — защищал он свою мать и сестру. — И нам это тоже пойдет на пользу. Вот когда у нас будут дети...

Его темные глаза, которые до сих пор смотрели на этот серый ветреный день без всякой надежды, загорелись.

Нора вздохнула и плотнее запахнула пальто. Несмотря на плохую погоду, она сопровождала любимого в доки Лондона. Томас Рид доверил своему юному писарю проверку партии табака с Виргинских островов. Капитан корабля считался человеком не очень надежным, так что плантатор, отославший табак, настоятельно просил Рида тщательно сравнить фактическую поставку с фрахтовыми документами. Саймон только что проделал это весьма усердно, хотя при этом старенькое пальто едва защищало его от дождя и ветра. Нора в своей подбитой мехом накидке чувствовала себя лучше, однако заметила, как замерз Саймон, поэтому еще

сильней рассердилась на претензии его матери и сестры.

— Наши дети, наверное, родятся где-нибудь на Виргинских островах, на Ямайке или на Барбадосе! — сказала она. — Ты же не думаешь, что твоя мать своевременно вышлет тебе серебряный подсвечник, чтобы крестильная свеча была предъявлена свету в соответствии с общественным положением! О нет, Саймон, эта штука перейдет в семью прекрасной Саманты, чтобы Каррингтоны, не дай Бог, не подумали плохо о леди Гринборо. А ты при этом живешь в какой-то дыре без отопления и даже не можешь купить себе пальто, которое не промокало бы за три минуты! Хватит и того, что ты расплачиваешься за долги своего отца!

И к этому вопросу Нора относилась безапелляционно, тем более что люди, которым задолжал лорд Гринборо, были не благородными дворянами, а довольно хитрыми букмекерами и игроками. Нора, не впадая в лишние сомнения, предложила своему любимому два месяца не выплачивать никаких долгов, а сэкономленные деньги потратить на то, чтобы уехать в одну из колоний. Пусть даже у этих мошенников имелось какое-то влияние в Англии, Нора была убеждена, что оно ограничивалось только Лондоном и до Барбадоса или Виргинии их руки, конечно, не дотянулись бы. Саймон, однако, рассматривал карточные долги как нечто, затрагивавшее его честь, и как истый джентльмен не уходил от ответственности за свою семью, оправдывая благородство сословия, к которому принадлежал. Часто повторявшиеся замечания Норы по этому поводу он обычно не комментировал.

— В любом случае ты сейчас же должен поговорить с отцом! — в конце концов решила молодая женщина. Она взяла Саймона под руку и ненавязчиво подтолкнула его к своей карете.

Дело в том, что в парк Саймон пришел пешком, чтобы сэкономить деньги.

Терпеливый кучер молча открыл перед ними дверцу кареты.

— Большое спасибо, Пепперс!

Нора никогда не забывала подарить слуге улыбку. Ее приветливое отношение было одной из причин, по которым ее домашняя прислуга помогала ей скрывать ото всех свою тайную любовь.

— Папа найдет решение. Ты ему нравишься. Он доверяет тебе. Это же видно по тому, что он поручает тебе проверять поставки и все такое. Кто знает, может быть, он уже что-то предчувствует. Тебе сейчас нужно лишь формально попросить моей руки. Иначе зимой мы вряд ли сможем видеться.

Саймон покорно кивнул. Да, в этом она была права, но он до смерти

боялся разговора с ее отцом. Если дело пойдет не так хорошо, как надеялась Нора, он может потерять не только любимую, но и работу в теплой конторе. Вряд ли ему скоро удастся найти такого хорошего работодателя — Томас Рид даже не выругал его за то, что он в начале месяца два дня не выходил на работу. Саймон пытался игнорировать свою упорную простуду, но в то время температура у него поднялась настолько, что он не мог встать с постели. Конечно, он все же приплелся в контору, но Рид тут же отослал его домой.

— В таком состоянии вы ни на что не годитесь, дорогой мой, вы с трудом держите перо, и я не хочу потом разбираться в цифрах, которые вы тут только что складывали.

Саймон сумел оценить эту неожиданную щедрость. Рид мог бы запросто выгнать его с работы и вычесть из его жалованья возможные потери из-за невольных ошибок. Большой разницы между рабством на плантации и работой в Лондоне не существовало, но сейчас он чувствовал, что Нора не хочет больше тянуть время. Она считала согласие отца на ее обручение явно решенным делом.

— На следующей неделе, Саймон. В эту субботу будет большой бал купеческой гильдии, папа будет занят, а мне нужно еще примерить платья и обсудить прически... А потом эти уроки танцев, хотя кому нужны бургундские танцы в колониях?

Нора постоянно делала вид, что ее не интересуют балы и приемы, на которые она сопровождала своего отца, потому что Саймона, конечно, никто никуда не приглашал. Однако в глубине души она радовалась им. Молодая женщина любила красивые платья и с удовольствием разучивала модные танцы. Однако решительно отказывалась от любого флирта и заигрываний молодых мужчин, которые записывались в ее программку участницы бала. Нора Рид сделала свой выбор и с трепетом ждала того дня, когда Саймон Гринборо в первый раз станцует с ней менуэт. И кто знает, может быть, через год они будут танцевать уже под пальмами! В Лондоне рассказывали об ослепительных праздниках в резиденциях хозяев плантаций на островах в Карибском море.

— Однако на следующей неделе ничего не намечается, и у нас будет время, чтобы запланировать обручение. Мой отец определенно устроит нам праздник! А тебе обязательно нужно купить себе новую одежду. Вот увидишь, когда тебя представят нужным людям, то сразу найдется и должность в колониях! О, ты только вообрази себе, Саймон! Каждый день выглядывать из окна и видеть не потоки дождя, а солнечное сияние!

Нора прижалась к любимому. Учащенные удары его сердца она

восприняла как признак радости. Не может быть, чтобы его сватовство закончилось неудачей.

Нора наслаждалась балом купеческой гильдии, в то время как, пользуясь свободным временем, Саймон пытался вылечить свой кашель. Он купил цветки ромашки и больше дров, чтобы можно было вскипятить воду и лучше отопить свое помещение, где всюду гуляли сквозняки. Хозяйка комнаты, злобная миссис Паддингтон, прокомментировала это со злобной издевкой:

— Да ну, неужели на милорда свалилось богатство? И скоро мне придется снова обращаться к вам так, как подобает вашему дворянскому званию?

Саймон удержался от замечания, что надо бы обращаться к нему как подобает в любом случае, будь он беден или богат. Миссис Пэддингтон, собственно, так и делала. Однако слова «милорд» или «виконт Гринборо» в ее устах звучали скорее как оскорбление, чем как почетный титул. Эта женщина явно получала большое удовольствие оттого, что человек, принадлежавший к дворянскому сословию, вынужден жить в ее затхлой комнате, в грязном квартале, который был дешево и потому уродливо восстановлен после Большого пожара в Лондоне.

Саймон подтащил свою постель поближе к камину и провел воскресенье под своими колючими жалкими одеялами. Впрочем, особого результата ожидать не приходилось: камин давно не топился и еще дольше не чистился. Тяга была плохой, и у Саймона образовался выбор... между холодом и дымом. В конце концов, он принял решение в пользу первого. Дым только ухудшал его кашель, а холод, по крайней мере, был бесплатным.

В качестве дня их официальной помолвки Нора выбрала вторник. По ее замыслу Саймон должен был нанести визит ее отцу сразу же после работы в конторе. Томас Рид в это время обычно бывал уже дома, в тепле и уюте, покинув рабочее место раньше своих писарей, которые зачастую уже при свечах приводили в порядок последние записи.

Саймон оттягивал визит, насколько мог. Рид ни в коем случае не должен был подумать, что Саймон рано уходит из конторы, уваливая в этот день от работы. Но в конце концов из конторы собрался уходить и последний служащий, после того как подмел пол, наточил перья и заполнил чернильницы для следующего рабочего дня. Молодому человеку вменялось в обязанности гасить огонь в камине и тушить свечи, когда последний

писарь заканчивал свою работу. Саймон не мог заставить его ждать, изображая занятость.

На его счастье, в этот день дождя не было, так что он мог одолеть дорогу до Мэйфера пешком. В ином случае ему пришлось бы нанять карету, потому что невозможно себе представить появление перед будущим тестем с мокрым, измятым жабо. Сэкономленные деньги молодой человек потратил на букет цветов для Норы, и эта композиция действительно выглядела достойно. Тем не менее, Саймона почти покинуло мужество, когда, преодолев немалое расстояние, он появился перед роскошным домом в недавно отстроенной части города. Рид приказал построить себе богатый особняк несколько лет назад. Фасад здания был разделен пилястрами на три части, треугольный фронтон напоминал римский храм, а за домом находился небольшой парк. Все это выглядело намного пышней, чем поместье Гринборо даже в самые лучшие его дни.

Теперь Саймон остро ощутил, что и в те времена не был бы достойным претендентом на руку дочери хозяина этого дома, но собрал все свое мужество и постучал в дверь. Она открылась почти тотчас же. Изящная молодая девушка в нарядной форме служанки, казалось, ждала его. Она с заговорщицким видом посмотрела на молодого человека, когда он попросил встречи с хозяином дома. Наверное, еще одно «доверенное лицо» среди слуг, посвященное Норой в ее любовную историю.

— Я доложу о вас лакею! — дружески заявила миниатюрная рыжеволосая девушка. — Надеюсь, вы разрешите мне снять с вас пальто...

Немного погодя Саймон очутился в дорого обставленной приемной и стал ждать еще одного слугу, на этот раз рангом повыше. Однако вместо него появилась Нора.

— Саймон! — Она засияла, увидев его. — Ты хорошо выглядишь! Если бы еще вид у тебя не был такой испуганный...

Саймон попытался улыбнуться ей в ответ. Похоже, она говорила всерьез: он слишком хорошо знал, что бледен, а за последние недели исхудал еще сильнее. Но его одежда, тем не менее, выглядела безукоризненно. Он в совершенстве научился ухаживать за кружевами и жабо на двух своих последних рубашках, сам взялся за иголку и нитку, заузив сюртук и брюки, а вчера пожертвовал один пенни на смалец, чтобы довести до блеска поношенные туфли с пряжками. Темные волосы он по обыкновению напудрил, но в этот раз не пожалел талька. При желании можно было принять его прическу за один из модных париков.

— И ты тоже прекрасно выглядишь, — искренне ответил он на ее комплимент.

Она польщенно улыбнулась и разгладила материю своего широкого платья. В честь сегодняшнего дня она выбрала наряд из золотистой парчи, украшенный бесчисленным количеством лент и ленточек. Волосы Норы были изысканно заплетены и, как всегда, не напудрены. Ее щеки от волнения и радостного ожидания порозовели.

— Заходи, папа в очень хорошем настроении! А какие прекрасные цветы... Но нет, я, пожалуй, скажу ему сама, сразу... Может... Может, ты подождешь, пока придет лакей...

В последний момент Нора, казалось, испугалась собственного мужества. Однако не упустила возможности подбадривающе поцеловать Саймона в щеку и, так же, как он, покраснела, когда в дверях появился дворецкий, покашливанием обращая на себя внимание. Она моментально повернулась и исчезла, а Саймон медленно последовал за ней, ведомый исполненным достоинства мажордомом, служебная форма которого стоила значительно дороже, чем одежда Саймона.

Томас Рид удобно устроился в своем рабочем кабинете, несколько удивляясь тому, что его дочь, взяв в руки вышивание, присоединилась к нему. Она не любила отцовскую комнату и постоянно морщила носик, когда улавливала привычный запах табака, старой кожи и рома.

Однако теперь Нора сидела напротив отца и пыталась сосредоточиться на разговоре с ним. Время от времени она вскакивала, чтобы что-то схватить или нервно посмотреть в окно. Сейчас, когда дворецкий объявил о визите писаря Саймона Гринборо, она будто бы заволновалась. Нора, казалось, предполагает, что Томас Рид будет принимать гостя в одном из более формальных приемных помещений. Однако ее отец не видел для этого никакого повода, поскольку, очевидно, ожидал, что это визит не личного характера, а чисто деловая встреча. Пусть даже объявление дворецкого прозвучало несколько по-иному.

— Мистер Рид, виконт Саймон Гринборо желает нанести вам визит.

Томас Рид улыбнулся. Это было так похоже на молодого Гринборо: всегда корректный до смешного — кто бы упоминал все свои дворянские титулы, провозглашая о своем визите с целью лишь занести срочное письмо или какую-то бумагу? Более того, писарь, который вскоре робко, но в то же время гордо зашел вслед за дворецким в комнату, даже принес цветы! Томас посчитал это знаком внимания, несколько, однако, преувеличенным.

— Мистер Рид... Мисс Нора... — Саймон вежливо поклонился.

— Заходите, Саймон! — покровительственно воскликнул Томас. —

Что у вас за дело в столь поздний час? Неужели Моррисбург наконец-то дал ответ? Он будет поставлять товар? Или, может быть, вы что-то слышали об этом корабле, который якобы куда-то исчез?

Саймон отрицательно покачал головой.

Фамильярное обращение к нему Томаса Рида выбило его из колеи. И что ему теперь делать с этим букетом цветов?

— Какие красивые цветы! — вмешалась в разговор Нора и подбадривающе улыбнулась ему. — Для меня?

Томас Рид закатил глаза.

— Я полагаю, что да, дитя мое. Я счел бы весьма удивительным, если бы мистер Гринборо решил поприветствовать с помощью цветов меня. Но не нужно было, Саймон, в конце концов, это же не визит вежливости, а денег у вас, я так понимаю, не так уж много.

Саймон покраснел, когда взгляд купца остановился на его поношенном костюме.

— Отнюдь, — вырвалось у него. — Это, скорее...

— Ну, давайте же мне цветы, — улыбнулась Нора.

Саймону нужно было время, чтобы снова прийти в себя. Конечно, он не каждый день просил руки возлюбленной у ее отца, а говорить с ходу из головы, он и без того не слишком-то умел. Ее любимый писал прекрасные письма, и, когда они были наедине, Нора наслаждалась его комплиментами. Однако в остальных случаях она считала Саймона слишком робким. Впрочем, в данной ситуации это, пожалуй, было вполне нормально. Она погладила его по холодной как лед руке, принимая букет.

Томас Рид несколько озадаченно посмотрел на них, увидев, как встретились их взгляды.

— Ну, хорошо, Нора, — сказал он затем, — ты, наверное, пойди поставь букет в вазу, а мы обсудим всякие скучные для тебя вещи, ради чего мистер Гринборо так поздно отправился в столь далекий путь.

Нора покраснела.

— Нет, папа, — заявила она. — Я хотела сказать... Для меня это ни в коем случае не скучно, потому что...

— Потому что я... — Саймон вовсе не хотел, чтобы его любимая раньше него заявила об их намерении жениться.

Томас Рид наморщил лоб.

— Итак, в чем дело, Саймон? Дайте мне знать, что привело вас сюда? Что в этом важного для молодой леди? Когда это ты интересовалась пропавшими кораблями из Виргинии?

Глаза Норы заблестели.

— Всегда! Ты же знаешь, меня интересует все, что находится за океаном: колонии, корабли... Саймон и я...

— Саймон и ты? — резко спросил Томас Рид. Его голос моментально утратил дружелюбие. Он напряженно выпрямился в своем кресле.

Саймон глубоко вздохнул, подавляя при этом кашель. Сейчас ему надо было сказать все. В общем-то, со стаканом рома, сигарой в руке и в шелковом халате, в который он, как и каждый хозяин дома, переодевался, когда заканчивал повседневную работу, отец Норы не выглядел таким уж угрожающим.

— Мистер Рид, сэра, я... Я здесь затем, чтобы просить у вас руки вашей дочери. — Наконец-то ему удалось это сказать.

Нора засияла от счастья, а у Томаса Рида отнялась речь. Саймону показалось, что ему надо непременно чем-то заполнить неудобную тишину, и он сразу же заговорил дальше.

— Я... Знаю, что я не слишком хорошая партия, но... Я люблю вашу дочь всем сердцем, и Нора ясно дала мне понять, что разделяет мои чувства. Я не богат, но сделаю все, чтобы обеспечить ей подобающий ее общественному положению дом и...

Грубый смех Томаса Рида прервал его речь.

— А как вы собираетесь это сделать? — осведомился он.

Саймон кусал губы.

— Мы думали о колониях, папа, — вмешалась Нора. Она, сияя, улыбнулась своему отцу. Ей все еще казалось, что их дела идут не так уж плохо. — Если бы Саймон где-нибудь на Ямайке или Барбадосе, в общем, где-то там нашел себе должность, если бы ты, может быть... То есть мы думали, что ты заинтересован открыть где-нибудь торговое представительство, и мы... Мы хотели вдвоем...

— Помолчи! — Томас Рид резко оборвал свою дочь. — Лучше всего иди и займись своими цветами или чем-нибудь еще. В данный момент ты здесь не нужна. Нора!

Он произнес ее имя суровым тоном, потому что она не собиралась вставать с места и уходить. Лишь после этого Нора покинула помещение, не преминув бросить на Саймона ободряющий взгляд. Тот не знал, должен ли ощущать облегчение или чувствовать себя брошенным.

— Сэр... Я знаю, вам это покажется неожиданным. А Нора... Нора, конечно, представляет себе все это несколько проще, чем есть на самом деле. Но я молод, я могу работать... Я мог бы работать на одной из плантаций, я...

— Вы постоянно больны, Саймон, — резким голосом оборвал его Рид.

— Старший писарь конторы уже давно требует от меня, чтобы я уволил вас, потому что вы не всегда выполняете свою работу. А теперь вы хотите избивать за океаном негров, которые в два раза крупнее вас? Не говоря уже о том, что я совершенно не вижу свою дочь в роли супруги надсмотрщика за рабами.

Саймон кусал себе губы.

— Я всегда отработывал то время, которое пропускал, — защищался он. — И вы можете доверять мне. Если я каким-то образом могу работать для вас...

— Саймон, я не вижу свою дочь за океаном. Это все детские мечты. Ну что поделать, ей всего семнадцать лет. У нее еще уйма времени для того, чтобы влюбиться в подходящего молодого человека из лондонского делового мира, построить дом в городе... Я очень хочу видеть, как мои внуки вырастают в счастье, мистер Гринборо, а не беспокоиться о том, хватает ли им еды.

Саймон выпрямился.

— Дети из семьи Гринборо еще никогда не голодали! — с достоинством ответил он.

Томас Рид глубоко вздохнул и отпил немного рома.

— Но почти голодали, Саймон. А когда я вижу вас, то не уверен, что у вас достаточно еды даже для себя самого. Ваш отец проиграл вашу землю, ваш дом и даже титул, если меня правильно проинформировали. А вы с трудом держитесь на плаву, причем я вполне ценю ваши старание и терпение. Я слышал, что вы выплачиваете долги своего отца. Мое уважение, молодой человек, — кто-то другой уже давно скрылся бы от них. Но это же не те условия, в которых должна жить моя дочь, будучи замужем!

— Она стала бы леди Гринборо, — возразил Саймон.

Томас Рид потер себе висок.

— И даже этого у вас нет, Саймон, и вы это знаете. Хорошо, никто не оспаривает того, что к вам надо обращаться «виконт», но если дети Норы должны унаследовать дворянский титул, то мне, скорее, следовало бы выдать ее за одного из Кодрингтонов, не так ли?

Саймон опустил голову. Конечно, Томас Рид время от времени выполнял роль посредника в торговле графствами и местами в парламенте. Он знал, что случилось с семьей Гринборо.

— Мистер Рид... Я люблю вашу дочь! — Больше в голову Саймону ничего не пришло.

Томас Рид пожал плечами.

— Я это понимаю, — коротко сказал он. — Прекрасная, умная,

достоинная любви девушка, но это не аргумент в пользу согласия на столь неравный брак.

— Нора любит меня, — голос Саймона звучал сдавленно.

Томас бросил на него взгляд и попытался увидеть в своем писаре то, что явно увидела его дочь: без сомнения, он был джентльменом до мозга костей. Он выглядел очень привлекательным для тех, кому нравятся такие худощавые, одухотворенные юноши с прекрасными манерами. У Саймона были кроткие карие глаза, которые в свете свечей казались почти черными, высокие скулы и полные, хорошо очерченные губы. Его чуткие руки с длинными пальцами производили почти завораживающее впечатление — наверное, он был хорошим наездником и танцором. Нора, похоже, действительно влюбилась в него, и, возможно, он смог бы сделать ее счастливой. Но, черт возьми, речь ведь уже шла не о том, чтобы купить своей дочери очередную игрушку, которую она попросила. Нора была почти взрослой. Ему нужно было думать о ее будущем.

— Ну, это переменится, — резко оборвал он своего писаря. — Мне жаль вас, Саймон, но я не могу положительно ответить на ваше предложение. И сама Нора не может дать вам никакого согласия, она для этого слишком молодая и незрелая. Остается вопрос: как нам быть дальше? Я не могу выбросить вас на улицу лишь потому, что вы любите мою дочь. Однако я рекомендую вам в ближайшее время подыскать себе другую работу. Желательно в какой-либо конторе, у владельца которой нет дочери на выданье. Разумеется, я предоставлю вам великолепные рекомендации. Я не желаю вам ничего плохого, Саймон Гринборо, однако вам пора уже смириться со своим общественным положением и своей должностью.

Томас Рид указал жестом, что Саймону следует уйти. Разговор для него явно был закончен. Саймон еще раз поклонился, как предписывал этикет, но не смог выдать из себя ни слова. Однако Рид, казалось, и не ожидал никаких слов. У Саймона было такое чувство, что он вышел из комнаты как слепой. На счастье, перед дверью его встретил дворецкий, которого звонком вызвал хозяин. Сам бы молодой человек не нашел выхода из дома.

На улице снова лил дождь, но в этот раз Саймон его почти не заметил. Как в трансе, брел он по улицам Мэйфера, перешел по мосту через Темзу и вернулся назад в Ист-Энд. Затем потащился по трескучей, давно требовавшей ремонта деревянной лестнице в свою комнату, не слушая язвительных замечаний миссис Пэддингтон, которая снова в чем-то упрекала его. Он устал, он пытался не пустить в себя постоянно царящую здесь вонь — смесь запахов кухонных испарений, уборной и мокрой

одежды. В конце концов, тяжело дыша, он добрался до своего чулана под крышей. Места, которое соответствовало его общественному положению и должности...

Глава 4

Томас Рид не утруждал себя размышлениями по поводу того, что Саймон Гринборо на следующий день не появился на работе. Он даже был готов простить это молодому человеку. Да, предложение Саймона было довольно наглым, но надо же учитывать его дворянское происхождение и воспитание. Находящийся в хорошем положении сельский дворянин мог бы вполне надеяться на брак с Норой. Пусть даже сам Томас Рид больше желал бы в качестве зятя купца, он пошел бы на компромисс, если уж Нора так явно хотела соединиться в браке с Саймоном, будь тот побогаче и поперспективнее.

Томас Рид никогда не видел свою дочь такой расстроенной, как в тот вечер, когда поставил ее в известность об отказе от предложения Саймона. Нора плакала, кричала и умоляла — Томас едва узнавал в ней свою милую и, в общем-то, послушную дочь. Ему было очень тяжело не поддаться ее мольбам, но он был убежден, что поступает правильно. Нора тоже когда-нибудь признает это.

Однако когда Саймон и на второй день не пришел в контору, понимание начало уступать место возмущению. Ладно, молодой человек был гордым, но сейчас дело заходило уже слишком далеко. Служащим Рида не пристало капризничать. Сейчас ему вполне хватало капризов Норы! С момента визита Саймона она удалилась в свои покои и больше не говорила с отцом. Ни слова. Томас Рид не выдержал и пожаловался своей старой приятельнице, которая часто поддерживала его в вопросах воспитания.

— О, не надо это переоценивать! — засмеялась леди Мак-Дугал, шотландская деревенская дворянка, супруг которой обладал местом в парламенте. По этой причине ее семья зачастую подолгу бывала в Лондоне. — Ох уж эти девушки с их мечтаниями! Это все попадает к нам из французского королевского двора. Faire l'amour ^[1] как смысл всей жизни! Причем ваша дочь хотя бы соблюла определенный стиль — молодой человек все-таки обедневший лорд. Наша Айлин в прошлом году вообще собиралась выйти замуж за конюха! Представьте себе, этот парень едва мог писать и читать. Пару раз сопровождал ее на конные прогулки и совершенно свел с ума. Конечно, это удалось довольно легко устранить... И с Норой будет не иначе. Просто ее энергию, ее мысли нужно направить в другое русло. Знаете что? Мы возьмем ее с собой в Балморал, на охотничий сезон, она могла бы поучаствовать в нескольких охотах. Купите ей нового коня, и

она будет счастлива. А главное, там же устраивают один бал за другим. Она познакомится со столькими молодыми джентльменами!

А их немало, и все прекрасные наездники, хорошие танцоры... Что касается финансовой стороны, я, конечно, гарантировать ничего не могу, — засмеялась леди, — но зато тема «Гринборо» на этом, безусловно, будет закрыта.

Томас Рид покинул ее утешенным. Леди Мак-Дугал была права: Норе немного не хватало чувства реальности, но она не была лишена рассудительности. В отличие от Айлин Мак-Дугал, она со своей тайной любовью по крайней мере продемонстрировала чувство собственного достоинства. Рид был почти в хорошем расположении духа, когда вызвал Нору вечером на совместный ужин и рассказал ей о своих планах. Однако возмущение дочери обескуражило его.

— Не хочу я никакого коня, папа. Я хочу Саймона! Я больше не ребенок, которого можно отвлечь от кукольного домика при помощи других соблазнов!

Нора швырнула свою салфетку на стол и с грохотом отодвинула тарелку.

— Всего три дня назад ты говорила мне, что хочешь купить своему избраннику должность в колониях, — заметил Рид, которого начала выводить из себя собственная беспомощность по отношению к Норе. — Раньше был кукольный домик, теперь дом в колониальном стиле — ты остаешься верной «стилю кондитера», а плантаторы любят разрисовывать свои резиденции в пестрые цвета.

— Я согласна жить с Саймоном даже в хижине! — возразила Нора.

Действительно, такое убежище, укрытое пальмовыми листьями, было частью ее любимых ежедневных мечтаний.

— И в любом случае я выйду за него замуж! Мне все равно, что ты на это скажешь!

Томас Рид вздохнул и для начала объявил ей домашний арест — не исключалось, что Нора действительно могла сбежать! Хотя об этом он не особо беспокоился: Саймон Гринборо, конечно, не имел денег для того, чтобы переселиться за океан. И, кроме того, сейчас он сам рыл себе могилу. Еще один день его беспричинного отсутствия на работе, и Рид поддается требованиям старшего писаря и уволит молодого человека. А там пусть сам смотрит, что с ним будет дальше!

На самом деле Рид прождал почти целую неделю и лишь тогда приказал вручить Саймону Гринборо извещение об его увольнении. Кроме того, он поручил своему доверенному секретарю вставить в письмо фразу,

что, мол, если мистер Гринборо желает получить рекомендации, то в любое время может прийти в контору Рида. Мистер Симпсон, начальник бюро, воспротивился этому, но Томас Рид тем самым успокоил свою все еще нечистую совесть — он сделал все, что можно было сделать, для своего строптивного служащего.

Намного более дерзкая Нора не приняла всерьез свой домашний арест. В первые дни, конечно, прислуга строго следила за ней в соответствии с указаниями отца, но, когда через неделю она прокралась к Пепперсу в конюшню, никто из слуг не сделал ей ни единого замечания.

Кучер сидел на деревянном стуле в каморке, где хранились седла, и полировал упряжь смесью из воска и скипидара.

— Красиво выглядит, — сказала Нора после обмена приветствиями. — Но для того, чтобы упряжь действительно хорошо заблестела, требуется много работы, не так ли?

Кучер, маленький четырехугольный человечек с добродушным круглым лицом, улыбнулся и посмотрел на Нору своими всезнающими голубыми глазами.

— Ну-ну, не притворяйтесь, маленькая леди, — благодушно сказал он. — Неужели вы действительно хотите поговорить со мной о том, как чистить упряжь? Что вам нужно, мисс Нора? Опять тайное свидание? Тут я вам больше не помощник, ваш отец и без того устроил мне настоящий допрос. Конечно, я все отрицал, потому что ведь я ничего не видел, да? — Он подмигнул ей. — Но больше уже нельзя, мисс, сейчас, когда отец знает обо всем и решительно настроен против этого.

Нора кивнула.

— Я... Я просто хотела... Я уже давно ничего не слышала о Саймоне, — наконец вырвалось у нее, — а это на него совсем не похоже. Он... Он ведь джентльмен! А сейчас... Он просто исчез. Не сказав ни слова. И... И я подумала, не оставил ли он у вас какую-нибудь весточку для меня?

Пепперс отрицательно покачал головой.

— Нет, мисс. И у других тоже. Мистер Рид уже спрашивал про него, но никто ничего не слышал и не видел. Можете поверить, мисс Нора, мы бы сказали вам, если бы...

Нора потеряла нос. Она делала так всегда, когда размышляла или пребывала в недоумении. Пепперс считал, что при этом у нее был трогательный и беспомощный вид, как у ребенка. Он вздохнул.

— Послушайте, детка, лучше всего было бы забыть о нем, — потечески ласково сказал он затем. Такие советы, конечно, превышали его полномочия, но, черт возьми, он знал эту молодую женщину с пеленок! —

Человек исчез, и вместе с ним исчезли его манеры, мисс Нора. Он хотел только ваших денег...

— Исчез? — Нора наморщила лоб. — Что это значит? Мой отец его уволил?

Пепперс покачал головой.

— Нет. Нет. Я не знаю. Я слышал что-то лишь вполуха, однако похоже, что после разговора с вашим отцом он больше не появлялся в конторе.

Нора испуганно распахнула глаза. Она не удивлялась осведомленности слуг о том, что Саймон просил ее руки. Такое невозможно скрыть, наверное, дворецкий подслушивал и в свежем виде передал все это дальше. Но как Саймон мог не прийти в контору? Она себе такого не представляла. Без сомнения, ее отец уязвил его гордость, но честь Саймона Гринборо уже не раз подвергалась ударам, а он по-прежнему оставался джентльменом с развитым чувством долга. Кроме того, она не могла поверить, что он так легко сдался. Саймон ведь любил ее не меньше, чем она его. Что-то, наверное, случилось...

Нора выпрямилась. Она приняла решение.

— Отвезите меня в контору, пожалуйста, — попросила она Пепперса. — Я должна... Я должна кое-что найти.

Пепперс сочувственно посмотрел на нее.

— Дочечка, оставьте это. Этот парень не любит вас!

Нора отрицательно покачала головой.

— Нет, Пепперс! — заявила она на чипсайдском диалекте, свойственном речи своего собеседника. — Так быстро я не сдаюсь. И даже если Саймон Гринборо больше не любит меня, то об этом он должен сказать мне сам.

И Пепперс действительно запряг коня — ведь хозяин не запрещал ему привозить дочь в его контору. Однако самого Томаса Рида на месте не было. В этот день он отправился в поездку на континент, которая, в конце концов, должна была привести их с деловым партнером в Амстердам и Любек. Утром Пепперс сам отвез хозяина к этому человеку. Те должны были кое-что обсудить, а вечером их корабль отчаливал от берега. Вряд ли Рид успел бы заглянуть в контору. Его отсутствие было явной удачей для маленькой мисс. Потому как, чтобы она там ни собиралась делать, разговаривать со своим отцом точно не планировала.

— Перестаньте, мисс Нора, я не могу вам сказать, где живет мистер Гринборо! — Симпсон, маленький толстый начальник канцелярии, вел себя так, словно воспринял просьбу Норы как личное оскорбление. — Это не

понравилось бы вашему отцу, тем более что этот человек у нас больше не работает. Вы ни в коем случае не можете нанести ему визит.

— Может быть, я просто хочу написать ему письмо, — ответила Нора.
— Но мне нужен его адрес!

Мужчина презрительно ухмыльнулся.

— Туда, наверное, даже по ошибке не забредет ни один посыльный, — заявил он. — Пожалуйста, уходите, мисс Нора. Я должен продолжать работу, а вам ничем помочь не могу.

— Конечно, вы можете пройти в рабочий кабинет вашего отца и подождать его, — любезно предложил ей Джордж Уилсон, один из младших секретарей, когда она вышла в коридор. — Может быть, он заглянет сюда, а я с удовольствием приготовлю вам чашку чая.

Нора сначала хотела отказаться, но затем решила задержаться в конторе подольше. Вдруг ей все-таки представится возможность хоть что-нибудь разузнать о Саймоне?

— Отец уволил мистера Гринборо? — спросила она Уилсона, когда тот принес ей чай.

Молодой человек улыбнулся ей. Он зачарованно смотрел, как изящная молодая женщина грациозно утопает в огромном кресле своего отца, накрыв его платьем с кринолином. Взгляд ее умных зеленых глаз блуждал по книгам и актам, расставленным на полках. Неужели это правда, что Саймон Гринборо решил просить руки Норы Рид?

— Да, к сожалению, — в конце концов, ответил Уилсон. — После того, как он целую неделю не появлялся на работе. Так, конечно, нельзя. Мы...

— Уилсон? — Голос начальника канцелярии был очень резким. — Вы что тут делаете? Если меня не обманывают глаза, то вот еще один тип, заигрывающий с дочерью своего работодателя! Я попросил вас уйти домой, мисс Рид! А вы, Уилсон, отдайте наконец Бобби доверенность, которую он должен отнести в доки!

Мужчина сердито посмотрел на Нору и своего подчиненного. Очевидно, он весьма уверенно чувствовал себя на своем рабочем месте — ведь далеко не каждый решился бы так обращаться к дочери своего хозяина.

Уилсон вздохнул, когда Симпсон повернулся и ушел, оставив, однако, дверь открытой. Явный признак того, что он не спускает с них глаз.

— Ну, тогда, мисс Рид...

Нора уже хотела встать. Но затем ее осенило.

— Мистер Уилсон, этот приказ об увольнении моего... э... мистера Гринборо. Он был доставлен ему в письменном виде?

Уилсон кивнул.

— Разумеется, мисс Рид. Все должно быть как полагается. Он также получил остаток своего жалования. Мистер Рид в этих вопросах очень щепетилен. Он даже предложил ему рекомендательное письмо. Я сам писал его. Но я... Я уже совсем не помню адреса.

Уилсон лгал и потому покраснел, однако Нора не обратила на это внимания. Томас Рид продиктовал письмо, а Бобби, мальчик-посыльный, доставил его! Теперь Нора знала, к кому обратиться!

Быстро и официально она попрощалась с Уилсоном, у которого явно отлегло от сердца. Без сомнения, он облегченно вздохнул, когда она покинула контору, не задавая больше никаких вопросов.

В подъезде дома, чтобы не попадаться на глаза кучеру, она дождалась Бобби — худого рыжеволосого мальчика лет тринадцати, который разносил письма для конторы Рида. Мальчик бесстрашно улыбнулся, когда она заговорила с ним, и веснушки затанцевали на его еще детском лице.

— Я могу что-нибудь сделать для вас, мисс Рид?

Нора кивнула и объяснила, в чем дело.

— Ты же должен знать, куда отнес извещение об увольнении?

— Неужели это действительно был ваш любимый? — беззастенчиво ляпнул Бобби вместо того, чтобы ответить на ее вопрос. — Об этом говорят все в конторе. Ну, представьте себе, этот бедняга и такая принцесса, как вы, мисс Рид...

Нора постаралась придать себе возмущенный вид.

— Тебя это вообще не касается, Бобби! — резко оборвала она мальчика. — И вообще, веди себя пристойно! Мистер Гринборо, в конце концов, не просто мистер Гринборо, а виконт! Пэр, лорд...

Бобби скривил лицо.

— Однако его замок скоро завалится прямо на него, — поиздевался мальчик. — Seriously, мисс Нора, это такие трущобы, куда я отнес письмо, я там напротив живу собственной персоной... А квартал за Тауэром... Бойни...

— Это я сама сейчас увижу, — прервала Нора поток его речи. — Ты смог бы отвести меня туда?

— Вас? — Бобби наморщил лоб. — Не-а, мисс, это не место для такой леди, как вы. Ваш отец... Он меня просто-напросто на месте...

— Мой отец не должен об этом знать, — сказала Нора и вытащила из кармана монетку.

Бобби жадно посмотрел на пенни.

— Но об этом ему расскажет ваш кучер, — глубокомысленно заметил

он и показал через плечо на Пепперса.

Нора прикусила губу. Мальчик был прав. Пепперс тоже ничего не должен был заметить.

— Разве мы не можем как-нибудь проскользнуть мимо кареты, чтобы он нас не увидел? — спросила она.

Мальчик захихикал. Авантюра, которую планировала эта богатая дамочка при его участии, явно доставляла ему удовольствие.

— Не-а. Как это возможно? Он же все время смотрит сюда. Если вы сделаете хотя бы шаг, он вас заметит. Хотя подождите... — Бобби подмигнул ей, подошел к карете и сказал Пепперсу всего несколько слов. И не успел он вернуться назад, как лошади тронулись с места. Карета уехала.

— Я сказал ему, что вы ожидаете вашего отца в конторе, — объяснил Бобби и за юбку потащил Нору из подъезда. — А сейчас идите за мной, иначе вас тут кто-нибудь увидит, и меня заодно. Придется идти в окружную, а нам нужно добраться побыстрее, чтобы Симпсон нас не выследил. Он считает каждый шаг, который я должен сделать на пути между конторой и доками, и не дай Бог, если я появлюсь хоть на пару ударов сердца позже.

Нора надеялась, что Пепперс действительно поверил отговорке, — в конце концов, ее отец планировал до отъезда еще раз заглянуть в контору. Однако, с другой стороны, он мог изменить свои планы, а слишком много спрашивать кучеру не полагалось. В общем, она постаралась не слишком сильно беспокоиться, когда шла вслед за Бобби вдоль берега Темзы — сначала мимо недавно отстроенных или же, напротив, старых, но приличных зданий торговых гильдий, затем по переулкам бедных кварталов. Нора вскоре забыла о своих опасениях насчет того, что кучер мог незаметно следить за ними. Действительно, улицы были такими узкими, такими грязными и переполненными, что лошади вряд ли могли бы проехать по ним. А вскоре уже не было видно ни карет, ни наемных дрожек. По улице скрипели только старые двухколесные повозки, запряженные дряхлыми лошадьми или мулами.

Норе стало страшно. Саймон рассказывал ей, что живет на квартире в Ист-Энде, где снимает комнату по очень выгодной цене. Но эти хижины, эти тесные дешевые дома, эти усыпанные отбросами улицы, где играли грязные босоногие дети... А в это время за углами, казалось, таились подозрительные темные фигуры... Нора поблагодарила небо за Бобби, который передвигался здесь очень уверенно. Видно, он сам жил в обстановке, ненамного отличающейся от этой. В любом случае он так быстро перемещался, что Нора едва успевала за ним. В простом, но,

разумеется, сшитом из лучшего материала послеобеденном платье с кринолином и в манто она чувствовала себя неуверенно, не на своем месте. Хорошо еще, что она не пудрила волосы. В этом нищенском квартале никто, кажется, не пудрил волосы. Женщины, снующие по улицам или продающие на обочине дороги какие-то товары, производили такое же неухоженное впечатление, как и их дети.

— Скажи, а Саймон, то есть мистер Гринборо, говорил что-нибудь по поводу того, почему больше не приходит в контору? — Нора попыталась завязать разговор со своим провожатым. И правда, Бобби был единственным, кто беседовал с Саймоном после того рокового вечера во вторник.

Бобби покачал головой.

— Он вообще-то почти ничего не говорил. Он лежал в постели, он был болен, мисс. И не абы как болен, если вы меня спросите. К тому же выглядел так, будто дня три ничего не ел. И, тем не менее, он дал мне лишний пенни, за курьерскую службу. Хотя, видит Бог, это были совсем не хорошие новости. Я затем этот пенни отдал старухе, которая живет внизу, чтобы она принесла ему хоть что-нибудь поесть. Надеюсь, что старуха так и сделала.

Нора почувствовала, как ее охватывает страх — и одновременно теплое чувство к мальчику, стоявшему рядом с ней.

— Это было очень благородно с твоей стороны, Бобби! — похвалила она.

Рыжеголовый мальчишка пожал плечами.

— Пастор говорит: «Давайте, и воздастся вам». Или что-то вроде того. Моя мать не верит во все это, но мне стало как-то жалко его, вашего... лорда.

Мальчишка смущенно ухмыльнулся, а затем остановился перед трехэтажным каменным домом, построенным, без сомнения, после Большого пожара. Однако сейчас, спустя несколько десятилетий, дом выглядел запущенно, словно в нем никто не жил.

— Мы на месте. Однако лучше не заходите туда в одиночку...

Бобби, как настоящий джентльмен, открыл перед Норой дверь, за которой начинался темный вонючий коридор. Дверь в одну из комнат была открыта, и помещенице это произвело на Нору впечатление карикатуры на какой-то салон. В комнате были камин и старое кресло перед ним, стулья и стол, но все это было грязным, серым и потертым — казалось, что здесь никто никогда не убирал. Повсюду валялись куски материи и старая одежда.

— Она этим торгует, — пояснил Бобби пришедшей в ужас Норе. — Я имею в виду старуху Пэддингтон, хозяйку. Скупка и продажа поношенной одежды. Она стоит с вещами в базарный день в Чипсайде. И, кроме того, сдает дом квартирантам. А как она заполучила этот дом, не знает никто...

Из комнаты раздался чей-то сварливый голос.

Бобби втянул голову в плечи.

— Поднимайтесь быстрее наверх, мисс Нора, пока старуха вас не заметила! — прошептал Бобби, подталкивая Нору в сторону деревянной лестницы, которая скорее заслуживала звания стремянки.

— Я уже увидела вас! — злобно заорала женщина им вслед. — Мальчишку Фанни Дайери и красивую молоденькую леди. Что, ты стал слишком хорош, чтобы сказать старым друзьям «добрый день», Бобби? И куда ты разогнался?

— Не слушайте ее, — прошептал Бобби, который явно устыдился. — Моя мать на самом деле не дружит с ней, она просто продавала ей одежду, когда мой старик умер... Это в гости к мистеру Гринборо, миссис Пэддингтон! — громко сказал он чере плечо старухе, которая стояла возле лестницы и с любопытством смотрела на них снизу вверх.

Миссис Пэддингтон на самом деле была еще не так стара, однако толста до безобразия, да еще и с вечно красным лицом. Ее сальные волосы неопрятными прядями свисали вниз, маленькие глазки блестели, как стеклянные, но, тем не менее, взгляд был зорким, злым и недоверчивым. Норе показалось, что она узнала источник вони, доносившейся из ее комнаты через открытую дверь: джин или какой-то другой дешевый спиртной напиток.

Спальни на втором этаже тоже казались обжитыми — за закрытыми дверями были слышны чьи-то голоса. Однако Бобби полез дальше наверх по еще более узкой и шаткой лестнице. Нора на каждом шагу опасалась, что трухлявое скрипящее дерево может проломиться. На самом верху находилась одна-единственная низенькая дверь. У нее был такой вид, словно она пережила уже не один пожар.

Бобби постучал в дверь, а сердце Норы заколотилось так сильно, что ей показалось, стук его раздается громче, чем стук пальцев Бобби по старому дереву.

Однако изнутри никто не отвечал. Неужели Саймон куда-то ушел? Нора разочарованно подумала, что и ей теперь придется уходить. Однако ее юный сопровождающий без всяких церемоний распахнул дверь в комнату.

— Мистер Гринборо? Это снова я. Но на этот раз с гораздо лучшими новостями!

Голос мальчика звучал нарочито радостно и оптимистично. Нора вслед за ним зашла в комнату, и от ужаса у нее перехватило дыхание.

Каморка Саймона находилась прямо под крышей. В помещении не было ни единой прямой стены, а несколько ведер, в беспорядке расставленных на полу, позволяли сделать вывод, что крыша протекала. Летом здесь, наверное, было невыносимо жарко, а зимой — очень холодно и... так темно, что с первого взгляда Нора ничего не смогла рассмотреть. Огня в камине не было. И лишь когда ее глаза постепенно привыкли к полумраку, она рассмотрела нищую мебельровку — стол да стул, на котором, небрежно сваленная, лежала одежда Саймона, та самая, что была на нем во вторник вечером. Это было на него не похоже. На неумело вбитом в стену крюке висела его рубашка, тщательно выглаженная, а на столе стоял уют. Нора со стыдом вспомнила тот день, когда он признался ей, что сам вынужден приводить свою одежду в порядок. Она посмеялась над тем, что он выполнял работу прачки и гладильщицы, и высказала опасение, что ее любимый несколько жадноват. Однако сейчас Нора увидела жестокую действительность существования Саймона, а затем, наконец, заметила и своего ненаглядного, лежавшего на убогой кровати, по непонятным причинам придвинутой к холодному камину. В нем давно уже никто не зажигал огонь. А Саймон лежал, скрючившись под тонким одеялом, тщетно пытаясь удержать то скудное тепло, которое оно ему давало.

Нора подбежала к нему — и снова испугалась, увидев его лихорадочно пылающее лицо со впалыми щеками.

— Саймон! Почему же ты никому не сказал, что заболел? Почему ты не попросил известить меня? О Боже, Саймон, тебе нужен врач!

Молодой человек открыл глаза — они были красными и блестели от высокой температуры, но засияли, когда он узнал Нору.

— Нора... ты... это ты... или... сон...

Та улыбалась, изо всех сил борясь со слезами. То, что она увидела здесь, было скверно. Намного хуже, чем она могла себе представить.

— Нет, это действительно я! — решительно сказала она и погладила Саймона по голове. Его волосы были мокрыми от пота, хотя он дрожал от холода.

— Теперь я буду заботиться о тебе. Мне давно уже надо было это сделать. Боже, Саймон, ты весь дрожишь!

— Холодно... — прошептал он.

На нем была одна лишь рубашка, та самая, в которой он приходил к отцу Норы просить ее руки. В тот вечер он промок под дождем, был сильно

расстроен и, придя домой, без сил упал на кровать и проснулся на следующее утро с высокой температурой. Ему удалось только снять с себя пиджак и брюки, а затем очередной приступ кашля свалил его с ног. Он едва помнил, как пережил те дни, пока Бобби не занес ему письмо с извещением об увольнении. Кажется, дочь его квартирной хозяйки иногда приносила ему поесть. С тех пор как Бобби побывал здесь, она регулярно — один раз в день — заглядывала к нему. Однако миссис Пэддингтон строго следила за тем, что делает ее дочка, когда узнала, что Саймон лежит больной в постели. Поэтому маленькая Джоан, сочувственно относившаяся к Саймону, могла лишь тайком от матери время от времени приносить ему наверх жидкий суп или кусок хлеба.

Нора сняла мантию и закутала в него Саймона.

— Мы должны разжечь огонь в этом камине! — решительно заявила она, удивляясь сама себе. В романах, которые она читала, главная героиня сначала должна была обнять любимого, а он — заверить ее, что только ее любовь немедленно излечит его. Но для Норы романтические приключения закончились в ту самую минуту, когда она вошла в эту мансарду. Сейчас она пребывала в реальной действительности, когда поцелуи и нежности нужны были Саймону намного меньше, чем одеяло, теплая еда, огонь в камине и врач.

— Ты можешь раздобыть дров, Бобби?

Саймон покачал головой.

— Нет, — прошептал он, — камин дымит, из него сыпется сажа... никакого тепла...

Слова давались ему с трудом. Он закашлялся.

Нора посмотрела на Бобби умоляющим взглядом.

— Что же нам делать? — беспомощно спросила она.

Тот пожал плечами.

— Трубочист, — коротко сказал он. — Я могу зайти к нему. Если вы... — Жестом он сообщил, что это стоит денег.

Нора дала ему пару пенни.

— Этого хватит? — нерешительно спросила она.

Бобби закатил глаза.

— Этого хватит на три раза, мисс. И еще на пару других вещей. Я все сделаю. Ну а сейчас мне нужно бежать — мистер Симпсон ждет.

Мальчик помчался на работу, однако Нора слышала, как он на лестнице говорил о чем-то с миссис Пэддингтон. Та отвечала довольно злобно, здесь, мол, не гостиница и она не служанка. Но затем ее шипение умолкло, и Нора осталась наедине с Саймоном. Не зная, что можно сделать

для него прямо сейчас, она присела на корточки рядом с его постелью, смутно припоминая все, что знала об уходе за больными. Вспоминать было особенно нечего, собственно, лишь то, что она помнила по тем дням, когда болела сама. Когда Нора простужалась или у нее расстраивался желудок, их экономка делала ей компрессы на ноги и варила чай из трав. Здесь же, однако, не было даже котелка, не говоря уже о том, что его не на чем было разогреть. Нора обняла Саймона. Если бы ей удалось помочь ему встать, то она могла бы взбить его подушку, — хотя вряд ли жесткий, сбившийся в кучу комок можно было назвать подушкой.

Саймон посмотрел ей в глаза.

— Прости меня... — прошептал он.

Нора прижала его голову к своей груди.

— Тебе не за что извиняться, любимый, — прошептала она. — Ты не виноват, что заболел. А сейчас... Я здесь.

Саймон заволновался. Он снова закашлялся и попытался отстраниться от нее.

— Ты не можешь оставаться здесь, Нора! Ты вообще не должна быть здесь, ты должна...

В этот момент открылась дверь, и в комнату зашла худенькая темноволосая девочка. Она принесла кружку с каким-то горько пахнущим варевом. Норе показалось, что это разогретое пиво, может быть, туда добавили какие-то лечебные травы. Она скривилась, но от питья поднимался пар, значит, оно хоть чуть-чуть согреет Саймона.

Девочка робко сделала книксен перед важной гостьей.

— Это прислала мать, — сказала она тихо. — Мальчик Дайери заплатил за это. Я могла бы принести еще густой суп, но мама сказала, это стоит еще один пенни. — Девочка опустила голову. Казалось, ей было стыдно за жадность матери.

Нора уже полезла в кошелек, но затем передумала. Она же была дочерью купца! И пусть речь шла всего лишь о паре пенни, она не должна была позволить миссис Пэддингтон так бессовестно обманывать ее.

— Скажи своей матери, что я прекрасно знаю — Бобби уже заплатил за все, и за еду тоже! — сказала она так твердо, как только могла. — Если она хочет еще один пенни, то должна прислать тебя сюда с двумя одеялами, но с теплыми одеялами, а не с такими тряпками, как эта! — Она указала на потрепанное покрывало, под которым дрожал, пытаясь согреться, Саймон. — Ах да, и подушку тоже пусть принесет!

Девочка кивнула, поставила кружку на стол и ушла вниз, чтобы рассказать матери о требованиях молодой дамы. Выходя из комнаты, Джоан

бросила на Нору восхищенный взгляд. Девушка облегченно вздохнула, когда та закрыла за собой дверь.

— Джоан — хороший ребенок, — сказал Саймон тихо, словно упрекая Нору за ее жесткие слова.

Та пожала плечами.

— Зато ее мать — дракон! — заявила она. — Но я уж с ней справлюсь, я...

Саймон слабо улыбнулся.

— Дракона должен убить принц... — мягко напомнил он.

Нора закатила глаза.

— Завтра, любимый, завтра ты снесешь голову дракону. Но сначала ты должен избавиться от кашля. А это тебе удастся, только если здесь будет тепло и сухо и этот дракон перестанет морить тебя голодом. А теперь выпей...

Нора отправилась на поиски чашки или стакана и, в конце концов, нашла надбитую миску из глины. Она налила туда чуть-чуть горячего пива и протянула Саймону, но он дрожал слишком сильно, чтобы удержать миску. Нора помогла ему поднести ее ко рту и обхватила его руки своими, чтобы согреть их.

— Надо было, наверное, заказать рома, — пробормотала она.

Саймон пил жадно, и, казалось, ему тут же стало легче.

— Тебе нельзя оставаться здесь! — повторил он.

Нора скорчила рожицу, словно непослушная маленькая девочка. Затем улыбнулась.

— Попробуй воспрепятствовать мне, — с воинственным видом заявила она.

Саймон с трудом приподнялся.

— Нора, тебе нельзя оставаться в одной комнате с мужчиной. Это разрушит твою репутацию... это... — Он обессиленно упал обратно на постель.

— Мне это все равно, — коротко сказала Нора. — Наоборот, мне это подходит как нельзя лучше. Мой отец уехал по делам. А когда он вернется, половина города будет знать, что маленькая Нора Рид удрала со своим любимым. Тогда ему придется либо отречься от меня, либо устроить свадьбу. Поверь мне, он предпочтет последнее.

Саймон отрицательно покачал головой.

— Ты уже ошиблась однажды, — напомнил он тихо. — Нора, все то, что он сказал мне... Он никогда не согласится, никогда... и... Он ведь прав.

Нора хотела снова обнять его, но он отвернулся. Малейшее усилие

вызывало у него новый приступ кашля.

— Он полностью прав, Нора, я никогда не смогу предложить тебе жизнь, достойную твоего положения. А сейчас... Нора, это не безобидная простуда, слишком долго это продолжается. Это...

Саймон не произнес этого слова, однако Нора тоже знала признаки чахотки. Даже в самых благополучных кругах общества люди умирали от нее. А здесь, на узких улицах Ист-Энда, эта зараза была обычным делом.

Нора отрицательно покачала головой.

— Это излечится, как только мы окажемся на юге! — решительно заявила она. — Здешний холод, эта сырость — мы не созданы для этого. Ты должен снова набраться мужества, любимый! Подожди, когда здесь будет гореть огонь и у нас будут свечи... Точно — свечи, нам нужен свет. Мы устроимся поуютней, и я расскажу тебе об Острове Купера. Леди Вентворт очень четко описала мне его. И я еще не все тебе рассказала о книге, которую она дала мне почитать. О Барбадосе... О джунглях и побережье... Но там есть и настоящий город. Он называется...

Саймон сдался. Впрочем, у него уже не было времени для дальнейших возражений. В каморке снова появилась Джоан — на этот раз с тазом теплой воды.

На крыше тоже произошло какое-то движение.

— Это трубочист, — сказала девочка. — А мать собирает постельное белье. Она ругается, потому что ей, наверное, придется отдать свое собственное белье, и она требует два пенни, если постель должна быть свежей. А я тут подумала, может быть, господин хочет помыться.

Сердце Норы потянулось навстречу девочке. Джоан была действительно хорошим ребенком и, несомненно, тревожилась за Саймона. Может быть, она была влюблена в него? Но для этого она казалась слишком юной.

С другой стороны, в Ист-Энде дети, наверное, рано становились взрослыми.

Нора испугалась, когда внезапно что-то маленькое и черное, как сажа, спустилось на веревке вниз, в камин, и шлепнулось на кучу холодного пепла. Она было подумала, что это гном или Санта-Клаус, для которого в Святой Вечер она вешала носки на камин. Однако этот маленький гном оказался пятилетним мальчуганом, в руках которого был специальный веник.

— И делай все как надо, Том, чтобы я не слышал больше жалоб!

Это сверху раздался мужской голос. Наверное, то был трубочист, который опустил малыша по веревке вниз, чтобы тот сделал свою работу.

Дымоход был узким — взрослый человек или даже крупный ребенок не пролез бы через него.

Нора с ужасом смотрела на малыша, который с большим трудом сбивал сажу со стен камина. Маленький мальчик выглядел оголодавшим и кашлял. Нора хотела что-то сказать ему, но ей не пришло в голову, чем бы его утешить. Может быть, один пенни? Но это было равно, если верить Бобби, плате за всю работу. А мастер, конечно, отберет эти деньги у малыша. Дома у нее были сладости из сахара. Но здесь...

Пока она соображала, что делать, трубочист снова поднял своего ученика наверх. Тот продолжал чистить дымоход, висая на веревке.

— Сейчас будет готово! — в конце концов, крикнул мужчина сверху — Как только мы уйдем, можете разжигать огонь.

Однако для огня, конечно, пока не хватало дров, но Нора и здесь надеялась на Бобби. А для начала она должна была помочь Саймону помыться. Тот настоял на том, чтобы она при этом отвернулась. Несмотря на свою слабость, он выпрямился, и у Норы заболело сердце, когда она снова услышала, как он кашляет. После мытья он выглядел не столько освежившимся, сколько, наоборот, уставшим до смерти.

Нора тем временем искала его ночную рубашку. При этом девушка покраснела, ведь она даже своего отца никогда не видела в ночном одеянии. Однако сейчас было не до стыда. И потом, когда она выйдет замуж за Саймона, им все равно придется делить друг с другом постель. Нора довольно хорошо представляла, что ее при этом ожидает. Девочки из высшего света беспрерывно шептались об этом. *Faire l'amour* считалось при дворе французского «короля-солнца» одним из обязательных развлечений, а потом эти забавы постепенно перекочевали в Англию. Сельское дворянство возмущалось бесстыдством французов, однако молодые люди, краснея, наперебой рассказывали о пикантных ситуациях в стране по другую сторону канала. В любом случае Нора не боялась первой брачной ночи с Саймоном. До сих пор ей доставляло наслаждение полежать с ним рядом в летнем парке на траве. Она все еще с тоской вспоминала их последнюю поездку на лодке. Тогда она даже решилась залезть к нему под рубашку и погладить его голую грудь. Теперь не было причин, чтобы не повторить это снова.

Пока она рассматривала бедные пожитки Саймона, пришла Джоан с постельным бельем и одеялами, похоже, действительно пуховыми. Однако что касалось простыней... Нора не знала, смеяться ей или плакать. В любом случае ей придется постирать это белье. Завтра, как только она... Боже, ей ведь понадобится ушат или корыто, а еще горшки, для того чтобы

прокипятить белье, и все это были вещи, о которых она имела так мало понятия! Слово «приданое» вдруг приобрело совершенно иное значение: до сих пор в этом смысле она думала лишь о серебре и фарфоре, красивой мебели и скатертях.

Саймон позволил Норе помочь ему надеть свежую ночную рубашку. Новые одеяла и еще одна кружка горячего пива разогрели его настолько, что он перестал дрожать. Нора села рядом, погладила его лоб и помассировала ему виски, а когда она стала рассказывать о Барбадосе, он тут же уснул. Холод, наверное, слишком долго не давал ему спать.

Нора задумалась, где же она сама сможет лечь в этой маленькой комнатухе. Но для начала она поела немного супа, который принесла Джоан, а вскоре появился Бобби с большой корзиной, полной дров.

— В конторе твориться черт знает что, мисс, а ваш кучер в панике разыскивает вас, — разжигая камин, рассказывал мальчик. Нора внимательно следила за его действиями. Она сама еще никогда не разжигала камин, но ей придется научиться и этому.

— Я, конечно, ничего не сказал, но они что-то подозревают. — Бобби выразительным жестом обвел мансарду. — Мне кажется, они хотят известить вашего отца.

Нора кивнула, на душе у нее было беспокойно. Хорошо, что ее отец был сейчас в море, а письмо сможет попасть к нему в Амстердам не раньше, чем со следующим кораблем. Однако же она вполне допускала, что Пепперс узнает адрес Саймона. Появится ли он здесь и заберет ли ее отсюда без приказа своего хозяина? В этом Нора не была уверена. Пепперс боготворил ее, но в то же время был верным слугой Томаса Рида. Очевидно, все будет зависеть от его оценки сложившегося положения. Если он тоже посчитает ее любовь к Саймону детским увлечением, то заставит ее покинуть своего любимого.

Однако в этот вечер все же ничего не случилось. Узнал ли Пепперс адрес, по которому она находится? Симпсон обыкновенно уходил домой рано, а Уилсон, наверное, до сих пор не выдал Нору. А возможно, старый кучер еще не принял решение. Нора завернулась в свое манто и улеглась перед уютно горевшим в камине огнем. Она думала о том, что пока должна быть довольна тем, чего добилась в этот вечер.

Однако недолго пришлось ей наслаждаться сном. Кашель Саймона, его тяжелое дыхание не давали ей покоя, а затем... Она в ужасе вскочила, когда маленькие кожаные лапки пробежали по ее босым ногам. Мыши? Или даже крысы? Норе придется либо раскладывать здесь яд, либо купить кошку. Последний вариант был для нее более привлекательным, но она уже сейчас

начала тревожиться об этом маленьком зверьке. Дело в том, что мясо в супе показалось Норе каким-то странным на вкус.

А когда перевалило за полночь, молодая женщина начала беспокоиться о деньгах. Многие вещи в Ист-Энде были дешевыми, но, тем не менее, ее средства уже сейчас быстро таяли. Кошелек Норы вскоре опустеет. Она впала в панику, когда представила себе все это, но затем вспомнила о том, что существуют ломбарды. В первую очередь она продаст свою юбку с кринолином. Женщины в Ист-Энде обходились без них. Объемные юбки делали невозможным любой физический труд. А из этих денег она заплатит врачу. Это было самым важным. Саймону нужен врач.

Глава 5

Превратить юбку с кринолином в живые деньги оказалось нетрудно: миссис Пэддингтон торговала ношеной одеждой. Она тут же предложила Норе сделку, но та постаралась поднять цену повыше. Она хорошо усвоила первое правило своего отца: всегда получить несколько предложений, прежде чем пуститься в торговлю.

Итак, Нора заявила миссис Пэддингтон, что она поговорит с другими торговцами одеждой, вследствие чего предложение квартирной хозяйки Саймона стало гораздо более щедрым. В конце концов, Нора согласилась с ее ценой. Ей нужно было сделать покупки, но не хотелось надолго оставлять Саймона одного. Утром, правда, ему стало лучше, он даже настоял на том, чтобы ему дали самостоятельно растопить камин, и принес котел для чая, в котором чая, однако, не было. Нора попыталась занять его у соседки со второго этажа и застала ее как раз перед выходом из дому. Миссис Тэннер работала ткачихой на одной из новых фабрик и сейчас была занята своими младшими детьми. Они вдвоем упорно плакали, не желая расставаться с матерью, и она пыталась их успокоить. Чая у нее не было, и, казалось, она даже не знала, что это такое. Когда Нора объяснила ей, о чем говорит, та в ужасе отсоветовала ей брать воду из водопровода на улице.

— Это пить нельзя, сердце мое, от этого будет дришполка!

Вместо этого она порекомендовала джин, а смущенная Нора вспомнила вдруг о пивном супе ^[2].

Ее отец и до сих пор с восхищением отзывался об этом традиционном утреннем напитке, который во времена его юности был распространен повсеместно, но благодаря королеве Анне уступил почетное место чаю.

Кружка пива в доме у миссис Тэннер нашлась, и та с удовольствием поделилась ею с новой соседкой. За это Нора пообещала ей присмотреть за младшими детьми. Сара и Роберт, которым было два и три года, днями напролет оставались в квартире одни, и у миссис Тэннер каждый день разрывалось сердце, когда она расставалась с плачущими детьми. Ее старшие отпрыски, наоборот, уже сами работали: Ханна помогала готовить на кухне в трактире, а Бен чистил камин. И оба они уже с утра имели такой изможденный вид, что матери приходилось ругать их и насильно выпихивать из дому, чтобы те успели на работу.

Нора заставила сопротивляющегося Саймона выпить горячего пива и снова улечься в постель.

— Я принесу кое-что на завтрак, — сказала она, а минуту спустя уже неслась по грязным улицам с большим списком покупок.

Крысиный яд купить было легко. А вот с молоком и сливочным маслом дела обстояли хуже, тем более что Норе было некуда их поместить. Поэтому она купила кружку, две миски, тарелки, горшок и сковородку, а также необходимые ножи и вилки. Хлеб и сыр были дешевыми, зато масло — очень дорогим, что немало удивило Нору. Чай же и сахар были настолько дорогими, что их вряд ли можно было купить. Нора, которая до этого никогда не ломала себе голову над ценами на продукты, быстро узнала, что растительное масло продавалось по доступным ценам, так же, как картошка и капуста. Неудивительно, что вчерашний суп миссис Пэддингтон почти полностью состоял из них! Мясо было чрезвычайно дорогим, но миссис Тэннер попросила Нору принести ей пару костей. Таким образом, та стала обладательницей говяжьих костей, на которых висело еще пару кусочков мяса — для ее первых кулинарных опытов. Нора опознала это мясо по копытам и кускам хвоста, которые мясник выбросил на улицу перед своим домом. Теперь она могла быть уверена, что у нее в котле не будет ни кошки, ни коня! Но вонь перед бойней отбила у нее аппетит к супу надолго.

По пути она за полпенни купила сахарные сладости, чем осчастливила младших детей миссис Тэннер. У них она оставила свои покупки, чтобы отправиться на поиски доктора. Мысль о домашнем враче своей семьи она тут же отбросила. Доктор Моррис жил в дорогом особняке в квартале Мэйфер, недалеко от их собственного дома. Он вряд ли согласится прийти к больному в местность, которая пользуется дурной славой, но которую Нора называла теперь своим новым домом. Кроме того, он тут же выдал бы ее отцу местонахождение дочери. И, что стало особенно важным, он был очень дорогим врачом. И потому в итоге, как бы ей ни претило это, Норе пришлось обратиться к миссис Пэддингтон.

— Лекаря? Зачем? Для того жильца, что наверху? Не стоит тратить, маленькая леди: и слепому с палкой видно, что он долго не проживет. Скоротечная чахотка, леди. Что, в ваших кругах такого не знают? Ну, она даже перед лордами не останавливается.

И миссис Пэддингтон презрительно рассмеялась.

— Все же я бы предпочла выслушать диагноз от врача, — полным достоинства голосом оборвала ее Нора. — Может быть, вы знаете кого-нибудь, кто практикует в этой местности? Иначе мне придется подождать миссис Тэннер.

На это старуха Пэддингтон разразилась долгой и пространной тирадой

о том, что тут мало кто может позволить себе врача, даже если будет подыхать. В конце концов, Нора сдалась. Сначала ей надо было приготовить еду и позаботиться о том, чтобы Саймону было тепло и уютно. Может быть, им действительно не понадобится врач. Все простуды Норы всегда излечивались быстро, если нянюшке удавалось на пару дней удержать шустрюю девочку в постели.

Нора предполагала, что ей придется заставлять Саймона оставаться в кровати, однако того уложила туда собственная слабость. Утром он еще планировал выйти в город, чтобы поискать новую работу. Присутствие Норы окрыляло его. Но затем температура снова поднялась, так что Саймон даже не успел одеться. Он едва смог самостоятельно забраться обратно в постель, и к моменту возвращения Норы ему стало еще хуже, чем накануне.

— Чтобы выздороветь, понадобится не меньше недели! — утешила она его, а затем гордо показала ему свои покупки.

Саймон пришел в восторг, когда молодая женщина, как будто делала это всю жизнь, повесила котел над огнем и стала варить кости — в воде, которую тоже купила у лавочника. К ее удивлению, ей пришлось долго расспрашивать народ в лавках, пока она нашла кого-нибудь, кто продавал колодезную воду. И была она дороже, чем пиво!

— Где ты этому научилась? — изумленно спросил Саймон, когда Нора стала резать капусту и чистить картошку.

Нора засмеялась.

— Моя мама умерла рано, а меня потом все баловали — и кухарка, и домоправительница, и лакеи. Но у моей няньки была любовь с лакеем, и, когда у него освобождалась минутка, она отправляла меня на кухню. А там мне разрешали заглядывать в горшки и помогать кухарке. Как видишь, я кое-что могу!

Однако таким великолепным, как она надеялась, ее суп, увы, не получился: сосредоточившись на сравнении цен, Нора напрочь забыла про соль и перец. Так что супец вышел весьма пресным. Зато он был сытным, и маленьким Тэннерам тоже кое-что досталось. Они жадно проглотили скудный обед. А их мать благодарила Нору сквозь слезы.

— Вам надо было только присмотреть за ними, — робко сказала она. — Не нужно было их кормить.

Нора снова пришла в ужас, когда услышала, что детям на целый день оставляли только горбушку хлеба. Однако сейчас на первом месте было другое: она спросила миссис Тэннер про врача, и оказалось, что женщина действительно кое-кого знала.

— Доктор Мэйсон. Но он не дешевый врач. И я не знаю, насколько он хорош. Собственно говоря, все, к кому, я знаю, его вызывали... умерли. Но они все равно были уже почти мертвыми. А он, наверное, хороший человек, если ведет свою практику здесь, где никто не может ему заплатить.

«Или такой плохой врач, что где-нибудь в другом месте вообще не имел бы пациентов», — подумала Нора, но не решилась сказать это вслух. Она даже думать об этом не хотела. Доктор Мэйсон должен быть хорошим врачом! И хорошим человеком... Нора сразу же отправилась к нему. Она была очень встревожена тем, что у Саймона снова поднялась температура. Сейчас, вечером, его с новой силой мучили приступы кашля, его знобило, и было бы, конечно, хорошо, если бы доктор Мэйсон поскорее осмотрел его.

Врач жил в Ист-Энде, однако в той его части, которая граничила с кварталами получше. Казалось, что у него даже был свой персонал: дверь Норе открыла пожилая женщина в одежде домашней прислуги. Но такой ухоженной, как слуги в доме Рида, она все же не была.

— Кашель, деточка? — прокомментировала она, когда Нора описала симптомы болезни Саймона. — И этот мужчина еще не при смерти? — Женщина отрицательно покачала головой. — Нет, из-за этого доктор не пойдет к больному сейчас. Уже почти полночь! Приходите лучше завтра с утра. Если он не будет занят, тогда он пойдет с вами...

Попытка Норы договориться о точном времени визита на следующий день не удалась. Очевидно, доктор Мэйсон навещал больных лишь тогда, когда их родственники были действительно всерьез озабочены и заезжали за ним. Молодая женщина старалась не думать о том, что это недобрый знак. Просто доктор, наверное, слишком часто подолгу стоял перед закрытыми дверями, когда в последний момент семья принимала решение, что визит врача ей не по карману.

Нора провела еще одну беспокойную ночь на полу перед камином и добавила матрас в список покупок на следующий день. Саймон, казалось, тоже спал плохо: его мучили кошмары. Нора слышала, как он в лихорадке мечется по кровати, снова и снова кашляя. В конце концов, она не выдержала, встала и робко прилегла рядом с ним на его узкое ложе. И действительно, больной успокоился, когда она обняла его. Она прижала его голову к своему плечу и почувствовала почти что счастье, когда в полусне он пробормотал ее имя. Кашель тоже прекратился, и под утро Саймон, казалось, заснул глубоко и спокойно.

Теперь Норе мешал спать только шорох крыс и мышей в мансарде, но это должно было закончиться после этой ночи. Нора скрепя сердце

начинила часть драгоценного куска сыра крысиным ядом и, прежде чем уснуть, сердито пожелала животным приятного аппетита.

Саймон был дико смущен, когда утром проснулся в объятиях Норы, однако все же чувствовал себя намного лучше, чем днем раньше.

— Ты не хочешь меня поцеловать? — спросила его любимая еще в полусне, когда он зашевелился рядом с ней.

Саймон с некоторым сопротивлением в душе нежно поцеловал ее в лоб. То, что он делал, было неправильно. Не подобало джентльмену до свадьбы делить постель со своей любимой. Но, с другой стороны, он никогда не чувствовал себя таким счастливым, как сейчас, при виде волос Норы, рассыпавшихся по его подушке.

Он чувствовал ее маленькое, крепкое тело рядом с собой и думал о том, как прекрасно было бы любить ее. Он осторожно провел губами по ее вискам, по рту и шее, приласкал ее груди — и тут же ему пришлось бороться с первым в этот день приступом кашля.

Нора, которая, расслабленно улыбаясь, отдалась ласкам Саймона, испуганно вздрогнула.

— Я должна привести врача! — сказала она. — А ты в этот раз не вставай. Нельзя, чтобы ты слишком напрягался, как вчера.

Она нежно погладила его по мокрым от пота волосам.

— Просто отдохни еще немного. Я принесу тебе воды для мытья.

Нора поставила греться питьевую воду — ей все же удалось купить несколько пучков лечебных трав, которые должны были заменить чай, — и набросила платье поверх нижнего белья, в котором спала. Ей обязательно нужна ночная рубашка, лучше всего — красивая, ведь Саймон увидит ее в ней...

Нора была исполнена беспокойства, но вместе с тем чувствовала себя окрыленной, когда бежала вниз по лестнице (каждый раз это было похоже на наказание шпицрутенами). Если миссис Пэддингтон увидит ее, то обязательно найдет причину придрататься к ней или станет своим визгливым голосом отпускать насмешки в ее адрес. Впрочем, мистеру и миссис Тэннер доставалось не меньше — их хозяйка была мерзкой сплетницей, которая не могла упустить возможность злобно прокомментировать любые действия своих квартирантов. Однако в это утро миссис Пэддингтон, казалось, еще спала, и Нора без помех смогла наполнить свой кувшин. Она с отвращением посмотрела на темную жижу, которая по трубам, представлявшим собой выдолбленные изнутри стволы деревьев, подавалась в кварталы для бедняков. Вода была из Темзы. И все сточные воды снова возвращались в нее же — неудивительно, что и Пэддингтоны, и

Тэннеры, да и все остальные в Ист-Энде предпочитали пить джин. Пиво и крепкие спиртные напитки были дешевле, чем родниковая вода, которую с трудом доставляли сюда из окрестных деревень, и которую Норе еле удалось купить за день до этого. И, кроме того, спиртное помогало забыть о холоде и влажности, спертом воздухе и тяжком многочасовом труде на фабриках. Для того, чтобы помыться и освежиться, как надеялась Нора, городская вода была вполне пригодна. Однако она все же процедила ее сквозь полотенце. Накануне вечером Нора видела, как это делает Джоан. Таким способом девочка подготавливала воду для приготовления пищи.

Когда Нора вернулась, Саймон послушно, как было приказано, лежал в постели и в этот раз даже разрешил ей помочь себе помыться и переодеться в свежую рубашку. Нора вспомнила, что нянька протирала влажным полотенцем ее вспотевшее тело, когда она болела. Это было почти как ласка, и Саймон, казалось, воспринимал ее действия именно так. Он застонал от удовольствия, и что-то изменилось внизу его тела, но Норе не хватило смелости разобраться, в чем дело. Затем он поцеловал ее с необычной страстью. Нора спросила себя, не началось ли сейчас то, что, собственно, бывает в свадебную ночь. Но затем Саймона одолели жар и слабость. Казалось, ему стало невыносимо стыдно.

— Я... Прости, — пробормотал он, перестав ласкать ее и бессильно склонившись к ее плечу. — Нора, милая, мало того что я ничего не могу тебе предложить, — я даже не могу стать твоим мужем... Тебе лучше уйти.

Нора поцеловала его в голову и вытерла ему пот со лба. Она нежно обвела пальцем тени у него под глазами и погладила его впалые щеки.

— Я сейчас действительно уйду, — сказала она тихо. — Мне, наконец, нужно попасть к этому врачу. Но сначала ты должен выпить травяной настой и поесть хлеба. Это вполне нормально, что человек чувствует себя слабым, когда болен. Скоро тебе станет лучше, тебе нужно только есть и отдыхать. И ни о чем не беспокоиться. Я люблю тебя таким, какой ты есть!

Когда Нора наконец добралась до дома, где жил доктор Мэйсон, того не оказалось на месте.

— Срочный вызов, — кратко объяснила его служанка. — Приходите позже. Доктор очень занят...

Нора, в которой постепенно закипала злость, поверила в это лишь к тому моменту, как прошла половину квартала, разыскивая другого врача. Похоже было на то, что доктор Мэйсон действительно был единственным врачом, практиковавшим в этой местности, — неудивительно, что он был все время занят. Нора решила завтра попробовать еще раз, пораньше, а

текущий день объявила днем большой стирки. У Саймона больше не было чистых рубашек, да и ее собственное белье выглядело не лучшим образом. Ночь же в так называемой «свежей» постели от миссис Пэддингтон просто вопила о необходимости стирки. Однако Нора не знала, как это все проверить. В доме Рида была своя прачечная, но Джоан непонимающе посмотрела на Нору, когда та спросила, где можно постирать.

— А где же вы стираете свое белье? — обескураженно спросила Нора. — Я имею в виду... должно же быть...

— В Темзе, — ответила девочка. — Немного выше по течению, там вода не такая грязная. Идите вверх по течению, мисс, и вы увидите там прачек. Или, может быть, я сделаю это для вас? Один пенни...

Нора в ужасе покачала головой. Естественно, воды Темзы объясняли ужасный цвет и затхлый запах «свежего» белья. Она же хорошо знала, что постельное и нательное белье нужно вываривать, чтобы оно было действительно чистым. У торговца за углом она выстояла очередь и купила щелочь и пару кусков мыла — опять же недешево, большинство людей здесь, казалось, вообще не пользовались мылом, — а затем исследовала свою кухонную утварь. Котел был слишком маленьким, чтобы замочить там белье, и, кроме того, все в Норе противилось тому, чтобы в одном и том же горшке сначала кипятить нижнее белье, а затем варить суп. Потом ей пришлось в голову, что миссис Тэннер, конечно, как-то стирает пеленки и вряд ли таскает их к реке.

И действительно, в комнатенке Тэннеров нашелся котел побольше. Нора взяла его взаймы и следующий час провела за тасканьем воды из общественного водопровода и процеживаньем ее через полотенце, чтобы там, по крайней мере, не плавали частицы грязи. Потом разогрела воду, замочила белье, тщательно простирала и прополоскала его. К тому моменту, как белье было отжато, Нора почувствовала такую усталость, какой доселе еще не ведала. Однако рубашки и простыни теперь сияли белизной и висели, просыхая, перед камином. Саймон, который все это время просидел рядом, завернувшись в одеяло, снова был потрясен.

— Ты действительно создана для жизни в колонии, — замороженно констатировал он. — Я хорошо могу себе представить, что мы и вправду живем в одной из этих хижин, как туземцы... Мне только нужно набраться достаточно здоровья, чтобы построить ее для тебя.

— Скоро тебе станет лучше! — ободряюще сказала Нора.

И тут же вспомнила, что ей нужно сделать еще одну попытку пригласить к ним доктора Мэйсона. Пусть даже сегодня он уже не сможет прийти сюда, возможно, ей удастся договориться с ним о точном сроке

визита на следующий день. Кроме того, Нора хотела попасть на базар в Чипсайд. Она продала свою юбку миссис Пэддингтон, а вместо нее выторговала простое серое шерстяное платье, такое, как носила миссис Тэннер. Не только потому, что нужны были деньги, а еще и потому, что ей не хотелось бросаться в глаза, когда она ходила по улицам. К тому же подобное одеяние было короче и практичнее, чем ее красивое послеобеденное платье. Однако Нора не собиралась экономить на ночной рубашке для своей «свадебной ночи»! Она была убеждена, что Саймон сделает ее своей женой по-настоящему, как только ему станет хоть чуточку лучше, и хотела быть для него красивой.

К сожалению, Норе снова не повезло с доктором Мэйсоном, но она старалась не терять мужество. Она решительно шагала по торговым улицам, однако нервно уворачивалась, когда проходила под железными вывесками лавок, которые опасно раскачивались на ветру. Нора не раз слышала о том, что они обрывались и падали вниз, иногда увлекая за собой куски фасада. Нередко при этом погибали прохожие.

Вдруг Нора услышала, как сзади к ней подъезжает карета. Она испуганно обернулась и замерла от страха. Это же... Нора попыталась скрыться в подъезде, но, оказалось, он вел в кофейный дом, а женщин туда не пускали. Она втянула голову в плечи и побежала дальше. Может быть, Пепперс не узнал ее в этом простеньком платье, к тому же на голове у нее был чепчик, какие носили большинство женщин в Ист-Энде. А затем ей выпал шанс повернуть в боковой переулок, который был недостаточно широк, чтобы вместить карету. Нора перепрыгнула через дурно пахнущую лужу: в подобных местах скапливались отбросы, которые жители Лондона имели обыкновение выбрасывать прямо перед своими домами. Она вытащила носовой платок и зажала нос. К запахам города она привыкла — даже самые роскошные улицы Лондона воняли сточными водами, которые отводились по открытым каналам, мокрыми лошадьми и гниющими трупами животных. Но до сих пор стены кареты защищали ее от самого худшего, а теперь, когда Нора передвигалась пешком, она была беззащитна перед чудовищной вонью. Грязь фонтанами брызгала вверх, когда колеса кареты миновали лужи, а невезучий иногда получал на свою голову целое ведро грязной воды или даже содержимое ночного горшка.

Этот переулок оказался особенно отвратителен: тут находилось несколько боен. Норе приходилось проявлять крайнюю осторожность, чтобы не наступить на разлагающиеся кишки или шкуры животных. Но ее отчаянные усилия не были напрасны. Через короткое время она выскочила на одну из больших улиц вокруг Тауэра и сразу же почувствовала себя в

большей безопасности. Пепперс просто не мог проследовать за ней. Вопрос теперь был только в том, как ей найти дорогу назад в Ист-Энд. Пока Нора пыталась сориентироваться, откуда-то раздался срывающийся голос — кто-то звал ее по имени.

— Мисс Нора! Подождите же! Не убегайте, мисс Нора!

Пепперс, с покрасневшимся от непривычно быстрого бега лицом, в чулках, до колен забрызганных грязью, и в своей обычно такой безукоризненной форме кучера, бежал из «переулка боен» прямо к ней.

Нора нерешительно повернулась к нему.

— Пепперс, я...

— Я сразу же узнал вас! — задыхаясь, пробормотал слуга. — Несмотря на это странное платье. Боже мой, мисс Нора, мы так беспокоились о вас!

Нора пожала плечами.

— И напрасно, Пепперс, как видите. Я чувствую себя хорошо.

Тот измерил строгим взглядом ее худощавую фигуру, руки без перчаток с потрескавшейся кожей, покрасневшей от мыла и горячей воды, и чепчик, косо сидящий на небрежно скрученных сзади волосах.

— Я вижу. — Эти слова словно вырвались из его строго сжатых губ.

Нора решила отказаться от вызывающей позиции.

— Пожалуйста, не предавайте меня, Пепперс! — сказала она тихо. — Я нашла Саймона, то есть мистера Гринборо. Он очень болен, и кто-то должен позаботиться о нем.

Кучер наморщил лоб.

— И этим «кем-то» хотите быть вы, мисс? — недоверчиво спросил он.

Нора прочла на его лице скепсис. Пепперс любил свою молодую хозяйку. Но при этом не верил, что она способна на что-то большее, нежели поездки верхом, танцы, игра на спинете ^[3] и пустые беседы с другими такими же избалованными дамами.

Нора кивнула.

— Да, я! — твердо сказала она. — И пожалуйста, пожалуйста, не останавливайте меня! Он любит меня, и я нужна ему, он умрет, если я его брошу. А я... — она прикусила губу, — я еще никогда в жизни не была так счастлива.

Пепперс пожал плечами. Эта ситуация, похоже, была выше его сил.

— Я не уполномочен мешать вам, мисс, — сказал он. — Но ваш отец... Его пытались известить, однако я не знаю, получил ли он уже это письмо.

— Амстердам далеко. Но я не сомневаюсь в том, что он заберет вас обратно, как только...

— До тех пор может пройти несколько недель! — взмолилась Нора. — Саймон выздоровеет, а затем...

— Мальчик-посыльный говорит, что у него чахотка, — резко заметил Пепперс. — А когда я вспоминаю, как он кашлял в вашей карете...

— Это просто простуда, Пепперс! — заявила Нора. — Ему определенно уже становится лучше. Я... я знаю, что делаю!

Кучер сжал губы и снова испытующе посмотрел на молодую женщину.

— Вы перебиваетесь вместе с ним в этой дыре, в Ист-Энде? — спросил он. — Играете в домохозяйку?

Нора протянула мужчине свои потрескавшиеся руки и посмотрела на него горящим взглядом.

— Это не игра! — сердито сказала она. — Когда же мне, наконец, хоть кто-нибудь поверит, что это не игра!

Пепперс потер лоб.

— Ну ладно, мисс Нора, — немного погодя проговорил он. — Я никому не скажу, что нашел вас. Но и помочь вам не могу. Я попаду в чертовскую переделку, если принесу вам сейчас деньги или...

— Мне не нужна никакая помощь! — заявила Нора. — Просто оставьте нас в покое.

Пепперс недоверчиво вскинул брови и подавил глубокий вздох.

— Тогда идите с Богом, мисс, — пробормотал он. — Надеюсь, ваш молодой лорд сумеет достойно оценить то, что вы делаете для него.

Глава 6

Нора устремилась назад в Ист-Энд. Беседа с Пепперсом была достаточно неприятной для нее. Ей было стыдно, что старый слуга увидел ее в платье, которое в доме Рида не надела бы на себя даже прислуга. Но в то же время этот разговор принес ей облегчение.

Кучер подтвердил то, на что она так надеялась: может пройти несколько дней, а то и недель, пока ее отец получит гневное письмо начальника своей канцелярии. А потом ему еще нужно проделать обратный путь. Если все будет хорошо, то Саймон выздоровеет задолго до возвращения Рида домой, получит новую работу, а Нора докажет отцу, что у нее серьезные намерения. Конечно, сейчас половина лондонского купечества уже всю переживает косточки его сбежавшей из дому дочери. Ему не останется ничего другого, кроме как благословить их с Саймоном союз.

Но возвращение в съемное жилье отрезвило Нору. Миссис Пэддингтон снова выследила ее и в этот раз напомнила еще и о долге за квартиру. Долг был небольшой, за неделю, однако Норе предстояло самой добывать деньги, поскольку все сбережения Саймона уже определенно были израсходованы. Значит, ей снова придется что-то продавать. И, как бы там ни было, она-то уж точно не будет посылать деньги кредиторам Саймона и его ненасытной семейке! Пусть леди Саманта сама позаботится о себе!

Мысль об этом немного взбодрила Нору, но и вернула на землю. Прежде чем подняться к себе, молодая женщина еще раз заглянула к Тэннерам, чтобы проведать малышей, и забеспокоилась, потому что маленькая Сара чихала и кашляла. Огонь в камине Тэннеров давно погас, и Нора не нашла дров, чтобы снова разжечь его. Ладно, она все равно сейчас будет готовить травяную настойку для Саймона и сможет пару глотков этого варева принести и ребенку. Пока миссис Тэннер вернется домой, пройдет еще несколько часов. Ткацкая мануфактура работала допоздна. Мистер Тэннер освобождался раньше, однако любил заканчивать день за парой рюмок джина в пабе. О своих детях он никогда не заботился.

Состояние Саймона полностью вернуло Нору к действительности. Он был пугающе бледен, еще больше похудел и имел более измученный вид, чем за день до этого. И совсем не хотел есть. Когда Нора пыталась влить в него немного настойки из лекарственных трав, он пожаловался на боль в груди. Его дыхание было неровным и частым.

Нора решила, во что бы то ни стало поймать доктора Мэйсона на следующее утро, прямо на рассвете. Она накормила детей Тэннеров, а затем улеглась рядом с Саймоном. Его тело горело от высокой температуры, но он все же смог обнять Нору. Она, счастливая, лежала на его плече и рассказывала ему о встрече с Пепперсом, чтобы затем сразу же перейти к мечтам.

— Мой отец согласится, я знаю. А поскольку уже все равно разразился скандал, он, определенно, посчитает хорошей идеей отослать нас куда-нибудь на пару лет. Что ты думаешь о Барбадосе, любимый? Там целый год тепло и дождей не так много. И повсюду цветы. Леди Вентворт говорит, что мы тут не можем себе представить, какое там все разноцветное. Даже птицы похожи на цветы. Там есть колибри... Они совершенно пестрые, и у них длинный клюв. Эти крошечные птички могут парить в воздухе, словно стоят на месте...

— .. и пьют нектар из цветов, — продолжил Саймон тихо. — Я прочел это в твоей книге.

Хотя тогда, в карете, он бросил один лишь взгляд на ее страницы, его, видимо, хватило: Саймон читал быстро и все схватывал на лету. Без сомнения, у него перед глазами все еще стояла картинка с пальмами на берегу.

— Представь себе, что мы уже там... — прошептал он. Голос Саймона звучал устало и тоскливо, но Нора заслушивалась его тихой мелодией. — Мы лежим в нашей хижине на берегу, слышим, как шумят волны, и... Мы с удовольствием потанцевали бы в лунном свете, но не будем выходить из хижины, чтобы не мешать черепахам... Они закапывают свои яйца в песок.

— А когда из них вылупятся маленькие черепашки, мы быстро отнесем их в воду, чтобы их не поймали чайки и цапли, — засмеялась Нора. — И будем смотреть, как они шустро уплывают прочь. А еще прокричим им вслед наши приветы и будем целоваться. И твои поцелуи будут иметь вкус моря.

Саймон уснул первым, но ночью он время от времени просыпался, и Нора боялась, что он задохнется от надрывного кашля. Он уже еле двигался, когда утром она снова помыла его и поменяла ему рубашку. Нора старалась шутить, когда сделала первую попытку побрить его.

— Я лучше сделаю это сейчас, до того как приведу врача. Если я случайно перережу тебе горло, то мы сэкономим на гонораре.

Саймон лишь слабо улыбался. Казалось, он с трудом улавливал смысл ее слов. Но выглядел все же прилично и ухоженно, когда она покинула его,

чтобы наконец-то привести к его кровати доктора Мэйсона. Молодая женщина с удовольствием посмотрела на чистые белые подушки и простыни, на которых покоился Саймон. У врача сложится хорошее впечатление. Нора помнила, что ее нянька всегда заботилась о том, чтобы ее подопечная выглядела прилично, когда доктор Моррис приходил лечить ее от боли в горле или животе.

Доктор Мэйсон действительно оказался дома, однако, несмотря на раннее утро, от него уже пахло джином. После непродолжительного разговора он согласился присоединиться к Норе, чтобы обследовать Саймона. И быстренько выпил глоток из своей карманной фляги, до того как выйти из дому.

— Это исключительно для здоровья, — поспешил оправдаться он, увидев Норин презрительный взгляд. — Боже упаси пить здесь воду. Зато спиртное, кажется, предупреждает заболевания. До сих пор я, по крайней мере, не подцепил здесь ни чахотку, ни холеру.

Нора посчитала хорошим признаком то, что он все-таки не был похож на хронического пьяницу. Их уже через несколько дней пребывания в Ист-Энде она стала узнавать по красным носам, стеклянным глазам и неуверенной походке. Их лица зачастую были распухшими, одутловатыми, как у обжор, несмотря на жалкое питание в бедных кварталах. Доктор Мэйсон, напротив, был высоким и худым. Его пышный парик, давно вышедший из моды и настолько изношенный и неухоженный, что можно было подумать, будто птицы свили там гнездо, — сидел на его голове, как хохолок павлина. Сюртук мистера Мэйсона тоже знал лучшие времена, однако доктор, наверное, не обращал внимания на свой внешний вид. К специфике переулков Ист-Энда он привык — его немного старомодные туфли на высоком каблуке и с пряжками как бы сами по себе обходили стороной кучи отбросов.

— Значит, речь идет о вашем... муже? — спросил он у Норы, которая намного менее умело лавировала между лужами. Был холодный ветреный день, и она плотнее запахнула свое манто. Доктор Мэйсон посвятил этой детали ее гардероба короткий удивленный взгляд. Наверное, в этой части Лондона нечасто можно было увидеть теплую шерстяную накидку.

— Моем женихе, — уточнила она. — Это очень упорная простуда. Он уже несколько месяцев борется с ней, но сейчас я тут. Я забочусь о нем. Вскоре мы хотим пожениться...

Доктор Мэйсон удивленно поднял брови и поджал губы, однако никак не прокомментировал ее признание.

— Мой... мой жених — лорд, — робко пролепетала Нора. — Он

просто попал в сложное положение: его отец...

— О, маленькая леди снова здесь!

Нора как раз открывала перед доктором Мэйсоном дверь в свой теперешний неухоженный дом, и в это время миссис Пэддингтон выскочила из своей квартиры, как стервятник. В это утро у нее был особенно злобный и неопрятный вид, и от нее разило дешевым спиртным. Наверное, кто-то вчера вечером заплатил ей за квартиру, и женщина тут же превратила деньги в алкоголь.

— А об оплате жилья принцесса подумала? И кого же это она привела с собой? Неужели еще одного любовника? Нет, так дело не пойдет, девушка, это приличный дом! Хотя, конечно, без сомнения, на этом вы могли бы кое-что заработать...

Нора покраснела, но доктор Мэйсон только отвел взгляд в сторону. Казалось, что он привык к людям вроде миссис Пэддингтон, и лишь немного сердито глянул на Нору, когда речь зашла о неуплате за жилье.

— Я заплачу за комнату, миссис Пэддингтон. Мне нужно будет только сходить в ломбард. А вы можете не беспокоиться, доктор, ваши деньги у меня.

— Значит так, леди, если у вас есть деньги, то их получу сначала я! — настойчиво потребовала миссис Пэддингтон, пытаясь втиснуться между Норой и врачом. Молодая женщина решительно отодвинула ее с дороги.

— Я отдам вам деньги позже! — твердо сказала она. — А сейчас идемте, доктор Мэйсон, моему жениху очень плохо.

Если доктор Мэйсон и удивился чистоте подметенной комнаты, свежести постельного белья и огню в камине, то виду не подал. Когда Нора уходила, Саймон лежал в полудреме, но теперь попытался встать и поздороваться с врачом. Норе показалось, что, несмотря на измученный вид, он прекрасен. Утром она распустила его темные волосы и причесала их, и теперь локоны красиво лежали на белой подушке, обрамляя тонкое аристократическое лицо.

— Мне стало хуже, — прошептал Саймон, когда врач задрал ему рубашку, чтобы осмотреть его. — Кашель, и сейчас больно дышать... — Он неуверенным движением показал на левую сторону груди.

— Зачастую плохо бывает перед тем, как станет хорошо! — заявила Нора, чтобы придать Саймону мужества.

Доктор Мэйсон жестом приказал ей молчать. Он обнажил грудь Саймона, простучал и прослушал обе стороны. Затем вздохнул и аккуратно расправил рубашку пациента, прежде чем укрыть его. Тот закашлялся.

— Да, мистер... виконт Гринборо... — Это было весьма любезно со

стороны доктора — упомянуть дворянский титул Саймона, но у Норы были возражения.

— Как, уже все? А разве вы не должны... Я имею в виду, когда я была простужена, то врач всегда простукивал мне спину, и...

Доктор Мэйсон поправил парик и поднял глаза к небу, словно моля о терпении.

— Конечно, мисс. Но я уже и так знаю, что за болезнь у вашего жениха. Если я теперь попрошу его перевернуться, это только отберет у него силы, а их у него и так больше нет. Как я собирался сказать, виконт, у вас острая... вид острой... хм... легочной гангрены. Это является причиной боли при дыхании. А в остальном... Я сожалею, но мы должны исходить из того, что phthisis зашел уже очень далеко.

Саймон молчал, но врачу показалось, что он увидел легкий кивок головы. Больной явно знал, что с ним происходит.

Нора всхлипнула.

— Фти... — Она боролась со словом, которое еще никогда не слышала. — Но это же не чахотка?

Доктор Мэйсон глубоко вдохнул.

— Я сожалею, мисс... — повторил он.

Норе показалось, что она больше не может стоять на ногах. Она бессильно опустила на край кровати Саймона.

Тот взял ее за руку.

— Ну, дай же доктору просто высказаться, любимая, — сказал он нежно. — Он знает, что нужно делать...

— А можно что-нибудь сделать? — спросила Нора голосом, исполненным надежды.

Саймон обменялся короткими взглядами с доктором Мэйсоном.

Тот прокашлялся и снова схватился за свой парик. Наверное, этот характерный жест и был причиной тому, что его головное украшение имело такой растрепанный вид.

— Всегда можно что-то сделать, мисс. Только иногда это... Я... Значит, самое лучшее, что вы можете сделать для своего жениха, — это просто держать его в тепле. Ему нужен покой. Давайте ему пить, но только не воду из водопровода, иначе ему будет намного хуже.

— Молоко? — спросила Нора. Она слушала врача, широко раскрыв глаза, как ребенок, которому обещают награду, если он все будет делать правильно.

Доктор Мэйсон кивнул.

— Молоко — это хорошо, — согласился он. — И суп. По возможности

питательную пищу.

— А лекарства? — поспешно спросила Нора.

Доктор Мэйсон вздохнул.

— Лекарство очень дорогое, — заметил он. — А в данном случае...

Саймон снова попытался поймать его взгляд.

— Хорошо, — сдался доктор Мэйсон. — Я выпишу вам питье, аптекарь может вам его приготовить. Сироп из мака, виконт, он... он облегчит вам...

Саймон облизал губы.

— Как... долго? — прошептал он, пока Нора лихорадочно искала бумагу и карандаш.

Врач коротко взглянул на Нору, прежде чем ответить.

— Если воспаление снова утихнет, то пару недель. Если же нет... Пара дней.

Нора услышала только последние слова.

— Через пару дней тебе будет лучше, — храбро сказала она. — Я тебе всегда так говорила, Саймон.

Доктор Мэйсон кусал губы и молчал. Он еще раз обернулся к Норе, когда она провожала его вниз.

— Мисс... Нора. — Та не называла ему своей фамилии. — Возвращаясь к вашим планам касательно женитьбы. Для вас будет лучше, если вы отложите свадьбу. И вообще, вы должны прикасаться к вашему жениху как можно реже, и лучше... хм... не обмениваться с ним ласками. В Венеции считают, что эта болезнь может передаваться от одного человека к другому. Там даже советуют сжигать одежду людей, заболевших чахоткой.

Нора бросила недоверчивый взгляд на врача.

Мужчина вздохнул.

— Я знаю, здесь, в Англии, это не подтверждено, — пробормотал он. — Но по моему опыту... Никому лучше не будет, если и вы тоже заболете.

Глава 7

Доктор Мэйсон попросил всего лишь два пенса за посещение больного, так что Нора даже устыдилась. Зато аптекарь взял с нее один шиллинг и шесть пенсов за маковый сироп. Вместе с платой за комнату это поглотило все деньги Норы, полученные за ее платье. Однако средство подействовало: боли у Саймона немного стихли, и когда он вечером выпивал полную ложку снадобья, то спокойно засыпал в объятиях Норы. И днем молодая женщина теперь проводила много времени в его постели — на предупреждение врача как можно реже приближаться к нему она не обратила ни малейшего внимания.

Нора крепко управляла своим импровизированным домашним хозяйством. Теперь ей приходилось тратить минимум времени, чтобы поддерживать чистоту в мансарде, разжигать камин и варить еду. Самые необходимые покупки для более-менее урегулированной жизни были сделаны, и Нора покидала дом лишь для того, чтобы сделать какие-нибудь незначительные приобретения. Чтобы добыть денег, она продала свое манто и серебряную заколку для волос, а, в конце концов, заложила кольцо с печатью Гринборо, которое Саймон до сих пор упорно берег. Теперь он уже не возражал, а Нора старалась не задумываться о том, что будет, когда они потратят последние пенни. Она цеплялась за надежду, но, естественно, видела, что Саймон слабеет, и подозревала, что его дела плохи. Как бы отчаянно оптимистично ни комментировала Нора посещения врача, но и она понимала, что такое чахотка. Она знала, что от этой болезни умирают, и не только в Ист-Энде. Когда чахоткой заболевали люди из богатых слоев общества, недуг развивался не столь быстро. Но намного чаще, чем полное выздоровление, наблюдалось просто многолетнее продление довольно жалкого существования.

Что касается опасности заражения, то она игнорировала предупреждения врача. Во что бы там ни верили в далекой Венеции, Нора считала абсолютной чушью возможность того, что от ее любимого исходит какая-то опасность для нее. Более того, она не могла насытиться прикосновениями к Саймону. Она прижималась к нему, как только находила предлог для этого, и они вместе часами предавались своим мечтаниям.

Раньше Саймон был для нее, прежде всего, человеком, который со светящимся взором рассказывал о южных морях. Нора отчетливо помнила

их первую встречу. Она тогда зашла в комнату отца во время его беседы с Саймоном. Как раз решался вопрос о приеме того на работу. Конечно, ей надо было бы подождать у входа, когда она поняла, что отец не один, но Нора с первого взгляда влюбилась в лицо Саймона, в его теплый низкий голос: *«Да, я свободно говорю по-французски, немного по-немецки и по-фламандски. Если я... Когда я буду свободен от обусловленных семейными причинами обязательств, которые до сих пор удерживают меня в Англии, я надеюсь, что смогу занять должность в колонии. Ямайка... Барбадос...»*

Нора услышала в его голосе ту же тоску, которую ощущала сама, когда видела картинки пляжей в книжке, когда слышала, как семьи плантаторов рассказывают о теплых ночах и жарких днях, о пестрых птицах, мотыльках и огромных цветах с дурманящим ароматом.

Суховатый ответ ее отца, что, мол, за океаном тоже не все то золото, что блестит, Саймон пропустил мимо ушей. Так же, как и Нора, которая закрывала уши всякий раз, когда Томас Рид превращал в смех ее мечты о южных морях.

А какое-то время спустя молодой человек вышел из конторы ее отца, и она увидела солнце в его глазах. Он, со своей стороны, узнал книгу о путешествиях Христофора Колумба у нее в руках. Они, вовсю улыбаясь друг другу, разговорились об этой книге, и с тех пор Нора стала подозрительно часто находить для себя занятия в конторе отца. И однажды они перенесли свои тайные встречи в парк Святого Джеймса. Сначала просто гуляли вдоль озера, подыскивая самые длинные и укромные пути, а потом стали подолгу целоваться под густыми, свисающими к воде ветвями ив и мечтать о своей хижине на берегу. Саймон рассказывал ей об открытиях островов в Карибском море, их освоении, о гнездах пиратов и табачных плантациях, о морских битвах и торговых отношениях. Он много знал об истории региона, который притягивал его, и Нора восхищалась этими знаниями.

А теперь, в ранних осенних сумерках, в их мансарде говорила только Нора. Она строила воздушные замки и рассказывала бесконечные истории.

— У нас, разумеется, не будет рабов! — категорически заявила она.

Короткий спор с леди Вентворт все еще жил у нее в памяти.

— Нам не нужно много персонала.

Нора считала простую жизнь в маленькой комнате вполне удовлетворительной.

Конечно, некоторая работа была очень тяжелой, и, несомненно, она бы с удовольствием избавилась от миссис Пэддингтон. Но, с другой стороны, здесь не приходится терпеть постоянные взгляды любопытных глаз

прислуги и не нужно непрерывно проявлять сдержанность, вести себя хорошо и «всегда служить примером», как с самого ее детства требовал от своей дочери Томас Рид.

— Самое большее — это горничная, — размышляла она. — По мне, пусть даже черная...

— Я еще никогда не видел чернокожую девушку, — тихо сказал Саймон. — Одного негра когда-то видел, в доках. Но женщину — никогда.

— А она не покажется тебе красивее, чем я? — озабоченно спросила Нора.

Саймон усмехнулся, и это опять вызвало у него кашель.

— Никогда ни одну женщину я не буду считать более красивой, чем ты, Нора, — заявил он еле слышным голосом. — Будь она черная, белая или красная.

Нора притворно сердито посмотрела на своего любимого.

— Мне кажется, тебе придется поцеловать меня, чтобы я поверила в это!

Несмотря на острие дамоклова меча, висевшего над ними, Саймон и Нора были счастливы в эти дни. Они делили пополам странное состояние беззаботности, отодвигая мысли о смерти и разлуке подальше от себя, так же, как вытесняли остальной мир из своей маленькой каморки под крышей. А между тем дела Саймона шли все хуже. Он часами пребывал в состоянии лихорадочного сна, но благодаря объятиям Норы, ее нежному голосу и прописанному доктором сиропу из мака забытьё это сопровождали чудесные сны. Теперь для Саймона все чаще сливались воедино фантазия и реальность, и он действительно видел себя и Нору лежащими на пляже под солнцем, в то время как на самом деле лежал рядом с ней на узком ложе в бедном районе Лондона.

Нора с болью рассталась с надеждой, что он успеет сделать ее своей женой, но довольствовалась хотя бы тем, что стала царицей его мечтаний.

— Мы любим друг друга на теплом песке, а над нами висит полная луна. Такая большая луна, Саймон, какой я никогда раньше не видела... И она светит так ярко... Я могу видеть тебя, и ты можешь видеть меня. Я... Я сняла с себя платье, а ты...

— Ты прекрасна... — прошептал Саймон. — Твое тело блестит серебром в лунном сиянии, а звезды отражаются в твоих глазах. Я целую тебя, я люблю тебя, и легкий ветер осушает наш пот...

Через десять дней после посещения врача реальность снова настигла влюбленных. Пора было опять платить за комнату, и в этот раз миссис Пэддингтон зашла к Саймону, когда Норы не было дома. За этим

он. — Таковую дыру, как эта, мы найдем где угодно!

Приступ кашля завладел Саймоном, но затем он снова взял себя в руки.

— А теперь выйдите вон, миссис Пэддингтон! Вон, пока Нора не вернулась и не увидела, как своим присутствием вы оскверняете нашу комнату!

От этой грязной бабы исходила такая вонь, что Саймон стал задыхаться. В сногшибательный букет из испарений шнапса и пота, отравляющих воздух, вплетался также аромат давненько не стиранной одежды миссис Пэддингтон. Однако она действительно отступила. Возмущение Саймона, должно быть, испугало ее, или же внизу, в семье Тэннеров, произошло нечто более интересное. Саймон услышал, как она злобно заругалась, как только вышла за порог. Он хотел закрыть за ней дверь, но почувствовал, что силы оставляют его. Саймон оттолкнулся от края кровати, попытался схватиться за спинку стула, но в глазах потемнело, и его снова сотряс жуткий приступ кашля. Саймон уже давно время от времени плевался кровью, но до сих пор это были лишь капли, следы которых можно было укрыть в карманном платке. Однако сейчас из его легких вырвался целый поток светлой, пенящейся крови, и одновременно ему показалось, будто кто-то перехватил ему горло. Он отчаянно пытался вдохнуть воздуха.

Саймон зашатался, неловко шагнул назад к кровати и тут же рухнул поперек нее. Приступ никак не заканчивался. Саймону казалось, что его грудь вот-вот разорвется, и он кашлял до рвоты. Когда, в конце концов, он снова смог дышать, то был настолько истощен, что не мог шелохнуться. Его голова упала на простыню, и он погрузился в беспмятство, милостиво подарившее ему облегчение.

Когда Саймон пришел в себя, то увидел, что лежит в своей постели, а Нора уже вытерла жуткие следы крови. Молодая женщина пришла в ужас, когда нашла его в таком состоянии, но о кровотоении из легких она уже была наслышана. До сих пор Нора пыталась выбросить из головы все, что знала о скоротечной чахотке, но сейчас это было уже невозможно. Тем не менее, она не сдавалась.

— Спокойно, любимый, лежи спокойно и ничего не говори. Младший Тэннер уже находится на пути к доктору Мэйсону, он сейчас придет. В этот раз он должен прийти быстро, и ты...

— Он уже ничего не сможет сделать, — прошептал Саймон.

Он в отчаянии оглядел себя и заметил, что Нора сняла с него

запятнанную кровью рубашку. Как же она справилась с этим одна, или же действительно он похудел настолько, что изящная молодая женщина смогла поднять его? Но нет, сегодня же суббота, день платежа за квартиру. И жильцы пришли раньше с работы. Саймон услышал раскатистый голос мистера Тэннера в коридоре.

— Все в порядке, мисс Нора, или я могу еще чем-то помочь?

Очевидно, соседи помогли Норе раздеть его и уложить в кровать.

Нора любезно поблагодарила его и сказала, что доктор Мэйсон скоро придет сюда.

— Он определенно что-то может сделать, — утешала она Саймона, помогая ему надеть свежую ночную рубашку. — Как ты себя чувствуешь сейчас? У тебя есть боли? Тебе плохо?

Саймон покачал головой.

— Только усталость, Нора, я так устал... Мне не нужен доктор Мэйсон. Мне нужна... Мне нужна только ты...

Нора прижала его к себе и не отпускала до тех пор, пока не услышала голоса на лестнице. Миссис Пэддингтон во всю глотку комментировала новый визит доктора. Минуту спустя мистер Мэйсон распахнул дверь мансарды.

— Именно это я вам и запретил, — сказал врач при виде своего пациента в объятиях Норы, но это прозвучало не строго, а скорее беспомощно. — А теперь отпустите вашего жениха, мисс Нора, раз я уже здесь.

Доктор Мэйсон, казалось, тоже не знал толком, что еще он мог сделать. Но все же основательно осмотрел Саймона. Нора помогла больному сесть, но вскоре, полностью изможденный, он завалился набок, и они еле успели подхватить его.

Доктор Мэйсон глубоко вздохнул, осторожно укрывая одеялом грудь Саймона.

— Так вот, виконт, мисс Нора... Это... Такое кровотечение, естественно, ускоряет процесс.

Доктор взял себя в руки. Он не мог больше оглядываться на нежные чувства молодой женщины, испуганно сидящей на краю кровати.

— Вы знаете, виконт, что дело приближается к концу.

Саймон кивнул.

— Я не хотел утруждать вас, — извиняющимся тоном сказал он.

Доктор Мэйсон покачал головой.

— Перестаньте, мне все равно нужно было идти в эти места. Однако в вашем случае более уместен священник, чем врач.

— Неужели нельзя... ничего сделать? — спросила Нора, задыхаясь от слез.

Врач пожал плечами.

— Ну почему же... Оставайтесь с ним, держите его в тепле и не позволяйте волноваться, то есть попытайтесь держать от него подальше эту сварливую бабу, что живет внизу. И попросите священника прийти к нему, когда он этого захочет.

Доктор Мэйсон пожал Саймону руку, прежде чем уйти, и утешающе погладил Нору по плечу.

— Давайте ему опиум, мисс Нора, это облегчит все.

— Ты должна заплатить ему, — тихо предупредил Саймон, заметив, что Нора даже не провожает доктора.

Она сидела на кровати, отвернувшись от Саймона, зажав руки между коленями и опустив голову.

На несколько мгновений она позволила горю стать сильнее ее. Сейчас она снова станет мужественной, сейчас... сейчас...

Слова Саймона вырвали ее из оцепенения.

— Я... Я позже найду к нему, — неуверенно проговорила она. Все равно врача уже не догнать. — Сейчас мне надо...

Саймон покачал головой.

— Я не хочу никакого священника, — прошептал он. — Тебе не нужно ничего делать и никого звать. Я хочу только... только тебя...

Пепперс чувствовал колоссальное облегчение, потому что его, кажется, миновала участь того человека, который должен был выдать своему хозяину местонахождение Норы.

Томас Рид даже не спрашивал кучера, он лишь отдал краткий приказ немедленно отвезти его в контору, когда утром в понедельник Пепперс встретил его на причале в порту.

Рид прибыл на торговом корабле из Гамбурга. Конечно, это был не самый комфортабельный вид путешествия, но, когда известие об исчезновении дочери настигло его в Любеке, он использовал ближайшую возможность, чтобы вернуться в Лондон.

И теперь стоял заспанный, в растрепанном парике и помятой одежде перед служащими своей конторы, секретарями и бухгалтерами. Мистер Симпсон пространно доложил о последнем появлении Норы в конторе, но Рид быстро оборвал его.

— Конечно, вы не назвали ей адреса молодого человека, Симпсон, и вы тоже нет, Уилсон, и нет никакой необходимости убеждать меня в этом в

третий раз. Тем не менее, моя дочь все же нашла этот адрес, иначе где же еще она находится со своим якобы женихом уже три недели? Итак... — Рид окинул взглядом шеренгу своих служащих, и все как один смущенно опустили головы. В конце ряда стоял Бобби, который, понимая свою вину, покраснел, когда Рид посмотрел на него.

— Эй ты! — Рид сразу же заметил его реакцию. — Роберт! Это ты провел мою дочь в Ист-Энд? Говори, не бойся. Понятно, что в силу своей должности ты не мог ей возражать. И никто из этих замечательных господ не запретил тебе?

Бобби покачал головой и скромно улыбнулся.

— Запрещать мне никто не запрещал, — подтвердил он и сразу же выложил свою обширную исповедь. — Поэтому я позже пришел в доки, чтобы отдать письма, — закончил он, робко взглянув на Симпсона, который сверлил его злобным взглядом. — Но Ист-Энд, эта местность возле Темзы, я же не мог позволить, чтобы молодая леди пошла туда одна. И я не спускал с нее глаз, сэр! И позже...

— Ты поддерживаешь с ней контакт? — спросил Рид. В его голосе слышалась ярость, но и облегчение.

— Некоторым образом, — пробормотал Бобби. — В любом случае ей хорошо.

Томас Рид потер виски.

— Ну, тогда давай убедимся в этом. Все немедленно приступают к работе, господа. А ты поедешь со мной, Роберт, и покажешь моему кучеру дорогу, если уж так хорошо ориентируешься в районе Ист-Энда.

После того, как ушел доктор Мэйсон, Нора и Саймон оставили весь этот печальный мир за стенами своей мансарды. Саймон умирал, однако Нора гнала мысли о смерти силой своей воли и своих мечтаний. Ее истории уводили их двоих на побережье чудесного острова в Карибском море. Тихим голосом Нора рассказывала о гамаке, который она плетет из пальмовых листьев. Они лежали в нем вместе под тропическими деревьями, их качал ветер, их ласкали солнечные лучи, проникавшие сквозь листья и рисовавшие узоры из света и тени на их голой коже.

Нора теперь вставала лишь для того, чтобы не дать погаснуть огню в камине. Она все время держала Саймона в своих объятиях, рассказывала о своих мечтах и тихо пела песни любви, которые убаюкивали его. Саймон большую часть времени спал, но, когда она гладила его, находил ее руку и целовал. Нора не считала ни часы, ни дни, она больше не прислушивалась испуганно к его дыханию и не вздрагивала, когда он кашлял. Больше не

было ничего важнее, чем быть вместе, на свете были только они вдвоем, их остров и шум прибоя на побережье.

Но однажды, в ночь на понедельник, когда Нора хотела потушить последние свечи, Саймон вернул ее к действительности.

— Что ты будешь делать, когда все закончится? — прошептал он. — Когда я... Ты вернешься назад в Мэйфер? Ты веришь, что твой отец простит тебя... и меня?

— Это никогда не закончится, — решительно ответила Нора и поцеловала складочку на его лбу — следствие усилий и забот. — Ты всегда будешь со мной. Все уладится. Должно уладиться. Я тебя очень люблю.

— Ты должна забыть меня, — сказал Саймон. В его глазах стояла вся боль мира, и он с трудом выжимал из себя слова. — Я умираю, Нора. Но ты живешь. Ты еще такая молодая. Ты полюбишь кого-нибудь другого.

Нора покачала головой.

— Никогда. Мы всегда будем вместе. Я удержу тебя на этом свете, любимый. Я не дам тебе уйти. Не бойся.

— Я не боюсь, — прошептал Саймон. — Если бы я мог... Если бы я только мог... Я бы никогда не покинул тебя, Нора. Я всегда буду любить тебя...

Она погладила его по лицу пальцами, потом губами, как будто хотела навсегда запомнить его.

— Ты меня не покинешь, — нежно сказала она. — Вспомни об истории с духами. Негры на островах называют их лоа или дуппи.

Саймон слабо улыбнулся.

— Они образуются из дыма, который поднимается из могил...

Эта история была описана в одной из его книг, и в свои счастливые дни они вместе испытывали страх, когда он рассказывал ее Норе.

— Вот видишь! — сказала Нора. — Ты вернешься, мы сможем всегда быть вместе в наших мечтах, на наших островах.

Саймон сжал ее руку.

— Так отвези меня туда, Нора, — выдохнул он, — хоть когда-нибудь отвези меня туда...

Когда Саймон издал свой последний вздох, Нора спала, и ей снился рай на побережье. Она держала любимого за руку, а Саймона уносили волны. Маковый сироп, который Нора дала ему выпить вечером накануне, избавил его от мук смертельной агонии.

Когда Нора проснулась, еще теплое тело Саймона покоилось в ее объятиях, но не слышно было тяжелого дыхания. Лицо его было спокойным и красивым, наконец-то освобожденным от болей и забот. Нора

знала, что все закончилось, но пока не ощущала ни боли, ни печали. Его глаза были закрыты, и она поцеловала его веки. Она не могла и не хотела выпускать его из своих объятий. Она удержит его хоть чуть-чуть, хоть на короткое время. В последний раз она хотела ощутить его тело, чтобы никогда не забыть чувство, которое испытывала, когда ласкала любимого.

Но в конце концов, волшебство закончилось. Смерть Саймона высвободила душу Норы из кокона, который любовь соткала вокруг них. Остров их мечтаний поблек, и Нора снова увидела убогую комнату, в которую с трудом проникал серый утренний свет. И впервые за два дня услышала то, что обычно происходило за пределами мансарды, — знакомую злобную ругань миссис Пэддингтон, которая, очевидно, приветствовала какого-то гостя.

— Еще один изысканный господин, наверное, к лорду и к леди, да? — Обычное едкое хихиканье донеслось до Норы. — Однако не слишком ли рано для визита вежливости, а? Что, речь идет о деньгах, сэр? Судебный исполнитель? Но там нечего взять, я сразу вам говорю. И не сойти мне с этого места — за комнату нужно было заплатить еще три дня назад! Два шиллинга, мистер, так вот.

— Ваша дыра наверху не стоит таких денег! — Нора вздрогнула. Она узнала этот нахальный голосок. Бобби, маленький посыльный из конторы. Значит, этот человек действительно хотел к ней. Она уже слышала, как кто-то поднимается по лестнице вверх, или это не один, а несколько человек? Нора нежно уложила тело Саймона на постель и быстро набросила платок на рубашку, в которой спала. Она еще подумала, не накрыть ли простыней лицо любимого, но у нее не хватило мужества заставить себя сделать это.

Кто-то постучал в дверь, и Нора на какой-то момент задумалась, стоит ли вообще открывать. Ей нужно было немного времени для себя — у нее все еще не было сил общаться с внешним миром.

Однако Бобби никогда не ждал, пока кто-то отреагирует на его стук. А Томас Рид и подавно. Купец с силой толкнул дверь — и с ужасом увидел полутемный чулан под крышей, куда из великолепного дома в Мэйфере сбежала его дочь. Томас Рид сразу заметил косые стены и дряхлую мебель. Однако с первого взгляда увидел он и то, что пол чисто подметен, в камине горит огонь, а немногочисленные горшки и сковородки, глиняные чашки и тарелки на неумело сколоченных полках сияют чистотой. Он увидел аккуратно разложенную на шатком стуле одежду, и отчаяние и усталость во взгляде своей дочери, которая невольно остановилась перед кроватью любимого, защищая его. Он был в гневе, когда услышал о ее непослушании, он был в ярости, потому что из-за нее ему пришлось

прервать свою поездку, и его мучили предчувствия о возможных последствиях ее детского каприза. Но здесь и сейчас его встретило не избалованное дитя, сбежавшее от папочки, чтобы поиграть в замужество. Молодая женщина, которая стояла перед ним с распущенными волосами, набросив на дешевую ночную рубашку поношенную шаль, заметно повзрослела. И как же ей удалось сделать из этой дыры, из этой мансарды... Рид почувствовал невольное уважение к своей малышке.

Но что же случилось с Гринборо? Купец увидел худощавое тело под одеялами, но... Не мог же этот человек не проснуться от всего этого переполоха в коридоре?

— Нора... — Томас Рид не раз рисовал в своем воображении встречу с дочерью, но не ожидал, что будет чувствовать себя при этом настолько беспомощным. Он неуверенно распростер объятия.

Нора сначала смотрела на отца так, будто увидела привидение. Но затем от его вида, от звука его голоса и от беспомощного нежного жеста все ее чувства прорвались наружу.

— Папа!

Нора бросилась в его объятия. Она безостановочно судорожно всхлипывала, а тем временем Рид растерянно всматривался через ее плечо в человека, лежащего в кровати у камина. Бобби, который появился из-за его плеча и без всяких церемоний осмотрел помещение, подтвердил его самые худшие опасения.

— Он мертв, — сказал мальчик и перекрестился. — Господи, помилуй его душу.

Словно из далекой дали Нора услышала ругань миссис Пэддингтон в коридоре. Та продолжала выдвигать свои требования насчет оплаты квартиры.

— Я же ей платила! — Нора, всхлипывая, бессвязно выкрикивала слова. — Я... имею в виду... за комнату. У меня только в этот раз не было времени, потому что Саймон... Но доктор... вот ему я не заплатила... ему я еще должна.

Нора вспомнила о тихом напоминании Саймона и заплакала еще сильнее.

— Ну, это самая малая из бед, — смущенно пробормотал отец и нежно прижал ее изящное тело к себе, утешая дочь. Он почувствовал, что Нора заметно похудела.

— Нора, я же не знал. Я же не знал, что тут все так плохо... что он настолько болен.

Нора покачала головой.

— Никто этого не знал, — прошептала она. — Но я... он... что же мне теперь делать?

— Ты, конечно, сейчас же поедешь домой! — решительно заявил Рид. — Пепперс ждет внизу. Мы...

— Но Саймон... — Нора повернулась к кровати.

— Ну, для него мы больше ничего не сможем сделать, — вмешался Бобби, желая утешить ее, но Нора от этого расплакалась с новой силой.

— Я позабочусь обо всем, — сказал Рид спокойно. — Но тебя я сразу же заберу с собой, Нора, и не возражай. Ты сейчас должна отдохнуть. Ты сделала все, что могла.

Глава 8

Томас Рид действительно позаботился обо всем, причем Бобби оказал ему неоценимую помощь. Мальчик провел Рида и плачущую Нору мимо вопящей миссис Пэддингтон и затем вернулся, чтобы заплатить ей за жилье, — Рид дал ему деньги у самой кареты. Затем он сбегал к доктору Мэйсону, на выплате гонорара которому по причинам, непонятным ее отцу, настаивала Нора. При этом доктор вовсе не требовал денег за свою последнюю консультацию. Он сказал, что все равно уже ничем не смог бы помочь. Тем не менее, Бобби заставил его принять шиллинг и вперед заплатил ему за визит в дом Тэннеров, дети которых, плача и кашляя, вцепились в юбку Нору, когда Рид выводил ее из дома.

— Может быть, что-то можно будет сделать для них, пока они не подхватили чахотку, — сказал Бобби, и прозвучало это жутковато.

Мальчик также нанял могильщиков, но Рид настоял на том, чтобы тело Саймона Гринборо избежало незавидной участи быть похороненным на кладбище для бедных. Он знал эти неглубокие могилы, в которые укладывали по пять или даже по семь трупов, причем ямы не засыпали землей до тех пор, пока они полностью не были заполнены трупами. Вместо этого Рид выкупил место на кладбище рядом с новой церковью Святого Георгия в Мэйфере, заказал гроб и позаботился о достойных похоронах. Он сообщил матери и сестре Саймона о смерти сына и брата, однако дал резкий отпор, когда те сразу же поинтересовались, где находится фамильное кольцо с печаткой, а также возможные сбережения умершего.

— Что же мог накопить этот молодой человек? — пробормотал Рид, качая головой. Еще в день своей поездки в Ист-Энд он послал Уилсона разобраться с жалким домашним хозяйством Нору и Саймона, пока миссис Пэддингтон не обратила в деньги все их имущество. Никаких ценных вещей там, конечно, не нашлось — только тщательно подшитые квитанции о банковских переводах всем кредиторам, а также леди Гринборо и ее дочери. Рид был в шоке.

— Родные люди разделали его, как рождественского гуся. А я считал его жадиной, потому что он постоянно ходил одетый, как принц нищих.

Нора решила отдать семье Тэннеров все их с Саймоном нехитрые пожитки, и Уилсон предпринял необходимые для этого шаги. Миссис Тэннер, вся в слезах, поблагодарила ее, однако сразу же продала все и

купила на эти деньги джина. А миссис Пэддингтон потребовала возмещения убытков, которые потерпела, лишившись постельного белья: якобы она дала его Норе в займы, а теперь не хочет забирать назад, потому что на нем умер Саймон. Уилсон совершенно спокойно пропустил ее тираду мимо ушей, будучи привыкшим к подобному: у него была такая же злобная хозяйка.

— Старуха достаточно заработала на этой грязной мансарде, — заявил он Риду, чем значительно поднял свой авторитет в его глазах. Купец умел ценить людей, которые сэкономили его деньги.

Нора не могла остановить потоки слез. Три дня она, тихо всхлипывая, сидела в своей комнате, в углу широкой кровати под балдахином, обхватив руками колени и прижавшись к ним головой. Молодая женщина ни с кем не говорила и лишь коротко отвечала, если к ней обращались.

Томас Рид вынужден был заставить ее встать и пойти вместе с ним в церковь на отпевание Саймона. Ему не очень хотелось это делать, но леди Мак-Дугал, его давняя подруга и советчица в светских вопросах, которая, несмотря на охотничий сезон, случайно оказалась в Лондоне, посоветовала ему все же пойти туда.

— Конечно, это не совсем удобно, но все равно уже половина Лондона говорит о том, что ваша дочь сбежала с каким-то обедневшим лордом. Так что сейчас лучше совершенно официально признать Саймона в качестве умершего жениха Норы. Может быть, хоть что-то удастся спасти, если вы достаточно убедительно объясните, что она провела последние недели в его семье, чтобы помочь его матери ухаживать за больным.

Томас Рид, которого репутация Норы волновала меньше, чем ее душевное состояние, недовольно пробормотал:

— Похороны только еще больше расстроят ее.

Леди Мак-Дугал покачала головой.

— Глупости, Томас, наоборот, это поможет подвести заключительную черту. Она попросится с ним, может быть, поплачет еще пару дней, но затем сможет перешагнуть через это. А скажите.. . За это время... э... вы уже узнали, является ли она еще... девственницей?

Рид раздраженно дал отрицательный ответ. Он никогда бы не решился затронуть эту тему, хотя его, конечно, это тоже живо интересовало.

Айлин Мак-Дугал, жизнерадостная дочь леди Маргарет, которая с трудом избежала скандала из-за собственной связи с конюхом, не страдала комплексами. Леди Маргарет попросила ее «чуть-чуть развеселить Нору», пока сама разговаривала с Томасом. Это, естественно, не удалось. Нора

сидела в своем углу и тихо плакала, не обращая внимания на вопросы, которыми бомбардировала ее любопытная молодая женщина. Лишь только тогда, когда Айлин напрямую спросила, сделал ли, в конце концов, Саймон ее женщиной и как это происходило, она отреагировала коротко и резко.

— Нет, — глухо сказала Нора. — Даже этого у нас не было...

Нора больше не плакала, когда вместе с отцом прибыла на новое кладбище, расположенное вблизи церкви. Она послушно надела черное платье, которое ее горничная вытащила из шкафа, — правда, пришлось несколько ушить его, поскольку Нора за последние недели действительно сильно похудела. Швея, которая быстро подогнала платье по фигуре, потребовала за это шиллинг.

— А за целое платье на базаре в Чипсайде можно получить всего три шиллинга, — сказала Нора почти безучастно, когда домоправительница стала ругать такую грабительскую цену. — А за юбку с кринолином дают всего лишь два... При этом они такие непрактичные, эти юбки с кринолином.

Ее служанка, которая отдала бы всю свою жизнь за то, чтобы хотя бы раз в таком платье, будучи тщательно накрашенной и с напудренными волосами, потанцевать на балу, оставила эту фразу без комментариев.

Пастор церкви Святого Георгия произнес проникновенную речь, а Уилсон, который, как и большинство служащих конторы Рида, тоже пришел на похороны, удерживал миссис Пэддингтон подальше от Норы. Хозяйка дома не могла не заявиться в церковь на погребальную службу, однако сделала это лишь для того, чтобы наброситься на Нору и выставить ей новые требования. Здесь же были и Тэннеры, причем Нора подозревала, что ее отец возместил обоим отсутствие заработка из-за того, что те не пошли сегодня на работу. У них был сочувствующий вид, однако от них уже с утра пахло джином.

Нора отстояла похоронную службу с окаменевшим лицом. На следующий день она уже не плакала, даже вышла на улицу, как доложили ее отцу озабоченные служанки.

Однако Пепперс, как он надеялся, отвез мисс не на одну из лучших торговых улиц, чтобы обновить ее гардероб, а в ломбард в Ист-Энде. Нора выкупила кольцо Саймона с печаткой — и сразу же почувствовала себя лучше, когда ощутила его металл в своей руке. Кольцо было слишком велико для ее тонких пальцев — его не смог бы носить даже Саймон — оно, очевидно, принадлежало кому-то из более крепких предков Гринборо. И Нора, недолго думая, повесила это кольцо на бархатную ленту, чтобы

носить на шее.

Затем молодая женщина надолго впала в состояние глубокой бесслезной печали. Она снова целыми часами сидела в уголке кровати и невидящим взглядом смотрела перед собой. Ее глаза будто искали остров на юге, где она потеряла душу Саймона. Но пути назад она не находила.

Остров
ЛОНДОН, ЯМАЙКА
Зима 1729 — весна 1732 года

Глава 1

— Дайте ей еще пару недель, — сказала леди Мак-Дутал, когда Нора и через неделю после похорон не проявила никаких признаков того, что хочет вернуться к нормальной жизни. Как и раньше, дочь Томаса Рида целые дни проводила одна в своей комнате.

— Это было очень тяжелое переживание. Ей, наверное, понадобится больше времени.

Томас Рид дал себя уговорить, но пара недель плавно перетекли в пару месяцев и в итоге растянулись на целый год.

Нора совсем не хотела выходить из своего состояния печали. Конечно, со временем ее оцепенение как-то ослабло. Сначала отец заставлял ее приходить на общий обед и ужин в столовую, и, в конце концов, она стала приходить туда уже без его требования, самостоятельно. Она уже не так упорно молчала, отвечала на его вопросы и, казалось, даже любезно прислушивалась к его рассказам о делах. Томас Рид благодарил небо за то, что она, кажется, не обижалась уже на отца. Однако Нора больше не смеялась, и никому не удавалось уговорить ее пойти на какое-нибудь увеселительное мероприятие. На все приглашения — осенью на верховую охоту, зимой — на балы, а весной и летом — на пикники и праздники на природе — она отвечала отказом.

Хотя этих приглашений было намного меньше, чем обычно, — разумеется, скандал повредил ее репутации.

— А может стать еще хуже! — вздыхала леди Маргарет. — Ради Бога, не давайте ей совсем уйти в себя. Таскайте девочку с собой в церковь или куда-нибудь на ужин. Если хотите, давайте балы, тогда она не сможет никуда спрятаться. Но следите за тем, чтобы она была на виду! Иначе дамы придумают себе Бог знает что!

Леди Маргарет сделала многозначительный жест, обозначавший округлившийся живот.

— Я думаю, что она не... — пробормотал Томас.

Леди Маргарет закатила глаза.

— Вы хотите напечатать об этом в газете? — поинтересовалась она. — И все равно, даже если вы это сделаете, найдутся люди, которые вам не поверят.

Итак, Томас Рид вынуждал дочь как можно чаще выходить из дому. Однако Норе больше не доставляли радости ни беседы, ни хорошая еда, ни

музыка, ни танцы. Она не прикасалась к спинету, так любимому ею раньше, а когда Томас подарил ей прекрасную арабскую кобылу, она, повинувшись долгу, конечно, выезжала на прекрасном животном в парк Святого Джеймса, но у нее не осталось и следа от бывшего восторга при поездке галопом или преодолении охотничьих препятствий.

Даже последний отчаянный совет леди Маргарет не принес результатов: Нора ни капли не заинтересовалась красивым молодым конюхом, которого от безысходности нанял Томас Рид. Она, казалось, совсем не замечала юноши. Зато пребывание на свежем воздухе изгнало призрачную бледность с ее щек. Хотя царившему идеалу красоты соответствовал белоснежный цвет кожи, здоровая молодая женщина чаще добивалась его с помощью пудры, отнюдь не избегая ласкового солнца.

Подходила уже вторая годовщина со дня смерти Саймона Гринборо, и Томас Рид почти смирился с глубокой печалью своей дочери. Нора по-прежнему сторонилась развлечений, которые так любила раньше, и отказывалась от любых приглашений, которые в последнее время стали усиленно ей присылать.

В первое время после «скандала» общество несколько отдалило ее от себя. В конце концов, никто не знал, не оказалась ли дочь Томаса Рида падшей девушкой. Но когда стало понятно, что ее ошибочный шаг остался без последствий, — леди Маргарет и ее дочь не уставали отпускать искусные намеки на, безусловно, платоническую любовь дочери купца к бедному пэру, — общество было готово снова принять Нору Рид.

Во многих семьях вместе с тем стали живо обсуждать ее пригодность на роль кандидатки в невесты для своих сыновей. Ведь юная женщина отличалась незаурядной красотой и к тому же была единственной наследницей. С тех пор как Норе исполнилось девятнадцать лет, в дом Ридов участились «случайные» визиты вежливости дам среднего возраста, которые изо всех сил нахваливали своих сыновей. Мамочки при этом были в полном восторге от Норы, причем скандал вокруг ее персоны успели предать полному забвению. Как же могла такая скромная, милая молодая женщина выкидывать такие кренделя, о которых шептались в обществе? Нора Рид была вежливой, хорошо воспитанной и одевалась скромно. Она предпочитала сдержанные цвета, по возможности избегала рюшей и лент, а если о чем-то и заговаривала, то не о следующем бале или самой лучшей закройщице, а чаще всего о благотворительной деятельности. Для женщины ее возраста это было, может быть, несколько странно, но тот факт, что такая молодая особа уже занимает свой ум вопросами добродетели, говорил о ее необычной зрелости.

Действительно, тема благотворительного питания и медицинского обслуживания бедняков в Ист-Энде была единственной темой, которая заставляла Нору снова становиться прежней, и новые знакомые открыли для себя ее привлекательность и самоотверженность. Она умела очаровательно обращаться к спонсорам и сама ходила в наиболее запущенные кварталы города, чтобы наблюдать там за раздачей помощи.

Толчком для этой ее деятельности послужило одно из вечерних представлений, которое поспешно и отчаянно организовал Томас Рид вскоре после того, как Нора вернулась к нему. Одна из приглашенных матрон, миссис Анна Уэндрингтон, рассказала о доме для детей-сирот, которому оказывала помощь.

— Эти бедняжки не обязательно являются сиротами, просто их родители не заботятся о них, потому что полностью посвящают себя джину. Склонность к пьянству — это так ужасно! Спиртное заставляет этих людей забыть обо всем!

Миссис Уэндрингтон, довольная своей речью, пригубила вина.

К удивлению остальных гостей и к ужасу своего отца, Нора вдруг громким голосом заявила:

— Причина в том, что джин в той местности дешевле, чем вода. И зачастую он не так вреден для здоровья. Или вы хотели бы пить ту навозную жижу, в которую превратилась вода в Темзе?

Миссис Уэндрингтон наморщила лоб.

— Дешевле, чем вода? Как такое может быть? Впрочем, мы уже думали об этом. Может быть, там надо организовать раздачу чая и кухню, где можно готовить суп. Для детей и родителей. И обязательно с духовным сопровождением. Священник из церкви Святого Георгия...

Нора насмешливо произнесла:

— Пошлите туда лучше врача! Библия не поможет людям, когда их дети кашляют так, что разрываются их легкие! С голоду они умирают реже. Пара костей, из которых можно сварить суп, и чуть-чуть капусты — это все дешево. А если мать пьет джин, то маленькие девочки очень быстро становятся взрослыми, и тогда сестра готовит еду для младшего брата. Намного трудней дело обстоит с деревом или углем, чтобы развести огонь. Если бы вы занялись этим... Если бы вы раздавали чистую воду... А вообще-то надо бы снести с лица земли весь этот Ист-Энд и построить там новые дома, — наконец вырвалось у нее.

— Нора! — укоризненно воскликнул Томас Рид.

Миссис Уэндрингтон поперхнулась, но в ее пользу говорило то, что она об этом уже думала.

— Сейчас нам надо закончить эту малоутешительную и неудобную тему, — сказала она. — Но нам нужно будет поговорить с вами, мисс Рид. Такая наблюдательная молодая дама с острыми глазами и горячим энтузиазмом очень нужна в нашем благотворительном кружке!

Действительно, вскоре после этого она пригласила Нору к себе, и с тех пор молодая женщина все деньги, которые раньше вкладывала в одежду и развлечения, отдавала для улучшения жизни в Ист-Энде. Нора организовала кухни для бедняков и платила энергичному доктору Мэйсону, чтобы тот регулярно консультировал тех пациентов, которые не могли заплатить за себя. Конечно, все это было подобно капле воды на раскаленном камне — ведь очень мало женщин из купечества, не говоря уже о дворянах, решались зайти в городские кварталы, пользовавшиеся дурной славой, и имели представление о том, как живут бедняки. Таким образом, много средств собрать не удалось, но зато эта работа вырвала Нору из ее летаргии.

Томас Рид толком не знал, должен ли радоваться этому.

— Она останется старой девой! — пожаловался он леди Маргарет, которая недавно удачно выдала замуж свою дочь Айлин. — Если она выходит из дому, то только с этими матронами и направляется исключительно в Ист-Энд, а после этого от нее пахнет всякими притираниями, которые выписывает тамошний врач. Она, кажется, лично помогает ему ухаживать за больными. Или же в одиночку катается на лошади по парку, причем этот бедный слуга не поспевает за ней. Я сейчас подыскиваю нового, который не так красив, но зато умеет лучше ездить на лошади. А иногда она возвращается в слезах, хотя слуга клянется, что Нора не ходила на кладбище. Она, к счастью, посещает его редко, но от этого не легче. Танцы она больше не любит, в театры не ходит, на пикники не ездит. Если я чуть ли не силой тащу ее с собой в какое-нибудь общество, она сидит только с дамами и пытается втянуть их в свою благотворительную деятельность.

На юношей она не глядит — при этом она же красива, как юное утро, и мужчины прямо разрываются вокруг нее. А их матери! Каждая матрона этого города с удовольствием представила бы Норе своего сына. Но, если у них и получается, Нора говорит только «я рада» и целый вечер смотрит сквозь кавалера. Так она никогда не выйдет замуж. А пора бы! Я бы уже с удовольствием обзавелся парой внуков, да хотя бы одним мальчиком, который впоследствии руководил бы торговым домом.

Леди Маргарет пожала плечами.

— Вы должны показать ее врачу, — констатировала она. —

Существуют же средства против тоски.

Томас Рид, собственно, не верил в то, что Нора больна, но послушно отвез ее к врачу, доктору Моррису, который прописал ей лауданум — средство, содержащее опий.

Норе показалось, что лекарство пахнет точно так же, как сироп из мака, который она давала Саймону, а когда она попробовала его, то, наверное, впервые поняла, какое действие оказывает джин на женщин вроде миссис Тэннер. Нора почувствовала себя спокойно и беззаботно. Но ей не хотелось быть умиротворенной таким образом. Она жила своей болью и своей тоской по Саймону. Она искала его на отдаленных дорожках парка Святого Джеймса, чувствовала его дух в Ист-Энде, искала его даже между страницами тех нескольких книг, которые принадлежали ему и которые принес ей из мансарды Уилсон. В них она чаще всего находила свое утешение. Она читала слова, которые читал Саймон, и мечтала о том же, о чем и он, потому что, естественно, в книгах говорилось о далеких островах и об их открытиях. Она постоянно носила кольцо Саймона на груди — это был еще один способ чувствовать его рядом с собой. Но действительно едиными их души могли быть только на острове, в стране их фантазий, которую сама, без него, она не могла себе создать. Лауданум в этом не помогал. Нора принимала его пару дней, а потом вылила содержимое флакона под розовый куст.

А вскоре после этого ее отец пригласил к себе на ужин Элиаса Фортнэма.

Глава 2

Нора без всякой охоты проверила убранство стола в большой столовой. Домашняя прислуга накрыла на семь персон. Томас Рид должен был сидеть во главе стола, а в качестве гостей ожидалось две семейные пары и некий мистер Фортнэм — партнер ее отца по торговле, о котором Нора еще никогда не слышала. Значит, ей в этот вечер придется долго разговаривать с ним: без сомнения, подразумевалось, что он будет главным гостем и усядется за столом рядом с ней. Нора вздохнула и поправила одну из тарелок мейсенского фарфора — этот сервиз стоил целого состояния, которое, конечно, лучше было бы вложить в благотворительную столовую. Ей также пришлось купить себе новое платье: отец настоял на том, чтобы она оделась поженственнее. Нора до сих пор была худощавой, как девочка, и, как жаловалась их повариха, причиной тому было то, что она ест слишком мало. В любом случае, по мнению Айлин и леди Мак-Дугал, ей не хватало женских форм.

Они вдвоем неустанно оказывали давление на Нору с целью заставить ее прилагать усилия к тому, чтобы выглядеть красивее. При этом самой Норе было все равно, как она выглядит. Ей больше нравилось носить практичную одежду, чем облачаться в роскошные вечерние наряды, — хотя ее новое платье из парчи цвета красного вина, несомненно, выглядело очень мило. Ее портниха настояла на том, чтобы подчеркнуть ее маленькую грудь объемными кружевами в вырезе декольте, а само платье украсить золотыми лентами и воланами вместо накладных черных кружев, как этого хотела Нора.

— Вы такая красавица, и вам не пристало ходить одетой, как ворона! — аргументировала швея, и, в конце концов, Нора подчинилась.

Скорее всего, ее отец проинструктировал портниху — сама она вряд ли решилась бы выразиться столь напористым образом.

Нора бросила короткий взгляд на огонь в камине, вокруг которого стояли специальные приемники для жара, чтобы угольки не выпадали на драгоценные шелковые ковры или мраморные статуи, установленные по обеим сторонам от камина. Нора предполагала, что статуи изображали каких-то римских богов. Ее отцу это было все равно — обставляя дом, он консультировался с архитекторами и рассматривал покупку предметов искусства только как финансовую инвестицию.

Наконец все было готово, и Норе оставалось только переодеться — ее

горничная уже ждала, нетерпеливо перекладывая с места на место пудреницы, баночки с кремами и грим, на покупке которых настоял отец Нора. Та должна была выглядеть, как любая молодая женщина ее сословия. Она знала, что отец горел желанием поскорее выдать ее замуж, и догадывалась, что ему очень хочется иметь внуков. Однако здесь она никому не даст уговорить себя. Было невозможно представить, что она поддастся на уговоры кого-то из этих молодых господ, которых представляли ей нескончаемыми рядами. Все они выглядели одинаково в своих пестрых, богато украшенных камзолах, открывающих вид на пышные жабо и кружева рубашек, в узких брюках до колен и туфлях с пряжками. А еще эти пышные белые парики, под которыми можно было спрятать целую шевелюру. А может быть, редкие светлые волосы или... темные локоны, как у Саймона. Нора никогда этого не обнаружит, да ей, впрочем, было все равно.

Без всякого настроения она позволила своей служанке превратить себя в типичную белолицую красотку. Однако цвет ее лица был ровным, губы — полными, а особенно запоминались яркие зеленые глаза. Так что вряд ли ее можно было с кем-нибудь перепутать. В конце концов, Нора пришла к выводу, что похожа на фарфоровую куклу. Без сомнения, прекрасную, но довольно безжизненную.

Томас Рид, казалось, ничего этого не замечал. Он выразил восхищение ее видом, когда по широкой лестнице она спустилась в холл. Леди Маргарет и ее супруг, которых моментом раньше приветствовал ее отец, тоже нашли слова признания.

— Какое прекрасное платье, Нора! Вы выглядите в нем по-настоящему взрослой, — любезно сказала леди. — Я так надеюсь, что вскоре увижу, как вы танцуете! В следующем месяце мы даем бал. В честь крещения ребенка Айлин. У нее сын...

От взора Нора не укрылась тоска в глазах ее отца, когда он снова поздравлял лорда и леди Мак-Дугал с рождением их первого внука. Она, со своей стороны, тоже заставила себя сказать пару слов, однако вскоре всеобщее внимание было отвлечено стуком в дверь. Служанка встречала очередного гостя. Нора видела сквозь разноцветные стекла, которые отделяли гостиную от холла, как она принимала пальто у какого-то мужчины высокого роста.

— Нет, нет, цветы я вручу сам, лично...

Голос был громким: видно, его обладатель привык повелевать. Мужчина также не стал ждать, пока девушка-служанка доложит о нем. Он самоуверенно вошел через стеклянную дверь, и Нора побледнела под слоем

грима, когда увидела цветы в его руке.

С ума сойти! С того самого дня, как Саймон просил ее руки, никто и никогда больше не выходил ей навстречу с букетом цветов. Было принято по-другому: служанки принимали подарки для хозяев дома уже на входе, а потом демонстративно украшали ими помещения, в которых Нора и ее отец развлекали гостей. Этот мужчина, однако, держал букет цветов перед собой, в то время как его взгляд пробежал по всем женщинам в зале. Он быстро сделал вывод о том, кто здесь хозяйка. Затем поклонился Норе и протянул ей цветы.

— Мисс Рид? Благодарю за приглашение!

Томас Рид улыбнулся гостю.

— Нора, леди Маргарет, лорд Мак-Дугал, разрешите представить вам мистера Элиаса Фортнэма.

Нора впервые испытала чувство благодарности за то, что ее щеки покрыты толстым слоем пудры, которая милостиво скрыла сначала ее внезапную бледность, а затем — так же внезапно вспыхнувший румянец. Ей удалось взять себя в руки, вежливо поблагодарить этого мужчину и рассмотреть его поближе, пока он приветствовал леди и лорда Мак-Дугал. Она с облегчением поняла, что чувство дежавю обмануло ее. У Элиаса Фортнэма не было ничего, действительно, абсолютно ничего общего с Саймоном Гринборо. Разве только одно их объединяло: Фортнэм тоже не носил парика. Хотя его волосы были щедро посыпаны серой пудрой, и истинный их цвет узнать было невозможно, его свисающая на плечи грива была, без сомнения, настоящей. Кроме того, Фортнэм не стал припудривать свое лицо, может быть, потому, что все равно было невозможно полностью скрыть яркий солнечный загар. Непривычно темный цвет лица в декабре в Лондоне. Впрочем, в остальном Фортнэм тоже бросался всем в глаза. Вместо обычных брюк до колен на нем были темные панталоны, а к ним он надел сюртук и короткий жилет из шерсти неброского цвета. Вместо туфель с пряжками на нем были сапоги для верховой езды. Одежда мистера Фортнэма производила впечатление новой и почти не ношенной. Нора знала, что такой стиль назывался модой по-английски и находил все больше и больше поклонников, особенно в Англии. Но в кругу знакомых ее отца он пока не пользовался популярностью.

— Мистер Фортнэм прибыл в Лондон всего лишь пару дней назад, — только что проинформировал ее отец мистера Мак-Дугала. — Однако мы уже давно ведем с ним торговлю. Мистер Фортнэм является владельцем плантаций сахарного тростника. Он прибыл с Ямайки.

Нора окаменела. С тех пор как она познакомилась с Вентвортами, ей

больше не встречался никто, кто имел бы владения в колониях. Однако она и не искала таких знакомств после смерти Саймона. Возможно, это было чистой случайностью, что ее отец больше не приводил в дом тех, кто мог бы рассказать об островах. Однако также возможно, он делал это сознательно, чтобы не давать пищи ее мечтам об отъезде из Англии.

— Правда? — сразу же проявила интерес леди Маргарет.

А Норе между тем пришлось принимать новоприбывших гостей, мистера и миссис Раундботтом. Мужчина приветствовал Фортнэма, как старого знакомого. Конечно, он ведь тоже был купцом и наверняка имел деловые связи с плантатором.

Элиас Фортнэм обратился к Норе только тогда, когда наступила пора сопроводить ее к столу.

— Я все же надеюсь, что эта честь выпадет мне, — галантно произнес он.

Нора вежливо подала ему руку и провела его в столовую. При этом у нее было время рассмотреть его поближе.

Фортнэм оказался мужчиной высокого роста, крепким, тяжелым и, безусловно, сильным. У него было широкое лицо, но губы казались несколько узковатыми. Из-под кустистых бровей на Нору сверху вниз смотрели живые голубые глаза. Причем смотрели они по-дружески заинтересованно, а не испытующе, как глаза большинства мужчин, которые появлялись возле Норы. Без сомнения, он ничего не слышал о скандале, в который она была вовлечена за два года до этого, а также о ее сдержанности и отстраненности от людей, о которой обычно вспоминали тотчас же, как только речь заходила о дочери Томаса Рида.

— Ямайка, должно быть, очень красива, — заметила она, когда все уселись за стол и слуги занесли первое блюдо.

Фортнэм улыбнулся ей.

— О да! — заявил он. — По крайней мере, если не обращать внимания на излишнее тепло и влажность. Целый год там очень жарко и время от времени свирепствуют ураганы. Вот без последнего вполне можно было бы обойтись — в позапрошлом году ураган уничтожил половину моего урожая. Да и жара... Многие белые люди ее не переносят, особенно леди жалуются на нее. Но это жизненно необходимо, иначе сахарный тростник не будет расти. Растительность там действительно пышная, даже в центральной части острова. Там, где мы ничего не возделываем, буйно разрастаются джунгли.

— Но ведь эта местность к тому же очень богата на дожди, не так ли? — осведомился лорд Мак-Дугал. — На это вы сейчас тоже ответите, что

вам это нравится, потому что нужно для роста сахарного тростника?

Фортнэм скривил губы.

— Ну, мы можем поливать плантации и без дождя, — заметил он. — Там достаточно ручьев и рек, которые стекают с гор. Из-за них остров даже получил свое имя. Ямайка происходит от слова «чаймака» — остров родников.

— Чаймака — это же по-испански или нет? — спросила Нора.

Фортнэм наморщил лоб.

— Почему вы так думаете? Ах да, потому что остров первоначально находился во владении Испании. Но это было уже давно. Адмирал Пенн отобрал остров у тех парней еще в 1655 году. Нет, название происходит от языка туземцев, там первоначально было какое-то индейское племя...

— Араваки, — вспомнила Нора. Саймон читал об этом. — Они были... они были, наверное, очень мирными.

Фортнэм громогласно рассмеялся.

— Конечно, и это было одной из причин их вымирания. Но доподлинно этого никто не знает. Большая часть их исчезла, когда туда пришли испанцы, а Колумб и его люди уничтожили их окончательно. Сейчас в любом случае там уже нет никаких индейцев, там есть только мы и негры — хотя последние доставляют нам достаточно неприятностей.

— У вас есть проблемы со свободными чернокожими, не так ли? — спросил мистер Раундботтом.

Фортнэм пожал плечами.

— Проблемы — это громко сказано. Просто пара человек засели в горах. И если вы спросите меня, то я бы давно уже выкурил этих негров из их гнезд. Я не имею ни малейшего понятия, почему этого до сих пор никто не сделал. Так что всегда приходится соблюдать осторожность, потому что эти парни любят совершать разбойничьи набеги. Но моя плантация — Каскарилла Гардене — находится прямо на побережье, недалеко от Спаниш-Тауна. Там нам ничего не угрожает: далеко и надолго выходить из горных укрытий они редко решаются. Чаще всего негры грабят мелких плантаторов, которые поселились во внутренней части острова.

— Но они же укрывают ваших беглых рабов, разве нет? — продолжал допытываться Раундботтом.

Фортнэм спокойно долил себе вина, наполнил бокал Норы и лишь потом ответил:

— Иногда так, иногда иначе. Не раз они, напротив, выдавали нам беглых рабов. Естественно, за деньги. Ведь и негры не все являются большой счастливой семьей. Однако лучше всего зорко следить, чтобы

никто не убегал.

Нора решила сменить тему. Она не хотела говорить о рабах, намного лучше было бы узнать больше об этом острове.

— А правда, что на Ямайке еще есть мангровые леса? — спросила она нежным голосом.

Фортнэм рассмеялся.

— Правильно, мисс Рид, лучше будем говорить о более приятных вещах. Ямайка — это рай, если вы любите тропические растения, цветы, птиц, бабочек... У нас живут самые большие мотыльки на свете. Вы об этом знали?

Нет, Нора этого не знала, но была более чем готова поселить мотылька-махаона на острове своей мечты.

— Зачастую мангровые растения растут вдоль побережья и возникают там совершенно внезапно, даже становится страшновато. Море, побережье и сразу же позади них — джунгли.

Нора затаила дыхание. Именно так выглядел ее и Саймона остров.

— А пальмы? — жадно спросила она.

Фортнэм кивнул.

— Ну, конечно же. Десятки различных сортов — но их, вроде бы, завезли на остров испанцы. А местными растениями там являются скорее папоротники и цедрелы, а также наша каскарилла — крепкий кустарник или даже дерево, из коры которого добывают эфирные масла. Затем красное дерево, синее дерево... и многие цветущие кусты. Целые районы Блу-Маунтинс — Голубых Гор — еще находятся в полной неприкосновенности. Иногда к нам в гости заезжают ботаники и каждый раз открывают новые растения.

Нора слушала с горящими глазами.

— А что вас привело сюда, мистер Фортнэм? — спросил супруг леди Маргарет. — Дайте-ка я угадаю. Сейчас вы, наверное, находитесь в поисках маленького красивого, всеми забытого графства, чтобы затем представлять свой остров в парламенте?

Фортнэм громко расхохотался.

— Нет, лорд, это уж точно нет! Я ношу честное имя и хочу сохранить его за собой. Хотя вам здесь надо следить за тем, чтобы для старой доброй Англии вообще остались места в парламенте. Эти ребята на Барбадосе могут купить себе даже звание короля, если вы их постепенно не остановите!

Нора робко улыбнулась. Ей не понравилось, что ее новый знакомый держит рабов, но, по крайней мере, он не украшает себя чужими

дворянскими титулами, как остальные плантаторы.

— В любом случае сахарный картель тут занимает крепкую позицию, и цены в порядке.

— Цены здесь — это настоящий грабеж! — заявил мистер Мак-Дугал и недовольно посмотрел на свою жену: она только что щедро добавила сахара в кофе, который принес ей слуга. — Если так будет продолжаться и дальше, я попробую завести парники!

Фортнэм ухмыльнулся.

— Не буду вас от этого удерживать, милейший, но подумайте о том, какими высокими вырастают эти растения. Для них вам придется строить чуть ли не дворцы из стекла. Стоит ли это дело того? А потом, вам придется вооружить ваших крестьян мачете вместо кос. Или вы хотите импортировать негров? Это тоже стоит денег, милейший, не обманывайте себя. В конце концов, вы будете рады, если вам позволят платить по нашим ценам!

Лорд скривился, но затем добродушно перенес смех остальных гостей. Немного погодя леди Мак-Дугал пригласила плантатора на ужин в свой городской дом.

— Мы хотели бы представить вам остальных членов лондонского общества, — любезно сказала она. — Кто знает, может быть, вы найдете там заинтересованных лиц для парникового картеля моего супруга и сможете дать нам ценные советы.

Фортнэм со смехом дал свое согласие.

— Однако мне не будет хватать моей очаровательной соседки по столу, — заметил он, бросив выразительный взгляд на Нору, которая снова покраснела под слоем грима.

— Вы можете прийти с мисс Рид! — сказала леди Маргарет с очень довольным выражением лица. — Если Нора хочет сопровождать вас, мы встретим вас с радостью. Вы, Томас, естественно, тоже приглашены.

Нора прикусила губы. Она не могла сказать «нет», не оскорбив мистера Фортнэма. Но при этом она не знала, хочется ей туда идти или нет. Этот вечер был первым вечером за много месяцев, которым она почти наслаждалась. Ей казалось, что джунгли и песок ее острова снова появились у нее перед глазами, а рассказы Элиаса Фортнэма о Ямайке оживили ее воспоминания.

— Я с удовольствием буду сопровождать вас, — спокойно сказала она.

Элиас Фортнэм подарил ей любезную улыбку.

— Но действительно, Рид, такой оживленной, как вчера вечером, я не видела вашу Нору уже несколько лет! — Леди Маргарет была так

взволнована, и ее настолько разбирало любопытство, что она на следующий же день нанесла визит Томасу Риду прямо в его контору. — Может быть, тут уже что-то завязывается? Кто он, этот Фортнэм?

Томас Рид наморщил лоб.

— Как... хм... что-то завязывается? Я умоляю вас, Маргарет, этот мужчина годится ей в отцы. У него, без сомнения, нет никаких планов в отношении Норы.

— Могу поклясться, что он очень заинтересованно посматривал на нее! — засмеялась леди. — А эти слова насчет очаровательной соседки по столу... Это был такой явный намек! Нет, действительно, Томас! Что касается возраста — конечно, он ей подходит не на сто процентов, но, с другой стороны, Нора уже вполне зрелая женщина. А этот мужчина... он не связан?

Рид пожал плечами.

— Насколько я знаю, он овдовел много лет назад. У него есть сын, который учится в Англии. Похоже, к нему он и приехал, или... Бог его знает, что его сюда привело. По торговым делам ничего срочного нет... Его плантация велика, очевидно, ею хорошо руководят, он получает огромные барыши.

Леди Маргарет улыбнулась.

— Вот-вот, все это выглядит многообещающе! Естественно, я знаю, вы предпочли бы, чтобы ваша Нора оставалась рядом с вами. И больше всего вам хотелось бы построить для нее гнездышко здесь, прямо в Лондоне. Но она, как видно, особа очень избирательная, и похоже на то, что ее мечта о жизни по ту сторону океана не изжила себя. При этом ее сияющий ореол может улетучиться, как только Нора попадет туда. Я такое уже многократно наблюдала. Молодые девушки выходят замуж и уезжают в колонии — а плантаторы, конечно, жаждут заполучить в жены дочек виконтов и баронов, охотно беря их замуж вместе с титулами и местами в парламенте. Сначала они безудержно мечтают о цветах и пальмах. Однако затем наступает сезон дождей, и этим молодым девчонкам потолок начинает падать на голову. Ведь фермы, чаще всего, расположены в отдаленных местах, и дамы неделями не видят никого, кроме черных слуг. И тогда они начинают усиленно обрабатывать своих мужей в том направлении, что иметь сельское поместье в Эссексе было бы очень мило, так же, как и городской дом в Лондоне.

Томас Рид потер себе виски.

— Неужели какой-нибудь Элиас Фортнэм согласится на такое?

Леди Маргарет подняла бровь.

— Если Нора очень хорошо попросит. Деньги на это у него, конечно же, есть, да и против Англии он вряд ли будет что-то иметь, если уж послал сюда сына учиться. И вы тоже можете кое-что сделать. Подарите им дом в городе на свадьбу! Тогда у нее останется, так сказать, одна нога в Лондоне. А если вы заглянете еще чуть-чуть дальше... Этот мужчина намного старше Норы. Она, без сомнения, переживет его, и у нее появится шанс на второй брак. И над ней не будут тяготеть все эти старые скандалы и мечты, и здесь, в Англии, она будет чувствовать себя хорошо.

Томас Рид кусал губы.

— Я должен подумать над этим, леди Маргарет. Это все... Это все как-то слишком внезапно. И мы ведь никоим образом не знаем, что думает об этом сама Нора.

Леди терпеливо кивнула.

— Ну, это ведь надо решать не сегодня. Давайте сначала подождем моего званого ужина, после этого еще будет бал у Баттерфилдов... Посмотрим, что получится. Просто пусть для вас снова не будет неожиданностью, Рид, когда перед вашей дверью появится еще один претендент на руку Норы.

Глава 3

Нора позволила Элиасу Фортнэму сопровождать себя на званый ужин к Мак-Дугалам, а также еще на пару танцевальных вечеров. Она чувствовала себя несколько стесненно, когда впервые за два прошедших года ей пришлось танцевать, но Фортнэму тоже не были знакомы последние модные танцы, так что ее неловкость не бросалась в глаза. Ей даже снова доставляло удовольствие двигаться под музыку. Нора наслаждалась восхищенными взглядами мужчин, которые следили за ней, когда она рука об руку с Элиасом шла через зал. Ей волей-неволей пришлось сшить себе новое бальное платье, и здесь, естественно, было невозможно укрыться под темным цветом. Теперь Нора носила яблочно-зеленый шелк, а ее швея не скупилась на ленты, банты и кружева.

На следующем банкете Элиас Фортнэм снова проявил себя вежливым и очень интересным собеседником для своей спутницы, которая сидела напротив и пылко интересовалась историей, флорой и фауной Карибских островов. Фортнэм достаточно поплавал по семи морям, пока не осел на Ямайке, — он, без сомнения, попал на остров не как наемный рабочий, как когда-то мистер Мак-Эрроу. Нора подозревала, что он сколотил свое состояние на пиратских кораблях. Но на это она закрывала глаза, как и на то, что на его плантации держат рабов. Она знала, что лондонское общество начало говорить о ней и Элиасе Фортнэме. Айлин Мак-Дугал, она же Пирс, уже пыталась вытащить из нее признание по поводу нежных чувств, но Нора была совершенно равнодушна к Фортнэму. Важным было то, что ему удалось снова возродить к жизни остров ее грез.

Перед тем как уснуть, Нора отныне видела перед собой уже не темную душную мансарду, в которой умер Саймон, — картину, которая преследовала ее с тех пор, как она покинула Ист-Энд. Теперь она снова мечтала о побережье на ее острове и мысленно искала просеку, на которой стояла их хижина. Она находила утешение в грезах о том, что там ее ждет Саймон. Она должна была только следовать за голосами поющих птиц и запахами цветов, которые с такой готовностью и так живо описывал ей Элиас Фортнэм.

Нора наслаждалась обществом плантатора и, когда он уехал в Оксфорд, чтобы встретиться со своим сыном, ощутила, что ей не хватает его. Вероятно, семейная встреча будет не из самых приятных. За день до своего отъезда на конной прогулке Элиас признался Норе, что собирается

основательно отчитать Дугласа.

— Я посылаю мальчика в Англию, чтобы он учился вести себя в соответствии со своим сословием и руководить плантацией, как полагается джентльмену. А что при этом планирует он? Мотаться, как цыган, через всю Европу! Увидеть Рим и Грецию... Естественно, якобы только в целях образования. Однако об этом он может забыть! Я не стану это финансировать, слишком нелегким трудом достались мне деньги! Он сядет на задницу и будет учиться — именно для этого он там и находится!

Однако этот план, кажется, не осуществился. Фортнэм имел весьма удрученный вид и скверное настроение, когда уже через неделю вернулся в Лондон. Молодой Дуглас, очевидно, мало обратил внимания на доводы своего отца. Приятели-студенты, с которыми он планировал совместное путешествие, тоже не располагали большими денежными средствами. Зато молодые искатели приключений были готовы находить работу по пути и тем самым зарабатывать себе на жизнь.

— И что их там ожидает? — насмешливо спросил Томас Рид. Мужчины сидели в рабочем кабинете Вентвортов, которые снова приехали в Лондон и потому устроили праздник. В зале танцевали, однако Нора использовала время, чтобы сподвигнуть пару присутствовавших на вечере матрон на пожертвования для ее благотворительной столовой. В последнее время она несколько запустила свою деятельность и сейчас боролась с угрызениями совести.

Фортнэму ее отсутствие было как раз на руку: он не окружал Нору непрерывной заботой, а сейчас с удовольствием разговаривал с ее отцом. Они курили и наслаждались великолепным пуншем, приготовленным из рома с плантациями хозяев дома.

— Разгружать корабли в гавани, обтесывать камни в мраморных каменоломнях... Откуда я знаю, что там делают на юге. Ну, теперь мальчик действительно силен, как бык, ему это не повредит. Но все равно мне не нравится, что один из Фортнэмов займется работой, более приличествующей рабам. — Фортнэм пожал плечами.

Томас Рид расслабленно затянулся сигарой.

— Ах, оставьте, он вернется назад и с гораздо большим удовольствием засядет за книги. Такие молодые парни должны просто перебеситься и посмотреть на мир.

— Ну, ваша дочь тоже, кажется, страдает тоской о далеких странах, — заметил Фортнэм, наполняя бокалы себе и Риду. — Вы не задумывались над тем, чтобы отдать Нору замуж по ту сторону океана?

Рид испытующе посмотрел на него.

— Это следует понимать как предложение руки, мистер Фортнэм?

Элиас Фортнэм отклонился назад в своем кресле и выпустил дым.

— Я приехал в Лондон не на смотрины невесты, — ответил он спокойно. — Можете мне верить. Но за последнее время... Признаюсь, что я задумался над этим. Нора — очаровательная молодая женщина, и... Она кажется мне уравновешенной. Ее интерес к моей родине радует меня. Мне кажется, что она не похожа на этих дамочек, которые выходят замуж за плантацию, а потом бесконечно жалуются. На жару, на негров... Нора кажется мне маленькой, но сильной. Мне это нравится.

— Она намного моложе вас, — дал повод для размышлений Рид.

Фортнэм кивнул. Его, казалось, это не обидело.

— С этим трудно поспорить. Однако, я считаю, это должна решать Нора. Кажется, ей нравятся зрелые мужчины. Насколько она вообще проявляет интерес к противоположному полу. Мне также импонирует ее сдержанность в таких вещах.

Томас Рид прокашлялся.

— Это... не всегда было так, — с неохотой признал он. — Если вы действительно хотите просить ее руки, то я не могу скрывать от вас...

— Тот скандал? — Фортнэм сделал характерный жест, будто отбрасывая что-то от себя. — Забыто, я на нее за это не в обиде.

— Вы... вы знаете об этом? — ошеломленно спросил Рид.

Фортнэм засмеялся.

— Мистер Рид, с тех пор как я во второй раз появился с Норой в свете, мне здесь как минимум трижды сообщили об этом с просьбой хранить тайну. Как правило, это была искренне озабоченная внешними приличиями дама, которая тут же хотела представить мне свою не загрязненную никакими скандалами дочь. Или же матрона, сын которой только что безуспешно пытался пригласить Нору на танец. Ваша дочь сбежала с одним из ваших писарей и три недели не появлялась дома. Так?

— Не совсем так, — поспешно сказал Рид. — Неужели люди и вправду рассказывают такое? Впрочем, как бы... Значит так, мистер Фортнэм, я заверяю вас, что моя дочь... ни в коем случае... хм... не имела... близких отношений с лордом Гринборо. Она просто мечтала о нем. Я до сегодняшнего дня не могу назвать это «любовью». К несчастью, он был тяжело болен, что вызвало у такой молодой девушки естественное желание опекать своего возлюбленного. Как мать. В действительности Нора ухаживала за ним до самой смерти при не слишком благоприятных обстоятельствах, как я, к сожалению, вынужден признать. Но ее честь при этом ни в коей мере не была запятнана. Нора... — Рид поперхнулся — ему

не удалось выдать из себя слово «девственница» или «нетронутая».

— Даже если бы это было не так, мне все равно, — сказал Фортнэм абсолютно спокойно. — Да не смотрите вы на меня так! Я давно уже не зеленый неопытный парень, моя плантация дает неплохой доход. И у меня нет никакой необходимости искать связи с особой, которая имеет незапятнанную репутацию на протяжении десяти поколений — мол, безупречен я, моя супруга, а, по возможности, еще и моя охотничья собака. То, что говорят люди в Лондоне, меня абсолютно не волнует, я ведь живу на Ямайке. Да, однако...

— Да? — напрягся Рид. Может быть, Фортнэм хотел рассказать о скандале, связанном с ним самим?

Тот пожал плечами.

— Ну да, люди болтают разное. Если мужчина живет один на плантации, где имеется большое количество девушек-рабынь... Вы понимаете, что я имею в виду. А за последние годы у нас появляется все больше и больше переселенцев из Англии, формируется общество, бывают балы, охоты, званые вечера. Однако, не имея в доме жены, я не могу ответить на приглашение. Таким образом, женитьба пришлась бы мне очень кстати. Причем ваша дочь идеальная партия для меня. Она так красива и прекрасно воспитана.

Рид кивнул.

— Мне не хочется расставаться с ней, — признался он. — Однако, в конце концов, я хочу видеть ее счастливой. А здесь она больше никогда не будет счастлива. Разбившиеся о жестокую реальность мечты. Кстати, она всегда мечтала о колониях. Значит, если это то, чего она хочет... Если она примет ваше предложение, Фортнэм, я дам вам свое благословение.

Нора была потрясена, когда через несколько дней Элиас Фортнэм сделал ей предложение выйти за него замуж. При этом обстановка была весьма необычной для подобного события: они проводили время на конной прогулке, и Фортнэм даже не потрудился слезть с коня. Он сформулировал свое брачное предложение как бы, между прочим, в тоне легкой беседы, почти такими же словами, которые употребил в разговоре с ее отцом. Он говорил об удобстве, а не о любви, приводя в качестве доводов свои общественные обязательства и очевидное желание Норы жить в одной из колоний.

— Я предлагаю вам прекрасный дом и достаточно неплохо вышколенных слуг, — улыбнулся Элиас Фортнэм. — И мужа — очень предупредительного, к которому вы сможете, я надеюсь, почувствовать симпатию и уважение, которые я уже сейчас проявляю и чувствую по

отношению к вам.

Он поклонился Норе.

Та сначала побледнела, потом покраснела. Она не знала, что ей следовало ответить на это, и, в конце концов, озвучила мысль, которая, как это ни глупо, пришла ей в голову в первую очередь.

— Я... Мне будет не хватать моей лошади.

И тут же осознала, что готова дать себе пощечину. Что подумает о ней Фортнэм? Он будет считать, что она ребячлива и поверхностна, он...

Элиас Фортнэм громко расхохотался. Но смех его был скорее радостным, чем издевательским.

— Вы можете взять лошадь с собой, Нора! — сказал он с удовольствием. — Хоть две, хоть три, посмотрим, сколько места мне удастся зафрахтовать. На островах царит хроническая нехватка лошадей. Их буквально вырывают из рук, а ваша очень хорошо выдрессирована и, кроме того, прекрасной породы.

Его замечание пришлось очень кстати, хотя Нора сомневалась, что Фортнэм действительно признавал за кобылой Авророй ее происхождение от Дарлея-Арабиана ^[4]. Ее будущий муж был довольно посредственным наездником, похоже, он вряд ли выдержал бы даже одну охоту на лису, и, конечно, было маловероятно, чтобы он разбирался в коневодстве. Он не был пэрсом и не рос в богатстве, как Нора. Она снова подумала о пиратстве... Но затем решительно отбросила от себя эти неприятные мысли. Этот мужчина только что попросил ее руки! А она думала о лошадях, пиратах и охоте на лис.

Нора улыбнулась про себя. Ей надо было думать о Саймоне. Однако данная ситуация была настолько нереальной, настолько... Совсем другой. Нора никак не могла представить, что будет держать в своих объятиях этого массивного мужчину намного старше себя так, как когда-то обнимала своего прекрасного молодого лорда.

Но это ей и не нужно было. Он будет держать ее в объятиях. Ей, собственно, ничего не нужно будет делать, только сказать «да». А затем он возьмет ее на остров, и она увидит там все, о чем мечтал Саймон. Она будет видеть это для него, его глазами. Нора была вполне согласна принять предложение этого... такого... другого мужчины, но при этом чувствовала, что никогда не была так близка к своему настоящему любимому с тех пор, как он покинул ее.

— Дайте мне два дня на размышления, мистер Фортнэм. И... пожалуйста, не приходите в наш дом с цветами.

Элиас Фортнэм пришел в ее дом с конфетами, и, естественно, Томас

Рид принял его не в рабочем кабинете, как когда-то Саймона. Элиас официально высказал свои намерения в комнате для приемов. Нора снова показалась себе фарфоровой куклой, когда послушно завершила их, насколько она тронута и с каким удовольствием принимает это предложение. Ей снова пришлось соответственно одеться и украсить, что немало удивило ее служанку. Как и раньше, Нора позволяла украшать себя и делать прически в соответствии с модой только по праздникам. Сейчас у нее мелькнула мысль, а видел ли будущий муж свою невесту в естественном, ненапудренном виде? Тогда, на конной прогулке, ее волосы, конечно, растрепались, а узкое платье для верховой езды вряд ли украсило и без того почти мальчишескую фигуру. Таким образом, Фортнэм должен был, наверное, иметь представление о том, что его ожидало.

«Ты такая грациозная, как фея, а твои волосы — словно жидкий мед...»

Нора слышала нежный, завораживающий голос Саймона, в то время как в реальности говорила с отцом и Элиасом о подготовке к свадьбе. Фортнэм хотел вернуться на Ямайку не позже чем через месяц, что, естественно, требовало ускоренных приготовлений к торжеству.

— А ваш... твой... сын приедет на свадьбу? — спросила Нора, когда мужчины договорились, что об обручении будет объявлено в узком кругу за ужином, а свадьбу назначили через три недели, решив отметить знаменательное событие большим балом и банкетом. На самом деле Нору не интересовало знакомство с Дугласом Фортнэмом, но ей показалось, что уместно будет показать свое небезразличие. В конце концов, теперь это была ее семья... Она чувствовала себя маленькой девочкой, которая поселяет в свой кукольный домик отца, мать и детей.

Элиас пожал плечами.

— Скорее всего, нет, — сухо ответил он. — Разве что появится адрес, на который можно будет выслать ему почту, и он вдруг выскажет намерение прервать свое путешествие ради меня. И то и другое я считаю маловероятным. Тебе придется познакомиться с твоим приемным сыном позже.

Томас Рид про себя порадовался этому. Он уже успел кое-что разузнать. Дуг Фортнэм был на четыре года старше его дочери! И, конечно, было бы лучше, чтобы в лондонском обществе об этом не знали. И без этого будет много разговоров о разнице в возрасте между Норой и Элиасом.

Когда Фортнэм прощался, он из вежливости поцеловал Нору в щеку. Ей пришлось держать себя в руках, чтобы не отстраниться от него, потому что после смерти Саймона ни один мужчина так близко не подходил к ней. Но губы Элиаса были сухими и прикоснулись к ее коже как бы мимоходом.

У Норы снова появилось странное чувство, что он целует всего лишь куклу. Это прикосновение не вызвало в ней никаких чувств — ни волнения, ни возбуждения, но зато и никакого страха.

Подготовку к свадьбе Нора равнодушно пропустила мимо себя. Казалось, что почти все вокруг нее переживали намного сильнее и проявляли больше энтузиазма, чем сама невеста.

Нора доставила радость своим знакомым и слугам тем, что разрешила им действовать на их собственное усмотрение. И не возражала против кроя платья, которое предложила ее модистка: решено было сшить подвенечный наряд, украшенный кружевами, лентами и воланами, с таким твердым воротником и кринолином, в котором Нора вряд ли смогла бы двигаться. Леди Маргарет Мак-Дугал, исполненная радостного волнения, с большим размахом организовала бал и банкет — у Норы было такое чувство, что для перечисления всех блюд понадобится не простое меню, а целый древнеримский свиток. Во время торжества должен был играть небольшой оркестр, и уже вовсю шли репетиции показательных танцев, для чего был приглашен модный в свете учитель.

При этом Нору не покидало странное чувство, что она все больше теряет саму себя, но, тем не менее, находится на правильном пути. И, как часто бывало, ей слышалось, что ее зовет Саймон, но теперь она наконец-то будто следовала его зову.

За два дня до свадьбы она еще раз пришла на могилу своего возлюбленного. Не говоря ни слова, она беспомощно стояла перед дорогой каменной плитой, которую заказал ее отец. И, как обычно, ничего не чувствовала. Здесь души Саймона не было. Если она хотела быть близко к его душе, то искать ее надо было в другом месте. Выходя с кладбища, Нора чувствовала скорее надежду, чем скорбь.

В тот же день она сняла с шеи бархатную ленточку с кольцом Саймона. Она не могла больше носить его, иначе Элиас начал бы задавать ей вопросы.

Итак, она положила свое драгоценное воспоминание в бархатный футляр и спрятала его в сумочке для шитья. Элиас никогда не найдет кольцо там, зато Нора всегда сможет достать его, если захочет. Она возьмет с собой на Ямайку также книги Саймона — ее служанка уже запаковала их. Слуги читать не умели, а ее отец уже давно забыл о том, что осталось после Саймона Гринборо. Среди ее собственных книг они не будут бросаться в глаза.

Глава 4

Свадьба была очень пышной. Брак Нора с плантатором намного старше ее был, против ожидания, воспринят лондонским обществом весьма доброжелательно. Слухи держались в допустимых пределах, а на бал пришли все, кто имел соответствующие ранг и имя. Леди Маргарет выступала в роли посаженной матери невесты, а Томас Рид с удовольствием принимал поздравления и комплименты, адресованные его красавице дочери.

Нора ходила, словно марионетка, среди праздничного убранства — ей ничего другого не оставалось. При свободных движениях украшение ее прически — диадема из лент и драгоценных камней — могло сползти набок, а платье с кринолином и шлейф могли зацепить мебель. Элиас вывел ее только на маленький менуэт, открывающий танцевальный вечер, после этого она могла лишь тихо сидеть, пропуская все мимо себя. В конце вечера мышцы ее лица свело судорогой от застывшей улыбки, плечи болели от напряжения и усилия держаться прямо, несмотря на массивное головное украшение, а еда тяжелым грузом лежала в желудке, на который давил чудовищно узкий корсет.

Элиас выглядел очень солидно — в соответствии с нарядом невесты он оделся по французской моде: на нем были брюки до колен и туфли с пряжками, а его камзол был из парчи кремового цвета. Нора считала, что они выглядели, как королевская пара. Или как король и его фаворитка? Эта мысль вызвала у нее откровенную улыбку, так что даже Элиас заметил это.

— Что тебя развеселило, Нора? — спросил он и дал ей тем самым понять, что, возможно, скучал на этом пиру точно так же, как и его молодая жена.

И Нора решила поделиться с ним своей мыслью.

— Мне кажется, что я выгляжу, как мадам Помпадур, — прошептала она ему, — неужели на Ямайке мне тоже придется ходить в таком же наряде?

Элиас покачал головой.

— Нет, точно нет! Хотя там дамы, конечно, тоже заказывают себе платья по последней моде, которая *en vogue* ^[5] у них на родине. Однако не из таких тяжелых материй, как твое свадебное платье, и без стольких юбок и шлейфов — нет, для этого на островах просто слишком жарко. Конечно, тебе там не придется много двигаться, для этого же есть слуги. Однако...

— Я вообще-то очень люблю двигаться, — живо заметила Нора, но тут один из гостей обратился к ней, и бедняжке снова пришлось кивать и улыбаться.

Молодая женщина была вне себя от радости, когда ей, наконец, удалось избавиться от общества, — и Элиас, упреждая намерения разгулявшихся гостей сопроводить пару в брачные покои, сам повел Нору к карете. На время проживания в Лондоне он снял целый дом, который принадлежал его приятелю-плантатору с Ямайки. Там они планировали провести последние дни перед отъездом, а также первую брачную ночь.

Пепперс, старый верный кучер, открыл перед Норой дверь той самой темной кареты с инициалами Рида, которую открывал и для Саймона. Нора всхлипнула, когда вспомнила о поцелуях, которыми они обменивались тогда в ее уютном полумраке.

— Мои самые сердечные поздравления, мисс... миссис Фортнэм! — поклонился Пепперс.

Нора впервые услышала новое обращение к себе, и ее снова охватило чувство нереальности. Здесь была не она, и все, что сейчас происходило, касалось вовсе не той молодой женщины, которая иногда в шутку подписывалась «Нора, леди Гринборо» на листках для заметок. Углубившись в свои мысли, она машинально потянулась к шее в поисках кольца Саймона. Ей не хватало его, она так долго носила кольцо на груди, что воспринимала его почти как часть своего тела. Но теперь она была вынуждена улыбаться Элиасу, который сел в карету сразу после нее, не забыв сунуть при этом в руку Пепперса чаевые: он знал, что так полагается. Нора спросила себя, не подумал ли и Пепперс о Саймоне.

Элиас сел не рядом с Норой — это было невозможно по причине ее широкого платья с кринолином, — а напротив. Он с удовольствием рассматривал ее.

— Ты действительно самая красивая невеста на свете, — польстил он ей далеко не в первый раз. — Но тебе понадобится помощь, чтобы снять с себя все это. Твоя служанка уже ждет тебя в наших покоях. Твой отец дал понять, что эта девушка очень близка тебе.

Но это, собственно, было не совсем так. После смерти Саймона Нора отдалась не только от внешнего мира, но и от своих слуг. Со служанкой по имени Нелли у Норы были почти дружеские, но не доверительные отношения.

— Он сказал, что ты с удовольствием взяла бы ее с собой на Ямайку. Но это, конечно, не получится.

Нора безучастно кивнула. Она думала о предстоящей брачной ночи, а

не о том, кто ей сейчас или даже через месяц будет помогать одеваться и раздеваться.

Элиас улыбнулся.

— Я рад, что ты все понимаешь. И с удовольствием доставлю тебе любую радость. Но белая служанка в доме... Это только посеет смуту среди негров. Зачастую эти домашние кошечки просто боятся черных мужчин. Но ты, разумеется, получишь свою личную рабыню и сама решишь, захочешь ли обучить одну из наших девочек самостоятельно, или следует купить уже обученную женщину.

Нора испуганно оторвалась от своих мыслей.

— Я решу... что? — ошеломленно спросила она.

В этот момент Пепперс остановился возле подъезда господского особняка. По стилю он несколько отличался от дома Рида, но его также украшали колонны и мраморные статуи у входа.

— Идем, Нора! — сказал Элиас по-дружески расслабленно, когда Пепперс помог ей выйти.

Входная дверь была освещена, персонал уже явно ждал их. Нора машинально принимала поздравления чужих служанок, лакеев и домашних слуг и облегченно вздохнула, лишь когда Элиас провел ее на второй этаж. В пышно украшенной коврами и шелковыми обоями комнате для переодевания ее ждала Нелли.

— Я скоро приду к тебе, — объявил Элиас и поцеловал жене руку. Нора опустила на одно из кресел для причесывания. Нелли расстегнула ее платье, сняла с головы украшения и начала расчесывать ей волосы.

— Это была такая чудесная свадьба! — болтала девушка. — А сейчас... Вы волнуетесь, мисс... э... миссис?

Нора пожалала плечами. Она не чувствовала ничего, кроме усталости. И, конечно, она была готова к боли. То, что Нора до сих пор слышала о первой брачной ночи, было весьма противоречиво. Песни и стихи воспевали любовь, и, основываясь на обычаях и нравах, принятых при французском королевском дворе, люди в окружении Норы не были пуританами. Айлин и другие молодые женщины, хихикая, рассказывали о ночах со своими возлюбленными, а сама Нора любила поцелуи и прикосновения Саймона. Но некоторые молодые замужние женщины замолкали, когда речь касалась плотской любви, а леди Маргарет на прощание успела шепнуть Норе, чтобы та в эту ночь набралась храбрости. Дама даже проронила пару слезинок.

— Я думаю, Нелли, ты сейчас сделаешь меня по-настоящему красивой, а потом будь что будет, — оборвала она свою служанку.

Наверное, она снова показалась Нелли странной, но тут уж ничего не поделаешь. Девушка обиженно засопела и упорно молчала, пока причесывала свою хозяйку и помогала надеть кружевную ночную рубашку.

— Постель уже тоже готова, — сухо сказала Нелли затем.

Нора кивнула и скользнула на шелковые простыни. Ничего в этом широком пышном ложе с узорчатыми занавесками и пологом не напоминало об узкой кровати в мансарде Саймона. Она спокойно ожидала, пока к ней придет Элиас, и еще раз улыбнулась, когда он зашел в спальню.

Элиас Фортнэм, не говоря ни слова, улегся рядом с Норой. На нем тоже была ночная рубашка, и лишь пара свечей освещала комнату сумеречным светом. Поэтому она увидела не много, но в какой-то момент почувствовала на себе его тяжесть. Элиас вел себя осторожно. Супруг Норы целовал молодую жену медленно и не очень настойчиво. Его губы неспешно прошли по ее груди, а руки гладили ее плечи, спину и бедра. Все это было вполне терпимо, и Нора молча позволяла ему делать это, спрашивая себя: может быть, что-нибудь требуется и от нее? Лишь бы не бездействовать, она, в конце концов, обняла руками его шею, когда он лег сверху и вошел в нее. Ей было больно, но это можно было вынести, и закончилось все быстро. Элиас немного подвигался в ней, затем забыл свою сдержанность и обрушил всю свою тяжесть на ее нежное изящное тело, так что на какое-то мгновение Норе даже стало страшно. Но затем он снова выпрямился, поцеловал жену в лоб и откинулся на подушки рядом с ней. После этого он мгновенно уснул.

Нора еще немного подождала, прежде чем решилась сдвинуться с места. Затем она свернулась калачиком рядом с ним и стала искать путь к острову своей мечты. Между ногами у нее все горело, и казалось, что из нее вытекло немного крови, но этим она займется утром. После такого дня ей нужен был крепкий сон.

И вот она уже бежит по золотому пляжу к океану, ощущая босыми ногами горячий песок, а потом холод лазурно-голубого океана. Море смывает пот с ее тела и уносит воспоминания о минувшем дне прочь из ее мыслей.

Остаток времени до отъезда на Ямайку пролетел очень быстро. Нора была занята прощальными визитами и покупками. Элиас подбадривал ее, поощряя брать с собой как можно больше вещей и, прежде всего, предметов роскоши. Он сам покупал картины и статуи для своего дома, однако привлекал к выбору декора не Нору, а ее отца. Главным критерием для него тоже была не красота как таковая и даже не собственный вкус или вкус его супруги, а выгодное вложение капитала и представительность.

Нора сама толком не знала, что ей брать с собой. В конце концов, леди Вентворт посоветовала ей набрать легкой материи для платьев, а также обязательно взять шелковое нижнее белье и все остальное приданое.

— Сердце мое, приданое-то у вас собрано? Конечно нет, при такой поспешной свадьбе! Нет, нет, дитя мое, я не со зла, такие быстрые решения — довольно обычная вещь для плантаторов, никто не будет смотреть на вас искоса только потому, что вы не были три года обручены... Но иметь богатое приданое вы обязаны. Может быть, мне пойти с вами?

Нора, облегченно вздохнув, согласилась, и леди Вентворт в последующие дни сопровождала ее к торговцу тканями и к кузнецам по серебру, на фарфоровые мануфактуры и в стеклодувные мастерские. В итоге приданое Норы заполнило целых три сундука, и при этом среди вещей не было ничего, что понадобилось бы ей в их с Саймоном мансарде. Но посещение золотых дел мастера натолкнуло Нору на блестящую идею.

За два дня до отъезда Нора пришла в мастерскую одна. Она осторожно положила на рабочий стол мастера кольцо Саймона.

— Вы сможете это... переделать? — тихо спросила она с болью в сердце. — Может быть, в брошку или кулон?

Золотых дел мастер внимательно осмотрел кольцо.

— Это очень ценная вещь, без сомнения, старинная и из чистого золота. Я могу переделать это кольцо в любое украшение, леди. Хотя и не понимаю зачем. Это же настоящая фамильная ценность.

Нора кивнула.

— Да. Но я... В общем, оно не нужно мне для того, чтобы запечатывать письма. Это больше... Это воспоминание. А кольцо... Оно для меня слишком велико.

— Я могу просто сделать его поуже, — предложил мастер.

Нора покачала головой.

— Нет. Оно не должно... Вещь должна выглядеть так, словно принадлежала, к примеру, тете.

Мастер вопросительно посмотрел на Нору.

— Это случайно не вы несколько дней назад покупали здесь серебро для своего приданого? — спросил он. Нора была ему благодарна за то, что в его улыбке не было ничего грязного. — С такой пожилой дамой?

Нора прикусила губу.

— Да, с моей... э... теткой.

Мужчина рассмеялся.

— Тогда будем надеяться, что ваша тетушка откликается на имя... хм... Габриэла? Или Гортензия? Или букву «Г» на кольце тоже нужно будет

поменять?

Нора покраснела.

— Нет. Нет, букву «Г» не меняйте. И вообще, постарайтесь изменить печать как можно меньше. Просто сделайте так, чтобы я могла носить это... Я хочу, чтобы я могла носить его открыто, и чтобы никто не задавал мне никаких вопросов.

Она выпрямилась. Ну и что, если этот мастер о чем-то догадывается? Через два дня она уедет в колонии и никогда больше не зайдет в эту лавку.

Однако золотых дел мастер оказался очень тактичным человеком. Когда он взял кольцо в руки и повертел его из стороны в сторону, в его взгляде не было ни жажды сенсации, ни похотливого неодобрения.

— Вы хотите подождать? — дружелюбно спросил он.

Нора облегченно вздохнула. Она бы не вынесла длительного расставания с единственной вещью, которая принадлежала Саймону. К счастью, работа длилась не очень долго, и Нора была в восторге от результата. Мастер филигранно обработал золото кольца таким образом, что оно обрамило печать, образуя изящную камею, которую можно было носить на бархатной ленте на шее. По ее овальной форме даже невозможно было понять, что она когда-то была кольцом.

Нора искренне улыбнулась мастеру.

— Тетя Геральдина пришла бы в восторг! — Она вытащила кошелек с деньгами, чтобы по-королевски вознаградить золотых дел мастера.

Мужчина поклонился.

— Я рад. Для меня было честью сохранить памятную для вас вещь.

Нора положила камею в свой кошелек, а позже спрятала ее в шкатулку со швейными принадлежностями. Здесь украшение должно покоиться до тех пор, пока они не выйдут в море, вдалеке от испытующих взглядов ее отца, который, без сомнения, узнал бы кольцо. Элиас, естественно, никогда его не видел, так как, несмотря на протесты Норы, ее служанка Нелли всегда отбирала у хозяйки кольцо, когда та отправлялась на вечерние мероприятия. Теперь, если Нора повесит на шею черную бархатную ленту с камеей, для мужа это будет просто украшение.

Фортнэм сдержал слово и заказал достаточно пространства на шхуне, которая под парусами отправлялась прямо на Ямайку. Для Авроры нашлось место под палубой, как и для двух других лошадей, которых купил Элиас. Если уж приходилось, прилагать столько усилий для транспортировки животных, значит, это того стоило.

Оказалось, что компактная шхуна с широким корпусом служила в основном для перевозки товаров, так что Нора и Элиас вряд ли могли

рассчитывать на особенный комфорт. Кроме них, на борту вообще было только два пассажира — молодой священник, который должен был стать настоятелем одного из приходов в Кингстоне, и его жена.

Нора была ошеломлена, когда первый помощник капитана показал ей их каюту, в которой предстояло жить обоим семейным парам. Помещение было такой величины, что стоя в нем с трудом могли поместиться двое взрослых людей. Возле стенок протянулись четыре койки, по две друг над другом с каждой стороны.

— И здесь мы должны ночевать... вчетвером? — недоверчиво спросила Нора.

Преподобный рассмеялся.

— Добрая женщина, я слышал, что в таких каютах размещают и по восемь человек. В прежние времена, когда церковь посылала миссионеров на Гавайи...

Норе было все равно, при каких обстоятельствах ее земляки посылали миссионеров в Полинезию. Может быть, неотъемлемой частью их миссии как раз и было определенное мученичество. Для начала она пожаловалась Элиасу, но тот только пожал плечами.

— Дорогая, я хорошо понимаю, что при таких обстоятельствах тебе придется на пару месяцев отказаться от нашей... хм... уединенной близости. Я в любом случае не настаиваю на том, чтобы возлежать с тобой в обществе наших молодых друзей, так что мы можем спать каждый в своей койке. Я, к сожалению, не могу предложить тебе отдельный номер или более широкие кровати. Даже то, что ты сейчас видишь, на кораблях считается роскошью.

Нора поняла, что он имеет в виду, когда решила посмотреть, как обстоят дела с лошадьми, и при этом ей удалось бросить взгляд на помещение для команды. Здесь она впервые увидела подвесные гамаки — то, о чем мечтала на своем воображаемом острове, — и тут же решила, что лучше пусть будет покрывало на теплом песке.

Матросы по очереди спали в тесных помещениях, кишевших насекомыми-паразитами. Однако каюту пассажиров жена миссионера содержала в образцовой чистоте — до тех пор, пока сразу же после выхода из каналов в Атлантику не стала жертвой морской болезни. И с того момента уже Нора заботилась о порядке и чистоте, хотя бы потому, что у нее не было ни малейшего желания заполучить блох, которых в массовом количестве подцепил преподобный, когда заботился о больных матросах или, по крайней мере, делал вид, что занимается этим. В действительности же его помощь команде ограничивалась чтением Библии вслух, и даже

своей жене, когда у той случался приступ рвоты, он помогал не слишком усердно.

— Такого быть не может, я уже несколько дней ничего не ела, — пожаловалась молодая женщина, когда Нора сама занялась ею. Она мыла ее и, по совету капитана, давала ей в качестве лекарства ром.

И лишь ночью преподобный отец Стивенс старательно заботился о своей супруге — у Норы не было ни часа покоя, пока он, шумно дыша, с кряхтениями и стонами старался сделать ребенка своей Рут.

Элиасу, казалось, это абсолютно не мешало, он храпел себе под койкой своей юной жены так, что уже одного этого хватало, чтобы лишить Нору сна.

Элиас Фортнэм легко нашел общий язык с капитаном, боцманом и первым помощником капитана. Мужчины выпивали до поздней ночи, после того как Нора и скромные Стивенсы уходили к себе. Между тем молодая женщина стала даже завидовать мужу: ему удалось отвлечься таким образом. Первый раз в жизни у нее также появилось желание усыпить себя с помощью джина, рома, лауданума, да чего угодно, лишь бы удалось его раздобыть. Или же незаметно подмешать зелья в чай священнику?

А в остальном она все же наслаждалась путешествием по морю. Она не страдала от морской болезни, лишь в первые, очень штормовые дни почувствовала легкое недомогание, которое сразу же прошло, когда Элиас посоветовал ей ни в коем случае не оставаться в каюте. Он рекомендовал ей выйти на палубу и смотреть на горизонт, что Нора и сделала. Она любила находиться под открытым небом и чувствовать ветер, смотреть на волны и наблюдать за матросами во время их работы. Ее особенно привлекало то, как храбро и отчаянно они карабкались на мачты, несшие огромные паруса. Мужчины быстро прониклись к ней доверием и с важным видом объясняли внимательной молодой женщине особенности оснастки корабля. С легким страхом Нора также осмотрела пушки. Да, на борту были пушки. Элиас с большим вниманием отнесся к наличию этих девятифунтовых красавиц, прежде чем заказать места на корабле. Ему была важна обороноспособность парусника, потому что до сих пор пираты активно вели себя в Карибском море и на подходах к нему, и, хотя сейчас не было никакой войны между Англией и Испанией, время от времени стычки на морях все же происходили.

Нора, однако, не хотела думать об этом. Ее гораздо больше занимали киты и дельфины, сопровождавшие корабль. Она была просто в восторге, когда впервые увидела огромный, величиной почти с дом, спинной плавник кита, тогда как Рут Стивенс с испуганным криком удрала в каюту.

Преподобный также испугался, однако рассмешил команду тем, что представил матросам этого кашалота как ту рыбину, которая когда-то проглотила пророка Иону.

— Нет, преподобный, только не этот кит, у него даже нет зубов! — рассмеялся один из матросов, который раньше работал на китобойном судне. — Эта громадина ест только очень маленьких морских животных. Для нас он абсолютно безвреден, если не дразнить его и не приближаться слишком, чтобы не попасть под удар плавника.

На это преподобный Стивенс с гордым видом объяснил, что именно поэтому по воле Божьей Иона попал в желудок кита не-разжеванным. И вообще, если Бог принимает решения о том, что это или иное чудовище должно проглотить того или иного миссионера, то отсутствие жевательного инструмента не является для этого преградой.

Нора рассказала эту историю мужу, и он в тот же вечер развеселил его мужское общество за столом капитана и с удовольствием чокнулся с офицерами за Иону, за кита и за лиц духовного звания, которые не от мира сего.

Когда корабль, пару дней спустя, приблизился к Канарским островам, и средиземноморская зимняя погода постепенно уступила место температурам более приятным, длительное и частое пребывание Норы на палубе привело к первым осложнениям в жизни молодой семьи. Поначалу, гуляя по палубе, она всегда брала с собой украшенный кружевами зонтик от солнца, но чем дольше длилось путешествие, тем более глупым и смешным казалось здесь, в океане, наряжаться, как на прогулку в парке Святого Джеймса. Сначала Нора перестала надевать юбку с кринолином, что никто, впрочем, не прокомментировал. Миссис Стивенс тоже не носила ее, и вообще, у нее были только простые, скромные платья. Нора не знала, то ли Рут происходит из простой семьи, то ли ее положение жены священника требует отказа от роскоши, но ее одежда ничем не отличалась от одеяний жен рабочих в Ист-Энде. Однако у нее был зонтик от солнца, и она постоянно брала его с собой, как только погода улучшилась. Нора же, наоборот, стала оставлять свой зонтик в каюте. Эта штука мешала ей, когда она наклонялась через поручни, чтобы лучше рассмотреть дельфинов или китов, и ей надо было прилагать усилия, чтобы удержать зонтик, когда дул ветер. В Атлантике господствовал постоянный бриз, и Норе нравилось распускать волосы и чувствовать дуновение ветра на лице. Ее светлая кожа очень быстро загорела на морском воздухе и солнце.

Элиас, казалось, поначалу этого не замечал. Он видел Нору практически только за обедом, который пассажиры съедали вместе с

капитаном и его офицерами. В кают-компании для офицеров постоянно царил полутьма, да Элиас, похоже, и не считал свою молодую жену настолько привлекательной, чтобы не спускать с нее глаз. Но однажды он встретил ее на палубе, увидел, что ее волосы развеивает ветер, а прекрасное лицо не защищено от солнца.

— Нора, ты в своем уме?! — воскликнул он.

Миссис Фортнэм вздрогнула, когда он так грубо прикрикнул на нее.

— Ты в каком виде тут ходишь? Немедленно возьми зонтик от солнца и шляпу, а лучше уходи с палубы и не появляйся на ней вовсе, как полагается леди!

Нора наморщила лоб.

— Я же не заигрывала с мужчинами! — оскорбленно заявила она.

Действительно, поблизости работали только три матроса, и они были настолько заняты такелажом, что, казалось, не замечали Нору.

Элиас сделал отбрасывающий жест рукой.

— Я очень хочу на это надеяться, — едва сдерживая гнев, заметил он. — Хотя этим я особо не озабочен. Капитан — старый морской волк, и если он заметит кого-то из матросов с одной из вас, баб, он прикажет протащить его под килем ^[6]. Но ты... Боже мой, я же не для того взял себе в жены леди из Англии, чтобы она загорала здесь, словно мулатка!

Нора все еще ошеломленно раздумывала над оскорбительным выражением «бабы». Она не совсем поняла, чего хочет Элиас, но он крепко схватил ее за руку и подтолкнул в направлении каюты.

— Сейчас же иди вниз и сделай что-нибудь со своим лицом. Намажься чем-нибудь отбеливающим или чем там еще, вам это лучше знать, — но чтобы на лице была благородная бледность! И чтоб в Кингстон ты прибыла с внешностью английской леди, а не какой-нибудь негритянки!

Нора, которая во время путешествия не пользовалась зеркалом, только сейчас начала понимать, в чем дело. Она никогда не думала, что благородная бледность, о которой так бережно заботились в Англии, была настолько важна для плантатора с Ямайки, но с тех пор перестала выходить на палубу. Хотя реакцию Элиаса Нора посчитала чрезмерной и оскорбительной, ей, естественно, не хотелось в невыгодном свете бросаться в глаза высшему обществу своей новой родины. Однако при этом она не представляла, как избежать загара, когда под карибским солнцем она будет ходить пешком и ездить на лошади? Во время ее конных и пеших прогулок в парке Святого Джеймса ей не удавалось укрыться от солнца, но для Саймона это не имело никакого значения.

«Твоя кожа такая же золотистая, как и твои волосы, — когда-то

восхищенно сказал молодой человек. — Они как светлый и темный янтарь... Ты права, слишком жалко скрывать такое под пудрой».

Однако в последние недели на корабле Нора все же делала именно это. Она мазалась кремом и покрывала себя пудрой, когда выходила на воздух, и снова вспомнила о шляпе от солнца, которую ей настойчиво советовала купить леди Вентворт. На попытку Норы взять взаймы одну из шляпок Рут Стивенс, которая тоже успешно создавала тень на лице, Элиасотреагировал почти так же резко, как и на ее отказ от зонтика.

— Никакого тряпья, в которое одеваются слуги, Нора! Я везу с собой в Каскарилла Гардене леди и хочу, чтобы ты одевалась и преподносила себя соответственно!

Нора снова вспомнила о своем предчувствии перед свадьбой, оно не обмануло ее. Элиас Фортнэм хотел обладать куклой на показ, а не женщиной из плоти и крови. Однако же она согласилась на эту сделку. Значит, ей придется делать все, чтобы ее муж был доволен.

Более чем через шестьдесят дней на море на горизонте появилась Ямайка. Капитан позвал пассажиров на палубу для того, чтобы бросить первый взгляд на остров, но миссис Фортнэм как раз сама уже хотела выскочить на палубу. Однако одного строгого взгляда Элиаса хватило, чтобы укротить ее. Она быстрее смазала лицо кремом, припудрила волосы, залезла в юбку с кринолином и надела на голову шляпу.

Она была рассержена и чувствовала почти что горечь, когда, наконец, вышла вслед за Элиасом на палубу, однако затем бросила первый взгляд на остров — и с необыкновенной силой ощутила его очарование. Никогда, никогда прежде она не видела ничего прекраснее, и ей было трудно сдерживать свой восторг. Корабль, слегка покачиваясь, плыл по легким волнам. Море в этот день отливало цветом сочной зелени, а блестящие на солнце волны мягко ударялись о белоснежный пляж. Сразу же за побережьем поднималась стена могучей растительности — обещанные мангровые леса. Густые джунгли, таинственные, внушающие страх и, тем не менее, странно знакомые. Нора готова была обнять все это, ей хотелось смеяться и петь, но Элиас, конечно, ожидал, что она будет сохранять достоинство. Он более чем презрительно оглядел Рут Стивенс, которая смотрела на все это недоверчивым взором и слишком выразительно высказывала свой ужас.

— Но это же джунгли, Джон! Здесь только берег и деревья! Тут определенно есть туземцы... Я... Я думала, что Кингстон — это город.

Преподобный пытался успокоить свою жену, в то время как Элиас со спокойной гордостью смотрел на Нору, которая стояла, величественно

выпрямившись, и была прекрасна, как королева, осматривающая свою новую империю.

Кукла Элиаса Фортнэма сдержанно улыбалась, глядя на великолепие острова, но душа возлюбленной Саймона Гринборо танцевала. Она нащупала камень, которую со времени своего отъезда постоянно носила на шее. И ее любимый словно очутился рядом с ней, ей казалось, что она снова чувствует Саймона и его счастье.

Норе удалось это. Она нашла их остров и доставила душу Саймона домой.

Глава 5

Высадка на Ямайку, естественно, происходила не так, как прибытие в рай в мечтаниях Нора. Ее не отвезли на берег туземцы, и капитан не спускал их лодки в прекрасную бухту. Вместо этого корабль просто проплыл мимо. Берег миля за милей горделиво демонстрировал свою красоту, и Норе хотелось причалить везде. Шхуна все же направилась к Кингстону, естественной природной гавани, вокруг которой однажды построили город. После пожара, уничтожившего прежний поселок, город возвели по плану, и он быстро развился в экономический центр. И даже отодвинул в тень изначальную столицу Ямайки — город Спаниш-Таун.

Нора еще помнила, как Саймон рассказывал об этих городах. Именно здесь он представлял себе филиал торгового дома Томаса Рида, и Элиас подтвердил Норе, что многие европейские купцы, занимающиеся импортом и экспортом, держат на Ямайке свою вторую опору. Порт Кингстона был большим, здесь жило много народу, а дома города были пестрыми и красивыми. Однако Нора знала, что это впечатление может быть обманчивым. Многие города на островах в Карибском море считались притонами разврата, и не только пожары, ураганы и землетрясения угрожали крупным общинам, но и эпидемии, которые быстро распространялись в теплом влажном климате в центрах большого скопления людей, после того как какой-нибудь из матросов заносил сюда заразу.

Однако когда город Кингстон отстраивали заново, казалось, что об этой опасности уже подумали. Улицы казались широкими, дома ухоженными, а на тротуарах валялось меньше отбросов мусора, чем в Лондоне. Однако Рут Стивенс ее новая родина не понравилась. Она еще при высадке с корабля начала жаловаться на жару и влажность.

— О Боже, кажется, что тут вдыхаешь воду, — роптала она.

Ее тяжелое платье из шерсти было мало приспособлено для здешнего климата. Нора же мысленно поблагодарила леди Вентворт за ее драгоценный совет. В Лондоне она заказала себе множество легких шелковых платьев, и сейчас, когда Элиас сводил ее по временным сходням на берег, Нору провожали восхищенные взгляды торговцев и портовых рабочих.

— Эти сходни надо укрепить, чтобы свести по ним лошадей, — заметила Нора.

Однако ее супруг, казалось, не слушал ее. Он ступал с ней рядом так, словно они шли на танцы в Лондоне, и явно гордился тем, что может продемонстрировать обществу в Кингстоне свое последнее приобретение.

Нора решила не расстраиваться из-за этого. Новый мир, в который она окунулась, был слишком волнующим для нее, чтобы тратить энергию мыслей на Элиаса. Естественно, работы в порту Кингстона вряд ли отличались от тех, за которыми ей приходилось наблюдать в лондонских доках. Разнообразие привозимых и разгружаемых товаров не очень привлекало Нору, зато разнообразие людей!..

Цвет кожи портовых рабочих явно различался между собой — черная, коричневая, оттенка кофе с молоком... Они были по пояс обнажены, чаще всего босы, и из одежды на большинстве из них болтались только широкие льняные брюки. Надсмотрщики были в основном белыми, но при этом загорелыми до черноты, и Нора испугалась, когда действительно увидела в их руках плетки! Большинство из этих людей, казалось, держали их при себе порядка ради, и Нора уже хотела успокоиться, но затем увидела, как плеть со свистом опускается на спину одного из чернокожих рабочих. Звук удара будто проник в самый мозг Норы. Его невозможно было сравнить с едва слышным шлепком кучерского кнута Пепперса, который время от времени щелкал им по упитанной заднице своих лошадей. Здесь удар не смягчала шерсть — плетка била по голой коже.

Между рабочими и надзирателями бесстрастно прохаживались торговцы, одежда которых — парик, жабо и брюки до колен — была такой же, как у отца Норы. Капитаны и корабельные офицеры разговаривали между собой о делах. Продавцы овощей и фруктов — тоже в большинстве своем черные — таскали повозки со своим товаром и громко предлагали что-то освежающее. Матросы — члены команд, у которых было свободное время, — с удовольствием выходили на берег, причем молодые женщины в пестрых платьях многообещающе улыбались им. Некоторые из девушек были почти светлокожими, только с несколько полноватыми губами, темными глазами и волосами, другие — с очень черной кожей, широкими носами и жесткими курчавыми шевелюрами.

Нора знала, что это портовые проститутки, и, в общем-то, должна была отвести от них взгляд, но она не могла этого сделать, потому что хотела воспринимать эту жизнь во всех ее проявлениях, всеми своими чувствами. В воздухе висел запах пряностей и фруктов, но также и гниения, прогорклого жира и дыма, который поднимался от ближайших уличных кухонь. Портовые кабаки до самых доков были открытыми, пьяницы сидели внутри и ходили вокруг, однако вместо обычного в

Лондоне джина, здесь, прежде всего, продавали ром. Его аромат тоже примешивался к запахам порта.

— Нора! Ты что, не слышишь?

Зачарованная пестрым миром кингстонских доков, Нора не услышала, что Элиас обращался к ней. Она только сейчас заметила, что он разговаривает с одним из торговцев. Как того требовал долг, Нора послушно улыбнулась, когда муж представил ее этому торговцу, однако тут же забыла его имя. Намного интереснее для нее был мальчик, который следовал за ним. Она даже не представляла, что человеческая кожа может быть такой черной! И паренек совсем не казался вспотевшим и перегревшимся, как его хозяин. Его кожа была сухой и бархатно блестела на солнце. Нора слышала, как торговец, обратившись к нему, дал какое-то поручение, но, в общем шуме, не могла понять, что именно он ему сказал. Слуга, однако же, послушно поклонился и бегом побежал прочь из порта.

— Мистер Фрейзер оказал любезность известить лорда Холлистера о нашем прибытии, — сообщил Элиас Норе. — Холлистер — это мой товарищ по торговле, он пришлет нам карету, и мы проведем эту ночь в его городском доме.

Нора кивнула с чувством легкого разочарования. Она надеялась, что они тут же поедут прямо в Каскарилла Гардене. Конечно, ее привлекала возможность исследовать город Кингстон, но прежде всего она жаждала увидеть бухту их с Саймоном мечты. Плантация Элиаса должна была находиться вблизи моря. Нора едва могла дождаться того момента, когда пройдет по побережью и почувствует ногами тепло песка. Кажется, Каскарилла Гардене находилась не очень далеко — всего лишь в пяти милях к юго-востоку от Спаниш-Тауна и на таком же расстоянии от Кингстона. Между этими населенными пунктами должны существовать приемлемо расчищенные дороги, значит, можно будет добраться до владений Элиаса менее, чем за полдня. На лошади Нора доскакала бы туда за час, однако она, конечно, понимала, что после длительного путешествия на раскачивающемся корабле Аврору нельзя сразу же оседлать. Не говоря уже о том, что сказал бы по этому поводу Элиас! Он хотел всем продемонстрировать свою английскую леди, а для этого, без сомнения, лучше подходила открытая карета. Возможно, это также было причиной тому, что он хотел провести еще один день в городе.

Нора вздохнула. Она надеялась, что он не планирует сразу же устроить большой ужин — в конце концов, еще не все ее платья были выгружены с корабля. Ей даже стоит, наверное, попросить леди Холлистер дать ей займы зонтик от солнца, поскольку в этот день придется долго находиться

под открытым небом. Ее собственный зонтик порвался во время шторма. Конечно, у нее было несколько других — зонтики от солнца носили, подбирая к одежде, — но они пока находились в дорожных сундуках в трюме корабля. Может быть, понадобится не один день, чтобы разгрузить все! Нора с нетерпением вздохнула. Она могла вынести недолгое пребывание здесь, но на следующий день в любом случае обязательно хотела попасть в Каскарилла Гардене!

Элиас рассмеялся, когда она выразила свои мысли вслух.

— Ну вот, ты не можешь дождаться того момента, когда увидишь свою новую родину! — насмешливо сказал он. — Очень хорошо, очень многообещающе! У моей первой жены слезы стояли в глазах, когда она с корабля смотрела на безлюдное побережье. Она вообще не хотела уезжать из города.

Впервые Фортнэм заговорил о своей умершей супруге, и Норе стало как-то не по себе, что ее так открыто сравнивают с предшественницей. Тем более что это было сказано так, будто речь шла об охотничьей лошади, которую проверяют на энтузиазм, с каким она будет преодолевать препятствия.

— Но не беспокойся, мы завтра поедem дальше: за разгрузкой корабля наблюдать мне не нужно. Однако я не хочу брать займы у Холлистера его телеги для перевозки грузов и ландо. Так что мы сегодня пошлем гонца в Каскариллу, а завтра повозки будут уже здесь. К тому времени лошадей с корабля уже снимут и они смогут следовать за нами.

Нора закусила губу.

— Я не думаю, — возразила она. — Мы же не будем все время ехать шагом, правда? А идти рысью после двухмесячной абсолютной неподвижности на корабле...

Элиас пожал плечами.

— Как скажешь. Хорошо, что ты сразу сообразила. Я прикажу прислать двух негров, которые поведут их шагом.

Нора наморщила лоб.

— Поведут? Так много миль? Людям придется несколько часов шагать рядом с лошадьми по такой жаре! Нельзя ли их просто оставить у твоего друга в стойле до тех пор, пока мы в следующий раз не приедем в город? Такое ведь часто бывает, и я бы смогла поехать домой верхом на Авроре!

Элиас громогласно рассмеялся.

— Нора, поверь мне, для рабов это награда, если им позволят пару часов прогуляться рядом с такой лошаdью, вместо того чтобы рубить сахарный тростник. И не думай, что я для дороги сюда выделю им карету!

Все чернокожие хорошие бегуны, не беспокойся.

Нора посчитала это странным — ведь грузовая карета в любом случае сюда приедет, почему же нельзя людям дать возможность приехать в ней? Но затем она увидела кое-что, что взволновало ее гораздо сильнее и показалось намного более жестоким, чем принуждение наматывать мили по жаре.

Еще один корабль у причала открыл свои трюмы для разгрузки, и оттуда, пошатываясь, вышли люди. Нора в ужасе смотрела на полсотни негров, большинство из которых были молодыми мужчинами, но попадались и женщины, которые с трудом выходили на воздух, неловко двигаясь, поскольку были скованы цепями. Они щурились от яркого света. Неужели все время плавания их держали в трюме?

— Откуда их привезли? — почти беззвучно спросила Нора.

Элиас проследил за ее взглядом.

— Берег Слоновой Кости, Конго... Надо бы спросить капитана. Но лучше не смотри туда: когда их только привезли и выгружают, они представляют собой неприятное зрелище. — Он ухмыльнулся. — Ты сама говоришь, что твоя лошадь оцепенеет, если ей три месяца не давать двигаться. Не иначе обстоят дела и с ними.

Нора с ужасом посмотрела на Элиаса.

— Это... Это же нельзя сравнивать! Когда мы загоняем лошадей в тесную каморку — это же для их собственной защиты от морского волнения. Но тут... Это же люди... Элиас, нельзя же запикивать их в трюм, как... как...

— Это рабы, — абсолютно спокойно ответил ей муж. — И если шкипер загоняет их в трюм, так это для его же безопасности. Представь себе, что будет, если они поднимут бунт на корабле! Сорок молодых крепких парней!

Мужчины, без сомнения, были молодыми, но точно не выглядели крепкими после изнурительного плавания через океан. Нора видела усталость, безнадежность и стыд в их глазах — то же выражение, что застыло на лице Саймона после того, как у него отобрали дом и положение в обществе. Нора понимала их боль, и сочувствие в ней преодолело отчуждение, возникавшее из-за разницы в цвете кожи. Хоть черные, хоть белые — это были люди, такие же, как она, и они испытывали те же чувства, что и она!

— Они больны, — вырвалось у Норы, — они ранены.

На темной коже людей виднелись следы крови. Это было незаметно с первого взгляда, но молодая женщина была внимательной.

— И они не должны... Они не должны быть голыми.

Она сама показала себе глупой, когда произнесла последние слова, на что Элиас тут же рассмеялся. Этих людей вырвали из семей, их заковали в цепи, над ними издевались, — тот факт, что у них отобрали одежду, вряд ли был наибольшим злом по отношению к ним. Однако это последнее унижение Нора восприняла очень остро.

Мужчины в порту, черные и белые, похотливо глазели на груди молодых женщин, которых сейчас выгоняли на берег. И те даже не были красивыми — женщины похудели настолько, что их груди свисали вниз, словно пустые кожаные мешочки. Мужчины тоже исхудали до состояния скелетов.

— Неужели им не давали есть? — сдавленным голосом спросила Нора.

Сейчас она уловила вонь, которая исходила от неделями не мытых тел рабов. Элиас закрыл себе лицо носовым платком и протянул еще один платок Норе.

— Не будь глупой, Нора, конечно, им дают есть. Они являются ценным товаром, и никто не заинтересован в том, чтобы они умерли с голоду. Но это же ашанти. Ты скоро научишься отличать их. Люди из других племен меньше ростом и коренастее. Не такие сильные и выносливые, но ими легче управлять. Зато вот эти парни и бабы с Берега Слоновой Кости... Они точно знают, как обмануть продавца и не дать ему заработать на них. Они специально отказываются от пищи, чтобы умереть с голоду.

Элиас злобно посмотрел на рабов.

— Но тогда... они же будут мертвыми! — воскликнула Нора и заметила, как глупо прозвучало ее замечание. — Какая польза мертвым от того, что они испортили торговцам сделку? Они...

— Они злобные и коварные до мозга костей, — процедил Элиас сквозь зубы. — При каждой перевозке некоторыедохнут, а бабы теряют свой приплод, если на то время, когда их поймали, они были беременны. Капитаны, конечно, пытаются заставить их хоть что-то жрать. Да, работа эта некрасивая...

Нора принудила себя посмотреть в ту сторону, где рабов как раз передавали покупателю. Мужчина приказал своим надсмотрщикам немедленно облить свой «новый товар» несколькими ведрами морской воды, чтобы смыть хотя бы самую сильную грязь и отбить запах. Те передали приказание черным рабам, которые выполнили приказ, не выказывая ни малейшего волнения.

Нору трясло. Она так и напишет своему отцу. Это было бесчеловечно.

— Баккра Фортнэм, сэр, — прозвучал позади них робкий низкий голос.

Элиас обернулся.

— Ах да, вот наша карета. Садись, Нора... Ну, давай поторапливайся, парень! Открой дверь перед леди и держи ее открытой! Ах да, Боже мой, я слишком долго был в Лондоне. Обученный персонал... Конечно, здесь такого ожидать не приходится.

Сидевший на козлах молодой человек с коричневым цветом кожи торопливо спрыгнул вниз и открыл перед Норой дверь в карету. К сожалению, лошади тоже не были обучены так хорошо, как упряжка Пепперса. Оба белых коня беспокойно пританцовывали, и Нора чувствовала бы себя намного уверенней, если бы кучер держал их под уздцы. Но зато это отвлекло ее от печальной процессии рабов, которых сейчас вели по направлению к городу. Нора не спрашивала, куда именно, это она рано или поздно все равно узнает. Сейчас она больше заинтересовалась их теперешним кучером.

— Этот юноша... Он является «собственностью» лорда Холлистера? — тихо спросила она. — Я имею в виду, он что, тоже...

— Все негры кому-то принадлежат, — спокойно ответил Элиас, но затем по его лицу скользнула ухмылка. — А здесь сразу видно, что Холлистер не занял этого парня у кого-нибудь из приятелей.

Нора задумалась, как он мог это узнать, но данный вопрос не являлся самым срочным.

— Но хозяин позволяет ему свободно передвигаться, — продолжала она. — Здесь, с каретой... Он же мог просто взять ее и уехать.

Нора робко улыбнулась парню на козлах, который постоянно оглядывался назад. По всему было видно, что он серьезно воспринимает обязанности господского кучера и хочет убедиться, что его пассажиры удобно уселись и не имеют каких-либо еще желаний.

— Это очень даже возможно. Но уже при выезде из города от него потребовали бы показать пропуск. И тогда у него были бы большие неприятности, Огромные неприятности.

— Лорд Холлистер избил бы его? — не унималась Нора.

— Это было бы самое меньшее, — ответил Элиас. — Прежде всего, он понизил бы его в должности, а поверь мне, самое последнее, чего хотел бы этот парень в жизни, — это работать на плантации. В роли же кучера он ведет королевскую жизнь. Нет, Нора, домашние ниггеры не убегают или делают это очень-очень редко. Надзирать нужно больше за теми парнями,

которые работают на плантации.

— Все в порядке, баккра? — озабоченно спросил кучер.

Нора кивнула ему.

— Все в порядке, — успокоила она его. — Как?.. — Она хотела спросить парня, как его зовут, но не знала, как это сформулировать.

Как обращаться к нему: «вы» или «ты»? В Англии к такому молодому слуге, пожалуй, обращались бы на «ты». Но затем ей в голову пришла мысль, от которой она похолодела. А есть ли у этих людей имена?

— Леди? Миссис? — испуганно спросил юноша.

Нора набрала полную грудь воздуха.

— Я думаю, миссис Фортнэм хочет узнать, как тебя зовут, — помог ей Элиас.

Нора почувствовала что-то вроде благодарности к нему.

Мальчик ухмыльнулся.

— Джеми, миссис, к вашим услугам.

Его лицо сияло, он был счастлив тем, что правильно выполнил формальность.

Нора облегченно улыбнулась. Но неужели мальчика с самого рождения звали Джеми? Неужели семьи язычников называли своих детей Джеймс, Пол или Мэри?

— Этого точно звали так с рождения, — ответил Элиас. Нора задала ему вопрос, дождавшись удобного момента, когда Джеми сосредоточился на управлении каретой и перестал прислушиваться к ним. — Этот ведь родом не из Африки, он — мулат. Ты же сама видишь.

— Мулаты — это... дети негров и белых? — хотела убедиться Нора. — Как же это получается? На рабах ведь не женятся? Или как?

Элиас с досадой схватился за лоб и, качая головой, отвернулся.

— Нора, не притворяйся, что ты глупее, чем есть! — строго сказал он. — Лучше сама подумай, как это бывает. В тот момент, когда речь заходит о рабах, кажется, у тебя отказывает разум! Причем браки между черными и белыми, разумеется, исключены. Как такое в голову могло прийти!

Нора хотела уже резко ответить ему, что мысль о рабстве вообще не может и не должна укладываться в голове человека. Однако в этот момент карета остановилась перед резиденцией Холлистеров — красивым, покрашенным в оранжевый цвет деревянным домом, с резными украшениями и многочисленными эркерами и башенками. Норе дом очень понравился, но, когда она познакомилась с лордом Холлистером, ее снова охватил леденящий ужас. Мужчина проявил себя дружелюбным, гостеприимным, однако при первом же взгляде на него Норе стало понятно,

как появился на свет Джеми. Если не обращать внимания на цвет кожи и более широкий нос, молодой раб был похож на своего хозяина, как одна капля воды походит на другую. Нора могла только надеяться, что на ее собственной плантации ее не ожидают подобные сюрпризы.

Элиас приветствовал лорда и леди Холлистер, причем у Норы сложилось впечатление, что хозяйка дома повела себя заметно холодно. Было ясно, что тесная дружба ее мужа с этим семейством не связывала, впрочем, это ее не смутило. Нора знала, что между ее отцом и его партнерами по торговле при внешней приветливости постоянно существовало определенное соперничество, которое делало невозможной подлинную теплоту. Но их жены были обычно более откровенны, и Норе оставалось только подождать, когда после обеда мужчины удалятся в кабинет хозяина.

И действительно, леди Холлистер несколько оттаяла, когда после еды — очень вкусной и легкой — осталась наедине с Норой. Холлистеры не ожидали визита, и, тем не менее, их повариха принесла на стол три смены блюд. Нора впервые попробовала тропические фрукты. Леди Холлистер весело наблюдала, как ее молодая гостья осторожно попробовала плоды, а затем стала быстро с наслаждением поедать их. Погода на Ямайке не отразилась на аппетите Норы, как это часто случалось со многими другими новичками. Наоборот, в тепле она буквально расцвела. Вечером, конечно, стало холоднее, и Нора с интересом всматривалась в звездное небо, после того как хозяйка отвела ее на террасу и приказала принести туда кофе и фруктовые соки.

Девочка, которая принесла им прохладительные напитки, тоже была поразительно похожа на хозяина дома. Норе стоило больших усилий не смотреть ей в лицо. Очевидно, это были те вещи, с которыми ей просто придется смириться на своей новой родине. Ей в голову продолжали приходить еще тысячи не таких уж важных вопросов о Ямайке, которые ей немедленно хотелось задать леди Холлистер. Однако хозяйка, понятное дело, хотела бы, напротив, услышать истории о своей старой родине, а также об Элиасе и Норе Фортнэм! Она сначала расспрашивала о Лондоне, а потом словно невзначай пожелала узнать подробности внезапного замужества Норы. Та, прекрасно зная, что такое слухи, отвечала кратко и, со своей стороны, пыталась выведать у леди как можно больше информации о Каскарилла Гардене и о положении ее нового мужа в обществе Кингстона.

Итак, в первые же часы здесь, в новой стране, ей стало ясно: ее муж действительно очень подробно рассказал ей о флоре и фауне Ямайки,

развернул перед Норой всю историю острова и открыл суть множества экономических особенностей. Однако о том, что реально ожидает молодую женщину в этом обществе рабовладельцев, самозванных лордов и леди, и конкретно в Каскарилла Гардене, — об этом она не знала ничего.

Глава 6

Нора и ее муж в эту первую ночь на Ямайке наконец разместились в общей спальне, и Элиас использовал благоприятные условия, чтобы снова выполнить свои супружеские обязанности. Нора опять пропустила все мимо себя: у нее больше ничего не болело, как после лишения девственности, но и удовольствия процесс тоже не доставил. Нежности Элиаса перед соитием были такими мимолетными, что едва ли возбуждали ее, а после этого он каждый раз мгновенно засыпал. При этом Нора воспринимала присутствие спящего рядом с собой мужчины как большую помеху, чем вынужденная телесная любовь с ним,— в конце концов, Элиас посвящал своей молодой жене не более чем несколько минут. Но его запах, его движения, а особенно храп намного больше раздражали Нору, не давая ей уснуть. И она очень надеялась, что в их общем доме ее муж предпочтет иметь отдельные спальни. В Лондоне он после брачной ночи посещал Нору только для сношения, а после возвращался в свою комнату. Наверное, на плантации он захочет, чтобы все было так же.

Утром домашние рабы Холлистеров подали на стол сельдь и стручки съедобного гибискуса. Для Норы поначалу такое сочетание показалось странным, однако еда оказалась довольно вкусной, если, конечно, привыкнуть к слизистой консистенции этого похожего на рагу блюда. Потом подали свежие фрукты, а вскоре Нору и Элиаса уже действительно ожидал собственный экипаж Фортнэмов. Кучерам пришлось, видимо, отправиться в путь еще до рассвета. Нора увидела красивую открытую карету с черным кучером в ливрее и фургон для груза, на котором приехали белый надсмотрщик и четыре раба — если, конечно, молодых людей все же не заставили идти сюда пешком. Но, похоже, они не выглядели изможденными. Двое из них со знанием дела подошли к лошадям, при этом черный кучер давал им указания. Видимо, он был их начальником, и надсмотрщику не пришлось ни во что, вмешиваться. Скорее всего, его задачей было наблюдать за работами в порту — багаж и многочисленные покупки Элиаса уже были сняты с корабля и погружены в фургон. Все это было сделано, конечно, еще до восхода солнца. Теперь рабы выносили из дома дорожные сумки, которые Фортнэмы брали с собой к Холлистерам, и при этом наступали на ноги слугам последних, которым, очевидно, поручили то же самое. За это время Элиас успел поговорить с надсмотрщиком, после того как коротко представил его Норе.

— Нора, это мистер Мак-Аллистер, один из джентльменов, которые отвечают за наших негров, работающих на плантации. Мак-Аллистер, моя супруга, миссис Нора Фортнэм.

Нора коротко кивнула: приветствия с рукопожатием, очевидно, от нее никто не ожидал. Мак-Аллистер, казалось, занимал на плантации такое же место, как служащий в доме или в конторе семьи Рида. Люди вежливо обращались друг к другу, причем каждый из них осознавал свое положение и свою должность. Рабов, наоборот, Элиас, казалось, вообще не видел, только кучера своей кареты он поприветствовал коротким кивком.

— Это новая миссис, Питер, — представил он Нору, на что Питер с готовностью поклонился.

— Вы добро пожаловать! — вежливо сказал он.

Нора улыбнулась ему. Мужчина, казалось, умел говорить только на ломаном английском языке, а цвет его кожи выдавал чисто африканское происхождение.

— Но он же не с самого начала звался Питером, — заметила она в сторону Элиаса, когда карета тронулась.

Сначала они проехали по ухоженным улицам Кингстона, но затем покинули город и покатали вдоль побережья. Нора с любопытством смотрела на море.

Элиас пожал плечами.

— Когда я купил его, парня уже звали так, — коротко сказал он. — Но ты права, им часто дают новые имена. Именно ниггерам, которые работают в доме, потому что к ним как-то нужно обращаться, не рискуя вывихнуть себе язык. Смотри, вот тебе твои пальмы!

И действительно, на побережье росло несколько пальм, и Нора не могла насмотреться на них. Море также очаровало ее. Она еще во время плавания обратила внимание на то, что море каждый день играет разными красками. В это утро оно, казалось, сияло синим цветом, а волны были немного выше, чем вчера. Белоснежная пена прибоя оттеняла желтоватый цвет побережья. А негустой лес, куда довольно быстро привела их дорога, являл Норе тысячи оттенков зеленого. Она попыталась распознать деревья и кусты и наугад сказала, что это, наверное, красное дерево. Элиас подтвердил ее предположение. Кроме того, он показал ей синий сандал.

— Вот, а здесь голубая магония, очень типичная для Ямайки. У нас есть такая в саду, но в диком виде это дерево растет только в центральной части острова. Оно имеет синеватый оттенок, очень странный. Надеюсь, тебе понравилось также и красное дерево. Я приказал изготовить из него

мебель для Каскарилла Гардене. Моя первая жена не очень любила его, ей хотелось привезти всю мебель из Англии.

Нора снова почувствовала себя не в своей тарелке, но ничего не сказала. Мебель в доме Холлистеров не особо отличалась от лондонской. Но, может быть, они и завезли ее из Англии.

— К этой стране... как-то не подходит тяжелая мебель, — в конце концов, сказала она. — Собственно, вообще никакая не подходит. Я думаю... Изначально люди ведь здесь жили больше на открытом воздухе, на природе... и...

Элиас сердито посмотрел на нее.

— Ты что себе воображаешь, хижину из бамбука? Циновки на полу, как в жилище для рабов? — Он снова набросился на нее, как тогда на корабле, и Нора непроизвольно шарахнулась от него. — Нора, я тебе уже сказал: ты — леди и должна вести себя соответственно! Разумеется, наш дом меблирован, как цивилизованный английский особняк. Я просто не считаю необходимым сначала вывозить дерево на родину, потом делать из него мебель, а после снова завозить ее сюда только для того, чтобы похвастаться перед соседями. Приличные столяры-мебельщики есть и в Кингстоне, и в Спаниш-Тауне. Они по образцу сделают любую английскую мебель, которую им покажут.

Нора замолчала и в мыслях уже смирилась со скучной обстановкой, похожей на ту, что была в доме ее отца. А теперь Элиас вслух планировал, где установит приобретенные в Лондоне статуи и повесит картины. Она спрашивала себя, как все это воспринимают люди, которых насильно привезли в этот мир из Африки.

Примерно через час поездки они прибыли в Сантьяго-де-ла-Вега, место, которое англичане кратко называли Спаниш-Тау-ном — Испанским городом. Поселение было основано испанцами и официально все еще считалось столицей острова, хотя Кингстон, конечно, из-за своей гавани приобретал тут все большее значение. Сантьяго находился намного дальше от побережья, и на подъезде к городу Нора увидела первые плантации сахарного тростника и какао. До сих пор она знала эти растения только по картинкам и удивилась их величине.

— Это же почти деревья! — поразились она, прежде всего сахарному тростнику.

Элиас рассмеялся.

— С точки зрения ботаники это трава, — пояснил он, — что очень хорошо для нас, потому что, в отличие от деревьев, он вновь и вновь вырастает сам по себе. Если дерево однажды срубить, то на этом все

закончится. А сахарный тростник можно срезать каждый год. Его также легко сажать, если иметь для этого необходимую рабочую силу.

То, о чем говорил ее супруг, Нора увидела на первой же плантации. Десятки рабов рубили ножами-мачете спелые растения, а на другом поле рабы высаживали саженцы. Все обливались потом, что было неудивительно. Мужчины работали под обжигающими лучами раскаленного солнца. На каждые двадцать-тридцать рабов приходился один белый надсмотрщик, который чаще всего стоял в тени. Нора спросила себя, почему черные не нападут на него. Их же было намного больше, и у них были мачете! Однако ей не хотелось снова спрашивать, потому что она могла представить себе ответ: наказания за попытку бегства, очевидно, были такими чудовищными, что рабы даже и не думали предпринимать ее.

Спаниш-Таун производил впечатление города более пестрого и не такого упорядоченного, как Кингстон, — испанское влияние было здесь все еще весьма ощутимым. Центр города образовывала недавно построенная церковь Святой Катарины. Здесь колониальная архитектура проявила себя лишь в незначительных деталях — а в остальном эта первая англиканская церковь Ямайки была типично английской и теоретически могла бы стоять даже в Лондоне.

В этот день Нора получила только самые скромные впечатления от города и церкви: Элиас не дал карете остановиться. Сейчас они находились всего лишь в нескольких милях от Каскарилла Гардене, при этом дорога вела исключительно через плантации сахарного тростника.

— А я думала, что наша земля находится у моря, — разочарованно протянула Нора.

Первое удивление прошло, и теперь бесконечные плантации казались ей скучными и производили угнетающее впечатление, а хозяйственные дороги между ними были пыльными и печальными.

Элиас кивнул.

— Так оно и есть, но тут нет дорог вдоль моря. Мы приближаемся к поместью со стороны центральной части острова. Но прямо возле моря мы дома не строили, это не рекомендуется, потому что здесь бывают ураганы и огромные волны, они просто смоят дом, если он стоит слишком близко к берегу.

Нора со страхом подумала о строительстве хижины их с любимым мечты. Наверное, это было слишком недальновидно — селиться прямо у воды. Но, с другой стороны, такую хижину можно было легко восстановить, если ее вдруг снесет. Она улыбнулась.

Элиас выпрямился.

— Кстати, вот мы и приехали, — заметил он. — Мы только что пересекли границу. Земля до сих пор принадлежит Холлистерам. А вот с этого поля начинается моя земля. Добро пожаловать в Каскарилла Гардене!

Значит, Холлистеры были все-таки не столько друзьями, сколько просто соседями, — отметила для себя Нора. Интересно, были ли у них еще дома? Вполне вероятно, если вспомнить стиль жизни других плантаторов, таких, как Вентворты. У них был городской дом в Лондоне, загородный дом в церковном приходе, который лорд Вентворт купил вместе со своим дворянским титулом, а также плантация на Виргинских островах. Однако Элиас, казалось, был невысокого мнения о коллекционировании домов и титулов. При этом денег у него для этого было достаточно. По словам Томаса Рида, Элиас Фортнэм был одним из самых богатых плантаторов на острове.

Нора, полная ожидания, крутилась во все стороны, но ничего не видела, кроме бесконечных рядов сахарного тростника, — до тех пор, пока они не свернули, наконец, в какое-то подобие аллеи, по обеим сторонам которой росли красные деревья, кедры и даже несколько синих сандалов и пальм. Похоже было на то, что частично деревья остались здесь от джунглей, частично были посажены людьми. В любом случае они образовывали тенистый подъезд к господскому дому, который — увы! — разочаровал Нору. Каменный дом, двухэтажный и мощный, с мансардой под крышей и с колоннами — такой мог бы стоять и в Лондоне. И, как в Англии, кучер остановил карету перед парадным входом, и оттуда высыпали слуги, чтобы приветствовать своего хозяина. Все они были черными, а их форму отличал чрезвычайно старомодный крой, возможно, она была заведена еще первой женой Элиаса Фортнэма. Но кухонный персонал, видимо, не всегда носил форму, потому что она казалась слишком мало изношенной. Нора обвела взглядом лица мужчин и женщин. По крайней мере, ее самые худшие опасения не подтвердились. Никто здесь не был похож на Элиаса Фортнэма и не имел оттенка кожи, как у Джеми в Кингстоне.

Нора в Англии привыкла к тому, что ей представляют слуг, но Элиас не настолько далеко заходил в сохранении здесь нравов своей родины. Он провел короткую инспекцию своих домашних рабов, кивнул им и представил Нору в качестве новой миссис, не называя жене их имен.

— Ты сама потом познакомишься с ними, — сказал он Норе. — По всем вопросам обращай к Адди.

Он указал на большую крепкую негритянку в переднике поварихи, которая стояла рядом с двумя худощавыми молодыми девушками. Одна из

них, которой на вид было лет семнадцать-восемнадцать, шагнула вперед.

— Я есть Маану, миссис... э... Китти. Дочка Адди. Я думать, миссис хочет меня как горничную.

Элиас кивнул.

— Хорошая идея, Адди, — похвалил он. — Девушка с давних пор в доме и воспитана прилично. Но, конечно, решать будет миссис. Китти... — Девушка опустила взгляд — то ли из приличия, то ли из страха. — Я думаю, ты сначала проведешь миссис в ее комнату и поможешь ей. Если ты ей понравишься, то сможешь получить эту должность.

Адди, кухарка, засияла всем своим круглым лицом, однако у Китти, когда она, наконец, подняла взгляд, был скорее угрюмый вид. Тем не менее, Нора была очарована ее красотой. Такой она всегда представляла себе царицу Клеопатру — великолепной и какой-то... экзотически аристократичной, пусть даже и не такой черной. У Китти был высокий лоб, тонкие, хорошо прорисованные черты лица и, по сравнению с другими рабами, маленький узкий нос. Полные губы цвета черники и немного раскосые, на удивление светлые глаза. У большинства чернокожих радужки были карие, но глаза Китти отливали скорее цветом орехового дерева с золотыми вкраплениями. Ее волосы были не курчавыми, как волосы большинства чернокожих, а прямыми и блестящими и свисали почти до бедер.

— Ну, ты скоро, Китти? — недовольно спросил Элиас.

Ему, видимо, хотелось быстрее закончить этот парад приветствий. Нора посчитала, что пора ей брать инициативу в свои руки.

— Спасибо за приветствие! — дружелюбно сказала она. — Боюсь, я не запомню сразу все ваши имена. Но, тем не менее, хотя бы кратко представьтесь мне. Или, может, это сделает Адди?

Нора улыбнулась поварихе. Та, казалось, до сих пор руководила домом, и Нора не планировала в ближайшее время менять эту ситуацию, если только не столкнется с каким-то существенным беспорядком. Лучше не вызывать хаоса путем изменений в их иерархии из-за того, что у кого-то появится возможность выдвинуться на передний план благодаря красноречию. Однако, казалось, рабам это было совсем не нужно. Наоборот, им явно стало намного легче оттого, что не нужно обращаться напрямую к новой миссис.

У поварихи в этом смысле не было никаких затруднений. Она гордо представила домашних слуг и лакеев, горничных и помощников на кухне. К последним относилась и девочка, стоявшая рядом с Китти, почти еще ребенок, как обнаружила сейчас Нора. Мэнди было на вид восемь или

девять лет. И в этом не было ничего необычного. В Англии девочек тоже очень рано принимали на работу служанками.

Слуги — Бой и Джо — сразу же после знакомства стали переносить дорожные сумки Норы и Элиаса из багажника кареты в дом. Повозка с сундуками еще не приехала, но пока можно было обойтись содержимым сумок. Нора, однако, уже видеть их не могла. В конце концов, она больше двух месяцев вынуждена была довольствоваться ими в тесной каюте.

— Ты проведешь меня в дом, Китти? — любезно спросила Нора свою новую служанку.

Она с удовольствием взяла бы эту девушку в качестве служанки, хотя та показалась ей несколько странной. В любом случае было непохоже, что Китти обрадовалась привилегии обслуживать новую миссис.

Сейчас девушка показывала ей дорогу, благовоспитанно оставаясь на шаг позади нее. Но как только они миновали пышный портал, ее образцовое поведение осталось позади. Китти ни с того ни с сего обратилась к своей новой хозяйке — и Нора поняла, что, наверное, никогда не перестанет удивляться здесь, на Ямайке. Для Нелли это было бы абсолютно нормально, но здесь, казалось, рабы говорили лишь тогда, когда этого уже невозможно было избежать.

— Я есть не Китти, я — Маану, — заявила новая служанка Норы. — И моя мама тоже не Адди. Я называть ее «мама Адве». А так Адвеа. Моя сестра Манса.

— Это та девочка, которую мне представили как Мэнди, правильно? — спросила Нора, приняв решение не комментировать слова Китти, или... Маану. — Но почему же вы мне этого сразу не сказали? Было бы лучше, если бы я сразу узнала ваши настоящие имена.

— Баккра говорит, невозможно произнести, — сказала Маану и этой репликой, безусловно, перешагнула все границы дозволенного. — Все должно по-английски.

Нора пожала плечами.

— Ну, твой господин может называть тебя, как хочет. — Для начала она решила поставить девушку на место. — Однако я с удовольствием буду называть тебя так, как тебя называли при рождении. Маану — это красиво. Твое имя что-то значит?

Теперь наступила очередь Маану удивленно пожать плечами.

— Я не знаю, миссис. Спрашивать мама Адве. Она точно знает.

Нора отказалась от дальнейших расспросов и задумалась. Все равно, от какого африканского языка происходят имена Адвеа, Маану и Манса, — Маану, очевидно, не говорила на них. В любом случае ее не привезли сюда

из Африки, она родилась здесь.

Но почему же, черт возьми, она так плохо говорила по-английски?

Глава 7

Комнаты дома, через которые Маану сейчас вела свою хозяйку, не таили никаких сюрпризов. Им тоже было присуще функциональное разделение, такое же, как в английском господском доме: здесь был большой холл, к которому примыкал зал для балов, небольшие салоны и широкая лестница, ведущая к спальням на втором этаже. Меблировка дома показалась Норе грубоватой и неуклюжей — видимо, столярам в Кингстоне не совсем удалось сымитировать тонко обработанные на токарном станке и зачастую слишком изысканные предметы мебели эпохи «короля-солнца», на которые до сих пор ориентировалась мода. Для Элиаса было характерным ничего этого не замечать — его воспитание, видимо, было сосредоточено на чем-то ином, нежели чувство прекрасного.

Тем сильнее была удивлена Нора, когда увидела обстановку ее собственных комнат на верхнем этаже. Она была просто ошеломлена, когда вошла в помещение, подобное маленькому Версалю. Здесь были изящные столики, патинированные сусальным золотом, письменный стол с элегантно изогнутыми ножками, мягкие подставки для ног, стулья с обивкой цвета алтроза и кровать со спинками, украшенными медальонами и многочисленными воланами. Эта мебель, конечно, была сделана не в Кингстоне, и Нора подумала, что ее, наверное, завезли сюда прямо из Франции. Ей стало немного страшно, когда она поняла, что входит в комнаты, с любовью обставленные еще первой миссис Фортнэм и представлявшие собой целиком и полностью европейское убежище. Нора впервые спросила себя, какой же была эта женщина? Ее тонкий вкус выдавал в ней настоящую леди — неужели Элиас также привез ее на Ямайку в качестве трофея, когда, наконец, разбогател, и ему захотелось стать членом изысканного общества?

Хотя сама Нора с удовольствием обставила бы помещения несколько проще, в принципе, ей было все равно. Важно в первую очередь то, что у нее есть свои комнаты — маленький салон и спальня с комнатой для переодевания. Совершенно определенно, Элиас Фортнэм не будет проводить в кровати, украшенной занавесками с цветочками и кружевами, больше времени, чем ему понадобится для исполнения супружеских обязанностей. Нора спросила себя, как, интересно, выглядят его личные комнаты, но для нее это было тоже не особенно важно. Она повернулась к окнам — и тут же забыла обо всем. Молодая женщина решительно

отодвинула гардины с рюшами и, наконец, насладилась таким долгожданным видом на море! Правда, оно было не близко — между домом и побережьем еще находился сад с огородом и участок леса. Зато со второго этажа дома можно было смотреть поверх них и видеть полосу песка, а за ним — бескрайнюю ширь океана.

— Как прекрасно! — сказала Нора почти благоговейно. — Просто потрясающе!

— Да, миссис, — голос Маану прозвучал с полным отсутствием какой бы то ни было эйфории. Но ведь для нее все это было не в новинку. — Я может сделать что-нибудь для миссис? Менять одежду, делать волосы? Я уже делать для гостей. Служанка леди Холлистер мне показывать.

Нора нехотя уселась за изящный столик для причесывания, на который указала ей Маану. Собственно, она с большим удовольствием сразу же пошла бы гулять по дому и саду, но от леди следовало ожидать, что она должна хотеть сначала отдохнуть после долгой дороги. А после обеда уже делать свои открытия, но только после того как проинспектирует кухню и подвал. Английские слуги ожидали бы такого от своей новой хозяйки. Как это получится здесь, она увидит потом.

— Просто распусти мне волосы, Маану, и причеши их щеткой. А затем мы посмотрим, найдется ли в моей сумке утренний халат, который не был бы влажным и измятым. Остальное ты можешь взять с собой и отдать в стирку. Все эти вещи уже целых три месяца не проветривались по-настоящему. До сегодняшнего вечера я, наверное, получу свои дорожные сундуки или нет?

— Да, миссис, — подтвердила Маану, а затем подошла к одному из шкафов, выдержанному в розовых и голубых тонах и украшенному металлическими вставками ручной работы. Одним движением она вытащила оттуда шелковый утренний халат с вышитыми на нем большими цветами.

— Нравится, миссис? — спросила она.

Нора сама не знала, что должна сказать. Шкаф был набит одеждой — но, конечно, в нем не было ничего принадлежащего ей. Значит, и все другие вещи были из наследия ее предшественницы. В Норе все противилось тому, чтобы Маану помогала ей надевать эту одежду. Однако та не пахла, как боялась Нора, плесенью, зато источала дурманящий запах цветов апельсина.

— Мы постирать для миссис, — ответила Маану на ее немой вопрос. — Нравится?

Тронутая заботой своей новой служанки, Нора сдалась и не пожалела

об этом. Шелк с холодком облегал ее кожу, и аромат был ей очень приятен после длительного времени, проведенного на корабле. Нора вспомнила об отталкивающем запахе, исходившем от Элиаса в последнюю ночь. Возможно, она тоже пахла не розами.

— Маану, ты можешь приготовить мне ванну? — нерешительно спросила она.

Как и прежде, в высшем свете не было принято слишком часто окунаться в воду, но представление о том, что мыться вредно, стало постепенно меняться. Дело зашло уже настолько далеко, что в прошлом году Томас Рид даже установил у себя в доме медную ванну для купания. Но видела ли первая миссис Фортнэм в этом роскошь или, может быть, опасность?

Маану наморщила свой гладкий черный лоб.

— Белые господа не купаться! — категорически заявила она.

Нора вздохнула. Тут ей придется вести разъяснительную работу. Но, с другой стороны, замечание Маану разбудило в ней надежду, что рабы, вполне возможно, знали места, где можно купаться. Нора приняла решение в будущем найти какой-нибудь пруд или речку, куда могла бы время от времени нырять. Ведь холод здесь не должен был являться проблемой. Но для начала она попросила принести ей корыто с водой и тряпицу для мытья, о чем немедленно позаботилась Маану. Она с интересом наблюдала за тем, как Нора помыла свое тело мокрой тряпкой, а затем даже помогла ей потереть спину. После этого она снова произвела поиск в шкафах бывшей миссис Фортнэм и вытащила на свет божий рубашку. Нора неохотно надела ее, но Маану была права: ей было намного приятнее в этой рубашке, чем в белье из ее дорожной сумки, которое приходилось стирать в небольшом количестве не совсем чистой воды на корабле.

— Как давно... моя... э... твоя... бывшая миссис... Когда она умерла? — не выдержав, спросила она Маану.

Норе было неловко задавать этот вопрос, но еще хуже было бы задавать его Элиасу.

Маану снова пожала плечами.

— Не знать, миссис. Но давно, давно тому назад. Маану такая маленькая.

Она показала рукой рост ребенка от одного до двух лет. Значит, миссис Фортнэм умерла не менее пятнадцати лет назад.

— Ты сейчас можешь идти, Маану, — сказала Нора. — Все было очень хорошо, я довольна и думаю, что ты будешь хорошей служанкой. Ты ведь этого хочешь, Маану? Ты хочешь быть моей личной служанкой?

Нора знала, что этот вопрос для рабыни должен был прозвучать странно, но она не могла удержаться, чтобы не задать его. Поведение Маану было ей, как и раньше, не совсем понятно. Девушка вела себя, как слуга, но была умной и, очевидно, улавливала ее мысли. Она умела обращаться с гребешком и щеткой и, казалось, имела некоторый опыт. Однако, когда эту работу предложил ей Элиас, выражение ее лица было недовольным и даже угрюмым.

— Конечно, миссис, — ответила Маану, однако голос ее был странно безучастным. — Маану делает то, что хочет миссис.

Нора пока сдалась.

— Прекрасно. Тогда иди и расскажи своей матери, что я очень довольна тобой. И скажи ей, пожалуйста, что я сегодня после обеда приду на кухню, если ей это удобно. Может быть, она немножко поводит меня по хозяйственным помещениям.

Маану поклонилась и удалилась, а Нора сообразила, что эта формулировка тоже должна была показаться девушке непонятной. Адвеа не была экономкой, как миссис Роббинс в доме Рида. Она была рабыней и ожидала не просьб, а приказов.

Однако Адвеа проявила безграничное дружелюбие, когда Нора вторглась в ее царство в полуподвальном этаже. К удивлению молодой хозяйки, кухня была открыта наружу, в сторону моря.

Девочки, работающие на кухне, могли легко выносить сюда отбросы и набирать воду из чистого ручья, который протекал через сад, — и им, наверное, больше нравилось работать на свежем воздухе. В любом случае эта кухня была просторнее и проветривалась лучше, чем хозяйственные помещения в Лондоне. Норе даже стало жаль, что ей нельзя будет находиться здесь чаще. Затем она увидела, что над кухней и прилегающим к ней огородом имеется деревянная пристройка, похожая на террасу. Наверное, на нее можно было выйти из главного дома, а оттуда — в господский сад. Еще при взгляде из окон своей комнаты Нора обнаружила, что Каскарилла Гардене расположена на холме. Территория поместья террасами спускается вниз к лесу, а затем к побережью. Эта часть сада имеет несколько построек и служит в качестве продолжения или расширения хозяйственных помещений. В некотором удалении от дома Нора обнаружила хижину между деревьями. Это было жилье для рабов — невидимое из дома и сада господ, но с быстрым доступом ко входу на кухню.

— Там живут... живете вы? — спросила Нора.

Адвеа кивнула с сияющей улыбкой.

— Да, хочет посмотреть миссис? Все чисто, в порядке. Как кухня...

Кухонные помещения действительно сияли чистотой, все горшки и сковородки были выскоблены, и медь блестела. Кухня была хорошо оборудована и обставлена, также по староанглийскому образцу. Нора спросила себя, что здесь готовит Адвеа. Кто обучил африканку готовить блюда английской кухни? На одном из столов она обнаружила корзину с тропическими фруктами, и нимало не смутившаяся Адвеа, смеясь, показала ей, как чистят бананы.

— Вкусно, миссис? — спросила она.

Нора еще никогда не пробовала ничего более вкусного. Когда она последовала за Адвеа осматривать дом — кухарке казалось само собой разумеющимся показывать ей салоны и помещения для приемов, которые были такими же чистыми, как и кухня, — то постоянно щупала камей, изготовленную из кольца Саймона. Она сняла украшение с шеи перед тем, как помыться, однако теперь снова надела его к своему шелковому вечернему платью. Наряд без всякого требования принесла в ее комнату Маану сразу же после обеденного отдыха. Кто-то из домашнего персонала вынул платье из дорожного сундука, проветрил и погладил. В тон к рисунку на платье Маану вплела в волосы своей молодой хозяйки цветы апельсина.

Нора все время, постоянно думала о Саймоне. Вокруг витало воплощение их мечты. Она даже фантазировала о темных руках туземных девушек, когда представляла в мечтах о южных морях свою служанку или подругу, но, конечно, Нора никогда не думала о рабынях.

Сможет ли она доставить радость Маану, сделав ей маленький подарок? В конце концов, Нора отважилась подарить ей пару пестрых лент и заодно вставила в проушину своей камей новую светло-розовую шелковую ленточку. Время черных бархатных лент, спонтанно решила она, прошло! Норе нужно было закончить осмотр дома, а затем, в сопровождении духа Саймона, она прогуляется по своему тропическому саду. Элиас ей при этом не помешает. Тот находился, как недовольно сообщила Маану, где-то на плантации. Нора обратила внимание, что лицо ее новой служанки сразу становилось хмурым, когда речь заходила об Элиасе, — о баккра, как она его называла. По-видимому, у девушки были какие-то свои неприязненные чувства по отношению к нему, и поэтому она так нерешительно согласилась стать служанкой Норы.

Как она и предполагала, салоны и комнаты для приемов в южном конце дома расширились, переходя в две деревянные террасы, которые образовывали своего рода мостик над кухонным садом. Адвеа хотела

быстро показать его Норе, она, очевидно, не ожидала, что новая миссис планирует выход в парк. Нора же была исполнена решимости закончить экскурсию по дому на этом месте.

— Я хочу немного прогуляться на свежем воздухе, Адвеа, тебе не нужно идти со мной, большое спасибо, я тут уже сама сориентируюсь. Сейчас мне просто нужен свежий воздух — иначе я... Иначе мне все еще будет казаться, что я сплю.

Она улыбнулась рабыне, которая толком не поняла, что хочет этим сказать ее новая хозяйка. Но Адвеа ничего больше не спрашивала. Ей уже приходилось переживать с белыми господами довольно странные вещи, намного более странные, чем желание прогуляться по саду под палящими лучами послеобеденного солнца. Не преминув, конечно, еще раз очень дружелюбно пригласить хозяйку по возможности скорее осмотреть также помещения, где живут рабы, Адвеа удалилась в свое кухонное царство.

А Нора скользнула в чудесный мир своего тропического сада. Она вдыхала воздух, наполненный влагой и запахами цветов, жадно вглядывалась в разнообразие кустов и деревьев, обнаружив цветы и листья красных, белых и лавандовых оттенков.

Здесь, в зоне террасы и сада, архитектор Каскарилла Гардене наконец перешел к карибскому стилю строительства. Тут были украшенные резьбой и пестро разрисованные балконы и ниши, садовый домик в форме... пагоды? — Нора уже сейчас поняла, что это будет ее любимое место. В парке было достаточно пальм, кроме того, тут росли кусты с золотисто-желтыми цветами и другие, скорей незаметные, с листками в форме сердца. Нора подняла один из листьев и увидела, что его нижняя сторона мерцала серебром, — это была каскарилла, растение, именем которого назвали плантацию. По словам Элиаса, она росла здесь повсюду до тех пор, пока он не приказал возделывать эту землю для посадки сахарного тростника. Между кустами и деревьями находились участки луговых грядок, если можно было их так назвать. Действительно, стебли трав казались здесь чужими, похожими на английскую лужайку, но несколько более мясистыми и толстыми. Нора не могла насмотреться на эту пышную зелень. Здесь же были и фонтаны, и водопады в стиле английского сада. Элиас был прав — от недостатка воды на Ямайке никто не страдал. Возможно, фонтаны питал маленький ручей, который снабжал кухню чистой и светлой прозрачной водой и не шел ни в какое сравнение с мутной жижей в реке Темзе. С бьющимся сердцем Нора наклонилась к одному из родников и напилась воды. Та была свежей и почти сладкой на вкус. Нора с трудом удержалась, чтобы не смочить ею свою каменю.

К сожалению, отсюда не было выхода, который вел бы из сада прямо в лес. Для того чтобы попасть на пляж, надо было, наверное, объехать вокруг дома верхом. Нора спросила себя, где же конюшни? Однако ей тут же захотелось посмотреть жилища рабов. Адвеа, казалось, гордилась своим домиком и очень хотела показать его Норе.

Увы, кухарка была уже занята — подходило время ужина. Нора увидела, что планируется подать рыбу, скорей всего, свежую, прямо из моря, и у нее потекли слюнки.

В конце концов, к местам проживания рабов повела Нору маленькая Манса.

— Здесь, миссис! Хорошо, миссис?

Манса тоже считала интерес Норы к жилью рабов чисто практическим — проверкой на порядок и чистоту. И в этом смысле к хижине Адвеа действительно не было никаких претензий. Но она показалась Норе слишком маленькой для целой семьи. Пространства там едва хватало для двух циновок, примитивно сколоченного стола и трех стульев. Место для приготовления пищи находилось под открытым небом, перед хижинкой.

Нора, которая сейчас вспомнила замечание Элиаса по поводу ураганов и наводнений, бросила короткий взгляд на устройство хижины: деревянные угловые сваи, крепкая, пусть и примитивная каменная кладка высотой приблизительно до уровня бедер, а поверх нее — стенки из глины. Соединительные решетки между сваями заполнены глиной, высохшей на солнце. Крышу образуют пальмовые ветви, а полом служит утоптанная и чисто подметенная смесь из извести, камня и глины. В общей сложности это жилье гораздо больше, чем дом Элиаса Фортнэма, было похоже на хижину, которую Нора и Саймон мечтали построить на пляже своей мечты. Ураган такая хижина вряд ли выдержит.

— После ураган мы строить все заново, — спокойно сказала Манса, когда Нора спросила ее об этом.

Ее, казалось, это мало волновало. И действительно, в этом жилье не было никаких личных вещей, кроме пары простенько скроенных и пестро разрисованных платьев и платков, которые женщины повязывали на головы в виде тюрбанов. На полке лежали красиво связанные в бантик ленты, которые Нора подарила Маану после обеда. Девушка, казалось, была искренне рада получить их. Но больше у женщины и ее дочерей, которые жили в этой хижине, ничего не было.

— У тебя нет отца? — спросила у Мансы Нора.

Девушка оттопырила губы.

— Есть, миссис, но он принадлежит лорд Холлистер. Был кучер,

сейчас полевой ниггер. Мы его видеть мало.

Учитывая то, что Нора успела узнать о здешнем обществе, ей стало ясно, что отец Мансы и Маану был понижен в должности, — возможно, его хозяину не понравилось, что он нашел себе жену на соседней плантации. Однако она не стала расспрашивать девочку дальше. Может быть, позже у нее будет возможность выслушать по этому поводу Элиаса или кого-то из Холлистеров.

Когда Нора вернулась назад в свои комнаты, Маану уже закончила сортировать ее гардероб и развешивать вещи по шкафам. Одежду бывшей миссис Фортнэм она оттуда вынула и сложила в сундуки.

— Собственно, жалко вещей, — сказала Нора с сожалением. — Может быть, ты хочешь что-нибудь из них? Конечно, они будут тебе широковаты, — Нора и сама была намного изящней своей предшественницы, — но по длине должны подойти. Ты смогла бы подогнать их по себе. И для твоей сестры тоже можно выбрать несколько.

В Англии Нелли всегда была счастлива, когда Нора дарила ей какое-то платье из тех, что становились ей не нужны. Маану же отрицательно покачала головой.

— Не для ниггеров, — коротко сказала она.

Нора вздохнула.

— Однако они бы очень подошли тебе, — попыталась она еще раз и вдруг нашла в куче одежды пару простых юбок и рубашек. — Вот это! Это было бы воскресным платьем для тебя. Бери, Маану, я скажу баккра, что подарила его тебе.

Маану ушла, сухо поблагодарив ее. При этом Нора спросила себя, существует ли для рабов воскресенье. Она бы уже не удивилась, узнав, что рабам вообще не полагаются выходные дни.

Элиас покачал головой, когда она позже спросила его об этом.

— Не будь глупой, Нора, конечно, у них бывают свободные дни. День на Рождество и полдня на Пасху. Каждое второе воскресенье пастор проводит богослужение, и там они тоже могут отдохнуть. А с наступлением темноты на плантациях все равно заканчивается работа, так что эти парни не перетруждаются.

Нора пришла в ужас. Единственный свободный день в году, и это за работу на плантациях от восхода и до заката? Ну ладно, теперь солнце заходило еще относительно рано. Однако что же будет посреди лета?

— Кстати, я мог бы завтра показать тебе плантацию, — сказал Элиас. — Твоя лошадь достаточно отдохнула после путешествия?

Он улыбнулся, а Нора облегченно вздохнула. Значит, Аврора и другие

лошади прибыли сюда благополучно. Она с восторгом кивнула. Как выглядят плантации сахарного тростника, она уже знала, но, может быть, экскурсия будет включать также путь к побережью.

На следующий день Элиас сначала показал Норе дорогу к конюшням. Они находились с другой стороны дома, на таком же расстоянии, что и кухня, и оказались прохладными и просторными. Элегантная кобыла Норы была размещена, как подобает ее положению, тщательно вычищена и уже оседлана. Черный конюх-слуга действительно мог составить конкуренцию Пепперсу, а тот уж был крайне щепетильным во всем, что касалось ухода за шерстью лошадей и упряжью. Мужчина умело придержал ей стремя, после того как подвел Аврору к подмосткам для посадки на лошадь. Элиас взобрался на черного мерина.

— Хорошо, значит, сначала на поля, — заявил он. — Мы сейчас обрабатываем триста пятьдесят гектаров, причем не везде растет взрослый тростник. Кое-где мы только высадили рассаду, а кое-где растения молодые — нынче плантация расширилась. До сих пор мы получали только около семисот фунтов сахара в год, но со временем его будет больше, сахарный тростник дает урожай на протяжении двадцати лет. У нас двести пятьдесят полевых ниггеров и еще приблизительно двадцать работает в конюшне, сараях, в доме и в саду. Пятнадцать лошадей — как я говорил, их трудно раздобыть, — пятьдесят мулов, семьдесят ослов...

— И ветряная мельница! — засмеялась Нора. Она наслаждалась конной прогулкой по полям, хотя стало душно, и не было ни единого дуновения ветерка. — А что вы на ней делаете?

Она указала на каменное строение, крылья которого были затянуты парусиной. Мельница стояла на холме. Наверное, ее было видно из дома, если посмотреть в окно, выходящее на фронтальную сторону.

— Мельница приводит в движение пресс. Если только дует ветер. А в ином случае...

Всадники подъехали ближе, и Нора увидела, как работает привод, когда ветер бывает слабым: молодой чернокожий парень гонял упряжку ослов вокруг кораля и тем самым приводил в движение жернова мельницы. Что парень, что животные одинаково обливались потом.

— Вот, смотри, — сказал Элиас, не обращая внимания на раба. — Это сок сахарного тростника.

И действительно, ручеек золотисто-коричневой жидкости вытекал из-под пресса мельницы в ушат. Наполненные емкости рабы уносили в дом, находящийся рядом.

— Сейчас этот сок будут упаривать, а потом залиют на плоские сковородки. Там он кристаллизуется — и получается му-сковадо. Можно отправлять его на кораблях сразу в Англию на рафинадный завод, и там уже делают белые кристаллы сахара. А из тростникового сиропа, который является своего рода побочным продуктом, мы путем перегонки получаем ром.

Нора слушала в полуха — ее больше интересовали люди, которые надрывались здесь. До сих пор она не особо вникала в вопросы количества полевых рабов, однако сейчас увидела упряжки мулов и рабочих, подвозивших сюда сахарный тростник. В общей сложности двести семьдесят рабов — это было больше, чем все население деревни Гринборо... Настоящий городок. Кто заботился об этих людях? Были ли здесь школы? Врач?

Нора решила, что лучше не задавать вопросов. Ей не хотелось омрачать установившиеся между ней и мужем отношения. Затем Элиас показал ей другие фермы, сараи и стойла для мулов и ослов, а потом — наконец-то! — дорогу к побережью.

— Тут ты не заблудишься, — сказал он, снова направляя своего коня к плантации. — Возьми с собой слугу: хотя место здесь вообще-то безопасное, но, с другой стороны, никогда не знаешь, что придет в голову этим разбойникам с Голубых Гор. И, возможно, пираты не все еще вымерли.

Смех Элиаса говорил Норе о том, что его замечания не стоит воспринимать слишком серьезно. И, тем не менее, наверное, она вынуждена будет брать сопровождающего при конных прогулках: даже отец неохотно отпускал ее одну в парк Святого Джеймса, абсолютно безопасный. Но в этот день она хотела бы сполна обследовать свой остров, и чтобы при этом ей никто не мешал.

Нора пустила Аврору вскачь, и черная кобыла буквально взлетела над широкой дорогой, которую кто-то прорубил сквозь лес. Нора видела следы вырубki — Элиас, очевидно, время от времени обращал пару-тройку красных деревьев в деньги. Вследствие этого джунгли уже были не слишком густыми. Но когда дорога вдруг расширилась прямо перед пляжем, она забыла о деревьях. Перед ней лежал ослепительно-белый песок, а за ним плескалось море, в этот день лазурно-голубое. Вид был таким, что у Норы захватило дух — в то время как для Авроры он был скорее устрашающим. Кобыла явно боялась и не хотела выходить из прохлады леса на палящее солнце. Нора попыталась пришпорить ее, однако затем оставила в покое и спешила.

Молодая женщина привязала лошадь к дереву, а сама, словно в трансе, погрузилась в свою фантазию, которую когда-то делила с Саймоном и которая теперь стала реальностью. Она стянула с себя сапоги для верховой езды и почувствовала босыми ногами податливый песок. Она представляла его себе не так, она все время думала, что он мягче, что он будет не таким упругим... Нерешительно, почти недоверчиво она зашагала по теплomu пляжу к воде, а затем вдруг побежала, словно ребенок. Добежав до моря, Нора, не обращая внимания на платье, опустилась на колени. Она почувствовала прохладу воды, опустила в нее руки и стала играть с нежно бьющимися о берег волнами. Это было великолепно. Но ощутить радость у нее не получилось.

Нора зашла в разрывающих сердце рыданиях.

Глава 8

Элиас вышел из себя, услышав о том, что Нора поехала верхом к морю без сопровождения мужчины.

— Я знаю, здесь на первый взгляд не видно опасности, — упрекал он ее. — Но тут есть мароны, а выше Кингстона совсем недавно были нападения на фермы — Холлистер рассказывал. Не говоря уже о том, что леди неприлично в одиночку разъезжать на лошади по округе.

— Мароны? — спросила Нора, обходя вопрос приличий. — Это свободные чернокожие или кто? Однако...

— Это отродье черных ублюдков, которых когда-то оставили тут испанцы! — Элиас пришел в ярость. — Маленький подарок английским завоевателям. До того, как испанцы ушли с острова, они отпустили своих рабов и вооружили их. Это же надо себе такое представить! Для меня это всегда было необъяснимым...

Для Норы это было вполне понятно, она видела в этом продолжение войны любыми средствами. Испанские плантаторы просто наспех насолили тем, кто по-разбойничьи отнял у них землю, и, наверное, их потомки до сих пор радуются удавшемуся трюку.

— Они небось думали, что негры будут воевать! — между тем продолжал возмущаться Элиас. — Но глубоко ошибались, эти сволочи сразу же убежали в горы и сидят там до сих пор. Они слишком трусливы для открытой войны, но время от времени совершают набеги, воруют в одном месте, грабят в другом... Иногда они прячут у себя беглых рабов, а иногда выдают их назад за вознаграждение. Им ни в чем и никогда нельзя верить, хотя иногда с ними заключают что-то вроде договоров и соглашений.

— И они добираются даже сюда, на наше побережье? — удивилась Нора.

Элиас пожал плечами.

— Они могут появиться везде, — заявил он. — Так что бери с собой мальчика-слугу, когда выезжаешь верхом, и обрати внимание на цвет своего лица, ты опять слишком долго была на солнце!

Таким образом, выезжая в следующий раз, Нора попросила одного из мальчиков-рабов, служивших на конюшне, сопровождать ее, но настоящего удовольствия от езды в такой компании не получила. Слугам разрешалось ездить верхом только на мулах, да и на них они толком держаться не умели

— этому их никто не учил. Так что мальчик довольно беспомощно ерзал на неоседланной спине животного, а когда Нора скакала рысью или галопом, то он подвергался постоянной опасности упасть. В лесу перед выходом на пляж она заставила мальчика слезть и приказала держать и лошадь, и мула, но с рабом за спиной ей казалось, что она находится под постоянным наблюдением.

На верховых прогулках было почти невозможно защитить лицо от солнечного света — ведь направление освещенности слишком часто менялось. Кожа Норы легко загорала, даже если та держалась в тени. Так что уже через несколько дней она приобрела легкий золотисто-коричневый оттенок. На побережье это происходило еще быстрее, чем в саду, — казалось, что песок и море отражают солнечный свет. Таким образом, Норе пришлось ограничить посещения бухты своей мечты. Если она и выбиралась туда, то пешком. Это занимало больше времени, зато ей вряд ли угрожала опасность быть обнаруженной. Никто не наблюдал за Норой, если она оставляла свою лошадь в конюшне, и никто не искал ее.

Судя по всему, для жены плантатора в доме не существовало никакой работы, так же, как и на территории плантации. Каждое действие — от приведения в порядок своей одежды до планировки сада, что английские леди по традиции брали в свои руки и делали самостоятельно, — тут за нее выполняли рабы. Хозяйка дома была украшением-безделушкой, приложением, избалованным и ухоженным, как ручная собачонка. Нора постоянно чувствовала себя куклой, когда Маану причесывала и одевала ее по утрам. Девушка быстро усвоила необходимые приемы и оказалась чрезвычайно умелой.

Поскольку Элиас чаще всего был уже в дороге, когда лучи солнца будили Нору в ее спальне, то ей подавали завтрак в ее комнату. Ей оставалось только сидеть и ждать.

В первые дни Нора занимала себя тем, что развешивала в доме новые картины и расставляла скульптуры, приобретенные мужем, но это было сделано очень быстро. Она отчаянно искала себе какое-нибудь занятие, но вскоре была вынуждена признать, что это безнадежно. Если не надо было готовить праздник или устраивать званый ужин — а эту задачу Элиас поначалу не ставил перед своей молодой женой, — то Норе не оставалось ничего другого, кроме как заниматься бессмысленным рукоделием, читать или писать письма. К счастью, в доме нашлась библиотека, и, казалось, пару книг Элиас действительно прочитал или, по крайней мере, самостоятельно купил. Нора с большим интересом углубилась в изучение книг сэра Ханса Слоана о флоре и фауне Ямайки и, в конце концов, забрала

их к себе на террасу. Украшенный резьбой по дереву садовый домик над кухней будто приглашал оставаться в нем подольше, и Нора скоро стала проводить там тягучие дневные часы, причем не только за чтением и письмом, но также и за подслушиванием болтовни слуг в хозяйственных помещениях, находящихся ниже. Тем самым она не преследовала никаких дурных намерений, ей просто нравилось хотя бы со стороны как-то участвовать в жизни плантации. Она слушала песни девочек, работавших на кухне, — они пели за чисткой овощей и разделкой рыбы, — улыбалась тому, как строго Адвеа руководит ими, и слышала ее нарочито сердитый голос, когда домашние слуги и девочки кричали друг другу какие-то шуточные слова и, может быть, иногда обменивались даже поцелуями, вместо того чтобы махать веником и поварешками. К удивлению Норы, между собой чернокожие тоже разговаривали на чудовищно ломаном английском, что ей сразу же бросилось в глаза у Маану и Адвеа. Неужели им было запрещено разговаривать на их родном языке?

Маану снова пожалала плечами, когда Нора спросила ее об этом. Характерная привычка, которую молодая женщина заметила также и у других рабов. Казалось, что все слуги старались следовать добродетелям трех обезьян: ничего не слышать, ничего не видеть и, упаси Боже, не признаваться, что кто-то что-то знает!

— Не знать, миссис, — утверждала теперь Маану — Не знать, запрещено, не запрещено. Но знать, что не понимать друг друга.

— Эти... люди из Африки. — Как и прежде, в Норе все противилось тому, чтобы называть их рабами. — Неужели они больше не понимают своего родного языка? — удивилась она.

— Нет, миссис, свой язык — да, но не другие... Африка много языков — много племен.

Нора кивнула. Теперь ей все стало ясно. Очевидно, чернокожие на плантации были вывезены из различных областей континента. Конечно, Африка была большой! До сих пор она никогда не задумывалась над этим, но, естественно, там тоже могло быть большое количество наций, вроде англичан, испанцев, французов и голландцев, которые говорили на разных языках, да и в остальном имели мало общего. Этим объяснялось также и то, что здесь так редко бывали восстания. Для белых все чернокожие были одинаковыми, но для самих рабов между ними существовали различия, и, может быть, люди, закованные в цепи и работавшие, не разгибая спины, рядом друг с другом, — в Африке были врагами.

Стоило Норе понять это, нехорошие чувства, которые она испытывала, когда ей говорили о том, что право держать рабов дано Богом, а все

чернокожие наполовину животные, — только усилились. Не может быть, чтобы Африка так сильно отличалась от Европы. Враждующие между собой нации — это хотя и не говорило о большом уме и миролюбии различных племен и народностей, но все же не могло быть поводом для того, чтобы считать их существами низшего порядка.

Нора часто задумывалась над этим, когда сидела без дела в своей беседке и мечтала — до тех пор, пока случайно не подслушала то, что пробудило в ней тревогу. Дело было вечером, скоро должны были подать ужин, и большая суэта на кухне как раз закончилась. Часть занятых на кухне девушек уже ушли домой, в свои хижины, другие накрывали на стол и выносили блюда. Нора, которая с тоской слушала стрекотание цикад и смотрела на закат, со вздохом встала. Ей придется идти, чтобы не слишком поздно появиться за столом. Элиас придавал значение общим ужинам и празднично накрытому столу. В первые дни он время от времени упрекал Нору за то, что бокалы отполированы не безукоризненно или же что-то из столовых приборов разложили не так. Его жена должна уважить его и проследить за тем, чтобы рабы все делали правильно, иначе зачем же он привел к себе в дом леди!

После нескольких замечаний Нора собрала всех людей вокруг стола, горя желанием показать им, как правильно расставлять тарелки и чашки для супа, раскладывать ложки, вилки и ножи. В будущем ошибки не повторялись. Чернокожие, казалось, обучались значительно быстрее, чем персонал в Англии, но у английских слуг, естественно, за спиной не маячила плеть. Стоило Норе всего лишь раз показать слугам, что такое правильное обслуживание за столом, и в последующем все проходило безукоризненно. По крайней мере, Элиас никаких промахов не замечал, а Нора старалась не исправлять мелкие ошибки прямо за столом. Позже она говорила со слугами об этом, и они явно сумели оценить ее поведение. Собственно, не было ничего такого, на чем могло бы основываться ее предположение, но у Норы все же возникло чувство, что домашний персонал начал относиться к ней с симпатией. В любом случае миссис Фортнэм любили больше, чем ее супруга, по отношению к которому при всем послушании рабы испытывали подспудный страх или же, как Маану, — чувство ненависти. По крайней мере, так казалось Норе.

Хозяйка была на пути в столовую, намереваясь проверить накрытый стол. Может быть, ей еще раз придется напомнить, чтобы его украсили цветами. Она только накануне показала прислуге, как красиво расставлять букеты. И вдруг молодая женщина услышала голоса в саду возле кухни:

— Аквази? Это ты? Можешь выходить, тут уже никого нет.

Нора узнала голос Маану. Но только говорила девушка на чистом английском языке.

— Я пришел только сейчас, мы работали на границе с владениями Холлистера. С надзирателем, этим Трумэном. Тоби истощен до смерти, а Харди...

Этого мужского голоса Нора еще никогда не слышала. Очевидно, этот раб был не из числа домашней прислуги.

— У него плохо с ногой, да? А что говорит Квадво? — Голос Маану был очень встревоженным.

Молодой человек фыркнул.

— То, что он говорит всегда. Нужно вызвать духов, может быть, они вылечат его, а может быть, и нет. Мазь твоей матери тоже не очень помогает. Ничего удивительного при такой большой открытой ране.

Маану тяжело вздохнула.

— Возьми хотя бы это — это его подкрепит. И пусть не приходит на раздачу еды. Он должен лечь и держать ногу повыше — так говорит моя мать. Это, наверное, поможет больше, чем все лекарства. А здесь мясная похлебка для Тоби. Ему нужно снова набраться сил, иначе Трумэн возьмет его на заметку или даже прикажет высечь. Неужели для него не найдется места на переработке сахара или на перегонке спирта?

Нора была потрясена тем, что ее рабыня обнаружила столь совершенное знание английского языка, и тем более ее обескуражило то, что раб с плантации, с которым разговаривала Маану, владел языком не хуже. Однако Норе следовало немедленно уйти отсюда. Не исключено, что сейчас за ней зайдет Элиас и подслушает тех, кто разговаривал внизу. Нора не знала, как обстоят дела с языком, но совершенно точно Адвеа и Маану было запрещено воровать еду со стола господ и раздавать ее полевым рабочим.

Нора не собиралась выдавать их. Однако Маану придется вечером ответить на все ее вопросы!

— Пожалуйста, не говорить баккра, миссис! Пожалуйста, не говорить баккра! — Впервые, с тех пор как Нора увидела ее, Маану утратила свою гордую осанку и демонстративное равнодушие. Наверное, у нее кровь отлила от лица — черная кожа приобрела сероватый оттенок.

— Он Аквази наказывать... и Тоби...

Молодая девушка, казалось, больше боялась за своего приятеля, чем за саму себя.

— И меня...

Маану усиленно терла себе лоб, как будто хотела изгнать оттуда мысли

о возможных последствиях своего проступка. Норе больше всего хотелось успокоить ее, чтобы та не боялась, но она приняла решение оставаться твердой. В этот день она хотела получить пару ответов на свои вопросы.

— Говори правильно, Маану, я знаю, что ты это можешь, и этот Аквази тоже. Так что хватит водить меня за нос.

— Маану-Китти не дурачить миссис...

Девушка явно была в панике.

— Возьми себя в руки и говори правильно, Маану! — повторила Нора. — Тогда тебе ничего не будет. Я не хочу тебя предавать, но мне надоело, что мне врут.

— Я же не вру вам, миссис, — подавленно прошептала Маану — Это же не ложь, если...

— Если ты делаешь вид, что не говоришь на нашем языке, хотя на самом деле говоришь на более чистом английском, чем мои слуги в Лондоне?

Маану опустила голову.

— Моя мать твердит, что я не должна показывать, как я говорю. И Аквази тоже. От этого будут только неприятности у нас — домашних негров — и особенно у полевых рабов. У Аквази уже достаточно неприятностей.

Пока Нора никак это не прокомментировала.

— Значит, белые господа предпочитают общаться с вами на... хм... каком-то детском языке?

Маану кивнула.

— Но ведь и не все хорошо говорят по-английски, — сказала она затем. — Собственно, только очень немногие, хотя, я думаю, некоторые понимают больше, чем показывают.

Неожиданно быстрые успехи в результате уроков Норы за столом, похоже, подтверждали слова рабыни.

Однако Маану и вправду выражалась на удивление изысканно.

— Откуда у тебя эти знания? — осведомилась Нора.

— От Дуга... от мистера Дугласа, миссис, — поправила себя Маану. — От сына баккра. Моя мама была его нянькой, особенно когда умерла его мама, а также и нянькой Аквази, потому что это было одновременно...

— Мать Аквази тоже умерла? — спросила Нора.

И вдруг ей в голову пришла мысль — почему же на плантации так мало детей? Естественно, отпрыски обслуги в английских домах тоже не бегали по головам господ, однако там слуги были или неженатыми и жили в господском доме, или же уходили по вечерам домой, к своим семьям, как

Пепперс. Рабы же жили здесь, на месте, но, очевидно, никто не контролировал, кто с кем делит постель. Хижины рабов должны были быть наполнены маленькими чернокожими детьми, но нигде не было видно ни единого ребенка и не слышалось детского плача, как тогда, в Лондоне, из квартиры Тэннеров.

Маану прикусила губу.

— Не... хм... не сразу. Но мама Адвеа нянчила обоих мальчиков, они вместе играли, а потом и я с ними, когда появилась на свет. Но я намного моложе. Дуг... баккра Дуглас хотел, чтобы Аквази был его слугой, его боем, и баккра потом разрешил это. Поэтому Аквази остался с Дугом, когда тому дали домашнего учителя и белую воспитательницу. А я потом бегала за ними обоими, когда научилась ходить. Белая нянька — мисс Карлеон — считала меня очень миленькой.

Нора кивнула.

— Я понимаю. Но однажды Аквази попал в немилость, и его послали на плантацию. И теперь ты думаешь — если я замечу, что ты умеешь говорить правильно, с тобой произойдет то же самое. Но тебе бояться нечего, Маану! Мне хочется, чтобы моя служанка говорила со мной на правильном языке, целыми фразами, и я предпочитаю, чтобы она не отвечала на каждый мой вопрос «не знаю». Итак, отныне мы будем вести себя, как нормальные люди.

— Люди, миссис? — твердо спросила Маану.

Не успела улетучиться ее паника, как наружу снова прорвались ее дух протеста и склонность к горделивым насмешкам. Нора вздохнула и стянула с головы спальный чепчик, который уже надела на нее Маану. Наверное, Элиас сегодня посетит ее, а ему больше нравилось, когда волосы у жены были распущены. Да, надо прекращать разговоры, пока ее супруг внезапно не застал их за болтовней.

— Я не хочу, чтобы ты была моим врагом, Маану, — устало заключила Нора. — Напротив. Однако ни в твоём, ни в своём положении я изменить ничего не могу. И все же я не буду обращаться с тобой, как с животным, и желаю, чтобы и ты не относилась ко мне, как к пустой кукле для наряжания. Для того чтобы доказать тебе свою добрую волю, я сейчас не буду спрашивать тебя, кто такие Тоби и Харди и что вы двое, ты и Адвеа, передали им через этого Аквази. Я исхожу из того, что все вы действовали из наилучших побуждений и это никому не повредит. Ведь это так?

Маану кивнула — ей, по-видимому, стало легче на душе.

— Мы просто хотели помочь, — сказала она довольно сухо.

Нора взяла корзину с овощами, которая постоянно стояла у нее в

комнате для переодевания.

— На, возьми это с собой для Тоби и Харди, кем бы они там ни были. И скажи Адвеа, что я и в дальнейшем не буду контролировать количество мяса и овощей, или из чего она там делает супы, которые, кстати, очень ароматно пахнут. Может быть, она и нам приготовит нечто подобное.

Глава 9

Мудрая Маану была далека от мысли доверять дружбе с ее новой хозяйкой и тем более подвергать эту дружбу испытаниям. Если даже из кухни исчезали запасы продуктов, то это происходило, как и раньше, совершенно незаметно, а Маану продолжала выражаться на ломаном языке рабов — голубином английском, который так выводил Нору из себя. И лишь тогда, когда они оставались одни, она говорила на чистом английском языке и старалась, к вящему удовольствию хозяйки, отвечать на ее вопросы.

Однако Нора изо всех сил сдерживалась. Ей тоже пока не хотелось отягощать доверительные отношения, недавно установившиеся с Маану. И поэтому она не затрагивала тему Аквази в последующие дни, хотя та ее очень интересовала. Маану была явно равнодушна к молодому рабу, это проявлялось в ее заботе о нем. Однако что будет, когда он ответит на ее симпатию? Возможно ли было заключение брака среди рабов? И если да, то, как это происходило? Если рабы хотели венчаться по христианскому обычаю, то в дальнейшем это должно было защитить их от продажи порознь. Слова из Библии «что Бог свел воедино, то не должен разделять человек», в конце концов, накладывали обязательства и на плантаторов.

О Тоби и Харди Нора также не спрашивала, хотя беспокоилась о рабах. Судя по разговору между Маану и Аквази, эти мужчины были больны. Но кто же в таком случае должен был заботиться о рабочих?

В ответ на заданный вопрос Элиас только пожал плечами.

— А, эти парни очень крепкие, — заметил он, а поскольку допытываться Нора не прекращала, нехотя добавил: — Они все там решают между собой.

Молодую женщину это не успокоило. Ей придется и в дальнейшем обращаться к недоверчивой Маану, если она хочет узнать побольше.

Однако через три дня после того, как Нора подслушала разговор Маану и Аквази в саду, произошло нечто такое, что коренным образом потрясло ее довольно тихую жизнь на плантации.

День, собственно, обещал быть спокойным. Нора начала его с длительной прогулки к побережью. Это было утомительно — всю дорогу идти через лес, тем более что у нее не было обуви на прочной подошве, а лишь легкие, подходящие к ее платьям шелковые туфельки. Но иногда желание увидеть море и окунуться в мир их с Саймоном мечтаний

оказывалось сильнее ее. Встреча с побережьем и морем была затем и горькой, и сладкой одновременно.

Она наслаждалась тем, что сняла туфли и чулки и бродила по воде, а в конце концов, освободилась также и от платья и лежала на теплом песке, как когда-то в объятиях Саймона.

Конечно, это было слишком храбро с ее стороны, и она даже думать боялась о том, как отреагировал бы Элиас, если бы нашел ее лежащей на солнце в полуголом виде. Однако, по ее опыту, по крайней мере, в рабочее время никто из Каскарилла Гардене на пляж не выходил, а вероятность наткнуться там на бродяг-маронов или даже пиратов казалась ей не такой уж большой. Конечно, Нора старалась лежать не на открытом месте, а в тени пальм или акаций, хорошо спрятавшись между растениями. Здесь могла бы стоять их с Саймоном хижина... Нора терялась в мире своих фантазий, но это приносило ей меньше счастья, чем печали. Почти всегда она плакала, прежде чем уйти с побережья.

Теперь, уже ближе к обеду, она почувствовала усталость и собиралась предаться длительному обеденному сну после легкого ланча. Элиас утром уехал верхом в Кингстон, чтобы наблюдать за поставкой товара, так что ей придется есть одной. Миссис Фортнэм убивала время до обеда с книгой в руках, на своем любимом месте в саду, слушая далеко не мелодичные вопли тропических птиц на деревьях.

Однако вдруг она услышала крики Маану.

— Миссис! Пожалуйста, миссис, где вы?

Девушка бежала через террасу прямо к Норе. В ее голосе слышалось отчаяние, но, когда она увидела хозяйку в садовом домике, показалось, что ей стало легче. К ужасу той, рабыня, обычно такая сдержанная, упала перед ней на колени, словно умоляя спасти ей жизнь.

— Пожалуйста, миссис, идемте со мной, помогите, сделайте хоть что-нибудь! Он его убьет, он забьет его до смерти. Семьдесят ударов... Семьдесят ударов, после этого никто не выживет... Мак-Аллистер обычно назначает только двадцать, и то это уже очень плохо...

Нора сделала попытку поднять девушку.

— Ну, успокойся же сначала, Маану, и расскажи мне, что случилось. Я же ничего не знаю.

— Они уже начали, миссис, если вы сейчас не пойдете со мной, если вы не вмешаетесь, тогда... тогда будет слишком поздно!

Маану отчаянно плакала, пытаясь обнять Нору за ноги.

Той стало не по себе, она оттолкнула Маану и встала.

— Хорошо, тогда идем, и покажи мне, что там происходит, если не

можешь объяснить толком. Куда нам нужно идти?

— Ну, конечно же, к хижинам! — Маану, скорее всего, была уверена, что Нора знает, чего от нее хотят. — Перед кухней, там... Там они всегда это делают.

Кухней в поселении рабов служил открытый навес. Обычно там над костром готовили густой суп, а потом раздавали его работникам. Они могли забрать еду с собой в свои хижины или же съесть ее тут же у костра. Открытая площадка в тени пальм и красных деревьев была удобной для того, чтобы посидеть там и поговорить с другими. Здесь по воскресеньям также проводились богослужения.

Нора последовала за своей служанкой через кухню господского дома, где Адвеа с озабоченным видом, качая головой, посмотрела им вслед. Лица кухонного персонала тоже были серьезными, хотя на них не было выражения такой паники, как на прекрасном личике Маану. Значит, речь шла о чем-то личном, что касалось девушки.

Маану сейчас почти бежала, и Норе пришлось прилагать усилия, чтобы успевать за ней. Сначала они прошли через негустой лесок, который закрывал вид на хижины из господского дома, а затем нырнули между хижинами рабов.

Уже издали Нора увидела, что площадка для собраний перед кухней заполнена работниками. Однако они не сидели вместе, расслабившись, как за едой. Они стояли и молчали. Единственным звуком в этом застывшем пространстве был свист плети.

— Двадцать три! — объявил голос, в котором чувствовалось напряжение. После чего раздался еще один хлесткий звук удара и слабый стон.

— Двадцать четыре!

Нора и Маану протолкались сквозь ряды рабов.

— Пропустите! Пропустите нас! Пропустите миссис!

Маану расталкивала мужчин в стороны и при этом даже забыла перейти обратно на свой голубиный английский.

— Тридцать!

Когда Нора, наконец, смогла рассмотреть, что происходит на возвышении посреди площади, она пришла в ужас. Там, привязанный к дереву, которое давало тень проповеднику во время богослужения, висел Аквази. Нора догадалась, что это именно он. У него были связаны руки, и подвешен к дереву он был таким образом, что ноги едва касались земли. Наверное, сначала он еще мог стоять, а теперь у бедняги уже не было сил, чтобы держаться в вертикальном положении.

— Тридцать один!

Надсмотрщик Трумэн снова поднял плетку. Его голос срывался, а голый торс вспотел от напряжения.

По едва ли не полностью обнаженному телу Аквази стекала кровь. Его спина была покрыта ранами, там почти не оставалось живого места, и Нора поняла, что имеет в виду Маану. Еще сорок ударов — и обнажатся кости его позвоночника. Таким образом, спина будет расплосована в клочья, и этот человек умрет от гангрены, если не испустит дух еще под ударами плети.

При очередном ударе Аквази вскрикнул. В первый раз. До сих пор он, видимо, сохранял железное самообладание.

Нора взбежала на возвышение.

— Немедленно прекратите!

Она закричала на надсмотрщика так, что тот и вправду от неожиданности и удивления опустил плеть.

— О, миссис Фортнэм... Что вы здесь делаете? Это ведь... Ну, я не хочу быть невежливым, но здесь не место для леди.

— Зато здесь место для джентльмена, да? — спросила Нора и с глубоким отвращением посмотрела на окровавленную плеть в руке еще довольно молодого человека. До сих пор Трумэн не казался ей грубым животным. Когда она встречала его во время конных прогулок, сама или с Элиасом, он всегда был вежливым и дружелюбным.

— Вопрос заключается в том, что здесь делаете вы! Разве мой супруг разрешил вам забивать до смерти его людей?

Трумэн улыбнулся.

— Нет, только воспитывать их. Конечно, для молодой леди это может показаться зверским. Однако я заверяю вас, что ни в коем случае не превысил свои полномочия. Этот парень является возмутителем спокойствия, и я должен прилюдно наказать его.

— Что он сделал, чтобы заслужить такое? — спросила Нора.

Аквази — очень большой, крепкий молодой мужчина — слабо зашевелился в своих путах.

Трумэн засмеялся.

— О, список очень длинный, миледи. Но прежде всего — подстрекательство к бунту, к отказу от работы, к восстанию, ко лжи и отлыниванию. Он плохо влияет на других, миссис Фортнэм. А я на его примере показываю остальным, к чему это ведет. Это моя работа, леди. А теперь, пожалуйста, не мешайте мне продолжать наказание.

— Ни черта я вам не разрешу! — храбро заявила Нора. — Этот

человек уже сейчас наполовину мертв, а я не думаю, что от этого будет польза моему мужу. Насколько я слышана, двадцать ударов плетью здесь являются самым строгим наказанием!

Рабы, стоявшие на площади перед ней, слушали ее, затаив дыхание.

Трумэн обвел их взглядом.

— С учетом тяжести проступка... — сказал он затем.

— Тогда разъясните мне точнее, — потребовала Нора, — кого и каким образом этот человек подбивал к бунту? Пожалуйста, в подробностях, мистер Трумэн, никаких общих обвинений!

Трумэн издал театральный вздох, чего уже было бы достаточно для Норы, чтобы уволить его за непочтительное поведение. Однако у нее, конечно, не было на это права — возможно, Элиас не одобрил бы ее собственное поведение. Но сейчас это было уже все равно, а перед своим мужем она уж как-нибудь потом оправдается.

— Ну, поживее, мистер Трумэн!

Надсмотрщик указал на другого раба, который со связанными руками стоял в первом ряду и, очевидно, тоже ожидал наказания.

— Вот этого! — заявил Трумэн. — Сегодня утром он не явился на работу, и, когда я нашел его там, он объяснил мне, что Аквази велел ему оставаться в хижине и лежать. И только я успеваю поднять этого лентяя, как наш друг Аквази появляется из следующей хижины, где уговаривал другого лентяя. Однако тот не поддался. Он уже вовсю собирался на работу. На его счастье.

Нора проследила за его взглядом, и ей показалось, что она узнала «счастливого» раба. Это был пожилой мужчина с серым лицом, очень худой. Судя по всему, он держался на ногах с большим трудом.

— Этот мужчина, по-видимому, болен, — сказала Нора и обратилась к связанному человеку: — А ты? Почему ты не хотел идти на работу?

Пока раб искал слова, Нора успела рассмотреть грязную повязку на его ноге и заметить, что он опирается на палку. Повязка была не чем иным, как просто тряпкой, почти черной от мух. Видимо, она насквозь пропиталась кровью или гноем.

— Сними-ка это! — сказала Нора. — Маану, помоги ему, если он сам не справится, и он должен сесть, ради Бога, он же не может балансировать на одной ноге.

— Мужчины должны присутствовать на наказании стоя, — заметил Трумэн.

Нора бросила на него строгий взгляд.

— Наказание, мистер Трумэн, закончено. По крайней мере, сейчас. Я...

О Боже!

Мужчина между тем сел на землю, и теперь Нора смотрела на его ногу, которую разбинтовала Маану. Что-то острое, видимо, мачете, разрезало подошву раба. Рана была длинной, но не очень глубокой, видимо, кости и сухожилия не были задеты. Однако она была зияющей и открытой, и, очевидно, ее никто правильно не почистил. И сейчас молодая женщина видела гной и кровь, а также первые личинки мух в живой плоти.

— И в таком состоянии он должен работать? — в гневе спросила Нора. — Вы посылали его трудиться на поле — с такой раной и на протяжении нескольких дней?

Мужчина, видимо, и был тем Тоби, о котором говорили Маану и Аквази.

— Эти парни сами наносят себе такие раны! — заявил Трумэн. — Чтобы отлынивать. Поэтому, если мы будем давать им перерывы, остальные сразу же повторят этот трюк. Поверьте мне, миссис, это хитрые парни, они...

— Не сам сделал, — жалобным голосом сказал Тоби, — миссис не верить. Тоби не плохой ниггер...

— Ни один человек не может сам нанести себе такую рану! — отрезала Нора. — Он мог бы отрубить себе всю стопу! Но как бы ни возникло это ранение, моему мужу не принесет пользы, если у него... — ей показалось, что она поперхнулась этим словом, но затем она все же произнесла его, — умрет ценный раб или потеряет ногу, потому что ему не залечили рану.

Трумэн кусал губы. Это был очень весомый аргумент. Нора видела, что надсмотрщик согласился с ней.

— Я... э... не знал...

Нора вздохнула про себя.

— Возможно, вы не были информированы о серьезности положения, — заявила она, хотя сама себя за это ненавидела. — Это, видимо, связано с неправильным поведением людей, причастных к этому. Ты, Тоби, без сомнения, не сказал вовремя своему надсмотрщику о тяжести своей раны и не решился попросить лечения и пару дней на выздоровление.

Тоби, казалось, хотел что-то сказать, но Маану взглядом потребовала от него молчания. Домашняя служанка лучше, чем полевые рабы, знала жесткие условия, в которых находилась Нора.

Если она сейчас заставит надзирателя потерять свое лицо, то баккра будет упрекать ее и, возможно, целиком и полностью встанет на сторону Трумэна. Тогда не исключалось, что наказание будет продолжено.

Трумэн кивнул, бросив обвиняющий взгляд на Тоби.

— Это так, миледи! — сказал он. — Этот парень...

— Этот мужчина сам себя наказал, он испытывает сильную боль. Я не считаю необходимым наказывать его еще, но это вы, конечно, должны выяснить с моим мужем.

Нора вздохнула. Ей удалось защитить Тоби только на сегодня, а потом оставалось только надеяться, что Элиас поведет себя разумно.

— Ты... — Она бросила взгляд на другого, тоже явно больного мужчину в толпе. — Ты сейчас поможешь Тоби дойти до кухни большого дома. Он должен там сесть и опустить ногу в теплый мыльный раствор. Я сейчас приду и займусь его раной. А вы... — Нора указала на двух молодых парней на краю площади. Для того, чтобы помочь Аквази, нужны были крепкие мужчины. Молодой раб сейчас неподвижно висел на своих путах: очевидно, он потерял сознание. — Вы отнесете Аквази в его хижину. Он сегодня больше не сможет работать. Этой потери рабочей силы можно было бы избежать, применив менее строгое наказание!

Это был еще один упрек в адрес Трумэна, и Нора надеялась, что это напугает надзирателя. Элиас, без сомнения, был сторонником жестокого наказания своих рабов, но, с другой стороны, он также желал видеть их на своей плантации, по возможности, в полном составе.

— А остальные немедленно принимаются за работу. Мистер Трумэн...

Нора проследила за тем, как мужчины разрезали веревки на руках Аквази и потащили его в направлении хижины. Она надеялась, что помещение окажется чистым и там найдется кто-нибудь, кто сделает ему перевязку, — ведь уже сейчас мухи садились на его раны. Но им она займется позже.

Нора с высоко поднятой головой повернулась и ровным шагом пошла назад к дому, хотя больше всего ей сейчас хотелось бежать. Внутри у нее все горело от возбуждения, но она не могла радоваться своей «победе».

«Там они всегда это делают...» — сказала Маану о собрании на площади перед кухней. Значит, наказание полевых рабов плетью было обычным пунктом в распорядке дня. Нора испытывала ко всему этому глубочайшее отвращение. Ей придется вмешиваться во все эти дела, если она и дальше хочет жить на плантации.

Нора Фортнэм-Рид уже не была той пугливой девочкой, которая в Лондоне беспомощно сидела у смертного ложа своего любимого. Два года благотворительной деятельности в Ист-Энде подготовили ее почти ко всему, что нужно было знать для ухода за больными. К своей работе она привлекла тогда бескорыстного доктора Мэйсона. При этом сама часто

помогала ему, когда он в подсобном помещении ее столовой для бедных обследовал больных и раненых, и, надо сказать, это была такая работа, от которой отказывались все остальные дамы. Нора же не испытывала отвращения, и ее не так легко было довести до тошноты, так что сейчас она усердно очищала загноившуюся ногу раба Тоби, тупым ножом выцарапывая из его плоти личинки мух. В какой-то момент она вспомнила об одном из основных убеждений Мэйсона: джин, употребляемый в умеренном количестве, помогает почти от всего. В Лондоне никогда не хватало чистой воды для очистки ран, и доктор в таких случаях охотно прибегал к дешевому спиртному. По наблюдению Норы, это больше способствовало выздоровлению, чем мешало. Поэтому она щедро промыла ногу Тоби чистым спиртом, полученным из сахарного тростника и извлеченным из запасов ее мужа, перед тем, как смазать рану целебной мазью Адвеа, и наложить на нее чистую повязку.

— Теперь мы будем делать это каждый день, пока рана не заживет, — сказала она рабу. — С Божьей помощью ты не потеряешь ногу. Однако сейчас тебе нельзя становиться на нее, тебе помогут дойти до твоей хижины, а там ты должен лечь и держать ногу повыше. Тебе обязательно нужен покой. Адвеа будет приносить тебе еду. Ах да, и... Харди? — Она бросила вопрошающий взгляд на пожилого мужчину. Тот кивнул.

— Харди сейчас будет заниматься тобой, и на этот период он освобождается от работы. Если за это время пройдет его кашель, тем лучше для него.

Нора отослала мужчин в хижину и пошла в дом. Ей нужно было немного освежиться, перед тем как заняться спиной Аквази. Молодая женщина никогда в этом не признавалась, но вид червей в ране и до сих пор, даже после двух лет благотворительной работы, вызывал у нее тошноту.

Нора бросила взгляд в зеркало, подвязала волосы лентой из шелка с выбитым цветочным узором и даже взялась за пудреницу, чтобы придать своему покрасневшему лицу благородную бледность. Ни в коем случае она не хотела производить впечатление взбудораженной и взволнованной, если по дороге в поселение рабов встретит кого-то из надсмотрщиков. Достаточно плохо было уже и то, что она вспотела и кружевные рукава ее рубашки, которые выглядывали из-под платья, печально свисали вниз.

Но, к счастью, по дороге она никого не встретила, за исключением Адвеа и девочек с кухни: Нора сократила дорогу и зашагала через владения поварихи. Адвеа быстро сунула ей в руки горшочек с мазью. Она варила ее из свиного смальца и определенных лечебных трав или цветов.

— Пошли мальчика на перегонную установку, чтобы пополнить запасы спиртного, — приказала ей Нора.

Недостатка в спиртном не было, в конце концов, его тут гнали сами. Нора лишь надеялась, что его не придется выдерживать на протяжении нескольких лет, как хорошее виски, но Адвеа смогла развеять это опасение. Нора удивилась, что та не раздумывая и на лучшем, чем обычно, английском языке ответила ей сразу. С тех пор как они вместе оказали врачебную помощь Тоби, между хозяйкой и служанкой возникло какое-то подобие сообщничества. Нора радовалась этому, когда шла к поселению рабов.

Аквази лежал на животе посреди хижины, в которой, очевидно, жил вместе с парой других молодых рабов. Мужчины, видимо, затащили его внутрь и просто оставили лежать — без сомнения, по приказу Трумэна, который настоял на срочном выполнении требований своей хозяйки. Рядом с его безжизненным телом стояла на коленях и плакала Маану. Между всхлипываниями она умоляла Аквази, наконец, проснуться и неумело пыталась поднять его голову и влить ему в рот немного воды.

— Дай ему спокойно поспать, для него будет намного лучше, если он останется в бессознательном состоянии, пока мы не обработаем раны, — сказала Нора.

Маану испуганно вскочила, но затем успокоилась, узнав хозяйку.

— Щелочь и алкоголь дьявольски пекут, ему будет очень больно.

Маану сейчас же взяла себя в руки и помогла Норе обмыть раны мыльным раствором. Аквази пришел в себя и застонал, когда в конце обработки они полили его обезображенную спину спиртом.

Аквази до сих пор не достаивал новую хозяйку взглядом. Будучи рабом на плантации, он обычно находился далеко от нее. Конечно, женщины судачили о леди Фортнэм, а Маану вообще не прекращала говорить о ней, но Маану и без того много чего говорила Аквази, так что он почти не прислушивался к ней. Девушка навязывала ему свою любовь, однако для него она была не больше чем младшая сестра. И без того было понятно, что взять себе жену было последним, о чем думал Аквази, а если бы и думал, то вряд ли принял бы решение в пользу рабыни.

Аквази был упрямым молодым человеком, он держался от белых как можно дальше — чтобы не бороться с постоянным желанием порубить мачете не ствол сахарного тростника, а надсмотрщика или даже баккра. Сил для этого у него было достаточно, и иногда он спрашивал себя, не стоит ли то удовлетворение, которое он при этом испытывает, его смерти. Но затем он снова брал себя в руки — ведь повесят не только его, но и, без

сомнения, всех людей из его группы, и никто при этом не знал, будет ли смерть такой милостивой, или их предварительно люто замучают.

Плантаторы имели абсолютную власть над своими рабами. Хотя и существовали законы, регулирующие наказания для рабов, но кто же будет заботиться об их соблюдении, если какой-то раб совершит проступок, выглядящий в глазах баккра, как ужасное преступление. Аквази уже слышал о рабах, которых живьем сжигали или медленно умертвляли, одну за другой отрезая им конечности. Аквази не хотел умирать так и не хотел подвергаться риску быть забитым плетью до смерти. Конечно, он знал, что будет наказан, потому что позаботился о Тоби. Но, действительно, это на его мачете наступил Гоби, когда он неосторожно и даже злобно швырнул нож на поле. И теперь он чувствовал себя виноватым в несчастье, постигшем Тоби. Но затем у того сдали нервы, и он выдал Аквази, когда надсмотрщик пришел в его хижину, — вместо того чтобы, как ему было велено, показать тому рану и обратиться к его сердцу или по крайней мере разуму. Даже самый глупый человек должен был понять, что Тоби может потерять ногу, а то и жизнь, если начнется гангрена.

Семьдесят ударов плетью.

Аквази уже неоднократно получал по десять, однажды пятнадцать, а в другой раз даже двадцать ударов плетью и знал, что вряд ли кто-то выживет после сорока. Когда Трумэн начал бить его, он уже попрощался с жизнью. И все было так, как он и ожидал: сначала жуткая боль, которая еще усиливалась, когда плеть попадала на открытые раны, потом что-то вроде бесчувствия и, наконец, спасительная потеря сознания, от которой он надеялся больше не очнуться, чтобы не умирать медленной смертью от гангрены.

Однако затем что-то произошло — когда душа Аквази как раз собиралась покинуть его измученное тело, появился кто-то вроде ангела. Юноша смутно вспоминал, что там появилась какая-то светлая фигура, какое-то существо из света... И когда он открыл глаза, это существо снова было здесь.

Молодой мужчина, ничего не понимая, смотрел на светлое лицо Норы, обрамленное цветочным венком и блестящими волосами золотисто-коричневого цвета. Ее мягкие черты, тепло в этих странных зеленых глазах... Аквази никогда прежде не видел человека с таким цветом глаз. Будучи в полубессознательном состоянии, он, наверное, принял небесное явление за реально возможное. Он попытался улыбнуться.

— Вот, пей!

Дружелюбный, подбадривающий голос обратился к нему. Аквази

сделал глоток из бутылки, которую это существо держало у его губ. Он почувствовал обжигающий вкус жидкости, пробудивший в нем стремление к жизни. И не мог оторвать глаз от женщины, которая поддерживала ему голову. Конечно, это был не ангел и никакой не дух — белая женщина! Миссис, баба ненавистного хозяина плантации! И, тем не менее, именно та женщина, от которой у него затанцевала душа. Самое прекрасное создание, которое он когда-либо видел! Девушка, о которой он даже не решался мечтать.

Аквази стало стыдно за свои чувства в тот момент, когда они зарождались в нем, но он ничего не мог сделать, кроме как неотрывно смотреть на Нору. Она отреагировала на это любезной, но отстраненной улыбкой.

— Ну, не смотри же на меня так, словно это я пробудила тебя из мертвых. Если ты кому и обязан жизнью, так скорее Маану. Давай, Маану, помоги мне его посадить, а потом...

Аквази с трудом приподнялся.

— Могу сам...

Он попытался нащупать бутылку, но Нора подала ему кружку с водой.

— Сначала утоли свою жажду, парень, и ни о чем не беспокойся. Я оставлю тебе этот спирт здесь, он помогает переносить боль, а сейчас нам нужно ухаживать.

Она собралась намазать его спину мазью, но Аквази оттолкнул и Нору, и Маану.

— Оставьте меня в покое, я могу сам.

— Но как же ты сам себе намажешь спину? — возразила Маану, в то время как Нора согласно отстранилась.

Мужская гордость! Снова нечто, в чем черные, похоже, не отличались от белых. Нора вспомнила, как до самого последнего момента тяжело было Саймону принимать ее помощь. У Аквази с Маану, очевидно, было нечто подобное, но он, слава Богу, не умирал. Молодой раб был сильным, как медведь, он быстро преодолел бессознательное состояние и выносил боль, не жалуясь. Нора вспомнила о том, что он закричал только на двадцать пятом ударе. Аквази был сильным и гордым. И у него были для этого причины.

— Давай просто уйдем, Маану, — дружелюбно сказала она. — А ты еще немного полежи, Аквази. Адвеа, конечно, придет чуть попозже и посмотрит, как у тебя дела.

Молодой мужчина скорее примет помощь от старой женщины.

— Однако в любом случае раны нужно прикрыть. Мухи...

Нора осмотрелась в поисках рубашки или какой-то чистой тряпки, но Маану уже об этом подумала. Она стыдливо опустила свой взгляд, когда Нора увидела полотняные ленты и узнала их. Чтобы перевязать Аквази, девушка, недолго думая, порезала или порвала на полосы юбку, которую подарила ей Нора.

— Миссис не сердится? — стыдливо прошептала рабыня.

Нора покачала головой. Она была скорее растрогана. Маану, наверное, действительно любила этого молодого мужчину. И Нора от всей души надеялась, что Аквази ответит на ее чувства.

Аквази же, однако, забыл Маану, едва только женщины покинули его хижину. Он выпил пару глотков спирта из сахарного тростника, но что действительно заставило его забыть о боли, так это мысли о Норе Фортнэм и мечта заключить ее в свои объятия.

Глава 10

— Трумэн прав, конечно, бывает так, что эти парни сами калечат себя!

Норе повезло. Она встретила Элиаса за обедом, до того как надзиратель успел рассказать о происшествии со своей точки зрения. Муж выслушал ее отчет спокойно, не прерывая и не приходя в ярость. Однако затем все же упрекнул супругу, пусть и без особого рвения.

— Эти сволочи не думают ни о чем другом, кроме того, как спрятаться от работы. Ты еще пока ничего не соображаешь, Нора, ты не знаешь, чего они только не делают, чтобы лишить нас рабочей силы. Пожилые загоняют себе мачете в ноги, молодые думают только о том, как сбежать, а их баб приходится держать в цепях, когда они беременеют. Они скорее решатся выскрести свое отродье из себя, чем рожать нам новых рабочих. При этом было бы намного легче разводить их на месте, чем все время укрощать новых.

Элиас закончил обед и налил себе рому из бутылки.

— Трумэн, возможно, немного погорячился с размером наказания, но, по сути, он знает что делает. Просто не смотри туда, когда он избивает рабов, он не наказывает невиновных, поверь мне!

— Но Тоби находится здесь уже много лет, и он всегда верно служил тебе! — аргументировала Нора, исполненная твердой решимости не оставлять эту тему, хотя при высказывании Элиаса у нее кровь застыла в жилах.

Мужчины, которые на корабле заставляли себя голодать до смерти, другие, которые калечили себя или рисковали быть люто наказанными, пытаясь сбежать. Женщины, которые предпочитали убивать своих детей в себе, чтобы не дарить им рабскую жизнь... Но Элиас говорил обо всем этом так, словно речь шла только о том, что кто-то злонамеренно хочет отобрать полагающуюся ему по праву и закону рабочую силу! Норе пришлось проявить железное самообладание, чтобы остаться видимо спокойной. Она не любила Элиаса Фортнэма, но все же испытывала что-то вроде определенного уважения к нему. Сейчас же Нора ощущала только отвращение.

— Он говорит, что наступил на нож, да и рана выглядит именно так. Это был несчастный случай, Элиас. Никто в этом не виноват.

Элиас возмущенно фыркнул.

— А кто оставил мачете лежать на земле? Почему Тоби не смотрит,

куда ступает? Одно это уже заслуживает наказания!

Нора заставила себя дышать ровно.

— Может быть, это и заслуживает наказания, но не такого жестокого. И это не причина посылать мужчину с такой раной на плантацию. Я узнала, Элиас, сколько стоит такой раб.

Нора надеялась, что он сейчас не будет спрашивать ее, от кого она это узнала. Конечно, она обратилась с этим вопросом к Маану, и та очень подробно информировала ее о ценах на домашних и полевых рабов. Черные уж точно не были настолько глупы, чтобы не знать, сколько за них платят белые.

— Такой раб, как Тоби, стоит столько же, сколько хороший мул. И ты бы не послал мула с больной ногой на поле, если бы он нанес себе рану при попытке перепрыгнуть через ограждение!

Элиас рассмеялся.

— Такой ты мне нравишься! — похвалил он Нору и протянул руку, чтобы погладить ее по голове. Он, очевидно, в городе уже выпил, потому что немножко вина во время еды и бокал рома после вряд ли заставили бы его стать таким болтливым. Обычно он быстро ставил Нору на место, поливая чернокожих грязью. — Дочь купца! Но что ты предлагаешь, сладкая? Я знаю, знаю, пара очень богатых владельцев держит на плантации врача. Но здесь это будет слишком дорого. Не говоря уже о том, что от этих лекарей все равно мало толку.

Нора глубоко вздохнула.

— Я в дальнейшем буду сама осматривать людей, Элиас, — твердо сказала она. — А именно каждого, кто считает, что слишком болен для ежедневной работы. Поверь, я способна отличить того, кто хочет отлынивать, от того, кто действительно не может работать, и зачастую знаю, что нужно делать, чтобы люди быстрее выздоравливали. Ты же помнишь, что в Лондоне я работала в благотворительном обществе для бедняков. Чаще всего с доктором Мэйсоном, единственным врачом в Ист-Энде. Я уже много чего сделала и много чего видела.

— И ты ухаживала за своим бывшим любовником, когда он умирал, правда, Нора, сладкая моя?

Элиас снова рассмеялся. Он, видимо, был уже очень пьян. Это замечание больно укололо Нору в сердце. Конечно, Элиас знал о скандале, связанном с его будущей супругой, когда женился на ней, однако до сих пор она не подозревала, что он знает все подробности. Кроме отца, ее, собственно, не мог выдать никто другой. Но даже это не должно было сейчас отвлекать ее.

— Значит, тогда ты точно знаешь, что я это умею, — коротко сказала она и встала. — Ты разрешишь мне сейчас уйти к себе? Я собираюсь завтра до начала работы обойти хижины рабов, чтобы посмотреть, не болен ли кто из них.

Нора надеялась, что сегодня ее обойдет стороной необходимость выполнения супружеского долга, но вскоре Элиас все же появился в ее комнате, чтобы потребовать своего. В последнее время это случалось все чаще после того, как он напивался, а в трезвом состоянии он почти не приближался к ней. Однако в этот раз половой акт с собственным мужем был для нее отвратителен. Молодой женщине были противны его прикосновения — лицо мужа заслонял вид копошащихся червей, которых она выковыряла из раны на ноге Тоби. Действительно, плантаторы питались мясом своих рабов...

Как бы там ни было, Элиас не стал комментировать планы Норы и утром ничего не сказал ей, когда она направилась к жилью рабов. Причем, когда она осматривала первых мужчин, он проехал мимо — снова в направлении Кингстона. Нора предполагала, что он собирался обсудить с другими плантаторами ее намерения. Ее муж совершенно определенно находился на распутье: с одной стороны, для плантации окажется полезно, если у него будет умирать меньше рабов. С другой стороны, ни в коем случае ни облачка тени не должно упасть на образ безукоризненной леди, которую он привез из Англии.

Вечером он вернулся снова пьяный, однако, в хорошем настроении. Очевидно, другие плантаторы одобрили намерения Норы: в американских колониях очень часто жены плантаторов лечили рабов, причем тем самоотверженной и усердной, чем знатнее были.

Нора облегченно вздохнула. Она, правда, уже твердо решила, что в сомнительных случаях будет приходить в хижины тайно, но с разрешения Элиаса все было, конечно, намного проще. Она улыбалась и кивала в ответ на сплетни из Кингстона, которые он, пребывая в хорошем настроении, рассказывал ей. Урожай скоро будет собран, и начнется светская жизнь. Уже накануне к Фортнэмам поступили первые приглашения на ужины и балы. Элиас намеревался принять каждое из них, дабы всем показать свою молодую жену.

— И подумай уже сейчас о подходящем времени для того, чтобы организовать бал у нас, — напоследок сказал он. — Или, может быть, для начала устроим скромную вечеринку? Мы могли бы уже на следующей неделе пригласить ближайших соседей, когда последний сахар будет вывезен.

Нора снова кивнула. Организация такого мероприятия не представляла собой никаких трудностей. В конце концов, персонала было более чем достаточно.

Раб по имени Тоби очень медленно выздоравливал, в то время как раны на спине Аквази заживали относительно быстро. Нора на следующий же день послала молодого мужчину на плантацию, пусть даже с кровоточащим сердцем. Она с большим удовольствием дала бы ему еще один день отдыха, но Трумэн точно пожаловался бы на нее Элиасу и тем поставил бы под угрозу все ее планы. Ведь в этом плантатор и его надзиратель были, без сомнения, едины: если раб может стоять вертикально и двигать руками и ногами, значит, он в состоянии рубить сахарный тростник.

Аквази воспринял решение Норы спокойно, даже не скривившись, в то время как Маану дала понять, что понимает причины, которыми руководствовалась хозяйка. И вообще, девушку после вмешательства Норы в дело спасения Аквази словно подменили. Маану впала в состояние эйфории, когда Нора попросила сопровождать ее в жилье рабов и помогать ей при уходе за больными. Английская служанка Норы, без сомнения, в ужасе отвергла бы такие намерения — и Маану тоже, на свой манер, могла бы выказать свое неодобрение. Но чего бы ей ни стоило обхождение с больными и ранеными, она брала на себя эти обязанности, потому что благодаря им могла чаще видеть Аквази.

И молодой раб тоже, казалось, искал встречи с ней. Нора часто наблюдала, как он провожал взглядом хозяйку и служанку, когда они утром или вечером шли к больным. Иногда он предлагал Норе свою помощь, и та думала, что он делал все это для того, чтобы чаще быть вместе с Маану.

Последняя же, проявляла такую бурную благодарность своей хозяйке за спасение Аквази, что Норе становилось не по себе. Однако эта преувеличенная готовность Маану к услугам была такой же нарочитой, как и ее сдержанность вначале. Нора была рада, когда какое-то время спустя она уступила место определенному доверию. Маану с готовностью отвечала даже на щекотливые вопросы.

— Конечно, свадьбы бывают, — сказала она с некоторым налетом старого упрямства, когда Нора наконец решилась задать ей вопрос о любви в поселении рабов. — У нас мужчины и женщины также любят друг друга и хотят жить вместе... если им это разрешают.

— А что, не разрешают? — спросила Нора. — Неужели нет церемонии, которая... сводит вместе двух людей?

Маану пожала плечами.

— Бывает по-разному. Некоторые плантаторы разрешают праздновать свадьбу, некоторые — нет. Иногда они дарят подарки или дают парам большую хижину. Если у мужчины есть женщина на плантации, он так быстро не убежит.

У Норы на языке вертелся вопрос о детях, но затем она отодвинула эту еще более щекотливую тему на потом.

— Но... Бог не благословляет такой союз?

Она прикусила губы. Это был трудный вопрос — она уже спорила с Элиасом по поводу религиозного обслуживания чернокожих. Он хотя и допускал, чтобы местный пастор выступал в качестве миссионера для рабов, однако не хотел крестить их.

«Тем самым, любимая Нора, я признаю за ними наличие бессмертной души. А это, в чем мы с тобой, надеюсь, почти согласны, все же под большим вопросом», — объяснил он.

— Колдун-обеа может дать свое благословение мужчине и женщине, — спокойно заявила Маану. — Однако это стоит.. курицы, он же должен пробудить духов. А баккра это не нравится.

Нора наморщила лоб. Словосочетание «человек-обеа» она слышала уже не раз, да и Маану тоже время от времени говорила о духах. Но, похоже, она не считала эту тему слишком важной. Или же просто проявляла осторожность? Ведь речь шла о вещах, которые не нравились баккра. Нора вспомнила о замечании леди Вентворт тогда, в Лондоне: «Там царят такие ритуалы, дитя мое, — ужасно! Когда они вызывают свои старые божества...»

— Это, кажется, для вас не так уж важно, — заметила Нора.

Маану вспыхнула.

— Вам тоже было бы это не важно, миссис, если вы бы сегодня заключили брак, а завтра хозяин продал бы кому-то вашего мужа или вашего ребенка. Не лучше ли сразу оставить это дело, как вы считаете?

— Но такого ведь не должно быть, — пробормотала Нора. — Если бы вы могли заключать брак по христианскому ритуалу, тогда...

— Этого не разрешит ни один баккра! — рассмеялась Маану. — Даже если бы пастор сделал это. Он ведь даже не крестит нас. Причем мне это как-то все равно, а вот Тоби и старый Харди верят, что их действительно чего-то лишают. Того, что их душа будет спасена.

— Ты в это не веришь? — обескураженно спросила Нора. Странно, Маану с рождения жила на плантации, она выросла с проповедями пастора. Она должна была бы быть христианкой. — Ты не веришь, что тебя спасет молитва?

Маану фыркнула.

— Миссис, — жестко сказала она, — меня ничего не спасло! И Аквази тоже не спасло. Молитвы, миссис, не помогают. Лучше уж попытаться применить проклятие. Но это бесплатно не бывает. Тут нужно сначала украсть курицу, а если это заметит баккра, он может забить тебя до смерти. Так что сто раз задумаешься, стоит ли оно того!

Маану отвернулась и вышла из комнаты Норы, не спрашивая разрешения. Это было, безусловно, дерзко, но та ее не удерживала. Последние слова девушки были настолько исполнены ненависти, что лучше было прекратить расспросы. Миссис Фортнэм не была уверена, действительно ли хочет знать, о каком спасении напрасно молилась ее рабыня.

Как правило, разговоры Норы с Маану проходили не столь бурно, и они довольно часто смеялись вместе или делились безобидными тайнами. Однажды, в особенно жаркий и душный день, когда они, обливаясь потом, возвращались с утреннего визита в поселение рабов назад к дому, Нора спросила, наконец, про место, где можно искупаться.

— Миссис хочет... плавать? — не веря своим ушам, спросила Маану. Казалось, она не помнила, что Нора уже спрашивала ее о купании.

— Ну, не то чтобы плавать, — ответила Нора, — но нырнуть, погрузиться в воду, помыться, а не просто обтереться. Вы что, этого не знаете, Маану? Разве этого не делают в... в Африке?

Маану рассмеялась.

— Я никогда не была в Африке, — напомнила она своей хозяйке. — Но здесь есть место для купания. Сейчас там точно никого нет. И если вы действительно хотите, я отведу вас туда.

— Я умоляю об этом! — сказала Нора, улыбаясь. — Я просто жажду освежения.

Маану бросила недоверчивый взгляд на тонкие шелковые туфельки Норы, прежде чем они свернули на узкую тропинку, ведущую прочь от поселения рабов. Она сама уверенно топала босыми ногами по джунглям, которые становились тем гуще, чем дальше женщины уходили от жилых помещений плантации. Норе стало не по себе, когда зеленые густые заросли почти полностью сомкнулись вокруг них. Неизвестные птицы издавали странные крики, когда слышали приближение людей, насекомые кружились вокруг них, а за толстыми листьями и пышными цветами кустов и деревьев что-то шуршало, как будто там прятались рептилии. Ее обувь недолго выдерживала натиск камней и ползущих по дороге растений, поэтому Нора в конце концов сняла туфельки и храбро пошла босиком

вслед за своей рабыней.

— Вы пораните себе ноги, — заметила Маану.

Нора отмахнулась.

— Я смажу их целебной мазью Адвеа, когда мы будем дома. А сейчас я смогу их охладить... Или это еще далеко?

Маану покачала головой.

— Может быть, еще шагов пятьдесят, — сообщила она и поднырнула под низко висящую широкую ветку лианы. — Посмотрите-ка!

Нора бросила взгляд сквозь зеленый полумрак. Здесь, глубоко в джунглях, солнце не пробивалось через лиственную крышу, но было видно, что узкая дорога постепенно расширилась и перешла в поляну. Тропинка уже давно вилась вблизи ручья, причем журчание воды можно было лишь слышать: кусты укрывали ручей. Однако теперь Нора увидела маленькое озеро, скорее запруду, которую питал небольшой водопад. Вид был такой, словно какой-то искусный садовник сконструировал хитроумный фонтан. Дорога вела вверх, но здесь образовалась своего рода терраса. Вода поступала сюда с гор, собиралась в озере и затем текла в ручей, который снабжал поместье Каскарилла Гардене самой чистой и прозрачной водой.

— Здесь, миссис... — Маану сбросила с себя одежду и продемонстрировала Норе свое совершенное тело. Ее кожа, ее фигура были такими же безукоризненными, как и ее лицо. Она была худощавой, но крепкой, с упругими грудями, по-женски округлыми бедрами и длинными, чудесной формы ногами. Лишь только ужасный шрам на плече нарушал общую картину. Это было выжженное клеймо. Нора почувствовала, как ей стало плохо.

— Вы тоже, миссис! Раздеваться, купаться! Вы этого хотели, миссис, теперь вам придется делать то же самое! — С этими словами Маану бросилась в запруду и погрузилась в воду с головой! Нора, которую учили, что дама должна постепенно, сохраняя достоинство, погружаться в воду, потрясенно смотрела, как ее служанка, смеясь, снова вынырнула на поверхность и поплыла на середину пруда. Там она улеглась на спину, и вода понесла ее. К удивлению Норы, Маану не тонула.

— Да ты здорово плаваешь! — ошеломленно воскликнула она и, в свою очередь, быстро сняла платье и нижнее белье.

Нора впервые в жизни стояла под открытым небом совершенно голая. Это было чудесное ощущение — чувствовать ветер и солнце на своей коже.

— Каждый человек умеет плавать, — засмеялась Маану, — по крайней мере, каждый ниггер!

Нора наморщила лоб и осторожно окунула большой палец ноги в воду.

Она была чудесной и прохладной. Нора затаила дыхание и погрузилась в воду.

— Это не может зависеть от цвета кожи. Хотя... Ты остаешься на поверхности... Как ты это делаешь?

Норе было стыдно за это сравнение, но она не могла отбросить мысли об испытании тех, кого подозревали в колдовстве. В той книге разве не говорилось, что только ведьмы могут избежать утопления в воде? Однако, к счастью, Маану, казалось, была не знакома с этим суеверием.

Она с удовольствием подплыла к Норе и пригласила ее также улечься на воду. Та с неровно бьющимся сердцем разрешила служанке поддержать ее и показать правильное положение.

— Теперь нужно вытянуть руки и чуть-чуть двигать пальцами рук. И ногами...

Нора вскрикнула, когда Маану отпустила ее. Однако затем заметила, что действительно не уходит под воду! Какое-то время она лежала на воде, пока ее не покинула смелость. К своему ужасу, она не ощутила дна под ногами. Маану вытащила ее на мелководье до того, как Нора начала всерьез бояться утонуть.

— Плавать, миссис, — объяснила она, — делается так. — Она продемонстрировала. — Не болтать руками и ногами, как собака, а делать, как лягушка. И не бояться. Пруд такой маленький, что я успею вас вытащить на поверхность, если что-то будет не так, как надо. И он не глубокий, можно опуститься даже на дно и оттолкнуться от него.

К ужасу Норы, Маану нырнула рядом с ней, чтобы сразу же снова выскочить на поверхность.

— А сейчас вы попробуйте это. Плавать. Это не трудно!

И действительно, Нора в кратчайшее время научилась держаться на воде. И с этого момента обе женщины устраивали себе купание после утреннего обхода рабов, при этом мастерство Норы в плавании развивалось намного быстрее, чем на ее подошве затвердевала кожа. Здесь уже в первые дни обнаружили дюжины маленьких порезов и ранок, которые моментально воспалялись. Норе иногда приходилось прилагать усилия, чтобы скрыть свою хромоту, когда она спускалась на ужин, а Элиас ждал ее внизу у подножья лестницы. Через несколько недель молодая женщина научилась передвигаться по тропинке через джунгли так же уверенно, как и ее рабыня, и плавала над водой и под водой, как рыба.

И вот однажды Нора решилась задать вопрос, который возник у нее в голове после первых же уроков плавания.

— Это прекрасно, Маану. А в море тоже так можно?

Колдовство

ЯМАЙКА

Рождество 1732 года — весна 1733 года

Глава 1

Дуглас Фортнэм завершил свое путешествие по Европе, а теперь прервал свою учебу в Оксфорде, так и не закончив ее. Причем первым он наслаждался, а вот Англию возненавидел с самого начала своего там пребывания. Дугу было десять лет, когда его отправили в интернат в Банбери, однако ему так и не удалось научиться любить свою историческую родину. Он боялся темноты английской зимы, и даже среди лета ему никогда по-настоящему не было тепло. Дугу не хватало яркого солнца Карибики, пляжей и темно-синего моря. Атлантика не шла ни в какое сравнение. Английское побережье разочаровало его, когда он приехал в гости к своему школьному товарищу в Блэкпул. К тому же вода была холодной. Дуг не был трусом и не избегал того, чтобы вместе с друзьями зайти в воду на пляже Блэкпула или даже поплавать в Темзе, которая возле Оксфорда была чистой и производила благоприятное впечатление. Однако море, каким он его знал, Дуг обнаружил лишь во время своего путешествия, которое предпринял против воли своего отца. Он едва смог оторваться от побережья и пляжей Испании, Италии и Греции.

Но даже теплые страны не смогли по-настоящему утолить его тоску по родному острову. Дугу не нравились тамошние, зачастую бедные, ландшафты, горы, на которых ничего не росло, кроме пары разновидностей кактусов, пряных растений и жесткой травы. Очевидно, в Европе был выбор только между холодными странами с пышной зеленью и более теплыми местами, которые, напротив, почти соответствовали его представлению о том, что такое пустыня. Нигде не росли табак, какао и сахарный тростник, и нигде джунгли не подходили прямо к побережью. Ни в одном из этих мест воздух не был так насыщен влагой и тяжелыми сладкими запахами тропиков.

Дуг растягивал путешествие на юг как можно дольше, несмотря на то, что его отец осуществил свою угрозу и прекратил содержать сына. Таким образом, Дугу пришлось собирать урожай винограда во Франции, долбить мрамор в Италии и работать до упаду на мельнице для отжима оливкового масла в Испании. Некоторые денди из числа его соседей на Ямайке или кто-то из друзей в Оксфорде посчитали бы это ниже своего достоинства, однако Дуг радовался тому, как наливались мускулы под его кожей. Он с самого рождения был более склонен к физическому труду, чем к умственному, а в университете больше проявил себя, как умелый

фехтовальщик и гребец, нежели как усердный студент.

Итак, Дуг Фортнэм покинул университет, так и не закончив обучение праву. Через много месяцев пребывания на юге он не смог больше переносить английские ландшафты, постоянный дождь и холод. Дуглас уже четырнадцать лет не был на Ямайке. Его терпение кончилось, он уже давно знал о морском и торговом праве различных наций намного больше, чем требовалось для продажи сахарного тростника Фортнэма. Довольно, Дуг хотел домой!

Он специально не поставил своего отца в известность о том, что хочет оставить Оксфорд. Элиас Фортнэм был таким человеком, который мог бы сразу же сесть на корабль и отправиться в Англию, дабы призвать сына к дисциплине, да и его молодая супруга, возможно, давно хотела домой. В любом случае Дуг собирался внезапно нанести визит отцу и новоявленной мачехе и даже не помышлял о том, чтобы просить папочку дать ему денег. Вместо этого он поехал в Ливерпуль и нанялся матросом на трехмачтовый парусник. Почти три месяца он боролся с насекомыми-паразитами в своей тесной койке, скучал, драя палубу, и наслаждался захватывающими дух моментами лазанья по такелажу. У Дуга отсутствовало головокружение, он не боялся высоты и любил испытания на мужество — постоянно вызывался, когда надо было взбираться на мачты, чтобы спустить паруса. Вахта наверху, на месте впередсмотрящего, была для него намного желаннее, чем душная ночь в трюме корабля.

К тому времени, как в день Рождества тысяча семьсот тридцать второго года шхуна, наконец, добралась до Ямайки, ему настолько понравился вкус жизни на море, что он задумался о том, чтобы сразу же наняться на следующий корабль. Но затем бросил взгляд на очертания своей родины и сразу же забыл эту идею. Белые пляжи в лучах восходящего солнца, джунгли, горы... Сюда, именно сюда он стремился, и теперь снова изгнать его с острова можно было только силой!

Путешествие Дуга закончилось в Кингстоне, и он безумно обрадовался оживленному портовому городу, который за годы его отсутствия значительно вырос. Однако к виду чернокожих — а их за последнее десятилетие прибавилось тут на несколько тысяч — ему снова надо было привыкнуть. Его сердце учащенно забилося, когда он вспомнил об Аквази и маленькой Маану. Последнюю он, возможно, и увидит, а что касается первого, то Дуг был в этом далеко не уверен. Его отец тогда кричал ему, что накажет Аквази. Совершенно очевидно, что он продал мальчика. При воспоминании об этой сцене Дуга охватило очень знакомое ему чувство вины. Он попытался подавить его в себе. Все это было

четырнадцать лет назад. Все закончилось.

Дуг побрел вдоль портовых зданий. Может, ему повезет, и какой-нибудь корабль будет выгружать лошадей на продажу. Однако ему попадались только корабли, привозившие рабов. «Для обслуживания носилок, — с горечью подумал он. — Тут можно моментально найти шесть носильщиков, а вот лошадей, как и раньше, не хватает во всем регионе».

В конце концов, он целенаправленно расспросил, кто тут торгует лошадьми, а затем ужасно дорого купил небольшого гнедого жеребца, которого привезли сюда всего несколько дней назад. Жеребец был доставлен из Испании, и Дуг предпочел не спрашивать, как торговец или моряк раздобыл его. До сих пор английские и испанские корабли устраивали между собой морские сражения, хотя официально войны как раз не было и даже пиратство было якобы практически подавлено. Торговец вытребовал у парня за лошадь почти все деньги, которые тот заработал, и с большой неохотой добавил туда седло и уздечку, когда Дуглас очень пылко заверил его, что его наличность исчерпалась. Дуг расстался с деньгами с большими сомнениями, но затем сказал себе, что отец все же не выгонит его из дому. В хорошем настроении он оседлал коня, окрестил его, — гордясь знанием целых трех слов на испанском, — именем Амиго и поехал верхом в направлении Спаниш-Тауна.

Жеребец бодро вышагивал по дороге, а Дуглас радовался утреннему солнцу на море и тенистой дороге между плантациями табака и сахарного тростника. При этом ему бросилось в глаза, что последние были пустынными. Обычно здесь невозможно было пройти или проехать, не встретив как минимум одного отряда рабов. Но затем он вспомнил о Рождестве. Конечно, сегодня был самый главный христианский праздник, единственный день, когда хозяева плантаций, по традиции, не заставляли рабов трудиться. Дуг воспринял это как хорошую примету. Во-первых, он быстрее продвигался вперед, поскольку дорогу не загораживали повозки, запряженные мулами или ослами, и на каждом шагу не торчали надзиратели, сидя на лошадях в полном осознании своей важности и перекрывая ему путь. Кроме того, праздничный день, может быть, несколько смягчит реакцию его отца, от которого, учитывая его крутой нрав, можно было ожидать чего угодно.

И действительно, Амиго бодрой рысью преодолевал милю за милей. До обеденного времени было еще далеко, когда Дуг пересек границу между земельными владениями Холлистеров и Форт-нэмов и в нерешительности остановил коня. Если он сейчас поскачет прямо к ферме, то проведет остаток этого многообещающего солнечного дня в доме. И ему придется

держат отчет перед своим отцом, чего он все-таки немного побаивался, и, кроме того, — знакомиться со своей странной мачехой. С женщиной, которая была моложе, чем он. Дуг не мог себе представить ни единой причины, которая заставила Нору Рид выйти замуж за его отца. Вероятно, это была сделка между Элиасом Фортнэмом и ее папашей — девочка была, должно быть, послушной и скучной, если поддалась на это. И, скорее всего, она будет использовать любую возможность, чтобы пожаловаться на климат своей новой родины, на недостаток общества, отсутствие искусства и культуры... Большинство жен плантаторов были хронически скучающими и несчастными дамами. Дуг еще успеет послушаться их.

А вот и ответвление дороги, ведущее на побережье! Если он поскачет по этой узкой тропинке, которая разделяет владения Холлистеров и Фортнэмов, то попадет в джунгли, а оттуда, собственно, легко сможет найти бухту, принадлежащую Каскарилла Гардене. Дуг всеми фибрами своей души тосковал по этому побережью. Оно часто снилось ему ночами, и он снова и снова вспоминал о тех часах, которые провел там с Аквази, — их игры, бег наперегонки, смех, борьбу на платиновом песке. Море всегда было теплым, и солнце сияло всегда... Дуг улыбнулся и решительно повернул к побережью. Своего отца он еще успеет увидеть. Сначала надо вернуться домой, на свой родной берег.

Он доскакал до восточного конца бухты и не поверил своему счастью. У него было такое ощущение, будто он лишь накануне покинул это место. Нет, в Европе не было ничего, абсолютно ничего сравнимого с этим! Нигде не было такого белого песка, таких ярко-зеленых джунглей, такого синего моря! У Дуга появилось нестерпимое желание дать волю своей радости. Он пустил Амиго в галоп, и маленький жеребец, кажется, понял его восторг. Большими прыжками он помчался по песку, но затем вдруг насторожил уши и остановился так резко, что Дуг чуть не вылетел из седла. Он проследил, куда смотрит его конь, и увидел другого коня, привязанного к мангровому дереву в зарослях почти на середине берега бухты. Дуг, вероятно, не заметил бы его, поскольку крепкие ветки и листва дерева закрывали чужую лошадь, однако жеребец, конечно, почуял ее и сейчас устремился к ней, игриво вскинув голову. Все ясно — это была кобыла. Причем чрезвычайно красивая! Дуг с удивлением отметил длину ног животного, да и по силуэту его без сомнения можно было сказать, что это породистая скаковая лошадь.

Амиго настойчиво рвался дальше, однако инстинкт заставил Дуга натянуть удила.

— Нет, оставь это, парень, мы сначала скромно понаблюдаем издали,

— прошептал он и развернул коня от берега вглубь джунглей.

Он энергично запретил жеребцу ржать, чтобы не выдать их, при этом сам себе показался ребенком. Понятно, с Аквази он здесь постоянно играл в туземцев и пиратов, в плантаторов и беглых негров-маронов, но пираты не ездили на лошадях, а мароны не привязывали их вблизи пляжа на побережье. Мароны, как называли англичане свободных чернокожих из центральной части острова, были известны своими молниеносными действиями. Они нападали на поместья, убивали плантаторов и, в большинстве случаев, их домашних рабов, опустошали фермы и исчезали так же внезапно, как и появлялись. Рабы с плантации чаще всего присоединялись к ним — нападение маронов было самой надежной возможностью для побега. Однако бывало такое редко, а здесь, на побережье и вблизи городов, не случалось практически никогда.

И, тем не менее, Дуг внимательно наблюдал за лошадьёю. Почти сразу же он заметил в кустах рядом с животным какое-то движение. К полному ошеломлению Дуга, из кустов вышла женщина. Спокойная, целеустремленная, уверенная в себе — и полностью обнаженная! Сперва он подумал было, что это рабыня, которая использовала свой свободный день для купания, однако отбросил эту мысль сразу. Фигурой эта женщина не походила на представительниц племени ашанти или бауоле. Она была значительно ниже ростом, очень изящная и явно не чернокожая. Мулатка? Рабыня с большой долей белой крови? Однако молодая женщина явно имела какое-то отношение к лошади в джунглях, а у какой креолки могла быть такая дорогая лошадь?

А затем — Дуг не мог поверить своим глазам — он увидел все совершенно четко. Существо, которое сейчас подошло к морю и без малейшего промедления бросилось в волны, было белокожей женщиной! Причем не из тех сладких детей природы, с которыми он познакомился на юге Европы и которых научился ценить. Это была не одна из тех крестьянских девушек с загорелыми лицами, которые целыми днями с неприкрытыми руками и ногами работали на поле своего отца, а после трудового дня со смехом бросались в речку или пруд на краю села.

У женщины в море была совершенно белая кожа. Она, должно быть, обычно носила одежду с длинными рукавами и прикрывала лицо от карибского солнца. Дуг зачарованно наблюдал за тем, как бесстрашно женщина заплыла далеко в море, затем легла на спину и отдалась воле волн. Ее длинные, золотисто-медовые волосы качались на воде, окружая лицо, словно нимб святой. Дуга разбирало любопытство — какое же у нее лицо? — и он не был разочарован. Девушке, в конце концов, пришлось

возвращаться на берег, и он увидел ее узкое красивое лицо с полными губами, на которых сейчас играла счастливая улыбка, щеки, порозовевшие от усилий, и большие глаза, цвет которых он не мог рассмотреть против света. Девушка подняла руки, собрала волосы в пучок на затылке и выжала из них воду. Этот жест был знаком Дугу — так делали девочки-рабыни. Естественно, это было против этикета — наблюдать за ней из укрытия, — однако он не мог оторвать взгляда от ее маленьких, упругих грудей. Талия женщины была такой узкой, что ему казалось, он смог бы полностью обхватить ее ладонями, а ее бедра были мягко округлены. Незнакомке присуща была необычайная хрупкость, и, тем не менее, она была воплощением абсолютной красоты.

Дуг спросил себя, откуда же тут появилась эта молодая женщина, и даже на короткое время задумался над тем, не поехать лиследом за ней, но это было, конечно, не так просто. В любом случае сейчас прекрасная пловчиха снова исчезла в кустах — очевидно, одевалась, — но потом она, конечно, сядет на свою лошадь. Дуг надеялся, что она сделает это на побережье, и он сможет еще раз насладиться ее видом, однако его постигло жестокое разочарование. Лошадь просто исчезла между деревьями. Женщина, очевидно, поскакала по тропе, которая вела к плантациям Фортнэма, затем к владениям Холлистеров, а потом к трем или четырем другим плантациям. Такая лошадь явно была быстрой, а такая храбрая пловчиха должна была быть не менее искусной наездницей. Она могла появиться откуда угодно и при этом, должно быть, чувствовала себя в полной безопасности, иначе бы не раздевалась так уверенно и без всякого стыда.

Впрочем, Дуг был бы последним, кто удивился бы этому. В конце концов, половину своего детства он провел на этом пляже, и никто не мешал ему и Аквази купаться там. Хотя как раз для Аквази побережье было под запретом. Рабам разрешалось бывать там только под надзором и только для того, чтобы поймать пару рыбин для господского стола. За поход туда в одиночку полагалось очень суровое наказание — ведь было очень легко выплыть из бухты в море, дать отнести себя волнам подальше от Кингстона, а потом скрыться где-нибудь в джунглях. Конечно, за пределами бухты водились акулы, однако парни рисковали и большим, лишь бы сбежать из рабства. Не говоря уже о том, что в джунглях было достаточно упавших деревьев, чтобы за несколько часов смастерить себе плот. Аквази и Дуг тоже так делали. Молодой человек улыбнулся при воспоминании о хижинах, которые они строили из листьев и веток, и об их попытке сделать себе лодку-кануэ, выдолбив ствол дерева.

Дуг приказал молчать Амиго, который отреагировал на уход черной кобылы недовольным фырканьем, и снова направил коня к берегу. Но желание пронестись галопом по пляжу прошло. Молодому Фортнэму теперь захотелось поехать к дому. Может быть, ему действительно удастся догнать эту юную красотку и совершенно непринужденно поболтать с ней.

Амиго, казалось, прочитал его мысли. Маленький жеребец резво сорвался с места в рысь.

Этот рождественский день был для Аквази единственным свободным днем в году, и он использовал его так, как использовал каждую свободную минуту со дня своего наказания — он последовал за Норой Фортнэм. Аквази знал, что это ненормально, более того — желание обладать белой женщиной было просто опасно для жизни, однако он не мог обуздать себя. Все равно, как бы тяжело он ни работал, как бы ни уставал и как бы часто ни говорил себе, что она — одна из хозяев, она — тоже баккра, которых он ненавидел, потому что они сделали из него раба, — все равно она снилась ему каждую ночь, а днем он сходил с ума, если ему не удавалось увидеть ее. Утром Аквази бывал счастлив, когда встречал ее на короткое время при осмотре больных, а пару недель назад он даже решился поздороваться с ней. С ней всегда была Маану, и однажды Аквази все-таки отважился — добавил к обычному «привет, Маану!» «доброе утро, миссис!». Надсмотрщик наорал на него за это, однако миссис, казалось, этому обрадовалась. В любом случае она благосклонно произнесла: «Приветствую тебя, Аквази!», и тот погрузился в пучину счастья, сопровождавшего его весь этот жаркий день, который он провел за высадкой саженцев. Эта работа была тяжелее, чем рубка тростника, потому что приходилось трудиться до упаду под палящими лучами солнца, тогда как при сборе длинные стебли растений, по крайней мере, давали тень.

Маану и миссис с тех пор обе улыбались в ответ на приветствия Аквази, а раб наслаждался сладким звучанием голоса Норы. Миссис, казалось, не возражала, когда вечером он присоединялся к женщинам и предлагал свою помощь в уходе за больными. Иногда Аквази даже решался надеяться, что она ответит на его чувства. В конце концов, она вряд ли любила баккра. Было абсолютно невозможно себе представить, чтобы такое ангельское создание имело какие-то чувства к мужчине, который за четырнадцать лет до этого послал Аквази в ад.

В этот рождественский день боги приготовили особый подарок для молодого человека. При этом он боялся, что сегодня вообще может не увидеть Нору. Фортнэмы давали вечером прием, и, конечно, миссис наблюдала за его подготовкой. Поскольку полевые рабы были свободны от

работы, — что касается домашних рабов, то их выходной временно отменили до дальнейших распоряжений, — Нора утром также не появилась в их селении. Поэтому Аквази побрел к кухне господского дома. Вдруг ему удастся хотя бы бросить взгляд на Нору, а если нет — то, может быть, ему достанется какое-нибудь лакомство с господского стола. Маану с удовольствием баловала Аквази, как только у нее появлялась возможность, и в этот раз она с улыбкой приложила палец к губам и вывела его из толкотни на кухне к ручью. Затем вытащила из складок своего платья кусок медового пирога.

— Вот, приятного тебе аппетита! — засмеялась она. — Он невероятно сладкий, у миссис был рецепт, а моя мама испекла этот пирог сегодня в первый раз. От него невозможно оторваться, если хоть раз попробуешь...

Для Аквази все, что здесь происходило, касалось Норы Фортнэм, а пирог он ел с особым наслаждением, поскольку она тоже, наверное, любила его.

— А где... где же сама миссис? — спросил он якобы ненароком.

Маану беззаботно ответила:

— Ах, она как раз взяла себе свободный час. Пока баккра проверяет запасы вина, пополняет запасы рома и выкладывает сигары — или что там еще является задачей благородного хозяина, принимающего гостей, — она хотела взять свою лошадь и покататься в одиночку, поскольку конюхи сегодня свободны. Она сама умеет седлать коня!

Вряд ли было что-то, чего не могла бы сделать обожаемая Маану хозяйка. Она давно отбросила свою первоначальную холодность по отношению к той.

— А куда она ездит верхом, так, в одиночку? — спросил Аквази, хотя уже представлял себе, каким будет ответ.

Он не мог сопровождать Нору на побережье — убежать из колонны рабочих было невозможно, — но знал, что она любила совершать туда конные прогулки. Причем главным для нее была, наверное, не сама прогулка, а пляж и море, иначе она больше никогда бы не ходила пешком, а только ездила бы верхом в сопровождении слуги. Теперь Нора, без сомнения, использовала удобный момент, чтобы посетить свое любимое место, пока не пришли гости. И у Аквази наконец-то появился шанс посмотреть, что она там делает!

Таким образом, молодой раб чуть ли не бегом бросился к побережью, естественно, стараясь не попадаться на глаза. Надзиратели чаще патрулировали на границах плантаций, чем у моря, если вообще прилагали к этому усилия. Теперь, во время сбора урожая, рабы были уставшими до

смерти, и ни у кого из них не было сил, чтобы строить планы побега, поскольку риск и без патрулирующих надзирателей был достаточно велик. Ведь баккра в эти дни постоянно ездили друг к другу в гости, и можно было легко натолкнуться на лорда Холлистера или еще на кого-то из соседей. Однако Аквази не хотел стать жертвой случайности, поскольку уже почти не помнил дороги на побережье. А ведь когда-то они с Дугом ходили по этой дороге почти ежедневно. Аквази разрешил себе пару приятных воспоминаний об играх и приключениях в бухте.

А затем он обнаружил кобылу Аврору и, недолго думая, вскарабкался на пальму поблизости. Молодой раб разгорелся от вожделения, когда увидел, как его хозяйка выскользнула из платья и нижнего белья, распустила волосы и затем, беззаботная и нагая, окунулась в море. На это он не рассчитывал — скорее всего, такого можно было ожидать от Маану. Однако белая женщина действительно доплыла до середины бухты, полежала на волнах, играя с ними, как... как совершенно нормальная женщина. Аквази часто наблюдал за тем, как купались молодые рабыни. Конечно, подсматривал тайно, или, по крайней мере, девушки делали вид, что не видели его. Потому что частенько девочки-рабыни хихикали, заманивая мальчиков-однолеток. Может быть, Нора делала здесь то же самое, чтобы порадовать Аквази? Может быть, это ее представление предназначалось для него? И она также тосковала по нему, как он по ней? Аквази наблюдал, как госпожа сушит волосы, и сходил сума, представляя, что она могла бы обнять его, как только он выйдет из своего укрытия.

После купания Нора явно заторопилась. Она ловко вскочила на лошадь — ей не понадобилась посторонняя помощь, чтобы усесться в дамское седло, — и сразу же поехала рысью в направлении плантации. Аквази медленно последовал за ней, постоянно оставаясь в тени деревьев. В этот день он, конечно, больше ее не увидит, а на следующее утро ей, наверное, придется развлекать гостей, оставшихся переночевать. Маану придет в поселение рабов одна. Аквази вздохнул. Ему всегда было неприятно, когда Маану приходила в одиночку. Девушка тогда появлялась раньше, чем обычно, и приходила сразу к нему в хижину. Та вкусная еда, которую она приносила с собой, была, конечно, желанной, однако все остальное молодые люди, делившие с Аквази жилье, кажется, понимали совершенно превратно. Они быстро под каким-то нарочитым предлогом убегали из хижины, причем нагло улыбались Аквази и отпускали непристойные шуточки. И он был вынужден заполнять время до начала работы пустой болтовней, а Маану делала все, чтобы показать себя как можно более привлекательной и возбудить его. Было совершенно ясно, что она бегала за

ним, однако он не мог грубо отвергнуть ее. В конце концов, она была единственным предлогом для того, чтобы он мог время от времени появляться возле господского дома, не вызывая подозрений со стороны миссис.

Аквази, погруженный в свои мысли, плелся в направлении плантации, как вдруг услышал позади себя удары копыт. Раб в тревоге бросился в кусты. Проверка? Неужели кто-то из надсмотрщиков учуял что-то неладное? Неужели была устроена переключка, а его не оказалось на месте?

Дуг Фортнэм, вероятно, не увидел бы мужчину в кустах, поскольку тоже был занят собой, разрываясь между приятным воспоминанием о женщине у моря и возрастающим беспокойством перед встречей с отцом. Однако Амиго увидел негра и испугался.

Дуг еще в Кингстоне заметил: маленький жеребец не был приучен к темнокожим людям. Видимо, его и правда, совсем недавно привезли из Испании. Дуг всматривался в листву.

Аквази колебался между намерениями удариться в бегство и попытками сделать безобидный вид. Строго говоря, он ни в чем не был виноват — никому не запрещалось в свой свободный день гулять по лесу. Главное — не попадаться на побережье.

— Выходи спокойно, я тебе ничего не сделаю!

Что-то в этом голосе или в этих словах заставило Аквази насторожиться. В любом случае шотландского акцента у человека не было — значит, не надсмотрщик. Раб с самым беззаботным видом, какой только в силах был на себя напустить, снова вышел на дорогу. Конь белого человека испуганно затанцевал.

Аквази внимательно всмотрелся в мужчину на нервном гнедом жеребце. Среднего роста, мускулистый, со светлыми волосами — его длинные локоны явно не поддались попытке связать их сзади на затылке в модную косичку. Угловатое, открытое лицо было загорелым до черноты, и на нем выделялись живые голубые глаза. Это лицо не понравилось Аквази, хотя по общепринятым меркам могло считаться очень приятным. Но оно слишком напоминало... слишком напоминало ненавистного баккра.

Дуг не узнал Аквази. Он давно уже не помнил его мать, а отца никогда и не видел, по крайней мере, в сознательном возрасте. Однако, когда крепкий чернокожий мужчина вышел на солнечный свет, Дуг заметил шрам на его щеке, чуть ниже правого глаза. Рана хорошо зажила, однако Дуг обратил на нее внимание, потому что когда-то, будучи еще мальчиком, сам нанес ее. Конечно, это получилось нечаянно, произошел несчастный случай: мальчики учились фехтовать на деревянных шпагах, и у Дуга

оружие сначала выскочило из руки, а затем сломалось. Острый угол дерева вонзился в щеку Аквази. Дуг до сих пор помнил, как ему тогда было стыдно, и как он заботился о мальчишке.

— Ак... Аквази? — прошептал он.

Тот поднял на него глаза. Но на черном лице не было радости. Он запретил себе любое волнение.

Баккра Дуглас, — коротко ответил раб и поклонился.

Дуг спрыгнул с коня.

— Аквази! Что это значит? Ты не рад видеть меня снова? О, небеса, я не ожидал, что ты будешь здесь! Я думал, что отец... Аквази! — И молодой человек хотел обнять чернокожего.

Но тот отступил на шаг назад.

— Есть очень радостный ниггер видеть снова баккра. — Но исполненное ненависти выражение его глаз выдавало лживость этих слов.

Дуг испуганно застыл и поморщился.

— Но что случилось, Аквази, почему ты говоришь так... Ты разучился говорить по-английски? — попытался улыбнуться он.

— Ниггер не понимать хорошо в речи хозяев, — сказал Аквази и снова поклонился, но его глаза заблестели при взгляде на Дуга. — Баккра знать, ниггеры — дураки.

— Аквази, это же с ума сойти можно!.. — Дуг, ничего не понимая, смотрел на своего старого друга. Когда их разлучили, мальчишки были одинакового роста, но теперь Аквази стал выше Фортнэма на полголовы. — Какой ты большой!

Может быть, напряжение можно будет снять, если он заведет разговор с другой стороны?

— Сегодня я бы уже не победил тебя в борьбе.

— Ниггеры не борются с баккра.

— Аквази! — Дуг беспомощно потер себе лоб. — Аквази, что я должен сделать? Почему ты злишься на меня? Конечно, меня долго здесь не было, но не по собственному желанию, уверяю тебя. И вот я приехал. Я так рад, что снова здесь... Я... Я нигде не был так счастлив, как здесь. А ты..?

Аквази фыркнул.

— Как я говорить, добро пожаловать, баккра, — процедил он сквозь сжатые зубы, — в самое счастливое место в мире.

С этими словами он повернулся, чтобы уйти. Дуг окаменел, когда старый друг повернулся к нему спиной. Он с ужасом смотрел на его шрамы и свежие раны. Аквази, наверное, били всего несколько дней назад...

Дуг побежал вслед за старым другом.

— Аквази, это же ужасно... Я этого не знал!

Тот презрительно рассмеялся.

— Ну и что? Что сделать баккра, если знать? Подняться на облако, прилететь сюда и с мечом броситься на надсмотрщика, как святой дух на рисунке?

Дуг вспомнил дешевый рисунок, повисевший над его кроватью все их детство: ангел-хранитель, который с огненным мечом в руке охраняет маленького мальчика. Естественно, белого мальчика.

— Говори же правильно, Аквази, — вымученно попросил Дуг.

Он шел теперь рядом с этим большим черным человеком, и через время они вместе дошли до плантации. В свете полудня уже были видны хижины рабов.

— Я совсем больше не говорить, баккра, — оборвал его Аквази, — не разрешено полевым ниггерам говорить с баккра. А для баккра ниже его достоинства говорить с ниггерами.

Последнее предложение вырвалось у него, уже будучи почти безукоризненным с грамматической точки зрения, но теперь он мог избежать разговора с Дугласом без всякого труда. Дорога вела к одной из расположенных на окраине хижин, жильцов которой Аквази почти не знал, но прямо сейчас он пойдет к ним. Только бы уйти с главной дороги, только бы подальше от Дуга!

Дуглас Фортнэм не последовал за ним. Он был слишком взволнован и сегодня не нашел бы правильных слов. Кроме того, пора было ехать к дому. Но теперь он уже не боялся встречи со своим отцом. Хуже того, что он пережил сейчас, уже не будет.

Глава 2

Дуг был удивлен тем, что в конюшнях жизнь была ключом. Собственно, он ожидал, что здесь будет дежурить не больше одного слуги, а остальные в этот день должны быть свободны от работы, как и полевые рабы. Но главный конюх и слуги были одеты в ливреи, а места для привязи и стойла были чистыми и подготовленными для лошадей приглашенных. К Дугу, которого здесь никто не знал, сразу же подошел старший конюх.

— Я принимать лошадь, сэр баккра. Вы, конечно, хотите делать свежим? — Он почти презрительно окинул взглядом бриджи Дугласа, которые выглядели бледно по сравнению с формой слуги. — Джорджи вас отводить в дом переодеться.

Он указал рукой на маленького мальчика, который, видимо, выполнял здесь роль посыльного.

Дуг со смехом покачал головой.

— Ты такой важный, Питер? — подшутил он над рабом.

Питер был конюхом уже тогда, когда Дуг и Аквази со смехом носились по конюшне.

— Я тебя почти не узнал в этом парике. Кто это додумался до такого?

Действительно, на голове раба красовался пышный белый парик, как на лакее в Англии, когда его хозяева приглашали кого-то на праздник.

Питер испуганно поднял глаза.

— Меня звать баккра? — неуверенно спросил он.

Дуг кивнул.

— Конечно, Питер. А ты меня не узнал? Вспоминай! Кто подложил под седло старого Холлистера колючку, чтобы лошадь сбросила его, когда он сядет на нее?

Питер внимательно рассматривал Дуга, и лицо его медленно расплывалось в улыбке.

— Баккра Дуглас...

Дуг сделал вторую за этот день попытку обнять старого друга, и в этот раз не напрасно. Старый конюх ответил на приветствие хотя и робко, зато от всей души.

— Я этого не знал, баккра Дуг, что вы возвращаетесь домой. Баккра Элиас ничего не говорить!

Дуг рассмеялся.

— Значит, ты не ради меня так нарядился? Это меня разочаровывает.

Или вы в таком виде постоянно разгуливаете с тех пор, как мой отец привез сюда какую-то загадочную леди из Англии?

Он весело посмотрел в черные лица конюхов в серебристосиних ливреях.

Питер покачал головой.

— Ах, что вы! Миссис хорошая, миссис ангел! — Ни один из рабочих не был в обиде на Нору. — Но сегодня Рождество, большой праздник в доме, много баккра и миссис, музыка, танцы... Все красиво одеты, даже ниггеры. — И он с улыбкой повертелся перед Дугом.

— Ну, смотрите тогда, не испачкайтесь, — попрощался Дуг. — Ты позаботишься о моем жеребце? Да? Он не такой сумасшедший, как делает вид.

Амиго начал нервно пританцовывать, когда конюх взял его под уздцы.

— Однако он боится черных людей.

Питер немного печально улыбнулся.

— Так точно было с лошадьёу миссис, — сказал он затем. — Изменится, когда дать немножко овса.

Таким образом, Дуг немного успокоился и отправился к дому, спрашивая себя, должен ли радоваться тому, что появится там неожиданно, во время приема гостей, или же это будет скорее плохо? В любом случае у его отца не будет возможности сразу учинить ему допрос с пристрастием, а после этого вечера половина Ямайки будет знать, что Дуглас Фортнэм снова появился здесь. Значит, его отец ни в коем случае не сможет отправить его назад в Англию на ближайшем корабле. Последнее обстоятельство придало Дугласу мужества для встречи с Элиасом. Он еще на какой-то миг задумался, войти ли ему в дом через главный вход или пробраться через кухню, и все же принял решение в пользу официального пути. Маму Адве он сможет поприветствовать позже, у нее сейчас и без него работы по горло.

Входную дверь тоже охранял слуга в ливрее.

— Как мне доложить о вас? — чопорно спросил он, нервно перелистывая список гостей. Без сомнения, он знал всех приглашенных в лицо, но то, что он умел читать, исключалось. — Я не знаю, что...

— Меня действительно не приглашали, — Дуглас помог ему выбраться из трудного положения. — Пожалуйста, доложи баккра, что прибыл его сын, Дуглас Фортнэм.

Элиас почти мгновенно появился у двери дома. Он, по всей видимости, не поверил сообщению раба.

— Дуглас! — Элиас пристально смотрел на сына. — Тебя я

действительно не ожидал! Каким образом?..

Дуг с трудом заставил себя улыбнуться.

— Ты не хочешь сначала поздороваться со мной, отец? И так ли уж неожиданно для тебя мое появление? Мы же договаривались, что я вернусь домой, как только закончу учебу.

Выражение лица Элиаса, до этого скорее недовольное, сменилось широкой улыбкой.

— Ух ты! Я имею дело с ученым правоведом собственной персоной! Поздравляю, мальчик мой!

Дугу пришлось терпеть объятия отца, хотя сейчас ему больше всего хотелось вывернуться из них.

— Более или менее, — подтвердил он, следуя за Фортнэмом в его кабинет. К счастью, там еще не было никаких гостей.

Элиас потянулся к графину с ромом.

— Давай-ка выпьем за это! Что значит... «более или менее»?

Дуг сделал большой глоток, хотя, по его понятиям, для выпивки было слишком рано. Обычно он не пил спиртного до захода солнца.

— За мое счастливое возвращение домой!

— В качестве адвоката с дипломом Оксфорда! — засиял Элиас и тоже выпил. Однако застыл, когда увидел выражение лица Дугласа. — Я ведь могу... ожидать этого? — спросил он строго.

Дуг пожал плечами.

— В качестве специалиста по торговому и морскому праву, — поправил он отца, хотя и это было преувеличением. — Я теперь знаю все, что нужно плантатору на Ямайке, а что касается договоров, которые нужно будет заключать, то можешь быть уверен — я буду представлять Каскарилла Гардене наилучшим образом.

Дуг уселся и успел выпить еще один глоток рома до того, как над ним разразился гром.

— Значит, ты сбежал? Ты не закончил учебу?

Лицо Элиаса налилось кровью, а жила на его лбу запульсировала.

— Я знаю все, что я должен знать, — защищался Дуг. — Но для того, чтобы это было написано черным по белому, мне пришлось бы еще целый год или даже два прозябать в Оксфорде. Оно того не стоило, отец. Я хотел домой!

— Домой! — Элиас вне себя от ярости ходил по комнате. — Ты говоришь, словно маленький ребенок. «Знаю все, что нужно»! Как будто дело в этом!

— Я мог бы руководить плантацией! — заявил Дуг.

Элиас фыркнул.

— С опытными надзирателями, мальчик мой, это сможет любой ребенок! — твердо сказал он. — А вот торговое представительство в Лондоне, представительство на континенте, теперь, когда у нас там есть городской дом и наилучшие связи!.. Однако король не примет какого-то приبلудного студента, прервавшего учебу. Зато уважаемого адвоката...

— Король в лучшем случае примет лорда, — заметил Дуг. Он защищался, но внутри у него все похолодело. Значит, дело было именно в этом. Его отец не собирался забирать его после окончания учебы на Ямайку. У него были иные, высокие планы, очевидно, продуманные вместе с отцом его молодой жены. Разве не он подарил им особняк в Мэйфере? Значит, там должна была находиться резиденция Дуга, и там он должен был представлять интересы сахарных плантаторов с Ямайки. Может быть, ему самому предстояло вести торговлю с дальними странами? У Томаса Рида, насколько знал Дуг, не было мужчин-наследников. Наверное, Дуглас должен был держать там место для будущего ребенка... Неужели эта Нора беременна?

— Мы ведь были едины в том, что Фортнэму не нужно покупать себе какую-нибудь деревню Боро, чтобы гордиться своим именем! Хотя честно приобретенный дворянский титул проложил бы тебе путь на самый верх! Но тебе хотелось попутешествовать по мировой истории, вместо того чтобы...

Элиас не стал говорить дальше. Сейчас было слишком поздно, он вряд ли смог бы заковать своего сына в цепи и заставить сесть на первый же корабль, отправляющийся в Англию. Тем более что это бы уже не помогло.

Впрочем, во время этого проклятого путешествия мальчик не умер с голоду, напротив, он выглядел блестяще. Элиас с тоской вспомнил о своей мощной фигуре и задорном смехе, которые отличали его, когда он был молодым моряком. Пусть даже сейчас отец не был рад видеть сына здесь, однако он все равно попытается устроить его счастье по собственному разумению. И к тому же перед домом уже появились две кареты. Приехали лорд Холлистер и еще один сосед — Кристофер Кинсли. Ни в коем случае Элиас не сможет продолжать ссору с собственным сыном в присутствии гостей. Фортнэм сдался.

— Ну ладно, Дуг, иди и скажи, чтобы тебе выделили комнату. Я пришлю своего слугу, который поможет тебе привести себя в порядок. Я надеюсь, у тебя есть приличествующая случаю праздничная одежда.

Дуг облегченно кивнул, хотя в последнем был далеко не уверен. Преимущественно вещи его были сильно поношены. И что означало

«привести себя в порядок»? Неужели здесь тоже следовали французской моде, в соответствии с которой мужчина должен был наносить на лицо грим и пользоваться парфюмерией, как девушка? Ну да все равно, этим он мог заняться позже. Однако именно необходимостью приведения себя в порядок, наверное, объяснялось отсутствие молодой жены рядом с хозяином дома. Без сомнения, требовалось несколько часов, чтобы подготовить леди для такого праздника.

Нора терпеливо и тихо сидела, пока Маану заплетала ее волосы и украшала их цветами апельсина. За последний год девушка достигла в этом деле значительных успехов под руководством специально обученной и ужасно дорогой служанки леди Холлистер. А в возможностях потренироваться недостатка не было. Элиас не преувеличивал, когда сразу после прибытия Нору на Ямайку рассказал об активной жизни здешнего общества. Во время рубки тростника светская жизнь замирала, зато остаток года был заполнен приглашениями на увеселительные мероприятия — от пикника в саду до большого бала. Плантаторы даже время от времени устраивали охоты, причем роль лисы выполняла пара молодых рабов. Норе поначалу это показалось ужасным, однако черные парни на самом деле находили удовольствие в том, чтобы максимально затянуть погоню, и даже хихикали, когда собаки, в конце концов, настигали их. Довольное и в большинстве случаев к тому времени уже подвыпившее охотничье общество щедро награждало хороших бегунов сладостями и мелкими деньгами. Однако на Нору отрезвляюще подействовала прежняя отстраненность Маану, когда та однажды готовила свою хозяйку к балу, который должен был состояться после охоты.

— Сейчас это игра, миссис, и никому от нее вреда нет. Но когда очередной ниггер совершит побег, вся собачья свора точно так же бросится за ним. И тогда у охотников появятся ружья, а «лисице» будет уже не до смеха!

Нора с тех пор держалась подальше от охотничьих забав, что, к счастью, не составляло труда. Элиас, который, как и раньше, был не слишком искусным наездником, тоже не особенно рвался туда. Однако в остальных светских сборищах он все же должен был принимать участие, и супруга его терпеливо подчинялась принятому обычаю, хотя радости от этого получала мало. У Нору было много знакомых, но не было друзей среди плантаторов: она не любила ни разговорчивых мужчин, ни их жеманных, скучающих жен, которые могли часами болтать о том, как, несмотря на карибское солнце, им удастся сохранить белоснежный цвет лица. Они ругали своих ленивых и ни на что не способных домашних

рабов, вместо того чтобы приложить хоть какое-то усилие и чему-то научить этих людей, и жаловались на жару и недостаток культурного общения. Нора ненавидела их покровительственные комплименты, расточаемые по поводу ее работы в поселении рабов: «Так вот, я бы так никогда не смогла, дорогая! Жара и грязь! И эти люди ведь потеют!» Однако Нора делала хорошую мину при плохой игре хотя бы для того, чтобы помочь рабам. За последние месяцы все чаще и чаще до нее доходили призывы о помощи с других плантаций. Обычно их передавали Маану или Адвеа. Если где-то на соседней плантации мужчина был ранен или женщина страдала судорогами и кровотечениями, рабы с мужеством отчаяния посылали гонцов на плантацию Фортнэма. Молодые парни или девушки рисковали быть пойманными в качестве беглых рабов и подвергнуться наказанию, а Норе приходилось получать разрешение владельца плантации, чтобы последовать за гонцом в поселение рабов. Элиас рассвирепел, когда она один или два раза этого не сделала.

Постепенно ее деятельность налаживалась. Нора, набравшаяся опыта в привлечении людей к благотворительности, убедила дам Холлистера и Кинсли помогать ей, и они сами стали принимать у себя пришедших в отчаяние друзей и родственников больных, а затем посылать гонцов за Норой. Не всегда история заканчивалась удачно, и зачастую пациент уже умирал к тому моменту, когда Норе, наконец, приносили известие о болезни, — например, леди не желали, чтобы их ночной покой был нарушен. Однако иногда ей удавалось спасти чью-то жизнь. В частности, особое умение она проявила в уходе за женщинами, после того как выведала, что является причиной частых кровотечений и судорог. Почти каждая из ее пациенток страдала от осложнений после насильственно прерванной беременности.

Злобное замечание Элиаса, что гордые женщины из племени ашанти лучше убьют своих детей еще в утробе, чем будут растить рабов, подтвердилось. И на других плантациях тоже было мало детей, а имена женщин, которые занимались прерыванием беременности, ни для кого не были тайной. Однако Нора не предавала рабов, хотя ей самой это дело было глубоко противно. Если бы она стала вмешиваться, то потеряла бы доверие людей, и, в конце концов, это никому не пошло бы на пользу. Без сомнения, плантаторы повесили бы женщин, практикующих аборт, и несчастным беременным пришлось бы обращаться к новым, менее опытным знахаркам.

Как бы там ни было, Нора написала письмо доктору Мэйсону, в котором попросила посоветовать хорошие медицинские справочники по

всем распространенным болезням и родовым осложнениям. Доктор Мэйсон понял ее. В Ист-Энде тоже не каждый ребенок, зачатый под воздействием джина и отчаяния, появлялся на свет. Адвеа также дала хозяйке пару домашних рецептов, Нора изучила их, испробовала и таким образом набралась знаний и создала целую коллекцию эффективных лекарств. Она, конечно, не могла сделать очень много, однако порой больным помогало уже то, что леди просили своих мужей освободить их от работы на пару дней. Женщины зачастую выздоравливали без особого лечения, потому что и в этом Элиас оказался прав: люди, которые выдержали перевозку через океан на корабле для рабов и несколько лет тяжелого труда на плантациях сахарного тростника, были действительно крепкими.

Нора, в любом случае, радовалась каждому излеченному ею пациенту, а уважение, которым она пользовалась за это в поселениях рабов, согревало ее сердце. Кроме того, дело шло на пользу и расширению ее личной свободы и удовлетворению собой: ни один из конюхов не выдавал Нору Элиасу, когда та выезжала верхом в одиночку, никто не комментировал ее поездки на побережье. Маану же за последние месяцы стала ей почти подругой.

Нашлись и другие занятия для Норы: она заказала новые книги сэра Ханса Слоана о Ямайке и сама занялась исследованием флоры и фауны своей новой родины. Несмотря на все противоречия, Нора полюбила остров, и чем больше времени она проводила здесь, тем меньше печали чувствовала при мыслях о Саймоне. При этом она, ни в коем случае, не забывала его, сохраняла свое обещание быть откровенной с его духом, и иногда ей казалось, что она чувствует его. В моменты грусти она находила утешение в мыслях, что видит все чудеса для него, своими глазами, слухом и обонянием помогая и ему тоже стать частью этого острова. Нора больше не плакала на берегу. Всей полнотой своих чувств она наслаждалась морем, солнцем и песком.

Что касалось Элиаса, то он не мешал ни ее мечтам... ни спокойному сну. Уже через несколько недель после свадьбы его интерес к молодой жене заметно угас, а через полгода он вообще перестал приходить к Норе. Естественно, бывало, что в пьяном виде супруг ночью тянулся к ней, но, собственно, лишь тогда, когда после затянувшейся вечеринки они ночевали в гостях или, посещая Кингстон, были вынуждены делить одну постель. Нора научилась справляться и с этим: она прибегала к помощи хозяйки дома, изображая ужасные головные боли. Та чаще всего выделяла ей отдельную комнату, в которой Маану могла заботиться о ней. Никто не

находил ничего особенного в том, что рабыня тоже спала там, однако ей не полагалась ни циновка, ни тем более постель. Маану приходилось спать на полу, свернувшись калачиком. После первых двух раз девушка сообразила, в чем дело, и стала брать с собой циновку.

Со стороны Элиаса никогда не звучало ни слова протеста, и его, казалось, не заботил тот факт, что их союз не благословлен детьми. Он, видимо, не врал, когда заявил отцу Нору, что вступает в брак главным образом из-за общественного мнения. Нору это больше чем устраивало, хотя иногда она спрашивала себя, где Элиас получает свое удовлетворение. Для мужчины, в конце концов, еще не старого, было необычно жить монахом! Но она никогда не занималась расследованием, в общем-то, ей было все равно, лишь бы на плантации не бегали дети-рабы с его чертами лица.

— Готово! — доложила Маану и умело подала зеркало Норе, чтобы та могла восхититься прической на своем затылке. — Хорошо?

Хозяйка кивнула и покорно выпрямилась, чтобы дать зашнуровать себя в корсет. Перед этим Маану помогла ей надеть чулки со сложным узором. Нора вздохнула, когда подумала о длинной ночи в тесной обуви. Она уже давно привыкла ходить босиком, как ее рабыни, даже если при этом ей нужно было соблюдать, гораздо большую, осторожность. У Элиаса были настоящие припадки ярости, когда он уличал ее в этом. У Нору было подозрение, что надсмотрщики информировали его, когда видели ее босой.

Маану также притащила ей юбку с кринолином по последней моде, имеющим овальную форму и дополнительные валики на бедрах. Хотя и без того ей будет очень жарко. Однако Нора знала, что придется делать это для Элиаса и его положения на плантации. Она послушно задержала дыхание, дала себя зашнуровать, надеть корсет и юбку и потом поверх всего еще и платье.

Ее отражение в зеркале определенным образом вознаградило ее. Все же она красива и наверняка станет центром внимания на празднике. Если бы только здесь был кто-нибудь, ради кого стоило прилагать все эти усилия! Ей пришлось в этот вечер носить на шее кольцо из жемчужин, но она положила память о Саймоне в маленькую сумочку, невидимую между складками ее вечернего платья. Нора не всегда была счастлива, но, пока у нее с собой было это украшение, она никогда не чувствовала себя по-настоящему одинокой.

Дуг терпеливо вынес все старания личного слуги Элиаса, пропуская мимо ушей его причитания насчет того, что за такое короткое время кардинально изменить что-либо в облике молодого баккра невозможно.

Лучший костюм Дугласа оказался несоответствующим поводу: у него не было даже парчового жакета, а кружева его рубашки... Юноша сам вынужден был признать, что они выглядели скорее как мертвая каракатица, чем как украшение для шеи. Отчаявшийся слуга созвал целую армию швей, которые быстро подогнали на нем рубашку, жилет и кюлот его отца. Это на скорую руку сшитое произведение искусства не обещало продержаться долго, кроме того, Дугу казалось, что девушки сделали костюм слишком тесным, пусть даже этого требовала мода.

Когда к дому подъезжали последние гости, швей наконец-то закончили возиться с одеждой, и вид в зеркале показался Дугу почти постыдным: какой-то денди в жилете на вате, в камзоле с короткими рукавами, огромными отворотами и фалдами, зашнурованными в талии. И к тому же все это броского не то ярко-красного, не то винного цвета.

— Теперь еще парик, баккра, — объявил слуга Элиаса.

Но тут Дуг уперся.

— У меня светлые волосы, Терри, мне не нужно искусственно белить их или придавать им седой цвет. Шевелюра у меня очень густая, лысины нет. Зачем сооружать это чудовищное украшение для волос? К тому же при такой жаре! Ради Бога, заплети мне косу, Терри, я уверен, что ты сможешь сделать это лучше, чем я! Я буду находиться в обществе в том виде, в каком меня создал Бог. Тогда, по крайней мере, меня будут узнавать люди, если завтра встретят на улице. Нет, я не буду пудрить волосы и тем более лицо! Какая глупость — красить себя в мертвенно-бледный цвет. Я же не привидение!

Терри выглядел озабоченным: определенно, хозяин будет его ругать. Однако Дуг уже рвался к гостям, ему было любопытно, узнает ли он кого-нибудь.

Он вышел как раз вовремя для того, чтобы застать выход Элиаса и Норы Фортнэм. Гости собрались в фойе, примыкавшем к залу для балов и столовой, и танцмейстер только что провозгласил появление хозяев дома.

— Дамы и господа, — мистер и миссис Фортнэм!

Элиас, в светлых брюках до колен и камзоле светло-голубого шелка, в прекрасно ухоженном парике, с треуголкой в руке, шел вниз по лестнице, держа под руку изящную женщину, которая, несмотря на огромные юбки с кринолином, передвигалась очень уверенно. Поверх светло-зеленых юбок на ней было открытое спереди платье, белое, с мелкими и крупными цветами. Рукава свисали вниз, как крылья. Из-под них выглядывали кружева нижнего платья. Ее талия была очень узкой, а вырез позволял догадаться о наличии маленьких упругих грудей. А лицо... У Дуга

перехватило дыхание, когда он взглянул на слегка припудренное худощавое лицо, которое сегодня уже видел. И волосы цвета янтаря... Тогда они просто обрамляли это лицо, а теперь были сложно заплетены, украшены цветами и падали на спину женщины. Дуг не знал, когда она показалась ему более совершенной — там, возле моря, или сейчас, в праздничном блеске.

Нора Фортнэм улыбалась своим гостям. Молодая женщина с побережья... У Дуга было такое чувство, что все закружилось вокруг него. Но ему нужно было взять себя в руки, прежде чем выйти навстречу своей мачехе. Он малодушно искал пути к бегству и в то же время не мог оторвать глаз от Норы. Ее юбки мягко колыхались вокруг щиколоток, в то время как она, под руку с Элиасом, будто в танце, переходила от одного гостя к другому. До сих пор молодой человек воспринимал подобные плавные движения, как нарочитые и неестественные. Он не понимал, что эротичного его приятели находят в том, что женские ножки лишь на мгновение становятся видимыми. Он, с гораздо большим удовольствием, пялился на крестьянских девушек, которые босыми ногами в простеньких юбках храбро шагали по жизни. Но сейчас тонкая игра Норы своими прелестями зачаровала его. Он надеялся, что его потрясение было не слишком заметным для окружающих. Элиас с женой подошли к нему.

— Нора, я уже сообщал тебе о нашем... хм... неожиданном госте, — сухо произнес отец. — Моя супруга Нора, Дуг. Нора, Дуглас Фортнэм, мой сын.

Нора посмотрела на Дуга и улыбнулась ему. И он увидел, что ее глаза были зелеными. Удивительного, ошеломляюще-насыщенного зеленого цвета. Или же это были сотни оттенков зеленого? В глазах Норы отражалась зелень ямайских джунглей, и тепло, которое они излучали при виде Дугласа, было искренним.

— Как вас зовут? Дуг? Добро пожаловать домой!

Глава 3

— Вы должны рассказать мне все о ваших путешествиях! — весело потребовала Нора, когда Дуг провел ее к столу.

Она быстро поменяла порядок размещения гостей за столом, когда услышала о прибытии своего пасынка, и посадила Дуга между собой и своим супругом в качестве главы стола. Молодой человек преодолел длительное путешествие по морю, затем поездку верхом от Кингстона. Наверное, он устал. И никого из присутствующих, скорее всего не знал, — самое большее, что он мог вспомнить, так это фамилии некоторых гостей. Конечно, у него сейчас было мало желания развлекать беседой соседку по столу, которая, возможно, не придумает ничего лучше, чем с игривыми намеками представлять ему свою дочку.

— Вы были в Италии и Испании, правда? Там, должно быть, очень красивое побережье и тоже тепло? Или нет? Там так же, как у нас? Но ведь сахарный тростник там не растет? — Нора казалась действительно заинтересованной.

Дуг улыбнулся ей, сжимая ее маленькую теплую руку в своей, и глядя в ее живое внимательное лицо. Он редко чувствовал себя так хорошо, и, тем не менее, ему было беспокойно.

— Не так, как здесь, — ответил он затем. — В Старом Свете все не так, как здесь. Однако в остальном вы правы: страны Средиземноморья тоже имеют свои привлекательные стороны. А вместо сахарного тростника там сажают виноград. Я почему-то думаю, что вы предпочитаете виноградный сок спирту или водке из сахарного тростника? Или нет?

Он пододвинул ей стул и взял графин с вином, который стоял перед ними на столе. Нора подняла руку и почти незаметно покачала головой. Дуг понял этот жест. Он подождал, пока не подошел черный слуга и не обслужил их обоих.

— Я уже отвык от званых вечеров, — извинился он.

Нора улыбнулась.

— Вы опять привыкнете, — сказала она. — К удобствам привыкаешь быстрее, чем к их отсутствию. Мне поначалу тоже казалось странным, что здесь упреждают любой мой жест. Однако ешьте же — вы, должно быть, проголодались после поездки верхом и путешествия... не говоря уже о кулинарных неудобствах в дороге.

Дуг взял себе угощение с тарелки, которую держал перед ним слуга,

— там лежали раковые шейки. Ему приходилось сдерживаться, чтобы не слишком жадно бросаться на еду и, не дай Бог, не проглотить ее одним махом на матросский манер. Все было очень вкусно — поваренное искусство Адвеа не отставало от мастерства французских и итальянских поваров.

— Я еще хорошо помню солонину и корабельные сухари во время плавания, — продолжала Нора. Она видела, как голоден ее собеседник, и с готовностью развлекала и себя, и его. — Несмотря на то, что кок прилагал все усилия, чтобы еда не обладала вкусом солонины и сухарей.

Дуг на мгновение оторвался от закуски.

— Наш кок для нас так не старался, — заметил он. — Там разницу во вкусе составляла лишь разница в степени испорченности продуктов. Например, корабельные сухари были иногда больше, иногда меньше заплесневелыми.

Он все еще голодным взглядом искал слугу, но, чтобы не обращать на себя внимание, не стал наполнять тарелку еще раз. Наверное, после закусок будут еще три или даже четыре основных блюда.

— Действительно? — спросила Нора, наморщив лоб. — В таком случае я думаю, мы бы пожаловались. Я имею в виду, люди ведь платят за поездку по морю!

Она подала слуге еле заметный знак, после чего тот сразу же появился рядом с ней и добавил деликатесов в тарелку Дуга.

Тот по-мальчишески улыбнулся ей.

— Я путешествовал в качестве матроса, — признался он. — А в таком случае жаловаться не на что.

Нора уставилась на него широко открытыми глазами, в которых светилось недоверие.

— Вы смеетесь надо мной!

Она реагировала как дама, но вид у нее был как у ребенка, которому только что рассказали самую интересную в мире историю.

— Отнюдь, это правда. — Дуг быстро прожевал еще несколько кусочков. — Вы должны знать, что... из тех денег, которые мне ежемесячно выделял мой отец, я вряд ли смог бы что-то сэкономить для плавания в качестве пассажира. И, кроме того, — теперь уже его глаза заблестели, — во время такого долгого путешествия я умер бы со скуки. А так я был хоть чем-то занят. Но вы не рассказывайте об этом моему отцу — он возмутится.

— Хотя при этом сам несколько лет был моряком, — удивилась Нора. — Но, как бы там ни было, вы можете ответить мне на очень волнующий меня вопрос: как чувствуешь себя, когда спишь в гамаке?

Дуг редко развлекался так хорошо, как во время этого банкета, сидя рядом со своей молодой мачехой. Они оба уже не обращали внимания на Элиаса, который был достаточно занят тем, что развлекал даму, сидящую рядом. Леди Кинсли была, как известно, капризной особой и требовала внимания мужчин, сидевших по обе стороны от нее.

После еды Элиас вывел Нору на танец — они открывали бал менуэтом. Затем миссис Фортнэм танцевала еще с несколькими господами — как и раньше, в колониях ощущался недостаток дам. Но восторг от танца у всех гостей быстро улегся, потому что в этот рождественский вечер было очень жарко и ни у кого не обнаружилось желаний двигаться больше, чем необходимо. Несколько молодых людей все же исполнили пару-тройку модных парных танцев, которым, вероятно, научились у преподавателя. При этом от Дуга не укрылось, что девушки незаметно посматривают на него. В этот вечер, однако, они не предпринимали никаких атак, так же, как и их матери, — удивление от неожиданного возвращения домой сына Фортнэма было, вероятно, слишком большим.

Итак, танцы довольно быстро прекратились. Гости наслаждались музыкой маленького оркестра только в качестве фона для своих бесед. Дамам подали кофе, чай и какао, и у Дуга от запаха напитков, сдобренных перцем и другими пряностями, просто слюнки потекли. Как давно он не пил ничего подобного! Однако, естественно, молодой человек не мог присоединиться к кругу дам и вместо этого последовал за своим отцом и другими мужчинами, которые удалились в кабинет хозяина дома, дабы насладиться сигарами и выпивкой. Дуг отказался от крепких напитков и выбрал себе пунш из рома. Он был физически уставшим, а крепкое спиртное только ухудшило бы его состояние. Дуглас равнодушно прислушивался к беседе мужчин, которая сначала вертелась вокруг торговых сделок, — старательным представителям плантаторов в Лондоне удалось поднять цены на тростниковый сахар, — а затем перешла к теме, касающейся маронов.

Дуг прислушался.

— Женщина? Ах, перестаньте! — Лорд Холлистер со смехом комментировал рассказ одного из плантаторов, живущего в центральной части острова. — Женщина командует набегами?

— Эта женщина — из племени ашанти, — заметил Элиас, как будто бы этим все объяснялось. — И она, как говорят, сама раньше в Африке торговала рабами.

— Так делают все ашанти, — презрительно сказал Кинсли. — По крайней мере, так говорят. Ашанти там, на Золотом побережье, являются

кем-то вроде шеф-ниггеров. Но участвовала ли в этом деле эта Грэнни Нэнни? ^[7] Ей должно быть сейчас лет сорок — когда ее привезли сюда, она была почти ребенком. Если так, то, скорее всего, рабами торговали ее братья, хотя они тогда были тоже очень молодыми... причем... да все равно. В любом случае они все сбежали, как только попали сюда, и сразу скрылись в горах. Это очень крепкий народ, надо отдать им должное. И с тех пор они пускают нам кровь. В первую очередь этот Кудойе, но в целом они все крепко сидят в седле. В буквальном смысле слова — люди уже видели, как эта женщина скачет верхом.

Дуг попытался что-то понять в этой истории, но, располагая лишь обрывками разговора, это было нелегко. В конце концов, он задал свой вопрос.

— Она называет себя Нэнни, а в последнее время Королева Нэнни, — с готовностью объяснил плантатор из центральной части острова. — Для людей из племени ашанти она слишком невысокого роста, но очень крепкая. Ее саму поймали вместе с братьями на Берегу Слоновой Кости и доставили на ферму на северном побережье. Там ребята провели пару лет. Так что они не сразу убежали, как говорит Кинсли. Но затем что-то там произошло, и они исчезли — мерзкое дело. Год спустя при нападении на ферму они убили целую семью плантаторов. Ферму они сожгли, чем, в принципе, все уже сказано о так называемых маронах из Виндворда. Братья и девушка — при этом она сыграла очень важную роль, заставив всех этих мерзких парней держаться заодно, — собрали всех маронов в горах и подчинили себе уже имевшиеся группировки. Говорят, что у них наверху в горах Блу-Маунтинс есть целые города, и они распределили территорию между собой. Нэнни сидит в Портланд-Пэрише, или, как они сейчас его называют, в Нэн-ни-Тауне, с братом по имени Квао. А тот, второй, со странным именем...

— Аккомпонг, — помог ему Кинсли.

— .. находится на юго-западе. А Кудойе, самый большой мерзавец, торчит в селении под названием Сент-Джеймс-Пэриш. Оттуда, сверху, они и действуют — нападения, убийства, грабежи. Грэнни Нэнни, кажется, особенно любит полевых ниггеров, она освободила уже восемьсот рабов.

Дуг удивился.

— Но если всем так доподлинно известно, где они находятся, почему их не выкурят оттуда? — спросил он больше из интереса, чем из любви к воинственным предприятиям. Будучи ребенком, он воспринимал жизнь маронов как нечто романтическое, но знал, что его отец, как и другие плантаторы, беспощадно воевал с ними там, где только удавалось

добраться до них.

— Сначала надо суметь, а потом смеяться! — ответил плантатор с севера. — Ну да вы не можете этого знать, вас тут долго не было. Хотя многое тут совсем не изменилось за последние годы. Джунгли во внутренней части острова очень густы, горы недоступны. Каждая вылазка опасна, тем более что эти парни знают эту область, как карман своей жилетки. Кроме того, они очень хитры. Этот город, Нэнни-Таун... О да, все знают, где он находится! На реке Стоуни-Ривер, точнее говоря, в верхней части течения на горном перевале. И они сверху видят сразу же, если кто-то приближается к ним. Поселение практически неприступно.

— Значит, попытки уже были? — спросил Дуг.

Плантатор злобно рассмеялся.

— Еще бы, мальчик мой! Более чем несколько раз, то есть всегда, когда они особенно жестоко нападали на какую-то плантацию. Вы бы это видели — все, что не сгорело, плавало в крови! Но до сих пор все кончалось неудачей. Чаще всего люди просто не пробиваются к поселку. Пару патрулей мароны заманили в засаду и стерли в порошок.

Дуг посчитал это странным, но, казалось, на его острове действительно происходило что-то вроде войны. И когда-нибудь, наверное, с этим придется столкнуться. Причем он сам скорее бы попытался договориться с маронами, чем воевать с ними. Дальновидные белые всегда вели переговоры с беглыми рабами. Пытаться уничтожить их, было делом бесперспективным, мирное же сосуществование казалось намного разумнее. Хотя, конечно, изначально не стоило доводить черных до страшного гнева, чтобы среди них не появились такие, как Грэнни Нэнни, Аккомпонг, Квао и Кудойе.

Перед тем как он, наконец, смог упасть в свою постель, Дуг столкнулся еще с одним человеком, который напомнил ему о собственной проблеме, связанной с разгневанным рабом. Когда собрание в комнате для курения разошлось, и Нора Фортнэм тоже попрощалась с дамами, он встретил в коридоре перед жилыми помещениями своей семьи Маану. Она хотела убежать от него, но Дуг уже узнал ее.

Он сразу после банкета проскользнул в кухню, чтобы поздороваться с Адвеа, и, конечно же, повариха, всхлипывая, не только обняла его, словно вновь обретенного сына, но и поспешно рассказала ему все новости за последние четырнадцать лет, вернее, попыталась рассказать. Многие из ее рассказа Дуг не запомнил, понял лишь то, что ее дочь Маану служит новой хозяйке в качестве горничной. Адвеа гордилась этим, а Дуга не удивило повышение девушки в должности. Маану с детства была очень смышленной.

А теперь она выросла и стала еще и настоящей красавицей.

Дуг остановил ее.

— Маану! Не убегай же! Дай мне хотя бы посмотреть на тебя, если не хочешь говорить со мной! Ты... ты же знаешь, кто я?

Маану кивнула, но взгляд ее был сердитым.

— Конечно, баккра Дуг, о том, что вы вернулись, уже чирикают все воробьи на крышах. И, разумеется, я буду говорить с вами, если вы этого желаете.

Она сделала книксен.

Дуг потер висок. Такое же отношение, как и со стороны Аквази. Но все же Маану говорила правильными фразами.

— Маану, что с вами случилось? Я перед этим встретил Аквази. И он... ведет себя...

— А вы ожидали танца дружбы? — хмуро спросила Маану. — После того, что вы сделали?

Дугу захотелось схватить ее за плечи и потрясти.

— Я же ничего не сделал...

— Вот именно! — сердито сказала Маану. — А если вы сейчас хотите что-то сделать для Аквази, то оставьте его в покое! Ему и без того тяжело.

— Ну почему же он остался? — беспомощно спросил Дуг. — Я думал... то есть мы всегда думали, что он ушел к маронам. Почему он не сбежал?

Молодой человек вспомнил об изувеченной спине Аквази. Мальчик, которого он знал, не потерпел бы этого.

Маану сердито взглянула на него.

— Может быть, потому, что не хотел, чтобы ему ко всему прочему еще и отрубили ногу! Дело в том, что это очень распространенное наказание за бегство, баккра Дуглас! Если, конечно, плантаторы поймают беглого раба, а они их ловят почти всегда. Черт возьми, можно подумать, что ты все еще глупый ребенок, которого когда-то отослали подальше отсюда!

Маану повернулась на каблуках и действительно убежала от него — при этом она чуть не наткнулась на Нору, которая стояла на площадке лестницы и слушала их разговор. Но все обошлось: Нора спряталась за колонну, а Маану не смотрела ни налево, ни направо, когда мчалась вниз. Ей нужно было принести воду — праздник закончился, а ей предстояло раздевать свою хозяйку и готовить ей постель.

Нора уже сидела за своим столом для причесывания, когда Маану вошла в комнату. И снова хозяйка и служанка вынуждены были прятать друг от друга свое волнение, пока Маану распускала Норе волосы и

наконец-то освобождала ее от корсета.

Молодая женщина подумала, что лучше прямо спросить у служанки или пасынка о разговоре, который она подслушала на лестнице. Конечно, можно было все оставить так, как есть, но ее разбирало любопытство. Маану и Дуг о чем-то спорили, но между ними чувствовалась какая-то близость друг к другу — слишком большая близость для хозяина и рабыни. И Аквази тоже был каким-то образом с этим связан — естественно, ведь они все выросли на кухне, под чутким руководством Адвеа. Нора видела, как сердечно здоровались повариха и Дуг: для него она, очевидно, была чем-то большим, чем просто нянькой. И Аквази тоже говорил по-английски так же хорошо, как Маану, — Нора уже давно задавала себе вопрос, почему Маану служит в доме, а Аквази послали работать на плантацию. Вообще-то это было не похоже на хозяев: смысленных детей рабов, которые родились на плантациях и говорили по-английски лучше, чем их родители, в большинстве случаев оставляли работать в качестве домашних слуг или посылали на конюшни. На поля отправляли мужчин и иногда женщин из Африки.

Однако затем произошло событие, которое на какое-то время отвлекло внимание Норы от ее пасынка и его отношений с рабами.

Прошло два дня после праздника, разъехались последние гости, и Дуг с Элиасом отправились верхом в Кингстон. Нора использовала отсутствие мужа, чтобы наконец-то побывать на пляже, а потом направилась на кухню, чтобы поговорить с Адвеа о порядке подачи блюд. Собственно говоря, это было излишним — она никогда не вмешивалась в работу поварихи, а, напротив, обычно предпочитала, чтобы вечернее меню было сюрпризом. Однако Адвеа, казалось, оценила ее внимание и старательно посвящала ее в секреты приготовления отдельных блюд, в то время как Нора рассеянно смотрела на сад и огород возле кухни. Они остановились на краю одной из грядок возле небольшой орхидеи. Снова и снова Нора открывала в саду чудеса, и этот маленький изящный цветок привел ее в восторг.

— Сорняк! — коротко сказала Адвеа, когда Нора спросила ее, что это такое, и хотела уже сорвать растение.

Нора помешала ей.

— Не вырывай! — строго сказала она. — Если ты не хочешь, чтобы он рос здесь, я пересажу его в свой огород. Но сначала я хочу знать, как называется этот цветок. Маану, ты можешь принести мне книгу сэра Слоана из павильона, пожалуйста?

Самой Норе идти туда не хотелось, потому что Адвеа была очень решительной в тех случаях, когда какой-то сорняк по ошибке выросал в ее

огороде, где сажали пряности и целебные растения.

Маану оторвалась от горшка, в котором что-то помешивала, и убрала его с плиты.

— Какую, миссис? — спросила она. — Ту, которая с животными, или ту, где рассказывать про старое время?

Как и раньше, она говорила на пиджин-инглиш, когда была не наедине с Норой.

— «Флора и фауна», — ответила Нора. — Я оставила ее в садовом домике.

И лишь когда Маану отправилась в путь, ей вспомнилось, что она действительно сидела в саду и читала там книгу об истории Ямайки. Девушка, скорее всего, принесет обе книги, они были не такими уж тяжелыми. Но затем, однако, появилась Маану... с нужной книгой.

— Значит, мне повезло, — сказала Нора облегченно, — или... ты умеешь читать?

Она никак не ожидала положительного ответа, скорее всего, это была случайность, или же Маану просто заглянула в книги и сравнила картинки. Но не успела она додумать свою мысль до конца, как Адвеа молнией метнулась и встала между ней и Маану.

— Она не уметь читать. Конечно, нет. Она — ниггер, глупый ниггер. Может только смотреть картинки. Ты только смотреть картинки, да, Китти?

Нора ошеломленно смотрела то на одну, то на другую. Адвеа никогда не называла свою дочку Китти, если рядом не было Элиаса. Но сейчас она выглядела напуганной и смущенной. Казалось, что с лица Маану тоже исчезла краска.

— Я только сравнивать картинки, — подтвердила она.

Нора кивнула. Но поверить этому она не могла. Обложки книг были почти одинаковыми, и на них не было картинок. Конечно, Маану могла открыть книги и сравнить иллюстрации внутри, однако для этого она слишком быстро вернулась назад. А зачем ей надо было прилагать столько усилий? Обе книги были тонкими, она могла бы взять их одним движением руки и принести с собой.

Но это было неподходящее время, чтобы говорить об этом, тем более что Адвеа выглядела очень взволнованной. Нора для начала удовлетворилась объяснением Маану и отодвинула выяснение этого вопроса на потом. Когда вечером при раздевании молодая женщина осталась наедине со своей служанкой, она протянула ей книгу о Барбадосе.

— Вот, Маану. Прочитай вслух. И я не хочу слышать никаких отговорок.

Маану опустила взгляд.

— Б... б а... бар... ррр... У меня не очень хорошо получается, миссис. Правда. Только несколько букв и слов. Аквази умеет очень хорошо, но я... я ведь была еще такой маленькой... — Эти слова вырвались у Маану сами собой, и Нора с испугом заметила, что девушка задрожала.

— Пожалуйста, пожалуйста, не выдавать меня баккра!

Она снова перешла на свой детский язык, в этот раз просто поддавшись панике. Нора никогда не видела ее такой испуганной с тех пор, как рабыня умоляла ее спасти жизнь Аквази.

— Но тут же нет ничего плохого, Маану! — успокаивающе сказала она. — Да, я знаю, плантаторы говорят, что рабы не должны учиться, чтобы вы не умели писать объявления и подстрекать остальных к бунту. Но это же глупости!

Хотя Элиас был согласен с этим убеждением рабовладельцев, сама Нора слишком хорошо знала обстановку в жилищах рабов, чтобы разделять его страхи. Откуда эти люди могли взять бумагу? Перья? Как они размножали бы плакаты, как печатали бы их, и как африканцы, которые едва могли сказать слово по-английски, поняли бы собратьев по несчастью? При этом устные новости распространялись среди рабов со скоростью ветра, даже с одной плантации на другую. Никому бы и в голову не пришла идея писать письма.

Нора видела подспудные причины строгих запретов совершенно в другом: если разрешить рабам учиться читать и писать, то пришлось бы признать, что у них есть разум. Они стали бы читать Библию, как и все христиане, а не удовлетворяться парой абзацев, которые предписывали им соглашаться со своим существованием в качестве рабов. Они потребовали бы, чтобы их крестили, и, значит, признали такими же людьми, как и их господа. И тогда никто не мог бы заявлять, что они едва ли отличаются от животных.

— Вы не скажете? Вы не предадите меня? Иначе этот... баккра пошлет меня на плантации, как... — Дрожь Маану не унималась.

— Как Аквази? — спросила Нора. — Да успокойся же ты, Маану, я этого никому не скажу. Но сейчас ты должна выложить мне все. Откуда у тебя эти знания и умения, у тебя и Аквази?

И какое это имеет отношение к молодому баккра? Я подслушала вас, Маану, когда вы спорили.

Та глубоко вздохнула. Ей понадобилось некоторое время для того, чтобы прийти в себя, но затем она с готовностью рассказала:

— Баккра Дуг и Аквази всегда были вместе. У мамы Адве и потом,

позже, когда у Дуга был домашний учитель. Тот особенно не заботился ни о чем, он считал всех ниггеров дураками, а Аквази всегда находил, чем заняться: он стоял над ним с опахалом или приносил освежающие напитки. И при этом, конечно, смотрел Дугу через плечо и видел, что тот делает. Позже, когда немножко подросла, я восхищалась мальчиками и бегала за ними, как собачонка. При этом я тоже кое-чему научилась, но, конечно, узнала не так много, как Аквази. Он же всегда был возле Дуга, когда тот выполнял домашнее задание. Аквази очень хорошо считал, а Дугу больше удавалось писать.

Нора могла себе это представить. Половину домашних заданий за Дуга выполнял его юный раб.

— Они очень сдружились, правда? — спросила она.

Маану кивнула.

— Они были друзьями, более того, они были словно братья, а затем, когда Дугу исполнилось десять лет, баккра подарил ему Аквази.

— Он... что? — с ужасом спросила Нора.

— Подарил, миссис. Аквази был ниггером Дуга, — подтвердила Маану.

— Но... но это же ужасно!

Нора потеряла виски. Это было невозможно представить: подарить на день рождения одному ребенку другого! Мальчик, который должен был стать владельцем своего друга!

— Но эти двое не считали происшедшее чем-то ужасным, — рассказывала дальше Маану. — Наоборот, они были в восторге. Теперь они словно стали настоящими братьями, сказали они, и отныне не должны разлучаться никогда. Теперь они все будут делать вместе... Они были очень счастливы.

— А затем поссорились? — предположила Нора.

Маану покачала головой.

— Нет, они никогда не ссорились. Но они потеряли осторожность. Как бы там ни было, баккра обнаружил, что Аквази умеет писать и читать. Я при этом не присутствовала, к счастью, я была больной, и мама Адве держала меня на кухне. Иначе баккра, возможно, покарал бы и меня тоже. Я точно не знаю, что там произошло, но Дуг затем очень скоро уехал в Англию. А Аквази... Сначала его посадили под замок и избили. Он сидел один, в темноте, без воды. Я еще помню, что он кричал и плакал всю ночь. Он звал Дуга, они вдвоем были неразделимы, они даже спали в одной комнате. Аквази умолял Дуга помочь ему...

Нора сжала губы.

— Но Дуг этого не сделал, — сказала она немного погодя.
Маану покачала головой.

— Он оставил Аквази в беде, — презрительно сказала она, — он предал его.

Глава 4

Разоблачения Маану наложили отпечаток на отношение Норы к своему пасынку, что сама она считала достойным сожаления. Дуглас в тот рождественский вечер показался ей очень симпатичным, она впервые действительно почувствовала интерес к разговору на таком празднике. А теперь стала сторониться его, когда он приглашал ее на совместные верховые прогулки или находил для нее редкие растения, названия которых, к удивлению мачехи, знал наизусть. При этом сначала Нора питала надежду, что в его лице, наконец, найдет себе союзника. Отношение Дуга к черным рабам однозначно отличалось от взглядов его отца, несмотря на то, что произошло тогда между ним и Аквази. Молодой человек в первую же неделю своего пребывания дома несколько раз поссорился с Элиасом — например, когда хозяин послал своих рабов на плантацию на следующий день после Рождества.

— Один-единственный день? Ты даешь им один-единственный день для празднования самого великого христианского праздника? Неудивительно, что они так неохотно идут на богослужение и больше практикуют верования обеа! А у домашних рабов вообще не было выходного!

Элиас, однако, остался неумолим. Рассада, как заявил он, должна быть обязательно высажена в землю. Как будто бы сохранение плантации зависело от того, что растения, которым для созревания все равно нужно расти целых два года, будут высажены в землю именно в этот день.

Дуг воспринял это, задыхаясь от возмущения, а Нора просто сдалась. Она все равно не верила в успех этого вмешательства, однако ее заинтересовало упоминание слова «обеа», которое она впервые услышала из уст белого человека. А вообще в ее присутствии это слово в первый раз было произнесено на плантации и, если ее не подводила память, в связи с медицинской помощью. С тех пор как она взяла на себя уход за больными рабами, ей показалось, что Маану и другие слуги очень тщательно следили за тем, чтобы не упоминать словосочетание «человек-обеа». Нора не знала почему, но до сих пор у нее не было подходящей возможности спросить об этом. И с Дугласом она не говорила на эту тему, как вообще старалась не говорить с ним о рабстве. А поскольку вряд ли можно было говорить о чем-то, что происходит на Ямайке, не упоминая свободных или порабощенных чернокожих, то их разговоры с Дугом — по крайней мере, поначалу —

оставались довольно поверхностными.

Но наблюдать за пасынком Норе никто не запрещал, и вскоре ей стало, почти жаль его. Было заметно, что юноше очень трудно снова привыкнуть к плантации. Казалось, для молодого хозяина тут нет подходящего занятия. При этом Дуг был готов взять на себя любое задание, лишь бы Элиас доверил ему его. Однако в настоящее время не было никакого спроса на знания Дуга в области торгового права. Сахарный тростник был срублен, сварен и продан, и лишь в следующем году предстояло ведение новых переговоров с купцами и владельцами кораблей. А для того, чтобы быть полезным на самой плантации, у Дугласа не хватало практического опыта. Нора снова и снова удивлялась, как много фактов относительно выращивания сахарного тростника и его переработки сохранил в памяти этот молодой мужчина, несмотря на многолетнее отсутствие. Но на практике ему было трудно правильно определить время для начала рубки тростника на одном или другом поле или принять решение о том, нужно ли менять парусину на крыльях ветряной мельницы сейчас или позже.

Однако Элиас даже не пытался помочь ему, а, наоборот, открыто насмеялся над сыном по поводу его общей непригодности.

— Слишком ленив для учебы и слишком глуп для того, чтобы стать плантатором! Наверное, нам все же придется купить тебе место в парламенте, чтобы с тебя была хоть какая-то польза!

Дуг переносил эти насмешки на удивление спокойно. Он послушно следовал за отцом во время его повседневных объездов плантации — поначалу, конечно, в надежде чему-то научиться. Однако же на самом деле эти поездки вели только к скандалам. Дуг мало знал о природе здешних ветров, он не мог разобраться, когда ветер слишком сильный или, наоборот, слишком слабый для того, чтобы привести в действие ветряную мельницу. Но ведь когда-то он сам гонял упряжку ослов вокруг жерновов для выдавливания масла из оливок и знал, что черный погонщик не виноват в том, что во время обеденной жары животные становятся непослушными, а иногда даже могут понести.

— Это все мухи. Они доводят животных до бешенства, — спокойно объяснил он, услышав, как Элиас изрыгает проклятия на двух черных мальчиков. Оба отчаянно и, увы, тщетно пытались сшить остатки упряжи, после того как ослы порвали ее, поломали забор и удрали в стойло.

— Их можно натереть листьями тыквы или привязать листья к их упряжи, а можно приготовить мазь из масла эвкалипта, уксуса и кипяченых листьев чая. Но лучше всего в обеденное время просто держать ослов в стойле.

Естественно, Элиас отреагировал на этот совет новым припадком ярости, теперь уже направленным на своего сына. Обеденный перерыв продолжительностью в несколько часов для людей и животных предусмотрен не был. Элиас настоял на том, чтобы рабы снова запрягли ослов и погнали их по кругу в этот раскаленный, как печка, и к тому же полностью безветренный день. Порванную упряжь рабам придется ремонтировать вечером, и, кроме того, хозяин объявил им наказание — по пять ударов палок каждому.

Дуг молча вытерпел все упреки, хотя был обозлен и ошеломлен непониманием со стороны своего отца. И вынужден был заставить себя удержаться от жалоб Норе, чье заступничество за рабов давно уже бросилось ему в глаза. Действительно, молодая жена отца все больше и больше нравилась ему: к неоспоримой телесной притягательности Норы добавился ее детский восторг по поводу природы острова и ее человечность по отношению к рабам. Ее медицинские познания также импонировали ему, и он частенько наблюдал за тем, как она принимает больных. Однако и эта сторона его жизни дома стала своего рода зажигательной смесью.

Маану и, что удивительно, также Аквази, который постоянно находил себе какое-то занятие вблизи женщин, и при этом часто опаздывал на работу, сердито посматривали на него, когда он заглядывал Норе через плечо, в то время как надсмотрщики старались призвать Дуга в качестве свидетеля, утверждая, что тот или иной чернокожий совсем не такой больной, как утверждает миссис. Дуг постоянно принимал сторону Норы, что, впрочем, не вызывало у нее никакого встречного движения, зато уж точно не усилило любви к нему со стороны надсмотрщиков.

Вскоре Фортнэм-младший заметил, что Нора также не проявляет симпатий ни к Трумэну, ни к Мак-Аллистеру, ни... к своему супругу. Как и раньше, он спрашивал себя, почему такая красивая и богатая девушка решила выйти за старого плантатора из-за океана. Любовь явно не была тому причиной. Дуг ясно видел отвращение, а иногда даже нечто подобное ненависти в ее взгляде, когда муж якобы случайно вынуждал ее присутствовать при наказании рабов. После этого между супругами почти всегда происходили ужасные сцены, потому что Нора настаивала на том, чтобы немедленно перевязать раны мужчин, а иногда даже женщин. Перед слугами Элиас железно владел собой, но за ужином осыпал Нору упреками. Она воспринимала их спокойно и продолжала делать то, что считала нужным.

Нора притягивала Дуга, но была для него книгой за семью печатями,

упорно отказываясь открыться. Любой личный разговор и большинство совместных мероприятий она отклоняла. Дуг не понимал этого, но и не старался форсировать события. В конце концов, если бы они вскоре слишком сблизились, это привело бы только к осложнениям, а осложнения — это было последнее, что ему сейчас было нужно.

Нора, со своей стороны, воспринимала жизнь под одной крышей с сыном Элиаса, как танец на вулкане. Она по собственному опыту знала, как быстро взрывается старший Фортнэм, когда что-то происходит не по его воле, а теперь он без сомнения находился на пороге мощного взрыва ярости по отношению к своему «беспутному» сыну. При этом сама Нора признавала предложения, которые молодой человек иногда высказывал за трапезой, вполне разумными. Например, не выливать сок из сахарного тростника в бочки, а потом с большим трудом возить их на установку для варки, а направлять его туда по деревянным желобам прямо из мельницы.

— Для того чтобы построить это, понадобится не больше недели, а потом все будет происходить быстро, существенно экономя рабочую силу.

— И в этом снова заключается вопрос, да? — насмешливо заявил Элиас. — Речь идет о защите твоих любимых негров, лишь бы они только не перетрудились! Тебе больше всего хочется запаковать их в вату, как Нора пакует своих пациентов. Но она, по крайней мере, делает это с пользой, потому что стало меньше больных и меньше пропусков работы, с тех пор как она взяла это дело в свои руки. В этом с нее надо брать пример. А вот ты...

Нора при таких тирадах могла только опускать голову и усиленно заниматься своей едой. Ей была ненавистна тлеющая вражда между отцом и сыном, ей стали противны совместные обеды и ужины, которые раньше она просто равнодушно пропускала мимо себя. И она презирала себя за то, что не поддерживает Дуга. Хотя, конечно, это не помогло бы. Наоборот, Элиас разозлился бы еще сильнее и стал бы ругать Нору, называя ее подругой рабов. При этом она оправдывала свою помощь чернокожим все тем же аргументом дочери купца, как Элиас часто называл ее не то с гордостью, не то с иронией: если улучшилось медицинское обслуживание, то стало меньше смертей среди рабов, и не нужно было снова и снова покупать их за большие деньги.

Однако Дугласу не удавалось аргументировать свои идеи столь же умело. Упрямство отца приводило его в ярость, но заставляло скорее замолчать, чем повысить голос. При этом Дуг был весьма умелым оратором, а изучение права должно было подготовить его к диспутам. Однако отцу ничего не стоило тремя словами запугать молодого человека.

В результате ситуация накалилась, и однажды произошел скандал как раз перед собравшимися на плантации надсмотрщиками.

Элиас купил новых рабов, и теперь все оживленно и многословно дискутировали о том, насколько глупыми и ленивыми являются африканцы и как с ними надо поступать, чтобы поддерживать привычную эффективность работы до следующего урожая. При этом Дуг снова пришел в отчаяние от упорства шотландцев и своего отца.

— Как же эти парни смогут работать правильно и быстро, если они даже не понимают, о чем идет речь? — в конце концов, спросил он. — Ведь они до сих пор не знают ничего, кроме слов «да, баккра», — и то произносят их только тогда, когда их бьют плетью. Возможно, они не имеют ни малейшего понятия, что им стоило бы отвечать наоборот — «нет, баккра» — на заявление «ты глупый, вонючий ленивый ниггер, ты что, оглох?» Эту фразу, мистер Трумэн, я вчера слышал от вас раз двадцать, и раб тоже, просто он этих слов не понимает.

Пару надзирателей засмеялись, но Трумэн злобно оскалился, и Элиас тоже не захотел понять своего сына.

— Тогда попробуй сам, ты, маленький умный засранец, если ты лучше знаешь, как надо делать! — заорал он Дугласу в лицо.

— Дайте ему плетку, Мак-Нил, и выделите ему целый взвод негров. А завтра посмотрим, сколько саженцев они высадят в землю!

Дуг в этот вечер на ужин не явился, но Элиас, пребывая в состоянии между яростью и весельем, рассказал Норе о том, как унизил его.

Та впервые решилась возразить.

— Было ли это разумно, Элиас? Я думала, что мы, члены семьи, не будем ссориться в присутствии надзирателей. Они же... Боже, не мне тебе говорить, что большинство надзирателей — это тупые злобные парни, которые используют любую слабость. В том числе и слабость баккра.

Элиас отмахнулся от нее.

— Пусть даже так, но мальчика надо было поставить на место. Они чуть-чуть повеселятся над ним, а затем...

— Они никогда больше не будут воспринимать его всерьез. — Нора считала, что дает мужу повод для раздумий.

Элиас фыркнул.

— Когда сын унаследует плантацию, — сказал он затем, — то может уволить их всех, а негры пусть делают, что хотят. Однако пока плантация принадлежит мне, он будет делать то, что хочу я.

На следующее утро Дуг действительно стал всеобщим посмешищем, когда нагнулся и лично посадил саженец в землю. При этом он простыми

словами, как можно доступнее объяснил, насколько глубоко нужно сажать побег, и показал, что вокруг надо насыпать землю и придавливать ее. Новые рабы с интересом наблюдали за ним и, видимо, впервые поняли, чего от них вообще хотят. А надзиратели не могли насмеяться над Дугом, и даже опытные рабы улыбались.

В конце концов, Тоби, один из «стариков», занял сторону своего хозяина.

— Это не правильно, баккра. Не вырастет, стебель слишком коротко обрезан. Один узел не достаточно, должно оставаться два или три, а еще лучше четыре узла. И не сажать так близко друг от друга.

Дуг, покраснев, выпрямился, и Тоби испуганно отпрянул назад, глянув на него.

Но тот заставил себя улыбнуться.

— Спасибо, Тоби! — сказал он затем. — Неужели ты не мог сказать мне это сразу? Сейчас нам придется научить новых людей, что даже их баккра может делать ошибки.

Тоби пожевал свою мясистую губу, пока Дуг снова набирался духу.

— Лучше всего, если ты сам сейчас это сделаешь, Тоби. Сам ты сегодня не будешь сажать новые саженцы. Просто смотри, чтоб остальные делали это правильно, и, если придется, хоть десять раз покажи, но научи их, как нужно это делать.

Дуг стремился сохранить достоинство, а в это время Тоби старательно показывал новым людям, как следует высаживать тростник. К концу дня его группа действительно овладела принципом посадки, новые рабы работали почти так же быстро, как остальные, и, кроме того, даже научились считать по-английски до четырех.

Однако Элиас Фортнэм возмутился, когда услышал об этой истории, и тут же отстранил Дуга от его новой должности. Нора, которая по обыкновению молча вынесла его приступ ярости, встретила пасынка на следующий день после обеда в саду.

Она коротко поприветствовала его и хотела идти своей дорогой, но он последовал за ней. У Дуга был вид потерявшего мужество и почти отчаявшегося человека.

— Нора, неужели вы не можете просто сказать мне, что плохого я вам сделал? Неужели мой отец ревнует и запретил вам встречаться со мной? Почему вы не говорите со мной? Я думал, что могу составить вам компанию, поскольку мне все равно делать больше нечего, однако...

— Неужели он вас действительно выгнал? — спросила Нора. — Я думала, что он успокоился. Ведь вы имели чрезвычайный успех. Рабы

говорят, что ваша команда была вчера самой лучшей среди новых.

Дуг пожал плечами.

— Получается, что здесь главную роль играет не результат, а зверская дисциплина, что я считаю неправильным. Из страха перед плетью мужчины работают не лучше. Наоборот. Они пытаются увильнуть от работы, как только могут. А если видят хотя бы малейший шанс, то стараются сбежать.

Нора кивнула, хотя была несогласна с этим. Но последние слова Дуга совпали с ее мыслями, которые не давали ей спать по ночам. Она не могла иначе, она была вынуждена расспрашивать дальше.

— Вы что-нибудь знаете о людях Холлистеров? — спросила она. — Их поймали?

С соседней плантации за два дня до этого сбежали двое чернокожих. Мужчина и женщина. Нора знала их. Она помогала женщине прийти в себя после недавнего «выкидыша» и знала, что эти люди живут вместе. Теперь они решились совершить побег — вероятно, потому, что женщина опять забеременела. Норе не хотелось даже думать о последствиях этого побега.

— Пока нет, — сказал Дуг. — Но это лишь вопрос времени. Преследователи теперь одолжили собак у Кинсли, и, наверное, те возьмут след. Вот тут я сегодня «мог бы оказаться полезным», как выразился мой отец. Они как раз ищут людей для охоты.

— Но вы не захотели? — спросила Нора.

Дуг покачал головой.

— Именно вот этого не хочу. Вообще-то самого себя мне не жалко. Однако такое...

— Я бы хотела, чтобы у нас не было рабов! — вырвалось у Норы. У нее в глазах стояли слезы. — Почему мы не можем нанять белых рабочих, заплатить им — как в Европе? Вы говорили, что сами трудились на виноградниках?

Дуг кивнул и провел мачеху к ее любимому месту в павильоне.

— А теперь успокойтесь, Нора. Успокойся. Мы являемся близкими родственниками, Нора, и я... Я думаю, мы хорошо понимаем друг друга. Мы не должны обращаться друг к другу на «вы».

— Хоть на «ты», хоть на «вы» — мы не должны держать рабов. Это не по-христиански!

Норе хотелось знать, как сын Элиаса и, в конце концов, наследник плантации относится к этому вопросу.

Дуг вздохнул.

— Никто сюда не приедет, — сказал он затем. — Из Европы, я имею в

виду. Рабочие. Попытки уже были, вначале. Наверное, ты слышала о так называемых «рабах за плату». На эту наживку клюнули пару шотландцев и ирландцев, которые были в таком отчаянном положении, что сделали бы все на свете за клочок земли.

Нора кивнула и стала искать свой носовой платок. Ее глаза наполнились слезами и по другой причине. Она подумала о Саймоне и его зарождающейся надежде, когда Мак-Эрроу, он же свежееиспеченный лорд Феннилох, рассказывал об этом.

— Но система себя не оправдала, — продолжал Дуг. — И не только потому, что плантаторы не хотели отдавать свою землю. Не менее важно было и то, что почти никто из белых рабов не смог выдержать эти пять лет на плантациях. Не говоря уже о семи годах. Белые люди в таком климате просто не могут работать. Они мрут, как мухи.

— Но черные тоже живут не очень долго! — твердо сказала Нора.

Дуг опять вздохнул.

— Да, это так. Но это можно было бы изменить. Например, хотя бы не заставляя их работать до упаду каждый день. Но все же по сравнению с белыми у них лучшая исходная позиция. Они крепкие, они привыкли к такому климату с детства. Их кожа не обгорает под солнцем...

— Но мы могли бы им платить! — не сдавалась Нора. — Может быть, они потом добровольно приезжали бы сюда из Африки!

Дуг рассмеялся.

— Вот в это я не верю. Я также не верю, что они в Африке нанимались бы друг к другу на работу за деньги. Принцип рабовладения ни в коем случае не чужд чернокожим. Наоборот, в Африке целые народы живут за счет торговли рабами. Поэтому белым людям не надо совершать набег, чтобы угонять себе рабочую силу, — это делают сами же негры. Так что некоторые из них, которые сейчас стонут под плетью, сами раньше старательно охотились на людей, ловили их и продавали или же заставляли вкалывать на своих полях. Таким образом, они могут смириться со своим пленением, но только если бы мы не отнимали у них любую радость жизни! Однако как поступают мой отец и другие? Никаких браков, никакого открытого сожительства мужчины и женщины и, ради Бога, никаких семей! Никакого свободного времени, никаких праздников, никакой религии... А если рабы устраивают эти свои ритуалы обеа, или как там они называются, то это происходит ночью, когда баккра спит. Понятно, что днем они думают только о бегстве! Можно же было сделать все совершенно по-другому. Если бы они чувствовали себя на плантации хорошо, тогда... тогда, может быть, они добровольно оставались бы здесь.

Нора в этом сомневалась. Она сама никогда не смирилась бы с рабством. Однако концепция Дуга в любом случае была лучше, чем концепция его отца.

А затем в ней снова взяло верх любопытство.

— Что такое ритуалы обеа? — спросила она.

Дуг пожал плечами.

— Что-то вроде... вуду.

Нора наморщила лоб. Она уже слышала и встречала в книгах это слово, но не знала, каким содержанием оно наполнено.

— Люди собираются вместе и вызывают духов, — пояснил Дуг.

— Что-то вроде... черной мессы? — с ужасом спросила Нора.

Дуг засмеялся.

— В очень широком смысле слова. Но мне кажется, что они при этом совсем не исключают Бога-отца, Святого Духа и Иисуса Христа. В Африке они, очевидно, молятся многим богам и духам, так что одним богом больше или меньше — им все равно. В любом случае обряд обеа — это очень дикий спектакль.

— А ты хоть раз в нем участвовал? — с любопытством спросила Нора.

Ей самой стало страшно от такого кощунства, но, с другой стороны, мысль о заклинании духов магически притягивала ее.

Дуг кивнул, и при этом его лицо стало хмурым.

— Когда еще был ребенком... тайно... — наконец сказал он. Затем встал. — Нора, я, собственно, собирался тебя спросить, не хочешь ли ты поехать со мной на конную прогулку? Сегодня, наверное, несколько поздновато, но вот завтра, после того как ты полечишь рабов?.. У нас двоих ведь много свободного времени. — Он горько улыбнулся. Нора боролась с собой. — Естественно, только если ты... то есть, если ты действительно хочешь. Если ты в принципе ничего не имеешь против меня, почему бы нет...

Он вдруг показался ей очень молодым и уязвимым.

Нора кивнула.

— Я с удовольствием поеду с тобой, — решительно сказала она и подавила мысль о Маану.

Она не могла ставить принятие своих решений в зависимость от того, что думает по этому поводу ее служанка.

Глава 5

На следующей неделе Нора и Дуг много времени провели вместе. И, несмотря на то, что Маану постоянно кривила лицо, когда хозяйка просила заколоть ей волосы для прогулки на лошади или подготовить ее для поездки в Кингстон, Нора наслаждалась его обществом. Дуг был хорошим рассказчиком — этот дар передал ему отец. Ведь Элиас тоже сначала заинтересовал Нору своими историями о Ямайке. Но Дуг, очевидно, не преследовал никаких целей, кроме разве что одной — рассмешить Нору. Он охотно рассказывал о своих героических подвигах и грандиозных провалах, как во время учебы, так и во время путешествий, и развлекал ее красочными описаниями праздников и спектаклей, о которых послушная дочь купца хотя и слышала, но не могла себе представить.

— Нет, нет, он великолепен, этот карнавал в Венеции. Но он также немножко... декадентский, если можно так выразиться. Один костюмированный праздник следует за другим, все под защитой масок... И, как бы это сказать, там бывает очень... распутно. Разрешено все, люди делают, что хотят, словно не знают, с кем они там заигрывают, и поэтому чей-то супруг вряд ли сможет вызвать кого-то на дуэль. А иногда люди действительно не знают — вот я, например, в последнюю ночь очутился в объятиях изящной девушки, но когда она сняла маску... Пожалуйста, не заставляй меня рассказывать подробности.

Нора рассмеялась. Она не знала, действительно ли все те приключения, о которых рассказывал Дуг, случились с ним, или же он придумывал эти истории на ходу, но ей было все равно. В любом случае она давно уже не чувствовала себя такой молодой и раскованной, как во время болтовни и конных прогулок со своим пасынком. Особенно Нора наслаждалась последними — потому что, в отличие от папаши и конюхов, которые неуклюже сидели на своих мулах, сопровождая Нору во время конных прогулок, Дуг оказался умелым наездником. Он галопировал по побережью наперегонки с Норой и со смехом воспринимал тот факт, что арабская кобыла мачехи Аврора при этом обгоняла его испанского жеребца на несколько корпусов.

— А ведь он так старается! — с сожалением говорил Дуг, хлопая Амиго по шее, когда тот, наконец, догонял торжествующую победительницу. — Ну, тут ничего не поделаешь, мой друг, некоторые женщины просто слишком породисты для нас.

При этом он по-мальчишески подмигивал Норе, и той приходилось крепко держать себя в руках, чтобы не улыбнуться в ответ, а, напротив, как полагается, пристыженно опустить взгляд. Ей давно уже стало ясно, что Дуг заигрывает с ней, причем тот не сдерживался даже в обществе. Нора в конце концов упрекнула его за это, но Дуг сделал вид, будто не понимает, что она имеет в виду.

— А вы все делаете так! — парировал он и обвел рукой бальную залу Холлистеров, где в этот момент как раз танцевали менуэт, причем большинство пар не были женаты между собой. При этом женщины не оставляли попыток подразнить кавалеров, как бы нечаянно показывая им из-под платья щиколотки. Они улыбались, подмигивали, а некоторые из них ни на миг не выпускали из своей руки руку партнера по танцам. — Как ты перед этим улыбалась старому Кинсли... Я чуть не взревновал!

— Но, кроме тебя, слава Богу, никто никого не ревнует к старому лорду Кинсли, — фыркнула Нора. — Флирт в здешнем обществе является, чуть ли не единственным развлечением, и это делают как с женатыми, так и с холостяками, иначе не было бы повода для слухов и сплетен. Однако завтра каждая из этих леди снова окажется на своей плантации, и снова будет смертельно скучать. А вот ты живешь в одном доме со мной и сопровождаешь меня на конные прогулки. Тут не только кто-то там может разволноваться — речь идет о совершенно определенном человеке!

Ее взгляд искал Элиаса, но тот уже удалился с другими мужчинами в комнату для курения. До сих пор он никак не комментировал тесные отношения между Норой и Дугом: ему, казалось, было все равно, чем они занимаются целыми днями. Но это может быстро измениться, если общество Кингстона начнет шептаться о Норе и ее пасынке. Молодая женщина давно поняла, что Элиас простит ей почти все, пока ее образ безукоризненной леди и благовоспитанной хозяйки его дома находится вне опасности.

Теперь Нора внушала себе, что ей и на этот раз не составит труда соответствовать ожиданиям своего супруга. Дуг частенько флиртовал с ней, но она не отвечала на комплименты и игривые шуточки. Конечно, ей нравился этот молодой человек, однако она никогда бы не влюбилась в него! Да и как бы она могла — ведь у него не было ничего общего с Саймоном, за исключением, пожалуй, таланта рассказывать истории, однако Саймон посвящал Нору в свои сокровенные мечты, тогда как пасынок лишь развлекал ее. И если бы она влюбилась в Дуга, то ей пришлось бы, конечно, забыть Саймона, а этого она сделать не могла. Наоборот, она все чаще думала о своем возлюбленном, когда видела

впереди стройную фигуру Дуга на коне или игру его мышц, когда он карабкался на скалы. И потом вечером она вспоминала о ласках, которыми обменивалась с Саймоном, о чувстве, которое испытывала, прижимаясь к нему и ощущая его объятия и поцелуи.

Поначалу она пыталась вызвать в себе эти чувства во время половых сношений с мужем, но с тех пор, как она поняла, что Элиас жадный человек, к тому же любящий поиздеваться над людьми, она перестала это делать. Это стало казаться чем-то вроде измены любимому, осквернением воспоминаний о днях и ночах с ним.

И вот теперь эта греза снова появилась, и к ней примешивалась сладкая тоска. Однако казалось, что это никак не было связано с Дугом. Это не могло быть связано с Дугом, ведь до сих пор она мечтала и тосковала только о Саймоне.

А молодой раб Аквази все так же мечтал о Норе. Еще больше, намного больше, с тех пор как Дуг Фортнэм снова появился здесь, и особенно с тех пор, как Нору и Дуга стали все чаще видеть вместе. При этом он испытывал не ревность, а скорее мрачное удовлетворение, оттого что подтвердилась его догадка: миссис не любит баккра, у нее нет ничего общего с Элиасом Фортнэмом. Она была с Дугом, а это означало, что точно так же она могла быть и с ним, с Аквази. Не было ничего, в чем Дуг превосходил бы Аквази, конечно, за исключением того, что он был сыном баккра, но об этом раб думать не хотел. Он с большим удовольствием думал о том, как часто в свое время побеждал тогдашнего друга. Он побеждал его в беге наперегонки, в борьбе и даже в умении считать. Не было ни одной дисциплины, в которой он не решился бы помериться силами с Дугом Фортнэмом. И молодой раб не понимал, почему Нора должна была предпочесть сына баккра ему, Аквази.

Конечно, не было никого, кому он мог бы доверить эти свои мысли. Однако он мог представить себе, что сказали бы по этому поводу мама Адве, Харди или Тоби. Нора белая, а он — черный, она хозяйка, а он — раб... Однако, вопреки разуму, Аквази верил, что любовь может преодолеть все эти преграды. И он желал Нору каждой клеточкой своего сердца. Если бы она чувствовала к нему хотя бы половину той любви, что испытывал он... И она почувствует, если хотя бы раз увидит в нем мужчину, сильного мужчину, который сможет защитить ее, бороться за нее, который сможет любить ее сильно и умело. Ей уже, наверно, давно надоело старое вялое тело баккра! А Дуг... Аквази ведь все равно лучше. Нора только должна... увидеть его, Аквази.

Однако Нора никогда не смотрела на него таким взглядом, о котором

он мечтал. Она дружелюбно смотрела как бы сквозь него, когда он приветствовал ее или они перебрасывались парой слов. Это надо было менять. Однако все его попытки показать себя в лучшем свете, проявить свое умение и ловкость проваливались. И однажды Аквази понял, что исчерпал все возможности привлечь внимание Норы без посторонней помощи. Его собственной привлекательности не хватало, ему нужно было пособничество духов.

Аквази задрожал уже от одной мысли о возможных последствиях — ведь белые люди могли поймать его, — но, в конце концов, решил, что любовь Норы стоит этого риска. Ночью он тайно выскользнул из своей хижины, пробрался к сараям, вздрагивая от каждого шороха, и как можно тише открыл дверь курятника. Куры спали на жердочках. Это сильно облегчало дело. С колотящимся сердцем Аквази схватил одну из куриц и засунул всполошившуюся птицу в мешок, принесенный с собой. Теперь ему придется прятать курицу до следующего дня, но это должно ему удастся. А затем он сможет обратиться к колдуну-обеа. Аквази облегченно вздохнул и отправился в свою хижину. Первый шаг был сделан — курица у него была.

А Маану мечтала об Аквази. Она всегда любила его, но сейчас, когда ее отношения с миссис охладели, она все больше тосковала о близости с ним. При этом она не понимала, почему он, наконец, не поцелует ее или ночью не постучится в дверь ее хижины. Они виделись каждый день, и он искал встречи с ней — в этом она была уверена. Иначе зачем бы он рисковал получить удар плетью, оставаясь с ней подолгу и помогая миссис готовиться к уходу за больными? Зачем он приходил в огород при кухне, когда миссис разговаривала с Адвеа? Почему он приносил Маану редкие цветы и целебные травы, чтобы миссис могла определить и высушить их? Маану не испытывала сомнений в том, что ухаживания Аквази адресовались именно ей. Но как бы часто она ни давала ему понять, что открыта для него, — он не обращал на это никакого внимания.

И тогда Маану начала думать, что с Аквази что-то не так. Может быть, в него вселился злой дух, который парализовал его мужскую силу или же ослеплял его, когда Маану улыбалась ему и проходила мимо, покачивая бедрами. По словам мамы Адве, такое вполне могло быть. Мужчину можно было заколдовать, причем за этим колдовством чаще всего стояла другая женщина.

«Но кто это может быть?» — в отчаянии спрашивала себя Маану.

Недавно мама Адве снова сказала ей, что Аквази, наверное, просто любит другую. Повариха была далеко не в восторге от желания дочери

взять себе в мужа раба с плантации. В качестве зятя ей больше по душе был бы один из конюхов или домашних слуг, и на этот союз, может быть, дал бы согласие сам баккра, и уж точно — миссис. До сих пор Элиас Фортнэм, правда, не женил между собой никого из своих рабов, однако положение его домашних слуг, как правило, было неплохим. Может быть, в этот раз он бы даже снизошел до того, чтобы подарить им совместную хижину и устроить маленький праздник. Адвеа мечтала о такой свадьбе для своей дочери, но в случае с Аквази это было безнадежно. Как бы Адвеа ни любила своего воспитанника, она не думала, что непокорного раба с плантации ожидает большое будущее. Его когда-нибудь или забьют до смерти, или продадут. Или же он уговорит Маану бежать, а к чему это приведет... Обоих рабов с плантации Холлистера поймали через неделю после их бегства, и лорд не отказал себе в удовольствии прилюдно наказывать их. Перед согнанными в кучу рабами — даже Фортнэм приказал своим рабам пойти туда, хотя его сын и миссис возмутились этим, — Холлистер приказал отрубить мужчине ногу, а женщину наказывать плетью. Мужчина выжил. Женщина же умерла через несколько дней, и вместе с ней — ее нерожденный ребенок.

— Мужчина может любить кого угодно, — неопределенно ответила Адвеа на вопрос своей дочери. У поварихи было совершенно дикое подозрение по поводу Аквази, но вслух она не высказала бы его никогда. Она ни за что не решилась бы сказать, что Аквази, наверное, околдовала миссис.

— Одно я знать точно: тебя, Маану, он не любит. Это видеть каждый, у кого есть глаза в голове. Забывать его, Маану. Есть много ниггеров на конюшне. Много красивых сильных ниггеров.

Адвеа постоянно твердила об этом, но Маану хотела только Аквази и никого другого. При этом она была абсолютно убеждена в том, что ему нужен был только толчок, чтобы полюбить ее. Может быть, какие-то чары, которые могли бы расколдовать его, если он действительно был заколдован другой женщиной. Маану уже не знала, к чему ей прибегнуть. Все, что она могла сделать, чтобы обратить на себя внимание Аквази, девушка уже сделала. Теперь ей нужна была помощь духов!

Однако для того, чтобы вызвать духов, ей нужно было преодолеть себя, ведь Адвеа всегда утверждала, что воровство — это самый тяжкий грех. Чего бы ни было у баккра на совести и как бы они ни обращались со своими рабами, их имущество было их собственностью, и обворовывать господ было нельзя. Конечно, никто из кухонных рабов не придерживался этого строго: время от времени какие-то мелочи уходили на сторону, слуги

таскали со стола лакомства, чтобы порадовать друзей или членов семьи. Однако по-крупному не воровал никто.

Поэтому у девушки совесть была очень беспокойной, когда ночью с мешком под мышкой она выскользнула из хижины матери. Но Маану решительно подавила в себе угрызения совести и отправилась к сараю. Дрожащими руками она раскрыла мешок и подозвала кур, которые послушно подошли к ней. Маану часто кормила их. Но сейчас она была здесь, чтобы совершить чудовищное преступление.

Маану украли курицу.

Глава 6

Колдун-обеа сидел перед своей хижинкой, когда Маану под прикрытием вечера пришла к нему. Как всегда, Квадро был занят: его крепкие черные руки что-то размешивали в горшке, в котором он обычно разогревал свиной смалец в качестве основы для какой-либо мази. Он мог совершенно открыто разжигать огонь, и ему не нужно было воровать ингредиенты для его целебных напитков. То, что он не собирал или не выращивал сам, ему с удовольствием предоставлял баккра. В конце концов, это официально приносило пользу его лошадям в конюшне — белые люди знали колдуна-обеа не как Квадро, а как Питера, кучера и главного конюха.

Однако среди равных себе, Квадро требовал, чтобы к нему обращались, называя его настоящим именем. Он был еще довольно молодым, когда его поймали на Берегу Слоновой Кости белые охотники за рабами — черные никогда бы не решились тронуть сына колдуна. Конечно, сам Квадро тогда был еще не очень могущественным. Его отец только начал посвящать сына в свои тайны, как это делал его собственный отец много-много лет назад. Члены семьи Квадро умели разговаривать с духами, и так было с начала всех времен, и сам Квадро был исполнен твердой решимости не порывать с этой традицией, даже пребывая в рабстве.

Очень скоро нашелся человек-обеа, который продолжил учить его. При этом Квадро поначалу был в недоумении, потому что на острове у духов были другие имена и многие из заклинаний отличались от тех, которым научил его отец. Однако корабль белых людей завез его, конечно, слишком далеко от той страны, где жило его племя. Вполне возможно, что духи не могли или не хотели последовать за ним на такое расстояние. Может быть, в каждой стране жили свои духи. Квадро в любом случае был готов признать это и после смерти своего учителя стал исполнять обязанности жреца-обеа для рабов на плантации Фортнэма. Он выслушивал жалобы людей, давал им советы и пытался выполнять функции лекаря, причем применительно к лошадям его врачебное искусство имело больше успеха, чем когда он лечил рабов. Квадро был рад, что миссис взяла на себя уход за людьми, — ему самому общение с духами было намного приятнее, чем изготовление целебных напитков и мазей.

Тем не менее, он не был готов легкомысленно проводить ритуалы, во время которых должен был вызывать духов. По опыту Квадро, при этом могло все пойти наперекосяк, и сейчас он спорил по этому поводу с

девушкой, которая положила перед ним мешок с возмущенно кудахчущей курицей и решительно потребовала проведения колдовского обряда.

— Духи должны сделать так, чтобы Аквази полюбил меня!

Маленькая домашняя рабыня говорила откровенно. Она знала, чего хочет.

— Это далеко не так просто, — произнес Квадво. — Насильно сделать такое невозможно.

— Ты требуешь курицу, но не даешь никаких гарантий? — рассерженно спросила Маану.

Квадво пожал плечами.

— Мы можем провести ритуал. Уже давно пора бы собраться вместе, чтобы обратиться к духам. А я вызову дуппи [\[8\]](#), который разделит твой голод. Он присоединится к тебе, и если тебе удастся после церемонии вызова духов устроить встречу с молодым человеком, то дуппи войдет в его тело. Молодой человек будет гореть от любви... по крайней мере, одну ночь.

— Только одну ночь? — разочарованно спросила Маану. Ради этого ей не стоило идти на риск и воровать курицу. Бутылка дешевого рома из сахарного тростника, вероятно, дала бы такой же результат.

— Я хочу, чтобы он любил меня вечно — душой и телом.

Квадво покачал головой.

— Этого я обещать не могу, девочка. Я могу только заставить дух, жаждущий любви, поселиться в теле твоего друга и удовлетворить тебя. Но будет ли он жить там постоянно, или же душа этого мужчины сама возгорится от любви к тебе, после того как его тело познает твое, — это знают только боги.

Маану вздохнула. Это все звучало не слишком многообещающе. Но, с другой стороны, это было именно то, чего она хотела: Аквази обратит на нее внимание и хотя бы раз познает ее любовь. А она сделает все, чтобы он никогда не забыл ее. Маану сможет это сделать, у нее должно все получиться!

— Ну, хорошо, — согласилась она. — Когда мы сможем это сделать?

Квадво улыбнулся.

— В субботу. Баккра в субботу и воскресенье будет в Кингстоне. Правда, миссис остается здесь: там будет исключительно мужское общество.

Квадво чаще всего довольно точно знал, что планируют господа. В качестве конюха он слышал очень много, а исполняя обязанности кучера, узнавал еще больше. Важно было то, что колдун-обеа понимал и говорил

по-английски так же хорошо, как Маану и Аквази. Причем он еще тщательнее скрывал свои знания от белых людей. Где он выучил язык, оставалось его тайной, а многим из рабов это внушало просто священный трепет. Однако для Маану это было не слишком сложной загадкой. Квадро попал сюда из Африки еще ребенком, возможно, он вырос в доме своего первого хозяина, а в те времена, когда на Ямайке было намного меньше рабов, плантаторы вели себя далеко не так строго. По воскресеньям колдун-обеа буквально ловил каждое слово христианского священника. Он преданно слушал, когда преподобный читал Библию, и принадлежал к числу тех немногих рабов, которые даже после богослужения сидели у ног пастора и задавали ему вопросы. Никому и никогда не пришло бы в голову, что истово верующий Питер проводил по ночам ритуалы обеа. Но Маану спрашивала себя, была ли его деятельность голым расчетом, или же его действительно это интересовало? Квадро подтвердил бы последнее: все, что касалось богов и духов, было для него очень важным, но при этом Бог-Отец и Иисус Христос, казалось, были для него самыми могущественными духами.

— Миссис — это не проблема, — сказала Маану. — Она не шпионит за нами и не выдаст нас. Зато молодой баккра...

— Он будет сопровождать своего отца, — сказал Квадро. — Они снова будут только спорить, но баккра не может не взять его с собой, иначе у людей возникнут вопросы. Дело в том, что на этом мужском собрании речь пойдет о маронах. Они снова планируют выкурить из гнезда Королеву Нэнни. А для этого им нужен каждый мужчина.

— Они никогда не поймают ее, — улыбнулась Маану. — Ну, хорошо, в субботу. Я скажу слугам в доме.

Через некоторое время после того, как ушла Маану, к хижине колдуна подошел Аквази. Было уже поздно, большинство рабов отдыхали в своих хижинах, но Аквази нужно было использовать прикрытие темноты, чтобы забрать мешок с курицей из своего тайника. На счастье, та была еще живой.

— Великий колдун-обеа, повелитель духов, я хочу, чтобы ты провел для меня ритуал, — почтительно попросил Аквази.

Квадро недовольно скривился.

— Никто не является повелителем духов, — ответил он, — но я могу вызвать их для тебя, если ты принесешь жертвенное животное. Может быть, ты раскроешь предо мной свое желание?

Аквази поспешно кивнул.

— Я воспылал любовью к женщине, — сказал он. — Но она словно

слепая, она, кажется, не видит меня. Я хочу убрать эту пореграду. Я хочу, чтобы она полюбила меня.

Квадво еле удержался от ехидной улыбки.

— Это не так просто, — попытался остудить он и этого клиента. — Силой я не могу никого заставить. Но я вызову духа-дуппи, которым движет вожделение. Он присоединится к тебе, и, если тебе удастся после церемонии устроить встречу с этой женщиной, он вселится в ее тело. Тогда она будет гореть от любви... по крайней мере, одну ночь.

Аквази кивнул.

— Этого достаточно, — сказал он. — Если она хотя бы раз почувствует меня, если хотя бы раз будет близка со мной, то окажется полностью в моей власти. В этом я уверен!

Теперь Квадво уже открыто улыбнулся. Этот огромный полевой раб не страдал недостатком самоуверенности. Однако в данном случае он вряд ли будет разочарован. Очень странно, что ни он, ни девочка не нашли пути друг к другу без помощи духов.

Но Квадво был склонен видеть в этом повеление судьбы. Духи хотели заклинания, а его не было уже давно. Однако Квадво устраивал тайное собрание рабов только тогда, когда хотя бы один из них приносил жертвенное животное. Лично он кур не воровал.

— В субботу ночью, — спокойно сказал он.

Аквази с готовностью кивнул.

— Я скажу об этом полевым ниггерам.

Глава 7

Нора за это время уже довольно хорошо изучила своих слуг, достаточно, чтобы быстро заметить, что среди чернокожих что-то происходит. На кухне шептались больше, чем обычно, но девочки и домашние слуги замолкали слишком быстро, когда видели свою хозяйку. Нора не запрещала им петь и болтать во время работы, таким образом, явной причины для такой таинственности не было. Наконец она попыталась дипломатично расспросить о происходящем Маану. Возможно, речь шла о маронах и о карательной экспедиции, которую планировали плантаторы.

— Вы беспокоитесь о свободных чернокожих? — спросила она.

Маану в свойственной ей манере лишь пожала плечами.

— У нас есть свои собственные заботы, — решительно отклонила она вопрос. — Почему мы должны думать о людях, которые живут далеко от нас, и с которыми у нас нет ничего общего?

Нора удивилась.

— Но они же... они же выступают в вашу защиту. Мне кажется, эта Грэнни Нэнни освобождает рабов.

Маану хрипло рассмеялась.

— Миссис, они говорят, что она освободила восемьсот рабов. Это может быть правдой, но не обязательно. Однако даже если бы это было так — на одной этой плантации двести семьдесят рабов, у Холлистера и у Кинсли еще по столько же. Она могла бы за три набега освободить еще восемьсот человек. А ведь они совершают намного больше нападений...

— Что это значит? — ошеломленно спросила Нора.

Маану была права! До сих пор она никогда не задумывалась об этом, но при тех многочисленных набегах, которые приписывались маронам Виндворда, восемьсот освобожденных рабов были до смешного малым количеством. Маану снова повторила свой излюбленный жест «не знаю и не желаю знать».

— Многие боятся. Они больше боятся маронов, чем баккра. Домашних рабов мароны в большинстве случаев убивают вместе с хозяевами. Остается пара ниггеров с плантации. Но пока те сообразят, что им предоставляется шанс всей их жизни, мароны чаще всего уже исчезают. Тогда им не остается ничего другого, как только бежать за ними вслед, и именно их чаще всего и ловят.

Эти новые сведения о маронах заставили Нору забыть о шепоте и таинственном поведении людей в кухне. В субботу за завтраком она затронула эту тему еще раз — в надежде, что Дуг и Элиас хотя бы здесь, при ней, будут придерживаться единого мнения или, по крайней мере, смогут вести нормальный разговор.

— Значит, действительно создается что-то вроде... хм... народного ополчения против свободных чернокожих? — спросила она. — И вы хотите в нем участвовать?

— Я — определенно нет! — рявкнул Элиас. — У меня достаточно забот, ведь надо держать моих собственных негров в повиновении там, где они есть. Я не буду бегать за другими. А вот он, — Элиас указал на Дуга, — он мог бы, наконец, оказаться хоть чем-то полезным.

Фортнэм-младший потер себе лоб. Это был очень характерный для него жест, и это иногда напоминало Норе ее собственного отца. Томас Рид обычно, пребывая в задумчивости, прикладывает руку к виску. Дуг тоже делал так, дабы успокоиться, что в этот раз ему удалось с большим трудом.

— Я с удовольствием предложу себя в качестве посредника на переговорах, — наконец сказал он. — Вообще-то люди эти не отказываются от переговоров, и я, как адвокат...

— Адвокат! — презрительно фыркнул Элиас.

— Мароны вряд ли будут спрашивать свидетельство об образовании, но зато, скорее всего, им нужен тот, кто сможет составить договор, устраивающий все стороны.

Дуг добавил сахар и молоко в свой чай. Благодаря Норе он научился ценить этот напиток и, прежде всего, его успокаивающее действие.

— Договоры! — возмутился Элиас. — Переговоры с ворами и убийцами! Выкурить нужно этих сволочей, и все тут! В этом плантаторы с северного побережья абсолютно правы! Если бы это еще не было так трудно. Но я ожидаю от тебя, что ты будешь держаться как мужчина, Дуг! Ты же умеешь стрелять из ружья? Или тебе опять жалко этого негритянского сборища?

Нора вздохнула. Все оставшееся за завтраком время беседа между отцом и сыном проходила в обычной манере. Элиас, казалось, нашел, наконец, задачу для своего непутевого сына. В Норе же зародился ледяной страх. Она не хотела, чтобы Дуг шел на войну, где его могли застрелить или забить до смерти.

— И ты действительно... Ты действительно поедешь в Блу-Маунтинс и будешь стрелять в маронов? — нерешительно спросила она, встретив молодого человека позже в конюшне.

Дуг только что пристегнул к седлу Амиго какие-то сумки, значит, его, скорее всего, не будет долгое время. Он поднял брови.

— И да, и нет. Пожалуй, поездки в Блу-Маунтинс мне действительно не избежать. Вообще-то, там должно быть очень красиво, тебе бы понравилось. Если бы остальные плантаторы оказались более разумными, чем отец... Но, скорее всего, они, собравшись вместе, напьются и будут мечтать о великой победе. А если я с ними не поеду, то окончательно прослышу трусом.

— Но... — Нора толком не знала, что ей сказать, но выражение ее лица говорило само за себя. Дуг смущенно улыбнулся, когда заметил ее бледность и широко открытые глаза. Она была очаровательной, стоя вот так перед ним и подыскивая слова. Ему больше всего хотелось взять ее с собой. Нора уже была подходяще одета: на ней было дорожное платье для верховой езды. И только что она попросила старшего конюха оседлать и ее лошадь тоже. Без сомнения, она использует отсутствие Элиаса и поедет на пляж. Отец Дуга сразу же после завтрака отправился в Кингстон, чтобы до собрания решить там кое-какие дела.

— Неужели ты действительно боишься за меня? — с удовольствием спросил Фортнэм-младший.

Нора прикусила губы.

— Конечно, нет, я...

— Нет-нет, не отрицай, это ведь вполне естественно... — Его глаза насмешливо заблестели. — Ты ведь определенным образом являешься моей матерью, и...

— Не болтай глупостей! — вырвалось у Норы. — Я имею в виду... — Она смущенно играла хлыстом. — Это все же опасно.

Лицо Дугласа стало серьезным, но и более мягким ввиду ее откровенного беспокойства.

— Это не очень опасно, — успокоил он ее. — Поэтому я ответил «и да, и нет» на твой вопрос. Мы поедem в горы, но вероятность того, что мы убьем там хоть одного марона, крайне мала. Собственно говоря, меня бы очень удивило, если бы мы хотя бы увидели одного из них. Если нам кто-то и встретится там, так только тот, кто сам этого захочет. Эти люди ведь знают там каждый камень, Нора, в то время как мы бестолково будем топтаться вокруг.

Он подтянул подпругу на Амиго.

— Но, значит, тем больше вероятность засады или нет?

Нора все не успокаивалась, отбросив обычную сдержанность.

Она боялась за него, но это еще ничего не значило. Дуг был прав: он

был ее пасынком, ее родственником. Она имела право бояться за него.

Дуг кивнул, и опять с легкой улыбкой. Забота Норы заметно обрадовала его — наконец-то она оставила холодность, которая иногда уже заставляла его сомневаться в собственном мужестве.

До сих пор ему еще не приходилось так долго бороться за внимание девушки. С другой стороны, он довольно редко пытался завоевать любовь замужних женщин, и никогда — чувства собственной мачехи...

— Мароны могут в любое время заманить нас в засаду и перебить, — сказал он ей, — но они не будут этого делать. Это было бы крайне неразумно.

— Неразумно?! — взволнованно воскликнула Нора.

Дуг рассмеялся.

— Вы когда-нибудь слышали о стратегическом мышлении, мачеха-красавица? Послушай, Нора, мой отец и другие плантаторы представляют себе маронов как дикарей, жаждущих крови, но если посмотреть на все это трезво, то увидишь, что для них главное заключается не в том, чтобы убивать белых и освобождать рабов. Если они нападают на плантации и поместья, то в первую очередь хотят захватить добычу. Да, они убивают плантаторов — без сомнения, они испытывают ненависть к белым хозяевам. Но намного важнее для них не проливать кровь, а грабить дома и угонять скот.

— Что тоже не особенно мило, — пробормотала Нора.

— Грэнни Нэнни сейчас бы, наверное, сказала, что у них просто не остается другого выбора, — ответил Дуг. — Нора, судя по всему, что можно услышать, у них там наверху — очень хорошо работающая община. Они засаживают поля и с удовольствием продавали бы свои урожаи. На эти деньги они могли бы покупать себе инструменты, новый крупный рогатый скот, одежду... в общем, все что нужно. Но они не могут этого. Если они со своими товарами появятся в городе, то подвергнутся нападению, их захватят, снова повергнут в рабство или даже линчуют. Таким образом, они вынуждены предпринимать нападения и грабить, чтобы получить все, что им нужно, — к всеобщему неудовольствию, если ты меня спросишь. Паратройка бывших рабов, без сомнения, жаждут мести, но большинство этих людей с удовольствием спокойно жили бы плодами труда рук своих. Это крестьяне, Нора, а не воины. Торговцам в городе все равно, с кем вести сделки. И такие сделки совершаются. Где-то все время появляются украшения и другие ценности, которые исчезли во время грабежей. А торговцами краденым являются именно белые пройдохи! Я бы лучше занялся ими, а не маронами.

— Значит, ты считаешь, что они готовы вести переговоры? — спросила Нора. Ее мало интересовали белые торговцы краденными вещами в Кингстоне, в конце концов, они не угрожали жизни Дуга. — Неужели об этом не говорилось раньше?

Дуг кивнул.

— Попытки вести переговоры с маронами предпринимались не раз. И иногда вполне успешно. Длительное время, например, беглых рабов они не принимали, а выдавали назад.

Норе постепенно становилось ясно, почему Маану и другие рабы не слишком хорошо отзывались о маронах.

— Однако положение изменилось с тех пор, как Нэнни и ее братья захватили власть в горах, — добавил Дуг. — С ними переговоры пока еще не велись. В том числе и потому, что поначалу их набеги были очень жестокими: мароны в первую очередь хотели увеличить количество своего населения, в том числе и путем захвата негров с плантаций. Это имеет множество причин. Но это не означает, что мирный договор невозможен. И, совершенно определенно, Кудойе и Аккомпонг, в принципе, не отвергают переговоров. Зачем же им дразнить чертей и заманивать в ловушку каждого белого, который попадает в горы, и рубить его на куски? Наоборот, если они умные, то никак себя не проявят. Нет ничего более уязвимого, чем такая якобы армия, вроде нашей, которая будет целыми днями беспомощно блуждать в горах, чтобы потом бесславно вернуться назад. Поверь мне, Нора, со мной ничего не случится. Но, тем не менее... ты могла бы подарить мне... хм... что-то вроде прощального поцелуя. Просто так, на всякий случай. Чтобы я чувствовал сладость твоего прикосновения на своих губах, если мне придется умереть.

Нора хотела отшатнуться, но Дуг уже притянул ее к себе и прижался губами к ее рту.

— Думай обо мне, пока мы снова не увидимся! — Он засмеялся, вскочил в седло и пришпорил своего коня.

Нора осталась на месте в полной растерянности.

Немного погодя она тоже вскочила на свою любимицу и обрадовалась, что Питер даже не сделал попытки сопровождать ее. Старый конюх в это утро был тоже не совсем в себе, и Норе пришлось самой подтягивать упряжь Авроры. Собственно говоря, ей следовало бы пожуричь слугу за это, но она пребывала в таком смятении, что не могла думать ни о чем другом, кроме поцелуя Дуга, кроме его твердых, но нежных губ, озорного смеха, когда он прощался с ней. Что, ради Бога, это было? Что с ней происходит, что он сделал с ней?

Нора галопом поскакала к пляжу, убедилась, что там, как всегда, никого нет, и зашла в волны, как зачастую делала прежде. Морская вода смывает с нее этот поцелуй и странное чувство, которое он пробудил в ней. Когда она уляжется на теплый песок, она снова будет думать о Саймоне.

Но при погружении в воду в ее памяти возникла иная картина. Она была здесь, на этом пляже с Дугом, они скакали наперегонки, а затем, когда Нора послушно распаковывала их обед, он без всякого стыда снял с себя рубашку и сапоги и в бриджах ринулся в волны. При этом он еще издал дикий крик, словно капитан пиратов при нападении на корабль. Нора засмеялась и немного позавидовала ему. Даме, разумеется, было запрещено в присутствии кавалера снимать даже чулки, чтобы босиком походить по воде. Но затем она полностью потерялась от восхищения крепким телом Дуга, игрой его мускулов, его мощной борьбой с довольно сильным морским волнением в тот день... Было чудесно смотреть на него.

А теперь, когда сама была в воде, она вспоминала о нем и мечтала о его теле рядом с собой, чтобы плавать с ним наперегонки, чтобы вместе играть водой и песком.

Нора пребывала в смятенных чувствах, когда скакала к пляжу, но на обратном пути ее сердце колотилось еще сильнее. Она не знала, как ей понять свои ощущения и мысли. С одной стороны, она чувствовала себя моложе, умнее, и казалось, что она видит мир более ясными глазами. С другой же стороны, в ней билось что-то темное, похожее на вину, словно она изменила Саймону.

Глава 8

Нора не знала, разыгралось ли ее воображение, или это было связано с изменившимся восприятием ею реальности с того момента, как Дуг поцеловал ее. Но когда она вернулась назад в Каскарилла Гардене, что-то в атмосфере дома показалось ей странным. Слуги выглядели несобранными и рассеянными и опять прекращали разговоры между собой, лишь только вблизи появлялась Нора. И хозяйка приняла решение докопаться до причины происходящего. Она отослала Маану прочь и провела послеобеденное время в саду, однако не на своем любимом месте в павильоне, где лишь благодаря случайности могла услышать обрывки разговоров. Нет, она целенаправленно прошла на террасу, которая образовывала крышу над площадкой перед кухней, и стала прислушиваться. Норе не пришлось ждать долго. Что-то действительно активно обсуждалось всеми слугами — однако они даже между собой говорили приглушенными голосами и ограничивались намеками.

— Ты направить проклятие на Джимми, если тебя не просить, не идти ли ты с ним, — хихикала одна из девочек на кухне, насмехаясь над другой.

— Фу... Я направить колдовство на Джимми, тогда идет со мной, — ответила другая.

— Для настоящего колдовства тебе надо курица!

— Уже есть курица!

— Ты знаешь, кто приносить курицу?

— Не знаю, может, Джимми приносить курицу для делать свадьбу со мной!

И снова Нора слышала смех. Она наморщила лоб. Проклятия и куры. Маану когда-то тоже упоминала нечто подобное. И колдовство. Неужели она наконец-то вышла на след таинственной церемонии обеа, о которой рассказывал Дуг? Было похоже на то: баккра точно уехал из дому, и Дуг, которому не доверяли ни Маану, ни Аквази, последовал за ним.

Нора приблизительно установила время проведения церемонии из подслушанного разговора двух служанок.

— Когда луна будет над морем.

Конечно, луна была над морем половину ночи, да и каких-либо сведений о месте встречи Норе раздобыть не удалось.

Но это было неважно, ей нужно всего лишь последовать за рабами. Это не могло быть слишком трудно: она просто сделает вид, что хочет

раньше лечь в постель, и отпустит Маану, как только та распустит ей волосы и причешет их на ночь щеткой. Затем ей придется всего лишь самой одеться и невидимой проскользнуть к поселению рабов. Кусты и деревья, плотно окружающие хижины, предоставляли достаточно возможностей для укрытия, даже если кто-нибудь проходил совсем рядом. А такое было не исключено. Если собрание состоится в поселении рабов, то конюхи, которые спали в конюшне, должны будут проходить мимо главного дома.

Однако Нора все же полагала, что церемония назначена где-то в другом месте. Если обряды обеа хотя бы чуть-чуть напоминают христианские мессы, то при этом люди должны петь и громко молиться. В поселении рабов, на окраине которого также жили надсмотрщики, это было слишком опасно. Собравшиеся тут же были бы обнаружены.

Нора провела остаток времени после обеда и вечер в нервном напряжении, и Маану, казалось, чувствовала себя точно так же. Девушка была рассеянной и неловкой, она роняла вещи и так нетерпеливо проводила гребешком по длинным волосам хозяйки, что пару раз той стало больно. Норе пришлось держать себя в руках, чтобы не накричать на служанку, но она ни в коем случае не хотела ссориться с ней. Может быть, ей понадобится помощь девушки, чтобы проникнуть на собрание.

Обе облегченно вздохнули, когда Маану попрощалась вежливым пожеланием «доброй ночи, миссис». Нора подождала и убедилась, что та вышла из дому, затем поспешно связала волосы в пучок на затылке и влезла в любимое домашнее платье. Никакого корсета и кружевной блузки, одежда должна быть максимально удобной, не сковывающей движений, и все должно быть сделано очень быстро. И ей нужен платок, по возможности, темный. Ее платье зеленого цвета, но волосы будут видны при свете луны. Она взяла платок из темно-красного шелка, который обычно набрасывала на плечи, и после короткого размышления все же отказалась от обуви. Легкие туфельки она легко порвет, если ей придется идти через джунгли, а тяжелые сапоги для верховой езды могут создать шум.

Нора проскользнула через кухню, и какое-то время наслаждалась ароматами ночного сада. Пахло тмином, розмарином и базиликом, в теплом влажном воздухе висели их опьяняющие ароматы, разбавленные запахами орхидей и роз, доносившимися из парка. Затем она погрузилась во тьму леса, где царили другие, более тяжелые запахи — земли и трав, а также соленый дух с моря. Она шла пешком через джунгли. Полная луна стояла над морем, которое угадывалось за чащей из мангров и пальм. Ветра не ощущалось, но было беспокойно — вокруг трещали бесчисленные цикады,

в кустах что-то шелестело, а ночные птицы издавали жуткие звуки. Нора знала, что так кричат совы, но еще ни разу не видела их.

Ей было не страшно, напротив, она наслаждалась своим приключением. Кроме того, дорога ведь была не дальней. Нора за несколько минут добралась до поселения рабов, которое при лунном свете казалось каким-то призрачным и вымершим. Все тут будто замерло — темно и тихо, и молодая женщина спросила себя с легким страхом, каково это — быть вынужденным жить без света — без свечи, без всякой лампы. Ни один из рабов не мог превратить ночь в день, как это делали белые люди на своих праздниках, да и не только, с помощью свечей и масляных ламп. Но рабы могли зажигать перед своими хижинами огонь или освещать себе дорогу факелами — Нора смутно припоминала, что зачастую они так и делали.

Однако этой ночью луна была единственным источником света, и не было слышно ни звука в хижинах рабов. Нора пару минут подождала в лесу на краю поселения, борясь со страхом, что люди уже ушли. Однако вдруг открылась дверь первой хижины, беззвучно, словно зомби, о которых она читала в какой-то истории о призраках, рабы с плантаций Фортнэма выходили из своих домишек и маленькими группами удалялись прочь. Они шли по той дороге, по которой ходили на работу полевые рабы, значит, место сбора находилось где-то между плантациями сахарного тростника. Нора ждала целую вечность. Адвеа и Маану, а также маленькая Манса, хижину которых Норе было хорошо видно из своего укрытия, ушли с одной из первых групп. В конце концов, молодая женщина последовала за Тоби и стариком Харди, причем очень удивилась, что эти двое присоединились к языческому представлению. До сих пор она считала обоих рабов с плантации, а также конюха Питера благочестивыми христианами.

Нора боялась, что вскоре потеряет рабов из поля зрения, если будет выдерживать слишком длинную дистанцию, но затем обнаружила, что следовать за ними — довольно просто. Они не потерялись на бесконечных дорогах между широкими и совершенно одинаковыми полями сахарного тростника. Рабы шли по дороге, по которой ежедневно ездили повозки, — наверх к ветряной мельнице, а затем к сараям, где находились кухни для вываривания сахара и помещения, где производилась перегонка спирта. Здесь же размещались стойла ослов и мулов и большой сарай, в котором хранилось сено. Он был в этот момент почти пустым, и Нора вспомнила, что Элиас не далее как накануне грубо приказал старшему конюху снова заполнить сарай сеном.

— Пока баккра возвращаться назад, будет полный, — ответил Питер.

Нора мимоходом спросила себя, почему старый слуга пошел на риск получить наказание. Питер был очень надежным и внимательным человеком и никогда бы не допустил, чтобы закончился корм для животных. И вот теперь Нора поняла почему. Сарай в эту ночь должен был стать залом для собрания, для церемонии обеа, и старший конюх участвовал в ее подготовке.

Нора признала, что место было выбрано великолепно, — в том числе и для нее. Она немножко страшилась ослов, которые могли лягнуть копытом, если их что-то испугает. Но мулов она не боялась, поэтому выбрала дорогу через стойла и спряталась в пристройке, в которой два мула жевали сено. Правда, отсюда женщина ничего не видела, зато хорошо слышала хор голосов, доносившихся из сарая. До этих пор рабы хранили гробовое молчание, зато теперь почувствовали себя в безопасности и разговаривали нервно, почти истерически. Для них это было приключение, грозившее определенными опасностями. Конечно, баккра не будет наказывать всех плетьюми и не продаст, если обнаружит их тут, но все равно, кары можно было ожидать. А колдуна-обеа, или как там звали этого их священника, совершенно точно удалили бы с плантации.

Нора терпеливо ждала, пока все собрались и, видимо, успокоились. Затем она тихонько покинула свое укрытие и прокралась к двери сарая. К сожалению, та была закрыта, чего Нора не ожидала. Ведь никто же никогда не закрывал дверь между стойлами и сеновалом! Нора потрогала ручку и легонько толкнула тяжелую дверь в надежде, что никто внутри не заметит ее.

Но дверь внезапно распахнулась, будто открылась какая-то задвижка. Давление, с которым Нора нажала на дверь, буквально швырнуло ее в сарай — в объятия поварихи Адвеа!

Застыв от ужаса, женщины смотрели друг на друга. Адвеа явно ожидала увидеть кого-то из своих. Она сидела прямо возле входа и закрывала его собой. Когда кто-то тихонько тронул дверь, рабыня поднялась и освободила вход. Адвеа могла ждать кого угодно, но только не свою белую хозяйку!

— Миссис... пожалуйста... миссис... — заикаясь, пробормотала она.

Нора приложила палец к губам.

— Т-с-с! Не привлекай внимания. Я никому ничего не скажу, я хочу только посмотреть.

Адвеа наморщила лоб, но затем на ее лице появилась широкая улыбка.

— Миссис любопытная? — Это была смесь вопроса и упрека.

Нора облегченно подмигнула ей.

— Ужасно любопытная! — шепотом призналась она. — Я никому не помешаю. Давай я буду сидеть здесь рядом с тобой, меня никто не увидит.

— Духи увидят! — заявила Адвеа.

Нора вскинула брови.

— Они ведь мне ничего не сделают, — ответила она.

Адвеа покачала головой.

— Нет, ничего не делать, духи добрые. Чаще всего. Квадро вызывать добрые духи.

И с этими словами она указала ей на место рядом с собой, а Нора попыталась плотнее закутаться в свой платок. Здесь, в дальнем темном углу сарая, она никому не будет бросаться в глаза. Нора спросила себя, почему Адвеа, которая имела среди рабов высокий ранг, спряталась так далеко позади. Маану и Мансы не было рядом, они сидели в центре круга, который образовали рабы вокруг свободного пространства. Маану выбрала место напротив Аквази. Она неотрывно смотрела на него.

Нора могла теперь ориентироваться в сарае, это было нетрудно. В середине находилось место для очага, и двое мужчин у входа держали факелы, чтобы осветить людям дорогу.

Они оба, в конце концов, закрыли дверь сарая за последними из пришедших, и один из них тут же начал петь. Нора испугалась, когда Адвеа громким низким голосом поддержала эту песню, так же, как и остальные рабы. Песня звучала трогательно, жалобно, но слов Нора не понимала. Это был не английский язык, люди, видимо, привезли эту песню из Африки.

— Что это означает? — прошептала Нора, когда Адвеа и остальные несколько раз повторили припев.

Адвеа пожала плечами.

— Я не знаю, никто не знает, вызывать духи... Язык духов.

Нора подозревала, что слова песни когда-то имели определенное значение, но сейчас, прислушавшись, она заметила, что каждый певец несколько по-своему произносил одни и те же слова, а некоторые вообще импровизировали. Никто, казалось, не знал, о чем пел, но, тем не менее, пение становилось все громче и требовательнее. К тому же внезапно в сарае отовсюду загремели барабаны.

А затем на середину помещения ближе к огню вышел мужчина. Он был массивным и голым, за исключением набедренной повязки, и громко повторял заклинания. Это был колдун-обеа. Нора была потрясена, узнав в нем своего послушного старшего конюха Питера. Питера, который каждое воскресенье, как самый верноподданный, буквально впитывал каждое

слово преподобного священника.

— Квадво, — сказала как бы мимоходом Адвеа.

— Эго его настоящее имя? — спросила Нора.

Кухарка кивнула.

— Он могучий колдун. Сын знахаря.

Нора потеряла себе лоб и даже не заметила, что повторяет жест Дута. Теперь Квадво подбросил дров в огонь — неудивительно, что он тщательно следил за тем, чтобы в сарае сегодня не было сена. Затем он повесил над огнем котел и вылил туда светлую жидкость из калебаса [\[9\]](#).

После этого он сделал глоток из этого же калебаса и протянул его рядом стоящему рабу. Его помощники пустили по кругу следующие сосуды, и Адвеа тоже дали кружку. Нора почувствовала по запаху ром из сахарного тростника. Адвеа приставила кружку к губам и после короткого колебания протянула ее своей хозяйке. Нора помедлила. Разве ей пристало пить здесь вместе с рабами? В Англии она бы никогда не сделала этого со своими служанками.

— Это приблизит вас к духам, — объяснила Адвеа.

Нора вздохнула и сделала большой глоток. Наверное, это следовало рассматривать как нечто подобное разделению между собой хлеба и вина в христианской общине. А там господин и слуга по традиции совместно справляли мессу.

Пение стало громче и требовательней, когда кружки, бутылки и калебасы сделали второй и третий круг. Теперь люди раскачивались в такт песням, а звук барабанов становился насыщеннее и, казалось, приобретал власть над людьми.

У Норы было такое чувство, словно барабаны бьют прямо у нее в голове. Несколько молодых людей, сидящих впереди, начали танцевать, и вместе с ними — колдун-обеа, и Нора снова испугалась, когда в руке колдуна блеснул нож. Пение слилось в напряженное крещендо, однако крик Квадво все же был громче. И тут колдун вытащил из мешка курицу, подбросил ее в воздух и молниеносным ударом мачете отделил голову жертвы от ее тела. Фонтанчик крови обрызгал стоявших близко рабов. Тело же курицы продолжало двигаться, наверное, бедняжка пробежала бы еще несколько шагов, как рассказывалось в кровожадных историях о призраках, которые читала Нора. Однако колдун-обеа быстро подхватил курицу и швырнул в середину толпы — как показалось Норе, в направлении Маану. И действительно, девушка поймала мертвую птицу и подняла ее над котлом, выпуская туда кровь. Из котла повалил вонючий пар, когда Квадво размешал что-то, а потом сжег над ним какие-то целебные травы.

На людей вблизи огня это, казалось, произвело возбуждающее действие. Они стали петь, кричать и танцевать еще громче. Адвеа еще раз протянула Норе кружку с ромом. Та, словно в трансе, приняла ее. Она никогда в жизни не пила так много, однако чувствовала себя скорее не пьяной, а возбужденной. При этом производимый ритуал подействовал на нее отталкивающе, и неприятные эмоции усилились, когда человек-обеа отрубил голову еще одной курице и бросил умирающую птицу в направлении Аквази. Молодой человек так же выпустил ее кровь в кипящий котел под невнятное заклинание колдуна.

В этот момент Нора с отвращением спросила себя, не присутствует ли она на церемонии обручения? Неужели Маану наконец-то добилась того, что Аквази попросил ее руки, и неужели обрученные соединяются таким кровавым способом? Однако Маану выглядела скорее ошеломленной и явно не производила впечатления счастливой невесты. Она была поражена появлением второй курицы и участием в церемонии Аквази. Но затем девушка отдалась пению и танцам, в таком же экстазе, как и другие рабы. Дым и тяжелый запах крови и трав медленно распространились по всему сараю. Норе стало трудно дышать и думать. Она словно вся обратилась в чувства и ощущения, в пение и удары барабана, и ей казалось, что она находится вне своего тела. Адвеа снова протянула ей кружку с зельем.

Теперь колдун-обеа снял свое варево с огня, окунул в него что-то похожее на веник из хвороста и обрызгал свою паству. Некоторые попадали на пол и стали биться в судорогах.

— Духи в них. Ими овладевают духи, — равнодушно объяснила Адвеа.

Старая кухарка наблюдала за всем происходящим безучастно, казалось, что ей абсолютно неинтересно войти в контакт с магией. Однако ром из сахарного тростника она пила, как воду.

Нора, широко раскрыв глаза от страха, не в состоянии двинуться с места, увидела, как один из ее домашних слуг, пронзительно крича, упал на пол и стал истерически рыдать, словно девчонка с кухни. Молодую женщину словно парализовало: с одной стороны, она как лекарь должна была немедленно остановить все это и заняться явно страдающими людьми, но, с другой стороны, она будто превратилась в бестелесное существо, которое ловило каждое слово колдуна-обеа и воспринимало одержимость людей как само собой разумеющееся. А еще какая-то часть ее отчаянно искала своего любимого духа, которого она так часто вызывала. Саймон обещал, что навсегда останется с ней. Но где он был сейчас, когда она в нем так нуждалась? Другим мертвецам, очевидно, очень легко

удалось материализоваться перед живыми. Некоторые из мужчин и женщин, казалось, увидели дуппи своих умерших родственников. Они восторженно приветствовали их после того, как что-то втерли себе в глаза и посмотрели через левое плечо.

— Вода из глаза собаки, — безмятежно пояснила Адвеа.

Нора на мгновение задумалась о том, что надо бы попросить у кого-то из людей этой воды, но затем истерически захихикала. Она была сумасшедшей, она, наверное, сошла с ума. Это было безумием — вызывать духов, но еще хуже было то, что она не могла вытеснить из памяти лицо Дуга Фортнэма, стоявшее перед ее внутренним взором...

Нора выпила еще глоток из кружки, которую протянула ей Адвеа, и вдруг поняла, что плачет.

— Сейчас! — произнес колдун-обеа и встал рядом с Маану. — Скажи духам свое желание, девушка!

— Я хочу, чтобы Аквази полюбил меня, — прошептала Маану. — Я хочу, чтобы он принадлежал мне!

Квадво подошел к Аквази.

— Скажи свое желание, молодой человек!

— Я хочу обладать Норой Фортнэм, — твердо сказал Аквази в надежде, что духи услышат его за всем этим шумом, криком и песнями. — Она должна быть моей до самой смерти.

Люди еще танцевали и пели, но затем звуки барабанов, громкие крики и хрипкое пение стали стихать. Огни догорали, одержимые стыдливо поднимались с земли, в то время как духи оставляли их тела.

Все, кроме тех, которых вызвали Аквази и Маану.

Их время должно было наступить только сейчас.

Глава 9

Для Аквази встреча с Норой после колдовской церемонии представляла самую большую трудность. Ведь Квадро не оставил ему никакого сомнения: жаждущий любви дуппи может вселиться в тело обожаемой им женщины только тогда, когда молодой раб покажет ему ее.

Аквази до этих пор отодвигал от себя проблему, однако теперь, опьяненный, подбодренный колдовством и алкоголем, он знал, что нужно делать. Нора находилась в большом доме одна, а сейчас была глубокая ночь. Она, наверное, уже давно уснула и не услышит, как он проникнет в дом. Это, опять же, не должно было представлять никаких трудностей. Скорее всего, вход на кухню не был заперт на ключ, а если даже и был, то достаточно будет простого инструмента, чтобы отжать замок. И в доме Аквази хорошо ориентировался, знал, где находится комната Дуга, а где спит Элиас. Норе, без сомнения, выделили помещения матери Дугласа. И там Аквази однажды, много лет назад, тоже побывал вместе с Дугом в поисках приключений и, возможно, даже духов. Теперь всюду ему мерещились добрые знаки, и Аквази был уверен, что вызванный дуппи управляет им.

Однако ему нужен был лом или что-то похожее. Определенно, такой инструмент должен был находиться где-то в хлеву. Аквази направился к двери между стойлами и сеновалом.

Нора наполовину пришла в себя, когда Адвеа сделала попытку встать. Остальные рабы тоже потихоньку собирались в обратную дорогу. Нора заставляла себя снова обрести способность думать. Ей тоже надо было исчезнуть отсюда, пока ее никто не узнал. До сих пор все смотрели прямо перед собой, но, выходя из сарая, кто-нибудь мог оглянуться по сторонам и обнаружить ее.

Нора прошептала Адвеа слова благодарности, а затем отправилась назад в хлев. Она могла бы некоторое время переждать, пока все успокоится, возле мулов, отнесшихся к ней вполне дружелюбно. После долгого рабочего дня и ритуальной ночи рабы, конечно, быстро пойдут домой и будут спать, как убитые. Нора сможет незамеченной проскользнуть через их поселения. Выспаться — это была, собственно, хорошая идея... Голова Норы еще гудела от звука барабанов, и ее качало от выпитого спиртного так, что каждое движение давалось ей с трудом. Неужели она пытается открыть дверь в ту часть хлева, где стоят мулы? Сено перед

дверью, казалось, приглашало прилечь. А что, если она здесь посидит и немножко отдохнет... может быть, всего лишь на минутку закроет глаза...

Маану увидела, как Аквази делает неуверенные движения, пытается встать, и медленно уходит в сторону хлева. Она спросила себя, что ему там нужно, но в любом случае это было счастливое совпадение. Возле животных было тихо и сухо, никто не помешает ей и Аквази. Она задумалась, не пойти ли ей сразу за ним, или лучше немножко подождать. Во втором случае, конечно, была вероятность, что Аквази исчезнет, но, с другой стороны... Если кто-нибудь после церемонии обеа желал остаться в одиночестве, то зачастую только потому, что ему стало плохо. Такое легко случалось под воздействием алкоголя, жары, дыма и танца. И это было бы далеко не романтично, если бы она застала Аквази склонившимся над отхожим местом или увидела, как он мочится в стойле для ослов.

Таким образом, Маану не стала торопиться вслед за Аквази. Тогда и Адвеа не увидит ее — та все еще сидела перед дверью. Адвеа всегда держалась подальше от места жертвоприношения. Она говорила, что с нее хватает и своих духов, так что нечего вызывать еще и других. Адвеа была рада, когда мир духов оставлял ее в покое. Старания Маану завоевать Аквази она бы, конечно, не одобрила, и не только из-за украденной курицы.

Аквази открыл дверь. Его глазам понадобилось немного времени, чтобы привыкнуть к темноте. Все же в сарае было не настолько темно: стойла были открыты с одной стороны, и внутрь попадал лунный свет. Стояло полнолуние. В обычном состоянии Аквази удалось бы легко сориентироваться, но сейчас он еще боролся с последствиями выпитого алкоголя и транса, в который впал после танца. И поэтому чуть не споткнулся о какую-то фигуру, которая спала на куче сена, наполовину закутавшись в темную материю. Видать, кто-то перестарался с употреблением пойла из сахарного тростника. Аквази хотел было идти дальше, однако затем решил разбудить спящего. Иначе он проспит здесь всю ночь, а утром его найдет надсмотрщик.

Аквази нагнулся и стащил ткань с лица того, кто лежал на сене.

Нора открыла глаза, когда он, не веря сам себе, прошептал ее имя, но она не узнала человека, наклонившегося над ней. Более того, у нее перед глазами расплывалось все больше и больше лиц. Саймон? Раб Аквази? Или Дуг?

— Дуг, — прошептала Нора. Ее голос звучал сипло, и слова едва можно было разобрать. — Что?.. Как?

У Аквази учащенно забилось сердце.

«Аквази», — она, без сомнения, произнесла его имя. Он обнял ее.

Нора почувствовала, как кто-то притянул ее к себе и прижал к своей груди. Странно, эта кожа, к которой она прижималась, показалась ей черной. Чей-то низкий голос шептал ласковые слова. А большие крепкие руки стали ощупывать ее спину, отчего по телу Норы побежали приятные мурашки. Она почувствовала что-то похожее на возбуждение, которое ощущала когда-то давно, лежа рядом с Саймоном. А вечером накануне она с чувством вины мечтала о том, чтобы Дуг разбудил ее так. Неужели он сделал это сейчас? Неужели это был сон? Однако губы, которые начали ласкать ее после того, как этот человек уложил ее обратно на сено, были темными, а руки — черными, и сейчас они распахивали на ней одежду.

Аквази? Раб?

В мыслях Норы промелькнуло воспоминание об Айлин Мак-Дугал, которая стала любовницей своего слуги-конюха. Леди такого делать не должна. Но, возможно, это все происходило не в действительности... И это было прекрасно... Нора находилась под воздействием алкоголя, когда приподнялась навстречу Аквази. А когда она закрыла глаза, то уже не понимала, кто ее так возбудил. В любом случае этот мужчина знал толк в том, что делал. После всего лишь нескольких поцелуев и ласк Нора почувствовала такое горячее желание, которого у нее еще никогда не было. Робкие нежности Саймона, мимолетные прикосновения Элиаса... К такому взрыву ощущений она готова не была.

— Нора, моя Нора...

Аквази шептал ласковые слова, но вряд ли был удивлен тем, что молодая женщина уже не реагировала на них. Теперь, наконец, в нее вселился дуппи, и только после того, как он удовлетворит его желание любви, женщина снова придет в себя. А ему придется сделать это хорошо. Не только потому, что нельзя было рассердить дуппи, чтобы он раньше времени не покинул ее тело. Нет, он должен был поставить свою печать на теле Норы, должен был возбудить желание там, внизу, глубоко в ней, куда войдет только он. Аквази гладил и целовал ее, причем тратил на это больше времени, чем обычно, когда забавлялся с девушками-рабынями.

В конце концов Аквази нежно, но сильно вошел в Нору — ему, конечно, хотелось бы сделать это быстрее и грубее, и чтобы она не была такой влажной. Мужчины в Африке говорили, что чем суше девушка, тем она добродетельнее. Однако Аквази знал, что девушки ценят длительную подготовку. Хотя поведение Норы в данном случае говорило не о ее добродетели, а о качествах вселившегося в нее дуппи. Аквази старался изо всех сил, чтобы удовлетворить и духа, и женщину. На следующий день Нора должна снова жаждать его.

Маану вошла в стойла в тот момент, когда Нора приподнялась под Аквази. Не обороняясь, нет, — от наслаждения. Огни в сарае уже давно погасли, и девушка проникла из темноты в освещенное лунным светом помещение, так что ее глазам не требовалось много времени, чтобы привыкнуть. Но разуму Маану понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что здесь происходит. Не узнать мощное черное тело Аквази было невозможно. Но кто извивается под ним? С кем он изменяет ей? Какая девушка опередила ее, Маану?

Рабыня почувствовала, как в ней закипает ярость. На плантации было не много молодых женщин, и большинство из них знали, что планирует Маану. Значит, если одна из них подкараулила Аквази и пошла за ним, опередив Маану, то лишь потому, что поддалась на его колдовство — или хотела соблазнить его! Не украв курицу, при этом рискуя всем! Маану уже собиралась схватить своего избранника и стянуть его с девушки, но вдруг увидела стройные белоснежные ноги и осознала, с кем сношается Аквази! Ладонью она закрыла себе рот.

Значит, таки миссис — миссис опутала Аквази колдовскими чарами! Это было хуже, чем Маану когда-либо могла себе представить. Это было... Это было гнусно, подло до омерзения! Ведь знала же Маану, что белым людям доверять нельзя! Она ведь знала, что черные нужны им исключительно для их игр, — и не только баккра, но и его супруге, как оказалось. Не только проклятому баккра, но и его жене, Норе, которую она считала своей подругой!

Маану почувствовала глубочайшее отвращение. Она отступила назад, не дожидаясь, когда эта парочка увидит ее, и убежала в сарай, в котором больше никого не было. Это к лучшему. Нельзя, чтобы кто-нибудь по ее виду понял, что она чувствует. Никто не должен знать, как глубоко Аквази унижил ее... Хотя он, без сомнения, был всего лишь невинной жертвой. Маану успокоила свое колотящееся сердце. Она сама показала дуппи дорогу к нему, именно она, Маану, неотрывно смотрела на него во время церемонии. А теперь дуппи, вызванный Маану, был в теле Аквази, и Нора бессовестно использовала это.

Девушка никогда бы не подумала, что хозяйка так много знает об их обычаях. Но, вероятно, она была не единственной, кого выспрашивала Нора. Может быть, миссис шепталась об этом и с больными, может быть, с женщинами с других плантаций, которые не желали Маану ничего хорошего. Мозг девушки лихорадочно работал, отбрасывая одну версию за другой. Однако теперь уже было все равно, как Нора узнала о церемонии, и как ей удалось захватить Аквази в свою власть. Это было самое подлое

злоупотребление доверием и самое мрачное предательство!

Нора зашевелилась, когда Аквази слез с нее. Кровь в ней пульсировала, сердце билось учащенно. Она медленно отходила от полусна, в котором находилась. Молодая женщина открыла глаза и увидела Аквази.

— Ты? — не веря сама себе, спросила она. И вдруг острым кинжалом промелькнула мысль о том, что она совершила, вернее, допустила.

Аквази гордо кивнул.

— Тебе понравилось? — спросил он. — О да, тебе понравилось, я вижу, что дух уже покинул тебя. Ты теперь будешь любить меня, Нора? Мы теперь... будем вместе?

Нора потерла лоб. У нее начинала болеть голова. То, что произошло здесь, не могло быть правдой. Этот мужчина говорил какие-то глупости. Но в то же время она знала, что это было реальностью. Его пот на ее коже, примятое сено и торжествующее лицо, склоненное над нею. Аквази, казалось, не чувствовал себя виноватым. Однако он, наверное, выпил столько же, сколько и она, и, кроме того, танцевал в середине круга, вдыхал все эти пары...

Нора выпрямилась. Ей нужно было, во что бы то ни стало сохранить ясность мышления. Нельзя было придавать слишком большое значение этому... случаю? Несчастный случай? Ошибка? Сон? Можно называть это как угодно, но, если она не хочет погубить Аквази, они должны вдвоем все это забыть. Она не знала, какие наказания полагаются за осквернение белой женщины, но было вполне возможно, что рабов за это вешают. А смерти это не стоило. Тем более что Аквази даже не пришлось ее принуждать.

Нора почувствовала растущий в ней стыд и слабое чувство вины. Она практически поощрила молодого человека тем, что не сопротивлялась. А сейчас можно только сделать вид, что ничего особенного не случилось. Никто не должен узнать об этом, и, главное, никто не должен умереть из-за...

— Послушай, Аквази, я не знаю, что на меня нашло, — начала она.

Тот ухмыльнулся.

— Зато я знаю, миссис... Нора. Это был дух — дуппи. Он завладел твоим телом после того, как я попросил его. Но теперь он улетел. Если ты хочешь, мы сейчас можем повторить это еще раз. Или завтра ночью. Или...

— Аквази, замолчи, ты сошел с ума! — воскликнула Нора. — Это может стоить тебе головы, а мне — хорошей репутации! Ты даже не представляешь, что баккра может сделать с нами! Так что иди сейчас же в свою хижину. Я останусь здесь еще немного, но не вздумай подстергать

меня! Никто не увидит нас вместе, и, разумеется, то, что произошло здесь, больше никогда не повторится! Дуппи! В будущем мы больше не будем говорить ни о духах, ни об украденных курах. Мы больше вообще не будем говорить, Аквази! И не попадайся мне на глаза!

Аквази хотел что-то ответить, но Нора строго посмотрела на него.

— Я не хочу угрожать тебе, Аквази, — твердо сказала она, — но только одно слово баккра, что ты похотливо посмотрел на меня...

— Я люблю вас, миссис.

Нора облегченно вздохнула: он, по крайней мере, перешел на привычное обращение к ней.

— Это тоже изменится, — спокойно поставила она его на место. — Это не любовь, Аквази, это грезы. — Нора на какое-то мгновение запнулась, когда до нее дошло, что она сейчас повторила слова своего отца. Затем она все же продолжила:

— Итак, забудь меня, Аквази. Влюбись в Маану, она уже давно сохнет по тебе!

С этими словами она встала и, поскольку Аквази не делал никаких попыток покинуть хлев, ушла первой. Нора чувствовала смутный страх, оставляя его в таком состоянии у себя за спиной. Жены плантаторов потихоньку шушукались между собой о девушках и женщинах, которых насиловали и даже убивали вышедшие из-под контроля рабы. Однако Нора не думала, что Аквази зайдет так далеко. Он цивилизованный, умеет писать и читать и вряд ли настолько зависит от своих инстинктов, что не сумеет справиться с разочарованием.

Аквази остался в сарае, буквально убитый тем, что услышал. Все бесполезно. Все не так, как он надеялся. Аквази никогда не был для нее мужчиной. Нора видела в нем только то, что и все остальные, — собственность, раба, чья любовь не может быть чем-то большим, нежели детские мечты. А теперь и того хуже: она угрожала ему, она впервые повела себя так же, как и другие миссис. Аквази не думал о том, чтобы отомстить Норе. Пока нет. Он даже не почувствовал настоящей злости — лишь безбрежное, глубочайшее и самое мрачное отчаяние. Молодой раб снова лег на сено.

Он сейчас не мог вернуться в свою хижину. Нельзя было допустить, чтобы другие парни видели, как его тело содрогается от рыданий. Аквази плакал. Впервые с тех пор, как Дуг предал его.

Нора, дрожа, вернулась назад в свой дом, в таких смятенных чувствах, как никогда в жизни. В саду возле кухни она нашла ведро, наполнила его водой у ручья и сняла платье, чтобы смыть с тела запах Аквази. Она не

воспринимала его как отвратительный, каким был запах Элиаса, но хотела убрать любое воспоминание об этом происшествии — этого просто не должно было быть. Она даже выбросит это платье.

Нора успокоилась лишь тогда, когда, наконец, надев на себя чистую ночную рубашку, улеглась на прохладную шелковую простыню в свою кровать. Она больше не хотела думать о том, как это все могло случиться. Действительно ли в нее вселился дух, или же, отдаваясь Аквази, она хотела стряхнуть с себя одержимость Дугом Фортнэмом? Изгнание одного духа с помощью другого... Нора чуть не рассмеялась. Но что бы там ни было — дуппи, транс из-за барабанов или действие рома — она это забудет. И Нора возблагодарила Бога за то, что, по крайней мере, там не было свидетелей.

Предательство

ЯМАЙКА

Весна — осень 1733 года

Глава 1

Дуг Фортнэм вот уже почти две недели ездил верхом по горам Блу-Маунтинс, и ему все это порядком надоело. Хотя он мог бы наслаждаться прогулкой в центральную часть своего любимого острова. Еще ребенком он мечтал исследовать эту горную грядку, на которой почти каждое утро лежал синий туман, рассеивавшийся на протяжении дня. Постоянно меняющаяся растительность, надземные и подводные реки и ручьи, ущелья и горные хребты, пещеры и водопады очаровывали его, и он неоднократно жалел о том, что не умеет рисовать. Нора обрадовалась бы, если бы он смог сделать для нее рисунки диких пышных цветов, которые по мере подъема вверх, в горы, уступали место более выносливым и жестким растениям, таким, как лианы и мхи. Иногда он даже представлял себе в мечтах ее серьезное лицо над книгой и ее сияющую улыбку, когда ей удавалось найти какое-то растение живьем и определить его. Он также любил воображать, что в эту прогулку верхом они могли бы отправиться вместе, — лучше бы при чудесной погоде, когда лучи солнца сквозь листву бросают тени на дороги.

Однако странная «карательная экспедиция», в которой он принимал участие против своей воли, проходила прямо посреди сезона дождей. Дугу не удалось убедить плантаторов перенести это мероприятие на один или два месяца. При этом было совершенно все равно, будут ли они прочесывать эту местность сейчас или немного позже. По крайней мере, что касалось цели операции... Но если бы Дуг, хотя бы допускал вероятность соприкосновения с противником, он бы беспокоился сильнее. Превратившаяся в грязь земля, по которой лошади передвигались зачастую почти на ощупь, делала конную поездку тяжелой, а быструю атаку или бегство — абсолютно невозможными. Дождь, почти постоянно ливший как из ведра, ограничивал и без того плохую видимость. Однако, вероятно, все эти мужчины, которые по собственной прихоти отправились в экспедицию, никогда не бывали в этой части острова и слепо доверились постоянному климату в Кингстоне — в частности, ветру с моря, который не давал осадкам затягиваться надолго даже во время сезона дождей.

В Блу-Маунтинс — прежде всего в их восточной части — наоборот, даже в сухие месяцы дождь шел почти ежедневно. Местность отличалась райским разнообразием растений именно благодаря обильному поливу. Для всадников же это означало постоянную влажность. Даже если в этот момент не шел дождь, с широких мясистых листьев деревьев на них

постоянно капала вода. Амиго переносил это с трудом. Он очень неохотно шел вперед и время от времени пытался опустить голову пониже, к передним ногам, чтобы вода стекала по челке на землю. Дуг не мог осуждать его за это: его собственная фетровая шляпа была уже насквозь мокрой и вода стекала с полей прямо на лицо. К тому же Амиго приходилось торчать под дождем и в ночное время, поскольку лошадей привязывали под открытым небом. Дуг и другие мужчины ночевали в палатках, которые, однако, не успевали высохнуть после ночного дождя, как приходилось сворачивать их и отправляться дальше. Таким образом, палатки уже на второй вечер разбухли от воды, а на третий — начали покрываться плесенью. Так же, собственно, как одеяла и провиант.

И только взятые с собой в обильном количестве бутылки с ромом не пропускали воду и согревали людей. Члены карательной экспедиции еженощно щедро обмывали свое приключение, один лишь Дуг оставался как минимум наполовину трезвым. Он действительно не ожидал нападения маронов, но, если бы хозяева гор решились ночью уничтожить своих врагов, он, по крайней мере, хотел продать свою жизнь как можно дороже. Хотя в этом случае у него вряд ли будут шансы выжить. Тот, кто блуждает сейчас по горным джунглям, делает это с молчаливого разрешения маронов, независимо от того, что представляют себе по этому поводу остальные плантаторы.

Вообще, эта экспедиция противоречила всему, что Дуглас когда-либо слышал о стратегии — а слышал и знал он немало. Когда-то Дуг подумывал о том, чтобы избежать ненавистного изучения права с помощью военной карьеры, однако потом все же отказался от этой идеи. Его тянуло назад, на Ямайку, а вовсе не в те места на карте мира, где Англия вела свои войны. Но для того, чтобы оценить его нынешнее приключение, даже не нужно было читать книгу «Искусство войны». То, что происходило здесь, было чистой воды топтанием в темноте, придуманным парой напившихся стариков, которые послали в эту поездку ищущих приключений мужчин помоложе. Соратниками Дуга в этой верховой экспедиции были большей частью надсмотрщики с плантаций, которые громко заявляли, что не боятся чернокожих. Казалось, что все это они рассматривали как некий веселый отпуск, и передвигались в джунглях настолько самоуверенно и шумно, что каждый оснащенный слухом марон задолго до их появления мог убежать или зарядить свое ружье. Винтовки преследователей, конечно же, торчали из седельных сумок. И они никогда бы не смогли своевременно и более или менее упорядоченно отреагировать на засаду.

Дуг надеялся на скорое окончание операции. Не потому, что за две

недели они не увидели ни единого черного лица, а потому, что заканчивались запасы рома.

— Когда-нибудь нам надо будет повторить это, — заявил надсмотрщик с плантации Холлистера, словно речь шла о походе на рыбалку. — Но тогда мы возьмем с собой кого-нибудь, кто здесь уже бывал.

Дуг закатил глаза. Он с самого начала предложил взять проводника и заплатить ему. Были же белые люди, которые вели торговлю с маронами, в большинстве своем мелкие мошенники, каждые пару недель с навьюченными мулами уходившие в горы в надежде заполучить как можно больше денег за несколько дешевых инструментов. И всегда нашлась бы пара «свободных» чернокожих, сидевших в Кингстоне в тюрьме, потому что их поймали за воровством. Губернатор, как правило, приказывал их потом повесить, хотя Дуг был уверен, что они с удовольствием спасли бы свою жизнь, проведя белых людей в горы. Однако этого он не предложил — слишком велика была опасность, что черные заведут их в засаду. Плантадоры же, казалось, склонялись к мнению, что Нэнни-Таун, как мароны называли горное село, в котором укрепились, находится за следующей развилкой дороги и там чуть ли не развешаны таблички с указателями.

— Скажите, а кто-нибудь знает, как мы отсюда теперь выберемся? — недовольно осведомился один из надзирателей, откупоривая последнюю бутылку рома из сахарного тростника.

Дуг схватился за лоб и вытащил свой компас. Неужели эти люди никогда не бывали где-нибудь дальше своих плантаций, а до этого никогда не выбирались из своих шотландских деревень?

В данном случае нужно было просто дать возможность лошадям самостоятельно искать дорогу. Его Амиго имел очень четкое представление о том, как он найдет свое стойло в Каскарилл? Гардене, да и остальные четвероногие стали двигаться намного быстрее, когда группа наконец-то отправилась в обратный путь. Всего лишь через три дня они добрались до Кингстона, где мужчин приветствовали, как героев.

— Убить мы, правда, никого не убили, но нагнали на этих парней основательного страху! — орал надсмотрщик Холлистеров. — В ближайшее время ни один из них тут не покажется!

Правда, их тут не бывало и раньше — мароны направляли свои атаки чаще всего на плантации, расположенные далеко в предгорьях, но сейчас это никого не интересовало.

Как бы там ни было, теперь Дуга начали хоть чуть-чуть признавать в Кингстоне. На одном из наспех организованных «праздников победы» он

встретил нескольких купцов, занимавшихся импортом-экспортом, с которыми вполне профессионально поговорил о торговом праве, в то время как остальные члены экспедиции просто напивались. Ему быстро удалось убедить их в своих знаниях, и они не спрашивали Дугласа о наличии диплома до того, как попросить его проверить их договора и составить новые. После того, как он помог одному из мужчин в переговорах с Англией и указал на слабые места в законе, которые облегчали ему ввоз своих товаров на родину, о Дуге заговорили все. В будущем ему уже не надо будет сидеть без дела на плантации своего отца, а придется почти каждый день ездить верхом в Кингстон и зарабатывать собственные деньги.

Таким образом, Дуг вернулся в Каскарилла Гардене довольный собой.

На следующий день после церемонии обеа Нора проснулась с мучительной головной болью. Она раньше никогда не пила так много, как прошлой ночью, и уж точно ничего крепче вина или иногда бокала ромового пунша. То, что произошло у нее с Аквази, оказалось почти забытым из-за резкой боли и стука в голове, и ее состояние не улучшалось. Где же Маану? Почему она не появляется, чтобы помочь ей?

В конце концов, маленькая Манса по указанию Адвеа принесла ей нюхательную соль и положила ей на лоб мокрый платок.

— Маану завтра снова здесь, — сказала девочка.

Нора не слишком задумывалась над этим. Она предполагала, что Маану этим утром чувствует себя так же, как и она сама, что хотя и не оправдывало ее служебную халатность, но, по крайней мере, объясняло ее. Нора удивилась только тогда, когда Маану, на следующий день все-таки появившись на службе, была при этом такой же раздражительной и неразговорчивой, как в день приезда новой хозяйки на плантацию. Хотя, пожалуй, в этот раз было еще хуже — ведь тогда Маану просто напускала на себя равнодушный вид. А сейчас, казалось, она по-настоящему злилась на Нору.

— Ты видела меня во время обряда обеа? — попыталась выведать причины этого поведения Нора. — Тебе это не понравилось? Ты считаешь, что белые люди не должны быть там?

— Миссис делает, что хочет, — резко ответила Маану.

Она ушла из ее комнаты, якобы для того чтобы принести что-то. Нора, естественно, могла бы заставить ее отвечать на вопросы, но не хотела обидеть девушку, загоняя ее в угол. Когда-нибудь, она надеялась, Маану снова оттаит. Может быть, участие Норы в собрании оскорбило ее религиозные чувства. Маану сидела впереди — возможно, она относилась к ближайшим сподвижникам Квадро. Нора спрашивала себя лишь о том,

откуда она узнала о присутствии хозяйки. Ей надо было приказать Адвеа молчать об этом...

Что касалось Аквази, то молодой раб придерживался указаний Нору и больше не приближался к ней. В первые дни женщина также целенаправленно избегала его, но затем обнаружила, что в этом нет никакой необходимости. Аквази держался от нее подальше.

Через два дня после происшествия в сарае Нора с облегчением обнаружила, что у нее начались месячные. Невозможно было себе представить, что бы произошло, если бы она забеременела. Хотя она знала, к какой *баарм мадда* ^[10] ей можно было бы обратиться в таком случае. Знахарка, также выполнявшая обязанности повитухи, принадлежала плантатору Кинсли, и люди рассказывали, что она «лечила» даже белых девушек из Кингстона.

К тому же ни одна из рабынь, которые побывали у нее, не умерла, откуда можно было сделать вывод, что она самая лучшая знахарка в этой местности. Однако Нора умерла бы от стыда, если бы ей пришлось признаться старой рабыне, что в ней растёт ребенок-мулат. Или что она не хочет ребенка от своего мужа. И то, и другое Норе было одинаково противно.

И, слава Богу, теперь она могла спокойно забыть о ночи с Аквази — и Нора считала, что ей это удалось.

Пока на плантацию не вернулся Дуг Фортнэм.

— Ну и как? Как дела у моей прекрасной мачехи?

Дуг хотел непринужденно поцеловать Нору в щеку, когда зашел в дом своего отца перед ужином и встретил ее в холле. Он знал, что отец может в любой момент спуститься вниз по лестнице, так что его приветствие было безукоризненным — никому бы в голову не пришла мысль, что между ними может быть что-то большее. Но, тем не менее, Нора отшатнулась от его поцелуя. Дуг удивленно посмотрел на нее, а затем появился Элиас, и дальнейшие вопросы были уже невозможны.

— Ну что, выкурили ниггеров из гнезда?

Нора вздохнула. Первый же вопрос Элиаса не обещал ничего хорошего, и ужин прошел, как и ожидалось. Дуг не мог ничего сообщить о маронах, но Элиас также не допустил, чтобы он развлекал Нору живыми описаниями своего путешествия. Он прервал своего сына, когда тот начал рассказывать о птицах, папоротниках и мотыльках.

— Что это было, молодой человек? Вылазка с ботанизированной? ^[11] Ты должен был избавить нас от маронов, а не собирать цветочки.

А потом стал насмехаться над рассказом Дуга о жизни в лагере под дождем.

— Мальчик, ты что, сделан из сахара? Так и бывает на войне, Дуглас! Там бывает всякое, и волны, бывает, захлестывают палубу. Но там не жалуются, а хватаются за шпагу!

— Да, фехтовать с погодой у меня не получилось, — заметил, в конце концов, Дуг, — как бы я этого ни хотел. Ах, если бы я смог найти хоть какого-то дуппи, который за это отвечает!

Он с удивлением заметил, как вздрогнула Нора при упоминании о духе. Неужели он затронул ее религиозные чувства?

— Но ни один из духов не показался, так же, как и мароны Виндворда. Я сожалею, отец, но если ты хочешь добиться результатов, то должен послать туда нормальных людей, а не пару дураков, которые верят, что природой в негров заложено только одно — собачье послушание. Эти люди попадали бы со страху с лошадей, если бы перед ними возник хотя бы один чернокожий с ружьем. Я знаю, что повторяюсь, но для того, чтобы выкурить поселения Кудойе-Таун или Нэнни-Таун, понадобилось бы пол-армии, а еще лучше — целая армия. Хорошо обученная, готовая ко всему — и вооруженная до зубов. И еще пара шпионов, которые бы показали, где находится это поселение. Что касается нашей карательной экспедиции, то мы должны благодарить Бога, что там наверху не увидели ничего, кроме цветочков и птичек.

Дуг встал и ушел в свою комнату. С Норой он может поговорить потом.

Первое впечатление Дуга от их встречи, к его разочарованию, не обмануло молодого человека. Нора держала себя с ним намного сдержаннее, чем перед экспедицией. Наверное, она все же обиделась на него за тот поцелуй.

Дуг проклинал себя за свою поспешность. Ему надо было набраться терпения и сначала дать ей почувствовать, как он к ней относится. Дугу придется начинать все сначала, а времени у него теперь было меньше, поскольку почти каждый день он уезжал в Кингстон. И, тем не менее, он продолжал ухаживать за молодой женщиной, подробно описывал ей животных и растения в горах и время от времени предлагал ей сопроводить его в Кингстон. Однажды Нора, придя в отчаяние от своего одиночества, приняла такое приглашение, но оставалась бдительной. Она не должна поддаваться своим странным чувствам по отношению к Дугу: было бы крайне неудобно испытывать к сыну своего мужа... Нет, она даже не будет думать о таком слове, как «любовь»!

Поведение Маану со временем не изменилось. Казалось, она за что-то серьезно злится на Нору. Девушка выполняла свою работу, но больше не говорила с хозяйкой ни о чем личном. Это сказывалось на всех планах Норы. Было трудно осматривать и лечить больных, когда Маану при этом упорно молчала и плелась за ней по дорожке к хижинам, словно собака, пребывающая в плохом настроении. Девушка теперь сама не проявляла никакой инициативы, и приходилось приказывать ей делать каждое движение, причем напряженные отношения между ними действовали Норе на нервы.

— Почему ты ее просто не выгонишь? — спросил Дуг, когда она намеками пожаловалась на свои неприятности. — Ты же можешь взять себе другую служанку, кому какое дело?

Нора сердито посмотрела на него.

— Так, как ты когда-то вышвырнул Аквази?

— Там было по-другому, — вымученно сказал Дуг, но тут же замолчал.

Норе захотелось дать самой себе пощечину. Теперь отчуждение возникло и между ними двоими.

Вообще, все летние месяцы этого года были отмечены скверными отношениями между Норой, Маану и Аквази, а также между Дугом и Элиасом. Причем Нора не понимала последнего, поскольку Дуг сейчас делал именно то, ради чего Элиас посылал его учиться. Вскоре он стал признанным адвокатом в Кингстоне, и ни один человек не спрашивал его о наличии диплома. Однако вечное недовольство отца объяснялось, похоже, тем, что он дал понять еще в тот рождественский вечер: Элиас Фортнэм не планировал, чтобы его сын возвращался назад на Ямайку, по крайней мере, пока отец жив. Может быть, он даже лелеял надежду зачать с Норой еще одного наследника. Совместное же руководство плантацией казалось старшему Фортнэму делом абсолютно невозможным.

— На корабле должен быть только один капитан! — коротко заявил он, когда Нора спросила его об этом. — А у Дуга нет хватки, чтобы руководить плантацией, — мальчик слишком мягкий. Друг ниггеров. Мне следовало еще тогда взять себе новую жену, это было неправильно — дать мальчику вырасти на кухне.

Нора ничего не сказала по поводу того, что жена для Элиаса была не чем иным, как только средством достижения цели. Это она поняла еще на свадьбе и сейчас была рада, что он не прикасался к ней уже несколько месяцев. Иногда она спрашивала себя, не связано ли это как-то с изменениями в ее фигуре. Нора была уже не такой хрупко-изящной, как в

девятнадцать лет. Она стала женственной и более мускулистой. Ее регулярные пешие походы к хижинам, на пляж, к озерцу в джунглях сделали ее крепче; она плавала и скакала верхом. При этом сама Нора считала, что стала красивее. Ее крепкое, гибкое тело нравилось ей. Элиас же, очевидно, отнес ее к разряду «жирных коров», как он обозначал жен других плантаторов, когда бывал не совсем трезв. Однако Нора не смогла обнаружить его любовницу и среди черных женщин и стала думать, что ее муж посещает бордель в Кингстоне, когда испытывает телесное вожделение.

Дуг, наоборот, пожирал Нору глазами, когда они вместе бывали на конной или пешеходной прогулке. Благодаря долгим содержательным беседам молодые люди снова сблизились. Им обоим был нужен кто-то, кому можно было бы выговориться.

Споры между Дугом и Элиасом в эти месяцы сосредоточились главным образом на теме, которую однажды затронул младший Фортнэм после поездки в Кингстон.

— Тебе надо будет поговорить с Холлистером, — сказал молодой человек, когда на стол подали закуски. — Я, правда, не знаю, как он сам этого не понимает, но ведь известно, что он не блещет умом. Как бы там ни было, он сейчас вырубает джунгли для новой плантации сахарного тростника. Между его старыми плантациями и морем. А этого делать нельзя.

Элиас фыркнул.

— Наш лорд сам знает, что ему делать. И я могу его понять, ведь его земли не заходят далеко в центральную часть острова, вот он и хочет расширить свои владения. У нас у всех дела обстоят точно так же.

Цены на сахар продолжали держаться на головокружительной высоте, и к тому же на него повысился спрос. Чай начал свое победное шествие по Англии, и ни в одном чайном сервисе не отсутствовала сахарница. В последнее время в Англии открывалось все больше и больше чайных комнат, становившихся местами встреч для женщин (кофейни всегда оставались прерогативой мужчин), и новый напиток открыли для себя также средний класс и даже бедные слои населения. И вряд ли кто-то из них пил неподслащенный чай — сахарные бароны ликовали.

— Но так близко к морю нельзя, — возразил Дуг. — При первом же урагане все будет смыто в океан.

— А разве этого следует ожидать? — осведомилась Нора. — С тех пор как я здесь, у нас не было ни единого смерча, не говоря уже об урагане.

— Радуйся, — пробурчал Элиас.

Дуг же выглядел очень озабоченным.

— Вот именно, — сказал он, — слишком долго уже все идет хорошо. Рано или поздно что-то да пронесется над нами. В любом случае в ближайшие двадцать лет. А лорд Холлистер захочет рубить свой сахарный тростник и дальше или нет?

Сахарный тростник является долгоживущим растением. Хотя до первого урожая проходит от одного до двух лет, потом тростник стабильно приносит надежный доход на протяжении двух десятилетий.

Элиас ухмыльнулся.

— Он и хочет, и будет. Старый Холлистер не такой уж дурак. Он отведет воду.

Дуг наморщил лоб.

— И куда же? — осведомился он.

Элиас пожал плечами.

— Понятия не имею. В любом случае его люди строят водоотводы и дамбы. Для этого он специально вызвал эксперта из Англии. Это его дело, мальчик, пусть делает что хочет. Он соображает в этих делах больше, чем ты.

Дуг больше ничего на это не сказал, зато на следующий день выбрал время, чтобы внимательно проинспектировать новую плантацию Холлистеров. Вечером он появился в доме, встревоженный намного сильнее, чем накануне.

— Отец, нам нельзя допустить того, что планирует Холлистер. Он направляет воду на нашу землю!

Элиас сделал большой глоток вина.

— Ну и что? Там же просто джунгли. Если смоем какое-то дерево, мы это переживем. Не стоит ради этого портить отношения с хорошими соседями.

Дуг потер висок.

— Там не только джунгли, — настойчиво сказал он затем, — там находится поселение наших рабов. Если будет наводнение, его снесет.

Элиас остался спокоен.

— А их всегда затопляет. В этом нет ничего нового.

— Но в этот раз вода будет выше! — Дуг отчаянно пытался объяснить Элиасу причину своего волнения. — Вода смоем хижины. Они...

— И в этом тоже нет ничего нового, — заявил Элиас. — Такое у нас уже было, два или три раза. После этого они строят новые хижины. Кого это волнует?

Нора хотела возразить, что это волнует рабов, — когда их

немногочисленные пожитки уносит вода, когда они остаются без крыши над головой до тех пор, пока не будут построены новые хижины, и когда они, дополнительно к обычной работе, вынуждены заниматься восстановлением жилья. Нора вряд ли могла себе представить, что Элиас для строительства отрядит людей с поля. Однако Дуг опередил ее.

— Тебя, наверное, беспокоит, когда твои люди потонут как крысы! — набросился он на отца. — Ты знаешь, как быстро поднимается вода, когда начинается настоящий дождь и на море бушует шторм? Очень трудно вовремя убежать оттуда!

Дуг вспомнил о шторме, который много лет назад настиг его и Аквази по пути от пляжа к поселению рабов. Мальчики мгновенно сообразили, что не успеют убежать, и спаслись, вскарабкавшись на дерево в джунглях. Там они провели несколько очень беспокойных часов, пока уровень воды не понизился. Детям это показалось скорее приключением, чем опасностью для жизни, но Адвеа тогда подумала, что ее приемный сын Аквази и сын баккра утонули. Она сначала молилась богу и всем духам, а затем задала мальчикам хорошенькую трепку. «Почему вы не появиться домой до того, как начинаться шторм?» — ругалась она.

— А теперь представь себе в два раза большее количество воды и то, что она будет подниматься в два раза быстрее. Люди не смогут своевременно спастись.

Элиас покачал головой.

— Выражаю тебе свое уважение, Дуг, — сказал он голосом, исполненным сарказма. — Ты, оказывается, не только правовед-недоучка и несостоявшийся военный стратег, но еще и специалист по гидротехническим сооружениям. Чему еще тебя научили в Англии? И почему ты не остался там, дабы найти всем этим вещам достойное применение? Однако нет, ты появляешься здесь и повсюду сеешь недовольство. Я в любом случае не буду ставить старому Холлистеру палки в колеса только из-за того, что пара негров промочит себе ноги. Но... Ладно, если ты настаиваешь, я поговорю с ним. Посмотрим, что он на это скажет.

Дуга не привлекли к переговорам между плантаторами. Зато им давал пояснения английский строитель дамб и специалист по водоотведению, похожий на ангела.

— Там не существует никакой опасности, — объявил Элиас, когда заметно пьяный благодаря лучшему рому Холлистера, явился домой. — Я же тебе так сразу и сказал. Тут ничего не может случиться.

Дуг снова потер себе висок.

— Я склоняюсь к предположению, — сказал он таким же

насмешливым тоном, каким говорил его отец за день до этого, — что ваш английский специалист до сих пор не пережил ни единого урагана, я прав? Однако же надеюсь, что он останется здесь и застанет тот момент, когда на острове будет бушевать следующий ураган. Тогда он сможет кое-чему поучиться.

Глава 2

Большинству белых людей было чрезвычайно трудно привыкнуть к климату на Ямайке и других островах. Прежде всего, нелегко было приспособиться к полному отсутствию отличий между временами года. Даже Нора, которая очень любила тепло, поначалу не могла поверить, что жара здесь держится круглый год. Однако количество осадков изменялось. Здесь не бывало настоящей засухи, как на юге Европы, где, по словам Дугласа, зачастую не бывало ни единого дождя на протяжении трех месяцев, — однако, в особенности на побережье, в летние и зимние месяцы стояла солнечная сухая погода. Весной и осенью, наоборот, дожди шли каждый день, причем проливные. Особенно после обеда и к вечеру на землю выливались такие массы воды, что укрепленные дороги с твердым покрытием превращались в реки, а грунтовые дороги — в бездонные красные полосы грязи.

Последнее, конечно, касалось также поселений рабов. Лишь немногие плантаторы позволяли своим слугам строить хижины на возвышенных местах — здесь господа предпочитали ставить хозяйственные постройки, например мельницы, перегонные установки и кухни. Адвеа, Маану и другие домашние рабы, начиная с августа, пробирались по грязи, достигавшей щиколоток, чтобы выйти утром на работу.

— В этот год хуже, чем обычно, — вздыхала Адвеа и мыла ноги в ручье, прежде чем зайти на кухню. Ручеек превратился в настоящую бурную речку. — При этом я не замечаю, чтобы дождей было больше. А вы, миссис?

Нора тоже не заметила увеличения количества осадков, однако могла представить, что послужило причиной наводнения в поселке рабов. Строительство водоотводных сооружений на плантации Холлистера успешно продвигалось.

Вечером она сама затронула эту тему.

— Может быть, Дуг не так уж и неправ, Элиас, — осторожно начала она. — Я сегодня утром была в деревне, и мне пришлось вести прием больных наверху, у мельницы. Поселение рабов по-настоящему затоплено водой, она уже затекает в дома. Людям скоро негде будет спать. По крайней мере, на полу.

— Значит, пусть смастерят себе кровати, — проворчал Элиас. — Как приличные люди-христиане.

Дуг удержался от замечания, что может быть еще хуже. Вместо этого он тайком от Элиаса приказал раздать людям лопаты и кирки, с помощью которых те могли бы выкопать хотя бы примитивные водоотводные канавы.

— Но это, конечно, не поможет, если будет настоящий ураган, — обеспокоенно сказала Нора, когда они на совместной конной прогулке осматривали систему водоотвода.

Дуг покачал головой.

— Если будет настоящий ураган, то не поможет ничего, только быстрое бегство.

— Но, может, нужно хотя бы предупредить людей? — спросила Нора. — Они же не имеют ни малейшего понятия о том, что делает Холлистер.

— Они, вероятно, этого и не поймут, — пессимистически сказал Дуг. — Если даже до моего отца это не доходит. Проблема состоит не в самой воде, а в ее внезапном прорыве. Ты себе представить не можешь, как быстро это происходит. А предупреждения... Недостаточно просто сказать, нужен настоящий план: каждый человек должен четко знать, что ему делать, когда угрожает ураган, и если даже будет ложная тревога — это не страшно. Тогда нужно будет поблагодарить небо и послать людей назад в свои хижины или на работу. Но мой отец будет вопить благим матом, если хотя бы час работы пропадет впустую. И он никогда не согласится обсуждать это с чернокожими.

Нора устало кивнула.

— Я когда-то заговорила с ним об этом — он считает, что это только вызовет панику...

Дуг потер лицо.

— Отец и мне так сказал. И не так уж он неправ. Многие негры — как дети: если их напугать, то они при каждом порыве ветра будут лезть на деревья. А затем их оттуда снимут надзиратели и накажут плетьюми. Воцарится хаос.

— Не будет хаоса, если они сами смогут организовать себя, — подумала вслух Нора, вспомнив о бесшумном и очень дисциплинированном походе рабов в ночь ритуала. — Что, если мы все-таки поговорим с кем-то, например, с колдуном-обеа?

Дуг ухмыльнулся.

— Ты его знаешь?

Вскоре они уже разговаривали со старшим конюхом Питером.

— Вы меня не предавать?

Питеру понадобилось определенное время, чтобы прийти в себя от ужаса в связи с его разоблачением. У него от лица отхлынула кровь, когда

Нора назвала его африканское имя.

— Нет, — сказал Дуг. — Каким богам ты поклоняешься по ночам, мне абсолютно все равно.

— А я не буду спрашивать о паре куриц, — неохотно проговорила Нора, хотя ритуальные убийства кур произвели на нее крайне отвратное впечатление. — Однако ты должен объяснить людям, что на плантации Холлистера...

Дуг покачал головой и жестом призвал ее к молчанию.

— Мы боимся, Квадво, — сказал он затем серьезно, — что лорд Холлистер на своей плантации рассердил духов. Во время следующего урагана они могут прийти и напасть на ваше село.

— Мы ни при чем к Холлистеру, — спокойно сказал человек-обеа. — Боги мстят своим ниггерам.

— Я боюсь, что духи не будут делать различий, — ответил Дуг. Кстати, поселение рабов Холлистера было вне опасности. Оно находилось ближе к центральной части острова, около его дома. Поскольку Холлистеры, как правило, больше времени проводили в своей резиденции в Кингстоне, им было все равно, видно ли поселение рабов из окон господского дома или нет. — Я действительно очень беспокоюсь, Питер... Квадво. Может наступить большое наводнение, когда придет следующий ураган.

Квадво наморщил лоб.

— Что я делать, баккра? Хотеть колдовство? Тогда мне нужна курица...

Дуг потер себе висок, а Нора чуть не рассмеялась.

— Ты должен только предупредить людей, Квадво. Скажи им, что они не должны рыдать и молиться, когда разразится ураган, и карабкаться на крыши домов, как обычно. И лезть на деревья тоже не должны. Им нужно бежать наверх, к ветряной мельнице, или к господскому дому, но все же лучше к мельнице, потому что вода может подняться до самого дома, особенно если еще будут огромные волны с моря... если разбухнет еще и морской бог. Назначь людей, которые будут помогать слабым и больным и проверят, все ли люди покинули хижины. Определи место, где все должны собраться...

— Скажи людям, что если они не знают, куда бежать, то следует собраться в сарае наверху, — вмещалась Нора. — Не набирай туда слишком много сена, ты же знаешь...

Квадво испытующе посмотрел на Нору.

— Вы... миссис знает много, — заметил он с новым приливом страха.

Нора отвела взгляд в сторону.

— Миссис знает все, — заявила она затем. — Значит так: это твоя община, и ты за нее отвечаешь. И в этот раз надо сделать больше, чем отрубить голову курице.

— Ты присутствовала при этом! — весело заметил Дуг, когда они с Норой пешком возвращались к дому.

Они не торопились, никого из них не привлекал совместный ужин с Элиасом, на который к тому же в этот день были приглашены еще и Холлистеры. Дугу будет чрезвычайно трудно оставаться вежливым, а Элиас накануне запретил Норе касаться темы отведения воды. В отношении Дуга этот запрет был, без сомнения, высказан еще пару недель назад.

— Не отрицай, Нора, ты была на такой церемонии.

Та весело кивнула.

— Я тайком пробралась туда, — призналась она. — Но я не все там поняла. Зачем, ради Бога, нужно проделывать это с курами?

Дуг засмеялся.

— Это жертвенные животные, — сказал он. — С помощью их крови колдун-обеа вызывает духов. И выполняет особые желания. Если кто-то хочет наложить на кого-то проклятие, сделать приворот или что-то подобное, приносит с собой курицу...

Нора скорчила гримаску.

— Но кто же верит в такое? Это же просто не может действовать. Я имею в виду... что больше не было бы никаких баккра, если бы проклятия рабов сбывались.

Дуг пожал плечами.

— Так ведь никто и не дает никаких гарантий. Однако все же иногда находится подходящий дуппи, который на следующий после церемонии день может испугать коня баккра так, что тот упадет и свернет себе шею. Чаще всего, конечно, — нет. Но эти люди очень терпеливы, они дают духам бесконечно много времени для исполнения своих миссий: удачей считается, даже если баккра через пять лет умрет от какой-нибудь болезни.

Нора вздохнула.

— Мне было бы лучше, если бы никто не накладывал на меня проклятия, — пробормотала она. — И я действительно старалась. Но...

— Тебя никто не будет проклинять, — утешил ее Дуг, — наоборот, большинство рабов молится на тебя.

Нора фыркнула.

— Особенно Маану.

— Маану какая-то странная, — согласился Дуг. — Очень злопамятная, очень... ожесточенная. При этом я не знаю почему. С ней ведь тогда ничего

не случилось. Аквази...

— Почему ты предал Аквази? — вырвалось у Норы. — Я имею в виду, что ты... Ты ведь не такой, ты...

— Что я? — искренне удивился Дуг. — Предал? Кто тебе такое рассказал?

— Ты оставил его в беде! — упрекнула Нора. — Это сказала Маану, и было непохоже, что она врет. Ты уехал в Англию, а...

— Ничто не влекло меня в Англию, Нора! — воскликнул Дуг, и молодая женщина вспомнила, что он уже когда-то очень резко отреагировал на такое замечание. — Я уехал не по своей воле!

— Однако ты и не сопротивлялся. Ты ничего не сделал для Аквази. Хотя он... он принадлежал тебе.

Последние слова Нора произнесла глухим голосом.

Дуг покачал головой. Затем взял Нору за руку и увлек ее на боковую дорожку. Этот разговор будет более длинным, чем путь к дому. Его сердце колотилось. Может быть, в этом и таилась причина сдержанности Норы. Он должен был выяснить, что рассказали ей Маану и Аквази.

— Боже мой, Нора, что же я тогда мог сделать? — спросил он. Ее рука, как и раньше, лежала в его ладони, и он надеялся, что она не отнимет ее. — Аквази и Маану, без сомнения, думали, что я всемогущ. Мне разрешалось все, что запрещалось им, я получал все, чего мне хотелось, я был белым...

— Ты был владельцем раба, — напомнила ему Нора. — Ты отвечал за него!

Дуг снова потер виски, в этот раз сильнее, чем обычно.

— Неужели твой отец никогда не дарил тебе пони, Нора? — настойчиво спросил он. — Или собачку? С серьезным лицом предупреждая, что теперь ты за нее отвечаешь.

Нора кивнула, но тут же хотела что-то возразить. Однако Дуг не дал ей этого сделать. Он спешил продолжить.

— Если бы эта лошадь однажды сбросила тебя или собака укусила, тогда бы все выглядело по-другому, не так ли? Тогда твой отец продал бы животное, невзирая на то, что ты к нему привыкла...

— Аквази — не животное! — возмутилась Нора.

— Нет, он был ребенком! — воскликнул Дуг. — И я тоже. Мне было десять лет. Мне вообще не мог принадлежать никакой раб, так же, как тебе — твой пони или твоя собачка. Что я должен был сделать, Нора, что?

— Тебе было десять лет? — Нора ошеломленно посмотрела на него. — А я думала... Тебя же послали в Оксфорд, в университет. Я думала, что тебе было не меньше шестнадцати. Маану...

Она запнулась. Нет, тут что-то было не так. Маану ничего не говорила о возрасте мальчика, когда это произошло. Так что ничего неправдивого тут не было, наоборот. Нора из ее рассказа должна была сделать вывод о том, что и Дуг, и Аквази были тогда еще детьми. Девушка рассказывала об уроках чтения. «Я умею это не очень хорошо... я ведь тогда была еще маленькой...» Маану была на шесть лет моложе Аквази и Дуга, значит, если бы мальчиков разлучили в возрасте шестнадцати лет, ей должно было быть десять. Нора в десять лет давно бы уже научилась читать.

— Шестнадцать! — Нора и Дуг уселись было на бревно, но молодой человек тут же вскочил и взволнованно заходил взад-вперед. — Как ты могла в это поверить? Боже мой, в шестнадцать лет мы ведь уже не были бы такими дураками! Мы бы не выдали себя. И если бы это обнаружилось, то мы сбежали бы вдвоем. В горы, на свой страх и риск, к маронам, чего бы это ни стоило. Но тогда... Мой отец накрыл нас, Нора, когда я был болен. Точно так же, как и Маану, наверное, такая же простуда, только я, конечно, лежал в своей комнате, а мама Адве держала свою дочку на кухне. Аквази сидел возле меня и читал мне вслух книгу. Какую-то историю про пиратов. При этом можно было бы спастись, если бы мы подозревали, что нас ожидает. Он, в конце концов, мог бы сказать, что только притворяется, что читает, а на самом деле просто придумывает эту историю. Однако, когда отец вошел в комнату и спросил его, Аквази с гордостью объяснил, что он, разумеется, умеет читать, и тут же продемонстрировал свое умение. И это навлекло на нас беду. Меня с ближайшим кораблем отправили в Англию, в интернат. А Аквази... Я думал, что отец продаст его. Он ведь был воспитан в качестве домашнего негра, и за него дали бы много денег. И я всегда утешался тем, что домашним неграм жилось неплохо. Но послать его на плантацию... в возрасте десяти лет... Он, наверное, прошел через ужасные испытания, и это настоящее чудо, что он вообще выжил. Только я в этом не виноват, Нора! Я так же плакал и кричал, как и он. Но я не виноват в том, что кожа у меня другого цвета. Я не несу вины за решение моего отца. И я клянусь Богом, Нора, с тех пор, как я снова здесь, с тех пор, как я увидел рубцы на его спине, с тех пор, как он обращается со мной, словно... с врагом... я каждый день думаю о том, что бы я мог сделать, чем бы я мог ему помочь.

Он закрыл лицо руками.

Нора, не в силах ничего с собой поделать, подошла к нему и обняла его.

— А я ведь тоже думала, что ты...

Дуг притянул ее к себе.

— Но ты мне веришь? — тихо спросил он.

Нора кивнула. Конечно, она поверила ему и теперь тоже боролась с чувством вины. Она совершенно неправильно истолковала рассказ Маану и ее ненависть.

— Ты был еще ребенком, Дуг, прекрати упрекать себя. На тебе нет никакой вины. Это проклятая система виновата, это рабство. И...

«И Элиас», — подумала она. У Норы не было никаких угрызений совести по отношению к мужу, и, в порядке исключения, она даже не вспомнила о Саймоне, когда в следующее мгновение позволила Дугу нежно поцеловать себя.

Глава 3

И если бы рассерженные духи действительно умели вызывать ураган, как верил Квадро, тогда Аквази собственноручно освободил бы кого-то из них, когда увидел Дуга и Нору в тесных объятиях друг друга.

Молодые люди не обращали внимания на группу лесорубов, которые работали в лесу вблизи дороги, ведущей к морю, занимаясь рубкой и распилкой двух старых красных деревьев. Элиас Фортнэм пришел к выводу, что они не выдержат ближайшего летнего урагана, и подумал, что лучше продать дерево, пока оно хоть чего-то стоит. Аквази входил в группу рабов, которые должны были выполнить это задание, и сидел в кроне дерева, спиливая там самые крепкие сучья, до того как ствол будет свален вниз. Он прекрасно видел влюбленную пару, и в душе у него зародилась такая ненависть к старому другу-сопернику, что ураган по сравнению с ней показался бы просто милым. Ни один дуппи, ни один бог и ни один дух не могли бы остаться безучастными к такой бешено кипящей ярости, но, как всегда, силы небесные держались в стороне от человеческих страстей. С неба не ударили смертоносные молнии, и земля не разверзлась, чтобы поглотить соперника Аквази.

И лишь надсмотрщик отреагировал на то, что Аквази внезапно словно окаменел. Он заорал на раба и велел ему немедленно продолжать работу. Аквази так, в конце концов, и сделал. Но в его фантазии пила врезалась не в ветви красного дерева, а в плоть и кости человека, которого он когда-то считал своим другом...

Первый порыв ветра Нора Фортнэм почувствовала в воскресное утро, когда, скучая, сидела рядом с Рут Стивенс и слушала проповедь ее мужа. Надсмотрщики и плантаторы по традиции посещали час молитвы, которую проповедник читал для рабов, — именно так, словно перед Богом и Иисусом Христом все были равны. Однако надсмотрщики, скорее всего, просто следили за тем, чтобы все черные были на месте, — присутствие на богослужении было обязательным. А рабовладельцы, как Элиас Фортнэм, внимательно слушали, что проповедует священник. Ведь в христианских общинах действительно наблюдались устремления сделать черных и белых равными, другими словами, запретить рабовладение. Проповеди нередко звучали как подстрекательство, но со стороны Стивенса такого можно было не опасаться.

В этот день, например, он сладким голосом процитировал притчу о

хорошем пастухе и обозначил многочисленные параллели между беззаветно преданным пастухом и хорошим плантатором, который самоотверженно заботится о своих рабах. У Элиаса был довольный вид, в то время как Дуг сидел, напряженно сжав губы. Нора, увидев это, попыталась понимающе подмигнуть ему, но затем отказалась от своей затеи. Она знала, что он считает ее нерешительной, однако после того поцелуя в лесу она последовательно избегала его. Такое не должно повториться, ни в коем случае, в конце концов, Нора не свободна. Ладно, Дугу не нужно было знать, что ее душой владеет Саймон. Однако Элиас имел право на ее тело. Невозможно представить, что случилось бы, если бы он обнаружил, что она изменяет ему с его собственным сыном!

В то время, как Рут Стивенс рядом с ней громко и фальшиво пела церковную песню, Нора про себя молилась за Саймона. Она всегда делала так во время богослужений, даже если в последнее время мысли ее при этом часто бывали... Теперь во время ее тихой молитвы к ней зачастую приходили мысли о Дуге. Если Нора сейчас железно не возьмет себя в руки и Дуг тоже не увидит, какое несчастье они могут навлечь на себя из-за растущей сердечной склонности друг к другу, то им скоро действительно понадобится Божья помощь!

Дуг тоже не пел вместе во всеми и не обращал внимания на преподобного, который только что поднял руки, благословляя верноподданно стоящих на грязной площади рабов. Молодой Фортнэм озабоченно смотрел поверх голов собравшихся людей вниз, на море. Он сидел напротив Норы — для хозяев плантации были поставлены стулья в первом ряду, но дамы заняли места немножко дальше от основной группы людей в тени обширной каскариллы. Может, чтобы дети преподобного не мешали другим — Рут Стивенс удалось за полтора года на Ямайке родить уже двоих, — и конечно, для того, чтобы им в голову однажды не пришла идея играть с детьми рабов из Каскарилла Гардене, хотя тех тут почти не было. Рут ненавидела, когда черные мамочки, такие, как Адвеа, с воркованием приближались к ее детям, чтобы любовно погладить или пощекотать их. Она боялась негров и выглядела очень усталой, поскольку в доме священника в Кингстоне не терпела черных. Нанять на работу белую служанку было невозможно — белых слуг на Ямайке просто не было. И вообще, Рут не упускала ни единой возможности пожаловаться на эту страну, в которую последовала за своим мужем-проповедником. Она считала, что здесь слишком жарко, слишком влажно, слишком громко и эта страна слишком безбожна, что бы это ни значило.

— Ну, на жару сегодня вы пожаловаться не можете, — сказала Нора и

подставила лицо встречному ветру. Он был гораздо более сильным и прохладным, чем обычно, когда дул с моря.

— Зато будет дождь, — уныло ответила Рут и указала в направлении побережья.

Действительно, там уже клубились черные тучи, и они быстро приближались — значит, именно туда смотрел Дуг. Нора стала искать его взгляд, но молодой человек этого не замечал. Он о чем-то взволнованно говорил своему отцу, в то время как священник закончил свои молитвы быстрее, чем обычно. Между тем уже стали падать первые капли дождя, и ветер усилился. Преподобному Стивенсу однозначно хотелось поскорее уйти в дом, где его, естественно, ожидал хороший обед. После богослужения Фортнэмы имели обыкновение приглашать священника и его семью на обед — в то время как рабы снова принимались за работу.

Элиас обменялся парой сердитых слов с Дугом, и Норе очень хотелось присоединиться к ним. Однако Рут, вставая, покачнулась.

— Мне плохо... — пробормотала она. — Эта погода... всегда такая жара, а потом вдруг...

Молодая женщина была права: воздух заметно охладел, несмотря на то, что еще утром было очень жарко. Между тем дождь усилился настолько, что голоса пастора было уже почти не слышно.

Нора взяла из рук миссис Стивенс ребенка и посмотрела по сторонам. Рабы начали не то расходиться, не то собираться вокруг своих надзирателей. Там и тут звучали приказы, противоречащие друг другу. Собственно, им сейчас надо было немедленно уходить на рабочие места, однако никто не мог закрывать глаза на зарождающийся ураган. Неужели он превратится в настоящее бедствие, о котором так часто говорили здесь? Нора подумала об их плане действий на случай несчастья.

Теперь Рут уже стонала и держалась за живот.

— Боюсь, что меня сейчас вытошнит!

Адвеа и другие домашние рабы двинулись к большому дому с явной неохотой, но ведь там их ждала кухня. Элиас и преподобный тоже быстро отправились в укрытие. Они, казалось, ни о чем не беспокоились. Стивенс даже не оглянулся на свою семью, он, вероятно, посчитал, что женщины, болтая между собой, присоединятся к мужчинам.

Дуг же вел дебаты с надсмотрщиками. Он спорил с Мак-Аллистером, и речь шла, конечно же, о планах эвакуации. Таким образом, на помощь с его стороны пока что рассчитывать было нельзя. Нора осталась одна с Рут и ее детьми. Она, вздыхая, поддерживала голову молодой женщины, пока та, склонившись под каскарилой, извергала на землю свой завтрак.

Старший ребенок вцепился в юбку Норы и начал плакать, а следом захныкал и маленький на ее руках.

— Мне надо покормить его грудью, — пробормотала Рут.

Она едва держалась на ногах. Нора отбросила идею отвести их в дом, пока они не промокли до нитки.

— Давайте пойдем в кухню, — пригласила она молодую женщину и указала на строение, которое примыкало к площади для собраний. — У меня там есть помещение, в котором я лечу больных, когда идет дождь. Вы могли бы прилечь там, а я принесу вам что-то для освежения.

— Больных... негров? — спросила Рут с явными признаками отвращения.

Она, должно быть, слышала о том, что миссис Фортнэм заботится о рабах, но никогда с ней об этом не говорила. Нора подавила в себе замечание о том, что нары не передают цвет кожи.

— И надсмотрщиков тоже, если кто-то из них поранится, — заявила она.

Такого почти никогда не случалось, однако жену проповедника это явно успокоило. Она позволила Норе увести себя в направлении открытого здания, в котором варили еду рабам.

За несколько недель до этого Нора настояла на том, чтобы там соорудили небольшое отделение для больных. Со временем она набралась опыта в подборе целебных трав и приготовлении мазей, и ей не хотелось ежедневно таскать с собой перевязочные материалы и другие вспомогательные средства в поселение для рабов и обратно. Кроме того, она отказалась проводить лечение в грязи — ей все чаще и чаще приходилось сталкиваться с заболеваниями, протекающими с поносом и высокой температурой, с тех пор как в хижинах появилась стоячая вода. Место для собраний мужчины с помощью неглубоких водоотводящих канав держали в более-менее сухом состоянии, однако, несмотря на их постоянный труд, туда тоже проникала вода.

Дождь заметно усилился, пока Нора сопровождала жену проповедника к открытой кухне. Если бы не было ветра, то ее это особенно не беспокоило бы, однако, поскольку он тоже усиливался, Нора решила как можно быстрее оказать помощь Рут, а затем, если понадобится, даже силой потащить ее к дому. Она вспомнила о предупреждении Дуга, что слишком опасно пытаться переждать ураган в кухне, пусть даже эта постройка была прочнее, чем хижины рабов. Они уже сейчас брели по щиколотку в грязной красноватой воде. Все произошло так быстро... Если начнется наводнение, у них будет не больше часа времени, чтобы выбраться в безопасное место.

Так что Нора торопилась добраться туда, где сухо. В кухне она сначала поискала чистую воду, чтобы намочить полотенце для Рут. Молодая женщина положила ей на лоб компресс, а потом дала старшему ребенку фруктового сока, в то время как Рут кормила грудью младшего, жалуясь при этом на нехватку молока. Ребенок тоже казался недовольным и продолжал плакать. Рут переключала его от одной груди к другой, а Нора торопилась приготовить ей чая. Потом она добавила в него ложку сиропа из каскариллы — субстанции, приготовленную из коры этого растения, смешанной с медом, применяли против желудочно-кишечных заболеваний. Это же снадобье имело успокаивающее действие. Нора окунула палец в мед и дала пососать грудному ребенку. Затем она попыталась донести до сознания миссис Стивенс свои планы.

— Рут, когда вам станет немного лучше, мы должны поскорее уйти отсюда. Когда ураган доберется сюда, он может снести все это поселение.

Рут протирала шею и затылок мокрым полотенцем.

— Это помогает. Спасибо, Нора... Однако вы же не всерьез думаете, что ураган снесет целый дом... Что это за страна?

Нора попыталась заставить ее застегнуть платье и отправиться в путь, но та реагировала мучительно медленно. И лишь когда вода начала проникать в помещение, Рут, казалось, вернулась к жизни. Нора окончательно испугалась. Вода действительно поднималась с ужасающей скоростью.

— Идемте же, Рут! Идемте же, наконец!

Нора взяла младенца на руки.

— Тут кто-нибудь есть?

Чей-то мужской голос раздался снаружи. Нора распахнула двери — и огромная масса воды хлынула в отделение для больных. Она узнала этот голос, и волна облегчения поднялась в ней.

— Дуг? Мы здесь!

Нора подняла Рут на ноги и тут же увидела, что Дуг уже здесь. Он схватил на руки старшего ребенка и вытащил всех из хижины. Снаружи их ожидала почти непроглядная стена дождя — поселение рабов превратилось в, своего рода, озеро. Вода стояла уже почти на уровне бедер, а ветер, казалось, гнал ее перед собой. Он растрепал волосы Дуга, его косичка уже развязалась. Локоны Норы тоже в одно мгновение промокли насквозь, и ветер, как плетью, бил ими по ее лицу.

— Нора, ради Бога... Нам нужно быстрее уйти отсюда. Быстрее!

Дуг свободной рукой подхватил Рут. Это должно было помочь ей двигаться вперед.

— А чернокожие? — Нора огляделась по сторонам.

Вода пропитала всю ее одежду.

— Все уже ушли! Квадро хорошо сделал свою работу, но надсмотрщики сначала всему мешали... а я... я ушел последним, но ведь я не видел, чтобы ты уходила с моим отцом... Держитесь за меня покрепче, миссис Стивенс, но идите самостоятельно...

Рут едва могла сама держаться на ногах, да и у Норы дела были не намного лучше. На обеих женщинах были воскресные платья, причем наряд Рут выглядел значительно скромнее. Ее платье из темного сукна было, конечно, тяжелым, однако мешало ее движениям не так сильно, как необъятное платье Норы с кринолином.

Дуг понял это с первого взгляда.

— Сними ты эту штуку, Нора, иначе она потянет тебя вниз!

Молодая женщина выбиралась из платья на ходу, в то время как рука об руку с Дугом они пробивались в сторону ветряной мельницы. Рут визжала, что это не та дорога к дому, что нужно, но тем двоим было понятно, что они уже не смогут добраться до Каскарилла Гардене. Путь к дому поднимался очень полого, и вода может догнать их. Зато дорожка к хозяйским помещениям была относительно крутой, вот если бы только они могли двигаться быстрее... Поток воды тащил Нору за юбки, которые стали тяжелыми, как свинец.

— Стой спокойно, Нора! — Дугу пришлось кричать, чтобы пересилить ветер. — Я помогу тебе.

Он на секунду отдал ей девочку, выхватил из сумки свой нож и быстро разрезал материю.

Рут в ужасе вскрикнула — казалось, даже в этот момент она думала о приличиях. Однако Нора почувствовала себя освобожденной, когда выбралась из остатков юбки. Наконец-то она могла двигаться быстрее, крепко прижав к себе ребенка. Дуг же пытался держать над водой не только младенца, но и Рут, и тянуть их за собой. Молодая женщина рыдала и молилась, что вместе с криком обоих малышей и воем ветра сливалось в разрывающую нервы какофонию. Норе очень хотелось заставить их замолчать. Она с трудом нащупывала себе дорогу вперед, почву чудовищно размыло: путь к хозяйственным постройкам был укреплен, но не очень хорошо. В конце концов, она сбросила туфли, прижала ребенка к себе еще крепче и, как могла, пустилась вплавь. Вода между тем уже поднялась почти ей по горло, и вплавь она двигалась намного быстрее, поскольку ветер дул в попутном направлении. Волны несли ее. Но грудной ребенок... и Дуг с миссис Стивенс...

Между тем перед ними уже появились первые хозяйственные постройки на холме, но сами они были еще очень далеко от сухой земли. Крыша строения для перегонки тростника на спирт торчала из воды, как остров. Спасительный остров? Нора устремилась к нему, но ведь могло оказаться и так, что вода будет подниматься дальше и затопит и эту крышу.

У Дуга, казалось, были те же мысли, но он должен был считаться еще и с тем, что силы женщин таяли. Им нужно было срочно выбраться из воды. Крыша, примитивная мебель из поселения рабов и вырванные с корнем деревья проносились мимо. Люди подвергались опасности быть подхваченными и даже убитыми одним из деревьев. Волны поднимались все выше, и ураган усиливался.

— Нам нужно выбраться туда, наверх, Нора! — с трудом выдохнул Дуг. — Плыви дальше!

Нора собрала все свои силы. И, в конце концов, с рыданием вцепилась в крышу строения для перегонки тростника. Она попыталась поднять ребенка наверх, но это ей не удавалось. Женщине пришлось прилагать нечеловеческие усилия, чтобы удерживать голову девочки над водой. Пока она плыла, ей это не всегда удавалось, может быть, малышка уже давно захлебнулась — она перестала кричать.

После целой вечности пребывания в этом аду из урагана и дождя, которые превратили мир вокруг в темноту, Нора услышала рядом с собой голос Дуга.

— Держитесь крепче, миссис Стивенс, держитесь крепче! Проклятье, да цепляйтесь же вы!

— Дети... Мэри, Сэм! — визжала Рут.

Дуг поднял на крышу мокрый сверток. Но маленький мальчик, которого он держал на руках, больше не двигался. Только ветер трепал тонкие волосы и одежду ребенка.

Дуг боролся с Рут, которая цеплялась за него.

— Проклятье, миссис Стивенс, держитесь за крышу! Я выберусь наверх и вытащу вас тоже... Не дай Бог, ветер сорвет детей вниз...

У Норы было достаточно забот, чтобы следить за этой драмой, но внезапно над ней появилась какая-то тень. Она услышала крики и молитвы Рут, значит, та была жива — она как раз вцепилась в своего ребенка. И наконец, Дуг забрал девочку из рук Норы.

— Ты можешь подняться наверх, Нора? О, Боже мой, хоть ты-то держись!

Нора замотала головой, чего за стеной дождя, конечно, никто не заметил, но она тут же почувствовала, как Дуг крепко схватил ее под

мышки. Он вытащил ее на крышу, как перед этим вытащил Рут и малышей. На какое-то мгновение она очутилась в его объятиях.

— Нора... — Дуг прошептал ее имя, перед тем как вместе с ней рухнуть на крышу. Она увидела его лицо в неверном свете, напряженное, уставшее до смерти... Но он сразу же пришел в себя и продолжил борьбу за их жизни.

— Нам нужно за что-то закрепиться. Если станет хуже...

Дуг, шатаясь, добрался до широкой трубы на крыше, которая, хоть и незначительно, но все же защитила бы их от ветра. Он потащил Рут и детей за эту трубу.

— Дерево!.. — с трудом прокричала Нора. У нее было такое чувство, что ветер срывает слова с ее губ.

За домом стояло огромное гваяковое дерево. Рабы обычно привязывали в его тени упряжки мулов. Дерево было чрезвычайно толстым, значит, так быстро ураган не вырвет его с корнем. А ветви как раз простирались над крышей постройки-спасительницы.

Дуг кивнул.

— Мы могли бы к нему привязаться... Хотя бы детей... Давайте, миссис Стивенс! Давайте! Двигайтесь!

Рут уже почти ни на что не реагировала. Дуг потащил ее и детей к дереву, Нора передвигалась самостоятельно. Грязная красноватая вода захлестывала крышу.

Дуг быстро обрезал юбки Рут и порвал их на полоски, которыми привязал ее и детей к самым толстым ветвям дерева.

— Если вода поднимется еще выше, — предупредила Нора, — они утонут!

— Тогда мы все утонем! — крикнул в ответ Дуг и с трудом затянул еще один узел. Ветер вырывал материю у него из рук.

Нора уцепилась за ветки дерева. Они могли бы залезть еще чуть-чуть выше... Обессиленные и растерянные, они с Дугом смотрели, как мимо них вода несла остатки хижин рабов. Крыши, домашнюю утварь, мертвых животных — и даже живых. Дуг одним быстрым движением вытащил из воды насквозь промокшую кошку, которая тут же запустила когти ему в руку. Затем она, шипя, скрылась в ветвях гваякового дерева.

— Благодарное животное, — процедил Дуг и потер царапины на своей руке.

Нора вскрикнула, когда огромная волна швырнула на их дерево первый человеческий труп. Старый Гарри.

— Как же это? О Боже! — Нора расплакалась.

Она ведь сама разрешила старому рабу в это утро остаться дома, в своей хижине. Наверное, никто не вспомнил о нем и не вытащил. Наводнение, очевидно, просто внезапно накрыло его.

— Он вскарабкался на одну из крыш, — сказал Дуг голосом, полным ярости. — Так рабы всегда поступали, и он, определенно, снова сделал так, когда заметил, что остался один. Но в этот раз... этот проклятый богом Холлистер!

Последние слова он буквально проорал против ветра.

— Нет... Не поминайте имя Бога всуе! — Казалось, Рут начала приходить в себя.

— Выругайся еще раз, может быть, тогда она опомнится, и хотя бы будет держаться! — крикнула Нора так громко, как только могла, сквозь вой ветра.

Руки у нее болели, а Дугу, очевидно, было еще хуже. Он не только обхватил одной рукой сук, чтобы удержаться самому, но другой еще и удерживал вошедшую в ступор Рут. Никто уже не знал, что с детьми, они не издавали ни звука, или просто их голосов не было слышно в бушующем шторме.

И все время дождь лил, как из ведра. Ветер гнал перед собой воду, далеко внизу волны бились о то, что когда-то было поселением рабов. До сих пор Нора не могла себе представить, что море может так далеко выйти из берегов, но она также никогда не думала, что ветер может быть таким сильным. Ураган давно унес все украшения из ее волос, а также строгий чепчик Рут. Однако он, казалось, был не в состоянии вырвать с корнем их дерево — сначала ему надо было снести здание перегонной установки. Дерево и дом, словно крепко вцепились друг в друга. Однако ветер срывал листья с веток и ломал крону. Кошка полетела вниз, лишь немножко задержавшись в ветвях прямо над Норой и Дутом. Опять она показалась такой маленькой и жалкой. Но ей все же удалось крепко вцепиться когтями в кору дерева.

Рут теперь действительно держалась собственными силами, но, как безумная, звала своих детей. Она пыталась отвязать их и перетащить к себе. Ей удалось проделать это только с малышом, однако, как только он очутился в ее руках, она снова заверещала:

— Он мертв! О Боже, он мертв!

Дуг и Нора беспомощно смотрели друг на друга. Они не могли это проверить, но смерть была возможной и даже очень вероятной.

— Я хочу к нему... я тоже хочу умереть! — Пальцы Рут отпустили мальчика. Дуг попытался подхватить его, но тело младшего ребенка

Стивенсов уже уносил поток дико бурлящей воды. Рут издала почти нечеловеческий крик и попыталась схватить кошку.

— Она жива, проклятое животное живо, а мой маленький Сэм...

Нора на ощупь пробралась к ней. Она ненавидела себя за то, что делала, но ей пришлось дать молодой женщине две сильных пощечины. После этого Рут замолчала и снова впала в апатию.

— Привяжи ее покрепче! — крикнула Нора, стараясь перекрыть рев урагана. — Привяжи ее, пока она не убила себя и другого ребенка!

Дуг с трудом выпрямился, отрезал несколько новых кусков материи от платья Рут и крепко привязал ее руки к двум веткам. Он поблагодарил небо за месяцы, проведенные в море. Фортнэм основательно научился вязать крепкие узлы при шторме, под дождем, висая на парусах.

Тем временем Нора смотрела, как снова что-то ужасное приближается к ней.

Вместе с мертвыми собаками, коровами, вырванными деревьями и кустами вода несла мимо них еще один человеческий труп. Или нет? Кто-то маленький с короткими курчавыми волосами отчаянно цеплялся за толстую ветку и кричал, призывая на помощь.

Дуг Фортнэм не раздумывал долго. Они потеряли ребенка, но тот, другой, тоже вот-вот утонет. Он скользнул в воду и догнал девочку двумя сильными гребками. Выбраться назад на крышу вместе с ней было непросто. Шторм беспощадно отбрасывал его в сторону и дальше, но затем...

— Вот, держись покрепче!

Нора оставила спасительную крышу и рванулась вслед за Дугом. Теперь она лежала на ветке дерева, нагибая ее своим весом вниз к воде. Она молила Бога, чтобы ветка не обломилась. Дуг отчаянно пытался схватиться за ветку, девочка — тоже. Нора помогла ребенку подняться наверх, Дуг справился с этим сам. Тяжело дыша и кашляя, он откинулся на развилку веток. Нора с облегчением заметила, что вода на крыше за последние минуты не поднялась выше. Забрехала какая-то надежда. Девочка плакала. Нора узнала в ней Салли, одну из самых молодых домашних служанок.

— Салли, откуда... Как ты сюда попала?

— Я с Энни... разговаривали, в лесу...

Норе уже не нужно было слушать дальше. Две девчонки заболтались, вместо того чтобы после богослужения послушно пойти в дом и взяться за работу.

— Прошла волна. Огромная волна...

Нора не спрашивала об Энни. Она прижала дрожащую Салли к себе и стала баюкать ее в своих объятиях. Дуг немного погодя обхватил их одной рукой, второй крепко держась за ветки дерева. Они даже не знали, сколько времени уже провели тут. Нора закрыла глаза, радуясь, что ей не нужно больше смотреть на воду и те страшные предметы, которые она несла. Ей было приятно ощущать спиной крепкую, надежную грудь Дуга, он согревал ее, хотя сам тоже дрожал от холода и усталости. Его губы время от времени шептали ее имя, и иногда Норе казалось, что она чувствует у себя на затылке нежные успокаивающие поцелуи, посланные, словно из другого мира. Она бы полностью отдалась им, если бы тут не было Салли, которая громко рыдала и, заикаясь, бормотала какие-то непонятные слова.

— Только моя вина. Духи сердиться, потому что Салли делать плохие вещи. Бог сердитый, проповедник говорит, не делать...

— Салли, все не так плохо, — попыталась успокоить ее Нора. — Ты просто заболталась с подружкой. За это духи не будут тебя наказывать, я уверена...

— Много хуже. Салли сделала много плохого...

В конце концов, девочка замолчала и, несмотря на ужас, окружавший их, казалось, впала в сонное состояние, похожее на транс.

А затем погода внезапно прояснилась. Стена дождя, которая так быстро выросла перед ними после проповеди, так же моментально исчезла. Ветер прекратился, на небе почти не было облаков, а мутное солнце освещало ужасные сцены.

Дуг отодвинулся от Норы.

— Все закончилось? — хриплым голосом спросила она.

Он покачал головой.

— Нет. Ради Бога, оставайся здесь. Это глаз, понимаешь? Так называемый глаз урагана, зона, где нет ветра и никаких осадков. Сейчас он уйдет дальше. И может быть, тут станет еще хуже. Не двигайся, Нора, я посмотрю, как дела у миссис Стивенс.

Нора очень скоро услышала, что Рут еще жива. Женщина заорала на Дуга, требуя, чтобы тот отвязал ее, потому что она была исполнена дикой решимости броситься в воду и искать своего ребенка. Дуг посмотрел, как дела у ее старшей дочери, Мэри, и понял, что у них есть и хорошие новости.

— Миссис Стивенс, миссис Стивенс, послушайте меня! Грудной ребенок мертв, надеяться больше не на что, даже если вы его найдете. Но у вас есть еще один малыш. Посмотрите сюда, девочка жива...

В конце концов, Дуг отвязал одну руку женщины, чтобы она могла

прижать к себе маленькое, еле слышно плачущее существо.

— Вопрос только в том, надолго ли, — прошептал он Норе. — Ребенок бледен, как мертвец, и очень переохлажден. А теперь будет еще холоднее.

Глаз урагана, как кратко объяснил Дуг Норе, был зоной холода. Все они сильно замерзли. И снова поднимался ветер.

— Дай мне ее, я согрею, — сказала Нора и отдала беленького ребенка Стивенсов в объятия Салли, в то время как Рут отчаянно дико боролась с Дутом, который снова беспощадно привязал ее.

— Это же лучше для вас, миссис Стивенс, вы не сможете удержать ребенка!

О том, чтобы вовлечь супругу проповедника в сплетение человеческих тел, которое образовали Нора и Дуг с детьми, не могло быть и речи. Рут не будет в этом участвовать... Когда ураган поднялся снова, она опять стала кричать. Миссис Стивенс то бормотала молитвы, то проклинала Бога. Она, казалось, сошла с ума. Салли тоже рыдала. Ее молитвы сменялись укорами самой себе. Девочка была убеждена в том, что боги послали непогоду только для того, чтобы покарать ее за какие-то грехи.

Нора не считала, сколько часов прошло, но позже узнала, что ураган стих только после полудня. Сначала прекратился дождь, затем утих ветер, и вода постепенно схлынула. Нора и Дуг устало сидели на крыше и подводили итоги. Салли и маленькая дочь Рут, к счастью, остались живы, однако им, особенно белой малышке, срочно нужно было обсохнуть и обогреться. Сами они не получили никаких ранений, за исключением нескольких ссадин.

— Самые серьезные повреждения у меня из-за тебя! — укоризненно сказал Дуг кошке, которая сидела на одной из веток и вылизывала себя. Она оскорбленно посмотрела на него сверху вниз.

Рут Стивенс, казалось, уснула. Норе тоже очень хотелось спать. Но здесь было не место для слабости.

— Как мы уйдем отсюда? Вода схлынет вся? — спросила она.

Дуг пожал плечами.

— Она будет уходить довольно быстро, — заметил он. Вода теперь стояла на уровне середины дома. — Но в какой-то момент она может перестать спадать. Море, без сомнения, уйдет назад. Однако что будет с наводнением из-за дождя, я не знаю. Пройдет несколько дней, пока в поселении рабов станет сухо.

— Но до тех пор... до тех пор ребенок умрет! — сказала Нора в отчаянии.

Эти слова, казалось, дошли до Рут. Она выпрямилась. После того как

стих ураган, Дуг отвязал ее от дерева.

— Мэри... Где Мэри? Сэм..?

Она всхлипнула, вспомнив о смерти Сэма. Нора быстро сунула ей в руки малыша. Ребенок снова расплакался.

— Мэри здесь.

Рут прижала ребенка к себе, затем переложила на другую руку, — казалось, у нее болит грудь. Нору это натолкнуло на мысль.

— Может быть... вы попытаетесь покормить ребенка грудью? — заволновалась она. — Ей срочно нужно питание и тепло. Так долго она ведь не может...

Мэри, наверное, не так давно отлучили от груди, перед тем, как ее маленький брат появился на свет. Она, может быть, еще помнит об этом.

Рут сердито посмотрела на Нору.

— Нет! Нет! Молоко... Это молоко для Сэма... а Сэм...

Блуждающий взгляд Рут упал на Салли, которая остекленевшими глазами смотрела на воду вокруг себя.

— Она... она... эта негритянская шкура! Почему она жива? Почему она жива, а Сэм мертв?

Салли снова стала упрекать себя.

— Потому что боги разозлились, Салли плохая.

А затем они слышали голоса.

— Не быстрее, Джо! Делать медленно!

— Но так быстрее вниз, Билли. Ты трус!

— Я не хочу утонуть! Так ты не можешь грести.

В пределах видимости появился плот, увлекаемый спадающей водой. На нем сидели на корточках два конюха Фортнэмов, которые, очевидно, даже получали от этого удовольствие. С помощью двух досок они пытались управлять примитивным плавательным средством. Причем им, собственно, не надо было прилагать особых усилий: вода спадала и увлекала за собой плот в направлении поселения. Им надо было всего лишь следить за тем, чтобы их не вынесло далеко в море, но, может быть, так им было бы даже лучше. Они хотели бы, чтобы когда-нибудь их прибило к побережью, которое не принадлежало бы никакому баккра...

Однако теперь они отреагировали радостными возгласами, заметив Нору и других на крыше здания спиртоперегонной установки. Они с готовностью постарались направить плот в их сторону. Дуг подтянул его к себе за одно из импровизированных весел.

— Откуда вы взялись? Вас послал сюда Питер?

— Квадро? — добавила Нора, пытаясь прикрыть обнаженные участки

тела.

Во время урагана ей некогда было думать о своих голых ногах, но сейчас она и Дуг увидели ухмылки на лицах молодых парней. Дуг снял с себя порванную мокрую рубашку и протянул ей.

Оба парня кивнули.

— Должны посмотреть, как дела в селе. И сказать баккра, где мы, чтобы он всем не отрубил ногу, потому что убежали, — сказал Джо.

— Значит, вы все укрылись в сарае? — обрадовалась Нора.

Билли поднял руки.

— Не знаю, миссис, — ответил он. — Многие да. Но никто не знает, что с домашними ниггерами. И не хватает Гарри, Эммы, нет Тоби...

— О нет!

Нора вздохнула. Тоби и рабыня с плантации Эмма, которая в последнее время часто делила с Тоби хижину, были верующими христианами. Возможно, они пошли вслед за преподобным, чтобы получить его благословение. Или же думали, что божьего человека ураган пощадит, — того, кто верит в Иисуса Христа, а не в старых духов.

— Затем вся команда мистер Трумэн, миссис. Баккра послать их копать канавы, чтобы вода не затекать в дома...

Дуг потер лоб.

— Да, конечно, — вздохнул он. — Я еще пытался отговорить его, но они действительно думали, что если до начала урагана выроют пару канав, то этим что-то спасут. Если людям не повезло, то никто из них не остался в живых...

На крыше зашевелилась Рут.

— Все ниггеры остались живы! — пожаловалась она. — Все черные. А вот Сэм, мой маленький Сэм...

Джо и Билли испуганно посмотрели друг на друга. В конце концов, Нора взяла инициативу в свои руки.

— Мы все поместимся на этом плоту? — спросила она. — Как ты считаешь, им можно управлять, Дуг?

Тот оценивал возможность как очень хорошую, если бы еще среди уносимых водой предметов попало несколько досок. Он сказал, что если все они будут грести, то поборют слабое течение и смогут причалить где-то чуть выше дома. Рут не обращала внимания на разъяснения Дуга. Она продолжала жаловаться и ругать чернокожих. Нора собрала все свои силы, чтобы затащить ее на плот и удерживать там. Однако удавалось это только с помощью Билли и Джо. Страх Рут перед тем, что к ней будут прикасаться чернокожие, казалось, был таким большим, что она с громким плачем и

жалобами заняла место посреди плота. Салли прижала маленькую Мэри к себе, а мужчины вели свой спасительный островок южнее против течения. В конце концов, они причалили к месту повыше дома. Кошка была первой, кто спрыгнул на твердую землю. И тут же она залезла на руки Билли, узнав конюха.

— Это Бэсси, кошка с конюшни! — объяснил молодой негр. — Хорошо ловить мышей... но я не знаю, что она умеет плавать.

Нора задумчиво смотрела ей вслед, пока кошка мчалась в направлении конюшни.

— А я всегда думала, что это просто глупое выражение — насчет семи жизней, — пробормотала она. — Никогда нельзя терять надежду. Может быть, другим тоже удалось выжить.

Вечером вода спала настолько, что можно было подвести итоги. Гарри, Тоби, Энни и Эмма были мертвы, и, кроме них, погибли еще четверо мужчин из рабочей группы надсмотрщика Трумэна. Остальные, и среди них Аквази, спаслись вплавь, им повезло, что они успели взобраться на деревья или крыши, подобно тому, как это сделали Нора и Дуг. Все они были крепкими молодыми парнями, которые не так-то легко сдавались. И сам Трумэн тоже выжил. Все домашние слуги, кроме Салли и Энни, еще до урагана укрылись в кухне, а до дома волна наводнения не добралась — остановилась буквально перед ним, что преподобный Стивенс, естественно, отнес на счет провидения Божьего. Того, что этого было недостаточно, чтобы спасти жизни обоих действительно верующих рабов, — Тоби и Эмма и правда пошли вслед за проповедником, — он даже не заметил. И относительно спокойно отреагировал на известие о смерти своего сына, дав Рут немного утешения, помолившись за него вместе с ней.

Нора отвела молодую женщину в спальню и уложила ее в постель, после чего приготовила ей большую чашку настоя из целебных трав для успокоения.

Она с удовольствием предоставила бы это Адвеа, но Рут отреагировала на появление черной женщины истерическим припадком.

— Было бы лучше всего привлечь сюда баарм мадда, на случай если Рут опять беременна. Если она сейчас потеряет еще одного ребенка... — Нора поделилась своим беспокойством с Маану, которая, как обычно, упорно молчала. — Однако если она не хочет... Скажи, пожалуйста, можно ли раздобыть какой-то еды? У меня такое чувство, что я умираю с голоду. Если я не усну, до того как...

Маану слегка поклонилась, и это был жест, который выводил хозяйку из себя, о чем девушка прекрасно знала.

— Вы лучше переоденьтесь, через полчаса в столовой будет накрыт стол.

— Что будет? — спросила Нора. — Ты имеешь в виду... Здесь... наступает конец света, у нас погибли девять человек, а мы... а мой супруг приказывает подать ужин, как в обычный день?

Маану сделала книксен.

— Один человек, миссис. Остальные всего лишь рабы. Кстати, у нас еще четыре мертвых осла, миссис. Баккра очень разозлился, он прикажет наказать плетьюми погонщиков, потому что они не успели отвязать животных.

Нора схватилась за голову.

— Маану, я требую, чтобы ты прекратила это, — пробормотала она. — Хотя бы сегодня. Ну ладно, если так должно быть, помоги мне переодеться и сделай что-нибудь с моими волосами. Их надо бы помыть, они забиты грязью и похожи на солому. Но я не хочу заставлять тебя сегодня еще и воду таскать. Так что, пожалуйста, ты меня тоже хоть чуть-чуть пожалей. Веди себя по-человечески или лучше молчи.

Маану вычесала из волос Норы огромное количество красноватой грязи и просто связала их в пучок на затылке. Однако волосы все равно выглядели неухоженными. Нора даже вздрогнула, увидев свое отражение в зеркале. Она была бледна, глаза ввалились, и, казалось, щеки тоже запали. Нора подумала, не применить ли ей грим, но затем отказалась от этого. Она выглядела такой измученной и усталой, какой чувствовала себя, и никто не посмеет порицать ее за это. Маану хранила мрачное молчание и больше не провоцировала свою хозяйку. Она вытащила из шкафа и выложила перед Норой простое темное платье. К нему нашелся черный платок на плечи. Нора посчитала, что оделась сообразно случаю.

На лестнице она встретила Дуга, у которого тоже был переутомленный вид. Его светлые волосы имели красноватый оттенок — из них никто не вычесал грязь.

— Тебе придется завтра помыть голову, иначе тебя будут принимать за ирландца, — устало пошутила Нора.

Дуг улыбнулся ей.

— Мы можем вместе пойти к морю и смыть с себя грязь, — заметил он. — Теперь, когда я знаю, что ты умеешь плавать...

Нора покраснела.

— На сегодня с меня хватит воды — даже моря и пляжа, — сказала она. — А теперь еще и этот ужин... Не находишь ли ты его каким-то... призрачным?

Дуг отмахнулся.

— Хватит уже богов и духов... Если этот проповедник вознесет застольную молитву и поблагодарит Бога за наше спасение, я закричу.

Дуг, конечно, кричать не стал и выдержал короткую серьезную молитву за души умерших с напускным спокойствием. После этого он набросился на еду с таким же аппетитом, как и Нора. Порицающий взгляд преподобного, который сам непривычно сдержанно принялся за угощение, не помешал никому из них.

Громко вел себя за этим ужином один лишь Элиас, который только теперь наконец-то понял, что хотел сказать ему сын еще несколько недель назад.

— Проклятый Холлистер! Его плантация почти не понесла ущерба, я уже там все осмотрел. Зато наш поселок рабов полностью погиб! Но он мне за это заплатит, он компенсирует мне все потери! Восемь рабов, из них пять полевых ниггеров в расцвете сил! И две упряжки ослов! Этот эксперт из Англии кое-что от меня услышит... — Элиас возмущался очень громко и пил один стакан рома за другим. Казалось, что голода он не ощущает. — Подумать только, во что обойдется все построить снова! Перегонная установка тоже погибла...

Дуг и Нора оставили его буйствовать дальше, извинились и ушли сразу же после ужина. То же самое сделал проповедник. Последний хотел еще раз взглянуть, как дела у его жены, и вместе с ней вознести пару молитв за своего сына. Норе бросилось в глаза, что он не посвятил ни единого замечания спасению своей маленькой дочки. Наверное, для него было бы лучше, если бы погибла Мэри.

Элиасу тоже пришлось встать, поскольку он остался один. Однако он крикнул Адвеа, которая пришла убирать со столов, еще кое-что:

— Адди! Прикажи позже подать мне наверх напиток, чтобы я уснул.

Нора заметила, как испуганно окаменела Адвеа.

— Сегодня, баккра? — спросила рабыня. — Господин, пожалуйста... девочка устала до смерти...

— Конечно сегодня! — заорал на нее Элиас. — Если бы я имел в виду завтра, то сказал бы завтра!

Адвеа бросила на своего господина взгляд, который испугал Нору. Неужели в нем сверкнула та же ненависть, которая так часто светилась в глазах Маану?

— Конечно, господин. Как приказывать баккра...

Нора с трудом поднималась по лестнице: все у нее болело, а завтра утром, конечно, будет еще хуже. Она немножко удивлялась поведению

Адвеа. Конечно, у матери Маану, как поварихи, было привилегированное положение в доме, но она не была высокомерной. Почему же она сама не отнесла Элиасу пунша с ромом, когда Манса и Салли уже спали? Нора даже подумывала о том, чтобы самой пойти в кухню, взять напиток и отнести его мужу. Но, возможно, это натолкнуло бы его на глупые мысли, а для нее в этот вечер было бы невыносимо делить с ним брачное ложе. Она пошла наверх — и встретила перед своими покоем Дуга.

— Я хотел еще раз обнять тебя, — шепотом извинился он. — Больше всего на свете. Нора, мы были сегодня так близки...

Молодая женщина кивнула. Она была слишком уставшей для кокетства — и ничего не имела против того, чтобы заснуть в объятиях Дуга. Тогда во сне ее не преследовали бы страшные картины и голоса, которые уже сейчас мерещились ей.

Нора вздохнула.

— Да, я тоже хотела бы, чтобы меня обняли. Перед тем... до того как мы снова забудем это.

Она погрузилась в объятия Дуга и еще раз почувствовала его силу и защиту. Они шли на огромный риск, однако Нора редко чувствовала себя в такой безопасности, как сейчас, на широкой груди Дуга.

Зато другая осталась незащищенной. Она, дрожа, ожидала на лестнице, пока пара попрощается, и ни Дуг, ни Нора не слышали легких шагов ее босых ног в коридоре перед комнатами Элиаса Фортнэма. Когда позже Нора услышала ее плач, то подумала, что это просто эхо страшного сна.

Глава 4

Следующий день начался с удручающего вида из окна. Нора всегда, проснувшись, смотрела на море и радовалась синей полоске за сочной зеленью леса. Однако в это утро вместо привычных джунглей были видны только верхушки самых крепких деревьев, которые выглядывали из красновато-коричневой воды. Пока земля вплоть до возвышения, на котором стоял главный дом поместья Каскарилла Гардене, была затоплена. Поселение рабов, или то, что от него осталось, все еще полностью находилось под водой. Сад и огород тоже имели печальный вид. Ураган вырвал с корнем большую часть деревьев, а дождь смыл грядки.

Любимый павильон Норы был сильно поврежден. Грустно улыбнувшись, она подумала, что он выглядит таким же разбитым, какой чувствовала себя она. Каждая ее мышца протестовала против намерения Норы встать, и больше всего ей хотелось снова лечь в постель. Но перед ней был долгий напряженный день, полный работы и печали.

Маану появилась вовремя, чтобы помочь ей помыть волосы и одеться, но вид у нее был еще более мрачный, чем обычно. На вопросы Норы по этому поводу она ничего не ответила.

— А как чувствуют себя преподобный и его супруга? — спросила Нора о гостях дома. На этот вопрос Маану вынуждена будет ответить.

— Женщина плачет, — объяснила Маану, — и хочет встать и искать ребенка. Она говорит, что ночью ей один ангел сказал, что ребенок еще жив.

— Это невозможно, — сказала Нора.

Маану снова пожала плечами.

— Но она верит в это. Преподобный попросил баккра отдать приказ найти труп. Сейчас это делают двадцать ниггеров...

— Но это же безумие, — возразила Нора.

Все еще было опасно идти туда, где стояла вода. Земля везде размокла и превратилась в болото. Почва могла легко сползти вниз, особенно там, куда вода прибила все то, что было сорвано с места, вырвано с корнем и уничтожено ураганом.

Однако Нора тут же замолчала. Жаловаться не имело смысла: преподобный Стивенс и его жена, конечно, не уедут до тех пор, пока не будет найден ребенок. Поэтому она сама бы, наверное, предоставила своих людей в их распоряжение — хотя бы для того, чтобы избавиться от гостей.

— Преподобный мог бы сегодня утром совершить богослужение, — сказала она, наконец. — Нам ведь нужно похоронить мертвых...

На красивом лице Маану появилась кривая злая улыбка.

— Кладбище рабов затоплено, — сказала она затем.

Нора почувствовала, что сейчас взорвется.

— Значит, придется делать новое кладбище! — заявила она. — И мы сразу же должны подумать, где будет новое место для поселения рабов. Старое при каждом урагане все равно затоплялось водой, если я правильно поняла. Значит, имеет смысл построить новый поселок выше господского дома.

— Из-за этого баккра Дуг уже поссорился с баккра Элиасом, — заметила Маану.

Нора вздохнула. Она хорошо могла себе представить, как это происходило.

За завтраком, как и ожидалось, царила напряженная атмосфера. Дуг предложил ставить новое поселение рабов вблизи конюшен. Для этого нужно было удалить оттуда единственную плантацию сахарного тростника, которую там только что заложили. Можно было за несколько дней вынуть из земли саженцы и пересадить их в другое место.

Но Элиас воспротивился этому. Прежде всего, из-за того, что это предложение сделал Дуг. Нора решила снова разыграть карту «купеческой дочери».

— Иметь поселение там, где оно находилось раньше, было, конечно, более практично, — сначала признала она правоту Элиаса. — Близко к кухне, а также к хозяйственным постройкам, — от конюшен людям, конечно, придется идти немножко дальше...

— Но... — Дуг хотел возразить, что это не играет почти никакой роли, однако Нора взглядом приказала ему замолчать.

— Но подумай о затратах, — спокойно продолжила она. — Сколько это займет времени и сколько понадобится работы, чтобы снова построить жилье...

— За это заплатит Холлистер! — угрожающим тоном сказал Элиас.

Этим утром у него был переутомленный вид и плохое настроение. Неужели вчерашняя драма подействовала на него сильнее, чем думала Нора?

— Вполне возможно. Но заплатит ли он снова, если это повторится и в следующем году? Тогда ты будешь упрекать себя, что вы не перенесли хижины в другое место. Ведь практически при каждом урагане в поселении рабов были разрушения, разве не так? Каждый год надо будет снова вести

ремонтные работы. Я не думаю, что это оправдывает себя, Элиас. Единственной разумной альтернативой было бы построить дамбы и выкопать рвы, как сделал это Холлистер, и разместить жилье рабов в сухом месте.

— Но это же стоит целого состояния! — возмутился Элиас. — Один только этот тип из Англии...

— Ты должен посчитать все в спокойной обстановке, — любезно сказала Нора. — Тебе не следует решать это сегодня. Вот только вопрос с кладбищем...

Утро после урагана выдалось дождливым, однако снова потеплело. Лежавшие в сарае трупы нужно было похоронить. В конце концов, Элиас дал уговорить себя и разрешил устроить кладбище для рабов за конюшнями. Это был первый шаг к постройке новой деревни поблизости. Дуг и Нора, облегченно вздохнув, посмотрели друг на друга.

— Прямо рядом с могильником для животных, да, миссис? — заметила Маану, когда хозяйка сказала ей о решении баккра.

У Норы впервые в жизни возникло желание ударить свою служанку.

После этого преподобный, наконец, провел похоронное богослужение, в то время как Нора хлопотала вокруг плачущей Рут. Мужчины, которые должны были искать мертвого ребенка, еще не вернулись; Нора надеялась, что среди них не было близких друзей умерших, которые хотели бы присутствовать на похоронах. Однако, наверное, Квадро проведет свою собственную тайную церемонию. Колдун-обеа входил в поисковую группу, и именно он после обеда нашел мертвого младенца. Нора не спрашивала, сделал ли он это с помощью духов, или справился сам.

Рут при виде трупа потеряла сознание, поэтому о возвращении Стивенсов домой в этот день нечего было даже думать. Проповедник ушел вместе с ней, чтобы помолиться, после того как Нора снова напоила бедняжку чаем из зверобоя и успокаивающим сиропом из каскариллы. После этого она занялась ранениями, к счастью, легкими, которые получили некоторые из рабов в борьбе с наводнением. Лишь у Аквази были тяжелые ушибы — он вцепился в дерево, на которое ветер обрушил еще одно дерево. Нора настояла на том, чтобы Маану натерла его камфорой и целебной мазью, после чего и раб, и рабыня посмотрели на Нору так, словно та заставила их отхлестать друг друга плетью. Нора уже не в первый раз спрашивала себя, что случилось между ними, и не связано ли это как-то с тем, что произошло у нее с Аквази в ночь ритуала обеа. Однако не мог же Аквази быть таким сумасшедшим, чтобы рассказать об этом служанке! А то, что Маану могла узнать об этом каким-то другим образом,

Нора исключала.

Между тем Дуг организовал временное жилище для рабов. Все равно, где придется строить новое поселение, сначала нужно было где-то разместить людей, тем более что начался затяжной дождь. В конце концов, он объявил временным жильем часть конюшен и сарай возле хозяйственных построек, хотя и понимал, что существует опасность того, что отец вечером отменит его решение. Элиаса не было с ними: он сразу же после траурной церемонии уехал верхом в Кингстон, чтобы «заняться Холлистером».

— Может быть, он сегодня уже не вернется назад, — сказал Дуг Норе как бы мимоходом, когда они в обед вместе с рабами ели густой суп. Временную кухню для рабов тоже надо было организовать. Пока что Адвеа и другие поварахи готовили еду в хозяйственных помещениях дома, но сад и огород возле кухни были слишком маленькими для двухсот пятидесяти человек, которых нужно было накормить. — Дорога в Кингстон частично затоплена, если вообще не размыта.

Нора покраснела. Она видела его взгляд и чувствовала, что между словами повис немой вопрос.

— Но это значит, что Элиас может вернуться назад, — нерешительно возразила она. — И, кроме того... У нас в доме Стивенсы, а на кухне спят чернокожие. Я не могу...

Она не знала, не может или не хочет, но что было совершенно ясно, так это то, что в этот день Нора была слишком уставшей, чтобы принимать какие-либо важные решения. Конечно, она думала о Дуге... постоянно, хотя сама этого не хотела. Но если она поддастся его уговорам — если она признает, что влюбилась в него, — это будет иметь совершенно непредсказуемые последствия. И... если она отдастся ему, то пусть это будет свадебная ночь. Все должно произойти не так, не тайно, не украдкой. Без страха.

Нора снова подумала о мечтах, которые делила с Саймоном. Хижина на берегу... Его душа пока еще не отпускала ее.

Дуг послушно кивнул. Может быть, он бы и дальше пытался уговорить ее, но тут к ним подошел Мак-Аллистер с новыми проблемами. Дома надсмотрщиков на окраине поселка рабов тоже, конечно, были смыты водой. А его люди, как объяснил старший надсмотрщик Каскарилла Гардене, ни в коем случае не будут спать вместе с рабами в каком-нибудь сарае. В конце концов, существовал риск, что рабы убьют их спящими. Надзирателей надо было размещать в доме или найти другие решения.

Дуг взял дело в свои руки. Должны же быть подходящие места в

подсобных помещениях...

В конце дня Дуг и Нора выдержали ужасный совместный ужин со Стивенсами — преподобный заставил Рут встать с постели и спуститься в столовую. Нора не считала это умным решением, но священник настоял на том, что жизнь должна продолжаться.

— Бог дал, Бог взял! — сказал он елейным голосом. — Пути Господни неисповедимы, и, несомненно, Он имел причины, чтобы забрать к себе нашего сына. Мы должны перенести это с таким же достоинством, как и Авраам. Когда от него потребовалось принести в жертву Исаака...

Изможденная, Нора вспомнила о жертвоприношении на церемонии обеа и чуть не засмеялась. Ей нужно было обязательно отдохнуть, иначе она тоже свалится. К счастью, как сообщила Адвеа, маленькой Мэри в это утро стало лучше. Нора спросила себя, заботится ли о ней Салли, как и прежде. Она не видела девочку-служанку целый день. Рут и преподобный не спрашивали о своей дочери, что означало хоть какое-то облегчение. Нора была уже не в состоянии заниматься еще и ребенком, мать которого ударялась в истерику, если к нему прикасались черные руки.

Элиас в ту ночь действительно не вернулся домой, а Нора была слишком измучена, чтобы заснуть. Это было состояние, которое она раньше считала невозможным, и молодая женщина боролась с желанием пойти к Дугу. Она снова и снова вспоминала об объятиях, которыми они согревали друг друга во время урагана. Это чувство безопасности... До сих пор Нора постоянно утешала себя тем, что представляла себя в объятиях Саймона. Однако теперь в своих мечтах она прижималась к сильной груди Дугласа Фортнэма.

На следующий день Стивенсы, наконец, уехали, усадив Мэри между собой на сиденье их повозки и погрузив маленького Сэма, завернутого в материю, на место для багажа. Рут сначала не хотела разлучаться с ним, но преподобный снова сказал свое властное слово. Нора сочувствовала молодой женщине. Рут Стивенс была верна своему мужу и послушно последовала за ним на край света. Однако теперь он оставлял ее наедине с ее бесконечным горем. Нора спросила себя, как служитель церкви может быть таким бесчувственным.

Вода спадала и дальше, однако начать строительство нового жилья для рабов было невозможно из-за отсутствия решения о месте его расположения. Поэтому надзиратели перешли к обычному распорядку дня и погнали рабов на плантацию.

Элиас вечером вернулся домой, причем его настроение значительно улучшилось. Холлистер изъявил готовность уступить ему троих

собственных рабов и двух ослов и, кроме того, возместить ущерб деньгами.

— Троиш, конечно, явно недостаточно, — жаловался Элиас за ужином, — но он сказал, что больше отдать не может. Значит, нам понадобится еще несколько рабов со следующего корабля, а их придется еще учить. Вот наказание!

Нора надеялась, что Холлистер придет к ним молодых, не связанных женами и детьми мужчин. Она запретила себе думать об отцах семейств. Однако Элиас вряд ли сразу же безоговорочно согласится с выбором Холлистера, и, возможно, несколько раз рабов будут вырывать из их домов, присылать сюда, отсылать назад и заменять следующими.

В этот вечер Элиас был первым, кто покинул столовую. Без сомнения, накануне он крепко выпил с Холлистером, и теперь ему нужно было хорошенько поспать. Дуг и Нора коротко попрощались на лестнице, всего лишь быстро пожав друг другу руки. В доме еще было слишком много персонала, ходившего по коридорам, — Адвеа занималась уборкой, личный раб Элиаса носил воду для мытья, Маану ожидала Нору. Они не могли даже обняться, не подвергаясь опасности.

— Он согласился с местом для строительства нового жилья, — все же успел прошептать Дуг. — Завтра рабы начнут корчевать лес и пересаживать сахарный тростник на другое место. Тебе очень хорошо удалось убедить его, а со мной он спорил бы до бесконечности.

— У тебя неправильный подход, — начала объяснять Нора, однако тут в коридоре появился слуга Элиаса, и им с Дутом пришлось расстаться.

— Спокойной ночи, — прошептал молодой Фортнэм. Это прозвучало так ласково.

— Доброй ночи, Дуг, — нежно сказала она и удивилась, каким мягким вдруг стал ее голос.

Неужели так же Нора разговаривала с Саймоном? Ей казалось, что тогда она постоянно будто пела мелодию их сердец. Неужели теперь она нашла дорогу назад?

Однако ночь не стала доброй. Нора поспала всего лишь час или два — в этот раз, наконец, глубоко и без сновидений. Но вдруг кто-то постучал в ее дверь. Дуг? Нора встала и на ощупь прошла сквозь темноту своих комнат. Перед дверью стояла Адвеа.

— Миссис... Я послала Маану, но она не хочет. Она не хочет, чтобы я вас звать. Но, миссис... вы, может, еще помочь. У вас может лекарство. Она такая маленькая девочка, такая молодая...

Нора потеряла глаза, прогоняя сон.

— Что... выкидыш? — недоверчиво спросила она.

Среди хаоса, вызванного ураганом, вряд ли кто-то из женщин-рабынь ходил к баарм мадда!

Адвеа кивнула.

— Я позвала баарм мадда, но не может помочь. Я нет, она нет. Но, может быть, миссис...

Значит, не аборт. Может быть, бегство от наводнения и урагана вызвало срыв беременности? Нора спросила себя, с какой из черных женщин это могло случиться. Ей, по крайней мере, до сих пор не бросилось в глаза, что какая-то из них была беременной. И может ли она помочь там, где не смогла помочь черная знахарка?

Нора накинула платье. Последняя мода диктовала легкие модели, и не каждое из ее новых платьев требовало надевания корсета. Нора считала, что это очень облегчает жизнь. Затем ее мысли снова вернулись к женгцине-рабыне. Что там могло случиться?

— Где она? И... кто она?

Нора знала почти каждого раба в Каскарилла Гардене по имени.

— Салли, — вздохнула Адвеа. — И она здесь, в сарае, возле кухни.

— Салли? — с ужасом переспросила Нора. — Но она... Она же еще ребенок! И почему в сарае, Адвеа? Там же темно и сыро! Почему ты не привела ее в кухню?

— Она не хочет, она стесняться. Я ее нашла вчера в сарае, совсем больная, совсем в крови... Я позвала баарм мадда, но лучше не становиться. Не становиться...

Нора собрала все те немногие медикаменты, которые были у нее в доме. Большинство из ее лекарственных запасов смыла вода вместе с кухней в поселке рабов. Но после выкидышей нужны были не столько медикаменты, сколько промывания и массажи. Если это действительно был срыв беременности. Какими бы опытными ни были черные женщины, здесь они, наверное, ошибались. У Салли еще не было любовника. Ей же еще нет и тринадцати лет! Нора лихорадочно продумывала, какие еще могут быть причины для кровотечения. А сама шла вслед за поварихой вниз.

Две женщины — помощница повара и баарм мадда с плантации Холлистера — зажгли в сарае свечи и масляные лампы, осветив его, когда Нора вошла внутрь. Баарм мадда пела какие-то странные песни. Они звучали ужасно, но при этом успокаивающе. Девочка, которая лежала перед ними на окровавленном одеяле, уже ничего не слышала. Салли была бледной, ее лицо запало. Нора слишком хорошо знала, как выглядит смерть: в Лондоне она видела много горя и помнила всех этих чахоточных

детей, которые харкали кровью, пока не умирали. Эта девочка, очевидно, умерла от потери крови. Или от лихорадки?

Тело Салли горело огнем. Нора опустилась перед нею на колени, после того как коротко поздоровалась с баарм мадда. Та сильно рисковала, пытаясь помочь кому-то здесь. Днем женщине-знахарке иногда прощалось, когда она помогала кому-то на плантациях, но ночью это считалось попыткой к бегству.

— Что с ней такое? Что случилось? — спросила Нора.

Черная знахарка — она была несколько старше, чем Адвеа, — с потерянными видом подняла тряпки, которыми была накрыта нижняя часть живота Салли.

— Потерять ребенка, — сказала она тихо, — но это была не я. Никто из нас...

Она, казалось, пыталась оправдать себя и себе подобных.

— Но как же она могла... Она же сама еще ребенок...

Нора отчаянно пыталась остановить кровотечение, но надежды у нее было мало. Черная знахарка, в конце концов, пыталась сделать это еще за несколько часов до нее, но ничего не добились.

Баарм мадда пожала плечами.

— Ей двенадцать. Кровотечение каждый месяц. Значит, мужчина может сделать ей ребенка. Просто сохранить она его не может, слишком маленький...

— Но какой же мужчина способен на такое? — с ужасом спросила Нора и посмотрела на худенькое, еще не развившееся, детское тело Салли. — Кого могла привлечь такая маленькая девочка? Он, наверное, заставил ее. Она же была еще... Мне она казалась совершенно невинной.

Она вдруг замолчала, вспомнив, как плакала Салли во время урагана.

«Салли плохая... Салли делать плохие вещи». Девочка, вероятно, намекала тогда на то, что какое-то чудовище по ночам делало с ней.

— Но мы его найдем! — решительно заявила Нора. — Я это выясню! — Она говорила с ними, а сама готовила промывание из хозяйственного мыла и настоя трав. Вряд ли это чем-то поможет, но попытаться стоило. Ей нужно было красное вино, оно помогало при потере крови. — Заварите чай из трав и принесите из дома красное вино, его нужно дать выпить девочке! — приказала Нора Адвеа, в то время как сама обмывала ребенка.

Позади себя она услышала саркастический смех.

— Миссис будет это расследовать? Конечно! Миссис так заботится о бедных ниггерах...

Маану. Нора хотела упрекнуть ее, но воздержалась. Неужели эта

девушка что-то знает? Придется позже поговорить с ней.

— Когда это случилось? — спросила она Адвеа.

Повариха нерешительно замялась.

— Я не знаю, вчера... День перед вчера...

— Позавчера ночью! — твердо сказала Маану. — И это случилось не само собой.

Затем она исчезла.

Нора не стала удерживать ее. И так, девочка потеряла ребенка не по своей воле. Значит, из-за урагана? Или этот человек в ту ночь еще раз изнасиловал ее? Она бросила вопрошающий взгляд на Адвеа. То, что знала Маану, должна была, собственно, знать и ее мать. Просто та молчала из чувства страха. Значит, кто-то из надсмотрщиков?

Нора упорно работала над тем, чтобы остановить кровотечение, и под утро кровь действительно остановилась.

— Становится лучше...

Нора ощутила прилив надежды, но, взглянув в лицо Салли, резко замолчала.

Баарм мадда покачала головой.

— Никогда больше не будет течь кровь, — сказала она тихо, а Адвеа и еще одна кухонная рабыня заплакали. Нора тоже боролась со слезами.

— Но не плакать, миссис, — твердо сказала знахарка. — Не плакать, Адди. Сейчас она свободная девочка. Сейчас счастливая, сейчас свободная...

Глава 5

— Я прошу тебя, Нора, это действительно не тема для застольного разговора! — Элиас недовольно отбросил вилку, на которую только что насадил кусок трески и поджаренные стручки гибискуса. — И тем более для леди.

Нора опоздала к завтраку и не побоялась своей историей испортить мужчинам аппетит. Сама она была не в состоянии есть. Ей было даже противно добавлять сахар в свой чай. Если бы белые люди не были жадными до сахара, то Салли, может быть, была бы еще жива. Где-нибудь, в какой-то далекой африканской деревушке...

— Ну, среди мужчин это вряд ли обсуждалось, — заметил Дуг. — Ни ты, отец, ни я ничего об этом не слышали. Значит, Нора, ты считаешь, что Маану что-то знает? Мы должны расспросить ее. И очень серьезно. Я вообще-то не тот человек, который станет угрожать кому-то плеткой, но здесь нам, наверное, придется зайти достаточно далеко, чтобы она боялась нас больше, чем мужчину, который сделал такое с ребенком.

— Скорее всего, это кто-то из надсмотрщиков, — ответила Нора. — Адвеа не боится никого в поселении рабов. Но она до смерти страшится сказать по этому поводу хоть слово.

— При этом я бы не решился угрожать Адвеа плеткой, — вымученно пошутил Дуг. — Она может отравить нас, если мы слишком жестко возьмемся за нее.

Норе было не до смеха. Но затем Элиас сделал какое-то странное замечание.

— Никто никому не будет угрожать плеткой! — заявил плантатор. — Еще чего не хватало, чтобы каждый ниггер поливал грязью своего надсмотрщика по любому поводу! Такие вещи выясняют между собой. Я поговорю с надзирателями, и если выяснится, кто это был, я вычту стоимость Салли из его заработной платы.

— Стоимость Салли?! — в ужасе воскликнула Нора. — Это была двенадцатилетняя девочка! Какой-то взрослый подонок изнасиловал ее, и она от него забеременела! Ты же не можешь всерьез думать, что расплатой за все это будет лишь то, что преступник возместит ее стоимость!

— Она была рабыней, — твердо сказал Элиас. — И раз уж мы говорим о ее стоимости... Такую малышку можно купить за пятьдесят фунтов. Так что не делайте много шума из ничего.

Нора пылала от возмущения. У нее появилось жгучее желание вцепиться ногтями в щеку своего мужа и расцарапать ему лицо.

Дуг же, напротив, на этот раз остался спокоен.

— Отец, так не годится! Существуют законы, предписывающие нам, как следует обходиться с рабами, и они не разрешают покупать детей, чтобы затем замучивать их до смерти.

Элиас искривил рот в уродливой ухмылке.

— Не болтай попусту! Девушку никто не мучил до смерти, она просто была беременна. Ладно, пусть ее объездили чуть раньше времени... Но кто кого будет за это наказывать? Кто знает, что происходит во всех этих борделях в Кингстоне? Они тоже закупают себе рабынь.

— Объездили?..

Нора хотела еще что-то сказать, но у нее отнялась речь.

— Это неплохая подсказка, — произнес Дуг, с трудом заставлявший себя оставаться спокойным. — Когда я в следующий раз поеду в Кингстон, то наведу там справки. Может быть, кто-то из наших надсмотрщиков отличился там своей любовью к молоденьким проституткам. Извини, Нора.

Та отмахнулась.

— Оставь, Дуг, ты же не веришь в то, что леди из Кингстона никогда не слышали о борделях. Ты должен будешь его уволить, Элиас, когда мы найдем его! — Ей было трудно говорить со своим мужем.

— И не только это, — добавил Дуг — Ты должен будешь доложить о нем властям. Ребенок умер, отец. В принципе, этого человека надо бы повесить!

В конце концов, Элиас с неохотой согласился уволить виновного, если Нора и Дуг назовут его имя.

— Но только тогда, когда он сам признается, — добавил он. — Иначе это будет выглядеть как поощрение доносов. Дай негру палец, так он отхватит целую руку.

Дуг скривил лицо.

— Не беспокойся, отец, когда я найду этого человека, он мне во всем признается.

— Почему ты ничего не говоришь, Маану, ты же все знаешь! И Дуг, и я на вашей стороне. Мы...

Нора уже полчаса уговаривала свою служанку, но Маану реагировала только ужасным хриплым смехом.

— Миссис не хотеть это совсем знать, — заявила она на пиджин-инглиш, прекрасно зная, что это доводит хозяйку до белого каления. — Лучше, если миссис забудет. А тем более, баккра Дуг...

Из Маану ничего нельзя было вытянуть, и при этом она оставалась стоически спокойной. Попытка же добиться каких-либо сведений от Адвеа закончилась рыданиями и криками.

— Я ничего не говорить! Меня нельзя заставить! Пусть даже бить... Не бить меня, пожалуйста, миссис! Было неправильно, миссис, я не должна была звать миссис...

Нора отчаянно пыталась успокоить повариху, объясняя, что не собирается ее бить или как-то по-другому издеваться над ней.

— Но тебе же должно быть понятно, Адвеа, что этот мужчина, может быть, сделает то же самое еще раз. Боже, Адвеа, у тебя же самой есть маленькая дочь!

Упоминание о том, что преступление может повториться, как будто прорвало плотину. Адвеа разрыдалась и в ужасе начала орать так, что Норе оставалось лишь просто сидеть рядом с ней, ничего не соображая, и гладить рабыню по плечу. Повариха, казалось, не замечала ее прикосновений. Она рыдала, всхлипывала и жаловалась до тех пор, пока Элиас раздраженным голосом не потребовал свой обед. Тогда она взяла себя в руки и пошла к плите. Нора ни на йоту не приблизилась к своей цели.

— Адвеа знает все, и Маану тоже. И обе они умирают от страха, пусть даже последняя этого не показывает. Но они скорее позволят выпороть себя плетью, чем что-то скажут, — объяснила она Дугу во время совместной конной прогулки. Таиться при этом не имело смысла: побережье все еще находилось под водой. А на плантации было полным-полно рабов, которые пытались наряду с обычной работой восстановить свое жилье, и белых, которые грубо заставляли их сначала строить дома для надзирателей.

Дуг наморщил лоб.

— Ну, в борделях в Кингстоне тоже никто ничего не знает, — сообщил он о собственном расследовании. — Конечно, время от времени попадают типы, которые грубо обходятся с женщинами, но с нашей плантации вроде никто к этому отношения не имеет.

— Этот человек нагоняет упущенное здесь, — сказала Нора. — При этом ты не знаешь худшего. Салли не единственная. Я говорила с баарм мадда, и та сказала, что в Каскарилла Гардене умерло несколько девочек. Точнее, трое за последние... Ну да, тут трудно точно сказать, потому что черные женщины не считают годы по календарю. Но я бы сказала, за последние десять лет... Одна — из-за выкидыша, как Салли, другая утонула, купаясь в пруду, хотя совершенно точно хорошо умела плавать. А еще одна повесилась.

— Десять лет? — спросил Дуг. — Ну, тогда, по крайней мере, я не попадаю под подозрение, как преступник.

Нора ошеломленно уставилась на него.

— Тебя вроде никто ни в чем и не подозревал! — сказала она затем.

Дуг тронул свой лоб.

— Почему нет? — спросил он. — Судя по тому, как ведет себя Маану! Она, кажется, видит во мне воплощение всех сил зла.

Нора невесело рассмеялась.

— Ты в этом смысле всего лишь на втором месте, — поддразнила она его. — Абсолютным воплощением зла является баккра.

И лишь позже она задумалась над тем, что сказала. И тут же отбросила эту мысль. Элиас женился на ней, а до этого был женат на матери Дуга. Он был грубым мужчиной, но с ней самой всегда обращался с уважением. Никогда на ней не оставалось ни единого синяка, даже после того, как он приходил к ней ночами, и, как бы там ни было... Элиас не мог быть этим человеком. Нет.

Расследования Дуга и поиски Норы не принесли никаких результатов, и на следующие несколько недель в Каскарилла Гардене опять воцарилось видимое спокойствие. Новое поселение рабов возникло на возвышенном месте, слуги переселились из домов и конюшен в свои хижины; Нора снова начала заниматься лечением больных, устроив в их поселении настоящий маленький лазарет. Она каждый день приходила в поселок чернокожих и при этом особое внимание уделяла очень молоденьким девочкам. Их было не много, и одной из них была Манса, младшая дочь Адвеа. Но за нее Нора особенно не боялась. В конце концов, малышка почти все время проводила со своей матерью. Видимо, Элиас планировал сделать ее преемницей Адвеа, и та целыми днями помогала матери на кухне, обучаясь кулинарному мастерству.

Через несколько недель после смерти Салли Нора встретила Мансу в доме, где та полировала мебель в салоне.

— Как хорошо ты это делаешь, — дружелюбно похвалила Нора. И действительно, передвижной столик, который только что отполировала девочка, редко блестел так ярко. — Ты хочешь теперь помогать нам в доме?

Манса серьезно кивнула.

— Мама Адве говорит, должна. Потому что больше нет домашних девочек...

Она печально посмотрела на Нору. Салли и утонувшая Энни были ее подругами.

— Да, — сказала Нора. — Но, может быть, я поговорю с баккра и

мамой Адве. Конечно, некоторые из полевых рабов с удовольствием работали бы в доме.

Без сомнения, это было именно так. На плантациях сахарного тростника трудилось меньше женщин, чем на табачных или хлопковых полях, потому что работа была слишком тяжелой для них. Даже мужчины умирали в молодом возрасте, а женщины редко выдерживали больше пары лет. И, разумеется, на Ямайке постоянно ощущалась нехватка черных рабочих: работоторговцы в первую очередь поставляли рабов на острова побольше, и на те, которые находились в центре моря, как Барбадос, например. Поэтому крепких молодых женщин также посылали на поля, и они, естественно, хватались за любую возможность повыситься в звании до домашней рабыни. Однако здесь уже часто возражали старые домашние слуги. Каких-то приبلудных африканцев, как выражались эти осознающие важность своего положения повара и личные слуги, они признавать не хотели. Нора могла только надеяться, что Адвеа была иного мнения.

Она решила в ближайшее время посмотреть, кто из женщин в поселении рабов мог быть пригоден для работы в качестве домашних служанок, чтобы Манса как можно быстрее могла вернуться поближе к матери. Но кое-кто уже опередил ее в намерении поговорить с Адвеа.

Нора в этот раз не собиралась подслушивать, но не услышать сердитый голос Маану из садового павильона было невозможно. Девушка громко спорила со своей матерью. Нора из любопытства оставила свой домик и пошла на террасу, чтобы лучше разобрать ее слова.

— Не Манса! Она должна оставаться в кухне, так было договорено! Она будет поварихой, а не... Мама Адве, ты не должна этого терпеть! Не Манса!

— Что я должна делать, Маану? Возражать баккра?

Голос Адвеа был не таким громким, как обычно в те моменты, когда она ссорилась с дочерью. Он был скорее потерянным и безнадежным.

— Что-то ты должна сделать. Просто не посылай ее в дом. Попроси миссис, чтобы она послала в дом пару полевых негров, это же нетрудно — научить их, как надо полировать мебель. Но не спускай глаз с Мансы! Не Манса, мама Адве, только не Манса!

— А если будут настаивать? Если хотят? Ничего мы не можем сделать, Маану, совсем ничего...

Голос Адвеа был глухим. И тут в голове Норы забили колокола тревоги. Похоже, что Маану волнует не только потому, что девочка-служанка в комнатах занимала низшее положение по отношению к поварихе. Скорее ее слова прозвучали так, словно Маану испытывала страх

за свою сестру. И Адвеа, казалось, чувствовала то же самое. Значит, речь здесь шла о мужчине, который изнасиловал Салли. Один из домашних слуг? Кто-то, кто имел доступ к девочкам, когда Адвеа не могла за этим следить? Но чернокожего женщины выдали бы. А белые мужчины... Только двое белых мужчин жили в этом доме.

Нора в смятенных чувствах вернулась к своей книге, но читать больше не могла. Может быть, ей нужно сразу же позвать Маану к себе? Теперь девушка должна была заговорить. Нора высказала бы ей все подозрения прямо в лицо. Однако сначала ей надо было успокоиться самой. Она решила вечером поговорить с Маану. До тех пор она должна была подумать еще и о том, как ей сказать об этом Дугу. И что делать дальше.

Нора провела целый день в крайнем напряжении, а за ужином не могла проглотить ни кусочка. Элиас этого не заметил, но Дуг посмотрел на нее озабоченно, и ей пришлось сослаться на недомогание.

— Я сейчас просто пойду наверх и лягу, — сказала она со странной, вымученной улыбкой. — Пусть Адвеа пришлет мне Маану, чтобы та мне помогла. Я чувствую себя не очень хорошо.

Ей даже не пришлось врать. Нора испытывала такое чувство, что задохнется, если еще хоть минуту просидит за одним столом с Элиасом.

Вскоре после этого раздался стук в дверь. Но на пороге стояла не Маану, а Манса, которая послушно сделала книксен.

— Мама Адве говорит, я должна помогать миссис. Маану себя чувствовать нехорошо.

Нора задумалась. Должна ли она поверить этому? Накануне Маану показалась ей вполне здоровой. Но, с другой стороны, она ведь не могла знать, что хозяйка запланировала допрос. Возможно, что-то помешало девушке выполнить свою работу, что-то показалось ей более важным настолько, что она решила проигнорировать требования госпожи. Нора подумала, нужно ли ей настоять на том, чтобы Маану лично явилась сюда, несмотря на то, что у нее появилась маленькая заместительница.

Но затем у миссис Фортнэм возникла идея получше. Сейчас разговор с Маану был не главным. Этой ночью Нора сама сможет защитить Мансу.

— Прекрасно, тогда помоги мне распустить волосы. А затем ты принесешь мне стакан теплого молока из кухни и свою циновку для сна. Я хочу, чтобы ты сегодня осталась здесь и позаботилась обо мне, если будет нужно.

Манса послушно кивнула, а затем с удовольствием принялась за работу. Девочка явно чувствовала свою важность в качестве заместительницы взрослой сестры и старалась, как можно более

профессионально обходиться с локонами госпожи и ее одеждой. Нора сидела терпеливо и тихо, хотя малышка, причесывая миссис, несколько раз больно дернула ее за волосы. Однако радостное щебетанье Мансы все возмещало. В противоположность хмурой, особенно в последнее время, Маану, Манса оживленно болтала, и ей почти удалось развеселить свою хозяйку.

На следующее утро, когда солнце осветило комнату, хорошее настроение Мансы почти стерло тени темных подозрений, которые мучили Нору со вчерашнего дня. Не может быть такого, что кто-то только и ждет, чтобы сделать мерзость с этим милым живым ребенком! Это не мог быть нормальный мужчина, такой, как Элиас. В крайнем случае, монстр, чудовище, сумасшедший. Нора ломала себе голову, где может подстергать девочку такой человек. Она должна обязательно поговорить с Маану.

Однако служанка не явилась на ежедневный «прием» в поселении рабов. Вместо нее снова пришла Манса. Конечно, с ней было намного веселее, однако Нора начала терять терпение. Вернувшись домой, она обратилась к поварихе. У Адвеа был испуганный вид.

— Я знаю, что Маану... Плохая девочка, не исполняет обязанность. Но она плохо себя чувствует, миссис, больна... Она...

Нора покачала головой.

— Адвеа, если бы Маану была больна, то она должна была сегодня сказать мне об этом. Но, судя по всему, она просто не желает исполнять свою работу.

Полевые рабы обязаны были каждое утро являться к своим надсмотрщикам. Лишь подтвержденная Норой болезнь, хоть и с неохотой, признавалась поводом для освобождения от работы. Среди домашних слуг и конюхов правила были не такими строгими, в большинстве случаев их контролировали только Квадво или Адвеа. Если последняя освобождала кого-то из подсобных рабочих на кухне, обычно Нора доверяла ей, ведь повариха тоже разбиралась в уходе за больными. Но дело с Маану все же было подозрительным.

— Она... себя... хм... стесняется. Но завтра она точно будет.

— Она была у баарм мадда? — удивленно спросила Нора.

Аборт? Чего еще можно было стыдиться? Но Маану... Нора за последнее время стала очень восприимчивой к малейшим признакам беременности. Она уже несколько раз вовремя поговорила с чернокожими женщинами, тем самым предотвратив не хорошее. Они больше не решались убивать детей в себе, если хозяйка знала о беременности. Если бы они попались на этом, их ожидало бы жестокое наказание, а плантаторы

зачастую уже заранее принимали жестокие меры, чтобы помешать женщинам обратиться к баарм мадда. Все же Нора ни разу не выдала Элиасу ни одну из рабынь. Маану же абсолютно не была похожа на женщину, ожидающую ребенка. Адвеа, однако, усиленно закачала головой, с облегчением хватаясь за этот предлог.

— Да, миссис. Откуда знать, миссис? О, пожалуйста, не говорить баккра, миссис, иначе он прикажет наказать ее плетью. Завтра она будет снова здесь, миссис, точно, миссис...

Нора не поверила ни единому ее слову и заподозрила недоброе, полагая, что исчезновение Маану как-то связано с разговором, который та вела с матерью о Мансе.

— Адвеа, это как-то связано с... Салли? — наконец спросила Нора. — С тем, что с ней случилось? Это связано с Мансой?

Ей стало жутко от мысли, что Маану, возможно, сама отдалась в руки этому чудовищу, чтобы защитить свою маленькую сестру.

Адвеа то краснела, то бледнела, на черном лице ее выступил пот, однако она упорно все отрицала.

— Причем тут это, миссис? Салли мертвая. Манса у миссис...

— Маану находится в опасности, Адвеа? — продолжала допрашивать ее Нора. Та энергично покачала головой.

— Нет, только больна, завтра точно снова будет здесь.

Снова будет здесь? Что это значит? Нора оставила запуганную повариху в покое, но продолжала думать об этом. Неужели Маану куда-то ушла? Искала ли она помощи на других плантациях? Может быть, задумала колдовство?

Но нет, Маану, похоже, не верила в такие вещи. По крайней мере, не настолько, чтобы рисковать из-за этого.

— Ты считаешь, что она убежала? — спросил Дуг, когда Нора после обеда рассказала об отсутствии Маану. — Она сбежала?

— Сбежала?..

Об этом Нора не подумала. Она ехала верхом рядом с Дугом через лес — их целью было побережье. Но там они не слезут с коней, и не будут плавать. Она до сих пор — или, вернее сказать, снова сохраняла дистанцию между собой и пасынком. При этом ей с каждым днем было все труднее не поддаваться его умоляющему взгляду. Она мечтала о том, чтобы поцеловать и обнять его, и уже достаточно часто он вытеснял Саймона из ее фантазий о ночи на берегу моря. Она чувствовала себя виноватой во всем. И до сих пор не рассказала ему о подозрении, которое мучило ее.

— Если рабы внезапно исчезают, то в основном причиной тому

является их бегство, — насмешливо сказал Дуг. — Был ли какой-то повод для этого? Может быть, ты поссорилась с ней?

Молодая женщина вздохнула.

— Она ссорилась со своей матерью, — сказала Нора и тут же, как можно точнее поведала о подслушанном ею разговоре между Адвеа и Маану. — Это звучало так настойчиво, Дуг. Как будто в нашем доме Манса находится в смертельной опасности!

Дуг выглядел по-настоящему озабоченным.

— Ты не думаешь, что неправильно поняла ситуацию? Что с ней, в конце концов, может случиться?

— То же самое, что случилось с Салли! — ответила Нора.

Дуг потер себе лоб.

— Ну, нет, Нора, такого не может быть. Домашнего слугу Маану выдала бы. Как было сказано, я не попадаю под подозрения, а...

Он запнулся. Нора молчала, напряженно всматриваясь в дорогу, по которой шагала ее лошадь. Путь был свободен — тут уже давно не валялись упавшие деревья. Элиас приказал убрать стволы, а самые ценные продал в Кингстоне. Местность больше не выглядела такой мертвой, как после урагана. Из пней сломанных деревьев и из углублений, которые остались от вырванных с корнем растений, пробивались новые зеленые побеги.

Молодой Фортнэм вдруг резко покачал головой.

— Это был не отец, — сказал он решительным, убежденным тоном. — Ты не можешь подозревать его в этом. Это... это чудовищно. Слушай, Нора, конечно, у нас есть свои противоречия, он может быть излишне жестким и даже жестоким, но изнасилование маленькой девочки... Он все же человек.

— А кто же тогда? — вырвалось у Норы, и она посмотрела ему прямо в глаза. — Поверь мне, если бы в подвале жил дракон, я бы об этом знала. Кто бы это ни сделал, он — чудовище, но выглядит при этом так же, как ты и я.

— Но мой отец... — Дуг не договорил.

Нора остановила лошадь и все же спрыгнула на землю, как только они выехали на пляж. Сейчас дождь прекратился и они могли хоть чуть-чуть пройти вдоль моря. Нора почувствовала настойчивое желание быть рядом с Дугом.

— Знаешь, Дуг, я тоже не хочу в это верить, — произнесла она, когда он сразу же, как будто делал это всю жизнь, обнял ее за плечи. — Однако, похоже, это белый человек, и если такое действительно происходит в доме...

— Тогда это происходит не в доме! — твердо заявил Дуг. — Ты что-то себе нафантазировала. Бог знает, что имела в виду Маану. Может, она сама себя доводит до сумасшествия, потому что теперь Манса не каждую минуту находится рядом с матерью. Это действительно отнимает у нее абсолютную защиту. Но девушка не могла иметь в виду то, что в доме опасно. Просто не могла!

— Остается открытым вопрос, где же находится Маану, — ответила Нора. — И что мне делать, если завтра утром она не появится? Я должна буду доложить об этом?

Дуг озабоченно пожал плечами.

— Придется. Впрочем, возникнут вопросы и у других людей. Надсмотрщики уже давно не сводят глаз с кухонных рабов. Если девушка действительно убежала...

— Я могу сказать, что освободила ее на пару дней, — вслух подумала Нора.

Дуг серьезно посмотрел на нее.

— Значит, ты хочешь покрывать ее? Сказать, что сама дала ей пропуск или что-то вроде этого?

Нора улыбнулась.

— Это хорошая идея, — сказала она потом. — К одной из баарм мадда на... подожди... Холлистер слишком близко, зато Кинсли... К женщине-знахарке на плантации Кинсли! Якобы она должна принести для меня какие-то редкие растения, которые больше нигде не растут.

Дуг притянул Нору к себе, и она прижалась к нему, счастливая оттого, что он не осуждает ее.

— Но если они все же поймают Маану? — засомневался он какое-то время спустя. — В этом случае все обнаружится. И если станет известно, что ты помогла рабыне убежать... Это будет скандал, который потрясет весь остров!

Нора освободилась из его объятий, посмотрела ему в глаза и подумала, не рассказать ли ему про Саймона. Но затем отказалась от этой идеи. В этот день она и так открыла слишком много тайн.

— К скандалам, — произнесла она, — я всегда относилась довольно равнодушно.

Глава 6

Маану знала, что никогда не найдет маронов. Даже если бы она прекрасно ориентировалась в горах Блу-Маунтинс и имела хотя бы малейшее понятие о том, где находится река Стоуни-Ривер. Однако она была уверена, что свободные чернокожие сами поймают ее. Мароны Виндворда считались прекрасно организованными — за каждым деревом мог прятаться один из их разведчиков. Вопрос был только в том, отведут ли они ее сразу к Грэнни Нэнни или же выдадут хозяину. Плантаторы выплачивали маронам значительную награду, если те возвращали им беглеца.

Маану изо всех сил надеялась, что духи укажут ей дорогу к селу маронов, а далее к сердцу королевы Нэнни из племени ашанти. О какой-либо опасности, которая могла ей угрожать, она даже думать не хотела. Девушка преисполнилась решимости чувствовать себя уверенно, после того как оставила Кингстон позади себя. Вокруг города расположены плантации, значит, ей нужно держать направление в сторону темнеющих на горизонте гор. В первую ночь она чуть не умерла от страха, что ее обнаружат и схватят. Надсмотрщик, который патрулировал дорогу, плантатор, который возвращался из гостей в Кингстоне, в худшем случае специальная поисковая группа, которая преследовала кого-то из сбежавших рабов, и в наихудшем случае — поисковая команда, организованная из-за нее самой. Нора должна была, в конце концов, заметить ее отсутствие тем же вечером. Если она сразу же рассказала об этом баккра...

Маану все же повезло. До рассвета она оставила позади себя плантации и достигла предгорья Блу-Маунтинс. С этого места дорога пошла вверх. Она прокладывала себе путь между пальмами и зарослями бамбука, продвигаясь по холмам все выше, туда, где доминировали уже лианы и кусты. Маану переходила вброд ручьи и переплывала реки, но молодой женщине некогда было любоваться красотой гор. Она должна была спешить, ее миссия была последней надеждой для Мансы. Итак, она пробивалась все дальше на север или северо-восток. Где-то там находился Нэнни-Таун.

Мароны нашли измученную девушку на второй день ее блужданий. Маану обрадовалась — она была голодной и очень устала. То небольшое количество провианта, которое удалось взять с собой при поспешном бегстве, давно уже было съедено. Тем не менее, она жутко испугалась,

когда внезапно раздался звук рога и из кустов выскочили двое больших черных мужчин.

— Кто такая? Куда идти? Что ты хочешь? — Старший из них засыпал Маану вопросами.

— Маану, — представилась та. — Я убежала с плантации за Спэниш-Тауном, с Каскарилла Гардене.

— Большая плантация, — сказал мужчина и кивнул. — Фортнэм, Элиас Фортнэм.

Маану кивнула в ответ.

— Я хочу в Нэнни-Таун. Я должна поговорить с королевой.

Мужчины засмеялись.

— Вопрос только в том, захочет ли королева говорить с маленькая девочка-рабыня, — насмешливо сказал младший.

— Просто отведите меня к ней, — решительно сказала Маану. — Это ведь Портлэнд-Пэриш?

— Это страна королевы Нэнни и короля Квао, — подтвердил старший. — Но мы не знаем, ты одна? Ты не ведешь сюда охотников? Странно, маленькая девочка приходит одна...

— Я не маленькая девочка, — огрызнулась Маану. — Я женщина, и я пришла, чтобы увидеть королеву. Говорят, что она баарм мадда.

По слухам, Грэнни Нэнни разбиралась в целительстве.

И снова смех.

— А у вас нет своей на плантации? — спросил младший.

Маану выдержала его насмешливый взгляд.

— У нас нет такой, которая заклинает могучих духов, — сказала она затем.

— Тебя посылать человек-обеа? — несколько неуверенно спросил старший.

— Меня никто не посылал! Хотя... Меня послали четыре дуппи. Четыре дуппи, которые жаждут мести. Они могут очень разозлиться, если кто-то станет им поперек дороги.

Маану постаралась вложить в свои слова как можно больше убедительности, хотя и не верила, что духи четырех маленьких девочек имеют много веса. Но ведь до этого места они довели Маану успешно!

— Мы ее отводить в Нэнни-Таун, — наконец принял решение старший из мужчин. — Там будет говорить что хочет...

Маану облегченно вздохнула, хотя и понимала, что у мужчин не оставалось выбора. Конечно, они могли предоставить девушке возможность блуждать дальше или даже убить ее, но вряд ли охранников

Нэнни-Тауна посылали в заросли с таким заданием. Как потом обнаружила Маану, она была очень близка к тому, чтобы найти поселок самостоятельно. Она шла вслед за мужчинами всего лишь полчаса, пока, ступая по заросшим тропам в джунглях, они не достигли реки Стоуни-Ривер. Отсюда поселение было хорошо видно, никто не старался замаскировать его. Но это было, в принципе, и не нужно. Даже тому, кто был далек от вопросов стратегии, становилось понятно, что здесь ставка делалась на неприступность. Нэнни-Таун находился на горном хребте с великолепным видом на реку. Никто не мог приблизиться к поселению или даже просто пересечь реку, не будучи замеченным. И Маану теперь поняла, почему поселение называют городом. Оно действительно было намного больше, чем поселения рабов на плантациях. Здесь на холме стояло не менее сотни довольно больших хижин и домов, а вокруг них простирались сады, огороды и поля.

Маану и ее провожатые переправились на плоту через реку и по крутым тропам вскарабкались на горный хребет. У нападавших здесь не было бы никакого шанса. Никто не смог бы с боем пробиться наверх, потому что зачастую, чтобы двигаться вперед, тут нужно было двумя руками опираться о скалы. Маану даже выбилась из сил к тому моменту, как они добрались наверх.

— Что теперь? — спросил один мужчина другого. — Мы ее действительно отводить к королеве?

Маану терпеливо ждала. Парни напускали на себя важный вид, но если немного подумать, то становилось ясно, что они должны сразу докладывать о новоприбывших. Конечно, мароны часто находили беглых рабов и, без сомнения, допрашивали их, прежде чем дать разрешение остаться и поселиться в деревне. Может, это делали и не сами король с королевой, однако проводившие допросы, разумеется, были важными людьми. Маану могла бы описать им, что привело ее сюда.

Действительно, после некоторых размышлений ее сопроводили в дом посередине села. Круглая хижина, совсем не такая, как жилье рабов на плантациях, — наверное, тут их строили так, как принято в Африке. Надежда Маану окрепла. Может быть, она действительно познакомится с королевой. Если бы только ей удалось убедить ее! Если бы только она прислушалась к просьбе отчаявшейся рабыни в потрепанной одежде...

Сердце у Маану колотилось, но ей нужно было оставаться сильной. Молодая женщина украдкой бросила взгляд через левое плечо и нашла утешение в улыбке маленького божка с курчавыми волосами.

Элиас Фортнэм разбушевался, когда Нора в конце концов призналась,

что ее служанка Маану исчезла четыре дня назад.

— Я послала ее к Кинсли. У одной из тамошних знахарок растут особые лекарственные травы. Но она не вернулась, — так закончила Нора свою историю.

— И ты ждала несколько дней, прежде чем сообщить мне об этом? — заорал на нее Элиас. — Проклятье, женщина, на плантацию Кинсли она добралась бы за день! Туда и назад!

— Я думала, что она осталась у баарм мадда, — оправдывалась Нора. — Лекарственные травы не всегда бывают в запасе, и...

— И твоя служанка должна была сидеть рядом и ждать, пока они вырастут, так, что ли? Что это, черт возьми, означает? Послать к Кинсли из-за какого-то растения? Что, у них растет что-нибудь, чего не растет здесь? И разве нельзя было послать туда гонца на лошади? Маану — служанка, Нора, служанка! Она должна закалывать волосы, содержать в порядке одежду, помогать тебе одеваться. Она стоит дорого, ее нельзя посылать за парой травок и даже не сказать при этом, когда она должна вернуться.

Элиас раздраженно ходил по комнате взад и вперед.

— Именно потому, что она домашняя рабыня, — возразила Нора, — я ей доверяла.

— Ну, по крайней мере, ты сейчас хоть чему-то научилась! — издевательски сказал Элиас. — Никогда не доверяй ни одному ниггеру! Однако твой урок обошелся мне в две сотни фунтов!

— Если Маану не объявится, — успокоил их Дуг, — мы ее поймаем. Но, кто знает, может быть, она сама вернется назад.

— Конечно! Потому что на самом деле она просто хотела проведать свою тетку, — рассмеялся Элиас. — Так оно и будет. И что снится друзьям ниггеров по ночам?

— Как бы там ни было, она была моей домашней рабыней, — горделиво заявила Нора. — Маану была моей собственностью, и если она исчезла, то это моя потеря. Я...

— Ах так, значит, ты сама за нее заплатила, да? — Голос Элиаса прозвучал подобно грому. — Нора, моя дорогая, похоже, тебе нужно еще многому научиться. Здесь, милая, твоего ничего нет! По крайней мере, тебе не принадлежит живой инвентарь. Не хватало еще, чтобы ты получила власть над ниггерами и баловала их, закармливая до тех пор, пока они не лопнут! Баба-негритянка принадлежит мне, и только мне, и теперь мы постараемся заполучить ее назад. Хотя по истечении, почти что недели, дела обстоят, мягко говоря, неважно. Но я сейчас же постараюсь раздобыть у Кинсли собак. Они могут взять след — если Китти действительно была у

этой негритянской ведьмы.

Он выскочил из комнаты, оставив застывшую Нору стоять на месте. Она вдруг поняла, как чувствовал себя Дуг четырнадцать лет тому назад, когда у него отняли Аквази. Мальчику тогда, наверное, было еще хуже. Маану, в конце концов, была на свободе, а жену Элиас, хотя и злился, наказать не мог. А вот Дуг был вынужден смотреть, как Аквази заперли в клетку и избивали.

Дуглас Фортнэм положил руку на плечо Норы. На более интимные прикосновения они не решились: здесь скоро будет кишмя кишеть охотниками за рабами.

— Не волнуйся, они ее не найдут, — успокаивающе сказал он. — Не найдут, если только она не сделала чего-то глупого, например не спряталась у любовника с другой плантации. Такое бывает в большинстве случаев, когда побег совершают женщины. Но что касается Маану, я в это не верю.

Нора покачала головой.

— Я тоже не верю. А... Аквази ведь тут или нет?

Насколько она знала, Аквази был единственным, на кого Маану когда-либо смотрела влюбленным взглядом.

— Конечно, — кивнул Дуг. — Если отсутствует полевой ниггер, то это сразу заметно. У них нет никаких шансов.

— Но у Маану ведь шансы есть? — Нора искала успокоения. — Где... Как ты думаешь, куда она сбежала?

Дуг усмехнулся.

— Ну, куда же еще, Нора? В горы конечно! Если все прошло нормально, она давно уже у маронов.

— Почему ты считаешь, что я должна тебе помочь?

Голос женщины звучал холодно, тем не менее, она жестом приказала Маану занять место на одном из тканых ковров у подножия своего «трона». И выслушала ее. Грэнни Нэнни, королева маронов, сидела на скамье, искусно украшенной резьбой по дереву. Этот внушительный предмет мебели стоял на двух крепких ногах, похожих на колонны, где были вырезаны различные символы. Казалось, для предводительницы маронов, которая была скорее маленького роста, соорудили своего рода постамент.

Итак, здесь находилась резиденция этой худощавой мускулистой особы, западный стиль одеяний которой странно контрастировал с африканской обстановкой.

Она была темнокожей, очень маленькой для женщины из племени ашанти, и лицо ее поражало воображение своей необыкновенной силой.

Особенно обращали на себя внимание ее глаза. Они были черны, как уголь, но в них, казалось, бушевал огонь. И взгляд королевы был таким пронзительным, что под ним Маану почувствовала себя голой.

— Потому что... потому что она моя сестра, королева Нэнни. Она красивая, милая девушка. А он сделает с ней то же самое, что и с другими. То же, что... со мной.

Маану смотрела в пол.

— Но ты же это пережила, — коротко сказала Нэнни.

Она говорила на правильном английском языке, хотя и со странным акцентом. Маану вспомнила, что эту африканку привезли на Ямайку еще девочкой. Значит, язык она выучила уже здесь, но не ограничилась голубиным вариантом, на котором говорили рабы.

— Тогда я тоже потеряла ребенка, — глухим голосом ответила Маану, — и при этом чуть не умерла. У меня до сих пор рубцы.

— У нас всех они есть, — спокойно сказала Нэнни. — Твоя сестра не первая и не последняя из тех, кого берет себе белый мужчина.

— Но не так же! — вырвалось у Маану. — Не сейчас!

Ей казалось, что она вот-вот расплачется. При этом она едва помнила, когда плакала в последний раз.

Нэнни надменно вскинула брови.

— Так или иначе, сегодня или завтра. Я не могу это изменить, и ты тоже не можешь. Смирись с этим. Или назови мне иную причину, по которой я должна напасть на плантацию, расположенную почти в тридцати милях отсюда.

Королева лениво потянулась к фруктам, лежащим в специально приготовленной для нее корзине рядом с тронem.

— Вы же постоянно нападаете на плантации! — воскликнула Маану. — А Каскарилла богатая. Твой часовой ее знает. Она...

— Эту плантацию знает каждый, — протянула Нэнни и начала чистить фрукт. — Но она находится слишком далеко. Это рискованно. Мы не можем послать пятьдесят воинов за столько миль, чтобы ограбить поместье. Они, наверное, даже не проберутся туда незамеченными, но, ладно, это еще можно устроить. Однако назад они не вернутся, если Каскарилла Гардене запылает! На нас устроят охоту, как на зайцев. Не получится, девочка. Мне очень жаль.

Маану кусала губы. Затем она наклонилась вперед.

— Не нужно пятьдесят воинов, королева Нэнни. Дай мне... дай мне пять!

Собаки, конечно, не взяли никакого следа, хотя их несколько раз

провели через поселение рабов у Кинсли, а после также в поместье Холлистера. Кристофер Кинсли повел себя сочувственно и сделал все, чтобы поддержать Элиаса в поисках Маану. Он даже приказал выпороть плетью баарм мадда, к которой якобы отправилась девушка. При этом женщина, конечно, ничего не знала и даже под пытками осталась при своих показаниях.

Элиас продолжил поиски на собственной плантации, но со времени побега Маану прошло больше недели, и почти каждый день шел дождь. Ни одна собака не смогла бы взять след в таких условиях.

— Если она сейчас находится в горах, то уже давно добралась до маронов! — Элиас сердито подвел итог трехдневных поисков. Он прекратил охоту и снова сидел с женой и сыном за ужином. — Эту мерзавку мы можем списать. Это твоя вина, Нора. Я надеюсь, ты осознаешь это.

— Конечно, — сказала Нора убитым голосом, не поднимая глаз от своей тарелки. Ни в коем случае Элиас не должен был заметить триумф в ее глазах. — Я проявила халатность и очень об этом сожалею. Однако тебе не нужно покупать новую служанку. Я обучу маленькую Мансу.

Элиас фыркнул и злобно отодвинул от себя тарелку. Он даже не притронулся к легкой закуске, но от него уже разило ромом. Наверное, он на пару с Кинсли смыл ромом злость из-за неудавшейся охоты.

— Мэнди? Сестру? Еще чего не хватало. То же отродье, те же повадки. Я должен был тогда послать Китти вместе со всеми на поля, когда...

— Когда ты послал на плантацию Аквази? — с ледяным спокойствием спросил Дуг.

Он только в первый день участвовал в поисках Маану, по крайней мере, изображал, что делал это. Последние два дня Дуглас провел в Кингстоне.

— Да, когда я твоего дружка-ниггера, с полным на то основанием, послал на поля. И, как видишь, он еще тут. Под плетью держать их безопаснее всего. А сейчас я больше не хочу ничего об этом слышать. Нора, я поищу служанку для тебя в Кингстоне, и никаких возражений, у тебя будет все, что полагается в соответствии с твоим положением. И в дальнейшем ты будешь вести себя, как леди. Потихоньку ухаживать за больными — это прекрасно. Но отныне никаких посещений черных ведьм. И если в поселении рабов тебе в будущем понадобится помощь, то обязательно найдется девочка с кухни или даже прямо с плантации. Служанка останется в доме. Еще не хватало, чтобы она позарилась на какого-нибудь полевого негра и одарила нас следующими неприятностями.

— Но... — Нора хотела возразить, однако Элиас встал, не дождавшись основного блюда.

— Я иду наверх, — все еще злобно сказал он в направлении Норы и Дуга, а потом обратился к слуге, который только что зашел и принес еду. — Скажи Адди, чтобы позже приказала принести мне напиток для сна.

Нора вцепилась руками в свою салфетку. Ей надо оставаться спокойной. Что бы она ни сказала, в этот вечер Элиас уже не смягчится. Однако на следующий день настроение у него обычно улучшалось. Нора вдруг спросила себя, что подмешивает ему Адвеа в пунш с ромом. После напитка на ночь он казался более мирным и уравновешенным.

У слуги был ошеломленный вид, однако он быстро пришел в себя и подал еду Норе и Дугу. Ели они мало. Нора была уже не голодна, да и напряженная атмосфера за столом угнетала ее. Она рассеянно достала носовой платок и промокнула пот со лба, потом неохотно принялась размешивать ложкой суп.

Дуг, сидевший напротив, улыбнулся ей поверх винных бокалов.

— Значит, вот так и закончилась охота за рабами, — сказал он подбадривающе. — Для Маану это хорошо, я надеюсь, что она будет счастлива.

— Я тоже, — ответила Нора глухим голосом, — но...

До сих пор ей удавалось держать себя в руках, однако сейчас она судорожно боролась со слезами. Для нее это было слишком — Маану, новые упреки Элиаса и понимание, что она больше не в состоянии защитить Мансу от того, что может случиться. До сих пор Нора избегала тяжелых мыслей о своем будущем в этом доме. Она любила остров и, в общем-то, приспособилась к жизни со своим супругом. Но в последнее время он становился все более невыносимым, и Нора чувствовала, что не сможет оставаться с Элиасом еще десять или двадцать лет, всю жизнь. Тем более что рядом был Дуг!

Нора уже не могла отрицать того, что ее чувства к пасынку сильнее простой симпатии, и понимала, что долго утаивать их не удастся. Если она не будет позволять Дугу хотя бы время от времени обнимать и целовать себя, если она, в конце концов, не позволит ему большего — да она просто засохнет! И он тоже долго не выдержит без ласки. Когда-нибудь он уйдет, а этого она не вынесет.

Нора поднесла ложку с супом ко рту, но ее желудок, казалось, начал бунтовать уже сейчас. Если Элиас поймает их...

Дуг словно прочитал ее мысли. Он очень нежно положил свою ладонь на ее руку.

— Не создавай себе так много забот, — мягко сказал он, — пусть будет то, что будет.

Его голос звучал так ласково. Нора уже не могла сдержать слез.

— Но я больше не могу! — прошептала она. — Если нас увидят...

Дуг взял ее за руку и поцеловал ее.

— Тогда мы просто убежим! — улыбнулся он. — Как Маану.

— Но так нельзя... Люди... — Нора знала, что это только отговорка. Она не боялась слухов, но она боялась Элиаса. Хотя он и ушел, его присутствие явно ощущалось в этом помещении.

Однако нежная игра Дуга с ее пальцами прогнала злых духов. Нора почувствовала, что сдается.

— Разве ты не привыкла к скандалам? — проникновенно шепнул Дуг. — Иди ко мне, Нора, я буду тебя беречь. Сейчас и всегда.

Дуг Фортнэм провел Нору по лестнице наверх и в темноте любил ее медленно и нежно. Они не зажигали свечи, и Нора не позвала девушку-служанку, чтобы та помогла ей раздеться. Дуг сам все это сделал, умело и заботливо, при свете полной луны, загадочно улыбавшейся им в окно.

— Лучше всего было бы взять в служанки тебя, — пошутила она, когда Дуг распустил ей волосы и нежно расчесал их. Время от времени он целовал ее в затылок.

— К вашим услугам, — игриво прошептал он и прошелся губами по ее плечам и груди.

В конце концов, он отнес ее в постель и там гладил, ласкал и шептал ей нежные слова, а потом вошел в нее. Тогда с Саймоном Нора чувствовала только слабое проявление того, что можно ощущать, когда тебя любят. То были теплота и нежное влечение. Теперь же она испытывала целый ураган чувств.

— Один раз на Луну и назад, — прошептала она, возвращаясь к действительности медленно, словно ее баюкали ангелы.

Дуг засмеялся.

— Ты всегда любила путешествия. И мы можем сразу же попытаться долететь до Венеры... Но сначала ты расскажешь мне о своих прежних скандалах! Никаких возражений, Нора Фортнэм, урожденная Рид. Я хочу знать все!

Нора покраснела. Она лежала в его объятиях и чувствовала себя утешенной и спокойной. Неужели теперь она должна будить дух Саймона? Или он уже давно был здесь и улыбался... Она нащупала камешку, сделанную из его перстня с печатью, которую всегда носила с собой. Украшение не жгло ей кожу.

— Ладно, хорошо... — пробормотала она, стараясь не думать о духах — ни о добром духе Саймона, ни о злом — Элиаса Фортнэма. — Я...

Она толком не знала, с чего начать.

— Когда-то был мужчина, — тихо сказала она. — Лорд. Не какой-то сахарный барон, а настоящий лорд. И он мог... он умел рассказывать прекрасные истории.

Нора почти шептала — ведь она вызвала дух любимого. То певучим, то приглушенным голосом она рассказывала Дугу о нежности и доброте Саймона, о мечтах, которыми они делились друг с другом. И, наконец, о его смерти в ее объятиях.

— Значит, поэтому ты вышла замуж за моего отца, — тихонько сказал Дуг, когда она закончила. — Ты хотела добраться сюда. Ты искала остров Саймона.

Нора кивнула.

— И нашла тебя, — прошептала она. — Но я не знаю, как...

Дуг улыбнулся в темноте.

— Даст ли нам твой Саймон свое благословение? Ну, если тебя это успокоит, мы можем завтра утром отнести курицу колдуну-обеа. Или будь что будет? Попробуем, не ударит ли в нас молния, если мы еще раз предадимся любви.

Естественно, никакая молния никуда не ударила, разве что молния экстаза — второе единение их тел для обоих было еще более полным. Нора почувствовала себя освобожденной после того, как рассказала свою историю, — и казалось, что у Дуга тоже гора свалилась с плеч. Может быть, он обманывал с Норой Фортнэм дух Саймона, но, конечно же, не своего отца.

В конце концов, молодая женщина успокоилась в его объятиях. Каждый думал о своем.

— Ты останешься у меня сегодня на всю ночь? — спросила Нора.

Дуг кивнул.

— Если ты этого желаешь. Мне только нужно будет уйти до того, как придет Адвеа. От нее в этом доме ничего не скроется. И этому Терри, слуге моего отца, я тоже не доверяю. Он иногда даже ночами шляется вокруг. А я думал, что мой отец не разрешает никому из черных спать в доме.

Нору это тоже удивило. Она несколько раз оставляла Маану в доме, когда отношения между ней и служанкой были лучше. И Элиас всегда строго отчитывал ее за это.

Дуг выпрямился и потянулся за бутылкой вина, которую перед этим взял с собой наверх.

— Она еще наполовину полна, — заметил он. — Так что давай, любимая, позволим себе напиток для сна.

Нора рассеянно смотрела, как он наливает в бокалы вино, и при этом ощущала, как в ней зарождается какое-то странное чувство. В эту ночь все было хорошо. Вино искрилось в бокалах, и в нем отражалась луна... Но женщину вдруг охватил какой-то непонятный страх. Напиток для сна. Глоток на сон грядущий.

«Скажи Адди, пусть распорядится, чтобы мне позже принесли напиток для сна...» Случайно произнесенные Дугласом слова натолкнули ее на внезапное прозрение. Неужели это было то, что она уже давно должна была понять, но чего на протяжении нескольких месяцев не хотела видеть и слышать?

«Скажи Адди, пусть распорядится, чтобы мне позже принесли напиток для сна...»

В этот вечер Элиас снова сказал это. Снова. А домашний слуга отреагировал на его слова так, что чуть не уронил поднос. И разве эта же фраза не была сказана накануне того дня, когда у Салли случился выкидыш? Судя по намекам Маану, это произошло после насильственного полового сношения. Нора вспомнила, как возражала Адвеа. «Сегодня, баккра?» Нора тогда удивилась. А затем ссора Маану со своей матерью... Исчезновение Маану... И яростная реакция Элиаса на желание Норы сделать Мансу своей личной служанкой.

Теперь подозрения Норы сгустились до понимания всего ужаса происходящего. Она неожиданно схватила Дугласа за руку — ее ногти вонзились в его плоть в порыве отчаяния и в поисках опоры.

— Дуг, идем, нам придется вмешаться! — почти закричала она и сама удивилась тому, как решительно звучит ее голос. — Я сейчас не могу ничего объяснить. Но если я не ошибаюсь, твой отец как раз делает что-то ужасное с Мансой.

Глава 7

Нора не отвечала на смущенные вопросы Дуга. Она набросила на себя лишь утренний халат — ей вдруг стало все равно, что скажет Элиас, когда она в таком легком одеянии появится перед ним рядом с его сыном. Если она права, то теперь, с этого момента, все будет по-другому. А если она не права...

Дуг натянул брюки. Он не понял ни слова, однако до него дошло, что за странным поведением Норы скрывается нечто чрезвычайное. Она не казалась ему сумасшедшей или истеричкой, наоборот, он знал ее как очень уравновешенную молодую женщину. Нора зажгла свечу.

— Идем! — воскликнула она и потащила его к двери. С каждым ударом ее сердца, по мере того как она вспоминала, история укладывалась в одну картину. Конечно, в поместье Каскарилла Гардене не было мулатов, хотя Элиас не проявлял никакого интереса к своей жене! Девочки, на которых он посягал, были слишком молоды, чтобы выносить ребенка. Да и разве интерес Элиаса к молоденькой супруге не угас полностью, когда Нора стала более женственной? Этот брак... Взгляды других плантаторов и их жен, которые показались Норе такими странными в первое время на Ямайке... Общество в Кингстоне, должно быть, сплетничало о том, что в поместье Каскарилла Гардене время от времени исчезали девочки. Элиас просто бежал от слухов. А затем подвернулась возможность жениться...

— Мы давно должны были увидеть это! — пробормотала она. — Мы были слепы, Дуг. А сейчас... Надеюсь, что сейчас еще не поздно.

Дуг побежал за ней, босой и голый по пояс. Что будет, если отец увидит их в таком виде? А Нора направлялась именно в покои своего супруга.

Когда они приблизились к комнатам Элиаса, Дугу показалось, что он слышит тихий плач. Если бы Дуг был один, он бы остановился и прислушался. Но Нору остановить было невозможно. Она побежала по коридору и распахнула дверь в покои Элиаса. Его комнаты были расположены в таком же порядке, как и ее собственные. Гостиная, помещение для приемов, комната для переодевания и спальня. Нора бросилась туда. Дуг последовал за ней. В комнате для переодевания стоял Терри, личный раб Элиаса.

— Баккра Дуг, миссис... — Раб испуганно уставился на них. — Вы не можете заходить...

Казалось, он был готов прикрыть своим телом дверь в спальню Элиаса. Нора решительно отодвинула его в сторону.

— Еще как можем! — прошипела она, одним толчком распахнула дверь и с ужасом уставилась на сцену, которая открылась ее глазам.

Маленькая Манса, плача и причитая жалобным голосом, сжалась в комочек в углу. Она прижимала к себе подушку, словно щит или что-то, за что можно держаться. Элиас в расстегнутых брюках в угрожающей позе стоял перед девочкой.

— Вставай и раздевайся!

Манса словно окаменела. Глаза малышки округлились, она с ужасом смотрела на мужчину, который возвышался над ней, словно великан.

Нора услышала, как Дуг позади нее шумно втянул воздух. Для него картина была еще более шокирующей — в конце концов, это был его отец, и он творил нечто ужасное.

— Нет, баккра, не делать Манса, как Салли!

Манса умоляла его тоненьким приглушенным голосом. Ни она, ни ее мучитель не заметили Нору и Дуга. Элиас не отреагировал на ее слова, и девочка спрятала голову в большую подушку, которая, наверное, должна была потом заглушать ее крики.

Однако у Элиаса уже не было возможности вырвать у Мансы подушку. Дуг выпрыгнул из-за спины Норы и рванул отца прочь от дрожащей девочки. Его кулак уверенным ударом попал в подбородок Фортнэма-старшего, и тот, пролетев через полкомнаты, тяжело рухнул на пол.

— Так это был ты сам... Ты... ты сволочь!

Голос Дуга звучал глухо от отвращения и ужаса.

Нора поспешила к Мансе и вытащила ее из угла. Девочка спряталась в объятиях хозяйки и громко зарыдала.

— Он... он...

Девочка не могла найти слов для того, чтобы рассказать, что с ней произошло. Однако Нора с облегчением заметила, что платье на ней и на платье нет пятен крови. Конечно, Элиас напугал Мансу до смерти, но, похоже, не изнасиловал ее.

— Ты, проклятый гад, насилуешь маленьких девочек! — Дуг за грудки рванул отца с пола, выкрикивая свои обвинения прямо ему в лицо. — Ты убиваешь их...

Дугу пришлось сказать это вслух, чтобы поверить в происходящее.

Элиас постепенно приходил в себя.

— Ну и что? — издевательски сказал он. — Ты что, уже забыл? Они принадлежат мне. И их оптом, дюжинами можно по дешевке купить на

рынке в Кингстоне!

— Ты... — У Дуга на лице было написано отвращение. — Ты чудовище! Я скажу полиции...

Лицо Элиаса скривилось в мерзкой ухмылке.

— Полиция? Ну и что? Что она мне сделает? Ладно, девочка, конечно, еще молода. Но эти негритянские проститутки созревают рано. Констебль займет мою сторону. Он не такой чувствительный. Тут таких нет. Разве только вы... А откуда вы тут взялись, полуголые, среди ночи?

Его взгляд стал настороженным.

Дуга трясло, в глазах у него светилась ненависть. Он хотел схватиться за саблю, однако оружие, конечно, было в его комнате. Но руки его словно сами по себе, сжали шею отца. Дуг сжал их и, услышав хрипение Элиаса, даже почувствовал удовольствие. Он сейчас убьет это чудовище, он сделает с ним то, что отец делал с девочками, он...

— Нет! — Голос Норы вырвал Дуга из его смертоносного транса. — Дуг, отпусти его, ты его убьешь!

— Ну и что? — в ярости выкрикнул Дуг. — Неужели без него земля не станет лучше?

— А тебя это приведет на виселицу! Дуг, что бы он ни сделал, он все же твой отец!

Элиас защищался из последних сил. Он упал на пол, когда Дуг отпустил его.

— И даже на это у моего сына не хватает храбрости, — прохрипел Элиас. Он, казалось, даже не испугался всерьез.

Глаза Дуга застелила красная пелена. Он в ярости нагнулся к Элиасу, не давая ему встать. Но женщина уже стояла между ними.

— Уйди, Дуг! — приказала она. — Исчезни отсюда и успокойся. Ты уже не соображаешь, что делаешь!

— Нора... Нора, он...

Дуг хотел возразить, но Нора решительно подтолкнула его в сторону двери. Элиас издевательски рассмеялся ему вслед, и Дугу померещилась скрытая насмешка даже на лице раба, который охранял вход.

— Уходи! — крикнула Нора, увидев, что он колеблется.

И вдруг Дугу показалось, что он больше не в состоянии выносить все это. Он выскочил из комнаты, причем на ходу одним коротким жестоким ударом смел с дороги слугу Элиаса, да так, что тот пролетел через всю комнату. Раб все это время стоял возле двери и наблюдал. Он должен был знать, что Элиас делает с девочками.

Однако кто в этом доме, кроме Норы и Дуга, не знал об этом?

Нора облегченно вздохнула, когда Дуг убежал. Еще не хватало, чтобы он совершил убийство. Но затем она со страхом осмотрелась по сторонам. Элиас не был ранен и уже начал подниматься с пола. И она осталась с ним один на один. Она и Манса. Малышка оторвалась от Норы и, посерев от страха, снова спряталась в своем углу. Вряд ли она успеет убежать до того, как Элиас полностью придет в себя. Кроме того, Нора с ужасом поняла, что тоже находится в опасности. А если Элиас убьет и ее, и Мансу? А потом придумает какую-то историю. Может быть, обвинит в убийстве своего домашнего слугу Терри? Тот был абсолютно беспомощен, без сознания лежа на полу комнаты для переодевания. Элиас может убить и его, а потом сказать, что поймал его на месте преступления. Тогда на суде будут его слова против слов Дуга.

Нора смотрела в разъяренное лицо Элиаса и лихорадочно озиралась вокруг. Оружие. Ей надо было как-то защитить себя. А затем она увидела шпагу Элиаса, прислоненную к стене рядом с кроватью. Нора могла бы дотянуться до нее одним движением... Она оттолкнула Элиаса, который приближался к ней, и схватила шпагу. Затем ловко извлекла оружие из ножен и встала между Элиасом и Мансой.

— Не притрагивайся к нам! — решительно сказала она. — Не вздумай!

Дуг выскочил из дома, в котором родился, так, словно его преследовали фурии. Сейчас ему больше всего хотелось вонзить свою шпагу в сердце Элиаса Фортнэма, и ему было все равно, какие это повлечет за собой последствия и что об этом скажет Нора. Тем более что его отец был прав: можно было с уверенностью сказать, что Элиасу Фортнэму ничего не будет. Ведь он изнасиловал всего лишь пару девочек-рабынь! Конечно, будет скандал в обществе. Однако это принесет больше вреда Норе, чем Элиасу. Остальные плантаторы простили бы ему все очень быстро, и он, как и раньше, пил бы и торговал с ними. Конечно, общественность какое-то время бойкотировала бы Фортнэмов, не приглашая их на званые вечера и балы. Тогда Норе пришлось бы терпеть заточение в Каскарилла Гардене. Со склонным к насилию мужем. Конечно, Дуг мог бы похитить ее и сбежать вместе с ней. Элиас вряд ли стал бы им мешать. В конце концов, он мог бы, потом заявить, мол, все, что говорят о нем, это ложь, которую придумали его бабенка-изменница и его подлый сынуля. А потом продолжал бы насиловать девочек-рабынь, и те умирали бы и дальше.

Слепой от ярости и отчаяния Дуг бежал от дома к конюшням. Ему надо было что-то сделать, чтобы прийти в себя, чтобы собраться с

мыслями. Амиго приветствовал его радостным ржанием. Дуг набросил на него уздечку. Он вывел удивленного коня из стойла и, оттолкнувшись от яслей, запрыгнул на его неоседланную спину. Проехать верхом будет хорошо. Это полностью отвлечет его, унесет отсюда и поможет освободить голову. Нора была права, ему надо прийти в себя. Позже он поговорит с ней. Позже найдется решение. Позже...

Дуг прищелкнул языком, и Амиго помчался галопом вниз. На побережье, к морю, лучше всего в море. У Дуга появилось нестерпимое желание очиститься.

Маану прокралась к хижине, в которой спал Аквази. До этого момента она изо всех сил старалась не производить шума, но ее старания не шли ни в какое сравнение с ловкостью пяти человек, которые ее сопровождали. Мароны, которых предоставила ей Грэнни Нэнни, были опытными воинами. Они, наверное, еще в Африке научились бесшумно подкрадываться и наносить удары, чтобы затем так же молниеносно и незаметно исчезать. К тому же они передвигались очень быстро — всего лишь за один день они добрались пешком от Портлэнд-Пэриш до Каскарилла Гардене, постоянно под покровом джунглей, из-за чего приходилось совершать довольно большие обходы. Теперь они в темноте ночи пересекли плантацию Холлистеров и, наконец, добрались до нового поселения рабов Фортнэма. Маану хотела приказать воинам подождать ее в лесу, но их вождь сам взял слово.

— Где надсмотрщики? — спокойно спросил он.

Маану показала на четыре дома побольше остальных, стоявшие на краю поселка.

— Там, внутри. Но... Вы не думаете, что было бы безопаснее, если бы нас было больше?

Мужчина покачал головой и вытащил свой нож.

— Ты будить рабов, мы — надсмотрщиков... — Однозначным жестом он дал понять, что собирается сделать.

Маану с колотящимся сердцем кивнула. Она надеялась, что мужчина знает, что делает. Все равно ссориться с маронами сейчас не имело смысла. А их предводитель, вполне возможно, прав. Если они внезапно нападут на спящих надсмотрщиков, то убить их будет легче. Однако если те проснутся, потому что каким-то образом почувствуют, что назревает восстание рабов, то начнется стрельба, и это послужит предупреждением для Фортнэмов.

Маану, не говоря больше ни слова, проскользнула в хижину Аквази.

— Аквази! Боббо! Коффи! Фиддлер!

Она позвала молодых мужчин, живших в хижине, и растолкала Аквази. После тяжелой работы на плантации большинство рабов спали как мертвые.

Боббо, молодой человек, всегда расположенный к шуткам, в конце концов, оказался первым, кто проснулся.

— Не может быть! Маану! — удивленно воскликнул он, но потом постарался понизить голос. — Что ты тут делать? Ты свободна! Не говорить, что вернулась назад освободить Аквази! Любовь чудесная. Но это глупо!

— Я пришла, чтобы освободить вас всех! — заявила Маану. Остальные мужчины тоже постепенно просыпались и протирали глаза. Один лишь Аквази, казалось, моментально пришел в себя, как только увидел девушку.

— Я здесь с отрядом маронов. Каскарилла Гардене сегодня ночью будет гореть! Но нам нужна помощь. Вам придется сражаться! Если вы будете участвовать в сражении, то станете свободными!

— Или мертвыми, — дал повод к размышлению Коффи. — Они всегда ловят рабов...

— Не всегда. — Казалось, Фиддлер был увлечен в дискуссию.

— Нас они не поймают! — коротко сказала Маану. А сейчас идите за мной. Мы должны разбудить остальных. Прежде всего, молодых полевых негров, остальные слишком медлительны. А сейчас пора! Аквази, Коффи, Бобби, Фиддлер — каждый из вас идет в одну хижину.

Аквази покачал головой.

— Я не мальчишка на побегушках, я буду сражаться! — твердо сказал он. — Где твои мароны, Маану? Если они умные, то сейчас убивают надсмотрщиков!

Та озабоченно кивнула.

— Они делают именно это. А ты...

Аквази быстрым движением выхватил нож, висевший у Маану на поясе.

— Я убью Трумэна!

Аквази знал, в какой хижине ночует его мучитель, и целенаправленно устремился туда. Он пытался уловить, не слышно ли других заговорщиков, но мароны делали свое дело беззвучно. Аквази увидел только какую-то тень, которая как раз проскользнула в хижину Трумэна, когда он приблизился к ней. Было похоже на то, что он опоздал: кто-то другой опередил его. Однако затем он услышал крик и звуки борьбы, которые слишком громко раздавались в ночи. Аквази похолодел. Это могли

услышать другие надзиратели, это могли услышать в доме, и в любом случае — в каждой хижине в поселении рабов. А если кто-то из чернокожих подумает, что сможет угодить баккра, предав всех остальных...

Аквази долго не раздумывал. Он взмахнул ножом и распахнул дверь. В свете луны он увидел, как Трумэн борется с одним из маронов. Чернокожий отчаянно старался закрыть надзирателю рот, но Трумэн все же вырвался.

— На помощь! Бунт! Нападение!

Аквази молниеносно подскочил к Трумэну сзади, резко дернул его голову назад и одним быстрым движением перерезал ему горло. Крики превратились в хлюпающие звуки. Трумэн, как мешок, опустился на землю.

— Это было слишком быстро, собака! — прошептал Аквази умирающему человеку.

Марон ухмыльнулся.

— Как раз правильно. Этот тип проснуться, когда я захожу. Но притвориться спящим, когда я нападать. Потом борьба. Ты помощь. Ты уходить с нами?

Аквази кивнул.

— Я есть Аквази! И я горю желанием сделать с мужчинами в доме, как с этим! Что с остальными?

— Должны быть все мертвые. Это последний дом. Мароны ищут золото... и оружие.

Хотя в большинстве случаев надсмотрщики не были богатыми, но пару монет один-другой из них все же имели. И, конечно, винтовки. Сердце Аквази забило, когда он увидел ружье Трумэна, стоявшее у стены.

— Я могу? — Он вопросительно посмотрел на марона.

— Конечно. Я имею оружие. — Он показал на ружье, висевшее у него на плече. — Но не стрелять, когда не надо. Не делать шум. Никто не должен замечать, что нападение.

— Но потом мы сожжем дом? — с надеждой спросил Аквази.

Марон кивнул.

— Но позже. Сначала золото. Сначала...

Он провел рукой поперек горла. Сперва они убьют плантаторов. Обычный ход действий при нападении маронов.

Когда Аквази и его новый брат по оружию вышли из дома надсмотрщика, Маану уже собрала около пятидесяти рабов на площади поселения. Практически все были молодыми, и у большинства на спинах были следы от плетки — все они жаждали мести.

Мароны кивнули им.

— Мы все в дом. Но тихо. Если нет предателей, мы всех заставить

спящими. Это лучше всего. Но чаще предатели...

Он говорил о том, что Грэнни Нэнни привела в качестве возражения против плана Маану. У маронов был печальный опыт в привлечении к атаке рабов с той плантации, на которую они нападали. Конечно, там всегда было много мужчин и женщин, которые пылали жадой мести по отношению к своим баккра. Однако остальные рабы были преданы своим хозяевам. Домашние рабы зачастую не хотели убивать своих баккра и стирать с лица земли дом, в котором выросли. Очень часто они выдавали подготовку к нападению и тем самым лишали маронов эффекта внезапности. Впрочем, это чаще всего ничего не меняло — как правило, мароны обладали численным преимуществом и в любом случае убивали плантаторов. Но иногда они сами несли потери, чего любым путем старалась избежать Грэнни Нэнни.

— Здесь нет предателей! — Аквази узнал голос Адвеа. — Но баккра не спать. Баккра иметь девочку.

Маану вскрикнула.

— Он забрал Мансу? Мы пришли слишком поздно? Как ты могла, мама Адве, как ты могла? Разве я тебе не говорила... Идем же! Быстро! Мы попытаемся спасти ее. А если мы не сможем ее спасти, тогда я отомщу за нее!

В глазах Маану горела жажда убийства. Она подняла мачете вверх.

— За мной! — сказала она мужчинам. — И не беспокойтесь. Он даже если и не спит, то находится в своем собственном мире. Он ничего не будет видеть и слышать, кроме крови и криков моей сестры!

Элиас Фортнэм, ничего не понимая, смотрел то на шпагу в руке своей жены, то в ее блестящие, исполненные гнева глаза, то на девочку, которая пряталась за ней. Ему понадобилось некоторое время, чтобы понять, как он очутился в таком положении. Он же всегда был осторожен — он никогда бы не подумал, что Нора и Дуг что-то подозревают. Конечно, домашние ниггеры знали, что здесь происходит, этого невозможно было избежать. Но они были у него под контролем. А Маану, единственная, кто иногда проявлял свою ненависть к нему, убежала. И теперь ему угрожала его собственная женушка — наверное, взять Нору в свой дом все же было ошибкой. Элиас на какое-то мгновение задумался, действительно ли она способна применить против него оружие. Конечно, до этого она никогда не орудовала шпагой. Однако та была острой, а Нора спокойно воспринимала вид крови: в поселении рабов она вскрывала абсцессы и лечила порезы, если мужчины ранили себя мачете.

— Оставь эти глупости, Нора, — в конце концов, процедил он сквозь

зубы. — Я ничего не сделал девочке. И ты же не думаешь, что я буду жить рядом с тобой, как святой.

— Я этого никогда не требовала, — возразила Нора. — Ты держишься подальше от моей постели по своей доброй воле — как я предполагаю, после того, как я перестала быть похожей на маленькую девочку. И дело не в том, что ты затащил рабыню в свою постель. Это делают и остальные. Речь идет о том, что ты насилуешь детей. Что ты убиваешь детей!

Манса всхлипнула. Элиас бросил взгляд на дрожащего ребенка.

— Ну ладно, Нора, я дарю ее тебе. С дарственной грамотой и всем, что надо. Ты можешь оставить девочку себе. Сделай из нее служанку, пошли ее к маронам, делай все, что тебе придет в голову. А сейчас успокойся, иди в свою комнату и забудь про эту ночь.

— Чтобы ты смог притащить сюда следующую девочку?

Нора чувствовала, что шпага в ее руке придает ей мужества.

Элиас изъявил готовность отпустить ее. Что же ей делать, что она могла сделать сейчас? Ей придется поговорить с Дугом. Элиас все же прав: полиция сюда вмешиваться не станет. И даже общественный скандал будет держаться в умеренных рамках. Выходит, пока есть только один путь: Нора должна сделать именно то, чего хочет Элиас. Остаться с ним, вести себя спокойно и с этого момента строжайшим образом контролировать его. Она могла препятствовать тому, чтобы ее муж в дальнейшем поддавался своим темным наклонностям. По крайней мере, в этом доме. Найдет ли он другие возможности — это под вопросом. Однако хотя бы детей на ее собственной плантации она смогла бы защитить.

Норе стало страшно от одной мысли о бдительности, которую нужно проявлять на протяжении многих лет. И при мысли о последствиях этого решения. Она никогда не сможет быть с Дугом. Никогда, ни при каких обстоятельствах она не будет иметь права давать Элиасу повод для развода. Мечта о том, чтобы просто убежать вместе с Дугом, не сбудется.

Но сначала ей нужно было выбраться из комнаты...

Нора, держа в руке шпагу, медленно продвигалась в направлении двери, в то время как Манса цепко держалась за ее пеньюар. Она почти стащила с нее легкое одеяние, и Элиас двусмысленно ухмыльнулся.

И вдруг Нора услышала какой-то шум в гостиной супруга. Дверь распахнулась от сильного удара.

Дуг? Неужели он вернулся? Взял себя в руки? Или, наоборот, пылает жадной убийства? Однако голос, который раздался на весь дом, не был мужским.

— Терри, ты — подлый жалкий предатель! Уйди с дороги, иначе я

порублю тебя на куски!

Удар и последовавший за ним крик ужаса и боли, который, без сомнения, издал домашний слуга, были доказательствами того, что Маану тут же исполнила свою угрозу. Крик превратился в жалобный визг. А затем все произошло одновременно. Пока Терри был под ударами мачете одного из маронов, Маану распахнула дверь в спальню Элиаса.

Девушка и Аквази ошеломленно смотрели на сцену между Элиасом и Норой.

— Вы, миссис? — ошеломленно спросила Маану. — Вы... знали?

— Она меня спасать!

К Мансе снова вернулся ее голос, она оторвалась от Норы и побежала мимо своего мучителя прямо в руки сестры. Элиас, казалось, молниеносно понял, что здесь происходит. Он бросил отчаянный взгляд на шпагу, но ее, как и раньше, крепко сжимала Нора.

— Дай мне шпагу, Нора! Брось ее мне! — воскликнул он.

Супруга не обращала на него внимания.

— Только с сегодняшнего вечера, — ответила она Маану. — Я сожалею. Но... с Мансой ничего не случилось.

Аквази увидел, как Элиас с выражением паники в глазах пятится в угол своей спальни. Или к окну? Нельзя было дать ему убежать!

— Ну, давай же, Маану, убей его! — крикнул Аквази и показал на ненавистного баккра. — Или это сделаю я?

За ним в спальню ворвались мароны, без сомнения, исполненные решимости покончить со всеми присутствующими белыми и, возможно, убить также домашних рабов. За их спинами в луже крови лежал Терри.

Маану метнула на Элиаса взгляд, исполненный ненависти.

— Изрубите его на куски, — отдала она приказ людям черной королевы. — Я знаю, что надо торопиться. Но делайте это не слишком быстро!

Нора закрыла глаза, чтобы не видеть, что делают эти люди с Элиасом Фортнэмом. Она слышала лишь отчаянный крик Мансы, от которой сестра требовала, чтобы та тоже рубила хозяина. Манса отказалась. Она подбежала к Норе и спряталась в ее руках.

— Не смотри туда, Манса, не смотри туда. И не слушай...

Нора прижала девочку к себе и в ужасе слушала, как Маану в перерывах между ударами мачете выкрикивает ее мужу страшные слова, припоминая все те муки, которые он причинил ей. Значит, Маану тоже была одной из его жертв. Этим объяснялось все.

— Думай о чем-нибудь хорошем, — прошептала Нора и зажала Мансе

уши. — Ты должна это забыть, слышишь? Мы должны это забыть.

Она баюкала девочку в руках, пока не стих последний предсмертный крик Элиаса. Затем она посмотрела на Маану. Руки ее служанки по локоть были вымазаны кровью.

— И что теперь, Маану? — глухо спросила Нора. — Теперь на очереди я?

Маану подняла свой нож.

— Нет! — закричал Аквази. На нем была только набедренная повязка, в которой он спал, но и та была пропитана кровью. — Нет, следующим будет Дуг Фортнэм! — Он словно выплюнул имя своего бывшего друга. — Она...

— Убейте ее быстро! — решительно произнесла Маану.

Ее взгляд, брошенный на хозяйку, был почти извиняющимся. Может быть, в эти мгновения она вспомнила, что Нора никогда не делала ей ничего плохого.

— Нет! — еще раз прозвучал голос Аквази. Крепкий негр решительно встал перед Норой, закрывая ее своей мощной спиной. — Она не будет убита. Она принадлежит мне. Мы возьмем ее с собой. Я хочу ее!

Нора посмотрела на него ошеломленно, а Маану — с ненавистью.

— Ты хочешь ее? — процедила она сквозь зубы. — Ты все еще хочешь ее? Значит, это был не только... дуппи?

Нора ничего не поняла. Или все же..? Неужели Маану видела ее, когда она отдавалась Аквази, опьяненная церемонией обеа?

— Я хочу ее! — коротко сказал Аквази. — Как мою бабу. Она принадлежит мне! — Его взгляд, устремленный на Нору, был исполнен похоти и триумфа. Раньше, пока он не увидел ее с Дугом, в этом взгляде была любовь, однако сейчас... — Она будет моей рабыней! — добавил он.

Предводитель маронов отрицательно покачал головой.

— Это не есть хорошо, — сказал он затем. — Мы не хотим белые в Нэнни-Таун. Королева не разрешать.

Аквази гордо вскинул голову.

— Значит, я уйду в Кудойе-Таун. Или еще куда-нибудь, мне все равно. Кто-нибудь сможет нас принять.

Маану хотела вставить что-то злобное, однако появление других негров прервало дискуссию.

— Там никого больше нет, Маану, — отчитался один из маронов, их предводитель. — Мы убивать двух домашних ниггеров, они хотят предавать. Один нам показать, где жить третий белый. Но того нет.

— Дуг Фортнэм сбежал? — Аквази вскочил на ноги, так же, как и

Маану. — Но он же...

На лице Аквази явно читалось жестокое разочарование. У него был беспомощный, почти детский вид.

Мароны, напротив, встревожились.

— Он приводить помощь. Значит, уходить быстро!

Их предводитель перерыл все ящики столов и шкафы в комнатах Элиаса Фортнэма. Мужчины, стоявшие за спинами пришельцев, рабы с полей, которые примкнули к маронам, с ужасом смотрели на изрубленный труп своего бывшего баккра.

— Искать добычу, затем поджечь дом, — объяснил один из маронов их задание. Он заметно нервничал. Если действительно кто-то позовет помощь — мужчин с ружьями, собаками, лошадьми... Если сейчас начнется погоня, уйти будет очень трудно.

— Мы не думать, что он убежать, — сказал один из полевых рабов, который раньше был домашним негром. Нора узнала в нем бывшего садовника. — Сегодня никто не спать в его постели. Наверное, был в Кингстоне.

— Предатель говорить, он ел ужин здесь, — коротко сказал марон, который только что принес известие об исчезновении Дуга. — Лучше делать быстро.

Никто больше не обращал внимания на Нору, пока мужчины торопливо искали в доме ценные вещи. Молодая женщина сидела на корточках на залитом кровью ковре в комнате своего мужа. Манса вцепилась в нее.

— Хочу к маме Адве, — прошептала девочка, которая была испугана не меньше, чем сама Нора. — Миссис думает, они пустят меня к маме Адве?

Нора не особенно верила в это, тем более что она не имела ни малейшего понятия о том, что случилось с Адвеа и всеми остальными рабынями. Здесь, в доме, кроме Маану, казалось, находились только мужчины. И Маану была исполнена такой ненависти, что Норе представлялось вполне возможным, что она могла убить даже родную мать. В конце концов, повариха отдала баккра своих обеих дочерей. Но в любом случае Маану точно не оставит здесь свою сестру. Без сомнения, она возьмет девочку с собой к маронам.

— Ты останешься со мной, — сказала Нора Мансе, чтобы утешить ее. — Ты же слышала, что Аквази хочет взять меня с собой.

Ее взгляд упал на труп Элиаса, и вдруг ей показалось, что будет не так уж и ужасно, если ее насильно угонят отсюда. Это лучше, чем такая смерть.

Может быть, ей даже выдастся возможность убежать. А Дуг... Дуг был свободен. Он ей поможет!

Она с ужасом подняла взгляд, когда над ней нависла тень предводителя маронов.

— Что сейчас с этой белой? — спросил он. — Быстро делать мертвой, убрать?

Нора сжалась в комок, когда он вытащил нож. Но тут снова появился Аквази.

— Я сказал, она принадлежит мне! Она пойдет со мной, она — моя добыча. Она — это все, что я хочу!

— Ты не можешь много хотеть, — сказал большой негр. — Ты новый, ты — не марон.

Аквази угрожающе посмотрел на него.

— О нет, я еще какой марон! Я убил баккра. Я сильный. Я буду великим воином для вашей Нэнни. Или Кудойе. А может, я сам построю себе хижину в горах. Я пойду с вами или один. Но она пойдет со мной!

Марон пожал плечами.

— Ты не идти один, — решил он. — Это опасно. Если тебя схватить — много рассказывать и говорить, что схватить марона. Ты идти с нами, можешь взять белую женщину. Но решать будет Нэнни.

Аквази кивнул. Затем он бросил взгляд на одеяние Норы.

— Ты что делала? — грозно спросил он. — Почему ты ходишь тут полуголая? Ты была в постели с Дугом?

Аквази был неглуп. Он сделал выводы: нетронутая постель в комнате Дуга, наспех наброшенный пеньюар Норы. Кроме того, он счел маловероятным, что Нора пришла в комнату к Элиасу одна, чтобы поймать своего мужа на месте преступления.

Нора ответила ему злым взглядом.

— Это тебя не касается! — холодно сказала она.

Пощечина Аквази была для нее абсолютно неожиданной.

Удар был не сильным, но на его руке была кровь Элиаса.

— Не смей так разговаривать со своим господином! — крикнул на нее Аквази. — Ты будешь учиться повиноваться мне!

— Ты хочешь услышать «да, баккра»? — насмешливо заметила Маану. — Тогда мадам придется потренироваться...

— Мадам должна сначала прилично одеться, — рявкнул Аквази. — Так она не может идти в город. Иди с ней и помоги ей, Маану!

— Что, теперь и я твоя рабыня? — возмутилась Маану.

— Мне не нужна ничья помощь, — заявила Нора.

— Да ты ее и не получишь! — твердо сказала девушка. — Но я пойду с ней, хотя бы для того, чтобы забрать ее побрякушки. Давай, шевелись! Нам нужно уходить.

В покоях Норы было полным-полно рабов, которые опустошали ее шкапулки с украшениями. Часть ее одежды они уже попрятали в мешки — к счастью, в первую очередь красивые наряды, которые можно было продать в Кингстоне, а не простые домашние платья.

— Шевелись, ну же! — Маану подтолкнула свою бывшую хозяйку, когда увидела, что Нора остановилась, не решаясь раздеться перед мужчинами. — Они все уже видели голых женщин. Например, при наказании плетьюми. Ты помнишь? Нас приводят на площадь и срывают с нас одежду. Отвыкай считать себя лучше нас.

Быстрым движением она сорвала с Норы утренний халат, распахнула один из шкафов и бросила ей какое-то нижнее белье. У Норы от стыда на глазах выступили слезы, когда она, голая, предстала перед пивившимися на нее мужчинами. Ей пришлось убрать руки, которыми она прикрывала груди и лобок, чтобы надеть на себя рубашку и панталоны. Быстро и незаметно она сняла с шеи камею — тонкую шелковую ленточку, на которой она висела, было легко разорвать. Нора спрятала ее в руке, чтобы черные его не увидели, не отняли и не присоединили к своей добыче.

В конце концов, Маану все-таки сжалилась над ней и выгнала мужчин из комнаты.

— Иначе мы никогда не справимся, — бросила она, глядя, как Нора собирает еще пару платьев и связывает их в узелок. Когда миссис задумалась, взять ли с собой сапоги для верховой езды, Маану вырвала их у нее из рук.

— Хватит! — сказала она, как плюнула. — Рабы ходят босиком. Леди должна была обратить на это внимание, поскольку уже давно здесь. Ты пойдешь пешком!

Нора подчинилась. Она не оглядывалась назад, когда Маану снова передала ее Аквази. Тот крепко схватил ее за руку. Нора все еще сжимала в ладони камею. Ее сердце разрывалось, но она незаметно бросила украшение на землю, когда Аквази потащил ее через сад и огород. Он провел ее к группе оживленно перешептывающейся между собой толпы рабов. Нора насчитала восемьдесят или девяносто человек, почти все они были молодыми. Что случилось с остальными — она не решила спросить.

Маану и двое маронов, не таясь, повели группу через плантацию в направлении владений Холлистера. Еще три марона остались в поместье, и

Нора не сразу поняла, для чего. Она, спотыкаясь, опустив голову, брела за Аквази, но резко подняла взгляд, когда освобожденные рабы издали приглушенные восторженные крики. Нора увидела зарево. Каскарилла Гардене была объята пламенем.

Любовь

**БЛУ-МАУНТИНС, НЭННИ-ТАУН,
КАСКАРИЛЛА ГАРДЕНС**

Осень 1733 — осень 1735 года

Глава 1

Дуг погнал Амиго галопом вдоль побережья и скакал до тех пор, пока оба не устали. Наконец он остановил коня на крутом утесе, возвышавшемся над морем. Он уже давно оставил песчаный пляж позади себя и, переводя дух, смотрел на море в лунном сиянии — скачка на неоседланном коне была утомительной, но зато не оставляла ему сил для размышлений. Теперь, когда между ним и Каскарилла Гардене было несколько миль, он постепенно приходил в себя. И снова перед его мысленным взором возникла картина, открывшаяся ему и Норе в покоях Элиаса. Никогда, даже в самых страшных снах он не мог бы подумать о том, что чудовище, которое творило свои злодеяния в Каскарилла Гардене, было его собственным отцом! Однако теперь он ясно видел признаки того, чего раньше не замечали ни он, ни Нора. Отказ Элиаса искать насильника Салли, отсутствие его интереса к причинам смерти черных девочек — хотя обычно он ругался по поводу каждого пенни, который терял, если кто-то из рабов болел. Странное поведение Маану, ее исчезновение — наверное, все домашние рабы знали, чем занимается Элиас!

И, вероятно, Маану и Аквази думали, что Нора и Дуг тоже знают об этом.

Дуг соскочил с коня и медленно побрел рядом с Амиго в мангровые джунгли, расстилавшиеся перед ним. Он когда-то много раз бывал здесь вместе с Аквази — пешком это был поход на целый день. Тогда они, затаив дыхание от напряжения, исследовали девственный лес и, в конце концов, бывали вознаграждены видом великолепного водопада. Задумавшись о своем, Дуг шел вперед, пока не нашел его. В лунном сиянии водопад выглядел еще таинственнее и призрачнее, чем при свете дня. Вода каскадами бежала по круглым отшлифованным камням — Аквази и Дуг когда-то пытались вскарабкаться наверх и безудержно хохотали, когда время от времени кто-то из них терял равновесие и падал в ручей. Дуг дал коню напиться и сам зачерпнул воды из ручья. Когда-нибудь надо будет непременно показать этот водопад Норе...

И только сейчас, когда он немного расслабился, до него дошло, в каком сложном положении он оставил Нору и Мансу в комнате своего отца. Проклятье, дай Бог, чтобы там ничего не случилось! Но, с другой стороны, он не думал, что Элиас может что-то сделать с Норой. Ведь Дуг был еще одним свидетелем его позорных дел. Однако все же было бы лучше

остаться там. Нора выгнала его из комнаты, но не из дома. Ему нужно было подождать ее и поговорить с ней. Найти решение... Решение лучше, чем трусливое бегство.

На сердце у Дуга было тяжело, когда он встал на камень и снова вспрыгнул на коня. Он медленно направлял Амиго через джунгли. Когда Дуг опять добрался до утеса, то увидел странное зарево на горизонте. Неужели это... там, где находится поместье Каскарилла Гардене?

Дуг с тревогой посмотрел на восток. Неужели там что-то горит? Довольно часто случалось, что какая-то из хижин в поселении рабов загоралась, когда чернокожие разжигали перед ней огонь. Однако сейчас, ночью? И горящую хижину вряд ли можно было бы увидеть с такого расстояния. Горит большой дом!

Дуг ударил Амиго пятками по бокам. Каскарилла Гардене... Горит Каскарилла Гардене!

— Насколько нам известно, в доме приблизительно четыре мертвеца, сэр.

Бенсон, надсмотрщик с плантации Кинсли, коротко доложил Дугу, после того как бросил похабный взгляд на его одежду. В обычное время он, вероятно, спросил бы, часто ли Дуг в полуголом виде катается на лошади по ночам, но перед фактом трагической ситуации он отодвинул свои размышления на более поздний срок.

— Приблизительно? — Дуг ошеломленно, все еще не веря в случившееся, смотрел на дымящиеся развалины поместья.

Дом сгорел почти полностью, однако стены еще стояли. Оставшиеся на месте рабы после ухода маронов начали работы по тушению пожара. Кроме того, они быстро известили Холлистеров и Кинсли. Сразу же после того как были убиты надсмотрщики и мароны созвали рабов, которые хотели уйти с ними, и распределили их для штурма дома, несколько пожилых домашних слуг помчались на другие плантации. При нападении маронов такое бывало редко — обычно свободные чернокожие не набирали рабов с плантации для набегов на господские дома, а нападали сами. Рабы понимали, что происходит, лишь тогда, когда загорался господский дом.

— Трудно определить, сэр, — ответил надсмотрщик в некотором смущении. — Трупы полностью сгорели. И приблизительно... значит приблизительно.

— Давайте оставим парня в покое по поводу подробностей. — Кристофер Кинсли увидел Дуга и отодвинул своего надсмотрщика в сторону. — Вот, Дуглас, сделайте-ка глоток.

Кинсли протянул ему флягу. Дуг хотел было отказаться, но затем все

же поднес флягу к губам и почувствовал вкус отменного спирта из сахарного тростника. После этого, хотя ему и не стало лучше, по крайней мере, перестала кружиться голова.

— Вы ведь сами знаете, мальчик мой, — начал объяснял Кинсли, — как эти... эти... звери убивают. А в этот раз с ними ведь были еще и полевые негры, и, если я правильно понял, они орудовали еще более жестоко. Кажется, они напали на ваших отца и мачеху в спальне. И они... Ну, у них были мачете...

Дуг, чтобы не упасть, прислонился к своему коню.

— Они... они порубили их на куски? — спросил он глухо.

Кинсли кивнул и снова протянул ему флягу.

— А затем подожгли. Единственное утешение заключается в том, что они умерли не в огне. Но опознать трупы невозможно. Мне очень жаль, Дуг. Вам лучше этого не видеть. Вы...

— Это точно Нора? — прошептал Дуг.

Кинсли снова кивнул.

— Судя по всему, да. Кто же еще? Мы, кстати, предполагали, что вы — один из мертвецов. Как я сказал...

— Я хочу видеть их! — Дуг вернул Кинсли фляжку. — Я... должен сам увидеть это.

Он отпустил поводья Амиго и, спотыкаясь, побрел в направлении дома. Тела жертв нападения лежали перед ним на одеялах — и двое рабов как раз тащили туда трупы Трумэна и Мак-Аллистера.

— Все надсмотрщики тоже мертвы, сэр! — доложил Бенсон своему работодателю. Кинсли рассеянно кивнул.

— Лучше не делайте этого! — снова обратился он к Дугу. — Вы потом никогда не забудете...

Дуг посмотрел на него невидящим взглядом.

— Есть много чего, что навсегда останется у меня в памяти об этой ночи. Но это...

Кинсли, качая головой, пошел за ним к тому месту, где были выложены трупы.

— Дайте распоряжение сообщить об этом проповеднику, — устало сказал он Бенсону. — Мы должны похоронить всех как можно скорее.

Дуг не потерял сознание, стоя перед обугленными трупами и частями тел. Может быть, он лишился бы чувств, если бы узнал Нору, но здесь... Зрелище было страшным, но при виде этой бесформенной кучи в голову не приходила мысль о том, что это когда-то были люди. Действительно, сейчас невозможно было определить, были ли это черные или белые, мужчины

или женщины, взрослые или дети. Дуг спросил себя, была ли среди них Манса, или же мароны забрали девочку с собой. Однако они обычно убивали всех домашних слуг. Он отвернулся. Кинсли сразу же протянул ему флягу.

— Идемте... Здесь вам больше делать нечего: огонь потушен, оставшихся рабов мы отдали под надзор одного из наших людей.

— Под надзор? — рассеянно спросил Дуг. — Зачем надзор? Если они... если они до сих пор не убежали, зачем же им убежать теперь?

Кинсли злобно засмеялся.

— Разве вы еще не поняли, что этому сброду доверять нельзя?

Дуг привычным жестом потер лоб.

— Я хочу пойти в поселок рабов, — сказал он затем. — К нашим... к моим...

Это было странное чувство, но Дуглас должен был убедиться, что теперь он — наследник своего отца. То, что осталось от Каскарилла Гардене, — может быть, еще живой крупный рогатый скот и оставшиеся рабы, — теперь принадлежало ему.

— Это снова плохая идея, Дуглас. Вы сначала должны поехать с нами. Здесь вы можете утром...

Дуг покачал головой.

— Я должен уже сегодня поговорить с ними. Вы не знаете, где... мама Адве?

Он отвернулся, когда Кинсли дал ему понять, что ничего не знает. Амиго все еще стоял там, где он его оставил. Жеребец имел не менее испуганный вид и был таким же растерянным, как и его хозяин. Дуг похлопал его по шее и, встав на пень, вскочил на коня.

— Отвези меня к конюшням. Может быть, хотя бы у тебя остался дом.

И действительно, мароны пощадили конюшни, что опять же удивляло. В большинстве случаев они поджигали хозяйственные постройки. Однако здесь, вероятно, грабеж устроили рабы с плантации, а не гости. Как бы там ни было, все лошади и мулы исчезли, но саму постройку нападавшие не тронули — может быть, из-за того, что она стояла близко к жилью рабов, куда легко мог перекинуться огонь.

Квадво, колдун-обеа, взял Амиго под уздцы.

— Квадво... — глухо поприветствовал его Дуг. — Ты не ушел?

Тот покачал головой.

— Нет, баккра, я не убежать. Многие не убежать, все старые, больные, трусливые. Все те, кому нужен человек-обеа. Это здесь не только ваши ниггеры, баккра, это тоже мои ниггеры.

Старик гордо выпрямился.

Дуг кивнул.

— Мы вдвоем будем заботиться о них, — прошептал он. — Ты что-нибудь знаешь о миссис, Квадво? Ты... был в доме?

Квадво покачал головой.

— Нет, я здесь, баккра. Я помогал седлать лошадей. Эти глупые полевые негры одевать седло с лошади миссис на глупых мулов. Я, конечно, не хотел идти с ними, но...

Квадво переминался с ноги на ногу. Возможно, баккра накажет его за пособничество при угоне лошадей.

Дуг отмахнулся. Он понял Квадво, но сейчас ему было не до объяснений. Завтра придется задуматься над тем, почему мароны нанесли свой удар так далеко от Блу-Маунтинс и почему в нападении на дом участвовали рабы с плантации. Но сейчас...

— Миссис в доме? — спросил Квадво, чтобы отвлечь баккра. И он тоже вопросительно смотрел на одежду Дуга. — Или она с вами?

Старый колдун-обеа имел острые глаза. Вспыхнувшая между Норой и Дугом любовь не укрылась от него.

Дуг покачал головой.

— Она была в доме, — устало сказал он.

Лицо Квадво сморщилось, губы задрожали.

— Тогда она тоже... Мне очень жаль, баккра Дуг, но в доме все мертвые.

Дуг оставил колдуна-обеа и побрел к поселению рабов. На него наваливалась свинцовая усталость, которая почти вытеснила боль. Но он не хотел ехать к Кинсли. Больше всего ему захотелось улечься в солому рядом со своим конем.

Оставшиеся в селении рабы все еще не спали и смотрели на своего баккра взглядами, в которых светились и облегчение, и страх. Для них должно было быть хорошим известием, что кто-то из семьи выжил. Иначе плантация точно перешла бы во владение одного из соседей, или же ее разделили бы между собой Холлистеры и Кинсли.

В любом случае не было бы потребности в отдельном поселении рабов, село разделили бы, а людей продали поодиночке.

Однако, с другой стороны, молодой баккра был, вероятно, исполнен чувства мести. Возможно, теперь он безжалостно отомстит оставшимся рабам за убийства своих родных. Люди, дрожа, кланялись своему господину.

— Где Адвеа? — спросил Дуг одного из них. — Она..?

— Я здесь, баккра Дуг. — Грузная повариха вышла из хижины. — Я не ушла. Аквази ушел, Маану ушла. Манса... я не знаю. Может быть, мертвая. Но я не ушла. Я осталась. И ты...

Дуг, шатаясь, подошел к ней.

— У меня было пять детей, — прошептала Адвеа. — Моего первого продали, потом Маану, Аквази, ты и Манса. Я плохая женщина, я отдала ее баккра. Ты последний. Иди же... Иди к маме Адве!

Дуг бросился в ее объятия и зарыдал на груди своей кормилицы, своей мамы Адве, своей матери.

Хотя Кинсли и Холлистер заявили, что он сошел с ума, Дуг провел эту ночь в поселении рабов. Он собрал все силы и энергично отослал домой соседских надсмотрщиков. После этого Квадро созвал свою паству, и жалобное пение людей, в котором слышалось много чего, а большей частью — молитва о молодых рабах, ушедших за маронами на свободу, — сопровождало Дуга, пока он не уснул. Адвеа баюкала его, как ребенка, а сама плакала за своими дочерьми. Никто не сказал ей о том, что Манса спаслась. Ее младшенькая, как она думала, умерла вместе со своим мучителем — а может быть, раньше, от его руки. И Маану будет всю жизнь ненавидеть за это свою мать.

Весь следующий день свинцовое молчание и пропитанный дымом воздух окутывали останки Каскарилла Гардене. Кристофер Кинсли и лорд Холлистер заставили плотников из числа своих рабов еще ночью соорудить гробы для мертвых, чтобы жертвы пожара лишней раз не попадались на глаза Дугу Фортнэму. Однако тот не мог заставить себя оторвать глаза от простых деревянных ящиков, когда, в конце концов, отправился осмотреть развалины дома. Он, как и раньше, не мог поверить в то, что Нора лежит в одном из этих гробов. Она ведь была такой живой, такой нежной, такой внимательной и исполненной любви. Дуг роптал на Бога или ему следовало роптать на духов? Неужели Саймон Гринборо все же отомстил за свою потерянную любовь? Или же это был удар, который провидение давно готовилось нанести Элиасу Фортнэму?

Дуг попытался сосредоточиться на доме. Будет не так уж трудно снова восстановить его. Если он этого захочет. Но, собственно, этот дом ему никогда не нравился. Строгая архитектура английских особняков, колонны и лестницы — все это, по понятиям Дуга, абсолютно не подходило Ямайке. И пока что ему было не до пестрых башенок и террас колониального зодчества, возникшего под испанским влиянием. Для начала ему хватило бы и хижины. Он услышал голос Норы: «И мы построили себе хижину из бамбука и укрыли ее пальмовыми листьями. Я сплела гамак, и он любил

меня там в сиянии луны...»

Дуг с удовольствием построил бы ей хижину. На пляже, у моря... Почему он оставил ее одну? Он проклинал свою панику и ярость, которые выгнали его из дому. При этом он понимал, что ничего не смог бы сделать для Норы. До сих пор ни один плантатор не остался в живых после нападения маронов. Эти люди всегда имели численное превосходство, были великолепными и абсолютно безжалостными воинами. Единственное, что мог сделать Дуг, — это умереть вместе с Норой.

Однако сейчас это казалось ему лучшей альтернативой по сравнению с чувством безнадежности, пустоты и темноты, которые полностью парализовали его. Дуг безвольно опустился на одну из почерневших от копоти ступенек лестницы на входе в дом. Больше всего ему хотелось где-нибудь спрятаться и без остатка отдаться своей тоске, однако мир вокруг безжалостно требовал его участия. Теперь ему нужно позаботиться о рабах. А потом похороны...

Дуг пустым взглядом смерил чистый, приглаженный граблями песок на подъезде к дому. Тот не пострадал от пожара и имел такой же привычный ухоженный вид, как и за день до этого. Что-то там блестело на солнце, не похожее на камешек. Дуг с трудом поднялся. Влажная от утренней росы, но уже теплая от солнца, там лежала камея Норы. Он поднял украшение. На ощупь оно было таким, словно Нора только что сняла его со своей шеи.

Сердце Дуга учащенно забилося. Украшение было на ней накануне вечером и даже тогда, когда они любили друг друга. А потом Нора играла камеей, когда рассказывала ему о Саймоне.

Дуг спросил себя, означает ли что-нибудь эта находка. Однако при этом он понимал, что только сам себя обманывает. Шелковая ленточка, на которой висело украшение, была порвана. Без сомнения, кто-то сорвал его с шеи Норы, перед тем как убить ее. Мароны были известны как основательные грабители. В господских домах, на которые они нападали, ничего ценного не сторало. Конечно, они просто так не оставили бы ни одной драгоценности. Однако камею один из убийц, скорее всего, потерял во время поспешного бегства. Дуг сжал ее в руке и почувствовал нечто похожее на утешение. Нора любила это украшение — а теперь оно всегда будет напоминать ему о ней.

Исполненный новых сил, он отправился в поселение рабов.

Кинсли этим же утром отослал к Дугу двух своих надсмотрщиков — может быть, он уже образумился и теперь согласится принять помощь в охране своих рабов. Дуг, однако же, снова последовательно отклонил ее.

Вместо этого он назначил Квадво на должность буша, как называли немногочисленных черных старост деревень.

— Пока что работы нет, — сказал он устало. — Я... вы... Мы сегодня не пойдем на поле. А в доме все равно нечего делать.

— Вы не хотите снова построить дом, баккра? — удивленно спросил Квадво. Не зная, что подвигло его на это, он перестал разговаривать с хозяином на пиджин-инглиш. — Может быть, мы..?

— Для кого мне строить этот дом, Квадво? — Дуг поморщился. — Но вы можете привести в порядок один из домов, где жили надсмотрщики. Для меня этого будет достаточно. Адвеа может готовить для меня пищу.

— Значит, вы продадите всех домашних слуг, баккра? — со страхом спросила Адвеа. — Девочек?

Дуг вздохнул. Он задумался, стоит ли упоминать о том, о чем знали, но молчали все эти домашние слуги. Меньше всего ему хотелось видеть кого-то из них. Но, с другой стороны, у них ведь не было выбора. Даже у Адвеа.

— Конечно, нет, — успокоил он кормилицу. — Я никого не буду продавать, не беспокойтесь. И никого из дома не буду посылать на поле.

Этот больной вопрос был написан на лицах домашних слуг, и никому не нужно было произносить его вслух.

— Посмотрим, что мы будем делать. Сегодня, по крайней мере...

— А что с преподобным?

Адвеа указала на повозку Стивенса, которая как раз въезжала в поселок рабов. Дугу было неприятно встречаться с этим человеком. Он надеялся, что Стивенс хоть сейчас оставит дома свою жену и ребенка. Рут сама до сих пор была в трауре.

— Приготовьте еще один дом надзирателей, — приказал Дуг. — Если преподобному это подойдет. Хотя, может быть, он переночует у Холлистеров или Кинсли. Но нам нужно... Нам придется готовить поминальный обед. Мама Адвеа...

Адвеа кивнула.

— Я уже делаю, баккра! — утешая Дуга, сказала она. — Мы можем делать в кухне для рабов. Мы сделаем барбекю.

Дугу от одной мысли о раскаленных углях и запахе жареного мяса стало дурно, но это он предоставит Адвеа. Он утомленно повернулся к проповеднику, чья длинная худая фигура в поношенном черном костюме только что спрыгнула с телеги.

— Мистер Фортнэм! — Преподобный пожал Дугу руку. — Слова бессильны выразить что-либо перед лицом вашей огромной боли...

Дуг вооружился терпением для того, чтобы выслушать его проповедь.

Глава 2

Измученная, Нора с трудом передвигалась по крутым склонам Блу-Маунтинс. Она всегда думала, что довольно вынослива, но насильственный марш-бросок с беглыми рабами довел ее до пределов сил и возможностей. При этом группа, по меркам негров, двигалась медленно — трое мужчин, которые сначала остались на плантации, чтобы поджечь Каскарилла Гардене, догнали остальных всего за несколько часов. После этого они стали безжалостно подгонять освобожденных рабов. Эти люди должны были еще до рассвета оставить Кингстон позади, максимально увеличив расстояние между собой и разграбленной плантацией. Единственный их шанс при этом состоял в том, чтобы как можно быстрее углубиться внутрь острова, в эту пока не освоенную область, в которой практически не было дорог. Предводитель маронов шагал впереди и прорубал путь с помощью мачете. Люди спотыкались о корни и лианы, следуя за ним, причем должны были еще благодарить небо за то, что стояло полнолуние.

Нора, тем не менее, почти ничего не видела, пока они не забрались на достаточную высоту: над ней почти постоянно находилась лиственная крыша. Несмотря на то, что Аквази крепко держал ее за руку, так крепко, что это скорее приносило боль, чем предоставляло опору, Нора время от времени падала на землю. Кроме нее, то же самое происходило с Маану, Мансой и еще одной домашней рабыней, которая присоединилась к ним. Полевые рабы передвигались невероятно уверенно и, казалось, не чувствовали ни шипов, ни кореньев, которые ранили ноги до крови.

Вскоре каждый шаг Норы стал сопровождаться резкой болью, хотя она всегда гордилась твердой кожей на ступнях. Ведь молодая женщина достаточно часто бегала босиком по побережью или к месту купания в лесу. Однако все это, очевидно, было несравнимо с муками, которым подвергались каждый день полевые рабы. Они только смеялись над громкими жалобами домашней рабыни. Маану, дела которой были явно не лучше, молчала. Она упорно шагала вперед и тащила за собой плачущую Мансу.

Нора беспокоилась за девочку, для которой непосильная гонка усугублялась воспоминаниями об ужасах прошедшей ночи. Как только выдавалась возможность, Манса подбегала к Норе и прятала свою голову у нее на груди. Но такое случалось редко: мароны не давали группе ни капли времени для отдыха. Им нельзя было встретить никого из белых людей, а

если бы они наткнулись на кого-то, то не должны были отпустить его живым. Большое количество людей и угнанных животных легко заметить, а мароны вряд ли смогли бы сразаться в открытом поле против разъяренных плантаторов. Таким образом, они спешили дальше, пока не наступило утро, и пассат не нагнал на горы знаменитый синий туман. У Норы, однако, не было сил любоваться игрой природы. Она и так устала до смерти, а тут еще каждый шаг приносил ей новые мучения.

На протяжении дня к этому присоединилась ужасная жара, которая не ослабела даже тогда, когда они поднялись выше в горы. Растительность здесь немного изменилась: плотные джунгли уступили место кустам и акациям, которые расцветали в буйстве пестрых красок, пока вокруг танцевали мотыльки и колибри. Нора с печалью подумала о том, что никогда уже не сможет определить, что это за растения, и что теперь ей это все равно.

Наступило время, когда ей все стало безразличным, и она хотела только одного — умереть, в то время как освобожденные рабы вокруг нее постоянно жаловались на голод. Пеший переход, казалось, почти не утомил их. Теперь, когда они почувствовали себя в безопасности, младшие из них даже начали петь. Однако это не понравилось предводителю маронов.

— Вы, молчать. Мы еще не в Нэнни-Таун. Здесь могут быть торговцы, могут нас выдать.

Нора почувствовала подспудную злость по отношению к белым торговцам, которые совершенно бесстыдно вели дела с маронами. Они-то должны были знать, что деньги и товары попадают к ним с разграбленных плантаций! Так что предводителю, собственно, должно было быть все равно, выдадут их или нет. Каждый знал, что нападение на Каскарилла Гардене совершили мароны.

— Но не знать, какие мароны, — объяснил предводитель, когда молодая домашняя рабыня сказала ему об этом. — Может быть, Нэнни, может быть, Кудойе, а может, Аккомпонг из Сент-Элизабет-Пэриш. Они не знают, на кого нападать, чтобы мстить. А нападать на всех — на это у них не хватать людей. Не нападать ни на кого. Это лучше.

— А нападения бывают часто? — испуганно спросила девочка.

Предводитель встал. Они на короткое время остановились возле речки, чтобы напиться воды, а теперь он хотел двигаться дальше.

— Иногда больше, иногда меньше, но не бояться. Ничего не будет. Нэнни-Таун неприступен!

Последнюю фразу он гордо произнес на абсолютно правильном английском языке. Нора судорожно вздохнула. Значит, у Дуга будет мало

шансов, если он попытается найти ее.

Освобожденные рабы теперь двигались по вытоптаным тропам, хотя на первый взгляд ни одна из дорог не была заметна. Но тут уже не было ни шипов, ни корней, о которые люди постоянно спотыкались в джунглях, а мужчины во главе колонны, казалось, очень хорошо ориентировались здесь. Нора надеялась, что они приблизились к Нэнни-Тауну, однако дорога казалась бесконечной. С какого-то момента все долины, все холмы, которые постепенно превращались в горы, для нее стали выглядеть одинаково, а потом она смотрела только на землю, стараясь, чтобы ее израненные ноги шагали по песку, а не по камням. Аквази все еще крепко держал ее, не говоря ни слова. Ей было жутко, что он на протяжении нескольких часов тащил ее за собой в постоянном молчании.

Другие рабы тоже не обращались к Аквази, не говоря уже о том, чтобы перемолвиться словечком с Норой. Решение Аквази взять белую женщину с собой, чего бы это ему ни стоило, натолкнулось на всеобщее презрение. Таким образом, молодой человек превратил себя в изгоя. Кроме того, негры говорили между собой, что именно он убил баккра. Это принесло ему, с одной стороны, уважение, но вместе с тем его окружала аура суеверного страха. Если уж кого-то из них поразит молния возмездия, что каждое воскресенье предсказывал проповедник неверным слугам, то, без сомнения, этим несчастным будет Аквази.

Манса уже перестала плакать. С отсутствующим выражением лица она следовала за Маану — ее даже не нужно было тащить. Девочка уже давно слишком устала, чтобы сопротивляться.

В конце концов, когда снова наступил вечер, предводитель разрешил маронам остановиться.

— Делать отдых два часа, — сказал он. — Ничего не есть, зато есть завтра в Нэнни-Таун. Здесь, если хотеть, можно спать. Здесь безопасно, здесь не придет белый человек ночью.

Нора упала на землю. Спать... Ее глаза закрылись. Наконец-то перевести дух... Однако Аквази грубо дернул ее вверх, едва только плечи Норы коснулись земли.

— Идем со мной! — строго сказал он. — Я хочу тебя. А то завтра они могут тебя отобрать у меня!

— Отобрать?

Нора почти не поняла значения этих слов. Но ведь вполне могло быть так, что она терпела все эти муки, чтобы потом мароны разрубили ее на куски или забили до смерти плетью перед всем поселением. Она не имела ни малейшего понятия, какое наказание могут придумать свободные негры

для жены плантатора, но за это время она настолько измучилась, что ей все уже было безразлично. Лишь бы ее оставили в покое. Но именно этого и не хотел Аквази.

— Идем. Или ты хочешь, чтобы все смотрели на нас при этом?

Он рывком поднял ее на ноги и увел с дороги. Однако не так уж далеко — больше чем на пару шагов от группы он уходить не хотел. К удивлению Норы, он разрешил ей полежать на земле, пока сам срезал пару папоротников и соорудил некое подобие подстилки.

— Здесь. Твое брачное ложе! — саркастически сказал он. — Чтобы никто не говорил, что Аквази плохо обращается со своей рабыней. Мягче, чем на песке, не правда ли? И лучше, чем в лесу, где тебя целовал Дуг!

Нора спросила себя, откуда Аквази все это знает, но у нее больше не было сил думать об этом. Подстилка из папоротника действительно была мягкой. Кроме того, кусты и цветы вокруг них наполняли ночь упоительным ароматом. При других обстоятельствах она могла бы наслаждаться таким «брачным ложем». Нора беспомощно подчинилась, когда Аквази опрокинул ее на спину, но из последних сил старалась, чтобы он не порвал на ней платье.

— Не рви его, — тихо сказала она. — Иначе... ты мог бы сразу же взять меня на глазах у других.

Нора почти не ощущала страха, скорее отвращение и равнодушие, когда, в конце концов, сама задрала подол. Она, собственно, никогда не испытывала особой боли, когда Элиас входил в нее. Его зачастую быстрых и мало стимулирующих прикосновений к ее груди и промежности хватало, чтобы она становилась немного влажной. Нору было легко возбудить — если только дать ей пару мгновений, чтобы она смогла возродить перед мысленным взором лицо Саймона. Она не сходила сума от счастья, как несколько часов назад, когда лежала в объятиях Дуга, но и не страдала особо. Иногда Нора пребывала в каком-то полусне, пока Элиас трудился над ней. А сейчас, когда она и без того устала до смерти...

Аквази едва дождался. Как только она задрала юбку, он грубо схватил ее за грудь — никакого сравнения с его исполненными любви прикосновениями тогда, в сарае. Тогда он хотел любить ее, а сейчас, казалось, ему хотелось только одного — унижить эту женщину. Нора вскрикнула, когда он с силой раздвинул ее ноги и без всякой подготовки вонзился в нее. Она застонала от боли, когда он по-зверски грубо снова и снова совершал толчки. Казалось, что прошла целая вечность, пока он наконец не оторвался от нее.

— Это было хорошо! — сказал Аквази и нагло ухмыльнулся ей в лицо.

— Намного лучше, чем в прошлый раз.

— Лучше? — ошеломленно спросила Нора. — Но я... Мне было больно.

Аквази довольно кивнул.

— Так и должно быть, — процедил он сквозь зубы с видом превосходства. — Так принято в Африке. Хорошая женщина остается сухой. Только проститутка имеет удовольствие...

Он улегся рядом с ней и почти моментально уснул. Нора еще долго лежала, не засыпая, и пыталась перетерпеть боль в израненной, кровоточащей промежности. А также побороть страх перед тем, что ожидало ее в Нэнни-Тауне.

Кроме девушки-служанки и маленькой Мансы, которая снова начала плакать, когда мароны через несколько часов отдыха пробудили ее от глубокого сна, никого из группы не смутило то, что они так скоро отправились в путь дальше. Наоборот, бывшие рабы были в приподнятом настроении. Ведь они вот-вот доберутся до Нэнни-Тауна, до города свободных чернокожих людей, до места, о котором многие из них мечтали долгие годы. Лишь там они будут чувствовать себя в полной безопасности, и, как казалось, их предводители тоже. Они снова зашагали вперед с убийственной поспешностью. У Норы уже через несколько шагов сбилось дыхание, и теперь ей приходилось бороться не только с болью в ногах, но и со жжением в промежности. К тому же дорога постоянно вела вверх. Нэнни-Таун находился высоко в горах.

В конце концов, беглецы добрались до речки Стоуни-Ривер, и освобожденные рабы возликовали. У реки в последнем сиянии луны и в первых лучах нового дня, которые она отражала, словно серебряная лента, открывался вид, захватывающий дух. Мароны прошли вдоль реки еще несколько миль, а затем перед ними раскинулся, наконец, Нэнни-Таун! Новички сначала вообще не заметили села. Строения племени ашанти так гармонично вписывались в ландшафт, что их трудно было различить на рассвете. Часовые маронов увидели караван людей и животных уже за половину мили до того, как те подошли к городу, и возвестили об этом, громко трубя в трубы. Новички вздрогнули от страха, когда услышали сигналы. Люди невольно замедлили шаг — наверное, они погибли бы все сразу, если бы попали в настоящую засаду.

Внезапно из кустов вблизи берега вышло несколько человек, которые, до этого оставаясь невидимыми и неподвижными, наблюдали за дорогой. Огромные, тяжело вооруженные, чернокожие — некоторые были одеты по-западному, другие — в национальной одежде своих бывших племен —

радостно и почтительно приветствовали Маану и ее пятерых сопровождающих. Это приключение умножит славу мужчин как воинов, а также уважение, которое теперь все будут оказывать Маану.

Нора из последних сил перебрела через реку и зашагала по крутым тропинкам наверх к городу. Она думала только о том, как бы найти место, где можно было бы упасть. И если бы Аквази еще раз захотел взять ее, пусть делает что хочет: она слишком устала, чтобы чувствовать боль. Лишь бы он только после этого оставил ее в покое. Сердце Норы бешено колотилось, дыхание было прерывистым, когда они, наконец, дошли до поселения.

Но на этом ее мучения никоим образом не закончились. Между тем солнце взошло высоко. Улицы и дороги Нэнни-Тауна наполнились мужчинами, женщинами и детьми, и все совершенно бесстыдно пялились на Аквази и его необычный трофей. Несколько черных женщин и девочек тут же стали кричать вслед белой женщине ругательства, а одна из них даже плюнула в Нору. Та старалась не замечать этого. Она хотела лишь одного — спать. Об остальном она подумает позже.

Мароны триумфальным походом провели своих подопечных и нагруженных богатой добычей животных через все поселение и остановили караван на деревенской площади. Большинство новоприбывших рабов, уставших от перехода и потерявших голову от новых впечатлений, тут же упали на утоптанную землю. Жители города, привлеченные рассказами, стали подавать им воду и фрукты, а также лепешки, посыпанные пшеном. Бывшие рабы Фортнэма с жадностью брали еду, однако Норе не дали ничего. Белой женщине достались только недоверчивые и злобные взгляды.

Вдруг маленькая и, казалось, незаметная особа появилась у входа в одну из круглых хижин, окружавших деревенскую площадь. Нора не узнала ее. Она упала на землю немного в стороне от освобожденных рабов, а мощное тело Аквази закрывало вид на то, что происходит. Вновь прибывшие отреагировали на появление женщины напряженным ропотом, а жители Нэнни-Тауна — приветственными возгласами. Казалось, они приветствуют Грэнни Нэнни, королеву. Нора с удивлением отметила, что все на площади тут же замолкли, когда маленькая женщина подала голос.

— Вот так ты вернулась, Маану, дочка!

По площади прокатился едва слышный ропот. Обращение «дочка», должно быть, являлось почетным.

— Так, как и обещала, королева Нэнни. С богатой добычей и подкреплением для племени! — В голосе Маану звучало торжество.

— А тебе удалось освободить твою сестру?

Нора затаила дыхание. Против ее воли в ней росло уважение к Маану.

Ненависть молодой женщины по отношению к баккра, связанная с ее любовью к Мансе, — значит, вот что дало ей повод спланировать целый военный поход. Маленькая девочка победила Элиаса Фортнэма.

— Да! — сказала Маану.

Норе показалось, что она подтолкнула сестру вперед. Манса снова плакала.

— Вот эта? — насмешливо спросила Нэнни. — Это жалкое маленькое существо? Неужели оно стоило стольких усилий? Но тебе лучше знать. Этот мерзавец горит в аду?

— В самом глубоком и самом темном, — сказала Маану голосом, исполненным ненависти.

— Хорошо. Завтра мы проведем церемонию, чтобы утихомирить его дуппи. А ты... Мужчины должны построить дом для тебя и твоей сестры. И твоего мужа — если ты его себе выберешь.

И снова ропот в толпе. Маану явно значительно поднялась в глазах жителей Нэнни-Тауна.

— А где же тот раб, который привел с собой белую женщину?

Нора испуганно вздрогнула, да и Аквази, казалось, был в состоянии крайнего нервного напряжения. Откуда Нэнни узнала об этом? Но, вероятно, на подходе к Нэнни-Тауну у каждого куста были глаза и уши.

Один из маронов указал на Аквази и Нору, и толпа расступилась перед ними. Нора сжалась. Она не хотела появляться перед этими людьми сейчас. Она была не готова предстать перед королевой и слушать ее резкий насмешливый голос. Тем более что выглядела она, конечно, ужасно. Ее платье было порвано, измято и пропитано потом, на ногах выступила кровь, на руках и лице были ссадины и царапины. Ее волосы влажными, грязными и спутанными прядями окружали изможденное лицо. Нора хотела спать или... умереть, если так должно было случиться. Но она не хотела быть развлечением для этой королевы.

Один из воинов — не Аквази — резко поднял ее. Аквази уже стоял перед Грэнни Нэнни.

— Это я! — сказал он гордо. — Я хочу ее, я всегда хотел ее. И это я убил ее хозяина.

— Ты убил баккра? — В голосе Нэнни читалось явное уважение.

Она знала, что у большинства рабов существовал священный страх поднять руку на ненавистных хозяев.

Аквази кивнул.

— Мы сделали это вместе, — пояснил он. — Но именно я отделил его голову от туловища. От того, что еще оставалось. Поэтому женщина принадлежит мне.

Нора похолодела от страха.

— Об этом можно поспорить, Аквази, — сказала Нэнни. — Добыча здесь принадлежит всем, и обычно пленных мы не берем.

— Разве в твоём городе запрещено держать рабов? — осведомился Аквази. — Ты ведь из племени ашанти.

Нэнни громко выдохнула.

— Я была из племени ашанти, — поправила она его. — И это правда, что мы всегда держали рабов. Мы жили торговлей рабами. Но это — мое племя. И до сих пор оно рабов не держало.

У Норы зародилось что-то похожее на надежду. Если Нэнни отрицает рабство...

— Потому что это запрещают боги? — насмешливо спросил Аквази. — Как обычно заявлял наш колдун-обеа?

Нэнни засмеялась. Ее смех был похож на крики птиц в джунглях.

— Боги меня не волнуют, — сказала она. — Они делают свои дела, а я — свои. Но мы здесь все — одно племя. Оно принадлежит мне, Квао, Кудойе и Аккомпонгу. Горы здесь слишком малы для множества племен. Если мы будем воевать друг с другом и захватывать рабов, мы будем слабыми. Поэтому мы больше не отсылаем никого назад, даже за выкуп. Это ослабляет нас.

Нора потеряла остатки мужества. Словами Нэнни говорила стратегия, а не человечность, и, уж конечно, не принципиальное отрицание рабства.

— Она — белая, — сказал Аквази.

— Что осложняет дело. — Нэнни вздохнула. — Если бы это была черная женщина, она бы когда-нибудь подчинилась своей судьбе. Ты же хочешь ее для своей постели?

Аквази кивнул.

— А ты — крепкий мужчина, черная женщина научилась бы ценить тебя. Но белая... У тебя будут трудности, молодой человек.

Аквази гордо выпрямился.

— Я справлюсь со своей женщиной, — твердо сказал он.

Нэнни снова засмеялась.

— Я говорила не о ночных трудностях. Чем она будет заниматься днем? Обрабатывать твоё поле? Приводить в порядок твой дом, как черная женщина? В то время, как другие будут рвать себе глотки, что ты не хочешь себе в жены никого из нас.

— А разве тебя кто-нибудь спрашивал, хочешь ли ты обрабатывать поля белых людей, королева, когда тебя поймали в Африке? — спросил Аквази. — Что сказали бы белые женщины, если бы баккра заставил тебя идти к нему в постель?

Нэнни снова рассмеялась, и ее глаза заблестели. Спор с Аквази, казалось, развеселил ее.

— У тебя на все есть готовый ответ, молодой воин. Ну-ка, покажи мне девушку!

Она указала на Нору, которая сидела, опустив голову в попытке скрыть лицо за волосами. Воин, который держал ее, потянул ее за волосы вверх, чтобы Нэнни могла увидеть ее лицо.

— Что с тобой, белая миссис? — спросила она затем. — Ты хочешь служить ему или умереть?

Нора посмотрела в ее живые пронзительные глаза, в ее маленькое черное лицо, которое могло бы принадлежать гному или... фее.

— Я никогда не делала ему ничего плохого! — вырвалось у нее. — Я вообще никому и никогда ничего плохого не делала.

Она услышала громкий смех. Маану.

— Вопрос был не об этом, — сказала Нэнни спокойно. — Но если ты хочешь знать, я тоже никому ничего плохого не сделала, когда меня похитили из моего села.

— Я всегда помогала, я делала для ваших людей все, что могла. Я была... Я всегда была против рабства.

Сейчас уже смеялись все. Нора пристыженно опустила глаза. Ей надо было замолчать. Она поняла, что делает из себя посмешище. Лучше было просто отвечать на вопросы Нэнни. Ее оправданий не хотел слышать никто.

— Я хочу жить, — сказала она.

Нэнни кивнула.

— Хороший ответ. Хотя, может быть, ты об этом еще пожалеешь. Ты слышишь, Аквази, она будет служить тебе. Ты хочешь ее как свою жену или как рабыню?

Аквази взглянул на Нору, и она тоже посмотрела ему в глаза. Мужчина колебался. Он любил Нору, любил больше, чем мог сказать. Но она изменила ему. Она обманула его. Точно так же, как Дуг. Они все были одинаковы.

— Как мою рабыню! — твердо сказал он.

Нора снова опустила глаза.

Нэнни вскинула брови.

— Тогда заведи ее. Но я не хочу слышать никаких жалоб. Ни от кого из

вас. А сейчас уходите. Новоприбывшим выделяют жилье, но твоя рабыня останется на улице. Я не хочу никого заставлять делить свою хижину с белой женщиной. Построй ей завтра дом. Или же сделай так, чтобы она построила его. Делай с ней что хочешь.

Глава 3

Аквази построил свой дом по образцу хижины для рабов в поместье Каскарилла Гардене. Опыт у него был — ведь совсем недавно чернокожие были вынуждены заново отстроить свое поселение. Круглые хижины африканцев, со стенами, частично состоящими из коровьего навоза, казались ему очень примитивными — он предпочитал строения из дерева и глины. Нора в первый день и первую ночь после прибытия в Нэнни-Таун спала в углу деревенской площади, и солнце успело обжечь ее кожу. Однако сейчас она с готовностью помогала Аквази при строительстве дома. У нее было настойчивое желание спрятаться от жары и насекомых, однако в первую очередь — от взглядов и насмешек других жителей деревни, которые приходили сюда, чтобы поглазеть на белую рабыню и поиздеваться над ней.

Маану тоже забрела сюда, когда Нора обмазывала глиной стенки своей хижины.

— Ну, как тебе здесь нравится, белая миссис? — спросила она с кривой ухмылкой. — А как ты, Аквази? Что это? Хижина для рабыни? Или ты и сам будешь жить в ней?

Аквази пожал плечами.

— То был не мой дом, я ненавидел его, потому что то был дом баккра, которые удерживали меня в нем, как пленного, — спокойно сказал он. — Но я никогда не учился строить по-другому. А она должна брать то, что ей дают!

При этом он бросил на Нору поневоле признательный взгляд, что с болью заметила Маану. К ней он, как и раньше, не проявлял никакого интереса. И даже не глянул на прекрасную круглую хижину, которую ей выделили совсем рядом с резиденцией Грэн-ни Нэнни.

— Я спрашиваю себя, почему ты меня ненавидишь, Маану? — устало произнесла Нора. — Что я тебе сделала? Я ничего не знала о том, что творил Элиас. А когда поняла, в чем дело, то вмешалась и смогла спасти Мансу. Я бы и раньше смогла что-нибудь сделать, если бы ты не молчала. Если кто-то и мог предотвратить смерть Салли, Маану, так это ты. Не я.

Маану сердито посмотрела на нее.

— Кто говорит о Салли? — злобно спросила она.

Нора невольно тронула себя за лоб, но тут же отдернула руку, потому что ей стало больно. Ее лицо, на протяжении нескольких дней

выставленное на солнце без всякой защиты, обгорело, и это очень веселило негров в ее окружении. Попытка Норы сплести из листьев некое подобие шляпы была пресечена проходившими мимо женщинами. Они выхватили у нее из рук полуготовую защиту от солнца и втоптали листья в пыль.

— Ты не хочешь стать такой, как мы, белая миссис?

Теперь Нора боролась с головной болью и от всей души надеялась, что ее кожа привыкнет к солнцу. Она всегда очень быстро загорала, и это до сих пор было одной из самых больших ее забот на Ямайке. Элиас ценил то, что его совершенная леди могла продемонстрировать мраморно-белую кожу, такую же, как у других жен плантаторов, которые практически никогда не покидали дом. Теперь могло оказаться так, что вопрос — как быстро у нее возникнет природная защита против солнца — станет вопросом жизни и смерти. И искусственная защита тоже — ее дом должен быть построен как можно скорее. Нора с новыми силами начала швырять глину на стены дома.

Обычные хижины для рабов строились очень быстро, и только еще одну ночь Норе пришлось провести под открытым небом до того, как ее дом стал готов к вселению. Она ожидала нового изнасилования со стороны Аквази, однако, к ее облегчению, он оставил ее в покое. Что, конечно, было связано с тем, что ему самому не давали ни минуты покоя. Абсолютное большинство чернокожих в Нэнни-Тауне с презрением, хотя и по различным причинам, относились к его двуногой белой «добыче». Некоторые принципиально отвергали рабовладение, после того как сами стали жертвами рабства, другие же считали, что брать себе в постель белую женщину — это ниже достоинства свободного чернокожего мужчины, и встречали Аквази насмешками и унижениями. Однако подавляющее большинство просто боялись смуты из-за присутствия в поселении белой женщины,

— Баккра этого так просто не оставят, — услышала Нора болтовню двух женщин, которые толкли зерно, превращая его в муку. — Пара лошадей и мулов — это они переживут, но женщина... Они постараются забрать ее назад, и если при этом они разрушат нашу деревню...

Опасения, что он из-за своей сумасшедшей идеи может навлечь несчастье на всех остальных жителей села, дошли, конечно, и до Аквази. Владение Норой сильно пошатнуло его авторитет в новом племени. И ни в коем случае он не хотел привлекать лишнего внимания, сносясь с белой женщиной под взглядами половины города.

Однако в первую ночь в ее новом доме Аквази вел себя беспощадно, оставив плачущую Нору в израненном состоянии. Она старалась не

всхлипывать и не кричать, чтобы не потерять достоинство. Но толчки Аквази были слишком болезненными, он слишком бесцеремонно и нагло входил в нее, в то время как его сильные руки держали ее за плечи, прижимая к твердому глиняному полу. Нора еще не успела сплести себе циновки, так что в доме оказалось жестче, чем на ложе из папоротников в первую ночь. Поэтому начала болеть еще и спина. Однако едва ли не больнее было то, что во время соития Аквази не смотрел на нее. Он тупым взглядом смотрел куда-то мимо, и Нора чувствовала себя, словно избитая деревянная кукла, которую пинает непослушный ребенок. Под утро ей все же удалось, хотя и с трудом, встать и намолоть муки для лепешек на завтрак. По крайней мере, это ей удалось с легкостью. Женщины, которые из любопытства забредали сюда, чтобы увидеть неумелую белую рабыню, были разочарованы. Ведь Нора уже много месяцев измельчала в ступке целебные травы, смешивала мази и стирала материал для перевязок.

Размалывание зерен и замешивание теста, а также выпечка лепешек над открытым огнем могли бы даже доставить ей удовольствие, — если бы все это делалось не для мужчины, который хотел обладать ею, во чтобы то ни стало, хотя при этом откровенно ненавидел ее.

Труднее обстояло дело с плетением циновок для спанья. Женщины изготавливали их из пальмовых листьев, и Нора представляла себе это довольно простым делом. Она с тоской вспоминала о своих мечтаниях, которые делила с Саймоном, в то время как все, что она сплетала, тут же распускалось само собой. Ей был нужен кто-нибудь, кто показал бы, как делать это правильно, но единственной, кто робко присоединился к ней, была маленькая Манса. Девочка была запугана и печальна. Маану и другие женщины в Нэнни-Тауне не могли заменить ей мать, хотя, конечно, все относились к ней хорошо — хотя бы для того, чтобы завоевать расположение Маану, нового доверенного лица королевы. Грэнни Нэнни явно нравилась юная Маану, и она часто звала ее к себе в хижину, чтобы обсудить с ней то или иное дело. Другие женщины с почтением говорили, что Грэнни Нэнни советуется с ней.

Однако Манса знала лучше.

— Королева не советоваться ни с кем, — объясняла она Норе, помогая ей плести циновку. Однако, к сожалению, она оказалась такой же неумелой, как и бывшая хозяйка. Должен был, наверное, существовать какой-то прием, которым ни одна, ни вторая до сих пор не владели. — Но говорить по-английски с Маану и хочет научиться читать. Маану говорить, что она сама не умеет правильно читать, нужно просить Аквази. Однако Грэнни не говорить с Аквази, она сердитая, потому что Аквази приводит с собой

миссис. Позже должна будет, — сказала Манса, — потому что она не умеет читать договор.

— Договор? — спросила Нора с удивлением и в то же время с проблеском надежды. — Мароны хотят заключать договоры с баккра?

Манса пожала плечами.

— Не знать, миссис. Маану говорит, что Грэнни не хочет, потому что договор всегда будет говорить, что рабов нужно посылать назад, когда они убегают. Наверное, хочет Кудойе.

Кудойе, похоже, был самым старшим братом Грэнни Нэнни. Нора слышала в Кингстоне, что в первые годы именно он инициировал набеги маронов. Теперь же он довольно уверенно чувствовал себя в Сент-Джеймс-Пэрише, на северо-западе острова. Может быть, он действительно хотел легализовать свое поселение.

— Квао был у него, — рассказывала Манса дальше. — Но сейчас снова здесь и ссориться с Нэнни.

— По поводу заключения мира? — спросила Нора.

Манса снова пожала плечами. Но у нее характерное движение Маану выглядело не раздражающим, а скорее смешным.

— Не знаю, миссис, — повторила она. — Нэнни и Квао говорят на чужом языке, на языке ашанти. Маану говорит, что она хотела бы научиться. Научиться настоящему языку настоящего народа!

Нора убрала волосы с лица, и в этот момент ее ручная работа снова рассыпалась. Листья были слишком гладкими и никак не хотели держаться вместе. Она с досадой посмотрела в старательно насупленное личико Мансы.

— Маану ведь никакая не ашанти, — заметила она затем. — Насколько я знаю, ее мать из племени догонов. А ашанти брали в рабы людей из племени догонов еще несколько столетий назад. Так что же в этом языке лучше, чем в английском? Кстати, ты должна говорить правильно, Манса. Нет никакой причины говорить, словно маленький ребенок, теперь у тебя нет больше баккра, который настаивал бы на этом. Ты свободна. Так что постарайся составлять правильные фразы!

Следующие часы прошли в обоюдных усилиях. Нора старалась соорудить нечто похожее на ткацкую раму, а Манса пыталась сформулировать правильные обороты на английском языке. Причем последнее получалось намного успешнее. Нора, рассердившись, уже хотела просто швырнуть листья друг на друга, чтобы ночью лежать на чем-то более мягком, как вдруг к ним пришел нежданный гость. Манса сразу же спряталась за Норой, когда на нее упала тень какого-то человека. Это она

проделывала уже далеко не впервые: сюда заглядывали одна женщина за другой, чтобы поиздеваться над неумелостью Норы. Манса делала все возможное, чтобы лишить их этого удовольствия.

Но этот человек даже не посмотрел на работу Норы. Он бесстыдно рассматривал саму белую женщину.

— Значит, вот ты такая, — в конце концов, сказал мужчина. — Я до сих пор не мог в это поверить. Я думал, что ты — мулатка или что-то вроде того. Но ты очень белая. Я не думал... что ты настоящая белая миссис.

Нора сердито глянула на него.

— Ну, тогда добро пожаловать в зверинец! — заметила она. — Причем ты не первый — может быть, Аквази должен брать деньги за то, что выставляет меня на всеобщее обозрение?!

Она знала, что это считалось здесь неприличным, но все же открыто посмотрела в глаза мужчины в ответ на его испытующий взгляд. Чернокожий, стоявший перед ней, имел довольно маленький рост, но был очень крепким. Его лицо было широким, а глаза — такими же пронзительными, черными и блестящими, как и глаза королевы.

— От меня он ничего не получит, миссис, я имею все права на свете смотреть на тебя. Я — Квао, король.

Значит, брат Нэнни. Конечно, он был похож на нее, но выглядел моложе.

— Ну и как? Я тебе нравлюсь? — съязвила Нора. — Или мне сначала следует показать зубы?

На рынках, где продавали рабов, от двуногого товара постоянно требовали именно этого.

Квао засмеялся.

— Тебе не нужно будет кусать меня, — предупредил он. — А вообще, если быть честным, то ты мне не нравишься. От тебя здесь будут одни неприятности.

Нора фыркнула.

— Я сюда не напрашивалась, — сказала она саркастически.

Квао вздохнул.

— Но все же что-то должно быть между тобой и этим юношей, который так тебя любит и так ненавидит. Ты дала ему для этого повод? Ты одна из тех белых женщин, которые не прочь полакомиться черным мясом?

Нора сердито посмотрела на него.

— Я никогда...

Однако затем она вспомнила о той ночи, когда старик Квадво провел роковую церемонию обеа, и опустила взгляд.

— Не я это начала.

— О... — Квао поднял руки, словно собирался заклинать духов. — Значит, все же что-то было. Я подозревал это. И Нэнни тоже. При этом все могло быть так просто, если бы этот парень и Маану... Но как бы там ни было, миссис... Как тебя, собственно, зовут?

Женщина назвала свое имя.

— Значит, Нора...

Та почувствовала некоторое облегчение. Здесь никто не звал ее по имени с тех пор, как ее увели из Каскарилла Гардене.

— Значит так, Нора, ни мне, ни королеве не нравится то, что ты здесь. Мы даже говорили о том, чтобы тебя... устранить. Но этот Аквази хочет тебя, и похоже на то, что он может нам понадобиться, Правда ли то, что он умеет читать и писать?

Нора пожала плечами.

— Он вырос вместе с сыном баккра. Они были друзьями, хотя Аквази сейчас ненавидит его.

Квао внимательно наблюдал за ней. За долгие годы он научился читать по лицам людей.

— Значит, еще и это... — пробормотал он. — Сын баккра мертв?

Нора покачала головой.

— Дела становятся все хуже, — вздохнул Квао. — Может быть, он будет тебя разыскивать. Однако, как я сказал, нам нужен Аквази. Он должен иметь то, что хочет. Но я буду вынужден поговорить с ним о рабстве, каким оно было принято у ашанти. Ты не должна бояться — он не будет жестоко обращаться с тобой. А если он наделает тебе детей, то должен будет взять тебя в жены, чтобы дети могли стать его наследниками. И вообще, меня интересует, чем он обосновывает свое право держать тебя тут в качестве рабыни. В конце концов, ты не совершила никакого преступления.

Итак, Нора кое-что почерпнула из этого разговора, и прежде всего то, что в рабство у ашанти попадали только плененные во время войны и совершившие преступление. Ашанти охотились за людьми из враждующих племен. Так что рабство никоим образом не было связано с цветом кожи.

— Но она является военнопленной! — аргументировал Аквази, когда Квао вскоре после этого упрекнул его в том, что он обладает белой женщиной не по праву. — Ее племя — это мои враги!

Брат Грэнни Нэнни снова вздохнул.

— Да, я уже понял это по ее словам, но ты знаешь, что не имеешь права содержать ее, как скот. Ты обязан кормить и одевать эту женщину, и

ты не имеешь права бить и насиловать ее.

Нора смотрела в пол.

Аквази возмутился.

— Она что, пожаловалась? Я беру ее так, как мужчина в Африке берет свою женщину, я...

— А я веду себя так, как ведет себя леди в моей стране! — перебила его Нора. — И потому не рассказываю о ночах с моим... господином посторонним людям.

Она покраснела оттого, что мужчины без всякого стыда говорили о ней. Однако затем ее смущение обернулось гневом.

Квао отмахнулся от них, словно от двух ссорящихся детей.

— Делайте что хотите, — коротко сказал он. — Но подумай, Аквази, о том, что тебе придется сделать ее своей женой, если она подарит тебе ребенка. Я настаиваю на этом. Мы не допустим, чтобы здесь вырастали дети-рабы, как это принято на плантациях у белых. А ты, Нора, побереги свой острый язык. Он тебе еще понадобится. Но твой повелитель обязан хорошо обращаться с тобой. Хотя это не распространяется на твое племя как таковое.

Вскоре Нора начала потихоньку разбираться, что к чему. В Нэнни-Тауне люди жили не только за счет грабежей. Как когда-то уже говорил Дуг, племя ашанти издревле было земледельческим племенем. При этом работа на полях выполнялась в основном руками женщин, и трудились они совместно. Аквази не должен был обрабатывать землю, которую ему выделили очень быстро, изолированно от других. Хотя он обязан был сначала очистить ее от леса — здесь предпочитали выжигать его. Затем женщины группами начинали перекапывать землю и засеивать ее. Таким образом, Норе некуда будет спрятаться от других женщин, как она делала это раньше. С удивлением она услышала, как один из маронов приказал Аквази поджечь кусты на его земле.

— Это же будет видно на много миль! — сказала она Аквази, предупреждая и в то же время надеясь. — Дым и огонь — с таким же успехом можно сразу повесить в Кингстоне карту, на которой обозначен Нэнни-Таун.

Марон засмеялся.

— Это не тайна, белая женщина. Губернатор знает, где находится Кудойе-Таун, Нэнни-Таун, Аккомпонг...

Аквази гордо посмотрел на нее сверху вниз. Он только что нехотя и даже свысока разговаривал с воином: среди простых маронов его изоляция продержалась недолго. Наоборот, многие из них тайно завидовали ему. В

конце концов, он был не единственным негром, который, еще, будучи рабом, время от времени похотливо таращился на белую, как мрамор, кожу плантаторских жен.

— О да, — подтвердил он сейчас, — губернатор знает это точно, и его войска десятки раз пытались занять эти города. Но напрасно.

Каждая атака была отбита. Это, конечно, ему не нравится. Поэтому он делает вид, словно понятия не имеет, где мы скрываемся.

Нора почувствовала что-то похожее на ярость. Не может быть, чтобы эта маленькая женщина и ее братья оказывали успешное сопротивление всей британской империи. Однако она вспомнила, как Дуг и другие плантаторы в прошлом году беспомощно бродили по горам. С другой стороны, возможно, это было довольно умно со стороны губернатора — скрывать свои знания от сахарных баронов. После всего, что Дуг рассказал об их карательной экспедиции, молчание властей казалось спасительным для жизни — не нужно было быть великим стратегом, чтобы понять, что защитники Нэнни-Тауна могли бы в кратчайшие сроки стереть в порошок спешно собранную группу плантаторов. Конечно, мароны могли бы сделать так — организовать засаду где-то в горах было очень легко. Однако она постепенно стала понимать всю сложность и разнообразие отношений и негласных договоренностей, которые существовали здесь, несмотря на вековую вражду между свободными чернокожими и правительством Ямайки. Например, это дело с карательной экспедицией плантаторов: губернатор не оказал ей поддержку, но ведь и мароны не напали на нее.

И пока Нора помогала своему новому «хозяину» затаптывать огонь, а затем приступала к кропотливому освобождению земли от корней только что сгоревших растений, она поняла также, почему Нэнни и Квао беспокоились о ее роли в этих отношениях. Случавшиеся иногда набеги, даже связанные с грабежом и убийствами, губернатор воспринимал, скрипя зубами. Однако если чернокожие начнут держать белых людей в качестве рабов, то это будет уже чересчур. Нора надеялась на Дуга. Он смог бы мобилизовать сахарных баронов и заставить губернатора применить всю власть короны, чтобы выволить белую женщину из рук маронов. Если бы только ему хватило ума и предусмотрительности, отсутствие которых мешало остальным плантаторам, и его ярость не вылилась в бессмысленное размахивание оружием!

Глава 4

Лорд Холлистер, Кинсли и другие плантаторы региона стали настаивать на организации карательной экспедиции против маронов, едва закончились похороны в Каскарилла Гардене. И отреагировали возмущенно, когда Дуг Фортнэм отказался присоединиться к ним.

— У вас есть прекрасная возможность отомстить, молодой человек! — упрекнул его Кинсли. — Или же вы хотите позволить этому сброду безнаказанно убивать наших мужчин и сжигать наше имущество?

Дуг хотел резко напомнить ему, что здесь оплакивали также и женщину, но затем воздержался. Предавать огласке их с Норой отношения было последним, чего он хотел. Так что он молча сжал кулаки и покачал головой.

— Разве подобные акции когда-нибудь приносили пользу? — спросил он. — Да, конечно, бывает, что ваши люди ловят какого-нибудь черного беднягу и вешают его в Кингстоне. Но это же не мароны, это беглые рабы, которые пытались выбраться в горы.

— Значит, вешают как раз тех, кого надо! — парировал лорд Холлистер.

Дуг вздохнул.

— Но не тех, кто несет ответственность за набеги. Против маронов не помогут никакие карательные экспедиции. Они живут не в палаточных лагерях — у них есть города и оборонительные сооружения. Нам нужно собрать целое войско и развязать войну. А для этого, по крайней мере, у меня, нет ни желания, ни средств. Повлияйте на губернатора, пообещайте ему что-то за это. А я займусь более важными делами. У меня нет времени бесцельно блуждать по горам, чтобы застрелить одного или двух чернокожих, пока здесь все будет гибнуть.

— Но мы обязаны сделать это во имя памяти Элиаса! — возразил лорд Холлистер.

Дуг снова сжал под столом кулаки. У него не было никакого желания мстить за смерть отца. Элиас получил именно то, что заслужил. Если бы там еще не было Норы...

— Делайте что хотите, — ответил он своим соседям. — Но я думаю, что лучше всего исполню свой сыновний долг, если восстановлю Каскарилла Гардене.

«...и попытаюсь делом загладить вину моего отца». Последние слова

Дуг, конечно, не озвучил, но это стремление руководило всеми его действиями с той самой ночи, когда случился пожар. Оно уберегло его от бесконечных мучительных мыслей о том, что думала и чувствовала Нора, когда мароны вонзали в ее тело свои мачете, о ее страхе и боли.

Дуг концентрировался на новой организации работы в Каскарилла Гардене. Он был исполнен решимости попытаться обойтись без плеток и надзирателей и собрал своих чернокожих сразу после окончания похорон, как только уехали проповедник и соседи.

— Мне не нужно объяснять вам, в каком положении мы находимся. — Его голос звучал спокойно. — Сейчас время сбора урожая, нужно будет вырубить сахарный тростник на двух третях площадей. Однако восемьдесят наших человек ушли, то есть... почти все полевые рабочие. У нас еще есть те, кто умеет работать на плантации?

Пара пожилых рабов подняли руки. Дуг кивнул им.

— Я рад, что вы остались здесь. И не могу наказывать вас за это, днем и ночью посылая на поле. Тем более что у нас угнали большинство тягловых животных. В поместье Каскарилла Гардене осталось всего лишь две упряжки ослов — они были отданы в аренду Кинсли — и три лошади. Мой конь и две кобылы, которые стояли у Холлистеров, у их нового берберского жеребца...

Голос Дуга сорвался, когда он вспомнил о том, с каким восторгом Нора относилась к серому жеребцу-красавцу, которого лорд приказал привезти с Востока, заплатив за него чуть ли не целое состояние. Скачки на специально построенных для этого ипподромах все больше входили в моду в Англии, и лорд планировал со временем организовать нечто подобное на Ямайке. Кроме того, ему явно не нравилось, что кобыла Норы опережала его собственного коня на каждой охоте. Поэтому он завез сюда жеребца и набирал кобыл для того, чтобы получить потомство. Фортнэмы записались к нему, чтобы отдать Аврору и еще одну кобылу, прибывшую с Норой из Англии. Это спасло лошадей от угона.

— Но это не тягловые лошади. Я завтра поеду в Кингстон и попытаюсь купить пару рабочих животных — хотя это будет не просто — а также... несколько новых рабов.

Дугу было нелегко говорить это, но чернокожие восприняли его сообщение спокойно. Они, казалось, больше радовались тому, что нагрузка на них будет меньше, чем сожалели о порабощении африканцев.

— Вы, — он указал на пожилых полевых рабов, — будете отвечать за то, чтобы научить их. И как мне ни жаль, но поначалу вам будут помогать также находящиеся здесь домашние рабы и ремесленники. В настоящий

момент нам не нужны кузнецы, плотники и лакеи.

Ропот разочарования прошел по толпе чернокожих.

Дуг тяжело вздохнул.

— Да, знаю, я обещал никого не понижать в должности. Но для того, чтобы содержать дом со множеством слуг, мне нужен доход от сахарного тростника. Так что вам придется поначалу работать вместе со всеми.

Он бросил обеспокоенный взгляд на группу домашних рабов. Если они не будут помогать добровольно, то ему придется нанимать надсмотрщика. И тогда, возможно, очень скоро снова раздадутся удары плети. Дуг напрягся, когда вперед вышел Квадро. Колдун-обеа и по совместительству старший конюх, без сомнения, посчитает ниже своего достоинства рубить сахарный тростник.

Однако слова старого заклинателя духов заставили Дуга облегченно вздохнуть.

— Я сделаю все что могу, и мои конюхи тоже, — с достоинством сказал он.

Следующей шагнувшей вперед была Адвеа.

— Я тоже! — заявила она. — И мои помощники на кухне. Однако мы не сможем делать так много, как полевые ниггеры, баккра Дуг. Вы нас потом бить плетьюми? — Ее вопрос прозвучал вроде бы шутливо, но в нем таился многолетний страх.

Дуг покачал головой.

— В Каскарилла Гардене никто больше не будет подвергаться наказанию плетьюми! — сказал он. — За исключением случаев воровства или чего-то худшего. Но это будет определять не надсмотрщик, решать буду я один. И в будущем вы освобождаетесь от работы по воскресеньям. Кроме того, будут выходные дни на Рождество и на Пасху...

Из толпы раздалась возгласы ликования.

— В качестве ответа, — воскликнул Дуг, — я ожидаю от вас верности и добросовестного выполнения своих обязанностей. Завтра с утра вы все выходите на работу, отмечаетесь у Квадро и прислушиваетесь к указаниям полевых рабочих. Все, кроме Адвеа и ее помощниц на кухне. В конце концов, труженики не должны голодать.

Когда Дуг на следующее утро уезжал в Кингстон, чернокожие действительно уже собрались, получили мачете и позволили опытным полевым рабам, которых раньше презирали, разделить себя на рабочие группы. По крайней мере, начало было хорошим. Однако Дуг радости не ощущал. Каждая пальма на пути, каждый поворот, каждый красивый вид

на поселение или дальше, на побережье, напоминали ему о Норе. Она так радовалась пейзажам, солнцу, игре красок, свойственной джунглям и морю. Как же она могла быть мертвой? И почему что-то в нем не давало ему смириться с этой мыслью? Снова и снова он прикасался к ее гемме в кармане и невольно посматривал через левое плечо. Но за ним не было никакого дуппи — ни исполненного жаждой мщения Саймона, ни любящей Норы, ни разъяренного Элиаса. Никого.

В течение следующего месяца Дуг Фортнэм по-новому организовал жизнь в Каскарилла Гардене и тем самым заслужил нескончаемые порицания со стороны соседей.

— Эта потеря лишила его рассудка! — сокрушенно вздыхала леди Холлистер, когда молодой человек твердо отказался сразу же приступить к восстановлению особняка. — Он же не может жить в доме какого-то надзирателя!

— Прежде всего, он рискует здоровьем и жизнью! — возмущался Кристофер Кинсли. — Так близко, будучи единственным белым человеком в поселении ниггеров. Если его не убьют старые рабы, значит, прикончат новые!

Дуг действительно купил пятьдесят новых рабочих для своих полей — людей, которых только что привез корабль работоторговца из Африки. Как обычно, они находились в плачевном состоянии, когда сошли на берег, и Дуг, к ужасу своих соседей, в первые недели дал им отдохнуть и привыкнуть. Его старый персонал заботился о них и учил их английскому языку, и, к удивлению молодого Фортнэма, это оправдало себя: ни одному из новых ниггеров не была чужда идея порабощения. Хотя они печалились о своей судьбе, для них никогда не было ничего необычного в том, чтобы стать собственностью другого человека. Кроме того, Дуг завоевал уважение своих слуг тем, что купил женщину-рабыню вместе с дочерью, хотя девочка была еще маленькой и пока не могла приносить никакой пользы. Он также купил две супружеские пары и еще целую семью и разрешил им поселиться в совместных хижинах.

Чернокожие, давно проживавшие в Каскарилла Гардене, восприняли это как поощрение, и сразу три пары спросили у Дуга разрешения пожениться. Тот подарил каждой из пар по козе и по три курицы и освободил их от работ на два дня, чтобы они могли построить себе хижины больших размеров. Однако формального венчания, по возможности, со священником, организовать не удалось.

— Я спрашивал, Тимми, — ответил он, мучаясь укорами совести, огромному полевому рабу и его жене, очень верующей. Она обычно

вслушивалась в каждое слово Стивенса на его богослужениях. — Однако проповедник не может обвенчать вас, потому что вы не крещены. А окрестить он вас тоже не может, потому что... — Дуг прикусил губы. Он не мог говорить о том, что у чернокожих, возможно, отсутствует душа.

— Я не знаю почему, — в конце концов, продолжил он. — Кроме того, закон запрещает, чтобы рабы вступали в брак друг с другом. Рабы считаются юридически недееспособными, как дети, и потому не имеют права заключать договоры. А поскольку брак является договором...

Тимми и Леония смотрели на него, ничего не понимая. Дуг задался вопросом, а как бы решила эту проблему Нора. Она всегда была такой прагматичной...

— Послушайте, вы просто возьмите еще одну курицу, — сказал он рабам, — и отнесите ее Квадво. Я уверен, что при достаточном количестве кур он сможет вызвать вам любой дух.

— И это будет действительным? — с сомнением в голосе спросила Леония.

Она была уже не такой молодой — Каскарилла Гардене являлась уже третьей плантацией, на которой она работала, после того как ее угнали в рабство в возрасте семнадцати лет. Дуг знал, что Нора много раз лечила ее. Возможно, сразу же после посещения баарм мадда.

Он подбадривающе кивнул ей.

— В Каскарилла Гардене это будет законно, — заверил он ее. — Я не буду разлучать тебя и Тимми, и, если ваш брак будет благословлен детьми, я даю вам слово, что никогда не продам вашего ребенка.

Через год в Каскарилла Гардене появилось трое новорожденных малышей.

Много детей бегало также и по улицам Нэнни-Тауна, однако там не было знахарок. Грэнни Нэнни была почти единственной, кто понимал немного в лечении больных и мог помочь при родах, однако то, что она делала, не шло ни в какое сравнение со знаниями баарм мадда на плантациях. Нора вскоре заметила это, хотя, конечно, ни одна из черных женщин не доверилась бы белой. Однако у нее было достаточно времени, чтобы понаблюдать за женщинами, — в конце концов, Аквази сразу же после постройки забора и корчевания леса послал ее вместе с другими в поле. Тем самым мучения Норы в Нэнни-Тауне вступили в новую фазу, потому что женщины уже больше не ограничивались наблюдениями за ней и насмешками над ее неумелостью в таких повседневных вопросах, как плетение циновок. Теперь они в полную силу дали почувствовать белой женщине ее положение рабыни.

— Нам больше не нужно самим рубить сахарный тростник! — объявила прекрасная негритянка из племени ашанти, судя по всему, главная из молодых, еще не замужних женщин. — Для этого у нас есть рабыня!

Она со смехом сунула в руки Норы тупой мачете и указала на тростниковое поле, принадлежавшее поселению. В Нэнни-Тауне также выращивали сахарный тростник, пусть даже не в таких масштабах, как на рабовладельческих плантациях. Собственно, здесь он служил только для удовлетворения внутренних нужд в сахаре и алкоголе — причем Нэнни и Квао разумно контролировали процесс перегонки и раздавали жителям поселка весьма ограниченное количество спиртного. Большая часть полей Нэнни-Тауна служила для выращивания продуктов питания: ямса, маниока, зерновых культур и фруктов. Работа на этих полях по традиции являлась обязанностью женщин и была не слишком тяжелой, если привыкнуть к физическому труду при типичной для этой страны жаре и высокой влажности воздуха. Гордые мужчины из племени ашанти не были согласны помогать женщинам при сборе урожая. Последние, в свою очередь, перекладывали работу на плечи более молодых девушек. А те сейчас заставляли махать мачете Нору.

— Ну, давай, рабыня! — смеялись девушки и хлестали ее плетками из пальмовых листьев.

Эти удары не оставляли шрамов, однако были очень болезненными и унижительными. Тем более что Нора старалась изо всех сил. Она вначале все еще надеялась, что сможет снискать симпатию женщин благодаря своему упорному труду. Они же должны были признать ее, когда увидели, что она не пытается увильнуть от тяжелой работы. Однако вскоре Нора поняла, что не в состоянии справиться с этой задачей, которую сама перед собой поставила. Как и раньше, палящее солнце вызывало у нее головную боль, а жара заставляла бороться с приступами головокружения. Одно дело — совершать прогулки верхом или пешком или же ухаживать за больными, и совсем другое — рубить ножом-мачете крепкую упругую траву высотой в человеческий рост.

Нора уже через несколько минут обливалась потом, ее одежда прилипла к телу, и она все время путалась в юбках. Хотя, надо отдать им должное, они неоднократно спасали хозяйку от ударов ее же мачете по собственным ногам вместо тростника. Она никогда не верила в то, что рабы специально наносили себе ранения, которые так часто приходилось лечить в Каскарилла Гардене. Но до нее тогда не доходило, как легко можно пораниться мачете. В любом случае она посчитала почти за счастье, что девушки дали ей такой тупой нож. Это хоть и затрудняло работу, зато

снижало риск поранить себя.

Нора сначала старалась держаться достойно, но наступил момент, когда она сосредоточилась на том, чтобы просто не потерять сознание, тогда как солнце поднималось все выше, а девушки со смехом ругали и унижали ее. На ее руках уже давно образовались водянки, ноги были изранены, а промежность от каждого движения болела после последней ночи, проведенной с Аквази. Ее надежды немного улучшить свое положение жертвы, увы, не оправдались. Все ее попытки потрогать саму себя и тем самым хоть немного возбудить, пока он не накинулся на нее, были безуспешными. В тот момент, когда Аквази приходил к Норе, у нее все сводило судорогой от страха и ожидания боли. Жжение она могла уменьшить только с помощью мази, но у нее не было времени приготовить ее. Не говоря уже о том, что ей никто бы не разрешил свободно собирать целебные травы для ее изготовления. Хотя в Нэнни Тауне и были огороды с лекарственными растениями, но большинства из них Нора не знала. Знания о целебных свойствах этих трав, должно быть, пришли на Ямайку из Африки, а не из Европы.

Конечно, существовали дикорастущие растения, например, алоэ вера, которое росло в Каскарилла Гардене на каждом углу и годилось для приготовления мазей, с помощью которых лечили раны. Но непосредственно в Нэнни-Тауне они не росли, а Аквази никогда бы не разрешил Норе выйти из поселка, чтобы найти эти растения. В конце концов, она собрала все свое мужество и спросила женщин про баарм мадда, однако только вызвала этим еще большее озлобление.

— Что такое, белая женщина, ты беременна? Ты что, не хочешь ребенка? Но это тебе не поможет! Это и мне не помогло!

Джулия, одна из замужних женщин постарше, очень хорошо говорившая по-английски, уставилась на Нору злобным взглядом. Нора спросила себя, что же было тому причиной. Она не сделала ничего, чтобы прогневить Джулию. Однако та, казалось, сама хотела рассказать обо всем.

— Мой баккра затащил меня в свою постель, и я хотела избавиться от ребенка! — сказала она Норе. — Однако миссис хотела детей-рабов. Она поймала меня и приказала выпороть плетьюми. А потом они держали меня на цепи, пока не родился ребенок. К сожалению, ребенок был светлым, почти белым, и было сразу видно, кто его сделал мне. Тогда она отобрала у меня ребенка. И я никогда больше о нем не слышала...

Нора была потрясена, но Джулия говорила об этом уже очень спокойно. Наверное, у нее не осталось больше слез. И, конечно, у нее не было никакого сочувствия к беде белой женщины.

В конце концов, Норе в ее тяжелом положении помогла Манса — тем, что попросила у Нэнни мазь. Маану все еще очень часто пребывала в обществе королевы, и Манса также видела ее, хотя Нэнни и девочка явно не любили друг друга. Королеве не нравилось, что Манса по-прежнему много плачет и тоскует. Она упрекала Маану за то, что та воспитывает свою сестру слишком мягкотелой.

— Пошли девчонку на поле, пусть поработает, тогда перестанет ныть!
— твердо сказала женщина из племени ашанти.

В ее народе мужчин и женщин с малолетства воспитывали в духе гордого и стоического перенесения трудностей. Маану же, наоборот, выросла в среде, где четко разделялось положение полевых и домашних рабов. Для нее послать Мансу на поле означало унижить девочку. Однако в конце концов она подчинилась распоряжению королевы. Манса рыдала горькими слезами — хотя полевая работа для женщин в Нэнни-Тауне даже и сравниться не могла с мучениями на тростниковых полях у плантаторов. Если бы Нора не была презираемой всеми, истерзанной белой рабыней, то уход за растениями и сбор урожая овощей и зерновых доставлял бы ей даже удовольствие. При этом женщины пели или рассказывали друг другу разные истории, часто делали перерывы и болтали друг с другом. Большинство детей из поселка совершенно добровольно помогали им, играли между грядками и делали себе игрушки из дерева или садовых отходов.

Несмотря на свое отчаяние, Манса старательно махала мотыгой. Девочка никогда не была беззаботным ребенком, с малых лет знала, что она — рабыня, которую терпят только до тех пор, пока она приносит пользу. Норе было жаль ее. До сих пор она никогда не задумывалась о различиях в положении домашних рабов и кухонной прислуги в Англии. Однако теперь ей стало ясно, насколько иным все было для Мансы, Салли и даже для Маану. Если прислуга не выполняла своих обязанностей или в чем-то ином не устраивала работодателя, она могла в худшем случае всего лишь потерять работу. Мансе же и другим детям-рабам угрожала продажа на поля.

Все же жители Нэнни-Тауна разговаривали с Мансой, и Нора попросила у нее помощи, чтобы узнать, есть ли тут баарм мадда. После этого девочка принесла ей мазь от королевы Нэнни.

— Здесь они не имеют баарм мадда, — с несчастным видом сообщила она. — Только Нэнни, она это знает из Африки...

Нора с недоверием понюхала горшочек с мазью. У этой смеси был странный запах, а коричневый цвет и глинистая консистенция выглядели

незнакомыми и тоже не вызывали доверия. А следующие слова Мансы о знаниях Нэнни в качестве знахарки породили еще больше сомнений.

— Но не знать, хорошая ли медицина. Последняя ночь в хижина возле нас...

— В хижине рядом с нами, — поправила ее Нора.

— В хижине рядом с нами умирать вчера женщина, — пояснила Манса, и Нора была слишком испугана, чтобы исправить ее. — Притти [\[12\]](#). Она беременна... э... была беременна, а вчера пришел ребенок. Ее муж позвать Нэнни, и она... тоже пришла.

Манса сокрушенно искривила лицо, как всегда, когда безуспешно старалась говорить на правильном языке, но в этот раз Нору это не рассмешило. Она вспомнила Притти, прекрасную молодую женщину, которая полностью оправдывала свое имя¹.

— Но не могла помочь. Маану...

— Причем тут Маану? — с тревогой спросила Нора.

— Маану пыталась повернуть ребенка в Притти, — пояснила Манса. — Как делать миссис. Но не получилось...

Нора отбросила с лица волосы. Они снова выбились из-под платка, который она теперь завязывала на голове в виде тюрбана, как это делали некоторые из черных женщин. Однако это у нее получалось не совсем умело. В отличие от помощи при родах. Способ повернуть ребенка при его неправильном положении в утробе матери был, собственно, не очень сложным. Его показала Норе баарм мадда с плантации Кинсли, а Маану присутствовала при этом. Однако сама девушка никогда его не применяла. Она помогала ухаживать за больными, но у нее не было цели стать баарм мадда. А теперь у нее на руках умерла Притти.

— А твоя сестра не сообразила позвать меня? — горько спросила Нора.

Манса, чуть не плача, покачала головой.

— После этого она пожалела. Она сказала, что надо было сделать так. Но не хотела... не хотела... очень тяжелое слово, миссис, что-то похожее на грудь. Она не хотела грубить Нэнни.

— Она не хотела рассердить ее, Манса, — устало поправила ее Нора. — Она не хотела рассердить Нэнни. Это никак не связано с грудью. Без сомнения, ей не хотелось, чтобы королева узнала о том, что белая рабыня может быть чем-то полезна. И из-за этого должна была умереть Притти... Маану когда-нибудь подавится своей ненавистью.

Глава 5

— Вам надо забыть все это.

Дуг Фортнэм бесконечно часто слышал эти слова — от преподобного, от своих друзей и соседей, даже от рабов в Каскарилла Гардене.

Особенно дамы в Кингстоне и Спаниш-Тауне все чаще высказывали озабоченность по поводу его затянувшегося траура — и при случае также по поводу его жилья, когда приезжали к нему в гости. Это они делали часто: у них были дочери, младшие сестры и кузины, которые с удовольствием вышли бы замуж за молодого наследника большой плантации. Но сам Дуг почти никогда не выезжал в свет с тех пор, как «несчастье постигло его дом», — выражение, которое дамы любили использовать для обозначения набега маронов, вероятно, потому, что эти слова казались им не такими страшными и не ставили под вопрос их собственную безопасность. Губернатор по-прежнему не принимал никаких мер, чтобы выкурить гнезда маронов в горах Блу-Маунтинс. В период с 1729 по 1734 год его там уже не раз постигала неудача. Теперь он, скорее всего, делал ставку на переговоры и пытался по возможности игнорировать такие рецидивы, как нападение на поместье Каскарилла Гардене.

— Когда вы, наконец, восстановите ваш дом? — укоризненно спросила леди Холлистер. Она заехала в гости, чтобы пригласить Дуга на весенний бал. Теперь леди, явно нервничая, сидела на одном из простых стульев, которыми он обставил свою комнату в бывшем доме для надсмотрщиков. Близость жилья рабов для нее явно была неприятной.

— Ваше... Со времени вашего... несчастья прошло уже больше года, вам пора бы постепенно забыть о нем.

Дуг попытался заставить себя улыбнуться.

— Некоторые вещи не так-то легко забыть, — пробормотал он, однако потом все же взял себя в руки. — А строительством дома я теперь действительно займусь. Я планирую новое здание, в стиле... Не английский загородный дом, а нечто больше похожее на ваш дом в Кингстоне.

Леди Холлистер просияла.

— Это хорошая идея! — радостно заявила она. Ее племянница, только что вернувшаяся на Ямайку из английского интерната, уже заявила, что ни в коем случае не будет жить в пышном каменном ящике. Сложный стиль колониальной архитектуры намного больше нравился молодой Люсиль. — Мы можем порекомендовать вам архитектора.

Дуг кивал и улыбался, предоставляя даме возможность поболтать. У него было мало интереса к строительству нового дома, но он признавал, что в дальнейшем ему придется пойти на некоторые уступки. Он не мог и дальше держаться в стороне от общества в Кингстоне, тем более что это было бы крайне неразумно и с экономической точки зрения. Каскарилла Гардене за последний год получила хорошую прибыль, однако другие плантаторы ясно дали ему понять, что они абсолютно не ценят, не понимают и не одобряют его нетрадиционную форму управления плантацией. Хозяин, который живет в едва ли более комфортных условиях, чем его рабы; плантация без надсмотрщиков, с рабами, которых хозяин освобождает от работы для посещения воскресного богослужения; рабы, которые имеют право заводить семью, после того как вместе перепрыгнут через метлу... Дуг слышал, что этот обычай распространен в Виргинии, и ввел его для своих людей. Таким образом, заключение брака становилось разгульным праздником для всего поселения рабов.

До сих пор наследнику Фортнэма эта экстравагантность прощалась. Однако время траура закончилось, и ему придется вернуться к обычному, традиционному для владельцев плантаций поведению.

Если он этого не сделает, то ему угрожает обструкция. Плантаторы не будут больше привлекать его к переговорам о ценах и на паях с ним фрахтовать корабли, чтобы отправлять товары в Англию.

Поэтому у Дуга не оставалось выбора — ему пришлось нанять в качестве надсмотрщика одного молодого шотландца. Ян МакКлауд был обедневшим дворянином с историей, напоминавшей Дугу историю давнего возлюбленного Норы Саймона Гринборо. В любом случае мистер Ян — так он заставлял рабов называть себя, причем следил за правильным произношением и не допускал никаких «баккра Ян», — был таким же мечтателем, как и Саймон. Молодой человек полностью опровергал расхожее мнение о том, что рыжеволосые люди вообще и шотландцы в частности отличаются склонностью к кипучей деятельности и вспыльчивостью. Он был скорее склонен к мечтательности и мог провести целый день, с удовольствием лежа под пальмой и читая, в то время как рабы самостоятельно организовывали свою работу проверенным способом. Ян Мак-Клауд никогда бы не пришел к мысли кого-то выпороть и слушал воскресное богослужение с увлеченностью настоящего христианина, вместо того чтобы считать присутствующих рабов по головам.

Вместе с ним в усадьбу прибыла его супруга Присцилла, которая якобы являлась медиумом, о чем сразу же дала понять Дугу. Она, никого не спрашивая, тут же установила связь с душами Элиаса и Норы Фортнэм и

передала молодому человеку сердечный привет с того света. Дуг не знал, что ему делать — смеяться или упрекать ее за это, но вместе с тем он боролся с сумасшедшим желанием — попросить ее вызвать дух Норы. Однако ему все же удалось сохранить ясность мышления. Без сомнения, не менее трех куриц должны будут распрощаться с жизнью для того, чтобы местный колдун-обеа смог затем изгнать дуппи Элиаса Фортнэма. Квадро будет сильно возражать и оспаривать, что дух старого баккра вообще мог кому-то явиться. А если и явился бы, то скорее кипел бы от ярости, вызванной нововведениями Дуга, вместо того чтобы передать ему любезный привет. Дуглас отнес видения Присциллы на счет переутомления и уклонился от дальнейшего общения с молодой женщиной.

Это было бы, естественно, намного проще, если бы господский дом был восстановлен. Дуг глубоко вздохнул. Норе понравилась бы новостройка в колониальном стиле. Он решил покрасить дом в ее любимые цвета. Ему придется расспросить на этот счет ее отца. После того как Дуг выполнил свой печальный долг и сообщил Томасу Риду о смерти его дочери, молодой плантатор и купец вели оживленную переписку. Казалось, и одному и другому помогало то, что они могли общаться, обмениваясь мыслями и памятью о Норе. Дуг сообщил о том, что черные женщины ухаживают за ее могилой, а Рид рассказал о детстве Норы в Лондоне. Он, между тем, уже, наверное, начал подозревать, что Дуга и Нору связывало нечто большее, чем родство через брак Фортнэма-старшего, и в его письмах стали проскальзывать попытки утешить юношу. Однако, естественно, прямо он никогда не коснется этой темы. И Дуг никогда не стал бы сообщать ему о том, что брак Норы оказался несчастливym. Томасу Риду и без того было тяжело смириться с мыслью о том, что его единственная дочь нашла смерть на чужбине.

Да и сам Дуг Фортнэм был очень далек от того, чтобы смириться с потерей Норы.

Глава 6

После более чем годичного пребывания в рабстве в Нэнни-Тауне Нора была близка к отчаянию. Поначалу она еще надеялась на то, что белые люди предпримут попытку нападения на город маронов — тем более, когда заметила, что Нэнни и Квао принимают меры по усилению обороны. Брат и сестра ожидали возмездия — и намного более серьезного, чем обычные смехотворные экспедиции плантаторов. Нора заметила, что они выставили больше постов, увеличили высоту ограждения вокруг поселения и посылали на поля воинов для защиты работавших там женщин и детей. Не упускалось из виду и обучение новых жителей поселения. Аквази и другие полевые рабы с Каскарилла Гардене усердно тренировались в стрельбе из ружей, учились бросать копья и применять свои ножи и палки в ближнем бою так же умело, как делали это их предки в Африке. Аквази, крепкий и сообразительный, выделялся в каждой из этих дисциплин. Он действительно был вызван к Нэнни и Квао и доказал им, что умеет читать и писать. Намного лучше, чем любой другой марон. В конце концов, даже свободные с рождения чернокожие, которые происходили еще от испанских рабов, никогда не ходили в школу. Теперь они относились к молодому человеку со всеми почестями. Маану, по причине ее познаний в культуре, пусть и скромных, мароны также почти боготворили.

Нора спрашивала себя, почему этих двоих не заставляют передавать свое искусство другим, — было бы намного эффективнее организовать тут школу, чем нянчиться с двумя соплеменниками, как с чудотворцами. Здесь, однако, обычная дальновидность Нэнни почему-то дала сбой. Ей, наверное, вообще не приходило в голову, что чтение и письмо можно изучить и передать дальше так же легко, как навыки работы в поле или искусство ведения войны. Она, как и прежде, рассуждала о книгах и договорах, словно о говорящей бумаге; ей никогда бы и в голову не пришла идея самой научиться читать.

Нора боролась с собой. Мучаясь на полях, она не единожды думала о том, чтобы самой предложить Нэнни свои услуги в качестве учительницы. Она не хотела брататься с врагом, но, с другой стороны, для нее было бы намного приятней работать в школе, чем рубить сахарный тростник, подвергаясь унижениям со стороны других женщин. Как и прежде, бывшие рабыни заставляли ее делать самую тяжелую работу, и Нора лишь частично смогла приспособиться к этому. Хотя ее кожа действительно загорела, а

тюрбан защищал волосы от полного выгорания на солнце, жара, как и прежде, мучила ее. Теперь она стала понимать аргументы плантаторов против того, чтобы на полях работали белые люди. Они бы просто не выдержали эти мучения так долго, как черные, тем более работая по десять часов в день, имея всего полдня выходного в неделю.

Однако Нора все больше набиралась опыта в обращении с мачете и мотыгой, а ее израненные ноги и руки уже зажили. Мазь Нэнни сотворила чудо — однако это была скорее целебная глина, чем паста на основе жира. Следовательно, она не могла помочь в решении самой болезненной проблемы Норы — почти ежедневных сношений с Аквази.

Ее надежда на то, что она когда-нибудь надоеет Аквази как женщина, которая ни в коей мере не вдохновляла его, а только лежала под ним, окаменевшая от ужаса, не сбылась. Аквази, казалось, достиг своей заветной цели. И Маану не переставала ненавидеть Нору за это.

Так проходила неделя за неделей, и надежда Норы на нападение англичан угасала. Дуг Фортнэм, похоже, не делал никаких усилий, чтобы предпринять что-нибудь для ее спасения. Сначала она оправдывала это его потрясением от нападения — конечно, он чувствовал себя виноватым в том, что оставил Нору наедине со своим отцом. Затем она стала предполагать, что он постарается использовать свое влияние на губернатора и для этого ему понадобится время. Она думала, что ее возлюбленный не будет организовывать карательные экспедиции сломя голову, а станет действовать разумно, энергично и целесообразно. Ведь, наверное, все-таки возможны переговоры. Нора между тем знала уже несколько больше об отношениях между губернатором и маронами и могла оценить поведение Нэнни. Совершенно точно королева не стала бы рисковать возможностью возникновения войны или бунта среди собственных людей ради того, чтобы оставить Аквази его белую рабыню!

Но в Кингстоне все, казалось, забыли о Норе. И даже Дуг, очевидно, не считал ее достаточно важной, чтобы самостоятельно организовать спасательную акцию. Фортнэмы были богатыми, он мог бы, например, по-королевски вознаградить какого-нибудь белого торговца за ее похищение. Те часто приходили в Нэнни-Таун, и Нора снова и снова испытывала острый прилив надежды, когда видела лошадей и упряжки мулов перед хижинкой Нэнни. Однако вскоре переживала жестокое разочарование, а ее собственные попытки поговорить с кем-нибудь из приезжих каждый раз терпели фиаско из-за бдительности Аквази. Норе ни разу не удалось даже просто появиться вблизи белых торговцев.

В конце концов, она стала сомневаться в любви Дуга. Может быть, для

него это была всего лишь игра, тем более что сейчас он унаследовал плантацию и мог жениться на любой девушке в округе. Желаящих нашлось бы немало хоть в Кингстоне, хоть в Монтего-Бей. Нора попыталась отодвинуть мысли о Дуге в сторону и снова вызвать дух Саймона. Он никогда не предавал ее, но сейчас не показывался. Нора искала и не находила утешительных снов наяву. Мысли о пляже, побережье и море поблекли. Мечта превратилась в кошмар, а солнце, которое Нора всегда так любила, сейчас угрожало сжечь ее.

А затем произошло нечто, что ухудшило и без того тяжелое положение Норы, потому что навсегда привязало ее к Нэнни-Тауну. Еще некоторое время назад она заметила, что ее груди налились и стали болеть, по утрам ее тошнило, а ноги казались тяжелыми, как свинец, когда она тащилась на работу. Когда при выжигании леса у нее закружилась голова, и она на короткое время потеряла сознание, то уже не смогла отрицать очевидный факт. Она беременна — иных причин для всех этих симптомов быть не могло. При этом она почувствовала себя странно успокоенной. В конце концов, она ни разу не забеременела от Элиаса, да и счастливая ночь с Дугом осталась без последствий. Нора твердо поверила в то, что бесплодна. А теперь...

Молодая женщина с трудом поднялась и в первую очередь постаралась уйти в безопасное место, чтобы спрятаться от пламени, которое поглощало кусты на новом поле. Возможно, запах гари вызвал тошноту, а может, причиной обморока стал вид пламени, напомнивший ей о пожаре в Каскарилла Гардене.

Однако, выходит, огонь был ее счастьем. Нора была одна на этой стороне поля — другие женщины, наверное, не заметили ее короткую потерю сознания. Нора постаралась дышать глубоко, чтобы подавить панику. Ведь хоть кто-нибудь тут должен знать, как делаются аборты! При этом Нора ни на мгновение не колебалась, чтобы взять на себя этот риск. Альтернатива была слишком ужасной. Ни в коем случае, ни в коем случае она не хотела рожать ребенка Аквази!

Манса не сразу поняла, что Нора пытается объяснить ей в осторожных выражениях.

— У вас ребенок, миссис? От кого? Баккра Дуг?

По всей видимости, от рабов в Каскарилла Гардене не укрылась зарождающаяся связь между миссис и молодым баккра. Нора покраснела и на какое-то мгновение погрузилась в мечтание. Если бы она носила в себе ребенка любви вместо плода боли и страха! Но это было, конечно, невозможно. Ведь со времени ее ночи с Дугом прошло уже больше года.

— Это не твое дело! — оборвала она девочку. — В любом случае мне нужна баарм мадда. Но не Грэнни Нэнни.

— Но я не знаю никого, других нет.

Манса напряженно подумала, но ничего нового сообщить Норе не смогла. Медицинское обслуживание маронов находилось исключительно в руках королевы, и Нэнни не готовила себе ни единой приемницы. Среди бывших рабынь тоже не было ни одной знахарки. В Блу-Маунтинс попадали чаще всего молодые полевые рабы, а баарм мадда, наоборот, как правило, работали в домах своих господ и были пожилыми. Скорее всего, Грэнни Нэнни просто не потерпела бы никого из них рядом с собой. Нора вспоминала о впечатляющих личностях знахарок на плантациях Кинсли и Холлистера, хотя сегодня они казались ей гораздо менее могучими, чем королева. Однако они могли бы подвергнуть сомнению влияние Нэнни на ее людей, если бы завоевали себе авторитет на свободе.

— Должна же тут быть женщина, которая убирает детей, — твердо сказала Нора. — И она нужна мне.

Манса больше ни о чем не спрашивала. Девочке-рабыне, пусть даже такой молодой, это желание было понятным. Но время тянулось, а девочка ничего не говорила Норе о результатах своих поисков. Молодая женщина ждала с нетерпением: от своих прежних пациенток она знала, что прерывание беременности проще сделать на ранних сроках, тогда оно не будет таким опасным. Нора задумалась, можно ли вызвать срыв беременности еще более тяжелым физическим трудом. Она до изнеможения корчевала корни деревьев и старалась в это время по возможности ничего не есть и поменьше пить. Она так выдохлась, что у нее началось сердцебиение. Она исхудала до костей и боролась с головокружением и одышкой — но ее груди наливались и дальше, месячные так и не начинались. Ребенок в ее утробе также выдержал дальнейшие еженощные нападения Аквази, хотя Нора стонала от боли и иногда думала, что умирает. За последние месяцы она изобрела пару примитивных рецептов, чтобы хоть чуть-чуть помочь себе: она выжимала масло из лекарственных трав и натиралась им или же толкла алоэ вера. Но в эти недели она отказалась от всего. Может быть, ее боль и гнев убьют ребенка — или Аквази убьет его сам, карая Нору за то, что она с мужеством отчаяния сопротивляется ему.

Но на деле Нора получала лишь новые синяки и раны. Хотя однажды она с облегчением обнаружила, что у нее, наконец, началось кровотечение, оказалось, что это были всего лишь наружные раны. Ребенок в ней жил. Нора чувствовала себя душевно и телесно больной, но она оставалась

беременной — и однажды начала ощущать своего рода уважение к этому существу, которое так упорно боролось за свое выживание.

Поэтому Нора почувствовала что-то вроде сожаления, когда однажды утром ее навестила Манса и сообщила кое-какие новости.

Нора как раз молола пшено и смешивала его с маниоком, чтобы сварить кашу. Она боролась с головокружением и тошнотой, особенно когда ставила на огонь горшок с чечевицей, которую сварила накануне вечером. Аквази должен был есть кашу и суп. Норе же при одной только мысли об этой еде становилось плохо. Она не хотела никакой каши из зерна и мечтала о кусочке хлеба или сыра

— Пахнет хорошо! — сказала Манса, опустила палец в горшок и облизала его. — Много перца, я люблю!

Нора судорожно сглотнула, однако потом опомнилась и подумала о вежливости — а прежде всего о том, что никто не должен заметить ее беременность. Аквази так или иначе уже начал со злобой наблюдать за своей рабыней.

— Возьми себе что-нибудь, смелее, — подбодрила она девочку.

Аквази должен думать, что она сама неплохо подкрепилась.

Это должно было его успокоить. Мансу не нужно было уговаривать дважды. Она залезла сначала в кашу, затем в горшок с острым супом, причем и то и другое ела прямо руками. Нора почувствовала, как в ней снова поднимается тошнота. Однако затем Манса вспомнила о своей миссии.

— Я находить баарм мадда, — прошептала она Норе с заговорщицкой миной. — Было трудно. Она не хочет, чтобы Нэнни знать, что она делать. Нэнни хочет быть единственной. Но Толо уже делать до того, когда Нэнни пришла к маронам!

Значит, не рабыня, а от рождения свободная чернокожая. Нора облегченно вздохнула. Жены маронов обращались с ней намного лучше, чем освобожденные рабыни. У них не было принципиальной ненависти к белым людям. Однако в Нэнни-Тауне они были в меньшинстве.

Нора наморщила лоб.

— Кто такая Толо? — Она не припоминала женщины с таким именем.

Манса еще раз залезла ручонкой в пшеничную кашу.

— Толо не живет здесь, — сказала она с набитым ртом, — не в деревне. Люди говорят, она ведьма...

Нора улыбнулась.

— Это белые говорят о каждой баарм мадда, — ответила она.

— И у нее когда-то ссора с Нэнни. Живет в джунглях, внизу по

течению. Один час. — Манса залезла в горшок с чечевицей. — Очень хорошо. Очень хорошо для белой миссис! — Она лукаво ухмыльнулась в лицо своей бывшей хозяйке.

Нора заставила себя улыбнуться.

— И она мне поможет? — нервно спросила она. — Ты с ней говорила? Будет очень трудно к ней добраться, мне придется полдня провести в пути.

Ее пробрал страх от одной только мысли о пути через джунгли и, особенно, от мысли об обратном пути. Большинство баарм мадда помогали женщинам, выскребая их плод чем-то вроде ложки. После этого те должны были лежать. Женщины, которые умирали на руках у Норы после такого прерывания беременности, рассказывали о длительном походе к знахарке на соседской или даже более далекой плантации, а после этого еще и о работе на полях.

Манса с набитым ртом попыталась одновременно кивнуть и отрицательно покачать головой.

— Не разговаривать с ней, только с другими женщинами. Но она всегда помогает. Толо бедная, ей нужны вещи. Если женщины болеют, они платят чечевицей, фруктами... что-то подобное. Но если нужно убрать ребенка, хочет курицу.

Этого еще не хватало. Нора потеряла себе виски. Ей придется украсть курицу, как делали рабыни для проведения церемонии обеа. Если бы ее положение не было таким безнадежно отчаянным, она бы рассмеялась.

— Миссис может идти сразу завтра утром, — сказала практичная Манса. — Завтра они корчуют лес для новых людей.

Действительно, мароны Нэнни на прошлой неделе снова напали на плантацию и наряду с богатой добычей привели с собой две дюжины освобожденных рабов. С тех пор в Нэнни-Тауне воцарилось беспокойство. По всей видимости, между Квао и Нэнни возникли разногласия по поводу того, нужно ли организовывать дальнейшие нападения, а за день до этого пришли посланцы из Кудойе-Тауна, вождь которого был серьезно обеспокоен. Нора предполагала, что одним из них был сам Кудойе, то есть старший брат Нэнни. Все три предводителя с тех пор во все горло ссорились на своем родном африканском языке.

— И если так много огня и так много людей, миссис может легко убежать. Толо найти нетрудно, сказала Антония. Речка делает изгибы, в нее втекает ручей, миссис пойдет вверх по течению до пруда возле источника, там хижина Толо.

Манса хотела еще что-то сказать, но тут в двери хижины возникла мрачная фигура Аквази.

— Завтрак, наконец, готов? — холодно спросил он Нору. — Теперь ты можешь идти на поле.

Аквази никогда не завтракал вместе с Норой — у многих африканских племен не было принято, чтобы мужчины и женщины ели вместе. Конечно, Аквази не рос в духе таких традиций, но ему, казалось, доставляло удовольствие вспоминать о своих корнях.

Нора послушно встала.

— Спасибо, что зашла в гости, Манса, — официальным тоном произнесла она. — И, конечно, я завтра с удовольствием помогу корчевать лес. Тебе действительно не нужно бояться огня, мужчины будут следить за этим. А в остальном — просто держись поближе ко мне.

Манса весело подмигнула ей, когда они вдвоем встали. Она поняла хитрость Норы.

— Я не уходить от юбки миссис! — серьезно заявила она.

Если бы завтра кто-то спросил ее, она бы поклялась, что целый день провела вместе с Норой.

На следующее утро дул сильный ветер, что осложняло выжигание леса. Действительно, по этой причине на плантации находилось больше мужчин, чем обычно требовалось для помощи, и Манса оказалась права: все шло чуть-чуть не так, как надо.

Началось с того, что незамужние женщины стали бросать взгляды на новеньких парней и обмениваться с ними шутками. Мужчины, которые уже давно жили в Нэнни-Тауне, сердито наблюдали за тем, как девушки, немного смущаясь, приставали к недавно прибывшим. Новички танцевали и смеялись, в опьянении от только что дарованной свободы, которая вот-вот увенчается приобретением «своей» земли. Норе было нетрудно ускользнуть из их поля зрения, когда пламя, в конце концов, поднялось вверх. А на пути к курятнику она обнаружила, что село почти опустело. И это было ей на руку, потому что курица, которую она выбрала для Толо, никак не поддавалась попыткам поймать ее. У Норы не было опыта общения с пернатыми. Охота на курицу затянулась надолго и, конечно, происходила не в тишине. Куры-подруги возмущенно кудахтали, а жертва Норы отчаянно сопротивлялась, когда та, наконец, засунула ее в мешок.

— Мне тоже очень жаль, — извинилась она перед курицей, завязывая джутовый мешок и закидывая его себе за плечи. Она не знала, захочет ли Толо курицу в живом виде, но сама Нора еще никогда не резала и не убивала животных и теперь не могла заставить себя просто так, недолго думая, свернуть птице шею.

В конце концов, она на карачках спустилась к реке. Там были тропы

разной степени проходимости, и Нора выбрала для себя самую крутую и опасную. Она надеялась, что ее охраняют не так усиленно, как другие, — тем более что часовые больше обращали внимание на тех, кто может вторгнуться в город, чем на людей, покидавших Нэнни-Таун. Последнее не запрещалось никому. Кроме Норы.

Среди африканских женщин было много таких, которые почти полностью закрывали себя одеждой, когда покидали свой дом. Нора слышала, что их вера наказывала им это. Однако на плантациях это было, конечно, запрещено. Но здесь они все же прятали свои волосы под пестрыми накидками, вместо того чтобы обернуть их тюрбаном, и постоянно держали голову опущенной. Почти постоянно. Если Нора будет подражать им, то сторожа, конечно, не станут проверять ее.

Однако она не поддавалась иллюзии, что по дороге к Толо ее никто не увидит. Система обороны Нэнни-Тауна функционирует безукоризненно, и если даже Нэнни не любит «ведьму», та, без сомнения, все же находится под защитой маронов. Пусть речка имела заброшенный вид — Нора была уверена, что бдительные глаза наблюдали за ней, пока она следовала вдоль течения ручья. Исполненная стыда, она думала, понимают ли эти часовые, что значит курица в ее мешке. От них не могла укрыться барахтающаяся в своем джутовом плену птица.

Но до хижины Толо, действительно, было не так далеко.

Надо было пройти пешком около часа, и то только потому, что вдоль реки не нашлось протоптанной тропы; лишь временами, когда берег становился песчаным, Нора видела на нем отпечатки узких женских ступней. Она прокладывала себе путь через папоротники и лианы, в которых прятались разнообразные насекомые. Несмотря на свою печальную миссию, Нора наслаждалась видом пестрых мотыльков, однако страдала от укусов насекомых, которые вцеплялись в ее лодыжки. Нора вспомнила, что на Ямайке также вроде бы водятся крокодилы, — однако, наверное, скорее на западе, в Черной реке, чем здесь, на востоке острова. Но, тем не менее, она всматривалась в неглубокие заливы реки со смешанными чувствами — тревогой и жаждой приключений. На берега падали тени акаций и папоротников, и в зеленоватой полутьме ветка или тень казались огромными ящерицами. И ей хотелось бы увидеть этих животных, хотя лучше бы не сегодня, поскольку она была не вооружена и одинока. Она с тоской вспомнила о своих робких планах, которые вынашивала вместе с Дугом. Однажды он хотел показать ей весь остров. С ним она бы не боялась рептилий... Но Дуг оставил ее в беде. Норе придется заставить себя забыть и его тоже.

Несмотря на то, что берег лежал в тени, Нора обливалась потом, когда, наконец, достигла поворота и там действительно натолкнулась на ручей, впадавший в реку. Она вымыла в нем лицо и руки и только сейчас решила опустить покрывало. Наблюдатель-марон должен был знать, что она находится по дороге к Толо, но сейчас он будет считать, что она идет к ней по женским делам, и не станет в них вмешиваться. Конечно, позже он, возможно, и расскажет Аквази о выходке его рабыни, но Норе это было все равно. Пусть он накажет ее. Она вернется назад уже избавленная от своей самой срочной проблемы.

Хижина Толо, хорошо замаскированная, находилась на краю пруда, который подпитывался родником. Идиллическое место — женщины в Нэнни-Тауне говорили, что в таких местах любят находиться добрые духи. Возможно, Толо поэтому и избрала это место. Старая женщина сидела перед своей хижинкой у огня и смотрела на Нору внимательными светлыми глазами. Нора смущенно взглянула на нее — она еще никогда не видела негритянку с таким сияющим взглядом.

— Толо? — смущенно спросила она.

Старуха скривила лицо, и Нора не знала, означает ли ее гримаса улыбку. Толо была более плотной, чем Нэнни, и, конечно, намного старше, но не выше ростом. По всей вероятности, она была не из племени ашанти, гордых людей с Берега Слоновой Кости, а из другой части Африки.

— Кто же еще? — в конце концов, ответила она. — А ты... Я слышала, что у Нэнни в городе есть белая женщина. Но я не хотела этому верить.

— Я нахожусь там не по своей воле! — резко ответила Нора.

Ей снова стало плохо. Толо сжигала в своем костре какие-то травы, чтобы отогнать насекомых. Кроме того, в горшке варилась какая-то невыносимо вонючая масса.

Теперь Толо действительно ухмыльнулась.

— Я — тоже нет, — заметила она. — Все мы находимся в этой стране не по своей воле, но тебя, по крайней мере, никто не затащил на корабль голый и в цепях. С такими жалобами, дитя, ты себе друзей не заведешь.

Нора заметила, что Толо свободно говорит по-английски.

— Однако вы же всегда были здесь, — сказала она затем. Она невольно выбрала вежливую форму обращения. Толо нравилась ей — ее харизма была не менее королевской, чем ореол вокруг Нэнни. — Вы родились здесь, не так ли?

Толо кивнула.

— Но угнали мою мать, — объяснила она. — А я... Скажем так, в моем племени у меня было лучшее положение, перед тем как Кудойе, Аккомпонг,

Нэнни и Квао объединили нас. Но я не должна жаловаться, ведь, по сути, так даже лучше — по крайней мере, для маронов. Для рабов будет хуже, когда Кудойе заключит договоры.

— Нэнни-Таун принимает рабов массово, — ответила Нора.

Ей следовало сменить тему их беседы и приступить к решению своей личной проблемы, но было интересно разговаривать с этой явно умной женщиной о маронах, о белых и о рабах на Ямайке.

— Пока что, — сказала Толо. — Но если они хотят мира с губернатором, им придется взять на себя обязательство отправлять беглых рабов назад к своим хозяевам. Нэнни это не подходит. У нее есть хорошие стороны. При этом я не верю, что освобожденные рабы для нее так уж много значат. Скорее всего, она получает удовольствие от нападения на плантации и от смертей белых баккра. Будь ее воля — сгорел бы весь Кингстон. Она исполнена ненависти.

«Как Маану», — с горечью подумала Нора.

— Может быть, они и меня тогда вернут, — сказала она с надеждой.

Толо пожала плечами.

— Если бы кого-нибудь в Кингстоне интересовала белая женщина, они бы уже давно это сделали. Но, кажется, это не тот случай. А если ты выносишь ребенка...

Нора испуганно посмотрела на нее.

— Откуда вы знаете?

Старая женщина хрипловато рассмеялась.

— Имея немного опыта, это можно увидеть сразу, девочка. Нэнни тоже это знает — и, наверное, благодарит своих богов, что ты нашла дорогу ко мне. Твой ребенок принесет ей только неприятности. Дело в том, что если ты действительно его родишь, то твой ниггер должен будет взять тебя в жены. Белая служанка в качестве награды для исключительного воина, может, и сойдет. Однако дети, которые вырастают в ее городе в качестве рабов, — этого Нэнни не потерпит. Значит, женитьба. Но это может привести к неприятностям с англичанами, если тебя все же кто-то захочет вернуть назад. Свою рабыню твой ниггер должен был бы вернуть. Но возвращать свою жену он не обязан.

— Я не хочу ребенка! — поспешно сказала Нора.

Толо, призадумавшись, пожала плечами.

— Ты уверена? Твое положение в селе улучшится...

— Я не хочу лучшего положения в Нэнни-Тауне! Я хочу уйти оттуда. Я хочу... — Нора сжала кулаки.

— А ведь это твой ребенок. Твой первый, не правда ли? Неужели ты

никогда не хотела ребенка?

Нора молчала. Она не могла отрицать — бывали времена, когда она мечтала о детях. Тогда, давным-давно, вместе с Саймоном. И в последние недели общения с Дугом. Даже ребенок от Элиаса в первые месяцы ее брака был бы желанным. По крайней мере, тогда она не думала бы прерывать беременность. Однако здесь, в рабстве, среди враждебно настроенных по отношению к ней женщин...

— Ты не хочешь ребенка-раба. — Толо собрала воедино мысли Норы, словно прочла их. — Но он таким и не будет. Ребенок будет свободным. Он будет наследником твоего мужа.

— Да что он может унаследовать? — горько спросила Нора. — Кусок земли, который его мать обрабатывает по принуждению?

— У белых это был бы кусок земли, который обрабатывают по принуждению негры, — ухмыльнулась Толо. — Разве это не одно и то же? Ну, хорошо, тебе лучше знать, но ты заплатишь за это высокую цену. Всегда приходится платить высокую цену. Этот ребенок будет тебе снится.

Нора хотела возразить, что ей уже много месяцев ничего не снится, да и не надо, но это было, конечно, неправдой. Красивые мечты и сны — это было как раз то, чего ей не хватало. Ночью ее преследовали кровь, страх и крики. А теперь она еще создаст дуппи, который не даст ей покоя...

— Я украду курицу для колдуна-обеа, — твердо заявила Нора, — и усмирю его дух.

Толо засмеялась.

— Ты знаешь самое важное правило! Вот что, белая женщина. Посиди здесь, подумай еще немного, а я сварю тебе напиток. Ты примешь его сегодня вечером, и тогда завтра утром у тебя начнется кровотечение. И если кто-то из белых все же хочет, чтобы ты вернулась назад, когда-нибудь ты вернешься.

Нора закрыла лицо руками. Думать — это было самое последнее, чего она сейчас хотела. Больше всего ей хотелось ни о чем не думать. И прежде всего — не думать о Дуге.

Толо вернулась с флягой, закрытой пробкой. В ней плескалась темно-коричневая жидкость. Нора с благодарностью приняла напиток и спрятала его в одном из карманов своей юбки.

— Я не умру от этого? — спросила она.

Толо равнодушно пожала плечами.

— Могу ли я знать волю богов? — ответила она вопросом на вопрос. — Каждая женщина, которая убивает ребенка в себе, может умереть вместе с ним. Это тоже цена, которую мы платим. Но у меня такое бывает редко.

Не беспокойся.

Нора прежде всего беспокоилась о том, чтобы как можно незаметнее вернуться назад в Нэнни-Таун, но, похоже, судьба на этот раз была к ней благосклонна. Уже на полпути в поселение она уловила запах дыма и увидела пламя на гребне горы. Огонь на новых полях, видимо, вышел из-под контроля, и все — мужчины и женщины — были заняты тушением лесного пожара. Даже некоторые из высокопоставленных воинов боролись с огнем, и у молодых девушек в этот день не нашлось грубых слов для Норы. Она тихонько присоединилась к группе женщин, которые носили воду из ручьев и передавали ведра из рук в руки. Это была тяжелая работа. К послеобеденной жаре присоединилось еще и пламя. Ветер гнал перед собой тлеющие угли и частицы пепла, которые больно жгли кожу и оставляли маленькие дырочки на одеждах женщин. Население Нэнни-Тауна справилось с пожаром лишь тогда, когда ранним вечером начался обычный тропический дождь.

С наступлением темноты были потушены последние угли, и люди, усталые до смерти, грязные от пота и пепла, потащились в свои хижины. Многие из них купались в реке или ручье. Через Нэнни-Таун протекало множество ручьев: нагорной гряде было два источника. Это тоже делало поселение независимым. Попытка отрезать село от воды была такой же бесперспективной, как и попытка лишить его пищи.

Однако Нора отказалась от купания. Это было слишком рискованно. Если Толо с одного взгляда увидела, что она беременна, то это точно увидят и остальные женщины, когда Нора появится перед ними без одежды. Мысль о том, что эту игру в прятки можно будет закончить до следующего утра, наполнила женщину несказанным облегчением. Нет, решение было правильным. Она не хотела ребенка от Аквази, и его не будет.

Нора только и ждала, когда наступит темнота и на костре сварится еда для Аквази. Тот не принимал участия в тушении пожара и вернулся в свою хижину чистым и голодным. Он был у Нэнни. Как и раньше, Кудойе, Нэнни и Квао спорили в краале королевы, совещаясь о возможных договорах с белыми. Аквази должен был все это записать — все, в чем были достигнуты договоренности. К сожалению, в представлениях братьев и сестры не было единого мнения, кроме того что губернатор должен был признать их поселения законными и разрешить им вести торговлю с Кингстоном, Спэниш-Тауном и другими английскими городами. То, что они должны были предложить со своей стороны, являлось предметом горячих споров. Аквази провел большую часть дня, борясь со страшной скукой, пока предводители разговаривали между собой на языке племени

ашанти.

Нора тяжело вздохнула, когда поняла, что у него снова плохое настроение. Конечно, этой ночью он будет срывать свою злость на ней. Но в этот раз ей было все равно. Наверное, от него не укроется, что завтра она будет больна. Тем лучше, если он подумает, что это результат его ночных издевательств.

Нора оставила его с едой у костра и пошла в хижину. Она не зажгла света: почти никто в Нэнни-Тауне не пользовался ни свечами, ни масляными лампами. Рабы, как и недавно угнанные африканцы, не привыкли к искусственному освещению. Однако скудный свет луны попадал в хижину. Нора бросила взгляд на небо и увидела, что уже почти полнолуние. Снова лунная ночь, снова полнолуние — бледный лик небесного тела смотрел на нее сверху, будто утешая. Нора не ощущала угрызений совести, ни один из ее духов не протестовал против того, что она собиралась сделать. Она произнесла молитву и вынула из фляжки пробку.

Как только она поднесла флягу к губам, дверь рывком распахнулась настезь.

— Ты не будешь это пить! — заорал на нее Аквази, выбивая из рук Норы спасительное зелье. И сразу же ударил ее по лицу, а потом — кулаком в живот. — У тебя что, уже есть что-то внутри? Ты... ты... — Нору тошнило, она ничего не могла ответить.

Аквази вытащил ее из хижины на улицу и ударил еще раз.

— Говори же, сука! — заорал он.

Нора судорожно всхлипывала — ее выворачивало рядом с костром. Аквази крепко держал ее за запястье. Когда Нора подняла взгляд и смогла более-менее ясно думать, в тени хижины она увидела Маану. У молодой женщины был отдохнувший вид, и на ней было новое платье. Ярко-красная юбка и тканый верх цветов ашанти. Красный, как кровь, желтый, как золото, зеленый, как их страна.

— Ты...

Маану выглядела прекрасно, но ее аристократичное лицо снова искривилось от ненависти, когда она обратилась к Норе.

— Да, я. Кто же еще? Мне сказали, что Манса задает странные для такой молодой девочки вопросы. И тогда я взялась за дело. Вот так...

— Но...

Нора хотела возразить, что Маану должна быть последней из тех, кто заинтересован в спасении ее ребенка. Ведь она всегда хотела Аквази только для себя, и если Толо права и Нэнни будет настаивать на женитьбе Норы и

Аквази, то она окончательно проиграет. Однако взгляд в лицо Маану сказал Норе, что ее бывшей служанке это было все равно. Она хотела задеть белую женщину за живое, насолить ей любой ценой. Пусть даже ценой своего счастья, если так должно было быть.

— Ты не убьешь моего ребенка! — процедил Аквази. — Я этого не допущу!

— А как ты можешь мне помешать? — почти прошептала Нора.

Она знала, что ее голос звучит слабо, — в этот момент сопротивление было бесполезно, но она не хотела сдаваться. Конечно, утром она придумает что-нибудь еще.

Аквази засмеялся.

— Это я могу тебе сказать! Ты знаешь, как баккра помешал моей матери избавиться от меня? — сказал он затем. — Нет? Тогда я тебе расскажу. Помнишь каморку рядом с кухней, чулан для метел?

Нора кивнула с бьющимся сердцем. В этом чулане умерла Салли.

— Я там родился. После того, как моя мать провела в темноте шесть месяцев, прикованная цепями к стене. Она не хотела меня, она твердо на это решилась. Как только ей освобождали хотя бы одну руку, она пыталась убить себя и меня. Когда я родился, меня сразу же забрали у нее. На следующий день она утопилась. Она была принцессой племени ашанти. И ты думаешь, что я не справлюсь с какой-то белой куклой?

Нора посмотрела на Аквази, и ее ярость уступила место сочувствию. Сочувствию к несгибаемой принцессе из племени ашанти, а еще больше — к ребенку, гордившемуся своей матерью, которая ничего больше не хотела так, как убить его. Нора глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы успокоиться.

— У моего ребенка ее кровь, — продолжил Аквази, — кровь вождей. Он будет великим воином, и духи его благословят.

«Значит, ты научишь его читать и писать, — горько подумала Нора. — И заставишь наивных африканцев верить в то, что это дар богов».

— А люди с удовольствием будут называть его ублюдком или метисом, — перебила она своего мучителя. — А еще скорее — грязным ублюдком. И каждый будет называть его так, и черные и белые. На земле нет места для таких детей, как этот ребенок. Почему ты не дашь ему умереть, просто умереть, Аквази? Почему ты непустишь меня и не возьмешь себе в жены черную женщину?

Аквази злобно уставился на нее.

— Чтобы ты вернулась назад к Дугу Фортнэму? Ты принадлежишь мне, Нора, и ребенок тоже принадлежит мне. Если он кому-то и принесет позор, так только тебе!

Нора тяжело вздохнула.

— Его позор будет написан у него на лице: для одних он будет слишком черным, для других — слишком белым. Но, по крайней мере, здесь этот ребенок не будет рабом, Аквази, — сказала она. — На этом стоит Нэнни. Тебе придется взять меня в жены, и ребенок будет принадлежать мне точно так же, как и тебе. Я надеюсь, ты по этому поводу будешь счастлив, так же счастлив, как и ты, Маану. А теперь отпусти меня, Аквази. Я пойду в купальню и помоюсь. А если там еще кто-то есть, я скажу им, что женщина Аквази носит в себе его ребенка. И с этого момента никто не будет называть меня рабыней.

Аквази неуверенно смотрел то на Нору, то на Маану. Он явно колебался, отпустить Нору или нет.

— А что будет, если она убьет себя? — спросил он Маану с каким-то детским выражением лица.

Нора обернулась к нему прежде, чем та успела что-либо ответить.

— Я не убью себя, Аквази, можешь не беспокоиться. Я не принцесса, но я и не трусиха. Какая-то Нора Рид не уйдет просто так, как твоя красавица мать, Аквази. Если уж меня заставляют принести ребенка в этот враждебный мир, то я помогу ему в борьбе с этим миром. И если надо, то я возьму нож и пробью дорогу для своего ребенка! И мне будет все равно, кто встанет у меня на пути! А теперь отпусти меня. Мне жарко, и меня тошнит. Так часто бывает с беременными, если их бьют в живот. Если тебе повезло, Аквази, то только что ты убил своего ребенка.

Нора отвернулась и с высоко поднятой головой ушла. Аквази и Маану смотрели ей вслед, но никто ее не остановил.

Маану не могла не ощутить невольного уважения к своей бывшей хозяйке. У этой белой есть достоинство! Вместе с тем она поняла, что своими действиями гордиться не может. Нора Фортнэм никогда бы не выдала ни одну из женщин, которым оказывала помощь после прерывания беременности в Каскарилла Гардене, — а за время, проведенное на плантации, она, без сомнения, набралась достаточно опыта, чтобы определить, какая из женщин беременна, а какая нет. Она могла бы сказать Элиасу, если бы одна из ее рабынь носила в своей утробе ребенка, но она никогда этого не делала. И Нора ни в коем случае не была виновата в судьбе матери Аквази. Карать ее за это было бессмысленно.

Маану, конечно, боролась с собой, прежде чем рассказать Аквази о своем подозрении в отношении Нору. И та была права: своим поступком Маану навредила сама себе. За последние недели она сблизилась с Аквази намного больше, чем когда-либо в Каскарилла Гардене. Там она всегда

была домашней рабыней, а он — презируемым полевым рабом. Здесь же они оба были ценными советниками королевы, владевшими искусством чтения и письма, что воспринималось африканцами как владение магией. Было бы логичней, если бы когда-нибудь Маану и Аквази нашли путь друг к другу и были богато одарены Нэнни и Квао. И, кроме того, Маану показалось, что действие притягательной силы Норы на Аквази ослабело. Она не знала, иссякло ли действие колдовства, или просто угасала его вполне земная страсть, которая питалась лишь многолетней неосуществимостью.

Сама Нора, как казалось Маану, не желала Аквази, ведь уже в Каскарилла Гардене она всю флиртовала с Дугом Фортнэмом. Возможно, она была одной из тех женщин, которые желают себе в постель каждого мужчину, но всего на один-два раза, а потом он быстро им надоедает. Без сомнения, шлюха, и, без сомнения, привлекательная для бывшего раба. Однако на длительное время она не могла составить конкуренцию такой женщине, как Маану. И вот сейчас Маану сама помогла ей занять более высокое положение. Молодая женщина знала — то, что сделала она, не было разумным, но поступить иначе она не могла: Нора украла у нее Аквази, использовала ее чары для своих нужд и злоупотребила ее доверием. Маану все еще ощущала приливы бешеной злости при одной лишь мысли о Норе Фортнэм. Она хотела сделать белой леди больно, хотела разрушить ее жизнь точно так же, как та разрушила жизнь Маану, украв у нее мечты.

Потому что, даже если сейчас ей и удастся заполучить Аквази, — ее мечта о большой настоящей любви уже уничтожена.

Однако этот факт не мешал Маану продолжать работу над выполнением своих планов. В то время как Аквази растерянно смотрел вслед Норе, она спокойно взяла кусок лепешки и обмакнула его в соус, который еще булькал на огне.

— Значит, ты будешь отцом, Аквази, — сказала она.

Тот сокрушенно кивнул головой.

— Я в долгу перед тобой, — с явной неохотой ответил он.

Маану кивнула.

— Да, — невозмутимо согласилась она. — Ты должен мне ребенка.

Аквази хотел возмущенно вскочить, но хладнокровие Маану не позволило ему выйти из себя. Молодая женщина совершенно спокойно дожевывала свою лепешку.

— Что это значит? — хриплым голосом спросил он. — Ты хочешь ребенка белой женщины?

Маану покачала головой.

— Зачем мне нужен ее ублюдок? — ответила она с кривой ухмылкой. — Она была права — такой ребенок никому не окажет чести. Я хочу своего ребенка, Аквази. Сына вождя, ребенка, который будет играть у ног королевы, который будет называть ее «Грэнни». Ведь Грэнни Нэнни, если ты еще не обратил на это внимания, не имеет наследников.

Аквази нахмурился.

— Но для этого мне придется взять тебя в жены, — задумчиво сказал он.

Маану пожала плечами.

— А что тебе мешает? — спросила она.

Он призадумался.

— Нора... Она имеет право, и королева будет настаивать на том, чтобы я на ней...

Маану устремила на него ясный твердый взгляд.

— Ты христианин, Аквази? — спросила она.

Аквази злобно посмотрел на нее.

— Конечно нет! Этот невыносимый проповедник Стивенс... Как я могу молиться его богу?

— А у тебя есть какая-нибудь другая вера? — спросила Маану. Теперь у нее было такое выражение лица, как у мальчишки-сорванца, и в этот момент она очень походила на свою сестру Мансу.

— Я когда-то украл курицу для колдуна-обеа, — признался Аквази, не вдаваясь в подробности.

— Это не считается, — ответила Маану. — Обеа... Обеа — это всего лишь немного колдовства. Зато у Нэнни... У той есть настоящая религия. Она мне про это рассказывала. У людей из племени ашанти были могучие боги.

— Ну и что? — спросил Аквази.

Маану широко улыбнулась.

— Боги наших предков разрешают великим воинам иметь много жен.

— Значит, ты передумала? — спросила Толо, усаживаясь рядом с Норой.

Она была приглашена на важную церемонию, во время которой Грэнни Нэнни, по традиции племени ашанти, должна была соединить друг с другом Аквази и Маану. Последняя, как и раньше, была особой, приближенной к королеве, и не упустила возможности организовать в свою честь праздник, в котором должен был участвовать весь Нэнни-Таун.

— Ты ведь все еще беременна, правда?

Нора неохотно кивнула и спряталась в тени кустов, под которыми нашла защиту от палящего солнца Толо. Сама же Нора скорее искала укрытие от многочисленных женских глаз. Уже несколько дней ее заставляли работать днем и ночью, днем и ночью велась подготовка к свадьбе: готовилась еда, забивался скот, жарилось и варилось мясо. У Норы не было ни минуты покоя, но, прежде всего, она ни на секунду не оставалась без присмотра. Между тем уже каждая женщина в Нэнни-Тауне знала, что рабыня Аквази беременна, что она хотела сорвать беременность, но Аквази настоял на том, чтобы она выносила этого ребенка. Однако бывшие рабыни, которые по себе знали, что делали их баккра, чтобы заставить их «размножаться», были готовы ей помочь. Конечно, люди вокруг роптали, что Аквази, несмотря на положение Норы, берет себе в жены другую женщину. Только африканки из племен, где многоженство было обычным делом, и мусульманки считали его поведение само собой разумеющимся. Но в любом случае первая жена всегда имела больше прав, чем вторая. Невозможно было себе представить, что Аквази сначала оказал честь рабыне, подняв ее до своего уровня, а потом заключил брак с женщиной, равной ему по положению. Хотя Норе такая субординация была скорее на руку: она рассматривала вынужденный брак с бывшим рабом как незаконный и надеялась, что когда-нибудь ее освободят, чтобы она могла вернуться в свой мир. Вероятность, что власти в Кингстоне смотрят на это так же, как и она, повышалась с появлением второй жены.

— Это было не мое решение, — ответила она сейчас. — Я поступила неправильно, мне нужно было выпить ваш напиток сразу же, еще у вас. А теперь они не спускают с меня глаз.

Нора со вздохом поднялась, когда одна из женщин-маронов отодвинула в сторону ветку кустов и, обнаружив там Нору, укоризненно уставилась на нее.

Толо пожала плечами.

— Воспринимай это как волю богов, — хладнокровно сказала она. — А та, другая, еще не беременна?

Она указала на Маану, которую как раз в этот момент с песнями и благословениями, вели в круглую хижину Нэнни.

Нора покачала головой.

— Пока еще нет. Они только завтра будут вместе. Но она хочет ребенка, а, судя по всему, она всегда получает то, что хочет.

Она бросила на Маану сердитый взгляд.

— Но это не обязательно сделает ее счастливой, — невозмутимо ответила Толо. — Тем более если у человека такие странные желания. Да,

кстати, я сейчас нахожусь здесь по этой причине. Я из племени догонов, как и мать Маану. И она настаивает на том, чтобы свадьба была подготовлена в соответствии с нашими обычаями. Он, то есть ее муж, тоже, хотя, конечно, Нэнни пыталась отговорить его. У ашанти это не принято. Однако этот ниггер готов возродить все африканские обычаи, о которых хоть кто-нибудь помнит, — безразлично, из какой местности и из какого племени они происходят. Хотя Аквази внутри еще белее, чем ты. — С этими непонятными словами Толо встала. — Значит, я займусь своей работой, а ты молись за Маану.

Старая повитуха и знахарка исчезла в хижине Нэнни. Нора, оторопев, осталась на месте. Почему она должна молиться за Маану?

Потом она смиренно вернулась к своей работе, вгоняющей ее в пот, — Норе приказали вращать вертел, на котором жарился над огнем целый бык. Один только запах отбивал у нее аппетит к праздничной еде. Как и раньше, она боролась с тошнотой.

Удивительно, но казалось, что Грэнни Нэнни чувствует себя примерно так же. У королевы ашанти был бледный и усталый вид, когда час спустя она вышла из своей хижины. Пары лекарственных трав и адский шум, который начался с того момента, когда Толо вошла в хижину, казалось, ударили ей в голову. Женщины пели традиционные песни, к которым, как слышалось Норе, примешивались какие-то крики, словно кто-то испытывал сильную боль. Однако женщина была слишком занята борьбой со своей обычной тошнотой, чтобы анализировать музыкальное сопровождение африканских свадебных обычаев. Уже несколько дней почти непрерывно раздавался бой барабанов, и их монотонное воздействие на уши искажало нормальные слуховые ощущения.

Дальше Нора не наблюдала за королевой, хотя бы потому, что начался праздник, а ей и другим незамужним девушкам-маронам полагалось обслуживать гостей. Нора принесла Аквази, который сидел с отсутствующим видом, мясо, лепешки, острые перченые соусы и рагу из бобов. Королева разговаривала с Квао и несколькими женщинами из племени ашанти, которые родились в Африке. Они снова о чем-то спорили. Нора не прислушивалась к ним. Она устала, у нее болела спина, и она думала лишь об одном — чтобы ее оставили в покое и дали хотя бы чуть-чуть отдохнуть. И, может быть, еще поговорить с Толо. Конечно, старая знахарка знала средство против изнуряющей тошноты. Однако Толо еще не вышла из хижины Нэнни, и постепенно у Норы стали возникать вопросы, что она там делает и почему оттуда не выходит Маану. Но, может быть, в Африке было принято, чтобы мужчина и женщина до свадьбы были

разделены. Однако Нора была слишком занята, чтобы ломать над этим голову.

Лишь поздним вечером она нашла более-менее спокойное место, и ей показалось, что сейчас она сможет съесть немного каши и супа. Но только она поднесла ложку к миске, как услышала слабый плач, и кто-то потянул ее за юбку.

— Миссис... Миссис должна идти к Маану. Женщина-ведьма сделала с ней что-то ужасное, она кричать, и плакать, и истекать кровью. Говорят все, что ничего страшного и что я должна оставаться возле нее, потому что сестра... Однако я думаю, что очень плохо, и я хочу показать миссис... Пожалуйста, миссис.

У малышки Мансы был испуганный вид, она была бледна как смерть.

Нора взяла ее за руку.

— Однако Маану не захочет видеть меня, что бы с ней ни случилось, — ответила Нора. — А если с ней Толо, то она, конечно, в надежных руках.

Манса яростно затрясла головой.

— Она сама порезала, ведьма Толо! Ножом. Маану говорит, так должно быть. Положено для свадьбы. Но такого ведь не может быть, миссис, или как? Я всегда думаю, что свадьба — это прекрасно!

— Так должно быть, — вздохнула Нора.

В ней проснулось любопытство. Что же такого сделала Толо с Маану или... что хотела Маану от Толо? Ведь та с неохотой принялась за выполнение своей миссии, это Нора заметила.

— Ну, хорошо, Манса, я пойду с тобой и предложу Маану свою помощь. Однако она меня прогонит, я уже сейчас это знаю. Я делаю это лишь для того, чтобы ты не боялась.

Нора каждую минуту ожидала, что сейчас какая-нибудь женщина или кто-то из мужчин, празднующих на площади для собраний, заговорит с ней или задержит ее. Однако все уже крепко выпили — свежесваренное пиво из зерна и ром из сахарного тростника лились рекой. Большинство песнопений умолкло, и многие из празднующих имели уже сонный вид. Лишь пара неугомимых людей танцевали вокруг костра, но им все равно не было дела до испуганной маленькой девочки и белой женщины, которые сейчас приближались к дому Нэнни.

Манса отодвинула в сторону покрывало, которое висело перед входом.

— Маану? — спросила она сначала робко, а потом испуганно: — Маану! Она мертва, миссис! Она точно мертва!

Нора, стоя позади нее и всматриваясь внутрь помещения, увидела Маану, лежавшую при свете свечей на куче одеял. Глаза молодой женщины

были закрыты, и она была бледна, но не мертва.

— Тихо, она, наконец, уснула. Только не разбуди ее. — Толо подошла к двери и знаком приказала испуганному ребенку молчать. — У нее есть все, что нужно, девочка, она хорошо перенесла все. Я сразу же дала ей усыпляющий напиток, но там, на улице, был такой адский шум, что она не могла успокоиться. Ну, и это, конечно, было очень больно.

— Что же случилось? — спросила Нора и энергично шагнула в хижину.

Она боялась ненависти Маану, но Толо ей страха не внушала. Старая женщина, не колеблясь, впустила ее.

— Я сделала ей обрезание, как это принято у нашего народа, — сказала она с мрачным выражением лица. — Я говорила ей, что не нужно этого делать. Она уже давно стала женщиной, в этом нет никаких сомнений. Она даже беременела... Пусть и не выносила ребенка. Но это обычно делают намного раньше, скорее в ее возрасте. — Она указала на Мансу, которая, плача, спряталась за Нору.

— Что делают? — не поняла Нора. Она подошла к ложу Маану и увидела, что молодая женщина дышит сейчас спокойно. Однако на кровати виднелись пятна крови.

Не спрашивая ничего больше, она подняла одеяло и увидела толстый слой из листьев и повязок между ногами Маану.

— Она ведь не была беременна, — сказала Нора, ничего не понимая. До этого она видела нечто подобное только у женщин, которые незадолго до этого посещали баарм мадда, чтобы убить в себе ребенка.

Толо покачала головой.

— Нет, конечно, нет. И я обрезала немного, только самое необходимое. Потому что она сама обязательно хотела этого...

И вдруг Нора вспомнила. Некоторые из рабынь, которых она видела в поместье Каскарилла Гардене во время купания, были изуродованы между ногами — некоторые больше, некоторые меньше. «Так делать, когда девочка становится большой», — объяснила ей одна из рабынь. Адвеа высказалась еще яснее, когда Нора увидела шрамы и у нее. «Это знак того, что я взрослая женщина», — объяснила она. Нора не стала расспрашивать ее дальше. Но этих женщин ей было жалко. Ведь это были именно те места, где было... так приятно, и откуда исходило чувство желания и радости, когда люди занимались любовью.

— Но ведь это... Почему же, черт возьми, она этого захотела?

Нора беспомощно переводила взгляд с Маану на Толо. Манса села на постель рядом со старшей сестрой и тихо заплакала.

— Таков обычай догонов, — объяснила Толо. — Говорят, что каждый человек рождается одновременно мужчиной и женщиной. И для того, чтобы он стал чем-то одним, у мужчины нужно отрезать женскую часть, а у женщин — мужские части, когда они становятся взрослыми.

Нора схватилась за голову.

— Но это же чушь!

Толо пожала плечами.

— То же самое сказала ей королева. Ашанти так не делают, и, тем не менее, у них тоже рождаются дети.

«Которых они потом убивают в себе...» — Нора почувствовала, как у нее начинает кружиться голова. Казалось, что она живет в совершенно сумасшедшем мире!

Но затем она вспомнила, что никогда ей не приходилось выхаживать после аборта обрезанную женщину. Лишь гордые воинственные ашанти отказывались рожать детей в рабстве. Более мягкие догоны не убивали свое потомство.

— Но Аквази ведь из племени ашанти! — возразила Нора. — Почему он поддерживает такое?

Толо вскинула брови.

— Аквази внутри белый, — презрительно сказала она. — Я уже тебе говорила. Он не хочет королеву, он хочет послушную христианскую девочку, которая будет выполнять все, что хочет он, а сама не будет получать никакого удовольствия от любви. Дело в том, что такая женщина никогда не будет изменять ему. Измены он боится больше всего. Значит, не показывай ему никогда, что тебе это может нравиться, белая женщина. Иначе он и тебя заставит сделать обрезание. — Она указала на Маану и заботливо укрыла ее одеялом.

Нора вздохнула. Она уже достаточно хорошо знала Аквази. И не почувствовала никакого удовольствия от осознания того, что Маану тоже вряд ли будет наслаждаться своей первой брачной ночью.

Глава 7

На следующий день во время свадебной церемонии Маану с бледным лицом и широко раздвинутыми ногами сидела на табуретке, которую подарил ей по традиции Аквази, а когда наступило время отнести в хижину множество других подарков, ей понадобилась помощь. На следующий день после свадьбы она не показывалась на улице, и Манса озабоченно доложила Норе, что Маану не может встать. Нору это не удивило — без сомнения, ночь с Аквази была ужасной. Однако Толо успокоила ее, сказав, что никакой опасности для здоровья и жизни Маану не существует.

— Я сделала неглубокое обрезание, ровно настолько, чтобы они были довольны — и она, и он. Маану все же сможет кое-что ощущать, только не сейчас — теперь она, конечно, еще не может получать никакого удовольствия от своего мужчины, там ведь пока открытые раны. Как я уже говорила, обрезание делают намного раньше, задолго до того, как к женщине прикоснется мужчина.

Толо вопросительно посмотрела на Мансу, однако та снова спряталась за юбку Нору.

— Не разрешайте ей резать меня, миссис! Миссис, пожалуйста, защитите меня! — умоляла она.

Толо покачала головой.

— Никто не заставит тебя, девочка, тебе повезло. Грэнни Нэнни не признает такого. Иначе... Дома нас никто не защищал, и, поверь мне, там делают обрезание намного глубже, чем я сделала твоей сестре. А теперь иди к Маану, дитя мое, и немного поухаживай за ней. Через пару дней она будет совсем такой, как раньше, не бойся.

Норе, конечно, было известно лучше: каким бы качественным ни был медицинский уход, в климате Ямайки раны время от времени воспаляются. И тогда люди умирают даже от безобидных ран.

Однако она не хотела пугать Мансу. Да и Маану все равно отказалась бы от помощи Нору. Утешало то, что ее бывшая служанка достаточно часто сопровождала ее при обходе больных, а потому и сама должна была знать, как поддерживать раны в чистом состоянии.

И действительно, порезы Маану зажили без осложнений. Отчасти это было объяснимо тем, что в эти дни Аквази оставил свою новую жену в покое и снова обратил внимание на Нору. Он тоже взял ее в жены, хотя и не с такой пышной церемонией, как Маану. Грэнни Нэнни вызвала

благословение нескольких богов и духов для новой пары и сообщила всему поселению о том, что Нора больше не рабыня.

Ее положение среди женщин мгновенно улучшилось. Незамужние девушки прекратили издеваться над ней, в то время как взрослые женщины, хотя и с некоторой неохотой, приняли ее в свою группу. Нора работала чаще всего в стороне от них, но теперь ей не нужно было выполнять самую тяжелую и грязную работу, ее отныне, наоборот, щадили: ее беременность стала заметной. То, что женщины не разговаривали с ней, было ей безразлично — в конце концов, с ней рядом была Манса, которая чувствовала себя в обществе молодых девушек так же нехорошо, как Нора в обществе женщин. В последнюю ночь малышка даже спала в ее доме, разумеется, с благословения Маану и Аквази. Оба думали, что Нора в присутствии Мансы не будет пытаться убить ребенка в своем теле или сделать что-то нехорошее с собой. Таким образом, она находилась под наблюдением не только днем, но и ночью, когда Аквази посещал Маану. А это он делал каждую ночь, после того как его супруга более-менее пришла в себя, — очевидно, очень старался зачать еще одного ребенка, на этот раз чистокровного.

Нора воспринимала все это равнодушно. Она уже давно смирилась со своей беременностью и благодарила небо за то, что Аквази ее сейчас игнорирует. Пусть Маану будет с ним счастлива. Нора желала обоим всего наилучшего, лишь бы ее оставили в покое. Обществом Мансы она, напротив, наслаждалась. Малышка наконец делала успехи в освоении правильного английского языка и даже, к ее собственному огромному удивлению, стала учиться писать и читать.

— Неужели это может каждый, миссис? Значит, для этого не нужно благословения богов?

А затем, когда оставалось всего несколько недель до родов, изменилось и ее отношение к другим женщинам, или, по крайней мере, к некоторым из них.

У Норы появилось больше свободного времени, и она использовала его, чтобы разбить свой собственный садик с лекарственными травами. Манса старательно помогала ей при этом: она намного больше интересовалась искусством врачевания, чем ее сестра. Поскольку девочка могла свободно перемещаться по селению, то спрашивала периодически появляющихся в поселке белых торговцев о семенах, и вскоре Нора даже смогла посылать ее за пределы поселка в поисках нужных ей растений и корней.

Самой же Норе такие походы были запрещены. Женщины наблюдали

за каждым ее шагом, который она находилась за пределами поля. Однако теперь вокруг ее хижины росли петрушка, ромашка, шалфей и манжетка, и этих растений было намного больше, чем нужно было для нее самой и для Мансы. Нора тосковала по своей работе с больными и едва сдержала себя, когда однажды в обед услышала разговор между двумя женами маронов. Одна из них жаловалась на сильное кровотечение и судороги во время месячных.

— Придется идти к Толо, — вздохнула она. — Но дорога так далеко.

— А Нэнни? — спросила ее подруга.

Первая закатила глаза.

— Нэнни говорит, ничего страшного. Подождать. Пройдет само. Но Нэнни сильная женщина. Королева. Я только маленькая марон, не такая храбрая.

Нора вздохнула. Все это только укрепило ее во мнении, что Нэнни знала об искусстве врачевания не так уж много. Судя по тому, что говорили о ней, она была еще очень молодой когда ее вывезли из Африки. Пусть даже ее мать была великой колдуньей и знахаркой, все равно она не успела научить ее многому, а за все эти годы Нэнни, конечно, еще и много чего забыла.

Нора сунула руку в свою сумку и вытащила оттуда пучок трав. Она всегда держала их наготове для Мансы, которая три месяца назад уже стала девушкой и тоже сильно страдала от судорог во время месячных. Нора обычно готовила ей настой лекарственных трав, когда той во время работы становилось плохо: она пыталась не дать возможности другим женщинам заметить, что у Мансы уже начались менструации. Ведь, несмотря на то, что говорила Нэнни, от Аквази и его супруги можно было ожидать, что они и Мансу заставят придерживаться обычаев догонов.

— Вот, — сказала она той женщине, которую знала под именем Мария. Необычное имя для рабыни, но Нора за это время узнала, что настоящие мароны, которые были свободными от рождения, зачастую откликались на испанские имена. — Завари эти травы и дай им настояться минут десять. Надо пить отвар три раза в день, он тебе поможет.

Мария с недоверием уставилась на сухую траву.

— А ты не хочешь отравить меня, белая миссис?

Нора, не говоря ни слова, разожгла костер, хотя женщины и жаловались на дополнительное тепло во время полуденной жары. Она нагрела воду, положила туда лекарственные травы, дала им настояться и сама выпила несколько глотков, после того как отвар остыл. Манса тоже выпила этот настой. Она вертела головой, но послушно глотала горькое

лекарство.

— Отвар действительно ужасно горький, но он хорошо помогает, — объяснила девушка.

Нора наполнила еще одну фляжку для Марии. Та тоже скривила лицо, когда несмело отпила отвар. Полностью переубедить ее не удалось, но, по крайней мере, она поверила, что Нора вряд ли будет пытаться отравить Мансу. Через полчаса ее лицо расслабилось, и она с недоверчивым видом улыбнулась Норе.

— Перестало! — ошеломленно сказала она. — Подействовало! Что ты хочешь иметь за травы, белая женщина? Толо берет мешок зерна или яйца.

Нора покачала головой.

— У меня достаточно зерна и кур, — сказала она.

На свадьбу Нэнни подарила Норе трех куриц — что касалось съестного, королева одарила обеих жен Аквази одинаково. Но мебель и одеяла, одежда и даже немного украшений достались только Маану.

— Однако я... Я буду действительно рада, если вы прекратите называть меня белой миссис или белой женщиной. Даже у англичан есть имена, вы об этом не знали? — Нора покраснела и сама упрекнула себя за это. — Меня зовут Нора.

Мария не осталась единственной пациенткой Норы. В последующие дни к ней стало обращаться все больше и больше жен маронов, поначалу с небольшими проблемами. Но все эти женщины были свободными от рождения. Освобожденные же рабы не доверяли белой знахарке, и Нора не могла обижаться на них за это. Эти люди должны были ненавидеть все, что хоть самым отдаленным образом напоминало им о времени, проведенном на плантациях. Настоящие мароны, наоборот, в принципе не отказывались общаться с белыми. Правда, они опасались нападения — Нора узнала от них, что губернатор за несколько лет до этого делал серьезные попытки захватить Нэнни-Таун. Но с другой стороны, они были рады тому, что белые торговцы приезжают сюда и меняют предметы домашнего обихода и незначительные предметы роскоши на плоды, выращенные на полях маронов. Белых женщин они до похищения Норы никогда не встречали, а теперь, когда казалось, что лед тронулся, они проявляли к ней больше любопытства, чем враждебности. Многие из них с большим удовольствием строили бы свою жизнь по образцу англичан в Кингстоне и Монтего-Бей, вместо того чтобы подражать африканскому стилю жизни, как Нэнни и большинство освобожденных рабов. Некоторые из решений королевы, как, например, позволение Аквази одновременно жениться сразу на двух женщинах, почти шокировали их. Многие из них были даже христианками

или придерживались верований обеа с ярко выраженным христианским уклоном. Поэтому Нора не слишком удивилась, узнав, что Толо была их колдуньей-обеа.

— Мы еще иногда проводим церемонии, — в конце концов, призналась Мария своей новой подруге. — Однако Нэнни не хочет видеть это в деревне, а в лесу мы ночью боимся. Нэнни говорит, что лучше, когда королева сама также обеа. У ашанти так принято.

У ашанти женщины, казалось, вообще пользовались большой свободой и политическим весом. Нора удивилась, когда услышала, что в политике племени они имели почти равные права с мужчинами и даже участвовали в войнах, когда над их поселениями нависала угроза.

— Мы всегда должны были кричать и бросать камни, когда появлялись англичане, — рассказывала Мария. — Раньше нас мужчины всегда прятали, но сейчас сильное село, неприступное!

Это сложное слово знал каждый человек в Нэнни-Тауне — и у Норы каждый раз становилось тяжело на сердце, когда она слышала его. Неприступное. Было также маловероятно, чтобы внутри поселка произошло какое-то восстание или смена власти. Мароны по происхождению хотя и не всегда были согласны с решениями королевы и ее братьев, но умели ценить то, что Нэнни и Квао, Кудойе и Аккомпонг объединили свободных негров в боевые формирования. До того, как появились сестра и братья из племени ашанти, мароны жили небольшими группами, и им приходилось даже бродяжничать по округе. По большому счету и Марии, и всем остальным новый стиль жизни нравился больше.

— Зато Нэнни не делает нас рабами, — оправдательно сказала Мария после того, как немножко поругала королеву: ей не нравились африканские песни племени ашанти, и она не разделяла почитания Нэнни бога Ониамэ. — Когда Толо делает церемонию в лесу, Нэнни не запрещать, и когда мы молимся на ребенка Иисуса — тоже не запрещать, и не запрещать то, что делают мусульмане.

Что, собственно, делают мусульмане, никто толком не знал. Небольшая группа бывших рабов из Африки, большинство — из племени мандинго, постоянно держалась вместе и проводила свои собственные богослужения.

К радости Марии — а ей вменялось в обязанности ухаживать за одним из общих курятников, — для их обрядов кур не требовалось. Их женщины ни в чем не отличались от остальных, за исключением того, что не принимали участия в пикантной болтовне жен маронов о ночных достижениях их мужей. Зато имели обыкновение молиться пять раз на день

и полностью прятать волосы под покрывалами или красиво завязанными тюрбанами. Нэнни терпела три или четыре такие семьи и пять-шесть одиноко живущих мужчин, которые привезли с собой свою веру из Африки и, несмотря на насильственные богослужения на плантациях и искушения жизнерадостных церемоний обеа, придерживались только ее. Однако Нэнни ценила мужчин-мусульман, которые никогда не напивались. Они несли сторожевую службу на большом удалении от поселка, и не было опасности, что они будут тайно варить пиво или даже гнать, что покрепче и потому проспят нападение белых людей.

Новые подруги Норы не уставали выражать ей сочувствие по поводу ее безрадостного существования в качестве второй жены Аквази, но сама Нора была этим очень даже довольна. Сейчас ее дела шли намного лучше, чем в первое время пребывания в Нэнни-Тауне. Она даже начала немного радоваться ребенку, который двигался у нее в животе, оживленно дрыгая ножками. Наверное, ему не помешало ни скудное питание матери в начале беременности, ни удары Аквази в живот. И Нора не боялась, что ребенок будет расти совершенно один. Все они, Мария и другие жены маронов, имели детей и, конечно, будут разрешать им играть с сыном Норы или с ее дочерью, хотя Аквази считал последнее невозможным. Он, казалось, никак не ожидал, что у него может быть наследница, а не наследник, что еще раз подтверждало слова Толо о том, что он думает и чувствует скорее как белый человек, а не как мужчина из племени ашанти. В конце концов, в этом племени женщина играла почти такую же роль, как и мужчина.

Аквази между тем уже имел «два железа в огне», как, улыбаясь, сказала Толо, когда однажды зашла к Норе поболтать. Через несколько месяцев после свадьбы Маану тоже забеременела и носила свой еще почти плоский живот, гордо выпятив его вперед, как будто сотворила нечто такое, чего до нее не удавалось ни одной женщине.

— Вы придете, когда будет рождаться мой ребенок? — испуганно спросила Нора старую женщину-обеа, когда та отправлялась в обратный путь в свое изгнание в джунглях.

Толо отрицательно покачала головой.

— Где там! Пока я сюда доберусь, ребенок уже давно родится. Ты здоровая и сильная женщина, и у тебя все хорошо получится. Да и Нэнни поможет...

«Притти Нэнни не особо помогла», — с горечью подумала Нора, но она все же надеялась, что Мария и ее новые подруги среди жен маронов, Елена и София, помогут ей. У всех троих уже были дети, и они, без сомнения, своевременно определяют какие-либо осложнения, чтобы, если

что, тут же послать Мансу за Толо.

И действительно, все прошло очень хорошо. У Норы были длительные схватки. Она от природы была очень изящной, и все у нее было узким, поэтому понадобилось некоторое время для того, чтобы родовой канал достаточно расширился. Но и ее ребенок был небольшим, и положение его было правильным. Через двенадцать болезненных, но вполне выносимых часов, в течение которых о Норе заботились Мария, Елена и София, в то время как Манса, всхлипывая, сидела в углу, — в руки Грэнни Нэнни выпала маленькая краснолицая девочка с черными волосами и светло-коричневой кожей.

— Добро пожаловать в этот мир, и пусть благословение бога Ониамэ и всех духов неба и земли сопровождают тебя! — с любовью поприветствовала малышку королева, вытерла ее и вложила Норе в руки. — Такой прекрасный ребенок, белая женщина, пусть он будет таким же сильным, как его отец, и таким же красивым, как его мать.

Нора уже знала, что ашанти придерживались мнения, что отец дает своему ребенку дух и силу, а мать — плоть. Последнее в их понимании значило больше, поэтому дети скорее относились к семье своих матерей, чем принадлежали своему отцу, и королевство тоже передавалось по наследству по женской линии.

Аквази же, как и ожидалось, не проявил восторга, но, как положено, все же взял свою дочку на руки, вынес ее из хижины и поднял навстречу звездам.

— Ее имя будет Дэдэ, — провозгласил он. — Это имя моей матери.

Нора восприняла это без всяких комментариев, однако на следующий день окрестила девочку и дала ей имя Дейрдре, причем в церемонии участвовали ее подруги, склоняющиеся к христианству. И все были убеждены, что это имя присутствует в Библии.

— Конечно, это имя принесет ей счастье! — обрадовалась Мария и поцеловала ребенка. Женщины в Нэнни-Тауне относились к детям с большой любовью.

Нора воспринимала за счастье уже то, что ни Аквази, ни Маану не пытались отнять у нее малышку. Она боялась этого — на плантациях было широко распространено такое явление, как изъятие детей у черных женщин. Это очень подходило бы мести Маану. Однако Аквази явно потерял интерес к ребенку сразу же, как только Нора родила девочку, а Маану была достаточно занята ожиданием собственного малыша. Супруга заверила Аквази, что именно она подарит ему желанного сына.

— Это будет большой ребенок, — пророчествовала Нора гордой

Маану, когда та нанесла обязательный визит ей и Дэдэ. Молодая негритянка была прекрасной в своих пестрых африканских нарядах, которые сейчас носила постоянно, — во время беременности эти наряды были намного удобнее, чем платья белых женщин. Маану, как и раньше, была очень худощавой и держалась по-королевски прямо, ее волосы и кожа блестели, а живот уже выдавался далеко вперед, хотя до рождения ребенка оставалось еще три месяца. — Но роды будут нелегкими, — добавила Нора. — Ты должна попросить Нэнни вовремя привести сюда Толо. Тем более что...

Она покраснела.

— Обрезание не вредит родам, — злобно отреагировала Маану. — Толо заверила меня в этом. Нэнни будет рядом со мной, а вместе с ней — все духи племен ашанти и догонов.

— Я имела в виду не обрезание. — Норе было трудно коснуться этого вопроса, но у нее перед глазами все еще была Салли, и она вспомнила о замечании Толо, сделанном после обрезания Маану.

«Она была беременна...» Значит, у Маану тоже были выкидыши, хотя ей повезло, и она не истекла после них кровью. Однако рубцы и спайки у нее точно остались.

— Ты должна попросить Толо хотя бы о том, чтобы она осмотрела тебя до родов. Духи... Ну да, они, конечно, могут помочь, но в общем... Ты же и раньше знала, как это бывает.

Нора вспомнила о циничных замечаниях Маану о вере, молитвах и Боге.

— Я рожу сына Аквази с помощью королевы, — величественно сказала Маану. — И ты меня не запугаешь, белая миссис. Я сильная.

Нора на это ничего больше не сказала. Она снова перевела разговор на Дэдэ, на то, какая она миленькая и как хорошо сосет материнскую грудь. Маленькая девочка не создавала никаких проблем. Единственным, что бросалось в глаза и вызывало у всех женщин возгласы, в которых перемежались ужас, удивление, восхищение и страх, — были ее синие глаза. Хотя кожа Дэдэ была не такой темной, чтобы это могло вызвать сомнение в наличии белых предков. Однако большинство женщин в Нэнни-Тауне никогда не видели малыша со светлыми глазами, а в некоторых племенах рождение такого ребенка считалось недобрым знаком.

— Глупости! — засмеялась Толо и отрицательным движением руки отреагировала на слухи о том, что здесь якобы родился демон. — Конечно, плохо, когда черная женщина рождает белого ребенка. Бывает, что у него оказываются синие, голубые или даже иногда красные глаза, и это очень жутко. И чаще всего такой ребенок живет недолго. Но у этой маленькой

девочки все нормально. Она будет красивой, когда подрастет.

— Но глаза у нее могут стать зелеными, — заметила Нора, чтобы сразу же предупредить новые слухи о таинственно изменяющемся цвете глаз ребенка. — У меня самой сначала были синие глаза, пока мне не исполнилось несколько месяцев. Это означает, что большинство белых детей рождаются с синими или голубыми глазами.

Толо кивнула.

— Твоя Дэдэ — красавица и совершенно нормальная, и это хорошо, что она — девочка. Ребенку-метису никогда не будет легко, но красивой девочке все же будет легче жить, чем уродливой, а девочке-метиске легче, чем мальчику-метису.

Нору не удивило, что через три месяца после рождения Дейдрре Манса снова, плача, появилась перед ее дверью. Девочка поменяла место жительства с тех пор, как Аквази опять повадился одаривать Нору своим вниманием. Ведь Маану была на последних месяцах беременности, а Нора уже пришла в себя после рождения дочери и стала еще красивей, чем раньше.

Ее тело за это время привыкло к такой жизни, где было много солнца и труда, и с тех пор, как ее перестали мучить и поручать самую тяжелую работу, ее фигуре это даже пошло на пользу. Нора была худощавой и сильной, однако после рождения дочери приобрела выраженные женские формы. Кроме того, она кормила грудью, и груди ее были полными и упругими. Постоянное пребывание на солнце придало ее лицу золотисто-коричневый цвет, который подчеркивали разноцветные платки, — ими она по обычаю африканок повязывала свои волосы, постепенно выгоревшие до более светлого оттенка. Аквази снова стал возбуждать ее вид — его злоба на Нору и Дуга постепенно утихомирилась. Она изменила ему, и он ей отомстил, но теперь она стала полностью принадлежать ему, с кожей и волосами. Она родила ему ребенка.

Аквази стал несколько осторожней обращаться с Норой. До того, чтобы нежно любить ее, дело не доходило, и он, как и прежде, оставался при своем мнении: приличная женщина не имеет права наслаждаться любовью. Но теперь он, по крайней мере, разговаривал с ней более-менее любезно и не бил ее.

И, тем не менее, Нора ненавидела ночи с ним и боялась, когда он приходил к ней. Она приняла твердое решение не рожать ему больше детей, несмотря на то, что за это время очень полюбила Дэдэ. Фляжка от Толо постоянно находилась в числе других напитков и мазей, приготовленных самой Норой. При малейших признаках беременности она

тут же выпьет необходимое снабдьё.

Нора оттолкнула Аквази, который как раз собирался проникнуть в нее, когда услышала стук в дверь и плач. Она почти всегда сопротивлялась, он к этому привык и игнорировал ее протесты. То же самое он сделал и на этот раз.

— Прекрати, Аквази! — Нора сопротивлялась изо всех сил, но старалась не слишком шуметь, чтобы не разбудить Дэдэ. К счастью, у ребенка был крепкий сон. — Ты ведь слышишь, там что-то случилось, и, по-моему, это Манса. Что там с Маану? Ей ведь скоро рожать. Может быть...

Она приподнялась на руках, встала и быстро завернулась в полотенце, когда Аквази недовольно скатился с нее. Затем Нора поторопилась к двери. Как и ожидалось, Манса, всхлипывая, стояла перед дверью, опираясь на стену у входа.

— Вы должны прийти, миссис. Маану.. у Маану ребенок.

Нора затащила девочку в хижину.

— Это же прекрасно, Манса! — успокаивающе сказала она. — Ты уже позвала Нэнни? Она хотела присутствовать при родах, она же рядом живет.

Хижина Норы находилась на краю Нэнни-Тауна, что не нравилось Аквази. По обычаю каждая жена воина имела свой дом, но, как правило, в африканских деревнях они находились рядом. Однако круглые хижины в центре поселения были все заняты, а Маану даже и не думала о том, чтобы поменять свой привилегированный дом рядом с хижинкой королевы на дом раба где-то на периферии поселка.

— Нэнни уже несколько часов у нее, она говорит, что все нормально, но ребенок не появляется и не появляется. Маану страшно кричит. Ужасно...

— Это тебе только так кажется, Манса, — успокоила ее Нора. — Помнишь, я ведь тоже кричала, и ты боялась, но потом появилась Дэдэ, и все стало хорошо.

— Но этот ребенок не появляется, миссис. Нэнни говорит, что он может быть слишком большой. Он не проходит.. не проходит через... — Голос Мансы от ужаса был хриплым. — И из Маану так сильно льется кровь!

Нора резко вздохнула: этого она и боялась. Однако сама она вряд ли сможет сделать больше, чем Нэнни. Она не была акушеркой, для этого в Каскарилла Гардене было слишком мало детей. В чем она действительно понимала, так это в прекращении кровотечений после абортов. Если бы ребенок был уже здесь, тогда она смогла бы помочь Маану, однако сейчас...

— Идемте, миссис, пожалуйста!

Нора скрепя сердце начала собирать сумку с медикаментами.

— Маану не захочет моей помощи, а Нэнни — тем более, — сказала она.

Но теперь подключился Аквази. Он уже оделся и встал перед Мансой, которая снова начала плакать.

— Что ты говоришь, девочка? Ребенок не выходит? Мой сын умрет внутри Маану?

— Прежде всего, умрет Маану, — заметила Нора. — И вместе с ней поневоле умрет и ребенок, если не случится чудо.

— Нэнни вызовет богов, — объяснила Манса, — сожжет травы.

— И это, без сомнения, поможет, — саркастически заметила Нора. — Я могу попытаться кое-что сделать, Аквази, но для этого ты должен пойти со мной и заставить Маану подпустить меня к себе. И рассказать Нэнни, что боги уронили мне на голову звезду и призвали меня себе в помощь или что-нибудь подобное. Может быть, она этому поверит. Я сделаю все, что смогу, Аквази, но не возлагай на меня ответственность за случившееся, если твой сын или твоя дочь все же умрет.

Аквази был готов сейчас на что угодно, если бы только был шанс, что его долгожданный наследник появится на свет. Он даже нес за Норой ее сумку, чтобы они двигались быстрее. Когда по дороге к хижине Маану она завязывала на голове тюрбан, Аквази упрекнул ее за это.

— Я это делаю не для того, чтобы выглядеть красиво, а для того, чтобы волосы не падали мне в лицо, — крикнула на него Нора. — А ты, Манса, почему ты бежишь за нами? Маану ты не поможешь. Зато Дэдэ осталась в хижине совершенно одна. Иди туда и присмотри за ней или, ради Бога, принеси ее с собой, если боишься оставаться с ней. И прежде всего, прекрати плакать. Я знаю, что тебе тяжело, но постепенно ты должна научиться вести себя как взрослая женщина!

Манса с плачем повернула назад, а Нора пошла быстрее. Она надеялась, что девочка действительно позаботится о ее дочери. Обычно Манса хорошо справлялась с ребенком, а Дэдэ, вероятнее всего, будет мирно спать.

В хижине Маану пахло кровью и жжеными травами. Нэнни сидела на полу, держа в руках посудину с кипящим ладаном или чем-то подобным. Вещество распространяло здесь приятный запах, но также жару и дым. Нора сразу же закашлялась, а Маану на своей циновке была и без того вся мокрая от пота.

— Пусть прекратится, — выла она. — Нэнни, сделай же что-нибудь!

Когда у нее начались очередные схватки, она громко застонала, потом стала причитать. Манса, наверное, была права: Маану уже много часов провела в этой борьбе. Ее тело изогнулось, но головы ребенка все еще не было видно.

Аквази опустился на колени рядом со своей измученной плачущей женой.

— Маану, я привел миссис. Я хочу, чтобы она посмотрела тебя. Я хочу этого, значит, тебе не нужно сопротивляться. Она хочет тебе помочь.

Пылающий взгляд Маану встретил просительный взгляд мужа, ее глаза были красными.

— Если кто-то сможет сделать так, чтобы это прекратилось, то пусть это будет хоть сам дьявол! — процедила она сквозь зубы, прежде чем снова закричать.

Нора отодвинула Нэнни в сторону. Знахарка находилась в каком-то трансе и пела странную заунывную песню — она была сейчас ближе к богам, чем к своей пациентке. Нора раздвинула ноги Маану пошире. Очевидно, плодный пузырь давно лопнул, и, действительно, кровотечение было сильным. Однако все было не так плохо, как описывала Манса. Нора запустила руки в миску с мазью из алоэ вера и свиного жира, чтобы они стали скользкими. Она сначала ощупала живот Маану, а затем ее вагину.

— Королева права, ребенок лежит правильно, — сказала она коротко. — Однако он очень большой. Для того, чтобы все расширилось, нужно время, и, вероятно, там будут разрывы. Может быть, внутри у тебя кое-что срослось, после... после того, что баккра с тобой... Я попытаюсь нащупать это. А ты должна помочь ребенку и мне. Но перед этим...

Нора поискала в своей сумке флягу. Еще одно снадобье от Толо, которое должно было снять боль. Нора не знала, как его готовить, но подозревала, что Толо высаживает лекарственные растения, из которых можно сварить сонный напиток.

Маану после этого снадобья действительно стала спокойнее, и Нора смогла нащупать головку ребенка, когда роженица немного расслабилась. Однако малыш сидел крепко.

— Я не знаю, жив ли еще ребенок, — взволнованно сказала Нора. — Но в любом случае его нужно оттуда извлечь, долго он не выдержит. Теперь ты должен мне помочь, Аквази. А ты, Маану... Маану должна тужиться, как бы страшно это ни было. Выпрями ее, подними ее так, чтобы она сидела, и дави на ее живот, когда придут очередные схватки.

У Норы были маленькие худые руки — они соскальзывали с головы ребенка, когда она пыталась обхватить ее и вытащить наружу. Но жир на ее

руках помог. Родовой канал стал скользким, и ребенок начал двигаться. В то время как Маану кричала нечеловеческим голосом, он, наконец, выскользнул наружу. Это был действительно необыкновенно большой малыш. Мальчик. Когда Нора подняла его за ножки вверх и шлепнула по попке, ребенок протестующе заорал.

Из Маану текла кровь, но это было то, в чем Нора разбиралась. Она отдала ребенка беспомощному Аквази и постепенно приходящей в себя Грэнни Нэнни. Жрица начала тут же вызывать богов и духов для покровительства новому человечку. Нора занималась Маану, которая сейчас плакала от усталости. Из нее текло, но это была не пенящаяся яркая кровь, и она не била фонтаном. Значит, внутренних повреждений не было. Спустя немного времени вышло детское место, и кровотечение заметно уменьшилось. Когда через полчаса в хижину зашла Манса с орущей Дэдэ на руках — она одна не выдержала в хижине с ребенком, а по дороге девочка проснулась, — то мальчик, запеленутый в чистую ткань, уже лежал в объятиях своей матери.

— Иди сюда, Манса, — устало сказала Нора и взяла у девочки из рук свою дочь. — У тебя есть маленький племянник. И не беспокойся за свою сестру — и он, и она будут жить.

Она была удивлена, когда после этого Маану обратилась не к своей сестре, а к Норе.

— Спасибо, — прошептала она, — спасибо, миссис.

Нора со слезами на глазах вздохнула.

— Ты уже не моя рабыня, Маану, как за последние месяцы сама неоднократно заверяла меня. Вот если бы ты начала называть меня Норой...

Месть

**КАСКАРИЛЛА ГАРДЕНС, НЭННИ-
ТАУН, СПЭНИШ-ТАУН**

Осень 1738 — осень 1739 года

Глава 1

— У вас здесь бегают так много девочек, мистер Фортнэм, и все они производят впечатление очень воспитанных. Не могли бы вы уступить мне одну из них в качестве служанки?

Леди Холлистер усиленно махала веером, пытаясь охладиться. По ямайским меркам на новой террасе Дуга Фортнэма было приятно и свежо, однако несколько полноватая леди разогрелась во время танца. Дуг не жалел усилий и средств. После того как наконец заставил себя спроектировать и возвести новый дом, он устроил бал по случаю новоселья. Праздник был великолепным, и специально нанятый для этого учитель танцев поддерживал гостей в движении. Для леди Холлистер это было немного слишком. Дуг заботливо провел тяжело дышащую даму назад, к столику ее супруга, и кивнул одной из служанок, чтобы ей подали жулеп [\[13\]](#).

— Если я смогу уговорить одну из девочек... — добродушно ответил на ее вопрос Дуг. — Вы, конечно, правы, у меня слишком много домашних рабов.

Причем Адвеа великолепно держит их всех в кулаке, даже детей из Африки.

— Вы используете африканский импорт в качестве домашних рабов? — удивленно спросил лорд Холлистер, в то время как его жена напряженно морщила лоб, размышляя о планах Дуга. — Но тут гораздо больше оправдывают себя рабы... э... второго поколения.

Дуг подавил ухмылку, вспомнив о своеобразном методе производства послушных слуг, который использовал лорд Холлистер. Ни одна из домашних рабынь не была защищена от посягательств любвеобильного плантатора.

Дуглас Фортнэм пожал плечами.

— А что же делать? У меня много очень молодых чернокожих. Я не могу сразу всех послать на плантации. Таким образом, молодые парни идут на обучение к ремесленникам — у меня много хороших столяров, как видите. — Он указал на перила вокруг террасы своего нового дома, на деревянный садовый павильон и на украшенные искусной резьбой башенки и балконы. — И прекрасных мастеров по изготовлению спиртных напитков.

Дуг взял свой бокал и кивнул соседям.

— Да, но девочкам за пределами дома делать нечего, они все работают у Адвеа на кухне и в доме.

— Вы действительно должны пару из них продать, — с завистью сказала леди. — Тут они только мешают друг другу, в то время как ваши соседи заламывают руки в поисках хороших домашних слуг.

Губы Дуга сжались в узкую жесткую полоску.

— Каскарилла Гардене не продает рабов, — сухо сказал он. — Люди здесь живут семьями. Я дал им слово, что не буду их разлучать.

Лорд Холлистер рассмеялся, а Кристофер Кинсли, который только что занял место за столом и вряд ли дышал намного свободнее, чем леди Холлистер, тут же взял слово.

— Поэтому у вас так много черных дармоедов, которые не приносят никакой прибыли! — насмешливо сказал он. — Торговцы рабами всегда рады видеть вас. Говорят, Дуг Фортнэм выкупает у них никому не нужные остатки!

Дуг провел пальцами по лбу. Он не хотел ссориться с соседями и, конечно же, знал, что в Кингстоне над ним посмеиваются. При этом он в последнее время вообще не покупал рабов и старался держаться подальше от рынков — его ничто не влекло к торговцам людьми. Когда после нападения маронов он все-таки вынужден был купить новых рабов, его постоянно мучили сомнения — как сделать так, чтобы не разделять мужей и жен, матерей и детей. Он купил целую семью и трех-четырёх матерей вместе с их сыновьями и дочерьми. Он не жалел об этом, и не напрасно: эти люди стали самыми старательными его работниками. Они были благодарны ему и не строили никаких планов побега.

В своих глазах Дуг не совершил никакой убыточной сделки. Каскарилла Гардене через пять лет после нападения маронов имела одного-единственного надсмотрщика. Сэкономленная Дугом плата, обычно выделяемая надзирателям, уже перевешивала цену пары детей в десять раз. Попытку довести такие расчеты до Холлистера и Кинсли он уже давно оставил. Они, как и раньше, делали главную ставку на удары плетью и строгую дисциплину.

— Ну, как видите, эти остатки из торговых лавок великолепно оправдали себя, — чтобы утереть им носы, произнес Дуг и взял новый бокал с подноса, который в великолепной манере подала ему служанка, сделавшая книксен. — Это, например, Алима.

Девочка, как подобает, опустила глаза. Алима была робкой: ее родители принадлежали к мусульманской вере и очень следили за тем, чтобы она ни с кем не кокетничала, как некоторые девочки ее возраста.

— Алимe сейчас около шестнадцати, она попала сюда из Африки в возрасте десяти или одиннадцати лет. Адвеа говорит, что она умелая и старательная. Должность служанки в доме ей, наверное, понравится. Или нет, Алима?

Девушка подняла взгляд и посмотрела на него. В ней проснулось любопытство. Дуг улыбнулся ей. У Алимы было тонко очерченное лицо с высокими скулами и круглыми, темно-коричневыми, как орех, глазами, которые все еще совершенно невинно смотрели на мир вокруг. К своему форменному платью служанки, украшенному кружевами, — Дуг действительно старался устроить праздник по высшему разряду, — она надела голубой, как небо, тюрбан, под которым спрятала короткие курчавые волосы.

— Я люблю красивые вещи, баккра Дуг, — сказала служанка кротким голосом. Она говорила по-английски с певучим африканским акцентом. — Люблю полировать новую мебель!

Алима с восхищением и любовью окинула взглядом изящные, тонко обработанные кресла, столы и комоды, которые Дуг заказал для этого дома в Англии. Большую часть из них выбрали для него леди Холлистер и ее племянница: сам Дуг абсолютно не интересовался элегантной обстановкой, он с удовольствием обошелся бы простыми столами и стульями из его собственной столярной мастерской. Но он старался не слишком выделяться. Уже и без того было достаточно расхождений во мнениях между ним и другими плантаторами, а в данном случае ему не нужно было делать все по-другому — ведь это всего лишь обстановка дома. Однако все это означало, что в будущем ему придется искать себе жену.

Дугу стало нехорошо от одной только этой мысли. Он потерял Нору несколько лет назад, но до сих пор каждый день просыпался, думая о ней, и каждую ночь ему нужен был ром, чтобы не подпустить ее дух близко к себе, чтобы снова и снова не плакать по ней. Часто Дуглас думал о том, что лучше бы он умер вместе с ней, вместо того чтобы жить дальше без нее, но, с другой стороны... Ей однозначно понравились бы изменения в Каскарилла Гардене. Никто не знал об этом, но все здесь — и дом, и поселение рабов, и новые обычаи в обхождении с ними, и забота Дуга об их детях — было памятником Норе Фортнэм. Дуг даже построил хижину у моря — собственными руками, из дерева и пальмовых листьев. Когда на него нападала тоска, он садился на Аврору, ехал на побережье, привязывал лошадь Норы на их заветном месте и ходил по пляжу, по которому ходила Она, плавал там, где плавала Она, и предавался своей печали в хижине, о которой Она мечтала. Он спрашивал себя, не смеется ли дух Саймона

Гринборо над этим... Может быть, Дуг построил памятник ему, а не своей любимой. Однако здесь он просто чувствовал себя ближе к ней, чем возле могилы на семейном кладбище Фортнэмов, где были похоронены ужасные останки погибших в ту ночь.

— Может быть, тебе понравится приводить в порядок красивую одежду?

Дуг снова обратился к Алиме.

Ему нельзя позволять себе предаваться горестным мыслям. Нынче его праздник, его соседи и партнеры по торговле должны знать, что плантация Фортнэма снова стала тем, чем была всегда, — крепким предприятием с хозяином, который знает, что делает. Пусть даже он что-то делает не так, как остальные.

Алима просияла.

— С удовольствием, баккра! — взволнованно воскликнула она.

Дуг кивнул ей.

— Тогда нам придется поговорить об этом, — сказал он и отпустил девушку, после того как она подала поднос также Кинсли и Холлистеру. Последний как-то странно посмотрел на нее. Дугу его взгляд не понравился. Может быть, идея послать Алиму в услужение к нему в дом была не очень хорошей. — Вы слышали это, леди Холлистер? — тем не менее, спокойно сказал он. — Девушка вроде бы согласна. Но я, конечно, должен буду еще поговорить с ее родителями.

— Нам в первую очередь надо поговорить о ее цене, — заявил лорд Холлистер. — Мы не хотим никаких подарков, это милое дитя не может быть дешевым.

Дуг снова плотно сжал губы.

— Я уже сказал, что здесь никто никого не выставляет на продажу, — заявил он. Затем Фортнэм посмотрел на жену Холлистера.

— Если я пришло к вам Алиму, миледи, то только взаймы. Я отдам ее в ваше распоряжение на пару лет, а вы по истечении срока вернете мне прекрасно обученную горничную.

Кристофер Кинсли похотливо ухмыльнулся.

— И что вы хотите потом делать с этой комнатной кошечкой? Вы что, сами не в состоянии надеть панталоны? Или снять их?

Мужчины громогласно расхохотались.

Дуг постарался не выдать поднимающуюся в нем ярость.

— Я предпочитаю бриджи, — заметил он, в то время как на лице леди Холлистер появилась всезнающая улыбка.

— Самому мистеру Фортнэму, вероятно, эта девочка не нужна, —

сказала она, и ее голос звучал словно мурлыканье. — Но когда-нибудь у него появится миссис Фортнэм...

Дуг постарался улыбнуться ей.

— Именно об этом я и думал, — сказал он. — И поскольку мы сейчас затронули такую волнующую тему — где же пропадает ваша прекрасная племянница, леди Холлистер? Мне кажется, она не подарила мне сегодня ни единого танца. Неужели она находит нашего очаровательного танцмейстера более привлекательным, чем я?

На пухлом лице леди Холлистер появилась довольная улыбка.

— Ну, тогда вам нужно отправляться на ее поиски, — промурлыкала она. — Не дай Бог, кто-то опередит вас.

Дуг, прекрасно знавший, что никто не будет стоять в очереди, чтобы поухаживать за Люсиль Хорнби, — девушка была не только глупой и толстой, но к тому же происходила из неимущей семьи лондонских чиновников, — поднялся с видом человека, обязанного исполнить свой долг.

— Вы все слышали, господа, и, конечно, извините меня.

Дуг поправлял свой светло-голубой элегантный камзол и манжеты с кружевами, пересекая просторный бальный зал. Он был достаточно велик для таких званых вечеров, как этот, однако не казался переполненным, а скорее производил впечатление наполненной светом террасы.

Нора любила бы этот зал... Дуг взял себя в руки. Он должен был, наконец, перестать беспрерывно думать о ней. Хотя бы потому, что ему пора было увидеть в дочерях и племянницах соседей-плантаторов нечто иное, нежели бесконечный ряд пустых, жеманно хихикающих девок в белых платьях, которые не говорили ни о чем, кроме жары и тяжелой жизни в колонии. Может быть, он все же задержался бы возле Люсиль Хорнби.

Дуг выпрямился и пригласил первую же стоявшую близко к нему девушку на танец. Ему просто нужно было забыть Нору.

Алима немножко поплакала, когда Дуг предложил ей в ближайшие годы поработать служанкой у леди Холлистер. Однако больше всего плакала мать Алимы Хадиджа, которая не могла себе представить, как разлучится со своей дочерью. Отец, крепкий приземистый африканец по имени Маалик, воспринял все спокойнее.

— Когда выходить замуж, тоже прочь, — объяснил он, — а здесь нет мужа для нее. Холлистер жить Кингстон, Кингстон больше мусульман.

Дуг видел, что у него будут осложнения. Если какой-то молодой человек проявит интерес к Алиме, придется купить и его. Он не думал,

что в хозяйстве Холлистеров найдется кто-то из собратьев Маалика по вере. Домашние рабы в Кингстоне большей частью были кем угодно, только не африканскими арабами, а с полевыми рабами на плантации Холлистеров Алима вряд ли будет общаться. Уже не говоря о том, что проповедник Стивенс посещал Холлистеров так же часто, как и Фортнэмов, причем там богослужение было обязательным. Если у Холлистеров какой-то раб и сохранял свою старую, обычно даже в Африке редкую веру, то ему приходилось делать это тайно. Стивенс считал ислам порождением дьявола. Дуг уже когда-то коротко и очень осторожно поговорил со священником об этом — и был незамедлительно наказан за это многочасовой проповедью. И хотя Дуглас так и не понял, во что же, собственно, верили Маалик и его семья, теперь он вполне мог представить себе священника в качестве проповедника ненависти в каком-нибудь крестовом походе.

— Алима ни в коем случае не уходит навсегда, — успокоил Дуг плачущую мать. — Когда Холлистеры будут жить на плантации или приезжать сюда, ко мне в гости, то леди, разумеется, будет брать служанку с собой, а вы сможете посещать Алиму в Кингстоне по воскресеньям. Впрочем, я не думаю, что леди Холлистер даст ей выходной на целый день, а туда путь не близкий — вы сможете проводить с ней только час-другой, но, со своей стороны, я не возражаю. Я буду давать вам пропуск, если хотите, каждое воскресенье.

— А ее там не продадут?

Это вмешался Квадро. Он, как и раньше, выполнял обязанности буша, и Дуг обычно звал его, если нужно было посоветоваться о чем-то важном. Зачастую старому колдуну-обеа было легче объяснить что-то новым рабам из Африки. В конце концов, они не умели толком общаться даже на скудном английском рабов, и Дуг зачастую не знал, понимают ли они, когда им объясняют что-то сложное. Квадро мог лучше понять их образ мышления.

Дуг покачал головой.

— Нет, Алиму не продадут. Она остается моей собственностью, и когда-нибудь мы заберем ее назад. Если... когда я... — Он замолчал.

Квадро с пониманием посмотрел на него. В его глазах светилось сочувствие. Он-то знал, что было между его хозяином и Норой.

— Вы не должны были строить дом для ее дуппи, — сказал он с отсутствующим взглядом как бы мимоходом. — Так он никогда отсюда не уйдет...

Квадро с превеликим скептицизмом наблюдал за тем, как Дуг строил

хижину на берегу океана. С тех пор, как запрет на проведение церемоний обеа в Каскарилла Гардене был снят, вокруг дома Квадво появились маленькие строения, которые должны были приглашать духов жить там. Дугу они напоминали собачьи будки, но он ничего не говорил по этому поводу.

— Может быть, я не хочу, чтобы он совсем ушел, Квадво, — пробормотал он. — Но давай оставим это, сейчас мы говорим об Алиме. Я настоятельно объясню леди Холлистер, что девушка не является ее собственностью, и потребую, чтобы с ней обращались хорошо, и чтобы ее честь была в неприкосновенности.

Последнее обещание Дуга прозвучало почти угрожающе. Это ему придется объяснить, прежде всего, супругу леди Холлистер.

— Для всеобщего спокойствия было бы хорошо, если бы она присутствовала на богослужениях священника, но можно будет найти отговорки, если она не сможет принудить себя к этому. Молиться леди ей не запретит, если это не будет происходить в рабочее время. Ну, это вы и сами знаете.

В Каскарилла Гардене мусульмане должны были совершать свои молебны после работы.

— Итак, как ты, Алима? У тебя есть желание поработать у леди Холлистер?

Алима снова опустила глаза.

— Если мама не очень печальная, а папа не злой, тогда с удовольствием. Я люблю красивую одежду, леди Холлистер очень красивая женщина. И мисси Хорнби — такая красивая леди...

«По последнему пункту, — подумал Дуг без всякого почтения, — мнения могут не совпадать, однако если Алиме нравится ее новая хозяйка, то тем лучше».

И действительно, эта сделка поначалу была вполне приятной для всех участников. Дуг привез девушку в Кингстон и обсудил с леди Холлистер все самое важное. Лорда, к сожалению, в это время не было дома, однако Дуглас достаточно четко объяснил свое мнение по поводу чести девушки.

— Конечно, мистер Фортнэм, о чем вы думаете? — рассмеялась леди Холлистер. — Девушка при мне будет в такой же безопасности, как на коленях у Авраама. Хотя у нас, конечно, есть парочка безумно красивых домашних слуг, — захихикала она.

Дугу пришлось держать себя в руках, чтобы не закатить глаза.

Неужели женщина действительно не замечала, как все эти юные мулаты похожи на ее мужа?

— Я уверен, что сама Алима очень сдержанная девушка, — сказал он, не отвечая на улыбку леди. — Но ваша задача заключается в том, чтобы эта сдержанность также проявлялась к ней со стороны всех мужчин в вашем доме.

Леди кивнула, явно по-прежнему находясь в веселом настроении. Дуг вздохнул. Более четко и ясно он выразиться не мог.

Он выбрал время, чтобы проведать Алиму в ее новом доме, ровно через неделю и встретил там всеобщее удовлетворение. Леди Холлистер была в восторге от предупредительности и вежливости Алимы, а сама Алима — от платья с кружевами и фартуком, которое должна была носить здесь каждый день. Она не переставала мечтать о красивых вещах леди Холлистер и болтала о всяких прическах и гриме.

«Если так будет продолжаться и дальше, то она скоро будет такой же болтливой, как Люсиль», — с легкой досадой подумал Дуг. Он считал большинство девушек-рабынь намного более интересными, чем молодые дамы из высшего общества, но, разумеется, сам никогда бы не прикоснулся к ним.

Еще через неделю Маалик и Хадиджа отправились пешком в Кингстон — Дуг все еще удивлялся, как легко урожденные африканцы переносят длинный путь по раскаленной жаре. Они вернулись, сияя. Хадиджа была очень рада, что Алиме нравилась ее новая должность и что она там многому научилась.

— Она делать белый вещь на лицо хозяйки. — Хадиджа повеселила Дуга, описывая ежедневное нанесение грима на лицо леди. — Зачем так делать, баккра? Он уже и так белый!

Дуг предоставил Квадро рассказать ей о моде белых хозяев, а сам, уже озабоченно, стал слушать не менее восторженного Маалика. Тот встретил на рынке чернокожего мусульманина из того же племени, что и он сам.

— Может быть, муж для Алимы. Говорит, баккра хороший. Может быть, купит Алиму.

Дуг снова потер лоб.

Ни с того ни с сего такой заботливый отец вдруг перестал иметь что-то против того, чтобы его дочь продали. Жаль, что Нора не могла этого слышать.

Затем несколько недель подряд он ничего не слышал об Алиме, кроме случайных замечаний Адвеа, из которых можно было понять, что у девушки все хорошо. Повариха в разговорах с другими домашними рабынями приводила ее саму и ее новую должность, как яркий положительный пример. Фразы вроде «если не будешь стараться, никогда

не получишь красивое платье, как Алима», «ты делать хорошо, тогда, может, тоже будешь служанкой у красивой дамы, как Алима», — вскоре стали ее стандартными угрозами или, наоборот, поощрениями. Маалик и Хадиджа каждое второе или третье воскресенье спрашивали разрешения на поход в Кингстон, а когда Дуг приглашал Холлистеров, с ними в Каскарилла Гардене приезжала Алима и до полуночи рассказывала о чудесах своей жизни у леди подружкам, которые слушали ее с нескрываемой завистью.

Леди, со своей стороны, так же, как и ее племянница, не могли нахвалиться служанкой, и на всех рождественских праздниках и балах, где после окончания сбора урожая частенько собиралось кингстонское высшее общество, наперебой благодарили Дуга.

— Вот тут нам удалось всех сделать счастливыми, — сказал он своему надсмотрщику, мистеру Мак-Клауду, с которым рождественским вечером распивал пунш из рома. — Но смотрите, чтобы завтра и для Алимы был подарок.

Дуг имел обыкновение одаривать своих рабов на Рождество небольшими презентами, чаще всего спиртным из сахарного тростника. Мусульмане же получали в подарок кофейные бобы или чай.

— Холлистеры, правда, сейчас в Кингстоне, но для родителей будет важно знать, что мы девушку не забываем. Она все же принадлежит плантации Каскарилла Гардене.

Ян Мак-Клауд расслабленно кивнул.

— Она придет на следующей неделе, — заявил он. — Это мне Маалик рассказал, он был очень счастлив. А сами Холлистеры на пару дней уедут на свою плантацию.

Дуг ухмыльнулся.

— Понятно, сейчас время для перегонки рома. Старик не выпустит это дело из своих рук, и скоро будут видны результаты. — Он поднял свой бокал и подмигнул Яну. — Я признаюсь, что дал им взаймы Алиму, потому что в качестве встречного жеста старик выделил мне пару бочек рома.

Мак-Клауд рассмеялся.

— Я сказал отцу Алимы, что она сможет снова жить в его хижине. Надеюсь, что вы не будете возражать.

Дуг пожал плечами.

— Если леди не будет настаивать, чтобы она спала у нее на пороге... Некоторые дамы ведь не могут и трех минут обойтись без своих служанок. А в остальном...

Лицо Мак-Клауда стало серьезным.

— Я не хочу сказать ничего неуважительного о лорде Холлистере, — заметил он, — но малышке, пожалуй, не стоит спать здесь на пороге своей хозяйки. В Кингстоне ведь у Холлистеров бочышое хозяйство, но здесь...

Дуг понимающе кивнул.

— Здесь ее порог является также его порогом. Я уже понял вас, Ян. И вы абсолютно правы. Если будут какие-то проблемы, то я найду заслуживающие доверия слова для Холлистеров. Честь девушки не должна подвергаться опасности.

Глава 2

Через неделю Алима действительно поселилась в хижине своих родителей, однако леди Холлистер отпустила ее с явным неудовольствием. Она аргументировала это тем, что девушке придется совершать длительные переходы и что она точно так же могла бы ночевать в помещении для рабов на плантации Холлистера.

— Но она там никого не знает, — настаивал Дуг. — И одной среди чужих полевых негров для нее будет опаснее, чем по дороге домой, когда все уже будут спать. Хотя при этом возникает вопрос, почему она должна работать у вас до полуночи. Отпускайте девушку на закате — тогда она попадет домой с последними лучами солнца, и все будут довольны.

Леди Холлистер нехотя согласилась, однако Алима все же приходила в Каскарилла Гардене поздно ночью. Ее приход не давал Маалику и Хадидже уснуть, ведь они, конечно, хотели еще поговорить с ней и угостить ее вкусной едой. Дуг был от этого не в восторге, но на людях воспринимал как должное, чтобы не портить настроение Холлистерам. До тех пор, пока однажды Алима не вернулась домой намного раньше, потому что случилась катастрофа.

Дуг уже переоделся в шлафрок, удобно устроился в своем кабинете и читал книгу, когда кто-то так громко постучал в двери господского дома, что звук этот был слышен даже в подсобных помещениях.

Слуга, открывший дверь, о чем-то взволнованно дискутировал с несколькими мужчинами. Дуг узнал голос своего надсмотрщика. Недовольно вздохнув, он встал, чтобы посмотреть, в чем там дело, но слуга уже впустил поздних гостей. Когда Дуг вышел к ним навстречу в просторную приемную, он увидел МакКлауда, Квадво и Маалика. Все были в состоянии чрезвычайного волнения. Полевой раб сразу же, как только увидел Дуга, упал перед ним на пол.

— Хорошая девочка, она очень хорошая девочка! Не убивать, она не хотела, нет...

Мужчина плакал и пытался обнять ноги Дуга. Квадво ему помешал.

— Прекрати, Маалик, этого здесь не делают!

Мак-Клауд смущенно смотрел на мужчину, находившегося в состоянии крайнего отчаяния.

— Она хорошая, не надо ее вешать! Она...

— Мне может кто-нибудь объяснить, что здесь происходит? —

спросил Дуг. — Встань, Маалик, и говори правильно. Или пусть кто-то другой расскажет. Мистер Мак...

— Я и сам пока что не все понял, мистер Фортнэм, — признался надсмотрщик. — Я только слышал от других рабов, что Алима снова здесь. Я подумал, что леди просто пораньше отпустила ее с работы. Но затем прибежал Маалик, и вот, он делал то же самое, что сейчас пытается сделать у вас. Он был вне себя от отчаяния. Я позвал Квадво. Тот поговорил с ним. А я пошел в его хижину, чтобы найти девушку, но она тоже ведет себя как-то ненормально. Когда я зашел к ним, она забилась в угол и только причитала и плакала. Говорила, что она этого не хотела и что теперь ее точно повесят. Мать кричала и билась в истерике. Единственное, чего я от них добился, так это то, что они сказали, что Алима убежала.

Дуг пожал плечами.

— Ну и что? Это точно какое-то недоразумение. Завтра мы все выясним. Но я могу понять девушку, наверное, она что-то сделала не так, а дама тут же пригрозила выпороть ее плетью. Холлистеры в этом деле весьма скоры на руку. Теперь она еще и убежала. Но пусть не боится. С правовой точки зрения она является моей собственностью. Власти ей ничего не сделают, даже если леди заявит на нее. Тем более повесить... — Он усмехнулся.

Мак-Клауд покачал головой.

— Я сожалею, мистер Фортнэм, но дело на самом деле обстоит намного серьезней. Судя по тому, что Квадво сейчас рассказал мне, вполне возможно, что девушке действительно угрожает виселица. В любом случае до завтра это дело откладывать нельзя, хотя мне жаль беспокоить вас.

Ян Мак-Клауд бывал иногда чересчур многословным, но его решения чаще всего оказывались единственно правильными.

Дуг вооружился терпением.

— Тогда рассказывай, Квадво, — сказал он. — Или нет. Идемте в мой кабинет и там все сядем. Я вам даже рому дам, а Маалику — самый большой бокал, и мне все равно, что скажет по этому поводу его бог. Это — лекарство, человек должен успокоиться.

Квадво, явно пораженный видом тяжелой мебели, так же, как и многочисленными бутылками на шкафу, сел на ковер, лежавший на полу в господском кабинете. Он с достоинством принял бокал рома и сунул еще один бокал в руку все еще причитающему Маалику.

— Значит, если я все понял правильно, то это случилось с девушкой сегодня после обеда, — начал старик свой доклад. — Алима... Как это называется, когда платье делают гладким такой железной штукой...

— Гладят утюгом, — сказал Мак-Клауд.

Квадро кивнул.

— Девушка гладила одежду...

Алима выполняла свою работу в комнате для переодевания своей госпожи, как и всегда. Однако эта комната была намного меньше, чем в Кингстоне. Дом Холлистеров на плантации был скромнее, чем обычные господские дома, в том числе и в поместье Каскарилла Гардене или на плантации Кинсли. Здесь почти не было комнат для гостей и не было зала для балов, и лорд и леди должны были делить между собой комнату для переодевания. Однако это не играло особой роли, поскольку леди Холлистер любила поспать подольше. Когда Алима утром заходила к ней, чтобы принести ей чай, причесать, накрасить и помочь одеться, лорд уже давно находился на своей перегонной установке, занимаясь знаменитым ромом Холлистера.

Но Алима не подумала ничего плохого, когда Холлистер неожиданно вернулся. Она лишь робко опустила глаза, как делала всегда, встречаясь с баккра, и пробормотала вежливое приветствие. Однако она сразу же заметила — что-то тут не то, когда лорд не прошел дальше в свою спальню, а остановился и уставился на нее долгим взглядом. При этом в комнате для переодевания, когда там гладили белье и одежду, находиться было не очень приятно. Алима разогрела утюг, который наполнялся раскаленными углями, да еще целое ведро углей принесла из кухни. Они тлели в ведерке возле окна, распространяя, как и сам утюг, невыносимый жар в этот и без того жаркий день. Несмотря на то, что Алима привыкла к теплу, у нее на лбу выступил пот.

— Ты — милая девочка, — наконец заметил лорд.

Алима покраснела. Она не знала, что ей ответить.

— Я думаю, тебе хотелось бы получить новое платье?

Алима удивилась. Почему лорд вдруг захотел подарить ей новое платье? Ну, конечно, недавно было Рождество, и в поместье Каскарилла Гардене рабы всегда получали на праздник новую одежду. Может быть, просто Холлистер делал подарки с опозданием?

— Ну, говори же, Шоколадка... — Голос лорда звучал настойчиво и как-то глухо. — Так тебя надо называть — Шоколадка. Ты такая черная... У меня никогда не было такой черной, как ты.

Алиме больше всего хотелось убежать, особенно когда лорд приблизился к ней. Конечно, она была черной, в конце концов, она же родом из Африки. Все в ее роду были черными. А цвет кожи домашних слуг Холлистеров был скорее светло-коричневым. Но почему это должно

быть таким важным?

— Ну что, Шоколадка?

— Я люблю красивую одежду, — сказала Алима уклончиво.

Лорд ухмыльнулся.

— Я тоже, — заметил он каким-то странно хриплым и приглушенным голосом, как будто сообщая девушке какую-то тайну. — Но иногда... Когда так жарко... ужасно хочется ее снять.

Алима с ужасом краем глаза увидела, как лорд стягивает с себя шелковые чулки и развязывает ленты на брюках. В конце концов, это была его комната для переодевания. Это было его право... Если бы он только сначала отпустил ее.

Алима старалась не смотреть на своего господина. Если она сделает вид, что ничего не замечает, может быть, он наденет другие брюки и уйдет. Она отвернулась и наполнила утюг свежими раскаленными углями. Сейчас было очень жарко, ей надо было полностью сконцентрироваться, чтобы не прожечь утюгом кружевную ночную рубашку ее хозяйки. Алима направила все внимание на свою работу и испугалась до смерти, когда Холлистер внезапно обхватил ее сзади.

— Иди сюда, маленькая Шоколадка, и разденься тоже. Подожди, я помогу тебе.

Лорд повернул девушку к себе, и Алима взором, полным ужаса, уставилась на его оголенную нижнюю часть туловища. Конечно, она уже иногда видела голых мужчин — в Африке и иногда краешком глаза во время купания в Каскарилла Гардене. Однако у них все не выглядело таким огромным. Половые органы мальчиков никогда не торчали, как палка или кол, на который ее могли нанизать, как на вертел. А баккра явно хотел проделать с ней нечто подобное. Он приблизился к Алиме. Она со страхом отошла назад.

— Нет, баккра. Не хотеть новое платье...

Алима отошла еще дальше. Она старалась не смотреть на половые органы Холлистера. Но ей некуда было больше деться, разве что отступить в комнату миссис. Мужчина схватил ее за руку и хотел притянуть к себе...

Алима все еще держала утюг — в вытянутой руке, чтобы не прожечь свои собственные юбки. Однако сейчас... Утюг был ее единственным оружием. Не владея собой от ужаса, девушка резко выставила его вперед. Раскаленное тяжелое железо попало лорду Холлистеру между ног — именно туда, откуда торчал кол. Алима держала утюг крепко, одно или два мгновения, пока крик хозяина не вернул ее в сознание. Холлистер упал, крича от боли, прямо к ее ногам, и Алима уронила утюг. Конечно, из него

на лорда посыпались угли, и он заорал еще громче. Алима бросилась бежать и столкнулась в дверях со своей хозяйкой, которая тоже начала кричать, увидев мужа на полу. Между тем его рубашка загорелась. Алима проскочила мимо хозяйки. А больше девушка ничего не помнила. Она только бежала — сначала по лестницам вниз, затем выскочила из дому и устремилась в направлении Каскарилла Гардене. Единственное, что еще звучало у нее в ушах, так это крики ее хозяйки:

— За это тебя повесят!

— Она ударила его утюгом в... мягкие части тела? — спросил Дуг.

Несмотря на серьезность ситуации, ему пришлось держать себя в руках, чтобы не улыбнуться. Пожалуй, старый развратник получил именно то, что заслужил.

— Так я понял ее отца, — ответил Квадво.

Он указал на Маалика, который стоял на коленях рядом с ним. Голос Квадво звучал чрезвычайно встревоженно.

— И девушка тоже сказала что-то подобное, — добавил МакКлауд. — Тогда я толком ничего не понял, зато теперь...

Дуг коснулся пальцами виска.

— Да, для нее все обернется плохо, — пробормотал он и повернулся к Маалику, который, выпив большой стакан рома, посмотрел на мир с некоторой надеждой. С надеждой, которую сейчас его хозяин должен был уничтожить.

— Мне очень жаль, Маалик, но если Алима действительно нанесла Холлистеру тяжелые ранения, и, тем более, если он умрет, то я не смогу ее защитить.

Маалик издал звук, похожий на рыдание.

Дуг сокрушенно вздохнул.

— Она является моей собственностью, и я могу защитить ее от своевольных наказаний. Но в случае убийства в дело вступает закон короны, все равно, раб это или свободный человек.

— Она хорошая девочка... — плакал Маалик.

— Она всего лишь защищалась, — заметил Мак-Клауд.

Дуг скривил лицо.

— Сначала ей должны поверить. Более того, она должна доказать, что он хотел ее изнасиловать. И даже если бы она это смогла — кому из вас надо объяснять, чего стоит честь какой-то негритянки.

Мак-Клауд опустил голову. Квадво пытался что-то объяснить Маалику на абсолютно непонятном для Дуга голубином языке.

Фортнэм выпрямился.

— Как бы там ни было, нам сейчас как-то нужно справиться с ситуацией. Лучше всего будет, если я завтра сначала поеду туда и посмотрю, что там произошло. Может быть, дела не так уж плохи. А в случае чего... Девушка должна сейчас же собрать свои вещи, а ты, Квадво, объяснишь ей, как обойти Кингстон стороной, чтобы попасть в горы.

— Вы хотите..? Она должна..? Вы хотите отпустить ее на свободу?

Ян Мак-Клауд смотрел на Дуга, ничего не понимая, и Квадво был удивлен не меньше.

Дуг пожал плечами.

— Если ее повесят, я тоже потеряю ее. — Его словами говорил прагматизм. — И, кроме того, меня будет мучить совесть. В конце концов, это моя вина, мне нельзя было отпускать ее из этого дома.

— Но если это станет примером для других...

Ян Мак-Клауд не был жестоким человеком, однако дать рабу возможность сбежать, более того, побуждать его к этому...

— Она не захочет никуда уходить, — возразил Квадво, — подумайте сами, баккра, молодая девушка, совершенно одна, в Блу-Маунтинс...

Дуг закатил глаза.

— Маану тогда тоже...

— Но Алима — не Маану, — покачал головой Квадво. — Алима всегда была под защитой, всегда была вместе со своей семьей, и, кроме того, этот смешной бог... — Что касалось ислама, то проповедник и колдун-обеа здесь сходились во мнениях. — Ей не разрешали участвовать в обрядах обеа. Она боится даже смотреть на мужчин. И тут ей надо убежать в горы — к воинам-маронам?

Дуг вздохнул. Разве он не предчувствовал, что сделка с Холлистерами дорого обойдется ему?

— Значит так, Квадво, объясни Маалику дорогу в горы. Пусть, ради Бога, исчезнут все вместе, вся семья. Но только в том случае, если по-другому будет никак нельзя.

Он встал. Ян Мак-Клауд все еще не мог прийти в себя и ничего не понимал, а Квадво смотрел на своего хозяина с новым уважением, почти с благоговейным страхом.

— А что будет, если сегодня ночью случится еще что-нибудь? — в конце концов, спросил Мак-Клауд. — Если кто-то из высокопоставленных чинов...

Дуг покачал головой.

— Я считаю, что это вряд ли возможно. У леди в голове будут совсем другие заботы, а лорду тем более будет не до подачи заявления. Красные

мундиры придут сюда не раньше завтрашнего дня. Но если все же кто-то здесь появится — девушки здесь не было! Она могла спрятаться где угодно, но сюда она не возвращалась. Только не смотрите на меня с таким ужасом, Мак-Клауд! Нам поверят, я пользуюсь репутацией человека, достойного доверия. А если губернатор будет сомневаться, он всегда сможет отдать приказ обыскать поселение рабов.

Чуть позже Алима и ее семья исчезнут. Рабы стоимостью более пятисот фунтов каждый. Дуг и правда, не собирался сочувствовать лорду Холлистеру.

До следующего утра действительно ничего не случилось, однако Квадро уже оседлал Амиго, когда Дуг пораньше зашел на конюшню. Вид у него был очень озабоченный. Алима и Хадиджа проплакали всю ночь. Женщины не хотели убегать в горы, да и Маалик, собственно, тоже. Дуг схватился за голову. Еще один урок для него, о котором ему хотелось бы поговорить с Норой. «Тогда они, может быть, останутся тут добровольно...» В той беседе Нора высмеяла его, когда он упомянул о такой возможности.

А теперь Дуг мучил себя упреками, пока ехал эти две мили к Холлистерам. Ему следовало раньше подумать об этом. Нельзя было посылать к леди юную девушку, и уж тем более такую пугливую и чистую, как Алима. Девчонка посмелее сумела бы ловчее отклонить ухаживания лорда или даже добровольно отдалась бы ему. Все же он хотел наградить девочку за ее благосклонность, а новое платье было для молодой рабыни очень щедрым подарком. Тогда, в худшем случае, у Дуга появился бы еще один раб-мулат, который был бы похож на его соседа.

Когда Дуг остановил коня перед домом Холлистеров, там уже стояла карета врача из Кингстона. Плохой признак, тем более что доктор Уолтон не слыл лучшим представителем своей гильдии. Доктор любил выпить рому, и после обеда чаще всего был уже в таком состоянии, что с ним невозможно было разговаривать. Даже сейчас, казалось, он делал что-то не слишком облегчающее страдания раненому. Крики Холлистера разносились по всему дому.

На стук Дуга дверь открыл перепуганный домашний слуга. Сразу же за ним появилась леди.

— Мистер Фортнэм! И вы еще имеете наглость являться сюда! — Леди Холлистер набросилась на Дуга, словно фурия. Лицо у нее было бледным, хотя грима на нем не было. Ее волосы клоками свисали с головы, и было видно, что она не спала. — Что за монстра вы послали в наш дом! Девочка... Я добьюсь, чтобы ее повесили, будьте уверены. И это еще будет хорошо для нее! По мне, так ее нужно сжечь заживо! Что она сделала с

моим мужем... Вы только послушайте, он кричал всю ночь! У него ужасные боли. Он... — И леди театрально всхлипнула.

— Я говорил вам, чтобы вы следили за девушкой. — Дуг был исполнен решимости защищать свою рабыню. — Она просто очень пуглива. А ваш муж испугал ее.

— Пуглива? Не смешите меня! Она строила ему глазки, совершенно точно! Иначе он никогда бы...

Дуг в который уже раз спросил себя — неужели леди Холлистер никогда не смотрела в лица своих домашних слуг?

— Он говорит, что она соблазнила его. А затем... О, мой бедный муж, мой бедный Роланд!

Последовал еще один судорожный всхлип.

Дуг не знал, что сказать. Прежде всего, его интересовало, как на самом деле обстоят дела у Холлистера. По крайней мере голос того звучал довольно мощно. Конечно, это была не лучшая идея — посетить его именно сейчас. Пока Дуг в нерешительности стоял под дверью, ожидая дальнейшей реакции леди, по лестнице вниз спустился врач. Он тоже был довольно бледным, хотя уже успел побороться с этим при помощи содержимого карманной фляжки, из которой на ходу сделал пару глотков.

— Как обстоят дела, доктор? — спросил Дуг. — Я услышал об этом деле, и мне, конечно, очень неприятно.

Доктор Уолтон кивнул с серьезным видом.

— Ужасная история, — сказал он. — Лорд Холлистер... Ну, если даже он выживет, то все равно никогда больше не будет тем, кем он был.

Леди громко всхлипнула.

— Есть ли угроза для жизни? — озабоченно спросил Дуг.

Врач неуверенно пожал плечами.

— При таком большом ожоге и, тем более, в таком... хм... чувствительном месте... можно ожидать чего угодно, мистер Фортнэм. Я сейчас наложил ему компрессы с мукой и маслом. Посмотрим, как будут обстоять дела дальше. Ситуация серьезная, очень серьезная, миледи, как мне ни жалко. Скажите мне, эту негритянскую шлюху уже поймали?

Дуг вскинул подбородок.

— Девушку, — поправил он.

— Уже сегодня об этом будет знать губернатор! — Губы леди превратились в узкие ядовитые полоски. — Хотя мистер Фортнэм не очень-то склонен помогать нам. Или вы уже посадили девушку под замок, Фортнэм?

Дуг покачал головой.

— Я только сегодня утром услышал об этом деле от своего конюха, — заявил он. — Вы же знаете, эти барабаны буша... Чернокожие всегда узнают обо всем раньше, чем мы. Но девушка так и не появилась. Ее родители встревожились. Поэтому они и обратились...

— Красные мундиры найдут ее, — успокаивающе сказал доктор Уолтон в направлении леди. — И предадут ее справедливому наказанию. За такие вещи полагается семьдесят ударов плетью, если я не ошибаюсь. После этого она не выживет.

Человеколюбивый лекарь взял свою треуголку, зажал ее под мышкой и кивнул леди и Дугу на прощание.

— Я завтра приеду опять. Ваш муж... Дайте ему рома и опия, это немного уменьшит боль.

Доктор Уолтон покинул дом, и Дуг хотел было последовать за ним. Однако крайне воинственно настроенная в этот день леди не спешила закончить разговор.

— Разумеется, вы обязаны будете выдать рабыню, если она сбежит к вам, — строго сказала леди Холлистер, прежде чем дать ему пройти к двери.

Дуг кивнул.

— Разумеется, — сухо сказал он.

Дуг пустил Амиго с места в карьер, стремясь как можно быстрее попасть назад, в Каскарилла Гардене. Квадро должен немедленно запрягать лошадей и ехать в Кингстон — а под брезентом в его фургоне найдется место, где можно спрятать трех человек. Семья Алимы должна скрыться как можно скорее.

Глава 3

— Нет, Джеф, ты сейчас должен идти домой. Твоя мама ждет тебя. А если ты хорошо попросишь Грэнни, она обязательно расскажет тебе еще одну африканскую историю.

Нора подняла на руки протестующего сводного брата Дэдэ и отдала его в руки своей подруге Марии.

— Пожалуйста, заведи его с собой в село, Мария, иначе у меня будут неприятности с Маану. Она уже сейчас заявляет, что я слишком сильно привязываю мальчика к себе.

Трехлетняя Дэдэ обычно сопровождала свою мать на поле, как и другие маленькие дети из поселения. Джеф, который был почти такого же возраста, мог бы остаться в деревне вместе с Маану: Грэнни Нэнни не возражала, когда он играл в ее хижине, пока Маану работала. Официально она была кем-то вроде секретаря, и, действительно, королева привлекала ее к переговорам с торговцами и представителями своих братьев. Но женщины в Нэнни-Тауне, хихикая, называли ее домашней рабыней или служанкой. Маану готовила еду и прибирала в хижинах королевы и короля, приводила в порядок одежду Нэнни и помогала ей готовить лекарства. В принципе, она делала для королевы маронов то же самое, что раньше делала для Норы, — и снова без оплаты, если не считать повышенного авторитета в селении. Однако такой авторитет Маану имела только в качестве главной жены Аквази.

Умение Аквази читать и писать становилось все более важным для Грэнни и ее братьев. Иногда он ездил из Нэнни-Тауна в Ку-дойе-Таун и поселок Аккомпонга на юго-востоке. Его маленький сын Джеф также занимал привилегированное положение, и Грэнни Нэнни очень баловала его. Джеф преспокойно мог играть в одиночку в ее хижине. Однако вместо этого мальчик почти каждый день цеплялся за юбку какой-нибудь женщины, которая шла на работу в поле, а потом присоединялся к Норе и маленькой Дэдэ. Дети нежно любили друг друга, и Нора не могла насмотреться, как крупный и сильный Джеф играл со своей маленькой сестрой, похожей на изящную фею. Мальчик рвал для нее фрукты, приносил ей разноцветные цветочки и даже старался защищать Дэдэ от других детей, когда между ними возникал спор.

Маану была не в восторге от тесной дружбы между сводным братом и сестрой, но она прислушивалась к Нэнни, которая считала это вполне

нормальным. В Африке было принято, чтобы дети называли всех жен отца мамами. И если Джефу больше нравилось ходить с Норой на поле, чем оставаться с Маану в селе, с ее стороны не было никаких возражений.

Норе мальчик также не мешал. Как любая акушерка, она гордилась каждым ребенком, рождению которого помогала. Когда родился Джеф — а то были очень тяжелые роды, — ее впервые в Нэнни-Тауне позвали на помощь. С тех пор как Нора спасла жизнь Маану при родах, ее признали во всем поселении в качестве знахарки и повитухи. Грэнни Нэнни поддерживала это, лишь бы Нора не занималась колдовством и не пыталась обратить маронов в христианскую веру. Королева настаивала на том, что духовным руководством своих людей должна заниматься только она одна, так же как их ориентацией на Африку. Нэнни-Таун должен был жить так, как живет село племени ашанти. Все, что носило английский отпечаток, королева отвергала — она даже пыталась свести к минимуму, необходимому для жизни, обмен товарами с белыми торговцами. Нора знала, что мароны, свободные от рождения, и даже некоторые освобожденные рабы жаловались на это. Прежде всего, мужчины не хотели заниматься ткачеством и изготавливать горшки, как их предки в Африке. Они видели себя только в роли охотников и воинов, хотя и признавали труд на полях. Однако последнее в Африке считалось исключительно женской работой, чем в свою очередь были недовольны жены маронов.

— Я тут рубить сахарный тростник, а мужчины лениво валяться на солнце, якобы стоять на страже! — однажды заявила Мария. Стояло самое жаркое время года, и женщины в полдень спрятались в тени пальмы. — При этом я точно так же могу залезть на дерево для наблюдения, смотреть вниз и дуть в рог, однако он намного сильнее мог бы рубить тростник.

— А полотно, которое делать мой муж, плохое, — добавила Елена. Как и семья Марии, семьи Елены и ее мужа уже несколько поколений назад убежали в горы, прежде чем примкнуть к Нэнни и Квао. Своей новой задачей — быть ремесленником — ее муж был очень недоволен. — Он это ненавидеть, он намного лучше хочет охотиться. Был всегда охотником... Ну да, иногда также немножко воровал на плантациях, но не умеет ткать — говорит, это бабская работа.

— Так оно и есть, бабская работа, — согласилась Милли, освобожденная домашняя рабыня, которой было очень трудно на поле. — Я умею ткать, хорошо шить.

Другие женщины согласно кивали. Каждая из них предпочла бы местечко в тени возле ткацкого станка работе на плантации сахарного тростника.

— Если заключить договор и свободная торговля, мы покупать полотно и шить одежду!

Таким было общее мнение, причем молоденькие девушки, такие, как Манса, еще любили, хихикая, добавлять:

— Купить шелк и шить платья, как у красивой белой мисси!

Грэнни Нэнни будет тяжело сохранять свою маленькую Африку в горах Блу-Маунтинс, если белые люди официально отменят запрет на торговлю с ней.

Норе работа на поле уже не казалась такой трудной, как раньше. Ее тело за это время привыкло к нагрузкам, и она полюбила труд на свежем воздухе. Занимаясь прополкой или посевом, она болтала с другими женщинами, учила детей, играя, помогать ей и всегда находила время для того, чтобы остаться одной и погрузиться в свои мысли. Между тем ее плен в Нэнни-Тауне длился уже пять долгих лет, и она почти смирилась с этим. Маану и Нора не стали подругами даже после того, как последняя помогла появиться на свет Джефу, но между ними установилось своего рода перемирие. И к Аквази Нора более или менее приспособилась. Он распределял свою «благосклонность» между обеими женами, как это требовало от него то, что он называл законом. Однако, к несчастью Нору, он явно предпочитал близость с нею. Она за это время уже убедилась в том, что при ее похищении Аквази было важно не только насолить Дугу Форгнэму, украв у него женщину. Может быть, даже это дикое приключение после церемонии обеа было не случайным, может быть, Аквази уже тогда любил Нору или, по крайней мере, испытывал к ней вожделение.

С этой странной любовью Нора научилась обращаться лучше, чем с ненавистью и злобой, которые накладывали отпечаток на их отношения в первые месяцы. Она, как и раньше, ничего не чувствовала к Аквази и боялась ночей с ним, но за это время многое изменилось и стало уже не так плохо, как вначале. Теперь между ней и Аквази иногда завязывалось что-то вроде беседы. Нора кое-что узнала о переговорах между губернатором и маронами Виндворда. Представители короны — губернатор Эдвард Трелони и командир его войска полковник Гатри — видимо, признали, что на Ямайке были и всегда будут свободные чернокожие. Намного разумнее было бы признать ту область, где они живут, самостоятельной колонией и гарантировать им положение в качестве граждан, вместо того чтобы снова и снова воевать с ними. Основы для соглашения уже существовали: губернатор отказывается от своих претензий на территорию маронов и официально переписывает на них эти земли. Легализуется свободная

торговля, мароны получают разрешение свободно передвигаться в поселениях белых людей. В качестве встречного шага ими прекращаются любые нападения на плантации и дальнейшие попытки освобождать других рабов. Но точная формулировка последнего пункта была все еще под вопросом, и ожесточенные споры продолжались. Губернатор настаивал на одном — чтобы мароны взяли на себя обязательство отсылать назад к хозяевам сбежавших и примкнувших к ним рабов. Такие соглашения между плантаторами и свободными чернокожими уже имели место, на что теперь ссылался Трелони. Кудойе и Аккомпонг были готовы признать договор в таком виде, в каком он был, однако Нэнни защищалась изо всех сил. Она согласилась бы взять на себя обязательство не освобождать больше рабов — если она прекратила бы нападения на плантации, это разумелось бы само собой. Однако отсылать назад беспомощных людей, которые после отчаянного побега наконец-то нашли свое спасение — этот пункт черная королева категорически отклоняла.

— Тем более что белые хотят еще больше! — с гневом заявил Аквази, который полностью поддерживал Нэнни. — Поскольку мы хорошо знаем горы, мы могли бы неплохо зарабатывать, охотясь на беглых рабов! Якобы нам собираются платить за каждую голову, за каждого человека, которого мы приведем назад! Не могу представить себе, что Кудойе одобряет это!

Нора только удивленно вскинула брови. Она и Нэнни не считала героиней, но к человеку по имени Кудойе и вовсе не испытывала ничего, кроме презрения. Конечно, вполне могло быть так, что жизнь в Сент-Джеймс-Пэрише была организована так же хорошо, как и в Нэнни-Тауне, но его слава зиждилась прежде всего на крайне жестоких нападениях в окрестностях этого поселения. Нигде плантаторы так не страдали от маронов, как на северо-западе, что за последние годы, естественно, привело к появлению настоящих частных армий. Набеги Кудойе становились все менее успешными. Его людей оттеснили в горы, а контролируемые им области становились все меньше и меньше. Нора предполагала, что это и было причиной его внезапной готовности к переговорам. Он с гарантией и восторгом посылал бы свои патрули в горы, чтобы охотиться на беглых рабов и возвращать их хозяевам за деньги. Его предки в Африке ведь поступали не иначе. Торговля рабами считалась у племени ашанти очень уважаемым занятием.

Пока что Нэнни была не согласна поддаваться его желаниям, но рано или поздно, вероятно, все же будет заключен договор. Нора с печалью ожидала этого дня — ведь он означал для нее окончательное закрепление ее собственного рабства. Очевидно, белые люди смирились с пленением

одной из их женщин — после первых месяцев надежд она перестала верить в спасение. Возможно, она проведет остаток жизни в своей хижине, работая на поле и подчиняясь прихотям мужчины, которого не любит.

Нора утешала себя тем, что разделяет эту участь с тысячами женщин во всем мире. Африканские девушки, очевидно, тоже редко выбирали себе мужей самостоятельно. Чего стоил один только ужасный и жестокий обычай обрезания, который не давал им ощущать радость от любви. Причем любовь была именно тем, чего больше всего не хватало Норе. Отсутствие здесь комфорта, к которому она привыкла в Каскарилла Гардене, ее не тяготило: ее сегодняшняя жизнь не слишком отличалась от той, о которой она когда-то мечтала с Саймоном. Пусть ее хижина и не стояла на берегу моря, а была в горах, зато здесь было тепло, а окружение Нэнни-Тауна было удивительно красивым. За последние три года Норе стали разрешать двигаться свободнее, и она с восхищением исследовала разнообразие растений, ручьи и водопады, которые по природе своей зачастую были намного красивее и хитроумнее, чем любой фонтан в английском парке. Вместе с Дэдэ и Джефом она наблюдала за мотыльками и птичками, за животными, которые были одно другого краше и грациознее. Она собирала цветы, листья и корни — как целебные травы, но иногда только ради их красоты. И, конечно же, большой радостью для Норы была ее любовь к дочери, которая удивительно гармонировала со здешним окружающим миром.

Маленькая Дэдэ была изящной, как девочка-эльф. Когда Нора украшала ее волосы цветами, она казалась героиней книги сказок. Кожа Дэдэ была скорее красновато-коричневой, чем черной, и не намного темнее, чем кожа Норы, но она была блестящей. К тому же дочь действительно унаследовала яркие зеленые глаза матери и ее изящное строение костей. Черт Аквази не видно было на ее лице, в то время как Джеф уже сейчас был полностью похож на отца. Черное и белое наследие Дэдэ соединилось в очень своеобразной экзотической внешности. Волосы ее тоже были необычными: черными и блестящими, как у отца, но тонкими, и не курчавыми, а волнистыми, как у Норы. Молодая мать была убеждена, что из ее малышки вырастет необычайная красавица. Очень жаль, что она останется замурованной в этом удаленном селении, и ее выдадут замуж за какого-нибудь воина, обрекая на пожизненную обработку его полей.

Но об этом Нора пока что не хотела и думать. Она не поддавалась отчаянию и не хотела признать их с дочкой окончательное поражение. Чем спокойнее протекала ее жизнь, тем чаще Нора возвращалась в мир своих снов наяву. Она представляла себе бегство вместе с Дейдрре и их

счастливое будущее. Как только Дэдэ подросла настолько, чтобы понимать смысл историй, Нора начала рассказывать ей сказки, которые сама придумывала для дочери. Однажды, говорила она девочке, в город Нэнни-Таун приедет принц и с первого взгляда полюбит Дэдэ. Он возьмет ее с собой на остров в далеком море, построит ей там дом и будет любить ее всегда.

— И, конечно, все люди на этом острове будут свободны. Им не надо будет обрабатывать землю, они просто будут есть то, что растет на деревьях, и будут счастливы тем, что у них есть. Им не нужна будет торговля...

— А что они будут делать целый день? — спросила Дэдэ, жуя плод манго. Она любила свежие фрукты — отсутствие бобов и лепешек для нее ничего бы не значило.

Нора засмеялась.

— О, они будут музицировать и рассказывать друг другу истории. И плавать в море... Однажды я должна буду показать тебе море, сладкая моя, ты даже не представляешь, какое оно большое и красивое! А когда в нем отражается луна...

Дэдэ свернулась калачиком на руках Норы, убаюканная рассказом матери.

— А иногда принц будет брать тебя с собой на свой корабль, может быть, вам даже захочется поплыть под парусами в Англию и потанцевать на королевских балах.

Дэдэ улыбнулась. Она любила танцевать. Впрочем, ей надо было выяснить еще одно дело.

— А Джеф может быть принцем?

Нора промолчала. На этот вопрос дочери она не хотела давать ответа.

В то время как для Дэдэ Нора обрисовывала в ярких красках будущее, для себя она скорее вызывала сцены из прошлого. И все же она избегала вспоминать время, проведенное с Дугом Фортнэмом, ей было слишком больно думать о том, что он мог так предать ее. Когда она давала волю своей злости, то иногда даже начинала понимать Аквази. Неужели тогда Дуг действительно ничего не мог сделать, чтобы спасти своего друга? Или же он просто внушил это себе, точно так же, как, без сомнения, внушил себе, что не может помочь Норе? Дуг должен был выжить после нападения маронов: Нора была совершенно уверена, что Аквази похвастался бы смертью врага, если бы тот все же попал в руки тех нападавших, которые вернулись в дом позже. Значит, он должен был также знать, что Нора жива, и она была уверена, что у него не было недостатка в средствах, чтобы

сделать попытку освободить ее. Дуг унаследовал имение Элиаса и плодородную плантацию, он мог бы поднять на ноги целую армию, чтобы напасть на Нэнни-Таун! Нора в любом случае попыталась бы это сделать, если бы знала, что он находится в плену.

Однако Дугу, наверное, не было дела до ее судьбы. Даже сейчас она боролась со слезами, когда позволяла себе думать о нем. Было лучше сразу же оставить это и забыть все, что связано с Дугом. Его лицо, его крепкую фигуру, ямочки на щеках, когда он улыбался, его лихой стиль езды верхом, его мощные гребки во время плавания, его объятия на побережье, его поцелуи... И последнюю ночь в Каскарилла Гардене.

Лучше уж она снова вызовет к себе дух верного Саймона. Нора вспоминала их прогулки в парках Лондона, их мечты о южном море — и иногда, таким образом, она призывала его в свою, порой такую безутешную, жизнь в Нэнни-Тауне. Это было проще, когда Аквази не было с ней: разумеется, дух Саймона убегал от его громкого и такого бесцеремонного присутствия. Но в те недели, когда Аквази разъезжал по горам Блу-Маунтинс, или в те редкие ночи, которые он проводил с Маану, Нора мечтала о том, чтобы Саймон был рядом с ней. Она представляла себе, что Дэдэ — это его дочь, и они вдвоем смотрят, как она играет. Он говорит Норе, какая Дэдэ красивая и как она похожа на свою мать, а Нора повторяет ребенку те сказки, которые он рассказывал ей. По ночам он лежал рядом с ней, и она вспоминала его осторожные и нежные объятия. Иногда ей удавалось вызвать в памяти ночь с Дугом, но вместо него она представляла себе Саймона. После этого она всегда чувствовала себя чуть-чуть виноватой, словно изменила и одному, и другому. Но мечты делали ее жизнь красивее и разноцветнее. Бывали дни, когда Нора могла назвать себя почти счастливой.

— Целая семья? — спросила Манса с набитым ртом.

Она тоже любила плоды манго, которые сейчас, во время обеденного перерыва, очень хорошо утоляли жажду. Женщины только что сорвали их и наслаждались свежими фруктами в тени любимых деревьев, обмениваясь новостями.

— Да, — подтвердила Кейта. Высокая черная женщина с волосами, полностью спрятанными под красным тюрбаном, сама вмешалась в разговор. Она была освобожденной полевой рабыней, которую за три года перед нападением маронов на их плантацию вывезли из Африки. Как и все в ее родном селе, она была мусульманкой и уже на плантации сошлась с мужчиной такой же веры, которого на том же корабле, что и ее, привезли на Ямайку. Теперь она жила с ним в Нэнни-Тауне — их терпели, как

остальных немногочисленных мусульман, но они постоянно держались несколько в стороне от общины.

Однако в этот день у нее было что рассказать, и она как раз говорила об этом в кругу Норы и ее друзей, к которым испытывала наибольшее доверие. Нора недавно помогала ей при рождении сына.

— Все с плантации возле Спэниш-Таун. Девочка нападать на баккра — а потом баккра отпускать его.

— Девчонка напала на баккра, а он за это отпустил ее на свободу?

Нора наморщила лоб. Она не могла себе этого представить. Дело в том, что Кейта очень плохо говорила по-английски, может быть, она что-то неправильно поняла. Или же не смогла правильно пересказать эту историю, потому что говорила с новоприбывшими людьми на их родном языке. Это означало, что королева привлекла Кейту и ее мужа в качестве переводчиков.

Сторожевые обнаружили беглых рабов за пару миль западнее поселка у реки и привели их оттуда в селение. Те сказали, что они — мусульмане, родом из села, которое находилось недалеко от того места, где родилась Кейта.

— Не тот самый баккра, — попыталась объяснить женщина. — Другой. Он покупать всех, с корабля. Мужчина, женщина, ребенок. Хороший баккра.

Остальные засмеялись.

— Хороших баккра не бывает! — заявила Милли. — Бывают плохие, очень плохие и совсем плохие. Но не хорошие!

— Новенькие говорят же! — настаивала Кейта.

Мария задумалась.

— Плантация вблизи Спэниш-Тауна... Это же то место, откуда попали сюда вы. — Она обратилась к Мансе. Очевидно, Мария не хотела говорить об этом с Норой. — Может быть, ты знаешь чудо-баккра!

Манса сразу же начала перечислять плантации на пальцах.

— Есть Херберст Парк и Лоренс между Кингстоном и Спэ-ниш-Тауном, потом Пике Гарден, и Холлистер, и Кинсли и... и...

Она бросила стыдливый взгляд на Нору.

— И Каскарилла Гардене, — хладнокровно добавила та.

Кейта пожевала губы.

— Девочка говорит что-то о Холл... Холл..

Нора вздохнула.

— Ну, если она называет лорда Холлистера «хорошим баккра», значит, девушка как минимум совсем не требовательная, — заметила она. — Этого

не может быть, Кейта, ты что-то перепутала. Нам придется подождать, пока женщины сами придут на поле. Вы же останетесь тут? Или как?

Кейта кивнула.

— Девочка хорошо по-английски, — сказала она потом. — Мужчина, женщина нет.

Зато новоприбывший мужчина оказался хорошо обученным и очень увлеченным своим занятием гончаром. Он занимался этим делом в Африке и теперь был рад и счастлив, что может снова взяться за гончарный круг вместо мачете. К тому же у него не было амбиций воина. Нэнни радовалась новому кусочку Африки в ее городе, тем более что изделия Маалика очень понравились женам маронов, хотя те вообще-то были ориентированы скорее на западный лад. Она сразу проявила щедрость, выделив новой семье большой, недавно освобожденный от леса участок земли, и Хадиджа, жена Маалика, тут же принялась усердно обрабатывать его. Она делала это очень умело, наверное, занималась этим еще в Африке. Зато девушка рядом с ней изо всех сил, но достаточно безуспешно пыталась справиться с мотыгой и граблями — она была явно непривычна к работе в поле. Маленькая, красивая и изящная, девушка выглядела также очень мрачной. Когда мать и дочь во время обеда присоединились к остальным женщинам, то мать о чем-то болтала с Кейтой на своем языке, а девушку, наоборот, казалось, тянуло к другим. Очевидно, она уже почти забыла свой родной язык, и ей больше нравилось говорить по-английски.

Манса тут же бросилась к ней.

— Ты должна нам сейчас же все рассказать, — потребовала она. — Всю твою историю. Кейта сделала нас любопытными. Но ее английского просто не хватает.

— Мы все не хорошо по-английски, — пробормотала девушка, которая представилась как Алима и опустила голову.

Настойчивые расспросы Мансы, казалось, вызвали у нее стыд. Манса посмотрела на ее руки. Пальцы Алимы были покрыты волдырями.

— Значит, ты первая домашняя рабыня, которая не знает английского, — насмешливо сказала Манса. — Ты ведь была в доме, признайся! Если бы ты была привычна к работе в поле, то у тебя были бы мозоли.

Алима покраснела, и Нора решила вмешаться.

— Ну, перестань же мучить ее, Манса! Мы сейчас намажем ее руки мазью и перевяжем самые большие раны. А потом ты поможешь нам собирать плоды манго, малышка. Если ты сегодня продолжишь работать мотыгой, то завтра у тебя на руках будет сплошное голое мясо, и ты вообще ничего не сможешь больше делать.

Нора хотела взять Алиму за руку, но девочка с ужасом отдернула ее. Она и без того была испугана, когда увидела светлую кожу этой женщины, да и ее мать тоже смотрела на Нору сердито. Однако Кейта, казалось, только что посвятила их в историю последней. И обе они время от времени смотрели в сторону белой женщины и о чем-то говорили между собой.

— Я ничего тебе не сделаю, Алима, — пыталась успокоить ее Нора, но у девушки был такой испуганный вид, что, в конце концов, Мария сама взяла мазь и стала врачевать ее.

— Все же ты должна что-то рассказать, — подбодрила она девушку, — иначе Манса лопатся от любопытства. А нам это не нужно иметь — лопнувшую девочку под деревом.

Алима робко улыбнулась. У Марии была располагающая манера общения, которая и сейчас возымела нужное действие.

— Ты нам не хочешь говорить, что у тебя с баккра, да? — спросила Мария. Нора снова удивилась ее проницательности. Без сомнения, это была та тема, которая больше всего беспокоила девочку. — Но нам скажи, почему вся семья сбежать? Кейта говорит, что вся семья из Африки. Баккра покупать целую семью, но такое...

— Этого баккра не делают, — сказала Милли категорично.

Алима решительно кивнула.

— Нет, — сказала она, — баккра Дуг делает! Баккра Дуг на корабль, когда мы приезжать. А мама плакать, я плакать, и...

Норе потребовалось несколько мгновений, чтобы взять себя в руки. Упоминание этого имени вызвало у нее боль. Боль, которая была настолько сильной, что она не могла себе даже представить, что когда-нибудь снова будет чувствовать ее.

— Дуг? Дуг Фортнэм? — глухим голосом спросила она.

Алима снова кивнула.

— Да, баккра Фортнэм. Хороший, хороший баккра! Мама плакать, я плакать, папа плакать, а он тогда купить всех. Мама и папа — на поле, я — в доме. К маме Адве... Хороший дом.

Манса всхлипнула, когда услышала имя своей матери. А Нора поблагодарила небо за то, что кумушки слишком заняты переживаниями о судьбе Мансы и Алимы. Никто из них не обратил внимания на белую женщину, у которой сейчас вид был намного бледнее, чем обычно. Значит, Дуг все же был там, он однозначно был живым... Хотя в этом она, собственно, никогда и не сомневалась. Он руководил помещьем Каскарилла Гардене — образцово, насколько можно было понять. Алима рассказывала о поселке рабов, которым те управляли почти

самостоятельно, о свободных воскресеньях, о свадьбах между рабами. Под конец она в нескольких словах рассказала о своем положении у Холлистеров и о своем бегстве.

— Я не хотела идти одна, но потом баккра Дуг посылать мама и папа со мной. Квадро отвозить нас в Кингстон, показать нам дорогу в горы. Баккра Дуг очень, очень хороший баккра!

Девушка закончила свой рассказ и была щедро вознаграждена фруктами и хлебом, в то время как Манса продолжала расспрашивать Алиму о своей матери и подругах.

И вдруг Мария вспомнила о Норе.

— Это же была твоя плантация, правда? — спросила она и вопросительно посмотрела на приятельницу. Она, без сомнения, с первого взгляда поняла, насколько взволнована Нора. — Однако баккра Дуг не твой муж?

Нора покачала головой, твердо решив оставить при себе тот поток чувств, что охватил ее, приведя в дрожь.

— Мой муж мертв, ты же знаешь.

— Но не твой сын, — констатировала Мария.

Нора выдавила из себя нервную улыбку.

— Нет, нет, конечно, нет! Дуг, Дуг был... — Она то краснела, то бледнела.

Алима услышала последние слова. Она теперь испытывала больше доверия к окружающим. Ее исповедь освободила ее, и она стала чувствовать себя свободнее даже по отношению к белой женщине.

— Белая женщина знать баккра Дуг? — робко спросила она.

Нора не знала, что ей ответить.

— Она чуть было не стала твоей миссис, — объяснила Мария. — Разве тебе твой баккра Дуг никогда не рассказывал? О своем отце, который мертв, о его жене, которая здесь?

Теперь Нора действительно задрожала. Она не знала, понимает ли Мария, что делает, но свою подругу та явно изучила хорошо. Наверное, она с первого взгляда по взволнованному лицу Норы прочитала, что между ней и баккра Алимы что-то было.

Алима, казалось, ничего не поняла. Она смущенно посмотрела на Марию.

— Нет, дом совсем сгорел, когда мы пришли. Только в прошлый год построить новый дом. Но мисси Нора не здесь. Не может быть. Мисси Нора мертва.

Глава 4

Дуг Фортнэм выдержал очень неприятный обыск, который провели два констебля, присланные губернатором. Он закончился обшариванием поселка его рабов, поскольку леди Холлистер высказала серьезные подозрения, что Дуг скрывает разыскиваемых. С тех пор как Фортнэм заявил, что Маалик и Хадиджа исчезли, они находились в списке разыскиваемых лиц.

— Я не понимаю такого недоверия, — возмутился Дуг, после того как мужчины, естественно, никого не нашли. — В конце концов, я являюсь пострадавшим. Девушка была служанкой, а ее родители — ценными полевыми рабами. А теперь их нет!

Старший из констеблей шумно вздохнул.

— Но тут вы сами в определенной степени виноваты, сэр, — заявил он. — Когда вы узнали, что девушка находится в бегах, вам нужно было арестовать ее родителей. Зачем вы вообще держите семьи вместе? От этого только неприятности, поверьте мне.

— Если бы лорд Холлистер держал руки подальше от моей рабыни, ничего бы не произошло, — ответил Дуг. — Зачем он приставал к служанке своей жены? Тем более что я и ей, и лорду Холлистеру, и его жене настоятельно указывал на то, что хочу получить девочку назад девственницей. Так сказать, в неповрежденном виде.

Мужчины засмеялись.

— Да ладно, не прикидывайтесь, — сказал младший полицейский. — Порванная девственная плева не снижает цены рабыни. Или вы сами имели на нее виды? — ухмыльнулся мужчина.

Дуг заставил себя промолчать. Его собеседники восприняли это как согласие.

— Ну, вот видите, — сказал один из них. — Давайте воспринимать это таким, как есть. Она — рабыня. И должна выполнять волю своего хозяина. Того или другого, какая разница?

— Я вижу это иначе, — решительно сказал Дуг и сжал в своем кармане камень, которую в этот день носил с собой, как амулет. Нора ожидала бы от него, что в такой ситуации он ясно выскажет свое мнение. — Конечно, она рабыня, но она — тоже человек. Я купил ее как рабочую силу, и она принадлежит мне. Однако это не дает мне право насиловать, запугивать или унижать ее!

Новый взрыв хохота.

— Вам надо бы постараться найти себе место священника, мистер Фортнэм, — захихикал старший констебль. — Вы говорите, словно проповедник. А теперь, когда Стивенсы уезжают отсюда...

После того как второй сын Стивенсов несколько дней назад умер от лихорадки, проповедник сдался. Его жена ненавидела остров, а без ее помощи место священника сохранить за ним было невозможно. Теперь он лишь ожидал своего преемника. После этого Стивенсы хотели вернуться в Англию.

— А черные между тем делают точно так же, если им это позволяют, — добавил младший. — Говорят, что мароны теперь держат даже белых рабов, прежде всего женщин. Как вы думаете, зачем они им нужны? Чтобы воду носить?

Мужчины громогласно расхохотались.

— Белые женщины? — насторожился Дуг. — У маронов?

Старший констебль кивнул.

— Невероятно, правда? И неслыханно. Собственно, губернатор должен был бы вмешаться. Но он сейчас тихий, как голубок, потому что надеется, что ему удастся заключить этот договор. Для вас, как бы там ни было, хоть что-то хорошее. Если мароны будут возвращать на плантации сбежавших к ним рабов, то, возможно, они вернут вам и ваших беглецов.

Мужчина ухмыльнулся и сделал такой жест, словно отрезает кому-то голову.

Дуг ничего больше не стал говорить, однако надеялся, что до этого не дойдет. Хотя он вряд ли мог себе представить, что мароны согласятся на то, чтобы это соглашение вошло в силу. Это, в конце концов, привело бы к восстанию в Кудойе-Тауне и Нэнни-Тауне. Нет, что бы там ни случилось дальше, но Алима и ее семья в безопасности.

Однако замечание констебля о том, что мароны с недавних пор держат у себя белых рабов, не оставляло его в покое. Мужчина прав — если это так, то это неслыханно. И губернатору надо было что-то предпринять против этого, поскольку высшее общество позволить себе такого не могло. Дуг решил, что во время ближайшего визита в Кингстон он должен разузнать больше об этом деле и, если необходимо, проинформировать собрание плантаторов. Его реноме в кингстонском обществе из-за случая с Алимой сильно пострадало. Лорд Холлистер даже сейчас, через две недели, находился в тяжелом состоянии. Он лежал с высокой температурой в постели в доме на плантации — к транспортировке в Кингстон он был еще не готов — и страдал от сильных болей. До сих пор существовала угроза

его жизни. Леди Холлистер принимала визиты сочувствия со стороны друзей и соседей, но сам лорд не мог принимать гостей. Она не уставала рассказывать всем вокруг, как их обманули этот Дуг Фортнэм, «друг ниггеров», как она имела обыкновение выражаться, и его дьявольская рабыня.

Теперь большинство плантаторов могли, без сомнения, составить себе представление о том, как все было на самом деле, но они видели это, конечно, в таком же свете, как и констебли: лорд Холлистер незаслуженно сильно пострадал в таком «джентльменском деле». Девочка должна была послушаться его или хотя бы убежать. Ее паническая реакция не находила ни малейшего понимания.

Дуг тоже перестал делать попытки оправдать Алиму. Вместо этого он, чтобы полностью не потерять авторитет среди белых людей, ругался по поводу потери Маалика и Хадиджи. Если теперь он будет возмущаться таким неслыханным делом, как осквернение белой женщины в поселке маронов, то сможет завоевать новое доверие со стороны белых. Он надеялся, что это не вызовет войны, жертвами которой могли стать Алима и ее семья, Маану и Аквази. Дуг не испытывал злости по отношению к своим сбежавшим рабам. У Маану были уважительные причины, чтобы сбежать, а Аквази... Ну, кто бы, не использовал нападение маронов, чтобы освободиться самому?

Все это Дуглас Фортнэм мог толковать, как угодно, но он не мог позволить себе рисковать разрывом отношений с рабовладельческим обществом в Кингстоне. Слишком много сделок было заключено совместно с ним, слишком много кораблей зафрахтовано — и, чтобы хоть чуть-чуть контролировать губернатора, надо было держаться вместе. В одиночку он смог бы содержать Каскариллу Гардене, но, если доходы резко упадут, Дуг не сможет позволить себе давать своим рабам столько свободы и поблажек, как сейчас.

«Иногда, — думал Дуг, — я чувствую себя так, словно иду по канату. И я совершенно одинок». Вокруг не было никого, с кем он мог бы поговорить о своих мыслях и чувствах, и Дуг очень болезненно переживал отсутствие Норы. Пока Амиго резво бежал по дороге, ведущей в Кингстон, — Дуг был исполнен решимости не откладывая свои расследования в долгий ящик, — его всадник какое-то время боролся с желанием вместо Кингстона поехать на берег и поискать там, в хижине дух Норы. Или же дух Саймона — даже он был бы более приятным собеседником, чем те люди, с которыми в этот день Дуг планировал встретиться.

И все же Фортнэм направил своего коня в город — сначала в Спэниш-

Таун, на самый старый рынок. Здесь находились дома торговцев, о которых ходили слухи, что они совершают сделки с маронами. Если можно было назвать домами их сараи, нуждавшиеся в срочном ремонте. Эти люди управляли своими домами и делами большей частью с помощью одного или двух рабов, зачастую женщин, которые находились в их распоряжении также и ночью. Речь шла о достаточно скользких парнях, с которыми Дуг обычно старался не иметь никаких дел. Точнее говоря, он даже не знал бы их имен, если бы те не всплывали иногда на собрании плантаторов — обычно в связи с чем-то нехорошим. Кроме того, порой он что-то слышал от своих рабов. Некоторые из них просили его разрешения продавать овощи и яйца в городке. Многие женщины обрабатывали свои сады и огороды вокруг домов и держали мелких домашних животных для своих потребностей. Продажа излишков могла принести им пару пенни.

— А кто у вас их, собственно, покупает? — однажды недоверчиво спросил он своих рабов, которые в ответ назвали ему имена Уистлер ^[14] и Берфут ^[15].

Дуг не имел ни малейшего понятия, были ли это настоящие имена этих парней, но в скверных кварталах Спэниш-Тауна их, очевидно, знал каждый ребенок. И теперь Дуг провел своего коня по узким улочкам старого города и нашел лавку Берфута рядом с таверной. Как и ожидалось, это был сарай, в котором стояла пара бочек с дешевым ромом и мешки с чечевицей, бобами и высушенным инжиром, ожидавшие своих покупателей. Кроме того, тут же по всем углам были сложены горы предметов домашнего обихода: горшки, сковородки и прочая утварь. Когда Дуг заглянул внутрь через маленькое окошко, дверь ему открыла чернокожая женщина. Она испуганно опустила взгляд.

— Вы хотите купить, баккра? — тихо спросила она. — Провиант для корабля...

Дуг покачал головой.

— У меня нет никакого корабля, — ответил он. — Но я бы хотел поговорить с твоим баккра. Берфут — это же он?

Женщина кивнула. Она была еще довольно молодой и симпатичной, но вид у нее был запуганный.

— Это он. Он рядом, — сказала она.

— В таверне? — хотел убедиться Дуг.

Молодая женщина снова кивнула. Дуг дал ей один пенни. Она хотела поцеловать ему за это руку.

— Я экономить, — сказала она тихим голосом. — Когда-нибудь я

откупаться на свободу, затем к маронам...

Дуг подбадривающе улыбнулся ей, хотя и не верил, что ей когда-нибудь удастся собрать сто фунтов, — без сомнения, она стоила не меньше. Но надежда, конечно же, шла ей на пользу.

Он зашел в таверну. Берфут не мог быть настоящим негодяем, если позволял своей рабыне, по крайней мере, верить в то, что она когда-нибудь станет свободной.

Дуг сразу же узнал этого человека: на нем были брюки до колен, но не было ни туфель, ни чулок.

— Мистер Берфут? — осведомился Дуг и приблизился к косому деревянному столу и трем колченогим стульям, стоявшим вокруг него.

Кроме двух столов, в таверне ничего не было. Тут воняло ромом и старым жиром, а пол был усыпан остатками жевательного табака.

Приземистый краснолицый торговец кивнул.

— Садитесь. Роберта, рому для господина. Нечасто бывает, чтобы такой знатный баккра заглядывал в мою контору.

— Вашу контору? — спросил Дуг с кривой улыбкой.

Берфут описал рукой круг.

— Вам что, не нравится?

Дуг рассмеялся.

— Не могу себе представить что-то лучшее, — заметил он и поднял за здоровье торговца стакан, который служанка, худощавая креолка, моментально поставила перед ним на стол.

— Меня зовут Дуг Фортнэм.

Берфут тоже выпил.

— Фортнэм из Каскарилла Гардене? — осведомился он.

Дуг кивнул.

Торговец направил на него взгляд своих водянистых, но при этом внимательных голубых глаз.

— Что же вы хотите от старого Босого? — недоверчиво спросил он. — Вы что, хотите оснастить корабль или как? Или вам нужна пара железок?

— Нет, — улыбнулся Дуг. — Но мне нужны сведения. За них я тоже готов кое-что заплатить, но чтобы это, разумеется, осталось между нами. По крайней мере, я никому не скажу, кто дал мне эти сведения.

Торговец поднял брови вверх.

— На Ямайке не бывает тайн, сэра. И я тем более не храню никаких секретов. У меня все идет легально, мистер Фортнэм. Мне скрывать нечего. — Он постарался придать своему лицу невинное выражение.

— Ну, за исключением прогулок в Блу-Маунтинс, которые вы время от

времени предпринимаете, — заметил Дуг. — Не отрицайте, это знает каждый. Да мне все равно. У вас есть мое благословение. Мне выгоднее, чтобы те, в горах, покупали товары у вас, чем воровали их у нас.

Торговец недоверчиво рассматривал его.

— Так вы и есть тот сын-погорелец? — наконец спросил он.

Дуг кивнул.

— Да. Поместье Каскарилла Гардене несколько лет назад было разграблено. Мой отец и моя мачеха при этом погибли.

Берфут бросил на него хмурый взгляд из-под косматых бровей.

— Женщина тоже? Странно, я думал... Ну, ладно, вам лучше знать. Мои... э... искренние соболезнования.

— Спасибо, — сказал Дуг, борясь с каким-то неопределимым чувством, которое сжимало его сердце каждый раз, когда он думал о Норе.

— Так что вы хотите знать? — спросил Берфут после того, как они выпили еще по глотку рома. — Речь идет о маронах, да? Опять карательная экспедиция? Так вот, я не буду участвовать в ней в качестве проводника. Это чтобы сразу было ясно. И вам не советую. Кто бы туда ни шел, друг или враг — мароны любого держат на прицеле уже за час до того, как он разглядит поселок. Забудьте это, уже не один губернатор набил себе шишек на этом деле.

Дуг снова кивнул.

— Я знаю. Я знаю горы. Но я хочу знать нечто иное. Насколько правдивы слухи о том, что мароны держат у себя белых рабов?

Глаза Босого выражали истинное удивление.

— Белые рабы? Откуда вы это взяли? Это, как вы сказали, — просто слух. Да это бы себя и не оправдало. Они, правда, высаживают у себя немного сахарного тростника, но только так, для собственных потребностей. Тростник там наверху растет не так уж хорошо. В любом случае они посылают на поля своих жен, так, наверное, принято в Африке. И те справляются с работой очень хорошо. А за рабами, наоборот, надо присматривать, а у них нет желания. Да к тому же белые люди там и без того стали бы дохнуть, как мухи. Вы же сами знаете, что белая раса не создана для тяжелой работы в этом климате.

Дуг по привычке потер лоб.

— Человек, с которым я беседовал, говорил о... белых рабынях, — сказал он затем.

Берфут выпятил губы.

— Ах, вы это имели в виду... Это все глупые слухи. На самом деле наверху там есть только одна...

— Но все же есть? — Дуг встревоженно вскинул взгляд. — Одна?

— В Нэнни-Тауне, — совершенно спокойно сказал Берфут. — Появилась вскоре после нападения на вашу плантацию, поэтому я думал... Да забудьте вы это! Я эту женщину никогда не видел. Это факт. Но все-таки она есть, ниггеры там, в горах, некоторое время серьезно спорили из-за нее. Вроде она принадлежит какому-то заслуженному воину, хотя это нужно понимать в переносном смысле. Этот парень, правда, таскает с собой оружие, но на самом деле он нужен маронам только для ведения переговоров. Он якобы умеет читать и писать.

Дуг почувствовал, как его бросило в жар.

— Ну и как? — спросил он сдавленным голосом. — Он действительно умеет?

Берфут пожал плечами.

— Без понятия. Я сам этого не умею, — признался он. — Но этот парень является там наверху кем-то особенным, и на него возлагают большие надежды и королева, и король. Поэтому позволяют ему... В общем, он держит какую-то белую рабыню. Или держал. Он за это время, кажется, женился на ней. Еще одно дело, из-за которого возмущались все старые мароны. Дело в том, что у него есть еще и черная жена. Выходит, белая теперь свободна, это тоже важно, если вскоре речь будет идти о больших договорах. Губернатор не был бы в восторге, если бы они там наверху бесчестили белых девушек.

Дуг сделал судорожный глоток.

— Она... значит, она остается там добровольно? — хрипло спросил он.

Берфут закатил глаза.

— Откуда мне знать? Когда я появляюсь, они куда-то прячут эту женщину. Это не обязательно является признаком того, что она там находится недобровольно, но, как я сказал, я без понятия. Но, конечно, она там единственная в своем роде. О рабстве белых людей в больших количествах не может быть и речи.

Дуг сунул руку себе под воротник. У него было такое чувство, что он задыхается.

— Имя этой женщины вы никогда не слышали, — сказал он тихо. — Но... может быть, имя этого... воина?

Берфут кивнул.

— Отчего же, конечно, если только я сейчас его вспомню. Что-то африканское — как и все, что нравится старой Нэнни. Подождите, что-то похожее на Ак... или Аб... Ага — Абвази!

— Аквази, — поправил его Дуглас.

Его голос был хриплым. Он до сих пор не мог поверить в то, что сказал ему сейчас Берфут.

— А женщина... Вы даже не представляете, как вы мне сейчас помогли, Берфут! — У Дуга вдруг появилось чувство, что у него из сердца выпал камень, который несколько лет душил его. — Я никогда не верил, что она мертва. Никогда. Это было просто такое чувство, понимаете...

Он встал и сунул в руку совершенно ошеломленному Берфуту золотую монету. Затем покинул таверну и подарил еще одну монету чернокожей женщине в лавке.

— За то, что ты охраняла мою лошадь.

Амиго послушно стоял перед лавкой, и ему, собственно, не был нужен надсмотрщик. Девушка потрясенно смотрела на Дуга.

— Благослови вас Господь, баккра! — прошептала она. — Божьего вам благословения!

Дуг вскочил на своего коня и улыбнулся ей.

— Оно мне понадобится, — сказал он тихо.

— Вы знаете о присутствии белой женщины в Нэнни-Тауне?

Дуг выполнил все формальности, чтобы как можно быстрее получить аудиенцию у губернатора. Теперь он не тратил времени на предисловия.

Эдвард Трелони кивнул.

— Да, эти сведения дошли до наших ушей, — признался он. — Но наши посредники при переговорах никогда ее не видели, что, однако, ничего не означает. Мы, как правило, ведем переговоры в Кудойе-Тауне.

Трелони сложил на коленях свои узкие белые ладони. Губернатор был сыном епископа и слыл эстетом. Граждане ценили Трелони за его готовность вести переговоры и склонность к компромиссам — он правил близко к народу и явно старался угодить всем. И Дуга он принял сразу же после его просьбы об аудиенции, и, хотя прямота того была для него странной, он, кажется, не был возмущен.

— Вы исходите из того, что она находится там по доброй воле? — продолжал задавать вопросы Дуг. Где Трелони вел переговоры с маронами — его не интересовало.

Губернатор поднял руки.

— Это может показаться нам непонятным, мистер Фортнэм, — ответил он ласковым голосом. — Но вы знаете сами: многих белых мужчин... хм... как бы выразиться... влечет к черным женщинам. Почему же не может быть наоборот? Насколько мы знаем, эта леди живет там, в качестве жены уважаемого воина.

— Или в качестве его рабыни, — насмешливо сказал Дуг. — Вы не

знаете, кто она?

Губернатор пожал укрытыми парчой плечами. Он был одет очень тщательно, и при других обстоятельствах Дугу стало бы стыдно за свои бриджи. Своим появлением он, должно быть, вызвал недовольство губернатора. «Пожалуй, — подумал Дуг, — надо бы осторожнее обращаться к нему».

— Никто не заявлял о ее пропаже, если вы это имеете в виду, — заметил Трелони. — Мы, таким образом, исходим из того, что эта... в общем, что это женщина из портовых кварталов. Может быть, одна из каторжниц, которых тут все еще иногда сгружают, хотя мы уже несколько раз пытались запретить это. — Он сделал беспомощный жест рукой.

Дуг покачал головой.

— Есть данные о том, что это не так, — сказал он затем. — Женщина, о которой идет речь, была угнана насильно. С большой долей вероятности речь идет о Норе Фортнэм, жене моего убитого отца.

Трелони с интересом поднял голову. Его парик сидел на голове безукоризненно, а намазанное белилами лицо имело слегка удивленное выражение.

— Однако миссис Фортнэм была убита. Разве ее труп не нашли?

Дуг потер вспотевший лоб.

— Были найдены несколько жестоко изрубленных тел, — сказал он, пытаясь забыть картину, которая тут же снова возникла у него перед глазами. — Кроме того, трупы обгорели до полной неузнаваемости. Никого невозможно было опознать с полной уверенностью. Но мы, конечно, исходили из того, что Нора была среди них. Мароны пленных не берут.

— Так что же сейчас привело вас к мысли, что в тот раз все было по-иному? — спросил Трелони.

Дуг рассказал ему все.

— Этот Аквази люто ненавидит меня, — наконец завершил он свое повествование. — Хотя я никогда по-настоящему не давал ему для этого повода, но вот мой отец... Ну да, собственно, сейчас уже все равно. Однако Аквази всегда хотел того, чего хотел я. Или того, что было у меня. Вот так он забрал Нору.

На белом лице Трелони отразилось легкое презрение.

— Вы мне, как бы так сказать, сознаетесь в любовной связи между вами и вашей... хм... мачехой?

— Как сказать, — подтвердил Дуг. — Я бы скорее назвал это любовью. Однако это, пожалуй, не имеет никакого отношения к актуальной проблеме. Итак, что вы думаете предпринять, Ваше превосходительство? У Норы

Фортнэм никогда не было склонности к черным мужчинам. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что она никоим образом не отправилась в Блу-Маунтинс добровольно. Ее угнали насильно и удерживают в рабстве уже более пяти лет. Не наступила ли пора освободить ее?

Губернатор пожевал свою нижнюю губу и при этом размазал тщательно нанесенную на нее красную помаду.

— Э... прошло уже много времени, мистер Фортнэм.

Дуг принудил себя набраться терпения.

— Слишком много времени, ваше превосходительство. И, пожалуйста, не пытайтесь намекать на то, что Нора за это время, может быть, влюбилась в своего мучителя. Это вздор! Она... такая верная.

Трелони улыбнулся почти с сочувствием. Дугу стало понятно, что сейчас не имело смысла вспоминать еще и духа по имени Саймон Гринборо.

Губернатор откашлялся.

— Видите ли, мистер Фортнэм, ваша склонность и доверие к вашей... хм... мачехе заслуживают всяческой похвалы. Но я должен мыслить в гораздо больших масштабах. Я думаю, вы знаете, что мы находимся в преддверии заключения договора между короной и маронами Виндворда. В договоре будет признано поселение черных, будет узаконена их торговля с нашими городами, и это навсегда предотвратит набеги с таким трагическим исходом, как нападение на вашу плантацию. Мароны будут возвращать беглых рабов. Они готовы взять на себя обязательство соблюдать мир. А теперь, накануне подписания договора, я должен послать войска, чтобы освободить женщину, которая, может быть, даже не хочет, чтобы ее освободили? Я должен подозревать своих партнеров по переговорам в ее похищении и лишении свободы?

— Но как раз в этом они и виноваты! — резко прервал его Дуг. — Вы же не хотите задним числом снять с них подозрение в убийстве и поджоге?

Трелони снова извиняющимся жестом поднял руки.

— Без амнистии не обойдется, мистер Фортнэм. Вы же разумный человек. Надо оставить мертвых в покое.

— Но Нора Фортнэм ведь не мертва! — Дуг знал, что поступает неправильно, но он буквально закричал на губернатора. — Ее там наверху держат в плену, а вы мне говорите в лицо, что хотите принести ее в жертву на алтарь призрачного мира!

— Настоящего мира, — поправил его Трелони. Он действительно был очень терпеливым человеком. — А теперь успокойтесь, мистер Фортнэм. Подумайте сами — что я могу сделать?

Дуг пожал плечами.

— Сделайте ее освобождение условием заключения мира, — взволнованно сказал он. — Внесите имя Норы Фортнэм в один из пунктов вашего договора.

Трелони покачал головой.

— Этого я сделать не могу. Я не могу требовать выдачи супруги одного из их предводителей. К чему это приведет? Эти люди очень чувствительны, мистер Фортнэм. Ашанти. Народ, как я слышал, очень могущественный у себя на родине. Очень... хм... гордый.

Дуг не высказался по поводу того, что Трелони признает ашанти в качестве гордых партнеров по переговорам, но при этом, без всякого сомнения, поработил бы их, если бы они попались ему не как свободные люди в горах, а были доставлены к его порогу в цепях. Дискуссия ни к чему не приведет: для Трелони его «миссия мира» действительно более важна, чем свобода Норы. Одной рабыней больше, одной меньше. В этот раз белая, но ее ведь никто никогда не видел.

— Я этого так не оставлю, — сказал Дуг, с трудом удерживая себя в руках. — Даже если вы отмахнетесь от этой проблемы, я этого не сделаю. Я сам освобожу Нору!

Трелони изобразил упадок сил.

— Делайте то, без чего вы не можете обойтись, — в заключение сказал он. — Но не развязывайте войну. По поводу одного или двух вооруженных людей в вашем сопровождении я ничего не скажу — пусть даже я сомневаюсь, что вы найдете кого-нибудь, кто был бы настолько сумасшедшим, чтобы решиться на такую миссию. Однако же, если я услышу, что вы поднимаете на ноги целую армию, я прикажу вас арестовать.

Дуг кивнул и встал.

— Я понял, — холодно сказал он. — Я пойду один. И вернусь с Норой. Или же вообще не вернусь. Ваша проблема со мной, Ваше превосходительство, в любом случае решена.

Глава 5

— Мертва? — прошептала Нора. — Он думает, что я мертва?

Она уже не могла удержать дрожь в своих руках. Ничего не понимая, она посмотрела на Алиму.

— Мисси Нора мертвая! — заявила девушка тоном глубокого убеждения. — Мама тоже знает, правда? Мама, ты знаешь, где могила мисси...

Кейта перевела. Хадиджа кивнула и ответила что-то на своем языке.

— Конечно, женщины всегда приносят цветы, — снова перевела Кейта.

— И священник всегда молиться за мисси Нору и баккра Элиаса, — добавила Алима. — Мы тоже молиться. Потому что баккра Дуг хороший человек. И мама Адве говорит, мисси Нора хорошая женщина, только мертвая.

Девушка решительно настаивала на этом. У Норы было время прийти в себя, пока Манса уговаривала Алиму.

— Это мисси Нора. Определенно. Она не умерла, я клянусь!

Мария внимательно посмотрела на Нору.

— Ты думала, он тебя забыл, — сказала она спокойно. — Ты думала, он...

Нора кусала губы.

— Я больше не могу думать, — прошептала она. — Я... Мне так стыдно. Я должна была знать. Я бы никогда...

Мария обняла ее.

Манса тем временем убедила Алиму с тем неожиданным эффектом, что ее новая подруга вскочила на ноги и собралась бежать в деревню.

— Мисси Нора жива! Конечно! Мама! Я должна сказать папе! Он должен идти в Каскарилла или послать кого-нибудь. Кто-то должен сказать баккра Дугу. Тогда он больше не будет печальный!

Дуг Фортнэм планировал экспедицию с легким багажом. Он сам пойдет в горы, как и обещал губернатору, — тем более что эта идея казалась ему единственной, имеющей шансы на успех. Даже небольшая группа вооруженных людей никогда не сумеет пробраться в Нэнни-Таун — она окажется совершенно беспомощной перед превосходящими силами маронов. А большая армия... Дуг верил губернатору, зная, что тот выполнит свое предупреждение. Прежние губернаторы уже посылали в Нэнни-Таун

половину армии. Но город считался неприступным. Только у бойца-одиночки могли быть хоть какие-то шансы. Так, по крайней мере, считал Кеннет Лейжер, ветеран, который участвовал в прежних атаках на поселение маронов. Дуг еще раз встретился со своим новым другом Берфутом, который, со своей стороны, хотя и не собирался помогать ему, знал имена некоторых солдат, когда-то воевавших против Нэнни-Тауна.

— Они без особых усилий отогнали нас назад, — рассказал Лейжер, крепкий, закаленный в боях мужчина, за хорошо наполненным стаканом рома в таверне рядом с «торговым домом» Берфута. — И у них не было никаких потерь. У нас было немного, и то — нужно было быть полными дураками, чтобы бегать там, на расстоянии выстрела. Seriously, даже наш сержант не был таким идиотом, чтобы рискнуть идти на штурм, несмотря на то, что нас было две тысячи человек.

— Две тысячи? — ошеломленно спросил Дуг.

Лейжер кивнул.

— Но для того чтобы ворваться туда, нужно было тысяч десять или даже больше, в конце концов, все зависело от того, сколько у обороняющихся было боеприпасов. Между нами и поселением находилась река, и, пока мы переправлялись бы, ниггеры могли бы тренироваться в стрельбе по нам вместо мишеней. За рекой — плоская местность. Всего лишь пара-тройка ярдов, но их надо было преодолеть, не попав под выстрел. А потом крутой подъем. Невозможно обеспечить прикрытие, а нам пришлось бы стрелять снизу вверх. А у тех парней было самое лучшее укрытие в мире. Если село вообще можно захватить, то только ценой огромных потерь. А этого губернатор, к счастью, не захотел. Иначе меня бы здесь не было.

Дуг заказал мужчине еще один стакан рома. Затем он постепенно перешел к своему вопросу.

— Значит так, если бы я хотел кого-нибудь оттуда вытащить, — разглагольствовал Лейжер после третьего стакана, — то я бы заслал туда какого-нибудь ниггера.

Дуг насторожился.

— Раба? — спросил он затем. — Что вы имеете в виду?

— Можно и свободного человека, главное, чтобы он был черным. Ему нужно будет лишь немного побродить в окрестностях, ну, как будто он — беглый раб. Нэнни подберет его. Это точно, ошибки быть не может. Ну да, и когда будет уже в городе, он найдет эту белую бабу и смоеется вместе с ней. Очень простое дело.

— Вы, наверное, забыли о страже, — возразил Дуг.

Лейжер пожал плечами.

— Ночью все негры серые, — констатировал он. — А девушки тоже, бывает, бегают с мужиками в кусты или еще куда-нибудь.

Это может получиться. А вот для белого человека я вижу дела в черном цвете. — Он захихикал над собственной игрой слов.

Берфут покачал головой.

Дуг задумался.

— Идея не так уж плоха, — сказал он затем, — только вряд ли найдется доброволец. Кто же уходит в горы, а потом возвращается назад? Из рабов — точно никто. А уговорить какого-то свободного черного... Мне кажется, слишком велик риск, что он нас выдаст. Однако тогда можно было бы сделать по-другому... Берфут, старый друг, у вас в доме ведь все продается, не так ли?

Торговец ухмыльнулся.

— Я сам готов продаться за приличную сумму, — пошутил он.

Дуг послушно улыбнулся.

— Вы для меня слишком жирный, — сказал он, — но вот ваша девушка там, внутри... Как насчет нее? Вы продадите мне свою рабыню?

Запуганная рабыня из магазина Берфута не могла поверить своему счастью.

— Вы меня выкупать? Я в горы? — Она сделала попытку упасть перед Дугом на колени. — Вы уже дали золотую монету. Я уже богатая, скоро сама себя выкуплю, я...

— Ты можешь завтра пойти в горы, Принцесса, — повторил Дуг, спрашивая себя, кто же додумался дать девушке такое глупое имя. — Но не все так просто: ты должна оказать мне небольшую услугу.

Принцесса удивленно и настороженно посмотрела на него. Ей в голову пришла мысль о том, что в порту есть девочки и красивее ее. И, возможно, также на плантации Фортнэмов. Для того чтобы обладать такой женщиной, как Принцесса, не обязательно было выкупать ее.

— Это не то, что ты думаешь, Принцесса, — успокоил ее Дуг. — Речь идет кое о чем другом. Когда ты отправишься в Блу-Маунтинс, я пойду за тобой. Ты меня не заметишь, и мароны тоже, надеюсь, не заметят, когда схватят тебя. Но я буду там, и я спрячусь. Там есть родник ниже по течению реки за две мили от Нэнни-Тауна...

По крайней мере, так утверждал Лейжер, клянясь, что запомнил это место, будучи в составе разведывательной группы. Мужчины пересекли реку на несколько миль ниже Нэнни-Тауна, и затем попытались подойти к поселению сбоку. Однако это не помогло — здесь дороги тоже охранялись

и, кроме того, были слишком узкими для прохода армии.

— Возле родника буду ждать я. А ты в городе найдешь женщину. Белую женщину по имени Нора Фортнэм. И если она... если она меня еще... В общем, если она находится у маронов не по своей воле и захочет убежать, то она должна прийти туда. К роднику. Пусть не торопится, я буду ждать долго.

Дуг был готов ждать хоть всю жизнь, но разум подсказывал ему, что будет достаточно дать Норе месяц.

— Четыре... нет, шесть недель я буду ждать. За это время она должна найти возможность...

— А если она не верить мне? — спросила Принцесса. — Я только приبلудная негритянка. Если она подумает, что я вру?

Дуг наморщил лоб.

— Почему она должна не поверить тебе?

Но затем он залез в карман, вытащил оттуда камешку Норы и с болью в сердце вложил талисман в руку рабыни.

— Отдай ей это, — сказал он хрипло. — Тогда она тебе поверит. И она... В любом случае она может оставить это себе. Это было для нее очень дорого.

— А потом я свободна? — сердито спросила Принцесса.

Дуг вздохнул. Затем решительно посмотрел на нее.

— Принцесса, когда ты покинешь Спэниш-Таун, считай себя свободной. Только на первых милях смотри, чтобы не попасться в руки охотников за рабами. Я не могу заставить тебя выполнить то, о чем говорил, однако прошу тебя...

Принцесса кивнула и подняла руку.

— Я обещаю, господин. Я клянусь Богом.

Дуг вспомнил, что она верующая, и поймал себя на мысли о том, что впервые за много лет сам молится от всего сердца.

Принцесса едва могла дождаться выхода в дорогу, но Дугу понадобилось еще несколько дней, чтобы собрать себе снаряжение. Он пойдет в горы с легким багажом и легким оружием — если он будет вынужден сражаться с превосходящими силами маронов, то все равно проиграет. Его единственной надеждой было то, что на пути в горы его никто не заметит, потому что он собирался держаться неподалеку от Принцессы.

Женщина сможет передвигаться в Блу-Маунтинс открыто и без всякой маскировки и сразу же, без сомнения, привлечет к себе внимание стражи. Дуг надеялся, что часовые последуют за ней, и не будут ожидать, что за

женщиной крадется кто-то еще. Накануне заключения договора с губернатором Грэнни Нэнни, вероятно, не рассчитывает на нападение, и сторожевые посты вряд ли усилены. А что касается обратного пути... Он не уповал на то, что их не заметят, однако у него не оставалось другого выбора, кроме как рассчитывать на то, что сторожевых будет мало. Одного или двух постовых он легко мог бы одолеть. А может быть, у Нору будет какая-нибудь идея. Она уже пять лет прожила среди маронов. Было исключено, что ее до сих пор охраняют чрезвычайно строго.

Итак, Дуг взял с собой всего лишь один пистолет и доверился своему умению обращаться с саблей и охотничьим ножом. Если ему понадобится защищаться или нападать, то все это придется делать, по возможности, беззвучно. Первый же выстрел предупредит маронов об опасности, они соберутся вместе и схватят его.

Кроме того, он взял с собой долго хранящиеся продукты — прежде всего корабельные сухари и вяленое мясо из запасов мистера Берфута. Конечно, ожидая Нору, он мог ловить рыбу и ставить капканы и ловушки на животных, однако последнее было весьма рискованным. Если мароны найдут ловушку, он погиб. Его шанс заключался в том, что они не будут искать его.

Если же они заподозрят, что на их территории находится чужой человек, то все равно найдут его.

Наконец взволнованная Принцесса двинулась в направлении Нэнни-Тауна в соответствии с приблизительным описанием пути, которое дал ей бывший хозяин.

— Она же придет в нужный поселок? — озабоченно спросил Дуг, однако Берфут лишь ухмыльнулся.

— Кудойе-Таун находится в десятках миль на северо-запад отсюда. Аккомпонг сидит в Элизабет-Пэриш. Пока она доберется туда, люди Нэнни десять раз схватят ее. Пусть Принцесса бежит себе, а вы лучше берегите собственную голову!

Нэнни-Таун находился на расстоянии доброго дня пути от Кингстона — если только знать, куда идти. Принцесса, которая была не самой быстрой и передвигалась вперед робко, словно каждое растение хотело ее отравить, а каждый мотылек — сожрать, шла почти до самой ночи, пока не наткнулась на сторожевые посты Нэнни-Тауна. Она громко вскрикнула, когда какой-то вооруженный ножом и копьем воин выскочил перед ней из кустов. Дуг, который шел приблизительно в пятидесяти ярдах позади нее, быстро спрятался за кустом аккары. Он так же, как и Принцесса, был неприятно поражен появлением большого чернокожего воина. И мог лишь

надеяться, что часовой не обнаружил его и что он был один.

Теперь Дуг прислушивался к голосам впереди, и в нем стала закипать злость, когда «спаситель» Принцессы начал явно приставать к ней. Конечно, он отведет освобожденную рабыню в Нэнни-Таун, но сначала можно доставить друг другу немножко удовольствия. Такой ночной поход в направлении поселка, в конце концов, дело нелегкое...

Дуг молился, чтобы Принцесса не приняла его предложение, и чтобы этот мужчина не попытался силой заставить ее поддаться ему.

Для него ночной марш был намного безопаснее, ведь темнота была его дополнительной защитой. Но что будет, если часовой попытается изнасиловать женщину? Должен ли Дуг будет прийти ей на помощь?

К счастью, его опасения не подтвердились. Принцесса в ужасе стала защищаться. Она, конечно, уже не была девственницей, ведь Берфут держал ее не только в качестве продавщицы. Однако она была христианкой и хотела вести угодный Богу образ жизни.

Она мечтала о муже и, по возможности, настоящем венчании и очень подробно и понятно описала это грубому, крепко сбитому марону, который обнаружил ее. Мужчина, правда, понял только половину из ее потока слов с объяснениями и извинениями, но сообразил, что к ее слову «нет» надо относиться с уважением. С убитым видом он решил сопроводить Принцессу прямо в Нэнни-Таун, а через пару сотен ярдов наткнулся на следующего постового. Однако и тот, казалось, не испытывал ни малейшего желания провести всю ночь в кустах. Он тут же изъясил готовность участвовать в сопровождении Принцессы, и ни один из этих двоих не старался двигаться беззвучно или хотя бы понизить голос. По дороге к реке они обратили на себя внимание еще пяти постовых. Дуг попытался заметить, где они прятались, но это было бесполезно.

Мужчины смеялись, болтали с беглой негритянкой, которая направлялась в их поселок, и флиртовали с ней. В Нэнни-Тауне, без сомнения, наблюдался недостаток женщин. Еще двое сторожевых примкнули к эскорту Принцессы, наверное, для того, чтобы попытаться завоевать благосклонность новой девушки. Дуг спросил себя, не боятся ли они наказания. Конечно, было запрещено покидать пост без уважительной причины. Однако постовых здесь было так много, что хватило бы и половины, чтобы обеспечить безопасность поселка. Дуг толком не понял, что ему думать об этом, но, как бы там ни было, сам он остался незамеченным.

Часа через два он, следуя за черными мужчинами и Принцессой, дошел до реки Стоуни-Ривер и увидел вверху над рекой огни Нэнни-Тауна.

Чернокожие перебрали через речку и теперь, если верить объяснениям Лейжера, должны были взобраться на утесы.

Однако они явно повели Принцессу по более доступным обходным дорогам. Дуг подавил в себе желание последовать за ними, чтобы разведать путь для бегства Норы. Это было глупо. Нора пробыла здесь достаточно долго, чтобы знать дорогу. А сам он не решился идти в львиное логово Аквази. Поэтому Дуг пошел дальше, вниз по течению, — теперь уже очень осторожно, остерегаясь новых часовых. В том месте, которое показалось ему безопасным, он, в конце концов, пересек реку и натолкнулся на что-то вроде тропинки, которая вела от Нэнни-Тауна вниз по течению реки. И тут у него почти остановилось сердце, когда он внезапно услышал шаги. Ему навстречу явно кто-то шел. Дуг спрятался в кустах и услышал откуда-то сверху:

— Эй, вы двое! Все в порядке? Вы поздно! Королева говорит, вы не должны идти ночью.

Это был недовольный мужской голос еще одного скучавшего часового, сидевшего на дереве. Однако он не казался удивленным: человек, скорее всего, ожидал увидеть каких-нибудь жительниц Нэнни-Тауна, а вовсе не беглых рабов.

Вместо ответа раздался женский смех. А затем:

— Не пугай лошадей, Джимми, у тебя нет их. Иначе твое колдовство не подействует, которое ты сделал Тили. Ты не говорить, Джимми, для кого ты сделал маленькое колдовство! — Снова хихиканье. Очевидно, это были две молодые девушки.

Дуг постарался слиться с тенью пальмы, когда они прошли мимо, но поводов для беспокойства у него не было. Одна из черных девочек и часовой Джимми явно видели только друг друга. К большому удивлению Дуга, мужчина покинул свой пост, спустившись с дерева вниз, и примкнул к девочкам. Флиртуя с Тили, он исчез в направлении Нэнни-Тауна. Дисциплина часовых этого поселка явно оставляла желать лучшего.

Однако вид девочек, которые были закутаны в широкие темные одежды, натолкнул Дуга на новую идею. Наверное, эта дорога вела к какому-то святилищу, где женщины и девушки проводили свои маленькие церемонии обеа. Такое было распространено на каждой плантации, и, конечно, женщины участвовали в обрядах, посвященных любви и плодородию, ночью. Таким образом, часовые здесь привыкли к тайным прохожим. Дуг вытащил из своего рюкзака одеяло и завернулся в него, как в покрывало. Ночью он должен был быть похожим на женщину, которая тайно пробиралась на встречу со своими духами.

Замаскированный таким образом, Дуг пошел по дорожке вдоль берега реки, который был удивительно хорошо утоптан. А ведь Лейжер называл родник и находящиеся вблизи него пещеры тайным укрытием... Ну да, со времени атак всех губернаторов на Нэнни-Таун произошло очень многое. Может быть, поселение расширилось, и место, где спрятался Дуг, теперь находилось ближе к хижинам. Для него, конечно, это было более опасно, но для Норы, если она захочет прийти к нему, — проще.

Домов или огней на своем пути он не увидел. Луна светила тускло, и было темно хоть глаз выколи, когда он достиг поворота реки, где ручей должен был впадать в Стоуни-Ривер. Ручей он тоже нашел сразу. В последние дни постоянно шел дождь — в нем было много воды. Дуг зашагал вдоль ручья, как ему сказал Лейжер. Дорога проходила сначала через глубокий лес, затем джунгли стали реже. Перед глазами Дуга открылась незабываемая картина. Источник отражал лунный свет и напоминал ослепительно освещенную сцену театра. Светящимися каскадами вода стекала по гладким круглым камням... Несмотря на усталость, Дуг не мог налюбоваться этим зрелищем. А слева отсюда должны быть пещеры... Он опустил одеяло и отправился на их поиски.

— Не двигаться! Убери руки от сабли! У меня есть оружие!

Пронзительный голос прозвучал слева — видимо, из какой-то пещеры. Дуг испуганно повернулся туда и рассердился на себя самого. Зачем он преподнес себя, как на тарелочке? Неужели не мог сначала внимательно присмотреться к просеке?

— Ты кто такой? Как ты сюда попал? Ты не ниггер!

К своему удивлению, Дуг осознал, что голос принадлежит женщине. Женщине, которая говорит на очень хорошем английском языке.

— Мадам... — По-прежнему никого не было видно, голос звучал из темноты, но кто-то взвел курок ружья. Затем раздалось какое-то странное хихиканье.

— Мадам? Так меня еще никто никогда не называл!

— Я не желаю вам ничего плохого, мадам, пожалуйста...

Может быть, ему удастся усыпить бдительность этой женщины, и он сможет убежать, прежде чем она вызовет часовых. Если только она сама здесь не прячется. Дуг осмотрелся по сторонам в поисках пути к бегству.

— У меня красть нечего! А если ты хочешь посягнуть на мою честь...

— Снова смех, похожий на гогот привидения. — Ну, последний раз это было давно, может быть, я еще смогу получить удовольствие.

С этими словами на свет луны вышла женщина. Это была полноватая пожилая негритянка, которая немного напомнила Дугу маму Адве. Она

улыбнулась ему беззубым ртом.

— Меня зовут Толо, — представилась она. — Добро пожаловать в мое царство!

Дуг оглядел просеку и увидел хижину, которая была наполовину встроена в одну из пещер. Она выглядела так, словно гора разрежала ее на две части. Перед ней находились небольшие постройки. Курятник, тщательно огороженный, и несколько крохотных хижин — их дверцы были открыты, приглашая духов.

Дуг кое-что понял.

— Ты — колдунья-обеа, — сказал он. — Значит, вот почему дорожка была такой утоптанной. Женщины ищут помощи в твоих ритуалах.

Толо засмеялась.

— Когда-то я ею была. А сейчас идем или ты хочешь попасть в руки часовых? Мне достаточно только выстрелить из ружья, и они прибегут. Прибегут и в том случае, если мы будем слишком сильно шуметь. Я здесь не одна, белый человек.

Предупреждение было ясным и понятным, но все равно было странно, что колдунья живет так далеко от села.

Дуг последовал за женщиной в хижину, которая была полукруглой и не имела окон, но через дыру в крыше в нее попадало немного лунного света. Пахло лекарственными травами и болотом. В пещере должно было быть влажно.

— Так что тебе здесь нужно? — спросила Толо. — Губернатор все же планирует напасть на деревню, и ты — его шпион? Я в это не верю, для этого ты слишком неумелый! Однако тебе все же удалось незаметно добраться сюда...

Дуг пожал плечами. Толо жестом указала ему, чтобы он сел на пол, и протянула ему подушку. Дуг поблагодарил ее и сел.

— Часовые не очень внимательные, — заметил он.

Толо захихикала.

— Это потому, что Нэнни нет здесь, — сообщила она. — Аквази они всерьез не воспринимают.

— Разве Аквази ее заместитель? — вырвалось у Дуга.

Толо внимательно посмотрела на него.

— Ты знаешь Аквази? — спросила она.

Дуг кивнул с мрачным видом.

— Это меня действительно не удивляет, — сказал он затем. — Он — умная голова.

Толо наморщила лоб.

— Да? Ну, значит, мужчины судят иначе, чем я. А теперь говори. Что привело тебя сюда?

— Где же Грэнни Нэнни? — ответил Дуг вопросом на вопрос. — Я думал...

— Королева и король встречаются в горах с Кудойе и Акком-понгом. Для того чтобы вызвать своих богов, в связи с предстоящим договором с губернатором. Я надеюсь, что боги услышат их. Африка далеко...

Голос Толо звучал не очень оптимистично.

Дуг улыбнулся.

— Разве Бог не отовсюду слышит нас? — спросил он.

Толо вскинула брови.

— Наверное, это зависит от бога, — уклончиво заметила она. — Африканские боги никогда не путешествовали далеко...

Так что же мне делать с тобой? Что, опять брать оружие, чтобы ты заговорил?

Дуг ухмыльнулся. Он давно бы уже одолел эту толстуху, прежде чем она вытащила бы пистолет и взвела курок, но он был очень далек от этого.

— Меня зовут Дуг Фортнэм, — представился он. — Из Каскарилла Гардене. Ты знаешь Нору Фортнэм?

Он говорил спокойно, но внутренне весь дрожал. Все еще было возможно, что он ошибается. Белая женщина не обязательно должна быть Норой...

Широкое черное лицо Толо искривилось в улыбке.

— Что-то ты поздно пришел, — заметила она.

Дуг не понял.

— Она ожидала тебя раньше, — уточнила старуха. — Захочет ли она тебя теперь, я не знаю, не знаю...

Это прозвучало, как легкий упрек, однако для Дуга эти слова были как нож в сердце.

— Я думал, что она умерла. Я думал, что потерял ее. Если бы я только знал! Я бы приехал на следующий день, я...

— Тогда, наверное, мертвым был бы ты, — спокойно сказала Толо. — Духи иногда проделывают с нами разные шутки. А сейчас ты хочешь забрать ее с собой? Аквази это не понравится.

Дуг вскочил.

— Понравится ему это или нет, мне все равно. Я никогда не делал ему ничего плохого, а уж Нора и подавно. Если надо будет, я буду сражаться за нее.

— Значит, ты хочешь пойти к королеве и предложить дуэль с Аквази?

— Толо с издевкой рассмеялась. — Это похоже на сказку, которую мы еще сто лет будем рассказывать своим детям.

Дуг прикусил губы.

— Нет, скорее нет, — ответил он. — Губернатор не хочет дипломатических осложнений. Никакой белой рабыни, никакого загадочного освобождения. Я думал так: если я ей все еще нужен, она просто придет сюда, а потом мы вместе уйдем.

Толо снова рассмеялась.

— Значит, ты уже послал ей любовное письмо? — осведомилась она. — С белой голубкой? Дочка моей старой миссис рисовала что-то похожее на своих письмах. С сердечком в клюве...

Дуг на этот раз тоже рассмеялся.

— Нет, скорее с черной вороной. Но она узнает, что я жду ее здесь. Если ты мне разрешишь.

Толо спокойно кивнула.

— Если духи послали тебя... Да кто я такая, чтобы помешать тебе? Однако ты должен спрятаться! Вокруг холма есть еще пещеры. И не представляй себе это слишком легким делом. Никто отсюда так просто не уйдет, если этого не хочет королева. А Аквази пользуется большим влиянием на нее. — Толо встала и отодвинула в сторону занавеску, закрывавшую вход в ее хижину. — Но ты тоже должен быть уверен, что Нора все еще нужна тебе, — в конце концов, сказала она почти с неохотой. — Если она придет, то не одна, белый человек. У нее есть ребенок.

Глава 6

Слух о том, что часовые поймали беглую рабыню, распространился быстро, а Нора случайно оказалась рядом, когда Принцессу повели к Аквази. Было воскресенье, и Дэдэ потребовала, чтобы они пошли к Джефу в его хижину. Маленькой девочке нравилось сидеть на полу, как сидят африканцы, есть руками, а потом бить в барабаны, которые стояли и лежали везде. Дэдэ с восторгом смотрела на пестро разрисованные щиты на стене, на копья и яркие подушки и ковры. Маану не жалела усилий, чтобы обустроить свое жилье по африканскому образцу, в то время как Нора старалась, чтобы ее дочка знала, что такое мебель, и ела ложкой. Поэтому визит в гости к ее второй маме вносил приятное разнообразие в их жизнь.

Конечно, у Норы комок подступил к горлу, когда Дэдэ назвала так Маану в первый раз, однако потом она поняла, что это обращение Дэдэ узнала от Нэнни. Королева с удовольствием играла с обоими детьми, когда Дэдэ приходила в гости к Джефу, будучи одинаково доброй бабушкой, как с дочерью Норы, так и с сыном Маану. Нора спрашивала себя, не страдает ли Нэнни оттого, что у нее самой нет детей, но, может быть, это было нормальным для королевы племени ашанти. В Африке были племена, которые возглавляли женщины, как узнала любительница поговорить Мария от некоторых освобожденных рабынь. В племени ашанти сестра или тетка вождя являлась председателем своего собственного совета и после вождя была самым влиятельным лицом в племени. Возможно, этим женщинам не разрешалось выходить замуж вообще. Или же бездетность Нэнни объяснялась тем, что когда-то сделал с ней баккра. Об этом тоже ходили слухи. Омерзительные действия по отношению к девушке были причиной того, что братья и сестра сбежали с плантации. А сама Нэнни, как говорили, позже жестоко убила своего баккра.

И вот теперь Нэнни и Квао где-то в горах призывали каких-то своих богов благославить наконец-то согласованный договор, а Аквази оставался на месте и руководил поселком. Сам себе он при этом казался чрезвычайно важной персоной, что заметила Нора, когда он демонстративно занял место на «троне» вождя и приказал поставить перед собой новоприбывшую женщину.

Принцесса рассказала обычную историю. Ее хозяин перегружал ее работой и издевался над ней. Когда он напился и уснул, она сбежала. Ей

повезло, что ее не поймали.

— Значит, ты его не убила? — спросил Аквази.

Было похоже на то, что позже это будет важным. Договор предусматривал, что беглых рабов будут возвращать их хозяевам, по крайней мере, при определенных условиях.

Принцесса энергично покачала головой.

— Я не убивать. Я христианка! — Она протянула ему дешевый крестик, который носила на шее. — Я крещена! — гордо сказала она. — Новый проповедник крестит рабов. Говорит, что перед Богом и сладким господином Иисусом все равны!

Преемник проповедника Стивенса наконец-то приехал на Ямайку. И он рассматривал вопрос о душах чернокожих по-другому, иначе, чем его предшественники. Он крестил их целыми толпами после каждого богослужения.

На Аквази это не произвело никакого впечатления.

— Хорошо. Ты можешь оставаться здесь. Но ты должна будешь взять себе мужа. Здесь... — Он окинул взглядом группу мужчин, которые привели сюда Принцессу. — Талли! Ты хочешь взять ее?

Женщина бросила испуганный взгляд на рослого молодого мужчину. Это был тот часовой, который ночью остановил ее.

— Я не сразу мужа, — отбивалась она. — Не какого-нибудь мужа. Я христианка.

— Талли — это не какой-нибудь мужчина! — поучительно сказал ей Аквази. — Он один из наших лучших воинов. Ему принадлежит много земли, но у него нет жены, чтобы обрабатывать ее. Ты хочешь ее, Талли?

Нора и Мария возмущенно наблюдали за этой сценой. Конечно, новоприбывшая женщина должна была взять себе кого-нибудь в мужья, это было общепринято. Однако же не так быстро, чтобы это не было похоже на набег! В Африке девушек выдавали замуж их отцы — чаще всего даже не спрашивая их согласия. И об этом женщины тоже уже узнали. Однако в этом поселении прижилась обычная, принятая на плантациях практика: когда сюда прибывала одинокая женщина, то неженатые мужчины начинали бурно ухаживать за ней, и, в конце концов, она сама выбирала, кого возьмет себе в постель. При этом молодые женщины в Нэнни-Тауне в основном ориентировались на то, каким авторитетом пользуется мужчина в обществе и сколько у него земли. Но к этому нельзя было принуждать Принцессу. Если для нее вера ее мужа была важнее...

Удивительно, но именно Маану в какой-то момент вышла вперед.

— Разве ты, Аквази, ее отец, что выдаешь ее замуж? — насмешливо

спросила она. — Или ты ее баккра, что продаешь ее? Что тебе за нее предложил Талли? Ты не должна выбирать себе мужа прямо сейчас, Принцесса. Ты можешь сама построить себе хижину и найти мужа позже.

— Но я не умею строить дом! — в отчаянии сказала та.

Эта ситуация была явно не по ней. Она совсем не так представляла себе свободу.

— Вот видишь, — заметил Аквази своей жене. — Она хочет Талли. Или лучше Робби?

Другой мужчина, несколько меньше ростом, тоже из ночного эскорта Принцессы, выступил вперед и облизал себе губы.

— Я хочу христианина, — настаивала смущенная Принцесса. — Кто-то из вас двоих христианин?

Люди на деревенской площади рассмеялись. Среди потомков испанских рабов многие молились Святой Троице, однако при этом поклонялись и другим богам и духам-обеа. Никто здесь не называл себя христианином.

— Она может подождать, пока возвратится Нэнни! — настаивала Маану. — А Талли и Робби пусть уже сейчас строят хижины. Тогда она могла бы выбрать того, кто построит более красивый дом.

Это тоже, казалось, было важным критерием в выборе мужа в определенных племенах Африки.

— Я хочу христианина! — повторила Принцесса. — Но где же спать, если нет дома?

Нора наморщила лоб. Она не могла толком понять, как ей оценить девушку. Принцесса, скорее всего, была домашней рабыней — пусть даже у нее был только один хозяин, и она не жила в большом доме с хозяйской женой и детьми. Она явно была не с плантации — там никто не боялся провести несколько ночей под открытым небом. И еще она сказала, что пришла из Кингстона. Нора с удовольствием познакомилась бы с новым тамошним проповедником, который крестит рабов. Однако теперь ей придется позаботиться об этой явно не самостоятельной девушке. И остается надеяться, что Маану поддержит ее в этом.

— Ты можешь пожить у меня, — сказала она спокойно. — Пока не вернется Нэнни.

Принцесса засияла — на ее лице появилось что-то похожее на выражение радостного признания. Нору это удивило: обычно только что освобожденные рабыни враждебно относились к белой женщине.

— Твой муж не будет возражать? — спросила Принцесса.

Нора бросила на Аквази твердый взгляд.

— Мой муж тут руководит делами вместо королевы, — она словно выплевывала эти слова, — пусть даже очень своевольным образом. Однако, пока она не вернется, он будет оставаться в селе. У своей другой жены.

Принцесса перекрестилась.

— А ты — христианка? — переспросила она.

Нора кивнула, хотя в последнее время стала сомневаться в этом. В конце концов, ни Бог, ни его сын, ни разу не услышали ее молитв.

— Я крещена, — сказала она.

Принцесса счастливо улыбнулась.

— Тогда я иди к миссис! — ответила она Аквази и кандидатам на ее руку.

Талли и Робби начали наперебой уговаривать Аквази. Остальные же из присутствующих неженатых мужчин увидели в этом новые шансы для себя и стали многообещающе улыбаться Принцессе, когда Нора вела ее через толпу, которая уже начала рассеиваться. Однако девушка не обращала на этих мужчин внимания.

— Я также новость для миссис! — прошептала она Норе, которая не очень прислушивалась к ней, поскольку озиралась вокруг в поисках своей дочери. — Поэтому хорошо, что я иду с вами. Бог распоряжается всем по своему усмотрению, говорит проповедник.

Нора вздохнула.

— Тогда будем надеяться, что он прав, — оборвала она женщину и широко улыбнулась, когда обнаружила свою дочку. Малышка играла с Джефом в великих воинов и вся была покрыта боевой раскраской — известью и красной грязью.

— Дэдэ, вот ты где! Хотя тебя трудно узнать. Иди сюда, нам пора уходить. У нас гостья, Дэдэ, и, представь себе, ее зовут Принцесса! Разве это не прекрасное имя? — Она подняла маленькую девочку на руки, и Принцесса ошеломленно взглянула в ярко-зеленые глаза ребенка, так похожие на глаза ее матери.

— Принцесса, это моя дочь Дейрдре.

Она не поняла, почему Принцесса снова перекрестилась.

Аквази ночью не показывался, но Нора этого и не ожидала. Принцесса, полностью изможденная, заснула на полу в ее хижине, в то время как хозяйка с Дэдэ была еще у ручья, смывая с малышки краску. Вернувшись, Нора не стала будить ее, решив подождать до следующего утра, когда та проснется от ароматов еды. При этом она задумала приготовить своей новой подруге «белый завтрак». У нее не было трески, но она поджарила сладкие стручки гибискуса — Нора сама, как и раньше,

предпочитала традиционный завтрак белых людей на Ямайке, в отличие от африканцев, которые любили бобы. Кроме того, Нора поднакопила немного кофе. Она выращивала кофейные бобы на своем участке земли и сама поджаривала их.

Как и ожидалось, Принцессу выманил на свет божий запах еды. Она с сонным видом, пошатываясь, вышла из хижины и присела на корточки рядом с Норой у огня. Сидеть на земле, казалось, было ей непривычно — она точно попала сюда не из Африки. Возможно, она родилась уже здесь, в рабстве.

Пока Нора маленькими глотками пила свой кофе, внезапно появилась Маану. Нора удивилась этому. Та редко оказывала ей честь своими визитами и уж точно никогда не появлялась так рано утром. Нора насторожилась, в то время как Принцесса уставилась на молодую женщину с восхищением. У Маану был яркий и экзотический вид. На ней был пестрый кафтан, а ее длинные волосы кто-то сплел в несколько десятков мелких косичек, тесно прилежавших к голове. Это подчеркивало изящную аристократическую форму ее черепа и лица — Нора опять невольно вспомнила легендарную царицу Клеопатру. Однако у Маану был далеко не счастливый вид, и держалась она не так гордо и самоуверенно, как обычно.

— Я хотела спросить, как у нее дела, — обратилась она к Норе и указала на Принцессу, после того как поздоровалась с той.

Нора пожала плечами.

— Спроси у нее сама, она в состоянии говорить за себя, — заметила она. — А у меня до сих пор еще затруднения со чтением мыслей. Но это ты знаешь...

Она налила еще один стаканчик кофе для Маану.

Та не удостоила Принцессу даже взглядом. Она явно пришла сюда только к Норе и по какому-то делу.

— Ты... ты же не расскажешь об этом королеве? — тихо спросила она.

Нора наморщила лоб.

— О чем? — спросила она. — О деле с Аквази? О его попытке выдать новую жительницу Нэнни-Тауна за трофей для заслуженных воинов? Королева все равно, так или иначе, узнает об этом. И, как ты прекрасно знаешь, я не отношусь к доверенным лицам королевы.

Маану играла своим браслетом. Она носила пестрые украшения, которые изготавливали несколько женщин из Африки в свободное время.

— Он... не такой, — робко пробормотала она. — Он просто...

Нора старалась поймать ее взгляд.

— Маану, тебе не нужно защищать его. Я совершенно точно знаю,

какой он. Наш с тобой общий муж переполнен жалостью к себе самому, потому что, когда ему было десять лет, с ним обошлись ужасно несправедливо. Чтобы отомстить за это, он много лет наносит удары вокруг себя, хотя теперь у него уже нет никакого основания для подобных действий. Он является уважаемым человеком, он получает все что хочет — но нет, ему еще нужно и покрасоваться...

— Он хочет, чтобы эти мужчины поддерживали его, — объяснила Маану. — Они должны чувствовать себя обязанными ему, если когда-нибудь... Если...

— Если что? — спросила Нора. — Он что, планирует поднять восстание против Грэнни Нэнни или боится, что губернатор все же пришлет сюда войска и ему придется убегать и где-нибудь в другом месте основать свой город? Или же он просто хочет купить себе друзей, потому что у него их нет?

Маану спрятала лицо в ладонях.

— Он боится, что она отошлет тебя обратно, — сказала она глухим голосом. — Когда будет подписан договор. Тогда он не сможет больше скрывать тебя, а когда губернатор узнает, что ты здесь... Он может потребовать тебя назад.

Нора поставила свой стаканчик на землю. Она, не веря своим ушам, смотрела на Маану.

— Аквази рискнет поднять восстание против Нэнни, чтобы удержать меня здесь?! — ошеломленно спросила она. — Однако это... Боже мой. Маану, я просто не могу быть для него такой важной! Это невозможно, он...

— Он любит тебя, — коротко ответила Маану. — Я не имею ни малейшего понятия, как тебе это удалось.

Она вздохнула и перевела свой пустой взгляд с Норы на Принцессу, которая явно нервничала.

— Что делает девушка-христианка, если хочет какого-то мужчину больше, чем все другое? — устало спросила она. — Что за магия есть у вас, какой нет у меня?

Норе вдруг стало жаль ее. Однако Маану не должна слишком далеко заходить в этом деле, которое, в конце концов, может привести к обвинению в колдовстве.

— Единственным, что я могла сделать для мужчины, которого хотела больше всего на свете, — твердо сказала Нора, — была молитва. Но ничего не помогло. Он все равно умер. И мне очень жаль, Маану, однако после этого я не особенно усердно кокетничала. До этого я, конечно, несколько вещей... в общем, попробовала. Я могла грациозно прохаживаться в своем

платье с кринолином, покачивая бедрами, и словно нечаянно на мгновение показать молодым мужчинам свои ноги. Я могла дать якобы случайно сдвинуться в сторону кружевам на своем декольте, чтобы позволить им взглянуть на мою грудь... Однако это не имеет никакого отношения к магии.

— Христиане не делают колдовства! — категорично заявила Принцесса.

Нора пожала плечами.

— Я бы так не сказала. Я еще хорошо помню истории королевского двора Франции. Метрессы Людовика XIV... Возможно, не одна из них занималась колдовством. Некоторых даже судили за это. Разве не было такой мадам де Монтеспан? Или этой мадам де Ментенон с Мартиники? Однако там речь шла о страшных вещах, кровавых жертвоприношениях, убитых детях...

Принцесса снова перекрестилась, однако Маану по-прежнему смотрела куда-то в пустоту.

— Я только украла одну курицу, — созналась она. — Для колдуна-обеа. За это он обещал мне сотворить колдовство. Но заполучила его ты! — Прежний исполненный ненависти взгляд снова упал на Нору.

Та прикусила губы. Она поняла. Теперь наконец-то она поняла все.

— Ты принесла в жертву курицу, чтобы заполучить Аквази? — спросила она. — А он вместо этого... Ты нас видела, да? И ты считаешь, что твой дуппи, или его дуппи, или... — Она оборвала себя. Все же трудно было полностью разобраться в этом деле. — Однако, Маану, я не делала никакого колдовства! — пыталась объяснить она. — Я просто была пьяной и одинокой. Поэтому и не отбивалась. И я была влюблена, однако совершенно точно не в Аквази.

Принцесса крестилась не переставая.

— Аквази тоже украл курицу, — внезапно сказала Маану почти беззвучно. А затем встала, ничего больше не объясняя. — Пожалуйста, не выдавай его королеве. Может быть, когда-нибудь он поймет.

Больше она не сказала ничего.

Нора кивнула ей.

— От меня она никогда ничего не узнает. Но ты тоже должна мне кое-что пообещать. Ты уже достаточно долго мстила мне.

Если Нэнни когда-нибудь захочет отослать меня назад, в город, — не отговаривай ее!

Принцесса пододвинулась ближе к Норе, когда Маану ушла.

— Ты не должна ждать, когда Нэнни посылать тебя обратно, — с

заговорщицким видом прошептала она. — Я здесь не потому, что убегать. Слишком сильно бояться убегать, баккра отрубает ногу, ты знаешь... — Она вздрогнула. — А проповедник говорит, что хороший христианин — это хороший слуга.

Нора слушала ее в полуха. Она была еще слишком сильно взбудоражена тем, что рассказала Маану. Значит, та действительно знала об интрижке Норы с Аквази и считала, что Нора присвоила себе ее колдовство. Неудивительно, что она возненавидела Нору. Воруя курицу, Маану рисковала жизнью. Однако ей не удалось заставить Аквази полюбить ее.

— Я здесь потому, что меня выкупил баккра Фортнэм, — продолжала Принцесса, и все внимание Норы мигом устремилось на нее. — Он меня посылать сказать белой миссис, что он ждатель. У родника, две мили отсюда. Ты иди к нему, белая миссис, если ты его еще хочешь! Он тебя отводит домой! Вот доказательство!

Камея из старого кольца с печатью Саймона опустилась на ее ладонь. Нора, не веря своим глазам, смотрела на нее. Потом она разрыдалась.

Глава 7

Нора шла по тропинке вдоль берега реки с колотящимся сердцем. Она понадеялась на то, что Аквази и этой ночью не придет к ней, и под прикрытием сумерек отправилась в дорогу. Однако и без того никто бы не остановил ее. На просеке у воды стояла хижина Толо. Часовые не запрещали женщинам ходить туда. Однако Дуг вряд ли смог бы так долго пробыть возле родника, оставаясь незамеченным старой баарм мадда. Значит, возможны были три варианта. Либо Принцесса ошиблась, и тогда она никогда не найдет Дуга. Либо он вовремя заметил хижину Толо и убежал до того, как его смогли обнаружить, — это тоже не приведет ее к цели. Или же Толо спрятала его.

Последняя мысль заставила сердце Норы учащенно забиться. Толо всегда была на ее стороне. Может быть, она даже поможет ей совершить побег. Она, должно быть, знала каждую тропинку вокруг своей хижины — определенно существовала возможность обойти Нэнни-Таун выше поселения, а затем пробиться к северо-восточному побережью. Там были небольшие населенные пункты, вроде Порт-Антонио и Порт-Марии, где можно было бы найти укрытие. Убежать прямым путем в направлении Кингстона Нора считала невозможным. В лесу было полным-полно воинов, которые предпочитали стоять на постах хотя бы потому, что при этом их не заставляли заниматься ткачеством или изготавливать горшки. Мужчине, женщине и ребенку никак не удалось бы пробиться через эту охрану.

Но заберет ли Дуг ее с Дэдэ?

Нора отчаянно пыталась не возлагать слишком больших надежд. Может быть, он сразу же уйдет, как только услышит, что она давно уже — жена Аквази.

Дуг Фортнэм наблюдал за просекой из пещеры, находившейся немного выше хижины Толо. Старая женщина — а до этого и Лейжер — не преувеличивали. Местность изобиловала идеальными укрытиями. И если залезть повыше, то легко было найти пещеры, которые могли служить наблюдательным постом. В одной из них Дуг находился уже два дня и с каждым часом становился все нетерпеливее. Не могло же быть слишком трудным для Норы притвориться, что ей нужно посетить Толо! Чего еще она там ждет? Может быть, Принцесса еще не добралась до нее? Может быть, ее по-прежнему держат в плену? Или она просто не захотела увидеть его? Известие о том, что у Норы есть ребенок, тяжелым грузом легло ему

на сердце. Норе придется принимать решение, взять ли малыша с собой или оставить в Нэнни-Тауне. И, кроме того, чтобы ни говорила Толо, — может быть, она уже давно научилась любить Аквази.

В самые тяжелые часы Дуг вспоминал о леди Холлистер. И она тоже, конечно, пережила много ужасных вещей со стороны своего мужа. Тем не менее, она безоговорочно стала на его сторону. Наверное, она любила его. Дуг потер лоб. Вечные размышления вызывали у него головную боль. Если ему действительно придется ждать здесь четыре или шесть недель, он сойдет с ума.

Но вдруг какая-то женщина вышла на просеку и огляделась по сторонам. Она пришла из Нэнни-Тауна, но не отправилась уверенно к хижине Толо, как это делали посетительницы перед ней. И она была меньше ростом, чем большинство черных женщин. Она была изящной...

Сердце Дуга бешено заколотилось. Сосредоточившись изо всех сил, он всматривался в сумерки. Женщина нагнулась к пруду возле источника. Она пила воду. Дуг увидел маленькие нежные руки. А затем тюрбан, который был у нее на голове, как у всех остальных женщин здесь, развязался и освободил пышные волосы. Дуг не мог толком рассмотреть цвет, однако волосы были светлее, чем у негритянок, и кожа тоже была светлее.

— Нора!

Дугу удалось подавить в себе крик, но все же ее имя вполголоса сорвалось с его губ. Женщина подняла голову, словно услышав его. Дуг выпрямился, задев при этом головой потолок пещеры, потому что она была в половину человеческого роста. Затем он стал спускаться вниз по скале — ему показалось, что это длится бесконечно долго. Он не должен рисковать, она ведь может снова уйти!

Дуг глубоко вздохнул, оттолкнулся и полетел в пруд, из которого только что пила Нора.

Когда он вынырнул, отдуваясь, то увидел прямо перед собой ее сперва ошеломленное, но тут же засиявшее лицо.

— Я часто просила богов, чтобы ты пришел, — заметила Нора. — Но им понадобилось очень много времени. Однако то, что они сбросили тебя прямо с небес...

Дуг вышел из воды и обнял ее.

— Небо там, где ты! — прошептал он. — О Боже, Нора, как я тосковал по тебе! Я ведь думал, что ты умерла...

Он поцеловал ее, и Нора ответила на его поцелуй, словно в последний раз обнимала его не далее как вчера. Она почувствовала невероятное ощущение целостности и облегчения. Он был здесь, наконец-то здесь.

Человек. Не дух, не мечта, не порождение ее тоски. Прошла вечность, прежде чем она посмотрела на него. Лицо Дуга стало более зрелым, а сам он, казалось, стал еще худощавее; веселые ямочки, которые раньше мгновенно появлялись от смеха на его щеках, уступили место первым признакам забот и напряжения. Но, может, это все из-за того, что он прошел через джунгли и так долго со страхом ожидал ее. Его волосы были густыми и светлыми, как и раньше, длинными локонами они спадали на плечи. А когда он улыбнулся ей, у него на щеках появились те самые ямочки, которых ей так не хватало.

И как когда-то сто лет назад, Нора просто улыбнулась ему в ответ.

Дуг с нежностью смотрел на ее тонкое лицо, похожее на лицо феи, которое сейчас было таким загорелым, почти как у мулатки. И на эти светящиеся зеленые глаза, которые он видел каждой ночью в своих снах и мечтах. Тело Норы стало более худощавым, но одновременно и более женственным, и Дуг чувствовал ее маленькие твердые груди под простой блузкой. Она носила то, что носили рабыни на Ямайке: закрытую юбку и поношенную блузку. Аквази, видимо, не баловал свою «супругу».

— Ты пришла! Но захочешь ли ты уйти вместе со мной? — спросил Дуг, переводя дыхание после того, как они снова поцеловались.

Нора кивнула.

— Если ты возьмешь меня с собой. Но я приду не одна, Дуг. Толо, наверное, рассказала тебе: у меня есть ребенок.

Дуг принял бы Нору даже с тремя детьми. Он никогда не чувствовал себя таким абсолютно счастливым и довольным, как в эту ночь на просеке. Собственно говоря, он ожидал, что Толо покажется здесь, чтобы приветствовать свою подругу, но старуха не делала ничего, что могло бы помешать свиданию Норы и Дуга. И было оно более длительным и сердечным, чем Дуг когда-либо мог ожидать. Нора, не задумываясь, полезла вслед за ним в его укрытие — она очень умело карабкалась по скале, упираясь в камни своими босыми ногами, словно аборигенка. Ей будет непросто снова привыкать к жизни белой миссис — сколько понадобится одной только пудры, чтобы скрыть такой загар!

От этой мысли Дуг улыбнулся, но затем он уже ни о чем не думал, у него оставались только чувства. Он умирал от ее любви, оставляя себе время снова познать ее тело и разбудить его. При этом ему пришлось быть намного более осторожным, чем тогда, в их первую ночь в Каскарилла Гардене. Нора отпрянула назад, когда он попытался прикоснуться к ней и лечь на нее. Дуг провел несколько часов, целуя и поглаживая ее, пока, наконец, она снова смогла доверчиво открыться ему.

— Я должен буду убить Аквази за то, что он сделал с тобой, — прошептал он.

Нора прижалась к нему.

— Может быть, тебе действительно придется это сделать, — тихонько сказала она в мягкие волосы на его груди.

А затем она поведала ему историю Аквази и Маану.

— Добровольно он меня никогда не отпустит, — закончила она.

Дуг кивнул. Он был готов сражаться.

Но наступило утро, и им пришлось оторваться друг от друга. Дуг наблюдал, как в первых лучах солнца Нора надевает юбку и блузку.

— А где камейя? — задумчиво спросил он. — Девушка ведь отдала ее тебе?

Нора кивнула.

— Я так обрадовалась! Однако... Он не должен быть между нами.

Дуг смешно наморщил лоб.

Нора ласково улыбнулась.

— Я ведь тебе рассказывала, — тихо сказала она, — про Саймона.

— Ну и что? — недоумевал Дуг.

Нора вытащила из кармана камень. Конечно, она взяла ее с собой: женщина была исполнена решимости никогда больше с ней не расставаться.

— Разве ты не видишь, что здесь печать? — нежно спросила она. — Как ты думаешь, что значит «Г»?

Нора не поняла, почему Дуг после короткого размышления громко рассмеялся.

— О, Нора! — Он не смог сдержаться и еще раз порывисто прижал ее к себе. — Нора, любимая, я на протяжении пяти лет вызывал не того духа!

Когда Нора отправилась назад в поселок, она танцевала от радости. Все будет хорошо! Дуг не возражал, чтобы она взяла с собой на свободу так же и Дейдре, а Толо подтвердила предположения Норы: это будет не просто, но существуют тропы, по которым можно обойти Нэнни-Таун выше поселения. Конечно, им придется быть осторожными, чтобы по дороге на северо-восточное побережье не попасть в руки сторожевых Кудойе или Аккомпонга, но нападений с тыла Нэнни не ожидала. Выше поселения часовых или же не было совсем, или было очень мало. Единственное, что беспокоило Нору, так это поспешные сборы. Учитывая свой опыт, приобретенный им, пока он крался вслед за Принцессой, а также объяснения Толо, Дуг принял решение бежать уже на следующий день. Пока Нэнни и Квао находились в дороге, дисциплина часовых была не на

высшем уровне. Нора предполагала, что хитроумные вожди повстанцев проводили регулярные проверки, чего не делал Аквази.

Нора и Дэдэ, таким образом, должны были на протяжении дня подготовиться к бегству, что казалось женщине слишком поспешным. Однако, с другой стороны, много паковать им было не надо. Она возьмет с собой лишь узелок с самой необходимой одеждой и прежде всего с дорожным провиантом. Ее хижина и домашнее хозяйство, как она планировала, идя по дороге назад в Нэнни-Таун, может достаться Принцессе. Самая тяжелая задача заключалась, конечно, в том, чтобы убедить Дэдэ покинуть Нэнни-Таун, не попрощавшись с Джефом. Лучше всего ей сказать ребенку, что они отправляются только на короткую прогулку.

В любом случае решение найдется — Нора в это утро не могла себе представить, что события будут развиваться не так, как она захочет. Ее жизнь и так слишком долго была достаточно сложной, и теперь, наконец, все поворачивается в хорошую сторону.

Однако эти мечты лопнули через час после ее возвращения в Нэнни-Таун. Они с Принцессой сидели перед своей хижинкой, ели фрукты. Нора так радостно рассказывала новой подруге о своей ночи с Дугом, что Дэдэ, которая играла поблизости, обратила на это внимание.

— Но вы ведь хотите пожениться, не так ли? — желала убедиться щепетильная Принцесса.

И тут из села с мрачным выражением лица появился Аквази. Он встал перед Норой в угрожающей позе и злобно уставился на нее.

— Ты что делала? Целую ночь провела у ведьмы? Какие-то заклинания, какое-то колдовство или снова... Еще один ребенок? Раздевайся, белая стерва! Раздевайся, я хочу видеть, есть ли у тебя кровотечение!

Нора внутренне задрожала. Конечно же, часовые! Ее видели как на пути к Толо, так и на обратной дороге, и донесли об этом Аквази. При этом суеверные мужчины, к счастью, боялись только каких-то тайных ритуалов. На правду же, по крайней мере, до сих пор, никто не натолкнулся. Так и должно было оставаться. А это может быть только в том случае, если Нора не выдаст себя. Стараясь оставаться спокойной, она сняла юбку, надеясь, что Аквази не захочет осмотреть ее грудь. Там могли остаться следы бурных поцелуев и ласк Дуга. Но внизу ничего, конечно, не было видно: Дуг и Нора перед ее уходом долго купались в пруду под водопадом. Кроме того, они сидели вокруг костра Толо, и запах сожженных в нем трав до сих пор оставался в одежде и волосах Норы. Принцесса наморщила нос, когда

села рядом с ней. Теперь, когда Нора разделась догола, освобожденная рабыня стыдливо отвернулась.

— Доволен? — спросила Нора своего мужа издевательским тоном. — Или ты хочешь еще увидеть целебные травы, которые, как считает Толо, можно собирать только в ночь половинной луны? Тогда я вынуждена тебя разочаровать, они еще сушатся над огнем. Но понюхать ты их можешь!

С мужеством человека, приговоренного к смерти, она протянула Аквази свою юбку. Будучи яростным приверженцем Нэнни, он еще, конечно, не бывал у колдуньи-обеа и не мог знать, что вокруг ее костра и в жилище ее духов всегда зверски воняло.

Аквази передернуло, когда он почувствовал эту вонь.

— Что она там делает из этих трав? — спросил он с отвращением. — Воскрешает мертвых? Или, скорее, готовит яды? Я не хочу тебя видеть у этой ведьмы, Нора, держись от нее подальше!

Аквази повернулся на каблуках — конечно, несколько пристыженный из-за того, что не смог сдержать своих чувств. Нора снова надела юбку и сердито посмотрела ему вслед. Запрет Аквази на встречи с Толо, конечно, сильно осложнял ее бегство, планируемое на следующий день, — особенно если Аквази даст приказ часовым следить за ней. Она могла надеяться лишь на то, что они не сразу донесут ему, когда она будет проходить мимо, и что они с Дугом будут уже достаточно далеко, когда Аквази начнет искать их. На короткое время она также задумалась о том, не отложить ли им побег. Через неделю или две, может, не сам Аквази, но уж точно его часовые забудут об этом запрете. Нэнни часто меняла часовых, и потому риск становился меньше. Но, с другой стороны, он, наоборот, возрастет, ведь при ней патрули будут более внимательными.

Нора металась в раздумьях, однако, в принципе, решение уже было принято: она была по горло сыта Аквази, его запретами и припадками ревности. Женщина была готова уйти хоть сегодня, даже лучше, чем завтра.

Нора собирала лекарственные растения не только вместе с Толо. Зачастую она делала это одна и, в большинстве случаев, на протяжении дневного времени, потому что тогда было лучше видно маленькие корешки, ягодки и листья, и было проще отличить их от похожих растений. Так что в день своего побега она уже около полудня попрощалась с другими женщинами на поле.

— Я пойду в лес. Вчера мы с Толо видели несколько деревьев ямайского гвоздичного перца, а на них как раз сейчас плоды. Лучше всего я сразу нарву немного, пока не забыла, где находятся эти деревья.

Ее приятельницы лишь кивнули. Только Джеф начал протестовать,

когда Нора собралась забрать Дэдэ с собой.

— Я тоже хочу с вами, — потребовал малыш. — Я тоже хочу на пикник в лес!

Пикником Нора только что заманивала свою дочку — это объясняло наличие узелка с провиантом, который она сейчас дополнила свежими фруктами.

— Это будет слишком долго, Джеф, — возразила ему Нора. — Может быть, нас не будет до темноты, а потом твоя мама отругает нас! В следующий раз, Джеф. В следующий раз, обещаю!

Несмотря на то, что малыш начал плакать, Нора и Дэдэ отправились в путь, по дороге любезно здороваясь со всеми часовыми. Женщина каждому вручала по паре свежих плодов манго и рассказывала о том, куда собирается. Толо она не упоминала, и, казалось, мужчины не думали ничего плохого. Вероятно, они считали запрет Аквази в отношении Норы посещать знахарку преувеличенным. Одно дело предупредить кого-то из них беречься от возможного колдовства своей жены, и совсем другое — ограничивать женщинам свободу. Нора потеряла много времени из-за разговоров с часовыми, но считала, что дело того стоит.

И действительно, ее бегство осталось бы незамеченным, если бы Джеф поменьше волновался из-за того, что ушла Дэдэ. Однако маленький мальчик в это время находился в ярко выраженной фазе упрямства и ни в коем случае не собирался покорно отдаваться судьбе, когда Нора забрала у него любимую сестру. Вместо этого он начал капризничать и вел себя очень плохо — даже пытался вырывать саженцы сахарного тростника, которые только что посадили в землю, и топтать другие растения. В конце концов, терпению даже самой терпеливой из женщин, Марии, пришел конец. Она решительно подняла с земли дрыгающегося ребенка и сунула его в руки Мансы.

— Вот, брать его и относить к его маме. Пусть он сердит Маану. Здесь он только мешает нам работать!

Естественно, Мансе не нужно было говорить это дважды. Она все еще ненавидела работу на полях и использовала любую возможность, чтобы избежать ее. Таким образом, она с удовольствием потащила упирающегося Джефа в направлении села и отнесла его к родителям. Аквази как раз улаживал какие-то споры между двумя гончарами, а Маану ругалась с одним из ткачей из-за неаккуратно выполненной работы. Она с явным неудовольствием приняла у Мансы своего сына.

— Почему Нора не может его успокоить? У нее ведь обычно получается, с Дэдэ он всегда ведет себя мирно, — удивилась она.

Аквази взглянул на них.

— Нора в лесу, собирает ягоды, — ответила Манса. — Где-то возле хижины Толо. Она вернется только сегодня вечером, и, наверное, у нее нет желания ссориться с маленьким упорным бараном. Я бы его с удовольствием отлупила, Маану. Может быть, это не принято в Африке, однако иначе он никогда не станет хоть на что-то пригодным ниггером.

Пока Маану возмущалась по поводу того, что ни в коем случае не собирается воспитывать из своего сына «пригодного хоть на что-то ниггера», а, наоборот, хочет, чтобы он стал великим воином, Аквази быстро закончил свои дела.

— Она у Толо? — спросил он сестру своей жены. — Что, опять?

Манса пожала плечами. О ссоре между Аквази и Норой она ничего не знала.

— Она собирает ягоды и листья перечной гвоздики. Из нее делают масло, оно помогает, когда пучит живот, — щедро сообщила она. — Вместе с Толо или без Толо — я не знаю, но они, по-моему, нашли деревья вместе.

Деревья гвоздичного перца, собственно, росли ближе к побережью. Нора почитала за счастье найти хотя бы одно из них в этой местности, и она была единственной, кто перерабатывал плоды этого дерева на целебное масло. Ни Нэнни, ни Толо не знали возможности применения этого растения. Может быть, Аквази и успокоился бы, если бы знал это. Однако замечание «возле хижины Толо» пробудило в нем подозрение.

— Отсылай людей прочь, если они сегодня еще что-то будут хотеть от меня, — обратился он к Маану. — Я пойду к водопаду — надо же посмотреть, что эти ведьмы делают там целыми днями! Собирают плоды гвоздичного перца! Пусть она расскажет это кому-нибудь другому!

Глава 8

Дуг Фортнэм закончил свои приготовления к тому времени, как Нора и Дэдэ уже после обеда появились на просеке. Его оружие и скудное обмундирование были упакованы, и он заучил наизусть объяснения Толо по поводу того, как обойти вокруг Нэнни-Тауна. Для белых людей это было зачастую очень трудно — африканцы применяли совершенно иные образы для описаний местности, чем те, к которым он привык, а в карте, которую он нацарапал на земле перед ее хижиной, Толо вообще ничего не могла понять. В конце концов, он понадеялся, что понял хотя бы половину из того, что она хотела ему рассказать. Чем выше они уйдут в горы, прежде чем повернуть в сторону востока, чтобы обойти Нэнни-Таун, тем безопаснее будет для них. Однако лучше было не рисковать спускаться с гор на другой стороне: там им грозили встречи с людьми Кудойе или Аккомпонга.

Последние часы он провел в напряженном ожидании, уже решив было, что Нора покажется здесь снова только вечером. Ее появление почти в полдень стало для него радостным сюрпризом, и ему пришлось взять себя в руки, чтобы импульсивно не заключить ее в свои объятия. Нора, однако, наморщила лоб и указала взглядом на маленькую девочку, которая послушно шла с ней, держа ее руку.

— Это Дейрдре, — представила она ее.

Дуг улыбнулся малышке. Он не ожидал увидеть такую ярко выраженную красоту и поразительное сходство с Норой.

— Но ты же не принесешь несчастье Ирландии, не так ли? — подшутил он над ней.

Дэдэ одарила его смущенным взглядом своих зеленых глаз и наморщила лоб — типичная мимика Норы. Дуг сразу же полюбил малышку.

— Когда-нибудь я должен буду рассказать тебе одну историю, — сказал он затем. — Понимаешь, ведь Дейрдре — это имя принцессы. Это была прекрасная девочка, но к ее рождению ей предсказали, что она принесет несчастье Ирландии...

— Так это несчастье случилось? — с любопытством спросила Дэдэ. Она обожала всякие истории.

— Определенным образом, — ответил Дуг. — Но это была вина не Дейрдре. Король сам...

— Наш друг Дуглас расскажет тебе историю по дороге, — прервала его Нора и озабоченно посмотрела на дорогу, по которой они пришли. — Давай уходить отсюда, что-то у меня беспокойно на душе из-за Аквази. Мне надо было сказать, что я собираю ягоды совсем в другом месте. В любом случае нам нужно уходить.

Она забросила свою котомку на плечо.

— Лучше бы вам остаться! — раздался чей-то властный голос с края просеки.

Дуг потянулся за пистолетом, но оружие было спрятано в рюкзаке, а сабля, которую он быстро вытащил из ножен, вряд ли помогла бы ему в сражении с превосходящими силами противника. Аквази и три чернокожих стража, не меньше его ростом, только что вышли из лесу.

— Ты посмотри, посмотри-ка! А я всегда думал, что колдовство в этом месте — чистое суеверие! — сказал Аквази со злобной ухмылкой. — Однако нет, старухе Толо, кажется, удастся заставить давно забытых любовников появляться из воздуха. Или как ты попал сюда, Фортнэм?

Дуг пожал плечами и вызывающе поднял навстречу другу детства оружие. Может быть, ему удастся отбить копье, если Аквази метнет его в Дуга. Однако вряд ли четыре копья...

— Я всегда возвращаюсь, Аквази, — затем сказал он. — Ты должен был знать об этом. Да, мы прошли долгий путь, но сегодня ты был бы буша в Каскарилла Гардене.

Аквази рассмеялся.

— Старшим ниггером при баккра! Именно этого я всегда хотел... Но ты даже не смог самостоятельно убрать с дороги своего старика. Если бы этого не сделал я...

— Мне было десять лет, Аквази!

У Дуга появилось такое чувство, что ему придется вести этот абсурдный спор бесконечно. Зато теперь, по крайней мере, он знал, кто убил Элиаса Фортнэма. И не мог по-настоящему осуждать за это Аквази. Однако способ, каким убили его отца, не позволял ему надеяться на что-то хорошее в отношении собственного будущего.

— Отпусти нас, Аквази.

Это была Нора. Она знала, что все это бесполезно, но должна была попытаться воззвать к разуму Аквази — и к его любви.

— Если я тебе хоть чем-то дорога, Аквази, отпусти нас. Я принадлежу Дугу, не тебе. А ты принадлежишь Маану. Она любит тебя.

— Маану послушно сидит дома, как полагается приличной замужней женщине, — сказал Аквази, — в то время как ты изменяешь мне. Было бы

интересно знать, как за это наказывают в Африке. Один из сторонников веры Магомета рассказывал мне, что они камнями забивают баб до смерти!

— Если ты меня убьешь, то все равно я буду для тебя потеряна, — заметила Нора. — Ты потеряешь меня в любом случае, Аквази. А что касается Дуга... Вы же когда-то были друзьями. Неужели действительно больше нет ничего, что бы вас объединяло?

Ей достаточно было посмотреть в глаза Аквази, чтобы понять, что кое-что все-таки было. Ненависть. Неприкрытая ненависть.

— Оставь это, Нора, мирно это уладить не удастся, — сказал Дуг. — Но можно сделать все по-другому, Аквази. Мы сейчас стоим друг напротив друга, как два свободных мужчины. Мы можем сразиться за нее.

Аквази снова расхохотался.

— Ты предлагаешь сразиться один на один?

— Среди белых джентльменов это называют дуэлью, — ответил Дуг. — Да, я буду сражаться против тебя. Ты можешь избрать оружие.

Нора покачала головой. Аквази был крупнее и намного тяжелее Дуга. И выше его на целую голову. И уже несколько лет подряд он тренировался в обращении с традиционным оружием своего народа. Копьем или ножом он легко мог бы убить Дуга. Однако Аквази не собирался поддаваться на уговоры.

— О нет, баккра, на это я не поймаюсь. Я не джентльмен, не надо мне льстить. Если уж считать меня благородным, то, может быть, когда-нибудь я стану королем... — Мужчины позади него удивленно, а возможно, даже испуганно зароптали. — А ты, друг мой, уже не баккра. Я сейчас беру тебя в плен, и ты теперь не что иное, как просто раб. Это древний обычай в Африке, и для него все равно, черный ты или белый! — Он ухмыльнулся. — А она, так или иначе моя рабыня. — Он указал на Нору. — Что там полагается за бегство, любимая? Для женщин семьдесят ударов плетью или как?

Нора с ненавистью посмотрела на него.

— На это ты не решишься! Я твоя жена, Аквази!

— Так все-таки, моя? — издевательски спросил тот. — Ну ладно, мы можем поговорить о казни камнями. У нас достаточно времени. Сначала мы отведем пленных в деревню. Я думаю, что там найдется достаточно людей, которым захочется отомстить белому баккра!

Одним движением копья Аквази выбил саблю из рук Дуга. Нападение было таким внезапным, что тот не успел ничего предпринять. Остальные негры сразу же схватили его и заломили ему руки за спину.

— Свяжите его! — приказал Аквази. — И бабу, и ведьму тоже. — Он

указал на хижину Толо. — Она им помогала, и ее тоже нужно наказать. Мы отведем их всех в Нэнни-Таун.

— Папа... — вдруг послышался тонкий голосок. Дэдэ испуганно наблюдала за поведением своего отца в роли злобного воина. Теперь, когда мужчины собрались связывать Нору, она прижалась к матери. — Ты сердишься?

Аквази ухмыльнулся, глядя на нее сверху.

— Дэдэ, малышка, не бойся! Я не сержусь, по крайней мере, на тебя. А ты еще скажешь мне спасибо за то, что я сейчас делаю. Твоя мать хотела забрать тебя к белым, и знаешь, кем бы ты там была? Рабыней. У белых людей дети ниггеров должны тяжело работать, и им запрещается играть. А если ты будешь непослушной, они будут бить тебя плетьюми. Твоя мать...

— Аквази, не говори же ей такое! — в отчаянии закричала Нора. — Это неправда, Дэдэ, я никогда не сделаю тебе ничего плохого, и Дуг тоже. Нет, ты...

— У белых людей я буду принцессой! — Дэдэ так же самоуверенно и решительно встала перед своим отцом, как он только что стоял перед своими пленниками. — Дейрдре. А если они будут неосторожными, тогда я принесу Ирландии несчастье!

Несмотря на свое жалкое положение, Дуг чуть не рассмеялся, глядя на маленькую девочку, похожую на эльфа, которая осмелилась возражать огромному воину. Аквази ошеломленно слушал ее. Он, конечно, не знал этого предания и до сих пор не знал, что Нора назвала его дочь Дейрдре.

— Твое имя — Дэдэ! — сказал он, злобно покосившись на Нору. — Это твое единственное имя, хорошее, африканское имя, которое никому не принесет несчастья.

— А если все же принесет, тогда тебе просто придется украсть курицу для колдуна-обеа! — Нора так же гневно ответила на взгляд Аквази. — Это исполняет все желания. Пока в это веришь.

Теперь у Дэдэ был совершенно беспомощный вид, в то время как ее отца охватила злоба.

— Откуда тебе это знать? — прошипел он сквозь зубы. — Да, верно, я наложил на тебя заклятие. Ты должна была принадлежать мне, и ты до сих пор принадлежишь мне!

Нора плюнула ему под ноги.

— Вот видишь, что я для него значу, Дейрдре, — насмешливо сказала она. — Черная рабыня стоит на рынке двести пятьдесят фунтов. Курица же стоит не больше одного шиллинга.

Маленькая девочка заплакала. Дуг посчитал, что пора прекратить этот

злобный спор на глазах ребенка, — тем более, ему показалось, что его противник очень занят, отвлекая на себя внимание охранников. Мужчины еще не совсем затянули его веревки. Дуг развернулся, выхватил у одного из них нож из-за пояса и попытался схватить свою саблю, которую атака Аквази вышибла в кусты. Сабля лежала там, и Дуг резким движением коснулся ею плеча одного из воинов, который попытался броситься на него. Но, конечно, попытка освободиться была абсолютно безуспешной. Остальные мужчины сразу же набросились на него, и, по крайней мере, один из них хорошо умел фехтовать на палках. Его «оружие» очень больно ударило Дуга по руке и бедру. Рука мгновенно онемела и выпустила саблю.

— Попытка к бегству! — Аквази улыбнулся наигранно-сияющей улыбкой. — Попытка раба к бегству. Наши дела все лучше и лучше, Дуг Фортнэм. Мы организуем трибунал. Жалко, что у нас с собой нет проповедника, который объяснил бы тебе, почему нужно верно служить своему баккра, чтобы ему не пришлось молиться вместе с тобой, в то время как тебе будут отрубать ногу.

Дуг хотел что-то сказать, но Нора умоляюще посмотрела на него. Это было бессмысленно — их единственный шанс состоял в том, чтобы спокойно дать увести себя и довериться разуму Маану и других жителей поселения. И надеяться на скорое возвращение королевы! Грэнни Нэнни ни в коем случае не позволит, чтобы перед подписанием договора белого человека били плетью, а потом резали на куски.

До того как мужчины подошли к ней, чтобы связать ей руки, она подхватила и прижала к себе ребенка.

— Я добровольно иду с вами! — заявила она. — И он тоже. — Она указала на Дуга. — Аквази не является нашим судьей, хотя ведет себя именно так. Мы отдаемся в руки правосудия королевы.

Черные охранники уж точно никогда не слышали слова «правосудие», но они не тронули Нору. Зато Дугу они со зверской жестокостью связали сзади руки. Нора видела, что ему очень больно: после удара палкой у него был большой кровоподтек на правой руке.

В этот момент из своей хижины вышла Толо.

— Аквази, ты насмехаешься над духами! — сказала она твердым голосом. — Женщина не принадлежит тебе, ты обладал ее телом, но никогда — ее душой. Один раз это случилось по ошибке, когда тебя одурачил дуппи. После этого дуппи разозлился. Ты не имеешь никакого права на нее. Отпусти ее.

— Еще чего не хватало! Я имею на нее полное право. Королева отдала ее мне! — Аквази упорствовал. — С благословения духов!

Он снова одержал верх — Нора вспомнила заклинания Нэнни.

Толо пожала плечами.

— Посмотрим, за кем из нас стоят более сильные духи, — сказала она негромко. — Но ко мне вы не притронетесь! — обратилась она к сопровождающим Аквази и повелительным тоном добавила: — У меня еще достаточно сил, чтобы вас тут на месте...

— Ты можешь превратить их в лягушек? — со страхом спросила Дэдэ.

Толо улыбнулась маленькой девочке, а затем ее взгляд, казалось, устремился куда-то в необозримую даль.

— Я не знаю, где находится Ирландия, — сказала она затем. — Но этот ребенок, Аквази, через кровь от твоей крови принесет тебе очень много несчастий. А вы... — Она взмахнула рукой, словно отбрасывая что-то, и часовые в ужасе отпрянули назад.

Аквази издевательски рассмеялся.

— Она сама кровь от моей крови, — заявил он.

Толо кивнула.

— Да, и это было неправильно. А теперь покиньте мою землю. Делай свои ошибки где-то в другом месте, Аквази, здесь ты нарушаешь покой духов. А у некоторых из них терпение уже кончается.

Сопровождавшие Аквази люди точно не имели никаких более срочных дел, чем быстрее удалиться с просеки. Своими копьями они подгоняли Дуга перед собой, за ними следовал раненый негр, державшийся за свое кровоточащее плечо. Далее шла Нора с ребенком, а замыкал шествие Аквази. На обратном пути в Нэнни-Таун никто не сказал никому ни слова. Аквази угрюмо молчал, а Нора была достаточно занята тем, чтобы подавить в себе возрастающий страх. Страх за саму себя, за Дуга, а теперь еще и за своего ребенка. Что означали безумные пророчества Толо? И не могут ли они привести к тому, что Аквази убьет свою дочь?

Аквази приказал запереть Дуга в круглой хижине, которая обычно использовалась как складское помещение. Конечно, в ней не было замка, но мужчины выставили перед ней часовых. Добровольцев нашлось достаточно. Нора потеряла мужество, когда увидела, какое огромное количество бывших рабов даже сегодня жаждали отомстить белому баккра. Трибунал, который должен был состояться на следующий день, все ожидали с напряжением. Норе разрешили вернуться в свою хижину — однако за ней лично «пронаблюдал» Аквази и оставил ее с такой болью и такой злобой, какой не было у нее уже несколько лет.

Утром ее разбудили взволнованные часовые, принесшие весть о том, что пленный сбежал. Дуг пробил стенку хижины, сделанную из соломы и

коровьих кизяков. Много инструментов ему для этого не понадобилось — оставшейся в помещении лопаты было достаточно. И ее же он взял с собой в качестве оружия. Аквази угрожал зазевавшимся часовым ужасными наказаниями. Однако прежде чем он смог предпринять какие-либо меры, уже прозвучали трубы, что означало отбой тревоги. Первые же патрули вокруг поселения снова схватили Дуга. Можно было обойти Нэнни-Таун, только миновав наружные посты за хижинной Толо. Но уйти из поселения или войти в него незамеченным было невозможно.

Как и предполагала Нора, Дуг был весь избит, когда негры снова приволокли его в поселение. Он, наверное, из всех сил оборонялся, вследствие чего мароны показали ему, что может сделать тренированный мужчина с помощью такого простого и беззвучного оружия, как палка. Мужчины вынуждены были поддерживать его, чтобы притащить к импровизированной платформе для наказания, которую велел соорудить Аквази в своей бурной радости, вызванной тем, что Дуга захватили. Норе стало плохо, когда она увидела эти приготовления. Слегка приподнятая «сцена» была сооружена вокруг дерева, на котором должен был быть подвешен приговоренный к избиению плетьюми. Она была слишком похожа на конструкцию в Каскарилла Гардене. Здесь уж точно никто не добивался правосудия. Речь шла о примитивной мести, исходившей от людей, которые ненавидели каждого представителя белой расы. Несколько бывших рабов держали в руках бутылки с ромом из сахарного тростника. Аквази, очевидно, выдал всем особый паек.

Нора почувствовала, как ее покидает последняя надежда, — тем более что этот спектакль должен был происходить не на обычном месте для собраний посреди поселения. Его перенесли на место, где тренировались воины, в стороне от села. Кто не хотел, тот ничего и не мог увидеть. Соответственно этому подобралась и публика — исключительно мужчины, абсолютное большинство из которых раньше были полевыми рабами.

Многие из них были обнажены до пояса. Когда Дуга проводили мимо, они показывали на рубцы от ударов плетьюми на своих плечах. Настоящие мароны, их семьи и пожилые жители села, от которых Нора надеялась получить хоть какую-то поддержку, наоборот, остались в своих хижинах. У них не было особенного сочувствия по отношению к белому баккра, и при набегах они не испытывали никакого стеснения, убивая плантаторов. Но они также не находили никакого удовольствия в том, чтобы наблюдать, как одного из них публично замучают до смерти. Если Аквази и его люди хотят это сделать, мароны просто не будут обращать на это внимания.

Таким образом, вокруг платформы в общей сложности собралось всего

лишь человек пятьдесят, из более чем двух тысяч жителей Нэнни-Тауна. Они вопили и свистели, когда Дуга подвешивали к дереву и связывали его руки над толстой веткой. Нора не понимала, как эти люди могут наслаждаться подобным зрелищем. Каждый из них должен был помнить, как сам чувствовал себя в такой ситуации. Но Дуг не доставил им удовольствия, никак не реагируя на унижения. Он стоически дал протащить себя через толпу и привязать к дереву — Нора вспомнила, как вел себя Аквази, когда она впервые присутствовала на таком наказании. И снова она спросила себя, как эти двое могли настолько ненавидеть друг друга, ведь они во многом были так похожи!

Аквази потащил Нору с собой на платформу.

— Мароны! — крикнул он людям. Последовали восторженные крики. Освобожденные рабы воспринимали это обращение как почетный титул — тем более что свободные от рождения чернокожие зачастую давали бывшим рабам понять, что те в Нэнни-Тауне являются гражданами второго класса. — Мы сейчас находимся здесь, чтобы держать суд над рабом! Я захватил его в плен, поступив с ним так же, как с нами поступали в Африке. Я захватил его, как военнопленного, после того как он проник в наше поселение, намереваясь похитить мое имущество, — а ведь я у него ничего не похищал!

Несколько мужчин заплодировали. Именно те немногие, которые понимали, в чем разница. Большинству же, казалось, все равно, действительно ли их жертва в чем-то виновата или она просто оказалась не в то время и не в том месте.

— Я не твое имущество! — крикнула Нора.

Ее яркие зеленые глаза, казалось, при этом стреляют искрами. Дуг поднял взгляд и посмотрел на нее. Она была так прекрасна — лишь бы ему разрешили смотреть на нее, пока он будет умирать.

Мужчины не обратили никакого внимания на возражения Норы. Они лишь засмеялись, а тем временем Аквази продолжал говорить.

— Так что должен был делать этот раб? — заорал он в толпу.

— Сахарный тростник! — ответили несколько мужчин.

— Работа! — кричали другие.

— Должен быть верным слугой! — процитировал кто-то, ухмыляясь, проповедь священника Стивенса.

— Правильно! — крикнул Аквази с притворно серьезным кивком. — А что сделал раб? Он убежал. В первый раз... Что полагается в качестве наказания за бегство? За первый побег?

— Пятьдесят ударов плетью!

— Тридцать ударов плетью!

— Семьдесят!

Очевидно, наказания отличались в зависимости от воли хозяев. Видимо, лишь немногие плантаторы назначали самое большое количество — семьдесят ударов, в конце концов, они ведь хотели и дальше использовать рабочую силу своих рабов.

— Скажем так, пятьдесят! — ухмыльнулся Аквази. — Надсмотрщики?

Один из самых сильных мужчин, огромный черный негр, которого Нора знала только в лицо, взял в руки плеть. Он попал сюда не из Каскарилла Гардене, а с плантации восточнее Кингстона. И вообще, среди зрителей находилось лишь несколько бывших рабов с плантации Фортнэма. Большинство из них знали разницу между Элиасом и Дугом. Вероятно, им было стыдно за месть Аквази. Однако, как и мароны, они не решались занять чью-либо сторону. Белый человек в Нэнни-Тауне был вне закона.

Под радостные крики бывших рабов прозвучали первые удары плети по голой спине Дуга. Он корчился под ударами, однако не кричал, причем на этой стадии наказания так владеть собой мог почти каждый раб, которого Нора когда-либо видела подвешенным к дереву. И лишь когда кожа лопнула и плеть начала прорезать все более глубокие раны в мясе, мужчины не выдерживали. Первый стон сорвался с губ Дуга при восемнадцатом ударе, уже тогда, когда кровь лилась у него по спине. Нора отчаянно пыталась поймать его взгляд, чтобы придать ему мужества.

Дуг, который до сих пор держал голову опущенной вниз, будто погрузившись в собственный мир, казалось, почувствовал это. Он поднял голову, посмотрел ей в глаза — и улыбнулся.

Аквази, однако, это лишь прибавило злобы.

— Ты что делаешь, парень? — крикнул он надсмотрщику. — Уже выдохся? Раб смеется над тобой! Кто-нибудь хочет заменить его?

Другой мужчина под крики публики схватил плетку. Следующие удары обрушились на Дуга с новой силой. Между тем он уже не держался на ногах. Теперь Дуг действительно висел на суку большого кампешевого дерева, которое люди Аквази избрали для исполнения наказания. Листья его в солнечном свете светились пурпурно-красным цветом — как кровь Дуга. У Норы кружилась голова, но ей надо было быть сильной. Нужно сохранить силы, потому что ей, вероятно, угрожало то же самое. Аквази, без сомнения, так же безжалостно отомстит ей за бегство.

Дуг пытался подавить крики, кусая губы. И вскоре они стали такими же окровавленными, как и его спина. Но ему действительно удалось

лишить Аквази удовольствия. Ценой нечеловеческих усилий ему удалось не выказать адскую боль. На тридцать шестом ударе плетью он потерял сознание.

— А теперь? — спросил Аквази публику, ухмыляясь.

— Вода! — единогласно ответили мужчины.

Они все еще слишком хорошо помнили, как это происходило на плантации. Норе стало дурно от вида их беспощадных лиц. Аквази вылил ведро воды на неподвижное тело Дуга.

Тот, кашляя, снова пришел в себя.

— Продолжать? — спросил надсмотрщик, наполовину обращаясь к Аквази, наполовину к своей жертве. Дуг старался сохранить самообладание, и ему удалось повернуть голову в сторону палача.

— Я жду, — сказал он своими искусанными в кровь губами.

Аквази сжал зубы. В конце концов, прозвучал пятидесятый удар. Дуг висел, обливаясь потом и кровью, на своих веревках, — и у человека с плетью тоже был усталый вид.

Аквази дал обоим время, чтобы передохнуть. Публика немного успокоилась. Затем, взглянув на пленного, Аквази убедился, что тот находится в сознании.

— Значит, наш раб наказан, — спокойно сказал он толпе. — Но ведь он провинился еще кое в чем. Он использовал первую же возможность для дальнейшего бегства!

Нора застонала. Она действительно не думала, что Аквази повернет дело в эту сторону. Но это... Это было слишком жестоко. Почему же он просто не назначил сразу семьдесят ударов и не довел дело до конца?

— Что полагается в наказание за второй побег?

Нора боролась с тошнотой. Перед ее мысленным взором появилось место наказания на плантации Холлистера. И оба пойманных раба.

— Отрубить ногу! — заорал один из мужчин.

— Отрубить ногу! — Это вопили уже другие. Наверное, это было наиболее часто применяемое наказание.

Вокруг Норы все закружилось. Дуг посмотрел на нее, ища помощи. В первый раз она увидела в его глазах настоящую панику. Он тоже, наверное, вспомнил. Раб Холлистера пережил ампутацию ноги, но это было скорее не правило, а исключение. Подавляющее большинство жертв умирали через несколько дней, страдая от высокой температуры и нестерпимой боли. Так вот что планировал Аквази...

Тот ухмыльнулся.

— Может быть, достаточно будет нескольких пальцев на ноге? Как ты

считаешь, раб? Если ты любезно попросишь меня.

Дугу не хватило слюны, чтобы плюнуть в него, но его взгляд сказал достаточно. Он не будет просить.

— Половину ступни! — со смехом решил Аквази.

Кто-то поднял ногу Дуга на плаху. Сапоги с него уже давно сняли: бывшие рабы повели его на место судилища, как водили когда-то их, — наполовину раздетым, с босыми ногами, лишь в окровавленных светлых брюках из хлопка. Дуг отчаянно, как только мог, сопротивлялся мужчинам, которые держали его, но палачи привязали его канатом к дереву. Кора впиалась ему в раны на спине. И Дуг впервые закричал.

— Ну, кто здесь умеет обращаться с мачете? — спросил Аквази в толпу.

Нора проследила за его взглядом. Неужели не найдется среди них ни одного человека, который бы хоть что-то возразил? Но она увидела только смеющиеся черные лица — и какую-то разноцветную точку, которая приближалась к ним со стороны поселения. Женщина. Нэнни? Нет, это было невозможно: эта женщина имела высокий рост и была молодой. Королева не смогла бы так быстро двигаться. Пока один из молодых мужчин взвешивал на руке мачете, Нора узнала Маану.

Аквази и палач коротко переговорили друг с другом, обсудив, в каком месте нужно рубить. Удар должен был отделить от ступни Дуга пальцы и подушечки стопы. Дуг поднял мертвенно бледное лицо и попытался найти какое-то чувство во взгляде Аквази. Он с трудом разжал губы.

— Аквази, мы же были...

Нора больше узнавала слова по губам, чем слышала их.

Аквази махнул рукой.

— Мы никогда не были друзьями, — процедил он сквозь зубы.

Маану, громко ругаясь, с поднятыми кулаками пробивалась между последними рядами зрителей.

— Приступай! — сказал Аквази.

Молодой палач нанес удар, и Дуг забился в судорогах, когда мачете вонзился в его тело. Но удар был неумелым. Он оставил глубокую рану, но не отделил часть ступни от ноги.

А затем к возвышению пробилась Маану. Она одним прыжком вскочила на него и вырвала мачете из рук палача.

— Что же это такое? Вы что, спятили? — Молодая женщина держала нож перед собой, словно хотела наброситься с ним на Аквази и его помощников. — Я думала, что вы еще ищете его, Я была у Толо. Манса исчезла. А теперь я слышу вот такое, здесь! Вы же..! Я не могу в это

поверить!

Маану повернулась к Дугу и перерезала веревки, которыми тот был привязан к дереву. Она, не веря своим глазам, смотрела на кровь на коре. Дуг все еще висел на своих связанных руках, Он был абсолютно беспомощен, не в силах удерживать равновесие на одной ноге, а раненой ногой он не решался пошевелить.

— Это наше полное право! — защищался Аквази. — Даже в Библии сказано: око за око.

— С каких это пор ты цитируешь Библию? — возмущенно ответила Маану. — Аквази, которого я знала, воровал кур для колдуна-обеа. А теперь он вдруг заговорил, словно белый проповедник. Толо права, Аквази, — ты белее, чем любой баккра!

— Забери свои слова обратно!

Аквази, казалось, был готов броситься на нее. Маану влепила ему звонкую пощечину.

— Не забывай, что ты сейчас должен подставить другую щеку! — издевательски сказала она.

У Аквази, казалось, отнялась речь. Зато заговорил другой мужчина, огромный негр из племени ашанти, вероятно, урожденный африканец.

— Достаточно, женщина! Мы гордые. Мы мечь!

— Мы мароны! — заявил другой и ударил себя в грудь.

Остальные издавали одобрительные крики и размахивали копьями, словно настоящие африканские воины. Маану смотрела на них сверху вниз, как на непослушных детей.

— Мароны? — спросила она затем. — Я не вижу здесь никаких маронов. И тем более никакой гордости!

Маану снова подняла мачете. Не прислушиваясь к протестующим крикам мужчин, она разрезала путы на правой руке Дуга.

— Я вижу лишь то, что всю свою жизнь видела на плантациях. Людей, которым доставляет удовольствие мучить других до смерти.

Она перерезала последнюю веревку. Молодой мужчина со стоном упал на землю. Нора хотела подойти к нему, но Аквази удержал ее. Маану сверкнула на него глазами.

— Я не вижу тут людей из племени ашанти. Только воющих, дешевых полевых негров, которые заставляют женщин покорно исполнять их волю и рожать им детей, хотя нет никакой любви, ничего, кроме ненависти!

Аквази отпустил Нору и с угрожающим видом снова подошел к своей второй жене. Маану вызывающе глядела на него, и даже Нора, которая смотрела только на Дуга, почувствовала ее силу. Аквази, может быть, хотел

видеть в себе преемника Квао, однако Маану представляла власть королевы. Никто бы не решился выступить против нее. А теперь сюда подходили и остальные жители Нэнни-Тауна. Женщины, но и вооруженные мужчины тоже — настоящие мароны. Их вела за собой Алима.

— Ничего не делайте баккра! — закричала она уже издалека. — Хороший баккра! И Нэнни тут! Нэнни сердитая! Не делайте баккра больно!

Тюрбан на голове Алимы развязался, и ее волосы развевались на ветру. Маалик, ее отец, участвовал в шествии без комментариев. Он с угрюмым видом шагал вместе с другими мужчинами впереди, вооруженный мачете.

— Сколько ударов плетью полагается за междоусобную войну? — издевательски спросила Маану у своего мужа. — А теперь сойди вниз и отчитайся перед королевой. У нее найдется, что сказать тебе!

Позже Нора с трудом вспоминала о том, что происходило в последующие часы. Она упала рядом с Дугом без сознания, но до этого у нее хватило сил убедиться, что он жив. Однако она уже не помнила, как их вместе отнесли и заперли в одной из круглых хижин. Когда она пришла в сознание, дверь за ними уже заперли. Дом был совершенно пуст, скорее всего, это было новое строение. Нору и Дуга просто бросили на голую утоптанную землю.

Когда она увидела Дуга лежащим рядом с собой, перед ней возникла старая картина: Аквази на полу своей хижины и его исполосованная спина. Маану, останавливающая кровь своим новым воскресным платьем. Она сама теперь тоже порвала свою нижнюю юбку, чтобы хоть как-то перевязать ногу Дуга. Его рана была глубокой, но ее можно было залечить. Если держать ее в чистоте, обработать и перевязать... Если бы только раненый мог соблюдать покой! Нора не тешила себя никакими иллюзиями. Даже если бы все было соблюдено, все равно существовала опасность, что рана воспалится. Если же не обработать раны Дуга, то он точно умрет.

В конце концов, Манса принесла Норе кувшин с водой и кружку.

— Нэнни очень злая на Аквази, — проворчала она. — Я позвала Нэнни! Барабаны сказали, что она еще ночь будет оставаться в горах и молиться. Но я побежала туда и нашла ее.

— Ты сейчас уходить!

Угрюмый часовой, который сопровождал Мансу, был одним из мужчин, стоявших на месте судилища. Нора с ненавистью посмотрела на него. Манса неохотно подчинилась. Нора старалась поддержать Дуга, чтобы он мог поднести кружку к своим губам. Он жадно пил.

— Эти хижины, — прошептал он затем. — У них нет крепких стен. Даже не нужно инструментов. Мы... мы могли бы убежать сегодня ночью.

— Чтобы они нас поймали? — нежно спросила Нора и убрала с его лба мокрые от пота волосы. — Ты же сам видел, как хорошо охраняется поселок.

«И ты не сможешь сделать даже трех шагов». Она не сказала этого вслух. Дуг никогда не признается, что он слишком слаб для этого. Но ведь, действительно, в таком состоянии было совершенно невозможно пробежать двадцать миль через джунгли. Даже если бы часовые пропустили их.

— Ты должна бежать, — сказал Дуг. — Хотя бы ты. Если ты в Кингстоне расскажешь...

Нора покачала головой.

— Я в одиночку тоже не смогу выбраться отсюда. И если даже бы мне это удалось... Пока я найду губернатора, пока поднимут тревогу... Тебя к тому времени убьют. Кроме того, я не хочу уходить. Я нахожусь именно там, где хочу быть.

Она осторожно уложила Дуга к себе на колени, после того как из остатков нижней юбки нарвала полос для перевязок. Даже если она больше ничего не сможет сделать для него, раны не должны соприкасаться с глиняным полом и загрязняться еще больше.

— Ты просто хочешь показать мне свои ноги, — попытался пошутить Дуг, наблюдая, как она продолжает рвать свою широкую юбку. — Ты... Ты всегда так делаешь, вспомни. Вспомни ураган.

Нора заставила себя улыбнуться.

— Я была и остаюсь кокеткой, — заметила она. — Как же ты смог влюбиться в такую легкомысленную женщину?

— Я влюбился в русалку, — прошептал Дуг. — Я увидел тебя на побережье... С твоей лошадей. Ты знаешь, что твоя лошадь еще у меня? И есть еще жеребенок. Если... Когда мы вернемся домой, то сможем проскакать галопом по пляжу.

Нора погладила его по лицу. Она уже сейчас чувствовала, что у него поднялась температура.

— Аврора опять обгонит Амиго, — сказала она.

Дуг покачал головой.

— Но не своего сына. Не араба. А, ты уже не помнишь? Она побывала у чудесного жеребца Кинсли. Жеребенок... Жеребенок мог бы выигрывать скачки. Когда мы будем дома, мы... — Дуг слабым голосом заговорил о дикой охоте детей пустыни.

Нора устроила его удобнее и постаралась не думать о Саймоне. Снова все было, как тогда. Она держала в своих объятиях мужчину, который рассказывал ей истории. У нее в руках не было ничего, чтобы остановить

смерть. Только ее мечты. Она сама не заметила, как уснула. Может быть, все это тоже было сном, кошмарным сном, ниспосланным ревнивым духом.

Глава 9

Кошмар не закончился, когда Нора проснулась. Дуг все еще лежал в ее объятиях. У него начался жар. Она попыталась напоить его водой, но он едва мог глотать. Возможно, он не сможет также есть — если кто-нибудь в Нэнни-Тауне принесет им еды. В хижину проникал довольно яркий свет, значит, солнце было уже высоко в небе.

Вдруг простая бамбуковая дверь раскрылась, и угрюмый охранник впустил Маану. Она принесла горшок с супом из чечевицы, несколько лепешек и плоску с мазью. Нора сразу же по запаху узнала, что это бальзам, который готовила Нэнни. Она не слишком доверяла ему, но все же когда-то он помог ей против очень сильных болей.

— Это все, что у меня было, — извинилась Маану. — У меня нет таланта, чтобы стать баарм мадда, ты же знаешь.

Нора кивнула.

— Мы и так должны тебе больше, чем когда-либо сможем возместить, — сказала она сухо. — А как насчет Нэнни?

У той было много лечебных средств. И прежде всего она открыла бы Норе доступ к ее собственным запасам. Маану в своей характерной манере пожала плечами.

— Нэнни и Квао еще совещаются, — ответила она. — О том, что с вами делать.

Нора подняла брови.

— Разрешить ли Аквази продолжить начатое им дело? — насмешливо спросила она.

Маану покачала головой. В ее глазах стояла тоска.

— Аквази изгнали из Нэнни-Тауна, — сказала она тихо. — Я хотела пойти с ним, но он... Он был таким злобным, что я думала — он что-нибудь сделает со мной. И с детьми... — Увидев исполненный ужаса взгляд Норы, она быстро добавила: — Джеф сейчас у Нэнни, Дэдэ у Принцессы, так что не беспокойся.

— Нэнни его изгнала?

Нора не могла поверить в это. Дуг, лежащий у нее на руке, с трудом открыл глаза. По всей видимости, он пытался следить за их разговором, и это было хорошим признаком. Ночью, когда он метался в бреду, Нора уже думала, что потеряла его.

— Изгнали, — повторила Маану. — Ему никогда не разрешат

вернуться назад, Кудойе и Аккомпонг его тоже не примут, туда уже посланы люди. Но он, конечно, может выжить и один, он... — Она закусила губы.

— По... почему? — Дуг с трудом произнес эти слова. Нора окунула тряпку в воду и смочила его губы.

— Тысяча причин, — ответила Маану. — Непослушание, самовольное незаконное присвоение власти, угроза миру. Если до ушей губернатора дойдет, что здесь белых людей замучили до смерти, то о признании маронов не сможет быть и речи.

— Тогда я не понимаю, почему нас оставляют здесь, и...

Нора не сказала больше ни слова, но ее глаза, прикованные к тяжело раненному мужчине на ее руках, говорили сами за себя.

Маану снова пожалала плечами.

— Об этом они еще совещаются. Может быть, они решат убрать вас.

— Что? — с ужасом спросила Нора. Дуг болезненно скривил лицо, когда она возмущенно выпрямилась. — Они хотят нас убить? После всего, что было?

— Они могут приказать убить или отпустить вас. Однако если он в таком виде появится в Кингстоне, — Маану указала на Дуга, — то это произведет плохое впечатление. А если он умрет, тогда они вообще не смогут отпустить тебя.

Тогда останется только одно: она бесследно исчезла, Аквази убежал со своей белой проституткой, а о Норе и Дуге Фортнэме в Нэнни-Тауне никто и никогда ничего не слышал.

Нора потеряла себе висок.

— Почему же мне тогда не дают лечить его раны? — спросила она.

Маану вскинула брови.

— Об этом они как раз совещаются, — повторила она.

Нора вздохнула.

— Но я бы вас отпустила, — сказала Маану. — Эти мусульмане, эта семья, которую ты отпустил на свободу, Дуг, помогут вам. Даже подвергаясь опасности снова попасть в рабство и риску быть наказанными. Мужчина считает, что он может поддерживать тебя или даже нести.

Дуг попытался встать, но Нора покачала головой.

— Мимо часовых? — спросила она.

— К Толо. Мы можем сделать вид, что доставляем к ней раненого, если замаскировать носилки. А затем вы могли бы обойти Нэнни-Таун стороной...

Маану осеклась. Она не особо интересовалась уходом за больными, но

знала достаточно, чтобы оценить состояние Дуга. Прямым путем можно было дойти до Кингстона за день или два, но путь через горы занял бы не менее недели. А сейчас был сезон дождей. Больной на носилках, через несколько часов промок бы до костей, кроме того, его трясло в лихорадке, у него была высокая температура. Дуг не добрался бы до Кингстона живым.

— Забудь об этом, — сказала Нора тихо. — Иди к своей королеве и скажи, что мы подчинимся ее решению. Если нам суждено умереть для того, чтобы существовал этот договор, значит, так тому и быть. Но спроси у нее, действительно ли она хочет договора, написанного кровью. Если на Ямайке все должно быть хорошо и между белыми и маронами должен быть мир, тогда обе стороны должны простить друг друга. Белые люди отняли свободу у тысяч других людей, били их плетью, превращали их в калек. А мароны занимались грабежами и поджогами и тоже били плетью и калечили людей...

— Губернатор, — прошептал Дуг. — Он умный человек. Он... мы...

— Мы ему объясним, что произошло, — добавила Нора и промокнула Дугу пот со лба.

Маану встала.

— Посмотрим, что я смогу сделать, — сказала она затем. — Нэнни...

Нора прикусила губы. Она не хотела ни о чем просить. Она хотела быть гордой, как Дуг на месте казни. Но промолчать она все же не смогла.

— Королева — женщина, — произнесла она. — Скажи ей, что я не буду предпринимать ничего, что могло бы повредить ей, если только она оставит мне мужчину, которого я люблю.

Маану улыбнулась.

— Она — королева, а короли думают по-другому. Но ведь и она тоже была молодой женщиной. А может быть, даже когда-то украли курицу для колдуна-обеа...

Шли часы. Нора ждала, а в это время Дуг у нее на руках становился все слабее. Плоть по краям ран вздулась и воспалилась, температура росла. Если Норе в ближайшее время не удастся ничего предпринять, то рана на ноге загноится. И тогда Дуг может в лучшем случае потерять ногу. Он почти все время пребывал в бессознательном состоянии, и Нора надеялась лишь на то, что ему снятся красивые сны. Как тогда, в Лондоне, она рассказывала ему о своих мечтах, любви, побережье моря, и ей казалось, что он слышит ее. Она говорила нежным голосом со своим любимым, а мысленно проклинала Аквази, королеву, Бога и всех на свете духов. Может быть, какое-то высшее существо посчитало забавным, что вся ее жизнь идет по кругу, может быть, она просто не в состоянии уйти от своей

судьбы. Холод в лондонском Ист-Энде, а теперь раскаленный спертый воздух в этой бамбуковой хижине на Ямайке. Она пересекла полмира, чтобы увидеть, как из ее объятий снова, в никуда, уходит чья-то жизнь.

И в какой-то момент Нора уже не понимала, бодрствует она или спит, и является ли свет, который среди ночи появился на входе в хижину, только плодом ее воображения или же существует в действительности. И эти черные руки, которые приподняли пребывающее в лихорадке тело Дуга и отняли его у нее, — руки духов или живых людей?

— Он мертв? — устало прошептала она.

Кто-то успокаивающе убрал с лица Норы ее волосы.

— Нет. Но я хочу забрать его отсюда. Здесь очень жарко, душно и воняет.

Голос Толо. Где-то в закоулках души Нора даже повеселилась над тем, что именно старая колдунья говорит о вони. Но это было правдой: коровий навоз, с помощью которого укрепили тюрьму Норы и Дуга, был еще свежим, и от него исходил резкий неприятный запах. Нора до сего момента почти не воспринимала его.

— Тебя вызвала Маану? — устало спросила Нора. Сейчас ей надо было встать и идти вслед за Дугом, которого кто-то куда-то уносил. Но она не знала, хватит ли у нее сил. Она два дня подряд сидела почти без движения, чтобы уберечь Дуга по крайней мере от соприкосновения с грязным полом. Теперь у нее затекло все тело и конечности ужасно болели.

— Нэнни позвала меня, — сказала Толо и помогла ей встать на ноги. — Идем, мы отнесем его в твою хижину. Там лучше.

— Ты сможешь ему помочь?

Нора на ощупь, держась за руку Толо, пробралась к выходу. Была ночь, однако ярко светил месяц и на небе не было ни единого облачка, несмотря на то что был сезон дождей. Двое мужчин несли Дуга на носилках. Нора видела, что его глаза открыты. Он смотрел на небо.

Толо пожала плечами.

— Я попытаюсь. Ты попытаешься. Нэнни попытается. Если боги захотят, он будет жить. Если нет...

Нора кое-как пришла в себя, только когда они дошли до ее хижины. Принцесса, которая спала там вместе с Дэдэ, с готовностью уступила место, освободив кровать, которую Нора несколько лет назад с большим трудом смастерила себе из бамбука. Она не хотела спать на полу на циновках, как чернокожие, и Принцесса этого тоже не любила. Однако сейчас она поспешно искала подушки и одеяла, пока мужчины укладывали израненного Дуга на кровать. Нора обняла свою дочь и расплакалась, но

сразу же взяла себя в руки, когда Толо собралась смазывать раны Дуга какой-то скверно пахнущей мазью.

— Сначала его нужно помыть, Толо, — сказала она решительно. — Я знаю, ты невысокого мнения об этом, и, может быть, вода в Африке действительно грязная, но здесь вода родниковая, она чистая и свежая. И у меня есть мыло.

— Я могу помочь? — спросила Принцесса. Она с сочувствием и безнадежностью смотрела на лежащего на кровати мужчину, который был ее последним баккра.

Нора кивнула.

— Разведи огонь и согрей воду, нам нужен будет мыльный раствор. И чай... От высокой температуры помогает ивовая кора.

Она с несчастным видом вопросительно посмотрела на Толо. Здесь, в Нэнни-Тауне, у нее не было коры ивы. В поместье Каскарилла Гардене она заказывала себе это средство из Англии.

— Мы берем горькое дерево, квасию, — сказала Толо. — У меня есть немного здесь...

Она вытащила какую-то настойку из своей корзины.

— А у нас есть... ром из сахарного тростника? — спросила Нора. Когда она вспомнила о калекасах в руках мужчин на площади для казни, ей стало плохо, однако рецепт доктора Мэйсона — щедро поливать большим количеством спирта открытые раны — оправдал себя десятки раз.

Толо ухмыльнулась.

— Это у меня всегда есть, — сказала она. — Нэнни распределяет его, но я гоню себе свой спирт. Иначе ночи проходят слишком одиноко...

Пока Нора очищала раны Дуга, а Толо вливала в него горькую жидкость, появилась королева. Нора с удивлением посмотрела на нее. Кроме той ночи перед рождением Джефа, она никогда не видела Грэнни Нэнни нигде, кроме ее хижины или площади для собраний. Нора заставила себя почтительно поклониться ей.

— Королева, я благодарю...

— Оставь это, — сказала Нэнни коротко. — Я помогу. Духи говорят, что я смогу его вылечить.

Нора с недоверием посмотрела на сосуд из глины, в котором африканская знахарка сжигала какие-то травы, бормоча себе под нос молитвы.

— Мы посыплем пеплом его раны и... — Королева нагнулась над спиной Дуга.

— Нэнни, — спокойно прервала ее Толо так, что Нора даже не успела

вскрикнуть. — Одна из нас должна вызывать духов. Нам нужны две силы. Но эта малышка, она не умеет... — Толо указала на Нору. — А я... я слышала, как бог Ониамэ говорил с тобой. У тебя могучие духи. Боги твоего народа последовали за тобой через океан.

Нэнни улыбнулась от такой лести.

— Я только их вместилище, я придаю им облик.

— Как и мы все, — сказала колдунья-обеа. — Но они больше любят приходить к тебе. Пожалуйста, вызови нам духов, Нэнни!

Нора привыкла к монотонному пению королевы, которое иногда прерывалось пронзительными криками, в то время как сама она вместе с Толо боролась за жизнь Дуга. Женщины вымыли раны по рецепту Норы, перевязали их, положили сверху компрессы из листьев, которые, как клялась Толо, имели целебные свойства.

Они влили в него настойку квасии, чтобы сбить температуру, и чай из коры пиментного дерева, который должен был подбодрить его. Несмотря на протесты Норы, Толо сожгла прямо в хижине пиментное дерево и другие травы, для того чтобы отогнать вездесущих мух, которые мучили больного. Нора вынуждена была признать, что это действовало лучше, чем обмахивание пальмовыми листьями, о чем Принцесса попросила малышку.

— Я тоже так делала, когда была такой маленькой, как ты, — объяснила она девочке.

Дэдэ засияла.

— Это делают все принцессы?

Никто не объяснил ей, что в большинстве случаев это была первая работа, которую заставляли выполнять детей-рабов.

Все происходило на фоне заунывных песнопений Нэнни, вызывающей духов, и молитв Принцессы, обращенных к Святой Троице, которые были не менее искренними, зато не такими громкими. Нора надеялась, что этот шумный фон, по крайней мере, не даст ей уснуть. Несмотря на то, что она совсем выбилась из сил, отдыхать не хотелось. Саймон ушел от нее, когда она уснула, и теперь, когда у нее наконец-то появилось чувство, что она вырывается из проклятого замкнутого круга, Нора не хотела идти на такой риск.

И вдруг температура у Дуга упала. Казалось, что раны его постепенно закрываются, а нога так и не начала гноиться. Где-то на третий день, когда Нэнни издала особенно ужасный вопль, обращенный к небу, Дуг пришел в сознание.

— Это... не может быть адом, — прошептал он, взглянув в сияющие глаза Норы. — Хотя пахнет так... да и на слух...

Нора улыбнулась ему.

— Это просто целебные травы Толо и духи Нэнни. Ты не должен смеяться над этим. Если бы не две эти женщины, тебя бы уже не было на свете.

— А мне снилось, что я в нашей хижине на берегу... — тихо сказал он.

— Разве у нас там есть хижина? — удивленно спросила Нора.

Хижина на берегу — это была мечта Саймона. Дуг больше мечтал о лошадях.

Но тот слабо кивнул.

— Если... если он разрешит.

Дуг еще две недели пролежал в хижине Норы, пока она не разрешила ему встать и снова осторожно нагружать ногу. Через несколько дней ему удалось, опираясь на Нору, добраться до хижины Нэнни. Королева вызвала их двоих. На своем пути через Нэнни-Таун они не встретили ни души. Нора объяснила это тем, что все были на работе. Однако, конечно, стыд маронов тоже сыграл здесь свою роль. Их вожди, видимо, понятно объяснили им, что они не должны были позволить Аквази сделать такое.

Нэнни ожидала Нору и Дуга, сидя на своем роскошном табурете. И снова она жевала какой-то фрукт, когда взглядом указала им занять место на подушках перед нею.

— Я знаю, что ты еще слаб, — обратилась она к Дугу, не утруждая себя предварительными речами или даже приветствием. — Ты сможешь идти?

— Если мне не придется целыми днями карабкаться в горы, — сказал Дуг, прежде чем Нора смогла что-то возразить, — до Кингстона я доберусь.

— Тогда идите, — сказала королева. — Я отправляю вас, как посланцев к вашему губернатору. Вы можете сказать ему, что мы признаем договор. Мы все, все мароны в горах, по крайней мере те, которые подчиняются мне и моим братьям.

Она не произнесла имени Аквази, однако в Блу-Маунтинс, очевидно, были еще одинокие воины вроде него.

— Но разве у вас не было расхождений во мнении?

Нора не могла удержаться, чтобы не задать этот вопрос. В поселении ходили слухи, что совместные церемонии по вызову духов, проводимые Нэнни и Кудойе, не так уж много изменили в их противоположных отношениях к вопросу о рабах. Кудойе хотел возвращать беглых рабов на плантации, как этого требовал губернатор, Нэнни же не хотела подписываться под этим пунктом. До сих пор Нэнни-Таун предоставлял убежище каждому.

— Нет, больше нет, — сказала она сейчас. — Больше нет, с тех пор, как... — Она бросила взгляд на Дуга и его перебинтованную ногу. — Кудойе всегда считал, что мужчина, который дает охотникам за рабами поймать себя, заслуживает своей участи. — Королева задумчиво посмотрела куда-то вдаль поверх Норы и Дуга, как будто вела беседу сама с собой. — Но я...

— Кудойе ведь сам позволил поймать себя! — вырвалось у Дуга.

Собственно говоря, эта дискуссия его мало интересовала, ему хотелось одного — побыстрее выбраться из Нэнни-Тауна. Однако аргументация черного вождя показалась ему слишком абсурдной.

— С нами было по-другому, — ответила Нэнни, все еще не глядя ни на кого из них. — Белые люди захватили наше село штурмом. Они забрали всех — и рабов, и ашанти... Кудойе был тогда почти ребенком.

Нора внимательно слушала. Значит, вот где был источник постоянно повторявшегося слуха, что Грэнни Нэнни сама когда-то торговала рабами, пока ее не захватили в рабство. Нора считала это невозможным. Нэнни была тогда слишком молодой. Но, судя по всему, ее деревня на Берегу Слоновой Кости действительно жила торговлей рабами. До тех пор, пока несколько особенно бессовестных белых людей не отказались платить, а вместо этого сами захватили всех — и рабов, и охотников за ними.

— Значит, все заслужили свою судьбу, кроме, конечно, Кудойе, его братьев и сестры? — Дуг продолжал задавать провокационные вопросы. — Это, как мне кажется, очень странная точка зрения.

Нэнни кивнула.

— Я тоже считала по-другому, — призналась она. — Если у одних людей мушкеты, а у других — копья, то последним в таком бою победить невозможно. Это не имеет отношения к гордости и чести. Так что я принимала рабов. Я хотела вернуть им их гордость и достоинство. Я хотела снова разбудить Африку. Но Африка...

Нора кивнула с сочувствием. Она вдруг поняла отчаянные попытки Нэнни держать своих маронов подальше от белых и чаще напоминать им об их старинных обычаях. И ее разочарование оттого, что ее людям больше нравились разноцветные ткани и железные товары, чем самостоятельно вытканная одежда и глиняная посуда. Однако это было мелочью по сравнению с тем разочарованием, в которое повергли ее Аквази и его люди.

— Аквази, побыв здесь некоторое время, стал для меня словно сыном, — тихо сказала королева. — Я видела в нем... Я видела в нем великого воина. Конечно, ему нужно было помочь стать тем, кем он должен был стать по своему предназначению. Я одобряла не все, что он поначалу делал

со своей рабыней. — Она посмотрела на Нору, но во взгляде ее не было просьбы о прощении. Воин имеет право держать рабов — королева не подвергала это сомнению. — Но затем он стал лучше, он... Мы все видели в нем будущего короля. Может быть, когда-нибудь в горах мог возникнуть Аквази-Таун, и вдруг... — Нэнни потеряла глаза — никому в голову не должна была прийти мысль, что королева может плакать. — И вдруг он стал вести себя, как белый баккра! Они все вели себя, как... как белые!

— Наверное, просто не существует разницы, — спокойно сказала Нора. — Наверное, все люди равны — и черные, и белые. Вопрос только в том, в чьей руке сейчас плетть.

— Но существует же гордость, — настойчиво повторила королева. — Существует достоинство. Есть вещи, которые не должен делать мужчина!

Нора горько засмеялась.

— Есть вещи, которые не должен делать человек, — поправила она ее. — Существует добро и зло, королева, а не черные и белые.

Дуг зашевелился на своей подушке. От неудобной позы у него все болело, и он с удовольствием закончил бы эту дискуссию, хотя Нора и Нэнни, казалось, наслаждались своими философскими дебатами.

— Заключение договора между короной и маронами — это, конечно, очень хорошо, — вмешался он. — А о подробностях вы еще можете подумать.

— Но нельзя допускать, чтобы вы отсылали назад таких людей, как Принцесса! — заволновалась Нора. — Или Маалик, Хадиджа, Алима... Нельзя этого делать, королева!

Нэнни рассмеялась.

— Белая миссис хочет освободить рабов? — резко спросила она. — Кто же тогда будет зашнуровывать ваш корсет, миссис Фортнэм?

— В Лондоне я тоже не бегала голой! — ответила Нора. — От меня еще никогда ни один слуга не сбежал. Кроме... — Она с чувством вины подумала о Маану. Если бы тогда девушка не была такой замкнутой...

Нэнни скривила лицо.

— Маану не в счет, — сказала она затем. — Она и от меня только что сбежала.

— Маану убежала? — испуганно спросила Нора.

Королева кивнула.

— Вслед за своим Аквази. Она выдержала без него целых два дня.

Нора пожала плечами.

— Она любит его.

Дуг потер себе лоб. Он надеялся, что женщины не будут сейчас

обсуждать хотя бы это.

— Заключение мира между короной и маронами — в любом случае, только начало, — вернулся он к теме, вспомнив о давно прошедшем времени, когда изучал право. Может быть, сейчас он, наконец, сможет применить эти знания. — Давайте еще раз вернемся к договору. Дайте мне прочитать его текст, королева, я должен просмотреть его. Я уверен, что вопрос с выдачей рабов обратно их хозяевам можно поставить таким образом, что он останется открытым. Я сформулирую этот пункт так, что каждый будет доволен, и при этом никто не сможет возразить, если вы, несмотря ни на что, будете и дальше предоставлять убежище беглым рабам.

Нэнни нахмурилась.

— Но это... Такой договор является чем-то святым. Если что-то написать, если что-то пообещать...

Дуг улыбнулся.

— Весь фокус заключается в том, чтобы не обещать слишком много.

Дуглас и Нора вынуждены были остаться в Нэнни-Тауне еще на два дня, но за это время договор между короной и маронами был четко сформулирован, переписан начисто и предоставлен королеве. Из текста договора следовало, что мароны четко склоняются к мнению о том, что слуга должен верно служить своему хозяину. Они объявляли о своей готовности влиять на беглых рабов, с тем, чтобы те немедленно вернулись на отведенное им Богом место.

— Откуда знать, какое место указал им Бог? — спросила Принцесса удивленно, когда Дуг огласил Норе этот пункт.

Та засмеялась.

— Вот в этом-то все и дело, Принцесса. Нэнни и губернатор могут иметь по этому поводу совершенно разные мнения.

— А «влиять» может обозначать все что угодно — от уговоров до заковывания в цепи, — объяснил Дуг. — Я боюсь, что Кудойе предпочтет последнее. Однако Нэнни сможет предоставлять убежище стольким рабам, скольким захочет.

Нора выслушала измененный проект договора с прояснившимся лицом.

— Ты умеешь колдовать словами, — сказала она с явным уважением.

Дуг пожал плечами.

— Это искусство, которому я обучался. И Аквази, и я принесли для этого свои жертвы... Я могу предоставить губернатору договор в таком виде?

Нэнни кивнула.

— Скажи ему, что мы придем в Спэниш-Таун, чтобы подписать его.
Заклочение мира требует праздника.

Дуг засмеялся. Он чувствовал себя намного лучше.

— Мы в порту Кингстона организуем салют! — пообещал он.

Нэнни повернулась к Норе.

— Мы еще должны поговорить о детях, — спокойно сказала она.

Нора сердито посмотрела на нее.

— Я не уйду без Дэдэ, а губернатор...

— Разве мы только что не заключили мир? — устало спросила Нэнни.

— Мы говорим не только о твоей дочери, белая женщина. Мы говорим также о твоём сыне Джефе.

— Но ведь Джеф сын Маану! — удивилась Нора.

— После того, как Маану сбежала, он теперь считается твоим ребенком. Ты ведь также была женой его отца. Итак, что же мы будем делать с детьми, белая миссис? Ты знаешь, что будет с ними, если ты возьмешь их с собой. Белые будут называть их ниггерами.

— У Дэдэ очень светлая кожа, — пробормотала Нора.

Королева фыркнула.

— Это ей не поможет. И, кроме того, Джеф черный, как ночь. Итак, что ты будешь делать?

— Мы возьмем обоих детей с собой! — сказал Дуг. — Может быть, воспитывая Джефа, я искуплю то, что случилось с Аквази.

Нэнни на какой-то момент закрыла глаза.

— Или повторишь эту историю, — сказала она затем. — Ну, меня это не касается. Это — твои дети, белая женщина. Я надеюсь, что боги будут руководить тобой.

Она величественно встала и жестом дала понять, что им пора оставить ее хижину. И Дуг вдруг понял, почему мароны называют эту маленькую невзрачную женщину своей королевой.

Глава 10

Норе и Дугу понадобилось четыре дня для возвращения в Кингстон. Дуг тащился на двух костылях, потому что Нора запретила ему становиться на раненую ногу. Таким образом, ему нужно было много передышек, да и дети тоже замедляли путь. Дэдэ и Джеф поначалу были вне себя от счастья, радуясь долгой совместной прогулке, но потом быстро устали, а Нора могла нести на руках только дочку, но не мальчика, который был намного крупнее и тяжелее. При этом Джеф жаловался и ныл больше, чем его сестра, которая, хоть и родилась на три месяца раньше, но была намного изящней. Маану и Аквази безбожно баловали его, он быстро терял терпение, если что-то происходило вопреки его желаниям.

— Мама Адве вправит ему мозги, — сердито сказал Дуг, после того как малыш несколько часов подряд жаловался и хныкал. — Она будет очень счастлива, что ее снова окружают дети. Детей ей всегда не хватало. Но я все еще хорошо припоминаю свои ощущения, когда моей самой драгоценной части тела перепало от ее половника. Это было не очень приятно!

— А разве мы не хотели забрать у надсмотрщиков их плети? — с улыбкой спросила Нора.

Дуг ухмыльнулся.

— И заменить их половниками? Хорошая идея, надо будет добавить к условиям чернокожих в договоре о мире.

Норе хотелось привести себя в порядок и освежиться прежде, чем попасть на глаза Трелони, но они не нашли в Кингстоне ни единой гостиницы, по крайней мере, пристойной. В городском же доме Холлистеров Дуг появляться не хотел. Таким образом, оставался только торговый дом Берфута, но вот найдется ли там приличная одежда? В конце концов, Дуг протащился последние мили до Спэниш-Тауна и привел всю процессию к дому губернатора. Ему уже было все равно, он устал до смерти, и все его тело ужасно болело после нескольких дней ходьбы по неровным дорогам.

Охрана губернаторского дворца долго не могла решить, впускать ли эту пару изможденных молодых людей, к тому же с двумя черными детьми. Вызванный часовыми секретарь губернатора в конце концов разрешил им зайти, когда Дуг представил себя с Норой как мистера и миссис Фортнэм. Трелони принял их немедленно.

— Вы... Так это действительно ваша пропавшая... э... мачеха? — спросил губернатор. Он, как всегда, выглядел безукоризненно, словно только что вылупился из яйца, и Нора, которая на протяжении пяти лет не видела перед собой напудренных и покрашенных мужчин в париках, посчитала его внешний вид дурацким. Однако же она разрешила ему поцеловать ей руку, как того требовал этикет.

— Это моя невеста, — заявил Дуг. — Мы вскоре поженимся. А в остальном... да, я же вам говорил, что освобожу миссис Фортнэм.

Губернатор поправил и без того безукоризненно лежащий белый локон на своем парике.

— Что удалось вам намного лучше, чем всем армиям короны, которые мои предшественники посылали в это гнездо разбойников. Мое уважение, мистер Фортнэм! И, кроме того, вы привели с собой двух детей-ниггеров.

Он по-отечески улыбнулся Дэдэ и Джефу, которые почтительно рассматривали роскошную мебель и ковры в резиденции.

— Всегда думать о потомстве... Девочка, наверное, станет красавицей. — Сходство Дэдэ с Норой, казалось, не бросилось губернатору в глаза. — Но вы... — Он смущенно указал на костыли Дуга и его грязную повязку. — Вам нужен врач?

— У меня действительно была небольшая стычка с парой маронов, — невозмутимо заметил Дуг. — Но не беспокойтесь, королева сама уже занимается этим вопросом. Миссис Нэнни поручила мне, как адвокату, предоставить вам данный проект договора. Если бы ваши адвокаты тоже проверили его, миссис Нэнни и мистер Кудойе с удовольствием последовали бы вашему приглашению в Спэниш-Таун для подписания договора и увенчали бы это праздником, достойным данного события. Кстати сказать, среди подобных себе, они носят титулы королевы и короля, что нам кажется немного преувеличенным, однако это нужно учитывать в интересах выгодного сотрудничества. Да, нашему делу не очень поможет, если вы и в дальнейшем будете называть жителей города Нэнни-Таун беглецами или ниггерами. Мои дети тоже не любят это слышать. Разрешите вам представить: мой сын Джеффри, моя дочь Дейрдре.

Глаза губернатора расширились от удивления, а Нора подарила своему мужу восхищенный взгляд.

— Вы знаете, я бы сейчас с удовольствием приняла ванну, — вмешалась она, пока Трелони ничего не успел ответить. — Это ведь можно организовать? А моему мужу нужен покой. О подробностях договора вы могли бы поговорить с ним позже.

Губернатор в тот же день послал гонцов в Каскарилла Гардене, и

Квадро не мог отказать себе в удовольствии лично забрать своего хозяина и госпожу из Спэниш-Тауна. Дуг был так счастлив видеть его, что в порыве чувств обнял старого кучера.

— Все ли в порядке на плантации? — спросил Дуг.

Квадро кивнул, однако при этом почесал у себя над губой.

— Само по себе вроде ничего... Но ходят слухи... — У чернокожего старосты был озабоченный вид. — Я не должен был вам об этом говорить, но я убежден, что мистер Ян тоже кое-что слышал. Маану вроде бы видели в этой местности. И люди поговаривают об Аквази...

Дуг пожал плечами.

— Аквази находится в горах. Он не решится добраться сюда. Если Маану...

— Если Маану захочет увидеть свою мать, мы не будем ей мешать, — решительно сказала Нора. — Мы будем... хм... просто не замечать ее. Как ты думаешь, Дуг, можно ли как-то понятно разъяснить это мистеру Яну? Кто он такой? Надсмотрщик? И рабы рассказывают ему о слухах в деревне?!

Норе при виде сердечного приветствия Дуга и Квадро стало ясно, что ей понадобится некоторое время для того, чтобы привыкнуть к изменившейся обстановке в Каскарилла Гардене. Однако новый дом сразу же привел ее в восторг. В кошмарах Норы среди пальм и красных деревьев все еще стояло старое каменное сооружение, может быть, почерневшее от копоти и полное злых воспоминаний. Она боялась снова увидеть этот особняк. Новый же дом, который Дуг приказал построить вместо старого, пестрый, разрисованный, с балконами и башенками, резьбой по дереву и красивой штукатуркой, заставил ее глаза засветиться радостью.

— Здесь живет принц? — почтительно спросила Дэдэ. Она еще в Кингстоне и Спэниш-Тауне не могла насмотреться на господские дома, но новый особняк на плантации, скрывающийся в тени высоких деревьев, понравился ей еще больше.

Дуг обнял ее за плечи.

— Здесь будет жить принцесса! — заявил он.

— А король? — хотел узнать Джеф. — Где живет король?

— Здесь нет короля, — ответила Нора и прижала его к себе. — Только принцесса Дейдрре и принц Джеффри. А это ты.

Дуг и Нора пришли к согласию, что маленькому мальчику тоже нужно дать английское имя и окрестить его. Новый проповедник, как говорили, был для этого подходящим человеком. А губернатор настойчиво советовал Дугу дать ребенку свидетельство об освобождении от рабства.

— Официально мальчик является вашим рабом, мистер Фортнэм. Хотя оба родителя находятся в бегах, когда их поймают, они, как и прежде, останутся вашей собственностью, значит, и ребенок тоже. А что касается ваших планов вырастить его в качестве вашего сына, я считаю это... не очень умным, мистер Фортнэм. Очень не умным!

Дуг лишь пожал плечами.

— Ну, это мнение, Ваше превосходительство, — сказал он, — в котором вы полностью сходите с королевой Нэнни.

— Мой папа будет королем! — самоуверенно заявил Джеф.

Нора переглянулась с Дугом. Они могли лишь надеяться, что мальчик скоро забудет Аквази и те великие цели, о которых тот явно сообщил своему сыну.

До окончательного заключения договора между короной и маронами прошло еще несколько месяцев, и за это время Нора постепенно привыкала к своей жизни в качестве почти ничего не делающей жены плантатора. Конечно, она снова взяла на себя медицинское обслуживание рабов и возобновила свою дружбу с баарм мадда в окрестностях, но теперь она не понимала, как могла столько лет провести за чтением, написанием писем и определением цветов. В конце концов, она начала создавать собственный сад с орхидеями, отказываясь от любой помощи, которую предлагали ей ничего не понимающие рабы.

Однако много времени и энергии уходило на то, чтобы приучить детей к их новой жизни в Каскарилла Гардене. При этом Дэдэ не создавала существенных трудностей. Маленькая девочка оказалась очень способной и послушной. Она абсолютно органично вошла в свою роль принцессы, и лишь иногда ей приходилось напоминать, чтобы она не вызывала служанку по любому поводу.

— Ты могла бы и самостоятельно одеться, как делала это раньше, — к примеру, порицала ее Нора, глядя, как вокруг ее дочери танцуют сразу три девочки-подростка, причесывая ей волосы и завязывая шнурки на туфельках.

— Но тогда у меня еще не было туфелек, — защищалась Дэдэ, — и не было ленточек для волос. И платья с кружевами!

Девочка выглядела в своем новом статусе очень трогательно.

— И мы с удовольствием делаем это, миссис, — заявляли служанки.

Дэдэ за кратчайшее время стала всеобщей любимицей и научилась вовсю вертеть персоналом. Нора улыбалась и вспоминала, что ее собственный отец тоже когда-то утверждал о ней то же самое. Однако она спрашивала себя, что он подумает о такой внучке. Ну, об этом она вскоре

сможет сама спросить его. Томас Рид был так счастлив, получив известие о спасении дочери, что на следующий год запланировал приехать в гости на Ямайку.

— Платье с кружевами ты должна носить только по воскресеньям! — решительно заявила Нора и подала малышке платье простого покроя. — А не для того, чтобы помогать маме Адве на кухне.

Затем она обратилась к девушкам.

— А что касается вас, Дэдэ — не кукла. Если она когда-нибудь будет вести себя, как племянница баккра Холлистера, я лично прикажу выпороть вас!

И одним движением руки Нора шуганула как маленькую «принцессу», так и ее добровольных помощниц. Все четверо с визгом убежали.

Джеф был проблемой намного большей, тем более что он никак не мог определиться, является ли сыном короля, или борца за свободу. С одной стороны, ему нравилось, когда с ним нянчились, но, с другой стороны, его отец привил ему глубокое презрение как к порабощителям, так и к верноподданным рабам. Вследствие чего Джеф вел себя непослушно со всеми — от безобидной девушки-служанки, которая пыталась помочь ему надеть непривычные для него штанишки и рубашку, до Яна Мак-Клауда, который отныне исполнял обязанности домашнего учителя детей Фортнэмов. Молодой шотландец был высокообразованным человеком, и ему намного больше нравилось показывать удивляющейся маленькой Дэдэ глобус, а Джефа учить счету, чем под палящими лучами солнца наблюдать за рабами, которые все равно не воспринимали его всерьез. К сожалению, Джеф поступал так же и давал это почувствовать, что время от времени доставляло Норе хлопот.

Мальчик выглядел, как ребенок раба, но вел себя, словно избалованный маленький баккра. Уже сейчас это создавало недовольство в доме, но это может привести к серьезным осложнениям, если Нора и Дуг, в конце концов, решатся возобновить общественные контакты. До сих пор их бывшие друзья и соседи смотрели на них с недоверием и недоумением, но на следующее Рождество они планировали большую свадьбу. Праздник, как надеялся Дуг, заставит лед тронуться. Но как при этом будет вести себя Джеф, оба они еще не знали.

До подписания договора Дуг трижды выезжал верхом в Нэнни-Таун, чтобы обсудить с маронами Виндворда небольшие изменения в договоре, которые желал внести губернатор. Он каждый раз с неохотой отправлялся в путешествие, хотя со стороны Нэнни ему не угрожала никакая опасность, а дорога верхом туда и обратно занимала всего один день. Однако каждый

раз, когда он выезжал из Кингстона, у него было неприятное чувство, как будто за ним наблюдают. Подозрения эти не давали ему покоя, пока он не проезжал первые посты Нэнни-Тауна. При этом ситуация казалась ему совершенно парадоксальной — будучи белым человеком, он должен был чувствовать себя в опасности скорее приближаясь к маронам, чем на территории, подконтрольной губернатору. Однако Дуг каждый раз был рад, когда приезжал в Нэнни-Таун, а на обратном пути — когда видел, наконец, первые дома Кингстона. Нора наморщила лоб, когда он заговорил с ней об этом.

— Ты думаешь, Аквази подстерегает тебя? — спросила она.

Дуг беспомощно покачал головой.

— Я не могу себе это представить, — сказал он. — Это было бы безумием — таким образом рисковать головой. Ты можешь подтвердить, что он убил моего отца, да и мне он признался в этом лично. Но я не буду посылать за ним охотника за головами, у него ведь были свои причины. Однако бегать сейчас где-то здесь в окрестностях Кингстона... Боже мой, да перед ним открыт весь остров! Мароны Виндворда изгнали его, но ведь существуют другие группы, другие места... Ему нужно подождать всего лишь пару недель, а затем он сможет передвигаться совершенно спокойно, как свободный черный человек.

— Без свидетельства об освобождении? — спросила Нора.

Дуг засмеялся.

— Фальшивые свидетельства об освобождении скоро можно будет купить на каждом углу! — сказал он. — Давай поспорим, что мой друг Берфут уже подумывает о том, что надо бы научиться читать и писать! Тут, Нора, на нас обрушится безбожный хаос, когда свободных негров официально признают.

До сих пор плантаторам на Ямайке не разрешалось освобождать своих рабов. Если кто-то и делал это, то полулегально. Если он не защищал чернокожих, то кто-то другой мог поставить под вопрос их свободу и снова поработить. Таким образом, лишь немногие, в основном заслуженные и долго работавшие домашние рабы имели свидетельство об освобождении, но эти люди все равно не собирались покидать своих хозяев. Дуг сам недавно выдал Адвеа и Квадро такие свидетельства, и с тех пор Адвеа мечтала о дне подписания договора. Она планировала поехать

к своей дочери Мансе в Нэнни-Таун. Девушка не присоединилась к Норе с Дугом, когда те отправились в город, хотя Нэнни, вероятно, ничего бы против не имела. Но Мансе уже было шестнадцать лет, и она была влюблена в одного из молодых маронов.

О Маану ни Нора, ни Дуг ничего больше не слышали, однако они о ней и не спрашивали.

— А если Аквази все еще хочет отомстить тебе? — беспокоилась Нора, когда Дуг вскоре после той беседы в последний раз перед подписанием договора собрался ехать верхом в Нэнни-Таун.

Дуг пожал плечами.

— Если бы он хотел убить меня, то давно бы уже сделал это. Между Кингстоном и Нэнни-Тауном каждый поворот дает возможность для засады. Не сходи с ума, Нора, это точно никак не связано с Аквази. Может быть, я только воображаю себе какую-то угрозу. — Он улыбнулся. — Твой вояка стал бояться, моя красавица. Мне кажется, что еще раз я вряд ли нападду в одиночку на целый город...

Нора поцеловала его.

— И не надо этого делать, ведь меня уже не держат там в плену, — ответила она.

Однако все их шутки не могли унять неприятного чувства, которое пробудило в ней признание Дуга. Уже потому, что она сама страдала от подобных подозрений. Ей тоже часто казалось, что за ней наблюдают, причем угроза для нее была более реальна, чем для Дуга. Норе мерещилось, что, прежде всего на побережье, она чувствует на себе чужие взгляды.

А поскольку теперь уже не надо было таиться, она ездила туда верхом почти каждый день. Дуг показал ей хижину, которую построил для ее духа, и она была тронута до слез. Ей действительно казалось, будто Дуг погрузился в ее мечты, — пляж теперь выглядел точно так, как представляли себе Саймон и Нора. Таким образом, ей снова вспомнился Саймон, когда она в первый раз ощутила, что вблизи кто-то находится. С легким чувством вины она вспомнила о том, как быстро отодвинула его тень в сторону, когда Дуг собственной персоной возник перед нею. Неужели действительно существовал какой-то дух, который искал здесь близости с ней?

Когда в другой раз Нора пряталась в хижине от дождя, ее чувство, что она не одна, стало очень сильным. Таким сильным, что она подняла голову вверх и стала налаживать контакт.

— Ты здесь? Это для тебя... Это для тебя что-нибудь значит?

Нора нащупала гемму, которую больше не носила на шее, но та всегда была у нее с собой. Снова и снова ею овладевало чувство, что она изменяет Саймону, потому что живет с Дугом и любит его.

Конечно, никто ей не ответил, и Нора показалась самой себе ужасно

глупой, когда, наконец, снова вышла из хижины под лучи солнца и ноги ее при этом ступили на мокрый от дождя песок. Кроме ее собственных следов, здесь не было никаких других.

Но ведь духи не оставляют отпечатков ног.

«Еще как значит!»

Аквази чуть не ответил, когда услышал робкий вопрос Норы. Он яростно вонзил ногти в ствол пальмы, между ветвями которой занял наблюдательный пост, как это часто бывало раньше. Сейчас, когда на берегу стояла хижина, наблюдать за Норой — а зачастую и Дугом, — оставаясь незамеченным, стало еще легче. Сидя на пальме, которая высилась над хижинной, было также удобнее подслушивать их, когда они были внутри, и Аквази достаточно часто приходилось сдерживать себя, чтобы не спрыгнуть вниз и не убить своего соперника, снова похитив женщину. Однако он железно владел собой. С Норой он далеко не уйдет — а за убийство и похищение за ним будут охотиться, как за собакой. Даже в горах он не будет в безопасности. С тех пор как Нэнни признала Дуга Фортнэма в качестве своего домашнего адвоката, Фортнэмы находились под защитой маронов Виндворда. А их отряды найдут его — тут Аквази себя иллюзиями не тешил.

Нет, если он хочет, чтобы у него был хотя бы намек на шанс заполучить Нору обратно, требовалось осуществить план, который он выработал себе уже несколько месяцев назад. Ему нужно помешать заключению мира между белыми и маронами и позаботиться о том, чтобы Нэнни и Квао, а еще лучше и Кудойе с Аккомпонгом потеряли власть. Тогда он сам смог бы объединить маронов или хотя бы часть из них и забрать Нору и своих детей, после того как сделает с Дугом то, чего тот заслуживает. Впрочем, может быть, дело с Дугом Фортнэмом получится решить одним ударом. Если бы ему удалось найти хорошее место для обстрела и успеть несколько раз перезарядить пистолет, то все было бы возможно.

Но сначала ему нужно набраться терпения. Аквази сжал зубы. И предоставил Норе вести диалоги с ее духами.

Глава 11

Осенью 1739 года был, наконец, назначен день торжественного подписания договора, и губернатор предоставил Кудойе, Акком-понгу, Нэнни и Квао свободный вход в Спэниш-Таун. Это, конечно, было связано с трудностями — не каждый белый человек в Кингстоне поддерживал заключение мира.

— Лучше бы мы их выкурили! — возмущался Кристофер Кинсли, который, естественно, как и все другие плантаторы из этой местности, появился на празднике.

Представители высшего общества заняли передние места на квадратной площади перед домом губернатора. Трелони планировал принять вождей маронов здесь, в центре города, а после церемонии сказать несколько слов своим гражданам. Уже сейчас площадь и дорога, которую держали открытой для вождей маронов, были со всех сторон окружены людьми. Каждый, от плантатора до раба, хотел бросить взгляд на легендарную Грэнни Нэнни. Однако среди рабов лишь немногие смогли наслаждаться этой привилегией. Никому и в голову не пришла идея дать выходной своим полевым рабам, и поэтому лишь несколько домашних слуг и служанок, сопровождавших своих господ, появились на площади. Было там и немного свободных чернокожих, но их, естественно, прогнали в последние ряды.

— Я бы тоже так сказал! — ответил Холлистер своему другу и со стоном попытался устроиться удобнее.

Он выжил после ранения, однако, как и раньше, мог ходить и сидеть с большим трудом, и лишь широко расставив ноги. О том, чтобы ездить верхом, нельзя было и думать: даже тряска в карете доставляла ему боль. Поэтому для поездок из Кингстона на свою плантацию и назад он стал пользоваться носилками, которые несли четыре раба.

— Как римский император, — заметила Нора Дугу, когда увидела это в первый раз. — Я знаю, что это не смешно. Бедный человек. Но сравнение с Нероном просто напрашивается.

На празднике в Спэниш-Тауне Холлистеру поставили кресло сразу же за ограждением, где он и сидел, как на троне, ожидая «спектакля». Как и большинство других плантаторов, он коротал время за рассуждениями о том, что именно губернатору в обращении с маронами стоило бы сделать по-другому. Причем предложения становились тем более резкими, чем

быстрее карманные фляги с ромом ходили по кругу.

Рядом с Холлистером стояла его жена. Со времени его ранения она практически не отходила от него, чем заслужила в колонии огромное уважение. Леди время от времени бросала недружелюбные взгляды в направлении Норы Фортнэм, которая в беседе не участвовала.

Молодая женщина стояла немного в стороне, элегантно одетая и причесанная по последней моде. Ее белое, расцвеченное веточками цветов платье подчеркивало худощавую фигуру — она вполне могла позволить себе отказаться от корсета, который только что вышел из моды. Нора напудрила волосы, однако не стала покрывать пудрой лицо. Это было бесполезно — пытаться осветлить ее глубоко загорелую кожу с помощью пудры из талька, к тому же в результате получался какой-то болезненный серый цвет. Для того чтобы скрыть ее коричневый загар, на самом деле пришлось бы толстым слоем наносить на лицо свинцовые белила, но этим пусть занимаются денди из свиты губернатора, которые как раз появились в своих лучших нарядах — парчовых камзолах, брюках до колен и ослепительно белых чулках, и стали в несколько рядов возле входа во дворец. Сейчас губернатор будет проходить между ними в сопровождении предводителей маронов.

Нора держала своих детей за руки — Дэдэ в очаровательном белом платье с кружевами, которые подчеркивали ее кожу цвета шоколадного крема, и Джефа в брючках до колен и курточке, подбитой ватой. Он ныл все время, потому что потел, и, естественно, был прав. Все мужчины были одеты слишком тепло, и Ян Мак-Клауд тоже. Он со своей женой Присциллой стоял возле Норы, и, конечно же, на нем была воскресная одежда. Он без жалоб страдал от душной жары, свойственной сезону дождей, и со всем терпением, которое у него только было, призывал Джефа быть джентльменом и достойно вынести все это. Однако Джеф почти не слушал его. Он не хотел быть джентльменом. Нора с большим трудом удерживала его от того, чтобы он не расстегнул пуговицы своей тесной одежды и не сбросил ее с себя.

В конце концов, проблему решила его названная бабушка. Адвеа стояла тут же, рядом со своей хозяйкой, — в новой красной юбке, блузке с кружевами и с тщательно повязанным на голове красным тюрбаном. Она всегда носила свою бумагу об освобождении из рабства с собой, в корзине, и у нее был почти обиженный вид, потому что никто не спрашивал об этой грамоте. Но все-таки она, как единственная свободная чернокожая, стояла впереди перед самым дворцом и не хотела, чтобы ее внук испортил ей

праздник. Адвеа наклонилась к Джефу и вlepила ему две звонких пощечины.

— Вот. Сейчас тебе жарко. И не вздумай реветь! Ты хочешь быть великим воином? Великие воины не режут!

Джеф ошарашенно посмотрел на нее. Но затем действительно замолчал.

Дуга в это время не было рядом с его семьей. Он сопровождал Грэнни Нэнни и ее братьев по городу. Королева настоятельно попросила его об этом. Ее братья шагали мимо рядов белых людей, гордо выпрямившись, уверенные в себе, однако сама Нэнни все же испытывала некоторый страх перед сконцентрированной силой белых плантаторов. Дуг мог понять ее. Многие из мужчин среди зрителей были вооружены, по крайней мере, у них с собой были сабли, а зачастую также мушкеты или пистолеты. Дуг спрашивал себя, был ли подготовлен эскорт, который губернатор предоставил своим гостям, к возможному покушению. Воины-мароны, которые сопровождали Нэнни и ее братьев, конечно, были готовы к этому лишь частично. Африканцы среди них ограничились своим традиционным оружием, которое сейчас служило скорее для представления, чем в качестве настоящей защиты. Лишь некоторые из настоящих маронов, привыкшие сохранять бдительность на протяжении нескольких поколений, угрюмо смотрели в толпу и держали свое огнестрельное оружие наготове.

Нэнни под руку со своим элегантным молодым адвокатом шла мимо рядов белых людей, которые когда-то похитили и поработили ее. Дуг не был уверен, что сможет защитить ее в случае покушения, но он чувствовал, что королева довольна. Ему не хотелось думать о разговорах среди своих соседей и о том, как его поступок отразится на дальнейшем сотрудничестве с другими плантаторами. Но он с удовольствием предложил Нэнни сопровождать ее. Дуг чувствовал глубокое уважение к этой маленькой, незаметной женщине, которая, сохраняя невиданную гордость и силу, проделала долгий путь от рабыни до мстительницы, а теперь пришла к заключению мира.

Аквази смотрел на Нэнни сверху вниз, исполненный презрения. Он уже несколько часов назад пробрался на площадь и смешался с рабами, которые устраивали там ограждения и сколачивали трибуны. Однако он поначалу не мог найти идеальную позицию для обстрела — так или иначе, будет не просто стрелять по верх голов людей. Перезарядить оружие быстро вряд ли удастся, скорее всего, следует ожидать, что у него будет возможность сделать один-единственный выстрел. А ему очень хотелось убить, кроме губернатора, еще и Нэнни. Или Кудойе... Или все же

Фортнэма? Если он попадет только в белых, то подозрение неизбежно падет на маронов, и вряд ли Нэнни и других в таком случае отпустят с миром. Если Аквази устроит все ловко, то белые будут работать в его пользу. А если ему еще и немного повезет, то на площади сразу же возникнет настоящий бой. Однако ему нужно было найти безопасное место. И лучше всего на каком-то возвышении.

Пока Аквази напряженно раздумывал, улицы наполнялись людьми, с неохотой уступавшими дорогу каретам плантаторов, которые, конечно, приказывали отвозить себя прямо к их местам для сиденья. Одна из этих карет неплохо подошла бы.

Аквази надеялся, что кучера поставят их на краю площади, но был разочарован. Солдаты, которые помимо своих прямых обязанностей, еще и указывали зрителям их места, приказали кучерам освободить непосредственное окружение площади. Затем в поле его зрения появилось необычное транспортное средство — Аквази с удивлением наблюдал за прибытием паланкина, который несли четверо крепких рабов. Человеком, который с трудом вышел наружу, оказался Холлистер — и он тут же начал ругать солдат за то, что те приказали его рабам отнести носилки в сторону.

Аквази не разбирал его слов, но хорошо мог себе их представить. Явный инвалид — Аквази ухмыльнулся при воспоминании о том, что с ним случилось, — хотел, чтобы его средство передвижения оставалось поблизости, если это мероприятие покажется ему слишком затянувшимся. После коротких переговоров рабам разрешили поставить носилки в начале узкой боковой улицы в непосредственной близости к хозяину. Четверо рабов тут же растянулись в тени. К церемонии у них явно не было никакого интереса, но никто вокруг не удивился бы, если кто-то из них залез бы на крышу паланкина и с этой позиции наблюдал бы за происходящим. Аквази осмотрел деревянный каркас носилок. Больше чем одного человека его сложения он не выдержит, но под ним одним вряд ли сломается. Аквази медленно крался к рабам.

Маану чувствовала, что совсем выбилась из сил. Она уже несколько недель пряталась в окрестностях Каскарилла Гардене, так же, как и Аквази. Адвеа снабжала свою дочь пищей и рассказывала ей деревенские сплетни, однако об Аквази она ничего не знала. Маану также не говорила о нем, хотя с удовольствием обсудила бы с кем-нибудь вопрос о том, что заставило ее супруга держаться вблизи белых людей. Она была готова последовать за любимым мужем в изгнание, но Аквази, в первые же дни, дважды весьма грубо дал ей от ворот поворот. Она должна была идти назад в Нэнни-Таун и ждать. Маану в страхе и неуверенности осталась в горах, после того как он

злобно запретил ей следовать за ним дальше. Однако что бы это дало, если бы она осталась ожидать в Нэнни-Тауне? Королева изгнала Аквази — неужели он действительно надеялся, что она однажды отменит свой приказ?

Маану не могла поверить в это, но прежде всего она не могла сидеть без дела. Она достаточно долго ждала Аквази, но ей удавалось сблизиться с ним лишь тогда, когда она навязывалась ему. Маану сама презирала себя за это, однако стоило ей лишь увидеть Аквази, она забывала всю свою гордость. Она видела в нем сильного красивого мужчину, которого хотела обнимать и чувствовать, — однако она также видела в нем глубоко обиженного маленького мальчика, которому ничего не нужно было так, как утешение. С тех пор, как Дуга тогда отослала в Англию, Аквази остался один — он больше не допускал никакой близости, никаких объятий и любви, как бы ни заботилась о нем Адвеа. Лишь Маану, тогда еще маленькую и пугливую, как котенок, он иногда терпел. Разрываемая сочувствием к нему, девочка по ночам пробиралась в хижину, место в которой предоставили Аквази. Взрослые полевые рабочие, с которыми он делил хижину, уже устало спали, но мальчик плакал и жаловался целыми ночами. Тогда Маану тихонько ложилась рядом с ним и разделяла его боль, иногда он разрешал ей обнимать себя. Все это, однако, оставалось тайной. К утру она исчезала, а мальчик делал вид, будто никогда не видел ее.

Маану была уверена, что это со временем изменится. Незадолго до того, как белый хозяин в первый раз позвал ее принести ему напиток на ночь, Аквази сам обнял ее и притянул к себе. Вполне невинные объятия, она ведь была еще ребенком. Но это могло стать началом... Если бы Элиас Фортнэм не овладел девочкой, лишив ее девственности. Маану не знала, подозревал ли Аквази об этом или, может быть, даже твердо знал. Однако, когда несколько лет назад этот кошмар для нее закончился, она больше к Аквази не приходила. Тогда она уже начала видеть в нем мужчину. Сильного мужчину, который мог бы даже защитить ее. Все мечты Маану включали в себя их совместное бегство. Но для него она так и не стала желанной женщиной, он никогда не воспринимал ее так, как Нору Фортнэм.

Маану, однако, так легко не сдавалась. Она уже сейчас была готова забыть прошлое. Нора была для Аквази бесповоротно потеряна. Но она, Маану, будет с ним. И ему придется с этим смириться. Как он смирился с существованием Дуга.

Таким образом, Маану снова вышла на след. Она последовала за Аквази в Каскарилла Гардене и терпела адские муки, когда он подстерегал

Нору на пляже и наблюдал за Дугом во время его поездок в Нэнни-Таун. Не раз она спрашивала себя, что сделала бы, если бы Аквази вознамерился выстрелить в него. У него было оружие: Маану смутно припоминала, что у Аквази был с собой пистолет Дуга, который она видела у него еще в Нэнни-Тауне. Может быть, позже его заставили сдать пистолет, а может быть, и нет. Но она была исполнена решимости не позволить этому делу дойти до крайности. Нельзя было давать Аквази возможности для дальнейших убийств! Никто не стал бы его преследовать, если бы он оставался незаметным. Он мог бы жить с Маану в горах — или где-нибудь в другой части острова. Если бы только он внял голосу разума!

Маану почувствовала громадное облегчение, когда заметила, что Аквази оставил в покое Дуга и также не делает попыток приблизиться к Норе, за исключением наблюдения за ней на пляже. Может быть, когда-нибудь все это закончится само по себе.

Но что ее муж собирался делать здесь, в Спэниш-Тауне, во время подписания договора?

Маану незаметно наблюдала за Аквази, несмотря на то что до смерти боялась находиться здесь, среди людей. Она распустила плотные косички и обрезала волосы. По ее длинным гладким волосам ее, скорее всего, узнали бы, потому что так она носила их раньше. Но, конечно, кто-нибудь мог узнать ее по лицу — за это время Нора несколько раз бывала в Кингстоне и в Спэниш-Тауне. Маану могла лишь надеяться на то, что вряд ли кто-то из белых людей когда-либо всматривался в лица рабов.

Между тем люди уже вовсю толпились на улицах, и Маану было нелегко преследовать Аквази. Тот как раз беседовал с несколькими крепкими чернокожими мужчинами на краю площади. Эти четверо охраняли какое-то странное транспортное средство — своего рода носилки с крышей. В то время как Маану еще удивленно рассматривала это сооружение, спрашивая себя, почему Аквази им интересуется, какая-то повозка чуть не переехала ей ноги.

— Эй, красотка, берегись! — Веселый чернокожий человек в желтой соломенной шляпе, с лицом, круглым, как луна, не то с укором, не то снисходительно посмотрел на нее сверху вниз. — Ты куда глазеть? Искать место получше, да? Здесь сзади ничего не видать, точно.

На повозке мужчины на влажных листьях лежали нарезанные кусками дыни и манго. Над фруктами была сооружена деревянная крыша, для защиты товара от дождя и солнца. Продавец с хитрецей посмотрел на нее, а затем, ухмыляясь, принял решение.

— Давай, девушка, залезать навверх, баккра определенно не иметь

ничего против!

Одним движением он обхватил узкую талию Маану и поднял ее на крышу своей повозки.

— Делать повозку еще красивее! — ухмыльнулся он затем и поехал дальше. — Дыни, манго... Сладкие, слаще, чем малышка на крыше!

Маану испугалась, и ей больше всего захотелось закрыть свое лицо, когда она услышала, каким образом продавец расхваливает свой товар. Теперь она сидела, словно на возвышении для специального показа, и каждый человек на площади мог ее видеть. Но затем она с облегчением обнаружила, что на самом деле никто на нее не смотрит. Чернокожая девушка на повозке с фруктами здесь никого не интересовала. Люди хотели видеть Грэнни Нэнни и губернатора. И вот уже появились мароны!

Маану услышала ропот толпы — повсюду раздавались, как приветственные, так и презрительные возгласы. Она увидела Нэнни, идущую под руку с Дугом Фортнэмом и губернатором, который вышел вперед, миновав ряды своих секретарей и слуг. И одновременно она увидела, как Аквази карабкается на крышу носилок.

Маану на секунду заподозрила, что он что-то планирует. Но затем мимо нее прошли Дуг и Нэнни, губернатор поцеловал королеву маронов руку и провел всех в свой дом. Краткий выход...

— После этого ты видеть больше! — пообещал продавец дынь, у которого продажа сейчас шла очень хорошо. — После этого губернатор держать речь. Сейчас только подписывать внизу. Я даже не знаю, что Грэнни Нэнни умеет писать. — В словах человека звучало почтение. Маану невольно улыбнулась. Она бесчисленное количество раз водила рукой королевы, когда старая женщина из племени ашанти тренировалась в написании своего имени под документом. Да, слова «Нэнни от имени маронов Виндворда» королева выведет на бумаге безошибочно.

Аквази удобнее устроился на крыше паланкина. Он тоже слышал, что губернатор и его гости после подписания договора выйдут сюда и предстанут перед толпой. Значит, ему придется подождать. Хотя это ему не нравилось. Ему хотелось бы совершить покушение до официального подписания мирного договора. Но приветствие прошло так быстро, что ему удалось бы выстрелить в лучшем случае один раз, и, кроме того, Нэнни и ее братья закрывали собой губернатора. Значит, сейчас — когда все встанут в один ряд.

Аквази приготовил порох и пули. Ему придется перезаряжать оружие очень быстро, он точно успеет убить двоих, если не троих и больше. Однако нет, больше трех — вряд ли. Пусть даже пройдет некоторое время,

пока обнаружат, откуда прозвучали выстрелы, — он не хотел дать поймать себя. Аквази надеялся лишь на то, что четверо рабов в тени носилок быстро выпьют бутылочку рома, которую он подарил им в благодарность за предоставленный наблюдательный пост. Когда они опьянеют, то перестанут замечать, что происходит. А слышно будет только один выстрел. Как только губернатор упадет на землю, на площади поднимется адский шум.

Окончательное прочтение договора между маронами и губернатором затянулось на некоторое время, а затем Кудойе, Акком-понгу, Квао и Нэнни понадобилось еще несколько минут, чтобы тщательно натренированными движениями поставить под документом свои подписи. Дуг внимательно следил за тем, чтобы все происходило корректно, однако он мог быть спокоен: мароны старательно и разборчиво нарисовали свои имена в правильных местах. После этого губернатор приказал раздать шампанское, которое Нэнни сперва попробовала очень осторожно. Но потом ей, казалось, очень понравилось. Она смеялась и мило беседовала с Трелони, в то время как ее братья производили такое впечатление, будто толком так и не поняли, как им относиться к происходящему. Им, конечно, больше хотелось выпить рому, чем этого пузырящегося водянистого напитка. В конце концов, они вступили в беседу с полковником Гатри, с которым у них явно было больше общего, чем с джентльменом до мозга костей губернатором Трелони.

— Ну, пора! — в конце концов, сказал Трелони и, как кавалер, открыл дверь перед Нэнни, прежде чем провести своих гостей на улицу. — Мы встанем рядом друг с другом, чтобы нас все могли хорошо видеть, а затем я скажу несколько слов. Если вы тоже хотите что-то сказать, королева, пожалуйста, не стесняйтесь! — улыбнулся он. — В любом случае это надолго не затянется, это было бы невыносимо при такой жаре...

Он вытащил свой надушенный носовой платок и промокнул лоб.

Грэнни Нэнни явно старалась вести себя дипломатично. Дуг на ее месте, пожалуй, не преминул бы напомнить Трелони о своем прошлом в качестве полевой рабыни. Губернатор, конечно, был мирным человеком и приятным парнем, но, казалось, он просто не понимал, с кем имеет дело.

И вот маленькая предводительница маронов, как полагается, встала на площади перед дворцом губернатора рядом с самим Трелони — с другой стороны над ней возвышался ее брат Кудойе. Губернатор поднял руку, чтобы призвать людей к спокойствию...

А затем, казалось, в одно мгновение произошло несколько событий.

Маану увидела королеву на лестнице перед дворцом и подумала, не помахать ли ей. Но затем она посмотрела на Аквази — и увидела в его руке

оружие. В этот же момент Джеф увидел свою мать на крыше повозки с овощами.

Маану закричала и спрыгнула с повозки, Джеф также закричал и вырвался из рук Норы.

— Мама!

Мальчик побежал к Маану, но ему пришлось продвигаться через оцепленную часть площади. Однако даже пара охранников в форме не смогла удержать будущего воина-ашанти! Джеф прорвал оцепление, словно маленькая черная молния.

— Джеф!

Нэнни, сияя, наклонилась к нему, чтобы обнять мальчика, и тут раздался выстрел. Губернатор ошеломленно обернулся к ней, и это спасло его от попадания пули.

Дуг молниеносно обернулся, ища то место, откуда прозвучал выстрел. В эти же мгновения Маану тоже прорвала оцепление, схватила своего сына и упала вместе с ним на землю, прикрывая его своим телом. Испуганная, Нэнни не понимала, что происходит вокруг нее. Дуг толкнул губернатора на землю, и в ту же секунду прозвучал следующий выстрел, и на этот раз Фортнэм увидел, откуда он был сделан. Дуг, не успевая принять решение, окликнуть ли часовых или самому начать преследование, пока что просто прижал Трелони к земле.

Маану взволнованно указывала в направлении носилок и что-то кричала белым солдатам. Они зарядили свое оружие — в то время как черный эскорт маронов Виндворда уже был готов к действию. Прозвучали ответные выстрелы, люди закричали — и целая бригада взбешенных воинов пустилась преследовать Аквази.

Молодой мужчина бежал по боковой улице, на которой стояли носилки, но он не мог знать, что кареты плантаторов перегородили следующий поперечный переулок. Аквази вытащил свой нож, подбежал к ближайшей карете и набросился на кучера. Но не на того напал.

Квадво тоже носил с собой нож, с тех пор как мог любому показать грамоту Дуга о том, что является гордым свободным человеком. Он как бы мимоходом выбил нож из руки Аквази тем же ловким движением, которым обычно отрубал головы курам.

— Оставь это, парень, они тебя просто застрелят! — Квадво заломил руку за спину отчаянно сопротивлявшемуся Аквази. — Ты должен сдаться. Иначе живым отсюда не выберешься.

— Ну и пусть! — Аквази стонал и вертелся перед Квадво. Первые мароны, за которыми бежали белые солдаты, уже появились из-за угла. —

Все равно меня повесят! — Аквази боролся изо всех сил, но Квадро был сильнее.

— Тебя не повесят, — спокойно сказал человек-обеа. — Баккра этого не допустит.

Нора и Маану вдвоем хлопотали вокруг маленького Джефа, который начал дико кричать, когда связанного Аквази притащили и поставили перед маронами и губернатором.

— Черный? — удивленно протянул Трелони. — А я думал...

6— Аквази, — печально сказала Нэнни. — Неужели одна-единственная белая женщина стоит всего этого?

Губернатор наморщил лоб.

— Вы знаете этого человека?

Нэнни кивнула.

— Значит, это было направлено против вас?

У Дуга мысли смешались в голове. Если у Аквази и есть шанс остаться в живых, то, конечно, только в том случае, если обернуть все так, что он якобы имел намерение убить негритянку, а вовсе не губернатора короны. Тогда можно было бы оставить вопрос открытым...

— Ваше превосходительство, — вмешался он, прежде чем Нэнни успела ответить. — Вероятно, покушение было направлено против меня. Или против моей жены, или против его собственной жены... — Он указал на Маану. — Этот человек находится в душевном смятении, это надо будет потом выяснить. Сейчас прикажите его увести. Королева, конечно, захочет представить вам Маану, свою... так сказать, правую руку в Нэнни-Тауне. А теперь еще и свою спасительницу. Против кого бы ни было направлено покушение, ваше превосходительство, Маану предотвратила его.

Трелони, казалось, несколько успокоился, но он, естественно, прекрасно уловил адвокатские аргументы в ловкой речи Дуга.

— Вы хотите защищать этого типа, Фортнэм? — недоверчиво процедил он и обвиняюще указал пальцем на Аквази. — Я думаю, мы это сможем узнать прямо здесь. В кого ты стрелял, человек? Говори, мы все равно вытащим это из тебя!

Дуглас Фортнэм посмотрел на своего старого товарища. Они столько лет понимали друг друга без слов. Аквази должен был заглянуть Дугу в глаза и довериться ему еще раз.

— Мы вдвоем уже когда-то поплатились за твои слова, Аквази.

Губы Дуга шевелились беззвучно.

И Аквази, который уже выпрямился в своих путах, чтобы бросить в лицо губернатору слова правды, опустил голову.

— Я совсем не стрелять, баккра, — пробормотал он. — Само выстрелить оружие. Не хотел никого убивать мертвым... Аквази хороший ниггер...

Глава 12

— Они его не повесят? — спросила Нора.

Дуг только что вошел в дом, и она поняла по его усталому, но торжествующему выражению лица, что он предотвратил самое страшное. Перед собой он толкал Маану, которая имела не менее изнуренный вид. Молодая женщина выдержала многочасовые допросы, а Дуг — утомительные переговоры.

— Нет, — сказал он и открыл изящный буфет голубого дерева, который украшал новую комнату для приемов. — Еще кто-нибудь будет? — Дуг налил себе стакан рома.

Маану кивнула. Нора предпочитала белое вино, но сейчас пожалела о своем выборе. Адвеа обычно до подачи на стол охлаждала бутылки с вином в ручье. Но в таком теплом виде, как это, обнаруженное ею в шкафу, даже самое лучшее из вин имело бы пресный вкус.

Дуг одним глотком проглотил свой ром.

— Аквази продолжал притворяться дурачком, — выдохнув, сообщил он. — Каким бы трудным это ему ни казалось. Хотя, конечно, никто ему не поверил. Пистолет так вдруг сам по себе не стреляет, а тем более два раза подряд, да еще и в самом компрометирующем направлении. И история с Маану тоже выглядит мало заслуживающей доверие. Лишь потому, что хочет поздороваться со своим ребенком и старой подругой, никто не побежит с криком сквозь ряды охраны и не станет толкать людей на землю. Но тут никто никого бесконечно не допрашивал. Маану, без сомнения, предотвратила покушение, и губернатор очень оценил это. Нельзя отбрасывать мысль о том, что случилось бы с мирным договором, если бы кто-то погиб! В любом случае Маану просила за Аквази, и Нэнни тоже заступилась за него. И к тому же моя аргументация...

Он довольно улыбнулся, но сразу же стал серьезным, когда увидел озабоченное лицо Норы. Оно побелело, и женщина протянула руку к бутылке с ромом.

— Но они... Они ведь не отпустят его на свободу или как? — осведомилась она. Ее пальцы дрожали, когда она наливала ром в свой пустой бокал для вина.

— Тебе что, было бы лучше, если бы его повесили? — растерянно спросил Дуг. — Я... Я думал...

Нора покачала головой.

— Нет, — искренне сказала она. — Я, правда, иногда желала его смерти, но теперь... Теперь больше не хочу. И вешать...

Она вздрогнула. Если все же быть до конца честной, то ей было страшно оттого, что Аквази и дальше будет оставаться где-то поблизости. До тех пор, пока он был на свободе, она не могла спокойно спать, теперь она знала, что никогда по-настоящему не будет в безопасности.

— Его не выпускают на свободу. Его изгоняют. — Это была Маану. Ее голос прозвучал сухо.

— Изгоняют? — Нора наморщила лоб. — В Австралию или куда?

До того как покинуть Англию, Нора слышала о транспортных средствах с преступниками, которых отправляли в отдаленную колонию. Но они отчаливали из Лондона или Блэквуда, а не с Ямайки.

— На Каймановы острова, — ответила Маану. — Это не так уж далеко, говорят, почти двести миль к северо-западу отсюда. Они также принадлежат англичанам.

Дуг кивнул.

— Но они еще мало заселены, — объяснил он. — Там живет всего несколько семей — естественно, со своими рабами. И совершенно точно там нет колонии маронов. На Каймановых островах все знают друг друга. О побеге оттуда не может быть и речи.

— И там есть плантации сахарного тростника? — тихо спросила Нора.

Она ощутила что-то вроде сочувствия. Если Аквази после всего пережитого остаток жизни опять придется работать на поле — может быть, лучше бы он умер?

— Скорее хлопок и всевозможные овощи и фрукты, — ответил Дуг. — Оттуда идет немного экспорта, но в основном люди высаживают там все для собственных потребностей — и в качестве провианта для проходящих мимо кораблей. Причем капитаны там также не брезгают самообслуживанием. Еще больше пиратства, чем здесь...

— Значит, он мог бы наняться на пиратский корабль, — подумала вслух Нора.

Она не знала точно, сказала ли это в шутку, или же это было тем, что вызывало в ней страх. Или надежду.

— На котором дисциплина, кстати, еще более строгая, чем на плантации или тем более в Нэнни-Тауне, — улыбнулся Дуг. — Аквази будет трудно привыкнуть к тамошним порядкам, не говоря уже о том, чтобы продвинуться по службе. Очень маловероятно, что он вернется сюда в качестве капитана пиратов. Я не думаю, что тебе нужно беспокоиться, Нора. Аквази больше не будет нам мешать.

Маану выпила свой ром и вытерла себе глаза. Она не хотела показывать, что плачет, но от Норы это не укрылось.

— А что будешь теперь делать ты, Маану? — по-дружески спросила она. — Ты вернешься назад в Нэнни-Таун? Я думаю, что Дуг отпустил бы тебя.

Фортнэм улыбнулся.

— Уже отпустил, — заметил он. — У нее грамота об освобождении от самого губернатора. Меня даже особенно не спрашивали. Маану может совершенно легально проживать в Лондоне, или в Нэнни-Тауне, или там, где ей понравится.

— Если ты хочешь остаться здесь... Ты могла бы нанять Дэдэ и Джефа. Конечно, за соответствующую плату.

Нора сделала это предложение, опустив глаза. Собственно, она охотнее бы отказалась от присутствия Маану. Но ей не хотелось снова разлучать ее и Джефа.

Маану покачала головой и привычно насмешливо улыбнулась.

— Нянька при собственном сыне? Как тогда с Адвеа: одинаковое воспитание для господского ребенка и для ребенка раба до тех пор, пока это будет нравиться баккра?

Нора вскочила.

— Такого не будет! Джеф уже давно свободен, он...

Маану прикусила губы.

— Я хотела сказать не это, — призналась она потом. Она, наверное, никогда не придет к тому, чтобы попросить прощения. — Но я здесь не останусь. И если мой сын действительно свободный человек, то я хотела бы взять его с собой.

— В Нэнни-Таун? — спросила Нора и почувствовала бесконечное облегчение.

— Нет. — Маану нервно провела рукой по своим коротким волосам. — Я отправляюсь на Каймановы острова.

— Куда ты отправляешься? — ошеломленно воскликнула Нора. — Маану, такого быть не может! Ты бежишь вслед за Аквази? Опять? Все еще? Ты потеряла рассудок!

Маану пожала плечами.

— Наверное, так оно и есть, — улыбнулась она. — Еще совсем маленькой девчонкой я знала, что люблю Аквази...

— Но он тебя не любит! — твердо сказала Нора. — Пойми наконец: он тебя никогда не любил.

Маану запрокинула голову и глубоко вздохнула.

— Это может измениться, — сказала она затем. — В любом случае я попытаюсь еще раз.

Дуг потер лоб.

— Но, Маану, после всего, что вы пережили с ним, Нора и ты... Ты могла бы построить новую жизнь здесь. В Кингстоне. Может быть, открыла бы лавку или место на базаре? Мы могли бы тебе помочь.

Маану покачала головой.

— Если вы действительно хотите что-нибудь подарить мне, баккра... — Она улыбнулась, потому что у маронов она обращалась к Дугу на ты, как тогда, когда они были детьми. — Тогда вы могли бы... Вы могли бы подарить мне курицу.

Узников в цепях привели на борт небольшого фрахтового корабля, который должен был отвезти на Каймановы острова прежде всего рабов, но и немного товаров для торговли, таких, как ткани и домашняя утварь, с Ямайки. Пришлось дать взятку в размере небольшого состояния и недвусмысленно сослаться на пожелания губернатора, чтобы снять для Маану и ее сына небольшую каютку, которая могла бы, послужить им пристанищем. И Дугу пришлось добавить приличную сумму, чтобы капитан изъявил готовность перевести Аквази к ним, как только корабль покинет гавань Кингстона.

— В одиночку он не захватит корабль! — сказал он обеспокоенному моряку.

В конце концов, тот согласился на компромисс. Раб получит свою привилегию, но цепей с него не снимут. Дуг все понимал. Пленные на этом корабле были сплошь рабы, которые, со своей стороны, совершили тяжелые преступления. Чаще всего это были нападения на господ. Ни у кого из них не было страха, и каждому из них больше нечего было терять. Кроме разве что Аквази, но Дуг ни в коем случае не мог рассказывать чужому капитану всю его историю.

Нора беспокоилась о Джефе: что будет с ним, когда он увидит отца в цепях? Но тут ребенку помочь было невозможно, и Дуг тоже не считал правильным обманывать мальчика. Его отец никогда не станет королем. Он остался рабом.

Аквази почувствовал скорее страх, чем облегчение, когда два матроса вскоре после выхода корабля из порта пришли в трюм и отсоединили его цепи от днища. Он уже устроился на жестких, пропитанных соленой водой досках — ни один из узников не должен был во время многодневного путешествия видеть солнце, а свобода движения ограничивалась сидением на корточках при поглощении скудного рациона. Аквази знал, что его

ожидает. Он видел достаточно африканцев, которые в истощенном состоянии, наполовину мертвые от голода, сходили с корабля.

Однако теперь его снова вывели на свет. Причем Аквази не ожидал ничего хорошего. С его помилованием чуть-чуть не получилось — и, наверное, губернатор вообще передумал. Аквази приготовился к смерти. Если его в цепях бросят в воду, все будет кончено: с таким железным весом никто не смог бы выплыть. Кроме того, тут водились акулы.

Но его повели не на верхнюю палубу, а только на промежуточную — сухую и не такую темную, как трюм корабля. Мужчины постучали в какую-то дверь.

— Вот и он... мадам!

Они как будто ухмылялись, произнося последнее слово.

И Аквази понял почему, когда дверь открыла Маану.

— Ты? — спросил он, когда мужчины втолкнули его в маленькое, но чистое и сухое помещение, в котором ожидали его жена и сын.

— Папа!

Джеф хотел подбежать к нему и броситься в его объятия, но цепи отпугнули его. Он вопросительно уставился на Аквази. Но тот сначала посмотрел не на сына, а на супругу, которая хладнокровно встретила его взгляд.

— Ты отправляешься со мной? — хрипло спросил он.

Маану кивнула.

— Я — твоя жена, — твердо сказала она. — Мы должны быть вместе. Если ты хочешь... Если ты, наконец, согласишься с этим.

— Маану...

У Аквази пересохло в горле.

Маану подала ему стакан воды.

— Выпей, — сказала она спокойно. — И ты, конечно, не обязан жить вместе со мной. Если ты хочешь, я построю себе хижину в стороне от твоей. Но я... Я подумала, что попытаюсь еще раз.

Она указала на большую корзину из лозы, в щели которой на свет сердито смотрела толстая белая курица.

Аквази невольно рассмеялся.

— Ты раздобыла курицу? — спросил он. — Для ритуала обеа?

Маану кивнула.

— На островах точно найдется колдун-обеа и, может быть, какой-нибудь сговорчивый дуппи. В этот раз вблизи не будет никакой Норы. И я не спущу с тебя глаз. В этот раз колдовство должно подействовать.

Аквази помолчал несколько мгновений. Но Маану не поднимала на

него взгляд, она напряженно смотрела через маленький иллюминатор каюты на море. А затем вдруг почувствовала твердую, крепкую руку на своей ладони. Цепи Аквази зазвенели, но они были достаточно длинны, чтобы он мог дотянуться до Маану.

— Пусть курица живет, — сказал он тихо. — Ты сама — достаточное колдовство.

— Так что там сейчас было с курицей? — спросил Дуг.

Фортнэмы выехали верхом на побережье и смотрели, как вдали мимо них проплывал корабль, увозивший Аквази и его семью в тяжелое, но общее будущее. Дэдэ сидела в седле перед Дугом и верещала от удовольствия, когда Амиго переходил в галоп. Эта поездка служила, прежде всего, для того, чтобы отвлечь ее. Малышка с большим трудом разлучилась с Джефом и уже сейчас очень тосковала по своему брату.

Нора пожалала плечами.

— Ты же знаешь церемонии обеа, — сказала она затем. — Кровь курицы вызывает дуппи.

Дуг кивнул.

— Конечно, — сказал он. — Но зачем он ей нужен? Я имею в виду... Разве третий не лишний?

Нора рассмеялась.

— Можно вызывать духов по разным причинам, — пояснила она. — Однако Маану надеется на одинокого, жаждущего любви дуппи. И он, если повезет, овладевает человеком, на которого направлено действие церемонии, после чего тот проникается любовью к тому, кто оплатил ритуал.

Дуг в свойственной ему манере потер лоб.

— И это потом действует вечно? — недоверчиво спросил он.

Нора покачала головой.

— Нет. Ни один дух не остается навечно. Однако некоторые... Некоторые сопровождают людей очень-очень долго.

Она бросила почти извиняющийся взгляд на хижину на берегу.

Дуг вздохнул.

— Я могу это подтвердить.

Он знал, что Нора, как и раньше, всегда носит с собой память о Саймоне. И поскольку еще не была назначена дата их свадьбы, он видел в этом угрызения ее совести по отношению к первому любимому.

Нора глубоко вздохнула. А затем приняла решение.

— Едем! — сказала она хладнокровно и пустила своего коня в галоп.

Аврора послушно добежала до воды, затем остановилась, испугавшись

волн, бившихся о берег. Нора слезла с кобылы и отпустила поводья.

Каменя, которую она когда-то приказала сделать из фамильного перстня Саймона, лежала в кармане ее платья для верховой езды, была теплой на ощупь и надежной. Нора, как всегда, ждала прикосновения к ней, однако теперь это все прекратится.

Молодая женщина кивнула Дугу, который стоял рядом с ней в воде. Затем она сунула руку в карман своего платья и еще раз с любовью провела пальцами по той вещице, которая все это время была памятью о Саймоне. Она вытащила каменю из кармана, посмотрела, как в ней играет солнце, — а затем размахнулась и забросила ее далеко в море.

Нора прижалась к мужчине, которого любила, и ей показалось, что она всем сердцем чувствует, как ветер шумит в пальмовых листьях и гонит над морем облака. Волны ласково плескались вокруг нее, и она была уверена, что слышит нежный голос Саймона, который шепчет ей слова прощания, прежде чем его душа исчезнет в бескрайних просторах Карибского моря.

Послесловие

Если это было так просто, почему же к маронам не сбежали все рабы?

Этот вопрос напрашивается, когда в этой книге — или, в моем случае, в поисках материалов для этой книги — читаешь, как близко находились села маронов к городам белых людей и как слабо охраняли рабов. Это зачастую лишало сна тогдашних белых господ — баккра. На каждой большой плантации на Ямайке или других островах на двести пятьдесят рабов приходилась всего лишь одна семья и приблизительно десять надсмотрщиков, а рабы, в большинстве своем, были молодыми крепкими мужчинами, у которых имелся доступ к мачете или, по крайней мере, к острым кухонным ножам. Было бы нетрудно напасть на белых, тем более что их огнестрельное оружие вряд ли повлияло бы на соотношение сил. В восемнадцатом веке еще стреляли из пистолетов и ружей, а также мушкетов с кремневыми замками, которые надо было перезаряжать после каждого выстрела. При серьезном нападении рабочей бригады у надсмотрщика было не более одного выстрела.

Тем не менее, в истории рабовладения в Карибском море, а также в южных штатах США, наблюдалось очень мало восстаний рабов, и ничтожно мало чернокожих решались на побег. Даже тогда, когда цель была относительно близка, как горы Блу-Маунтинс на Ямайке. О причинах этого можно лишь строить предположения, а они, конечно, весьма разнообразны. Так, например, следует учитывать, что на плантациях явно наблюдалась значительная «текучка». Продолжительность жизни полевого раба была чрезвычайно низка. К тому же почти непрерывная тяжелейшая работа забирала у него слишком много энергии, и на разведывание возможностей побега ее просто не оставалось. К тому же существовали языковые барьеры, как об этом уже говорилось в книге: в Африке было и существует огромное количество племенных языков, а рабы попадали на Ямайку из самых различных областей Черного континента. Таким образом, пиджин-инглиш, который вновь прибывшие африканцы вынуждены были учить с большим трудом, зачастую служил не только средством общения с баккра, но так же был для чернокожих единственной возможностью понять друг друга. Для планирования и координации восстания его просто могло быть недостаточно.

И, конечно, неслучайно почти все восстания рабов в истории происходили под руководством мужчин, которые были рабами не менее

чем во втором поколении. Урожденные африканцы, такие как Грэнни Нэнни и ее братья, были в данном случае, скорее, исключением. И, в конце концов — об этом тоже говорилось в романе — следует принимать во внимание, что в области работорговли хорошее и плохое не было равнозначно черному и белому. Лишь немногие белые работорговцы сами отлавливали человеческий товар. Большинство новых черных рабов они покупали у племен, таких, как ашанти, которые целенаправленно занимались охотой на людей. При этом капитаны рабовладельческих кораблей часто бессовестно забирали с собой и торговцев, и их товар — в моей истории Нэнни и ее братья стали жертвами именно такой грязной торговой сделки. И если потом какой-нибудь человек из племени догонов или мандинго оказывался в цепях рядом с черным работорговцем из племени ашанти, то его скорее охватывало чувство злорадства, чем желание как можно быстрее вместе со своим бывшим преследователем объединиться против общего врага.

Как и во всех моих книгах, в «Острове надежды» я попыталась как можно теснее связать судьбы моих придуманных героев с фактической историей места событий. Таким образом, я постаралась описать жизнь на плантации как можно точнее, однако упомянутые плантации Каскарилла Гардене, Холлистер, Кинсли и другие все же являются придуманными.

Как можно тщательнее я занималась исследованием истории маронов. Грэнни Нэнни и ее братья являются историческими личностями. Однако данные об их возрасте, их предыдущей истории и позже об их смерти отличаются друг от друга очень сильно: разница в возрасте этих людей, который указывают различные источники, составляет десятки лет. Я оказала себе помощь тем, что в этой книге многие вопросы оставила открытыми и частично пользовалась слухами вокруг биографии Нэнни. Никто сегодня уже точно не знает, была ли она колдуньей и знахаркой-травницей, была ли она принципиальной противницей рабства или же сама, будучи молодой женщиной, торговала рабами. Достоверно известно лишь то, что Грэнни Нэнни дольше, чем ее братья, сопротивлялась заключению мирного договора с белыми людьми — возможно, по причине вписанного в договор обязательства возвращать беглых рабов их хозяевам. До сих пор на Ямайке ее чествуют, как национальную героиню.

Неоспоримым является то, что хижины в Нэнни-Тауне были сделаны по африканскому образцу, и что Нэнни руководила общиной по обычаям, принятым в селах племени ашанти. Приводили ли ее явные поиски корней своего народа к конфликтам с другими группами маронов — в этом нет уверенности, но размышление на эту тему у меня возникло. Свободные от

рождения черные люди, в конце концов, уже несколько поколений жили без всякой связи с Африкой и, возможно, в таких вопросах, как стандарты жизни и представления о ней, вынуждены были ориентироваться на западные обычаи.

Если не обращать внимание на географические данные, вся письменная история Нэнни-Тауна является противоречивой. В зависимости от источника можно найти различные сведения о том, когда было построено поселение, как часто оно подвергалось нападениям, и было ли разрушено англичанами. В какой-то момент я рассталась с мыслью когда-нибудь докопаться до правды. В моей версии Нэнни до заключения договора в 1739 году остается непобедимой — и в конце концов, сама подписывает договор. Среди летописцев это тоже спорный вопрос, и, конечно, торжественное подписание договора состоялось не в Спэниш-Тауне. Здесь я дала возможность своей фантазии разгуляться, а моей истории подарила некоторую свободу. Да простят меня историки.

На предположениях вместо точного знания основывается также версия существования мусульман среди рабов на Ямайке в восемнадцатом веке — в конце концов, коренная религия полевых рабов была последним, что учитывалось карибскими плантаторами при их покупке. В областях, где ловили африканцев, все же существовало много деревенских общин, которые были последователями умеренного ислама с очень сильным африканским влиянием. Кажется невероятным, что никто из их представителей не попал на Ямайку. Однако историческим фактом является только то, что рабы мусульманской веры в то время и позже попадали в Америку. Тому, кто интересуется этим вопросом, рекомендую почитать автобиографическую книгу Алекса Хейли под названием «Корни», в которой он прослеживает более чем двухвековую семейную историю. Его предок Кунта Кинте был мусульманином.

Культ обеа, который до сих пор практикуется на Ямайке, был чрезвычайно распространен среди рабов в то время, когда разыгрывается моя история. Он является близкородственным культу вуду в других карибских регионах. Эти религии связывают африканские культы и вера в духов, с большей или меньшей примесью христианства. Практики всегда похожи, однако часто варьируются в зависимости от предпочтений и убеждений колдунов. Поэтому описанная мною церемония обеа не обязательно должна быть идентична другим подобным церемониям, но здесь я тоже старалась достичь максимальной аутентичности.

Наконец, еще одно слово о политически корректной речи в этой книге. Возможно, моим читателям не понравилось применение в тексте слов

«негр» и «ниггер». На самом деле я использовала их сознательно — это нацелено на то, чтобы передать читателю настроение в Европе восемнадцатого века касательно рабов и рабовладения. Торговля черными людьми, эксплуатация их рабочей силы и предположения, что они, по воле Божьей неполноценны, в то время были неоспоримыми. Я и без того напрягалась, чтобы добиться гуманизации действия через последовательное отвержение рабовладения со стороны Норы и Саймона и через умеренную позицию Дуга. Религиозные движения, которые проклинали работорговлю и рабство, как например движение квакеров, лишь позже начали пользоваться влиянием.

И ни в коем случае не придумано то, что уже до Грэнни Нэнни и ее братьев существовали договоренности между белыми и маронами, согласно которым беглых рабов должны были возвращать их хозяевам. Это не считалось предательством по отношению к собственной расе — принцип порабощения пленных, в большинстве случаев военнопленных, был известен и распространен практически во всем мире. Однако вряд ли где-нибудь в другом месте система была такой непоколебимой и жестокой в своем проявлении, как в европейских колониях, — вероятно, на основании довольно новых расистских компонентов. В Африке (Полинезии, Аравии, даже когда-то в Риме и в Греции) как минимум теоретически, каждый человек мог ожидать, что в ходе военных действий, разбоя и нападения может стать рабом. Рабы, которых тогда содержали, в принципе, не считались неполноценными людьми, им просто не повезло.

Почти в каждом обществе для рабов существовала возможность быть отпущенными на свободу или даже, например, путем вступления в брак, быть принятыми в общество своих хозяев. Для черных же рабов в руках белых хозяев-баккра это было нереально: раб отдавался в пользование своему господину на всю жизнь, и тот распоряжался этой жизнью, как хотел. Причем господину легко удавалось отказаться от любого выражения эмпатии: белый цвет кожи надежно защищал его самого от риска когда-нибудь разделить судьбу своего раба. Отсюда описанные в книге издевательства и драконовские наказания — вряд ли была возможность призвать к порядку белого рабовладельца. Немногие исторически засвидетельствованные истории, когда ярко выраженный садист действительно был призван к ответственности, в большинстве своем были случаями самосуда над ним других плантаторов. Как уже было сказано, они по причине подавляющего большинства чернокожих постоянно боялись восстаний, и поэтому, естественно, возрастала жестокость, с какой рабовладельцы издевались над ними.

Как бы там ни было, но в середине восемнадцатого века никто не ломал себе голову над тем, как бы менее презрительно отзываться о чернокожих, и даже пиджин-инглиш рабов был нашпигован выражениями типа «полевой ниггер», «негр с плантации» или «твой ниггер» вместо «твой муж». Кстати, свадьбы среди рабов действительно были невозможными, а церемонии, заменявшие их, как например прыжки через метлу, не имели никакого правового значения. Это объяснялось тем, что раб не был дееспособным лицом, таким образом, он не мог заключить брачный договор. Крещение рабов было спорным вопросом, о чем уже были сделаны намеки в книге. На полном серьезе велись дискуссии о том, имеет ли африканец душу, которая нуждается во спасении, или нет.

При работе над этой книгой от ошибок с запятыми и временами меня снова спасала великолепный текстовый редактор Маргит фон Коссард. Огромное спасибо за все исследования и проверку на логические погрешности! Спасибо также моему лектору — госпоже Мелани Бланк-Шредер, которая вообще сделала возможной для меня тему Ямайки и вместе с Маргит фон Коссард уберегла от недостатка политической корректности. И, конечно же, большое спасибо также моему чудодейственному агенту Бастиану Шлюкку.

Что касается пробных читательниц, в этот раз прежде всего следует назвать Линду Белого, которая нашла прекрасную спасительную идею для одной критической сцены. Скоро выйдет ее первый собственный ландшафтный роман, и я уже сейчас радуюсь предстоящему пробному чтению.

Кроме того, благодарю всех сотрудников издательства «Бастай Люббе», которые участвовали в создании и продаже этой книги. От дизайна обложки до пресс-службы — сколько всего надо, чтобы из идеи и текста возникла настоящая книга! Особая благодарность тем людям из отдела продаж и книготорговцам, которые распространяют мой роман среди читателей. И самим читателям тоже — я надеюсь, что вы получили столько же удовольствия от чтения моей книги, как я от ее написания!

Сара Ларк

notes

Примечания

1

Занятие любовью (фр.). (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

2

Суп из пива, воды и крахмала с пряностями.

Спинет (англ. spinet, фр. spinette, итал. spinetta, от итал. spina — «колючка») — небольшой домашний клавишный струнный музыкальный инструмент, разновидность клавесина.

Дарлей-Арабиан — восточный жеребец, купленный в Алеппо (Сирия) и завезенный в Англию в 1710 году.

5

Популярная, излюбленная (фр.).

Протаскивание под килем — в эпоху парусных судов наказание, заключавшееся в протаскивании человека при помощи подкильных концов с борта на борт под днищем корабля. Часто приводило к смерти наказуемого.

Большая бабушка (англ.).

Dupru — привидение, злой дух. Слово пришло на Ямайку вместе с рабами из Западной Африки и верованиями оеа, согласно которым в человеке живут две души — высокая и земная. После смерти высокая душа поднимается на небо, а земная живет в мертвом теле еще три дня, и ее можно вызывать для использования в магии — проклятия или приворота. Злой дух может появляться в облике животного или человека.

Калebas — сосуд, изготовляемый из высушенной тыквы.

Баарм мадда — «мать трав», знахарка (патуа, диалект жителей Ямайки).

11

Коробка для растений, собираемых во время ботанических экскурсий.

Pretty (англ.) — хорошенькая, красивая.

13

Прохладительный напиток (фр.).

Whistler (англ.) — свистун.

Varefoot (англ.) — босой.